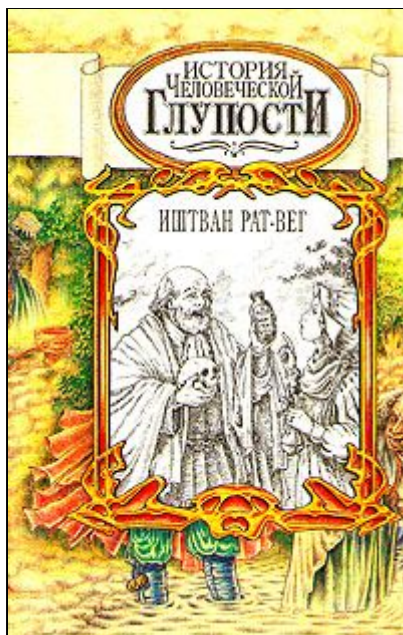

Иштван Рат-Вег

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ

Istvan Rath-Veg
AZ EMBERI BUTASAG KULTURTORTENETE
Budapest, 1938
Издательство: Феникс
1996 г.

В предлагаемой книге - "История человеческой глупости" - предмет исследования автора - человеческие заблуждения, суеверия, мошенничества, чудачества и поистине безграничная глупость.

Книга насыщена любопытной информацией, размышление над которой заставит читателя не только улыбнуться, но иной раз и задуматься о том, кто мы есть и в каком мире мы живем.

МУДРОЕ СЛОВО ВСТУПЛЕНИЯ

Наукой о глупости человеческой — если вообще можно сопоставить эти два по смыслу противоположных слова — до сих пор занимались немногие. Возможно, отпугивала безграничность области изучения. Американец В. Б. Питкин¹ только приблизился к началу ее начал и даже не захотел пойти дальше. Книгу свою он назвал так: "Краткое введение в науку о человеческой глупости" ("A short introduction to the history of human stupidity", New-York, 1932). "Краткое введение" растянулось на 574 страницы, что уже само по себе выдает предположение автора о бесконечности предмета исследования.

Возможно ли точно и четко определить понятие глупости?

Один из наших лингвистов выбрал из сокровищницы венгерского языка 325 слов и выражений, каждое из которых передает разные оттенки многочисленных разновидностей семейства глупости.

Научные определения неполны. Французский иммунолог и физиолог Шарль Рише² обходится с этим вопросом так: "Не тот глупец, кто чего-то не понимает, а тот, кто так понимает, но действует, как если бы не понимал". Остроумно, но с этим далеко не уйдешь.

Доктор Лоуенфельд исследует предмет глазами врача. Своей книге объемом в двадцать два печатных листа он дал гибкое название: "Uber Die Dummheit" ("О человеческой глупости", Мюнхен, 1909 и 1921). Книга выдержала два издания, что указывает на повышенное внимание публики и всеобщий интерес к предмету. Формы проявления глупости автор сгруппировал примерно так:

Общая и частичная глупость. Недостаточная интеллигентность талантливых людей. Неразвитая способность делать выводы. Тупость, незадачливость, кичливость, тщеславие. Внушаемость. Эгоизм. Глупость и возраст; глупость и пол; глупость и раса; глупость и жизненное призвание; глупость и среда. Глупость в экономической и общественной жизни, в искусстве и литературе, в науке и

политике.

Такая систематизация соблазнительна. К сожалению, тематический круг так огромен, что автор просто не смог осветить все вопросы. Врач-ученый, он был недостаточно сведущ в области истории культуры; к тому же сведения он брал из вторых и третьих рук, а приводимые примеры не всегда соответствуют названиям глав³.

Процитированное выше определение Шарля Рише дано в его книге "L'homme Stupide" ("Человек глупый"). В противоположность работе Питкина эта книжица вышла на удивление короткой. Впрочем, французского ученого не слишком-то занимали понятия, вместо этого он продемонстрировал читателю, хотя и несколько бессистемно, серию картин. Вот названия некоторых глав из его книги: Алкоголь. Опиум. Табак. Неравенство: богатый и бедный, рабовладение, феодализм и т. д. мода и драгоценности. Языковый хаос. Суеверие. Мучительство животных: бой быков, стрельба по голубям. Варварское разрушение памятников. Мученическая гибель пионеров-первопроходцев. Защитный таможенный режим. Уничтожение лесов и т. д.

Книга эта представляет скорее венок остроумных анекдотов и не несет никакой научной систематизации. Названия ее глав даже не подходят под понятие глупости. Книга Макса Кеммериха "Aus Der Geschichte Der Menschlichen Dummheit" ("Из истории человеческой глупости", Мюнхен, 1912) — это страстная атака против религии и религиозных догм. Как и в других своих книгах ("Курьезы культуры", "Современные курьезы культуры"), он предстает в ней свободным мыслителем.

В 1785 году в Лейпциге появилось анонимное произведение в 7 томах "Geschichte Der Menschlichen Narrheit" ("История человеческой глупости"). Автор его — Иоганн Христоф Аделунг⁴, плодовитый писатель, лингвист и главный хранитель дрезденской княжеской библиотеки. Его работа не имеет ничего общего с историей. Она содержит шестьдесят-семьдесят биографий; автор излагает и анализирует в ней деяния алхимиков, мошенников, одержимых от религии.

Клинком сатиры разит книга Себастьяна Бранта "Das Narrenschiff" ("Корабль дураков", 1494), а также произведение Томаса Мурнера¹ "Narrenheschweerung" ("Заключение дураков", 1512). В этих книгах авторы выводят различные типы блаженного ума, делая это с теперь уже ушедшим в архаику юмором и некоторым поучительством.

Этот скудный список библиографии закрываю бессмертной книгой Эразма Роттердамского "Похвала глупости" ("Encomium Moriae", 1509). Из письма писателя к Томасу Мору мы знаем, что он задумал эту блестящую сатиру, совершая путешествие верхом и наблюдая бестолковую сутолоку человеческой жизни, так сказать, с лошади. У меня в ушах постоянно звучит лейтмотив книги, о котором сам Эразм писал Мору: "Знаю, что и тебя очарует подобная шутка, ты и сам, подобно Демокриту, веселым взором смотришь на жизнь человеческую. Было бы несправедливо запрещать научную шутку, особенно если читатель — коль скоро он не совсем ограничен — может почерпнуть из нее больше, нежели из серьезных и значительных книг всех ученых на свете... Ежели кто-то и окажется в обиде, он тем самым выкажет свое несовершенство и страх... Всякий добрый мой читатель поймет, что к его развлечению, а не к обиде стремился я".

Материал для этой книги я черпал из истории культуры, и по возможности не с обочины пути, где всякий может набрать его с легкостью. Я желал написать книгу в первую очередь для чтения, а потому и прибег к тому методу, что вместо систематического научного труда, стремящегося ко всеобщему охвату темы, я выстроил ряд разнообразных картин из истории культуры. Если читатель сложит главы книги, как это делается с колонками цифр, перед ним откроется малая толика истории культуры. Толика очень малая, потому что одним этим томом я не могу охватить многого. Возможно, у меня еще будет случай дополнить материал, скупо отмеренный здесь.

Остаюсь должником и по части определения понятия глупости. Прошу читателей самих решить, что есть глупость в том, что здесь вам откроется. Я думал, в подобной работе писатель поступит правильнее, если изложит читателю факты, а не будет блистать игрой собственного ума.

Именно по этой причине я сейчас в последний раз пишу слово глупость.

Иштван Рат-Вег

TEATRUM CEREMONIALE

Иоганн Христиан Люниг, немецкий историк, в результате многолетних исследований издал двухтомный труд с красивым названием "Teatrum Ceremoniale" ("Театр церемоний", Лейпциг, 1719). Два огромных, форматом ин-фолио, тома потянули бы килограммов десять, положи мы их на весы. В них автор описывает, раскрывает, объясняет, разбирает в деталях все те церемонии, которые со строгостью закона регламентировали жизнь европейских феодальных дворов. Кроме того, автор-энтузиаст показывает массу придворных событий единственно ради точного изложения внешних

подробностей. Так, на многих страницах он повествует о том, как некий немецкий князек куда-то отправился, потом уехал оттуда, посетил другого князька, и тот нанес ему визит.

Этот огромный задел материала соблазнил еще одного писателя привести его в научную систему. Юлиус Бернхард фон Пор дал своей книге такое название: "Einleitung zur Ceremonial-Wissenschaft der grossen Herren" ("Введение в науку о церемониале великих мира сего", Берлин, 1729). Этим скромным заголовком он как бы выражает надежду, что научный младенец еще окрепнет и займет свое место среди старых наук человечества.

Люниг обобщает мнение о необходимости церемоний так:

"Поскольку властители являют образ всемогущего на земле, надо, чтобы они по возможности и походили на него. Бог — это бог порядка, который сказывается во всех вещах сотворенных. И чем больше носители его земного образа стремятся походить на него, тем больше нужно поддерживать порядок в делах собственных. Толпа (robel) равняется скорее на пример своего властителя, чем на законы. Если она находит полезный порядок в его образе жизни, она будет следовать ему, чем и подвигается благополучие всей страны. Ежели она в чем-то обнаруживает только сумятицу, то судит так, что-де такой повелитель — ненастоящая копия оригинала (т. е. Бога). Пропадает почитание, и страны могут стать жертвами хаоса. Оттого властители и создали правила, коим следовать полагается придворному штату и к коим они сами приспособляются".

Хотя я и вижу преувеличение в том, что повелители, прославившиеся в истории сомнительным умом и нравственностью, вообще в состоянии нести образ "всемогущего", я все же рискну отправиться по тропе, обозначенной Люнигом.

Теория божественного подобия наибольшее понимание нашла в кругу византийских императоров.

Императоры Аркадий и Гонорий в 404 году после какого-то события призвали придворных чиновников к порядку. Заключительная часть грозного указа дошла до нас в следующем виде: "А все те, кто в святотатственном дерзновении посмеют воспротивиться нашей божественности, лишатся своего места и имущества". Написанный пурпурными чернилами указ извергли, подобно грому небесному, не языческие древнеримские, а христианские императоры. Писанное византийским императором было свято, его закон — воля небесная. Обращаться к нему следовало "Твоя Всевечность".

Как подобию небесному, ему тоже полагалось обожествление и молитвенное обожание. Не только его собственных подданных, но и иностранных послов неумолимый закон церемониала обязывал падать ниц перед властителем.

Люпран, епископ кремонский и посол короля Италии, никоим образом не желал простираться перед земным человеком и все же был принужден к тому. В описании своего посольства он рассказывает, как проходило его представление. Император восседал на золотом троне под золотым деревом. Это было настоящее золотое дерево с золотыми ветвями и листьями. На ветвях сидели искусственные птицы, по обеим сторонам трона таращили глаза львы, сделанные в натуральную величину из чистого золота. Когда посла ввели, искусственные птицы засвистели и запели, оба льва зарычали. Строптивость епископа была сломлена, он распростерся перед троном вместе с сопровождавшими его лицами. Когда же он поднял глаза, ни императора, ни трона перед ними уже не было — какой-то таинственный механизм поднял весь этот гарнитур ввысь, и божественные императорские взоры оттуда, сверху, пронзали остолбеневшего посла.

Остальные европейские феодалы не требовали такого, по природе своей азиатского, унижения. Они довольствовались коленопреклонением. Этот красивый, хотя и некомфортный способ воздаяния почестей выработал, видимо, пресловутый испанский этикет, потому что мы встречаемся с ним и в Вене, куда он определенно попал вместе с прочими обычаями испанского этикета. Австрийским императорам это дело настолько понравилось, что они всячески старались умножать число поводов для коленопреклонения. Просители падали на колени и в такой позе протягивали свои бумаги; в прочих случаях достаточно было опуститься на одно колено. Если император проезжал в карете по городу, все были обязаны вставать перед ним на колени. Даже высокие господа не освобождались от книксена¹, если их экипаж случайно ехал навстречу повелителю. Да, им надлежало выйти из экипажа и быстро опуститься на одно колено. При Марии Терезии этот обычай был несколько смягчен. Например, когда явившийся к ней на аудиенцию нетренированный драматург споткнулся в книксене, зацепившись за собственную ногу, императрица великодушно отпустила ему это гимнастическое упражнение. Иосиф II² полностью положил конец комедии. В первые же дни вступления на престол он указом запретил всякого рода вставания на колени. Прусский король Фридрих Великий³, следуя его примеру, 30 августа 1783 года приказал объявить со всех церковных кафедр запрещение падать на колена, потому что такая честь, как говорилось в указе, положена только Богу.

Версальский двор, несмотря на присущее ему идолопоклонничество, в этом не последовал испанскому этикету. Тут восставал французский вкус. Наоборот было в Англии. Там коленные чашечки придворных тоже подвергались испытаниям. Маршал Вьейвиль в 1547 году был приглашен на обед к английскому королю Эдуарду VI. В своих воспоминаниях он с содроганием пишет;

"На обеде прислуживали рыцари ордена Подвязки. Они вносили блюда и, приблизившись к столу, опускались на колена. Блюда у них принимал главный гофмейстер и обслуживал короля, тоже стоя на коленях. Мы, французы, находили весьма странным, что рыцари, происходящие из самых именитых родов Англии, отличные мужи и военачальники, стоят на коленях, ведь у нас даже прислуживающие пажи склоняют колена только в дверях, входя в зал".

При королеве Елизавете I круг испытаний для придворных коленок расширился. Пауль Хенцнер, немецкий путешественник, в своих путевых записках рассказывает, что ему представился случай поглядеть, как накрывают стол для английской королевы: "Вошел придворный сановник с церемониальным жезлом в руке, за ним — другой джентльмен со скатертью на руке. Оба они трижды преклонили колена перед пустым столом; джентльмен номер два расстелил на столе скатерть, затем они опять трижды преклонили колена и торжественно удалились. За ними опять вошли два джентльмена, один из них нес солонку, тарелку и хлеб; второй, серьезный господин с тростью, шагал впереди в качестве парадного эскорта. Три коленопреклонения перед столом до и после. Затем просеменили две леди, они принесли нож. (Вилоч тогда еще не было в помине.) Преклонение колен и т. д. Трубные звуки рога, барабанный бой: появляется гвардия, которая расставляет на столе двадцать четыре кушанья на золотых блюдах. Королевы все еще не видно, а пока стекаются чередой молодые придворные дамы. С превеликим почтением они забирают блюда и уносят во внутренний покой королевы. Затем, что Елизавета изволила обедать в одиночестве. Там она выбрала себе одно-два кушанья, остальное вынесли, и придворные дамы все и скушали".

Еще во времена Карла III короля обслуживали, стоя на коленях. Французский рыцарь Граммон присутствовал на одном из придворных обедов. Короля охватила жажда похвастаться, и он сказал рыцарю:

— Не правда ли, там, дома, Вы такого не видели? Французского короля ведь не обслуживают, стоя на коленях? У француза вырвался ответ:

— В самом деле, сир. Однако же я ошибся. Я полагал, что эти господа стоят на коленях, чтобы испросить прощения за многие плохие блюда, поданные Твоему величеству.

ИСПАНСКИЙ ЭТИКЕТ

Пасынковые ростки испанского этикета в сборниках анекдотов обычно подают как вкуснейший десерт.

Ее помазанной персоны государыни, супруги короля, не смеет касаться всякий и каждый. Когда лошадь понесла, и королева вылетела из седла, два офицера подхватили ее, высвободили ногу из стремени и спасли ей жизнь. Но спасители тут же, отпустив поводья, ускакали за границу, чтобы избежать смертной кары за то, что они коснулись плоти королевы.

Король Филипп III² обгорел у камина, потому что не могли скоро сыскать того единственного гранда, который имел право подвигать кресло короля.

Зимой в 9 часов вечера королева должна была быть в постели. Если она случайно задерживалась за столом и после девяти, налетали придворные дамы, раздевали ее и тащили в постель.

Невесту Филиппа IV³, Марию Анну Австрийскую, по пути торжественно встречали все города. В одном из них мэр города преподнес ей дюжину шелковых чулок как образец продукции местной фабрики. Но мажордом сурово оттолкнул шкатулку: "Запомните, господин мэр, что у испанской королевы нет ног". Утверждают, что невеста упала со страху, думая, что по приезде в Мадрид ей, согласно строгостям испанского этикета, ампутировали ноги.

Этот анекдот наиболее известен. Встречается он и в эпоху Великой французской революции. Во время дебатов вокруг конституции один из депутатов предложил текст послания королю, начинавшийся чем-то вроде "нация слагает свое почтение к ногам короля". Но Мирабо⁴ испортил эту цветистую фразу: перебив депутата, он вскричал своим львиным рыком: "У короля нет ног!"

У анекдота, однако, есть и ноги, и крылья. Он обошел весь свет и даже перелетел из одного века в другой. Впрочем, если бы захотели отыскать его корни, то старались бы напрасно. Нет никаких достоверных данных о том, что все эти причуды этикета вообще видели белый свет. Люниг очень осторожно упоминает о них, пишет, что пространнее об этом можно прочесть в воспоминаниях графини д'Онуа⁵. Графиня д'Онуа, настоящий синий чулок¹, написала много романов и сказок, но все они преданы забвению. Одна-единственная ее книга дошла до наших дней — изданные в 1690 году

воспоминания об испанском дворе. Это сочинение и есть тот источник, который позднее питал разные сборники анекдотов и даже такие серьезные произведения, как собрание литературных курьезов старика Дизраэли-старшего. Хотя совершенно очевидно, что графиня в своих воспоминаниях щедро пользовалась косметическими средствами, придавая видимость жизни сплетням и шутивным рассказам.

Одурманенные неограниченной властью испанские повелители стали узниками выстроенной ими же самими тюрьмы жесточайшего в Европе этикета. Сами наложили золотые оковы на собственные руки и ноги. Каждый час их жизни проходил с неизменной точностью часового механизма. Даже любовью испанский король не мог заниматься иначе, чем то было предписано правилами этикета. Серьезный и уважающий авторитеты Люниг так описывает тот высокий момент, когда в ночной час король отправлялся с супружеским визитом:

"На ногах тапки, на плечи накинут черный шелковый халат. В правой руке — обнаженная шпага, в левой — ночник. С левого запястья свисает на ленте бутылка, которая "nicht zum trincken, sondern sonst bey Nacht-Zeiten gebracht wirol" (служит не для питья, а совсем для иной надобности).

ПРИДВОРНЫЙ ЭТИКЕТ "КОРОЛЯ-СОЛНЦА"

Старые французские короли до ужаса боялись заглушить уловками этикета свежий и свободный глас галльского остроловия. Они действительно переняли церемониал бургундского двора, но позаботились оставить достаточно щелочек для непосредственного общения с окружающими. Генрих IV любил простой, открытый разговор. Он запретил детям величать его холодным "Monsier" (господин), ему хотелось быть просто "рара". Не принял он и такого нелепого заведения немецких дворов, как "Prugelknabe" (козел отпущения), для детей благородного происхождения, которые были товарищами в играх юным князьям, но если княжичи вели себя плохо, то порку прописывали их маленьким друзьям. Генрих IV давал особый наказ воспитателю своего сына, чтобы он примерно колотил парнишку, ежели тот будет безобразничать. 14 ноября 1607 года король пишет воспитателю:

"Желаю и приказываю сечь Дофина розгами всякий раз, ежели заупрямится или начнет делать что-либо дурное; на собственном опыте знаю, ничто так не пойдет на пользу, как добрая порка".

При Людовике XIV положение переменилось. Король любил придворную жизнь, ему был любезен вечно движущийся мир Версаля. Но движение он понимал по-своему: он -солнце, вокруг которого обращается вселенная, и только от него исходят лучи, дарящие жизнь двору.

Испанский этикет он перекроил и украсил по своему вкусу. Я бы выразился так: ворот, сдавливающий шею, остался, только вместо жесткого испанского воротника — фрезы — появилась пена французских кружев.

Раздвину завесу веков и загляну в спальню "короля-Солнца". Там нечто подобное совершает главный камердинер: он раздвигает полог кровати, потому что настало утро. Король пробуждается. Камер-лакеи впускают тех вельмож, которые облечены правом присутствовать при торжественном моменте пробуждения. Входят принцы крови, с поклоном входит главный камергер, главный при гардеробе короля и четыре камергера.

Церемония пробуждения короля — lever — начинается.

Король сходит со своего знаменитого ложа, установленного в самой середине дворца и точно по главной оси Версальского парка. Король для своего двора, что Солнце на небосводе. После краткой молитвы главный камердинер льет несколько капель ароматизированного винного спирта ему на руку, что, собственно, и составляет процедуру утреннего умывания. Первый камергер подает тапки, затем передает халат главному камергеру, тот помогает надеть его королю, который уже сидит в кресле. Придворный куафер снимает с короля ночной колпак и причесывает волосы в то время, как первый камергер держит перед ним зеркало.

До унылого скучны эти подробности, однако в жизни версальского двора они имеют большую важность и полны значения. Подавать королю тапки или домашний халат — это огромная честь и награда, которую с завистью наблюдают остальные придворные.

Порядок самого одевания спланирован самим королем, и он же установил в нем неумолимую последовательность, совсем как при решении арифметической задачи. До 77 лет его жизни тапки всегда подавал первый камергер, а главный камергер — домашний халат. Затеять перемену ролей означало бы сознаться в революционном образе мыслей.

До сих пор это была первая часть lever, его интимный этап. Далее следовала вторая, торжественная часть церемонии.

Лакеи распахивали створки дверей. Чередой входили придворные. Герцоги и прочие важные

особы, послы, маршалы Франции, министры, верховные судьи и разного рода придворные сановники. Выстраивались возле позолоченного ограждения, разделявшего зал на две части, и в благоговейной тишине наблюдали парадное зрелище, словно разыгравшийся у них на глазах спектакль, главную роль в котором играл наипервейший человек Франции и ее главный актер.

Картина первая: снятие ночной рубахи. Гардеробмейстер помогал справа, главный камердинер — слева. Видимо, этот предмет туалета считался наименее благородным, чем рубашка дневная. Потому что перемена рубашки была куда обстоятельней: один из офицеров при гардеробе передавал дневную рубашку первому камергеру, а тот передавал ее дальше герцогу Орлеанскому, по рангу следовавшему сразу за королем. Король принимал рубашку от герцога, набрасывал ее на плечи и, с помощью двух камергеров освободившись от ночной рубашки, надевал дневную. Спектакль продолжался. Придворные сановники по очереди выдавали остальные предметы одежды, натягивали ему туфли, застегивали алмазные пряжки, подвязывали шпагу и орденскую ленту. Гардеробмейстер (как правило, это был один из самых знатных герцогов Франции) играл важную роль: он держал вчерашнюю одежду, пока король вынимал из нее мелкие вещи и перекладывал в карманы сегодняшней; далее он подавал на золотом подносе три вышитых платка на выбор, затем он же подавал шляпу, перчатки и трость.

В ненастные утра, когда требовалось освещение, один из зрителей также получал свою роль. Главный камергер шепотом испрашивал короля, кому принадлежит право держать свечи. Король называл кого-нибудь из вельмож, и тот, распираемый гордостью, держал двухрожковый подсвечник во время всего процесса одевания. Это надо понимать: двухрожковый. Потому что Людовик даже право пользования подсвечником ввел в продуманную и отшлифованную систему придворного этикета. Только король имел право пользоваться двухрожковыми подсвечниками, все остальные должны были довольствоваться однорожковыми. Так оно и шло по всем линиям. Людовик любил камзолы, обшитые золотым позументом, однако кому-либо другому в таком ходить было нельзя. Редко, в знак исключительной милости, король позволял заслуженным мужам заказать галуны на камзол. Об этом дозволении составлялся документ с печатью, король его подписывал, а первый министр контрассигнировал. Назывался сей почетный предмет одежды *justaucorps a brevet*, т.е. камзол дозволенный.

Когда наблюдаемое каждый день красочное зрелище подходило к концу, король покидал спальню, и двор толпою высыпал следом. А в опочивальне продолжалась малая дополнительная церемония. Пресловутое ложе следовало привести в порядок. Не просто так, наскоро, как то бывает с постелями простых мещан. У этой операции также были свои писанные правила. Один из камердинеров занимал место у изголовья, другой в ногах, а придворный обойщик застилал с соответствующей тщательностью высочайшую постель. Один из камергеров присутствовал до конца церемонии и следил, чтобы все правила выполнялись точно.

Впрочем, и кровати тоже, как предмету обихода, непосредственно связанному с персоной короля, полагалось соответствующее почитание. Если кто-то пересекал отделенную ограждением часть спальни, ему всякий раз приходилось отдавать ей честь, глубоко преклоняя колена. Еще более парадно проходил обеденный акт. По мере приближения обеденного часа мажордом, сотрясая дверь комнаты лейб-гвардейцев своим жезлом, трубным голосом объявлял:

— Господа, сервировку для короля!

Каждый из гвардейских офицеров забирал ту часть сервировки, которая была поручена его заботам, и шествие направлялось в столовую. Впереди мажордом со скатертью, за ним офицеры, по обеим сторонам лейб-гвардейцы. Они складывали предметы сервировки на сервировочный стол, и на том их миссия пока заканчивалась. Сервирование стола было делом других царедворцев. Они накрывали стол, затем дежурный камергер нарезал хлеб и производил смотр, все ли в порядке, мажордом снова стучал лейб-гвардейцам:

— Господа, жаркое для короля!

Лейб-гвардейцы занимали позиции, толпа вельмож входила в буфетную и подвергала пристальному осмотру жареные блюда, предназначенные к столу. Гофмейстер поправлял тарелки, затем окунал два ломтика хлеба в соус. Один пробовал сам, второй протягивал на пробу стольнику. Коль скоро вкус и аромат блюд оказывался удовлетворительным, снова складывалось шествие. Впереди опять-таки мажордом с жезлом, за ним гофмейстер с булавой, за ними дежурный камергер с одним из блюд, стольник — с другим, дегустатор — с третьим, потом еще несколько сановников с парой блюд. А самим блюдам выпадала особая честь; при них по обеим сторонам вышагивали лейб-гвардейцы с ружьями на плече.

При прибытии в целости досточтимой ноши в столовую докладывали, соблюдая положенные формальности, королю, что кушать подано. Обслуживание было делом чести шести благородных камергеров. Один из них нарезал мясо, другой накладывал его на тарелку; третий подавал и т. д. Если

король хотел выпить вина, то кравчий выкрикивал:

— Вино королю!

Преклонял колена перед королем, потом шел к буфету и принимал из рук виночерпия поднос с двумя хрустальными графинами. В одном из них было вино, в другом вода. Опять преклонив колена, передавал поднос камергеру; тот, смешав немного вина с водой, отливал в свой особый бокал, пробовал, затем возвращал поднос кравчему. Все это с надлежащей серьезностью и торжественностью; король, наконец, мог пить.

Тот же ритуал повторялся при каждом отдельном блюде.

Когда до отказа забитый церемониями день проходил, и король собирался на покой, вокруг него снова разыгрывался спектакль утреннего туалета, но только в обратном порядке, как киноплёнка, прокрученная назад. Скажем только, что теперь умывание имело большие масштабы, чем утреннее обтирание несколькими каплями винного спирта. Принесли полотенце на двух золотых блюдах, один конец влажный, другой сухой. Король протер влажным концом лицо и руки, сухим концом промокнул остатки влаги. Надо ли говорить, что поднесение полотенца считалось очень высокой честью и составляло особое право принцев крови. Придворный этикет даже при этом простом акте предполагал тончайшие различия. В присутствии сыновей и внуков короля полотенце передавал в руки старшему по рангу главный камергер. Если же короля окружали дети прочих герцогов, то полотенце подносил просто один из камердинеров.

Из этого фрагмента церемоний потомки узнали, что "король-Солнце" купался в славе, купался в молитвенном обожании подданных, купался еще много в чем прочем, не купался он единственно в воде.

Ежедневное поклонение божеству выполнялось при участии множества придворных вельмож и сановников. Управлением королевской кухни ведали 96 вельмож, среди них 36 стольников, 16 дегустаторов, 12 гофмейстеров и один главный гофмейстер. Персонал кухни составляли 448 человек, не считая слуг персонала и учеников этих слуг.

ВОСКОВЫЕ КОРОЛИ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

В одном из залов Вестминстерского аббатства в Лондоне за входную плату показывают одетые в королевское облачение восковые фигуры. Они были изготовлены не для паноптикума мадам Тюссо, а использовались на настоящих королевских похоронах как заместители усопших королей.

Странная вещь, надо пояснить. Для этого мне придется снова вернуться во Францию, где восковые куклы играли похожую роль, и до нас дошли подробные описания церемоний, совершавшихся вокруг них.

Тела усопших французских королей бальзамировались, но хоронили их только через 40 дней. А до тех пор гроб стоял на изукрашенном постаменте под покровом из золотой парчи с горностаевой оторочкой. На покрове возлежала восковая копия короля с короной на голове и королевским скипетром в руке.

Восковой копии воздавались точно такие же почести, как и самому королю, когда он еще жил, обедал и ужинал. Церемонии утреннего и вечернего туалета, естественно, не устраивались, но тем тщательнее соблюдались трапезные выходы. Точно в таком же порядке вносила блюда придворная челядь, точно так же их брали и подавали высокие особы, с непоколебимой серьезностью смешивали и пробовали вино, предлагая салфетку, строго придерживались правил старшинства по рангу. Кроме вельмож, присутствовавших по долгу службы, сюда являлся весь двор; те, кто и раньше имел право присутствовать при трапезе короля, цеплялись за это право, даже когда кормили безжизненную восковую куклу.

Восковая кукла немо сносила их приходы и уходы, их угодничество, разве что не улыбалась.

В чем же была причина, породившая эту безвкусицу?

Во всяком случае здесь отчасти сказывалось и безграничное тщеславие придворной челяди. Целых сорок дней можно было являться в свете, кичась рангом и знатностью. Если кому-то из придворных удавалось выскочить вперед, то и остальным не сиделось. Второй требовал свое, за ним третий, сотый и т. д. Поэтому было целесообразно обедами и ужинами восковой куклы разом накормить тщеславие всех их. Но где же зародилась эта по сути безумная идея восковой копии?

Нужно вернуться назад, к древнеримским императорам, там она и отыщется.

Из описания Геродиана¹ известно, что, когда император умирал, его копию из воска клали на одр из слоновой кости и выставляли в вестибюле. Днями простаивали сенаторы в траурных одеждах вокруг воскового императора, раскрашенного в цвета болезни. Народ толпился снаружи, ожидая вестей. Время от времени врачи осматривали воскового пациента, качая головой, объявляли, что его

состояние все ухудшается. На седьмой день объявляли о смерти. Только после этого следовали настоящие похороны — apotheosis, т.е. гигантский траурный костер, а также объявление императора богом.

Делали восковую копию и с Людовика XVIII. Только церемонию трапез у его гроба отменили. Потому как этот представитель старшей ветви Бурбонов был известен своим первоклассным аппетитом, и двор опасался, что хохот толпы будет слышен в траурном зале.

ДВОР НЕГРИТЯНСКИХ НАПОЛЕОНОВ

В 1810 году часть острова Гаити была республикой.

Пост президента занимал Арих Кристоф. Родился он в рабстве, потом получил вольную и стал работать поваром у одного французского графа. Затем пошел в солдаты, проявил себя в военных действиях, стал продвигаться по службе, вышел в генералы и, наконец, стал президентом этой самой республики.

К его чести будь сказано, он не прогнал своей жены, когда вошел в большую силу, хотя его жена была совсем простое создание.

Перед глазами президента маячил пример Наполеона. Сам он, хоть и был республиканским президентом, однако авторитет поддерживал по-царски. До потомков дошел один экземпляр официальной гаитянской газеты, в котором подробно описываются празднества по случаю дня рождения даже не президента, а президентши.

Газета называется "Официальный бюллетень государства Гаити", 1810, август 30, седьмая годовщина независимости.

Я следую за официальным бюллетенем.

"15-е августа, — пишется в передовице, — было отмечено всеобщим ликованием. Все испытывали вдохновенный экстаз, который обычно сопровождает праздник дня рождения Высочайшей супруги президента. Поскольку настоящих граждан Гаити интересует даже самая малая подробность, имеющая отношение к Ней, предмету их любви и почитания, мы будем подробнейшим образом извещать о тех великолепных чудесах, которые делают этот славный праздник столь возвышенным".

Возвышенные радости начались уже накануне вечером, когда залпами артиллерийского салюта был подан знак "к началу всеобщего веселья". Радостные огни зажглись по горам. Столица ярко осветилась огнями праздничной иллюминации. Лестные и славящие надписи на стенах домов и знаменах. В полночь перед президентским дворцом состоялся концерт, в котором "прозвучали соло и дуэты, прославляющие героиню праздника с тем пламенем души и выразительностью, на какие может подвигнуть поклонение добродетели. После серенады публика с сожалением разошлась на покой. чтобы ранним утром снова пробудиться под звуки барабанов и труб, которые провозглашали наступление страстно ожидаемого момента, начало церемоний изумительной красоты".

Утром в шесть утра под-грохот пушек во дворце собралась знать, церемониймейстер по очереди представлял прибывающих Ее Изыществу Высочайшей Президентше. Первый министр сказал приветственную речь, закончив ее благодарственной молитвой "Господину Небес" за то, что тот подарил Гаити шедевр своего творения — Ее Изыществу Высочайшую Президентшу (именно так значится в официальной газете).

Президентша отвечала растроганно, но кратко. Ее выступление заняло буквально три строки. И это было прекрасно, потому что она не умела ни читать, ни писать. Она ответила так:

— Господа! Мое сердце, в полной мере воздающее должное вашему поклонению, не желает иного, как с каждым днем быть все достойнее любви и уважения народа Гаити.

Надо признать, это была хорошая, добрая речь. Тем более заносило комментарий официального бюллетеня:

"При этих словах, продиктованных скромностью и воплощенной добротой, в толпе слушателей пробежал гул умиления. Паломник, припадающий к освежающему роднику после долгого пути по пустыне и наконец-то утоляющий нестерпимую жажду, не может испытывать большей улады, чем та, что охватила душу граждан Гаити при этих благородных словах".

За прочими пунктами программы последовало праздничное пиршество, на коем знать могла по-настоящему утолить свою жажду.

Президент Кристоф не остановился на полпути. Следуя примеру своего кумира, Наполеона, он 2-го июня 1811 года короновался и нарек себя королем Генрихом I.

Первым делом он приступил к устройству блестящего королевского двора. В этом он тоже копировал Наполеона. "Придворный альманах Гаити" за 1813 год перечисляет членов королевского

семейства и придворных вельмож. Вот несколько выдержек из него:

Королевская фамилия: Его Величество Генрих, король Гаити, и его супруга, Мария Людовика, королева Гаити. Дети их величества: Дофин, далее герцог Якоб Виктор, герцогини Эметиста и Афина Генриетта, из которых Эметиста носила титул *Madame premiere* (Первая госпожа) и вместе с ним получала соответствующие права.

Принцы и принцессы крови: Его королевское высочество герцог Ноэль, старший брат королевы. Его жена, мадам Селестина. Его королевское Высочество герцог Иоанн, племянник короля. Мадам Мария Августина, вдова усопшего герцога Гонива.

Главные вельможи королевства: Герцог Ноэль, полковник гвардии, адмирал. Маршалы королевства (следует куча графов и герцогов).

Главные сановники короны: главный капеллан, главный кравчий, главный камергер, главный шталмейстер, главный ловчий, главный церемониймейстер.

Двор королевы: главный капеллан, две ближние фрейлины, двенадцать камерфрейлин, один камергер с ключом, два камергера, четыре шталмейстера, один секретарь и куча пажей.

Дофин тоже получил свой двор, возглавляемый камеррегентом и двумя гувернерами.

Откуда же взялась этакая тьма вельмож?

Из альманаха мы узнаем, что его величество учредил наследственное дворянство и роздал 11 герцогских, 20 графских, 39 баронских и 11 рыцарских титулов.

Альманах упоминает и о придворных церемониалах. Мы узнаем, что Их Величества по четвергам имели приемный день. Король и королева восседали в креслах, а остальные вельможи получали стул согласно своему рангу и точно в соответствии с уставом французского двора. Принцессам крови полагался стул со спинкой, а остальным дамам только табурет, то есть складной стульчик без спинки.

В присутствии Их Величеств приглашенным нельзя было приветствовать друг друга. Запрещалось обращаться к Их Величествам, это могло произойти только с предварительного разрешения на то главного церемониймейстера.

И так далее. Вплоть до 8 октября 1820 года, до военного переворота по чисто гаитянскому рецепту. Король, видя, что трон его падает, застрелился.

Королевская семья, двор и высшее дворянство пропали во тьме неизвестности, откуда и вышли.

* * *

Однако через пару десятилетий на Гаити опять воссиял блеск короны. Теперь уже не королевской, а императорской.

Фостен Эли Сулук, негритянский генерал, пробившись к республиканскому президентству, возжелал высшего и провозгласил себя императором. Сей торжественный акт состоялся 26 августа 1849 года. За неимением золотой короны сотворили корону с позолотой, и председатель сената торжественно водрузил ее на голову нового императора Фостена I.

Свой императорский двор он сколотил по тому же образцу, что и Генрих I. Поназначал вельмож и дворянство, основал рыцарский орден. Среди придворных сановников был и свой главный пекарь, по образцу и подобию французского *grand panetier*. Да вот беда, никто не мог ему объяснить, в чем суть его должности. В смущении он попросил аудиенции у императора, который отпустил его с милостивым:

"C'est quelque chose de bon" (Это что-то хорошее).

Главного пекаря звали граф Лимонад (*Limonade*).

Как странно! Ну, а вот еще один вельможа — герцог *Marmelad*! Но прочтем далее список новых аристократов:

Герцог Краснощекий (*Duc de Dondon*), герцог Форпост (*Duc de l'Alancee*), граф Дождь-как-из-ведра (*Comte de l'Avalasse*), граф Рыжая-собака (*Comte de Terrier Rouge*), барон Клистир (*Baron de la Seringue*), барон Грязная-дыра (*Baron de Sale-Trou*), граф номер-два (*Comte de Numero Deux*).

У этого шутовства такое объяснение.

Когда император Фостен I создал высшее дворянство, он вместе с тем одарил его именьями, большими или меньшими плантациями, отобранными у их прежних владельцев. Поскольку было известно, что копируемые французские высшие дворяне получали имена по своим владениям, император счел уместным, чтобы и его новая аристократия получила имена своих владений. Да только плантации не имели таких приятно звучащих классических названий, как французские дворянские замки. Старые владельцы понадавали своим землям до невозможного мужланские названия, смотря по тому, какую продукцию они давали, каково было местоположение участка, по их прочим особым свойствам и т. д. Вот таким образом в жалованной грамоте нового владельца лимонной рощи

оказалось имя Comte de Limonade (граф Лимонад), новый хозяин участка, где варилось варенье, стал гордиться тем, что он теперь Duc de marmelade (герцог Мармелад). Возможно также, что ни эти, ни другие так и не поняли действительного значения своих новых дворянских имен.

Император Фостен вместе с императрицей 18 апреля 1852 года короновались заново. Только теперь уже настоящей золотой короной. Церемония проходила по образцу наполеоновской коронации.

Мне осталось еще вспомнить о гвардии. Она была для императора настоящим светом в окошке, для нее он не жалел никаких расходов. Заказывал для гвардейцев роскошную форму, кивера были поручены известной марсельской фирме. И та поставила воистину чудесные колпаки, на каждом в качестве украшения поблескивала металлическая пластинка.

Один французский путешественник однажды замешался ко двору и посмотрел военный парад. Подойдя к одному из гвардейцев, он рассмотрел его вблизи. На металлической пластинке была надпись мелкими буквами, но не какой-нибудь княжеский девиз, а самой обыкновенной простоты этикетка: "Sardines a l'huile, Barton el Lorient" ("Сардины в масле, Бартон и Лориент").

Марсельский поставщик шел наверняка: он знал, что ни гвардейцы, ни император не умеют читать, и преспокойно навесил на кивера металлические жетоны от старых банок из-под сардин.

Гвардия оказалась недостойной своих колпаков. Во время революции 1859 года она покинула своего императора, на что он тоже побросал свои "лимонады" и "мармелады", сбежал вместе с семьей на остров Ямайка, где и завершил свою некоронованную жизнь, и в этом следуя примеру Наполеона.

ТУФЛИ С КРАСНЫМИ КАБЛУКАМИ

В Византии красные туфли мог носить только император. Это был один из знаков императорской власти, как диадема. После падения Византии красные туфли бежали в Париж, но по дороге у них отвалились подметки, да и головки тоже, и только красные каблуки пришли во двор французских королей. Красный каблук — talon rouge — стали дополнением придворного платья, он отличал дворянина, принадлежащего ко двору, от остальных людей.

Всякий владетельный двор являл собой закрытый мир, как в блестящем Версале и мрачном Эскуриале, так и в замках немецких князьков, чуть не лопавшихся от обезьянничанья. Этот мир простирался не вширь, а ступеньками. Его надо представлять, как ступенчатую пирамиду: на самой вершине восседает властелин, а по ступенькам карабкается вверх придворный люд, достигая лишь той ступеньки, которая обозначена ему его титулом.

Титул! Сон и мечта каждого придворного! Хоть на ступеньку обогнать другого, хоть на ступеньку приблизиться к идолищу, восседающему наверху. Даже если этот трон и не золотой, а просто предмет обихода с дыркой посередине, служащий самым будничным целям. Уже во времена французского короля Франциска II в придворной табели о рангах фигурировала должность стулоносильщика (Port chaise d'affaires). Ее обладатели исполняли свои обязанности при полной парадной форме и шпаге. Работы вокруг стула относились к разряду наиболее завидных придворных услуг, потому что по случаю наиболее благоприятного результата Его Величество не скупился на милости. Часто это зрелище происходило при большом стечении зрителей. Людовик XIV ограничил его публичность. Руководствуясь верным чувством, он рассудил, что подобное интимное действо не годится для большой публики. Употребляя сей будничный трон, на эти пол- или три четверти часа он не терпел вокруг себя никого, кроме принцев крови и герцогинь, мадам Ментенон², министров и главных вельмож³.

Вопросы старшинства по рангу, подразумевающие подчас тончайшие различия, выдвинули необходимость введения самими царствующими особами табели о рангах.

Даже самый малый немецкий князь согласно специальному указу определял придворные чины по порядку их старшинства. Например, Карл Теодор, курфюрст пфальцский, провел по шталмейстерскому ведомству как чиновников с прислугой при лошадях, так и воспитателей и профессоров при благородных пажах. *Praeceptores* и *professores philosophiae* (учителя и профессора философии) — говорится в указе; то есть речь идет отнюдь не об учителях лошадиных наук. Смирные ученые мужи наверняка безропотно приняли к сведению, что по своему придворному рангу они стоят в одном ряду с конюхами и кучерами, ведь наверное придворные лошади тоже превосходят по рангу обычных лошадей. Более всего они могли грустить по поводу низкой оплаты. И с полным на то правом. Придворный кучер получал 300 форинтов, вице-кучер — 250 форинтов месячной платы. 12 придворных трубачей достаивались заработка в 250 форинтов, а *professor philosophiae* был вынужден довольствоваться 200 форинтами. (Известно, что один из герцогов Эстергази взял на службу придворным музыкантом Гайдна, и великому композитору пришлось носить ливрею, а в договоре стояло также, что для несения службы ему надлежит являться в чистом виде... Хотя правда и то, что

позднее Оксфордский университет избрал его своим почетным доктором, а это тоже что-то да значит.)

Сложные хитросплетения в вопросах положения при дворе представляют научный интерес. Лучше всего, если мы изучим систему придворного кровообращения на примере Версаля, потому что здесь ртутный столбик при местнической лихорадке подскакивал очень высоко.

На верхних ступеньках пирамиды располагались принцы крови, прочие герцоги и пэры. Пэры по древнему праву были высшими дворянами Франции и вместе с тем членами парижского парламента и государственного совета. Этой высшей группе по рангу принадлежали почести и привилегии. За ними поодаль следовало по порядку прочее дворянство.

Надо заметить, что одно дело титул, и совсем другое власть. Кто-то мог быть всемогущим министром, военачальником-победоносцем, губернатором в колониях, а при дворе его ранг был меньше, чем у иного юного герцога с пушком над губой. Маршалы Франции в военном лагере выходили вперед герцогов и пэров, но при дворе их вес обесценивался, а женам их не полагался столь завидный и страстно желаемый *tabouret*.

"Божественный табурет!" — как восклицал поклонник мадам Севинье¹ в одном из писем. Простой предмет мебели без подлокотников и спинки, скорее что-то вроде складной скамеечки, но никак не стул. И все же, несмотря на свою незначительность, он играл очень важную роль при французском дворе.

В присутствии короля или королевы все придворные оставались стоять. Из дам могли сидеть только герцогини, и то не в креслах, а на пресловутых *tabouret*-ах. Однако дамы, вынужденные к горькому стоянию, могли утешиться табуретом, но в отсутствии королевской четы. Придворный этикет тщательно расшифровывал возможности подобных случаев и сводил их в систему правил. В правовой жизни право табурета складывалось по образцу принципиальных решений верховного суда.

Итак.

Дети короля в присутствии своих отца или матери сидели на табурете, впрочем им тоже полагалось кресло. Королевские внуки в присутствии королевских детей могли претендовать только на табурет, тем не менее во всех других случаях им тоже подставляли кресло. Принцессы крови перед королевской четой и королевскими детьми скромно присаживались на табурет, однако в присутствии королевских внуков им полагалась нововведенная льгота: они получали стул со спинкой, но без подлокотников. И все-таки они тоже не были совсем уж отлучены от кресельной славы, правда, только в том случае, если восседали в кругу дам ниже их по рангу.

На этом череда правовых вопросов еще не кончалась. Надо было позаботиться и о рассаживании вельмож высокого ранга. Кардиналы оставались стоять перед королем, перед королевой же и перед королевскими детьми садились на табурет, перед принцами и принцессами крови уже могли предъявлять право на кресло. Иностранцы герцоги и испанские гранды перед королевской четой и королевскими детьми стояли, перед королевскими внуками сидели на табурете, перед принцами и принцессами крови — в кресле.

Лабиринт табуретного права вился и дальше, но я не могу больше посвящать времени его закоулкам, потому что передо мной лежит книга Галеотто Марцио, и я прочту кое-что о порядке рассаживания при короле Матиаше².

Его супруга, итальянская принцесса Беатрикс, привезла с собой итальянский обычай: если она садилась, придворные дамы тоже могли сесть, куда им вздумается, безо всякого особого на то разрешения. Один деликатничающий придворный завел об этом речь с Матиашем, сопровождая свои слова покачиваниями головою, что-де было бы приличнее, если бы они оставались стоять. "Пусть себе сидят, -успокоил его король, — они такие страшненькие, что более оскорбляли бы взор, коль стояли бы".

Право табурета — это лишь малая толика из набора утонченных привилегий высшего дворянства. Не о главной роли шла здесь речь, а об яствах, особую пикантность которым придавало то, что правом этим пользовались при всем честном народе.

На придворных приемах дамы низшего ранга целовали подол платья королевы. К целованию были обязаны и герцогини, и супруги пэров; их привилегия сказывалась в том, что они могли целовать платье чуть-чуть повыше.

Длину шлейфа дамского платья придворный закон по словам Сен-Симона определял так:

Королевы — 11 аршин,

Королевиц — 9 аршин,

Королевских внучек — 7 аршин,

Принцесс крови — 5 аршин,

Прочих герцогинь — 3 аршина.

И тремя аршинами можно было бы подмести достаточно мусора, поскольку 1 парижский аршин равнялся 1,19 метра.

Придворные дамы пили из рюмок. Привилегию герцогинь составляло то, что под их бокал клали стеклянную подставку. Случилось однажды, что на время поездки принцессы крови Валуа фрейлиной к ней приставили мадам Виллар, носившую герцогский титул по мужу. Значит, им обеим полагалась подставочка. Но уже во время первого обеда меж ними вспыхнула усобица. Мадемуазель Валуа требовала, чтобы другой не давали подставочки, поскольку если и той дадут, что будет отличать ее собственный более высокий титул? Однако мадам Виллар заявила, что ей, как герцогине, полагается подставка. На этом "подставном" вопросе они рассорились окончательно. Восстановить справедливость было невозможно, потому что праву стеклянной подставки еще не хватало надлежащих прецедентов. Поэтому они по-своему разрешили вопрос: на протяжении всего пути ни одна из них за обедом и ужином не пила ни капли. Они предпочли лучше томиться жаждой, чем поступиться своими привилегиями¹.

Minima pop ourat preator — говорит латинская пословица; на венгерский ее можно переложить вроде того: на малое не смотрим. В Версале однако ж глядели на всякий клочок.

У герцогинь была привилегия набрасывать на карету алое покрывало. Королевских детей и внуков все ж как-то надо было отличать, поэтому их привилегия дошла до того, что покрывало на их каретах стали прибавать гвоздями. Из-за этого однажды вышла серьезная перепалка, потому что принц крови Конде потребовал, чтобы принцессам крови тоже дали право прибавать свои покрывала. Придворные интриганы осудили его требования, на что он, осерчав, велел сорвать алое покрывало с кареты своей жены и всеобщего устрашения ради въезжал во дворец без оной.

Во дворец — это тоже было очень важно, потому что дворяне ниже герцогского достоинства не могли пересекать внутренний двор в каретах, им следовало остановиться у ворот, выйти из кареты и пешком добираться до входа.

Если король навещал какой-нибудь провинциальный замок, двор толпой следовал за ним. В замке каждому выделяли комнату; пажи, одетые в голубое платье, писали на дверях мелом имя соответствующего лица: мсье X или мадам Y. Но даже эта простая операция не обходилась без конфликтов. Чертик титулованного старшинства хихикал по коридорам Марли и Фонтенбло. Дамы и господа исключительно высокого ранга получали — к их великой радости — еще и предлог pour.

Четыре букочки мелом в слове pour означали золотой блеск высшего дворянского достоинства. Ведь паж малевал их перед именами принцев крови, кардиналов и иностранных особ княжеского рода. Итак, надпись гласила: "Pour monsieur X" (т. е. для господина X). Это замысловатое тончайшее различие было символом чего-то такого, как если бы сам король приветствовал бы своего гостя в сенях.

Иностранные послы видели великую обиду в том, что были принуждены пуританствовать без pour на дверях. Но все их усилия оставались бесплодными, выцарапать у упрямого короля эти четыре букочки мелом им не удавалось. Тем большую сенсацию вызвал случай, когда некая герцогиня Урсэн добыла таки себе pour. Этой даме удалось доказать, что она кровь от крови иностранной княжеской семьи, после чего перед ее дверью явился паж в голубой одежде и намалевал этот самый pour.

"Вся Франция, — с воодушевлением писала она мужу, — хлынула ко мне с добрыми пожеланиями по случаю страстно желаемого pour-а. Меня окружили подобающими почестями. Дело вызвало большой шум в Париже"².

С еще большей силой, прямо гейзером забила сенсация, когда оба сына Людовика XIV от мадам де Монтеспан³ прошли посередине через весь зал заседаний в парижском парламенте. Да, через весь зал и именно по его середине!

В связи с этим надо знать следующее. Двух внебрачных детей от мадам де Монтеспан Людовик любил больше своего законного наследника. Он осыпал их титулами и должностями. Один из них, герцог Мэн, уже в четыре года стал полковником, а в возрасте двенадцати лет отец возвел его на должность префекта Лангедока. Второй из них, граф Тулузы, получил место префекта только в одиннадцать лет, с другой стороны, по случаю достижения им пятнадцатилетнего возраста отец присвоил ему звание адмирала Франции. Они сделали хорошую карьеру, но по знатности дальше не пошли. Законнорожденные принцы опережали их. Тут надо было помочь. Королевским указом от 29 июля 1714 года участие обоих мальчиков в парижском парламенте было отрегулировано, они возводились в ранг принцев крови.

При монархии парламент выполнял функции и верховного суда. Его членами были пэры, герцоги и принцы крови. Последним полагались существенные привилегии. При оглашении списка имен членов парламента председатель не называл их имен, а только останавливался на них взглядом. Обращаясь к ним, снимал шапочку. По прибытии и уходе их сопровождали два швейцара. Это еще ничего. Главная привилегия сказывалась в том, как они занимали свои места. Пэры и простые герцоги не могли пересекать зала заседаний посередине, чтобы попасть на свое место — им приходилось пользоваться боковыми проходами вдоль стен. Ходить через весь зал по его середине могли только председатель и принцы крови. Французский мыслитель граф Клод Сен-Симон подробно описал тот

памятный день, когда оба молодых человека, опьяненные такой честью, пересекли зал посередине.

СЕРВИЛИЗМ1

Разгромив турок под Веной, польский король Ян Собеский² встретился с императором Леопольдом³. Наместник польского короля, палатин, кинулся было в ноги императору, чтобы поцеловать его сапог для верховой езды. Кровь бросилась в лицо Собескому, и он окрикнул палатина: "Palatin! Point de bassese!" Никакого унижения, уничижения, приниженности — так по-разному можно истолковать это французское выражение, но в общем-то оно все равно будет означать: никакого сервильизма.

Сервильность придворной морали самым наглядным образом выкристаллизовалась в следующем правиле: царская кровь не позорит. Простой мещанин, чванный вельможа бывали одинаково счастливы и горды, если их дочь возжелал принц крови, а то и сам повелитель. Скандальные хроники феодальных дворов пухнут от описания такого рода любовных походов. Лидируют в этом французские короли, вплоть до пресловутого "оленьего" парка Людовика XV. Не многим отстают от них английский король Карл II со своими галантерейностями или хотя бы общеизвестные любовные истории Августа Сильного⁴.

Известно выражение рогатые мужья. Своим происхождением, предположительно, оно обязано византийскому императору Андронику, который выбирал себе возлюбленных из числа вельможных жен. А муж в порядке возмещения получал огромные охотничьи угодья и в знак своего права на имение прибывал к воротам усадьбы олени рога. По такой рогатой усадьбе все догадывались, что в ней курится головешка супружеской добродетели. Может, в этой истории что и было не так, но зеркало анекдота отразило общее мнение.

В жизнеописании одного из наиболее известных государственных деятелей Англии лорда Эдварда Хайда Кларендона⁵ можно прочесть назидательную историю. Как лорд-канцлер он принимал участие в заседании государственного совета, когда пришла весть, что его дочь Анну хочет взять замуж герцог Йоркский (позднее король Яков II). Более того, свадьба срочная, потому что последствия герцогского внимания уже становятся очевидными. Согласно воспоминаниям нежного отца, перед лицом государственного совета он выразил возмущение поведением дочери. Возмутился он не тем, что она стала возлюбленной герцога, а тем, что хотела выйти за него замуж. Он просил государственный совет немедленно заточить девушку в Тауэр и бросить ее там в самую глубокую яму, иначе говоря, чтобы государственный совет немедленно выдвинул в парламенте обвинение и просил смертной казни для девицы. Он де станет первым, кто проголосует "за"!

Но вышло не так! Герцог женился на девице, и позднее она стала королевой Англии к великой печали строгих нравов отца.

Память о более невинном случае хранит один бюргерский дом в Аугсбурге. В этом доме в стеклянном шкафу можно видеть восковой бюст шведского короля Густава Адольфа⁷ и его вышитый воротник. История воротника-святыни увековечена на мемориальной доске и при том следующим образом.

"Сей воротник носил шведский король Густав Адольф и подарил его любимой мною женщине, Якобине Лаубер; когда с великим почтением упомянутый выше король пребывал в Аугсбурге, любезнейшая моя супруга, наипрекраснейшая девица, удостоилась почтительнейше упомянутым Его величеством танца на балу. Причиной дарения послужило то обстоятельство, что, когда король с упомянутой девицею любезничать пытался, она из девичьей скромности известных вещей не дозволила и перстами своими видимые на воротнике дыры произвела".

Воротник продырявлен сильно, из чего можно судить о великой пылкости любезничанья¹. Другой случай.

Граф Ла Гард в своих воспоминаниях о сладострастном водовороте венского конгресса рассказывает об инциденте с венгерской графиней Кохари. После одного из блестящих концертов толпа, волной стекавшая по лестнице, вдруг застопорилась, и тут кто-то допустил несказанную вольность с этой девицей, вернее, с ее задом. Юная графиня справедливо подумала, что этим дерзким повесой мог быть только господин высокого ранга, возможно, какой-нибудь из герцогов, кишмя кишевших там. Словом, недолго раздумывая, она неожиданно обернулась и по всем правилам влепила оплеуху высокому господину. Им оказался лорд Стюарт, английский посол.

В раболепном пресмыкании и облизывании пяток нет ничего удивительного. Туфли с красными

каблуками знали свой долг, когда царственный сапог устремлялся в их сторону. Удивляться надо другому. Тому, что земному идолу не щипало глаза и нос от густого дыма фимиама, которым его обкуривали².

Достоинно изумления, что идолище терпело самую нахальную лесть в глаза, ничуть не краснея. Я опять же должен прибегнуть к французским примерам; и в других странах поясницы перегибались так же низко, только французская литература предлагает более широкий выбор фактов.

Восторженные современники превозносили Ронсара³ как князя поэтов и поэта князей. В этом последнем качестве он написал оду Генриху III⁴, о котором, однако же, все знали, что безнравственнее и никудашнее короля еще не восседало на французском троне. Летящий на крыльях звонкой рифмы стих в сером прозаическом переложении звучит так:

"Европа, Азия и Африка слишком малы для тебя, кто мнит стать владыкой всего мира; небо затем открыло в середине моря Америку, чтобы это Великое целое стало французскими владениями, слушалось твоего приказа; ты наложил руку на Северный полюс, загопишь в ярмо и Южный. Когда один ты станешь господином всей Земли, закроешь повсюду храмы войны, мир и добродетель расцветут по всей земле. Мир поделят Юпитер и Генрих: один будет императором Небес, другой — Земли"⁵.

Прекрасная мечта поэта о мире, как мы знаем, не осуществилась.

Гуще всего дым фимиама клубился вокруг личности Людовика XIV. Тот, кто пройдет по залам версальского двора, сможет подивиться серии помпезных фресок в *galerie gesglases*: они изображают Людовика в образе победоносного римского полководца Хадура — героя блестящих битв, покорителя народов. Произведения искусства, писанные нескромной кистью, до такой степени примелькались королю, что он и сам уверовал, будто все эти битвы выиграл он сам, а не его военачальники. Правда и то, что проигранных битв никто не живописал.

"Первый живописец короля" — Шарль Лебрен мог оправдываться перед собой тем, наверное, что ему заказывали картины такого содержания, а он лишь приукрасил заданную тему. Но французскую академию, это скопище бессмертных, никто не принуждал объявлять конкурс по столь интересному для всех вопросу: "которая из добродетелей короля заслуживает первенства?" Позднее они опомнились, что, мол, все-таки не слишком ли много добра для одного раза, и конкурс как-то замяли.

И еще один промах оставил пятнышки на академическом нимбе. Со смертью великого Корнеля, последовавшей 1 октября 1684 года, освободилось место в плеяде бессмертных. Чтобы оно не пустовало, четырнадцатилетний герцог Мэн, который, как мы уже знаем, стал префектом Лангедока, метил еще выше. Он передал Расину, директору академии, что желает стать преемником Корнеля. Расин созвал собрание бессмертных и доложил им о желании герцога. Представительное собрание поручило директору передать следующий ответ Академии: "Если бы вакансия и не освободилась, нет такого академика, который бы не был счастлив умереть, чтобы предоставить место герцогу".

Вместе с тем Людовик, поскольку речь шла не о его особе, счел предупредительность ученых чрезмерной и снял кандидатуру герцога.

В других случаях он не был столь щепетилен. Как-то на маскараде в Версале один из господ придворных нарядился адвокатом: в мантию и парик. На его груди висела табличка, на которой был написан Guatrain. Согласно этому четверостишию (котрену) сей адвокат вел дело, предметом которого являлась защита утверждения "Людовик — величайший среди людей", и он, адвокат, абсолютно уверен, что выиграет процесс.

Подлиза подал свой опус королю, и тот выразил удовлетворение по поводу остроумной идеи.

Угодническая литература никогда не процветала так, как при Людовике XIV. Поистине стоило бы собрать из нее пару томов как интересный документ о человеке. Чтобы не отстать от поэтов, некий придворный печатник Коломбар издал свой труд об охотничьих трофеях короля. В результате тщательного изучения и прилежного исследования автор установил, что на момент сдачи рукописи в печать король подстрелил 104 оленя, 27 диких козлов, 57 зайцев и даже 50 диких кабанов и 4 волка. Точными расчетами он установил также, что, охотясь, король проскакал 3 255 миль.

Менее затейливым проявлением сервиллизма было подражательство. Думать, как думает властитель, поступать наподобие того, как поступает властитель, даже из внешности его подхватить какую-то черту и этим приблизиться к своему кумиру.

Когда Мария Антуанетта наконец-то оказалась в преддверии материнских радостей, придворные дамы со скоростью бегущего пламени ввели моду благословенного положения. Они нарядились в такие юбки, которые с помощью ловко положенных подушечек представляли их обладательниц как бы

в интересном положении. Слепленные успехом, они пошли дальше: старались подправить подушечки согласно развитию состояния королевы, то есть размер вспучивания юбки менялся по срокам беременности королевы: *Quart de terme*, *demiterme* и т. д. (юбка четверти сроков, середины сроков и так до полного срока).

Первым делом крохотного дофина, вступившего в этот феодальный мир, было позабыться в пеленках перед лицом собравшегося сановного света. Он еще не знал, что уже стал рыцарем ордена Святого Людовика и обладателем нескольких полков. Двор растроганно аплодировал высочайшему биологическому процессу, а на другой день в парижских цехах лихорадочно производили краску самого новомодного цвета — *saca dauphin*. Это не анекдот, а факт из истории моды.

Вокруг одного из самых волнующих инцидентов версальского двора возникла великая тревога. Этот случай стал известен в истории двора под названием "Фистула Людовика XIV". Я передам его кратко, опустив излишние подробности. "Король-Солнце" страдал фистулой. При этом не с самой своей солнечной стороны. Более того. После многих бесплодных попыток лечения мазями он, наконец, согласился на операцию. 18 ноября 1686 года операция состоялась-таки в присутствии мадам Ментенон и военного министра де Лувуа. Она была удачной и с точки зрения больного, и с точки зрения врачей. Первый хирург получил дворянство и денежную премию в 300000 ливров, остальные три врача по 40-60-80 тысяч ливров, а четыре фармацевта по 12000 каждый.

Можно представить себе то волнение, которое пробежало по нервам версальского двора до, во время и после операции. Несколько месяцев тогда только и говорили, что о ней. У кого приключилась такая же болячка, был счастлив. Врачи проделывали и над ними королевскую операцию (*operation du Roi*), и королю представлялся доклад о состоянии одного господина. Это была несоизмеримая награда, высоко возносившая счастливицу на темном фоне всеобщей зависти. А у кого не было фистулы, те тайно приходили к хирургам, предлагая большие деньги, если им сделают королевскую операцию. Дионис, один из знаменитейших хирургов Парижа, насчитал тридцать таких господ, все они страстно требовали, чтобы им прооперировали пустое место. Врачи не брались за лжеоперации, на что сии господа страшно серчали, говоря, какое, мол, дело врачам-то, поди, не им больно, так пусть не умничают, было б вокруг чего огород городить!

Я прощаюсь с блеском версальского двора. Прощаюсь с красными каблуками башмаков, с пеной шелков на придворных дамах и кружевными оборками мужских рубашек.

Не я, а Скаррон² говорит так:

*Que sur elles blanche chemise
N'est point que de mois en mois mise,
Et qu'elles prennent seulement
Le linge blanc pour l'anament.*

(Хотя в рубашках белых щеголяют,
по месяцу порой их не меняют.
Им белое ведь нужно напоказ,
Чтоб пыль пускать и для отвода глаз.)

Скаррон, конечно, был прав. Версальских дам нельзя было обвинить в чрезмерной чистоплотности. Ведь именно в эту эпоху изобрели длинную ручку-скребок *grattoir*, которую делали из золота или слоновой кости. Прическа, сооруженная на много дней и недель, вся клееная и переклееная, гумусом покрывала кожу головы, создавая условия для развития той или иной живности. Этикет помог делу тем, что сделал *grattoir* (скребок для почесываний) терпимым при дворе. Его дозволялось засовывать под прическу и слегка почесывать подвергавшиеся атаке места.

Когда в Бирме еще правили короли, они носили такой титул: "Король королей, которому послушны все остальные владыки; управляющий временами года, полномостный повелитель приливов и отливов, младший брат Солнца, владеющий двадцатью четырьмя зонтиками".

У князей Суматры тоже были симпатичные титулы: "Господин Вселенной, излучающий свет, как Солнце, кого бог создал таким совершенным, как полная Луна, чьи глаза сияют, как Полярная звезда, кто, встав во весь рост, затмит всю империю, чьи ноги излучают дивный аромат и так далее".

Что касается последнего свойства, то, как мы знаем, Генрих IV был знаменит именно его противоположностью, так он и довольствовался скромным обращением *sire*.

Персидский шах, турецкий султан, индийский махараджа требовали, чтобы к их имени добавлялась длинная гирлянда пышных цветистых титулов.

Погоня за титулами из Азии перекинулась в Европу. Наиболее благоприятная к тому почва оказалась при дворах малых немецких княжеств. Интересно, что титульная лихорадка вспыхнула даже не вокруг личности царствующих особ, а скорее в среде дворянства, затем распалила и тщеславие буржуазных кругов. Владетельные герцоги довольствовались *Durchlaucht* (сиятельство), которое позднее поднялось на градус выше и превратилось в *Allerdurchlauchtigster*. Короли сверх всего

требовали величания Grossmachligster (Всевластнейший). В царствование императора Леопольда II появилась "Titularbuch" ("Книга титулов"), согласно которой немецкому императору, помимо этих двух титулований, полагался еще и титул Unuberwindlichster (Непобедимейший).

В середине XV века графы были Wohlgeboren (Прекраснородными), им пришлось ждать целых два столетия, пока они не поднялись до титула Hochgeboren (Высокородные). Интересно, что соединение этих двух титулов означало нечто меньшее. Титул высоко- и прекраснородный (Hochwohlgeboren) полагался по рангу более низкому барону. Если это был имперский барон, то его титул удлинялся и превращался в Reichsfreyhochwohlgeborener.

Среднее дворянство также придерживалось, так сказать, моды на узкие штаны до колен, на которые поначалу уходило двадцать пять аршин сукна, потом разгулявшийся вкус поднял количество аршин до восьмидесяти, девяноста, ста тридцати.

Геттингенский декан Самуэль Баур проследил, как изменялись дворянские титулы на протяжении трех столетий¹. Некоторые из них почти невозможно перевести. Мы еще понимаем, что титулы Ehebar, Wohledler, Hochedler, Hochedlergeborener, Hochwohlgeborener по-венгерски означают Глубокопочтимый, Истинноблагородный, Высокоблагородный, Высокоблагороднейшего рождения, Высоко- и Прекраснородный. Труднее перевести эпитеты Ehrenvester и Gestrenger. Первое означает кого-то такого, кто поддерживает свою честь и порядочность; последнее имеет оттенок крепостной зависимости и выражает, насколько рад подвластный тому, что у него строгий господин.

Согласно описи Баура дворянские титулы развивались так:

1446 ehrbarer junker

1460 gestrenger herr

1569 ehrenvester

1577 ehrenvest und ehrbar

1590 edler, ehrenvester und gestrenger junker

1600 wohledler, gestrenger, grossuntiger junker

1624 wohledler, gestrenger, vester und mannhafter grossgunstiger junker, machtiger forderer

1676 hochedelgeborener, wohlgeborener, gestrenger, vester und mannhafter, grossgunstiger junker, machtiger forderer

1706 hochwohlgeborener и как выше

1707 hochwohlgeborener, gnadiger и как выше

От частого употребления блеск титулов потускнел. И, подобно тому, как горожанки гонялись за поношенными платьями придворных дам, буржуазия с радостью украшала себя потертыми титулами. Господин советник отныне входил в зал заседаний магистрата как Прекраснородный, даже если был горбат и хром. К осыпавшимся с дворян титулам приделывали новые приставки в бюргерском духе и гордо обмахивались ими, как собственными павлиньими перьями.

Я уже упоминал "Книгу титулов" конца XVIII века. В ней также давались советы, как адресовать письма, посылаемые лицам разных рангов и положения. Например, бургомистру свободного имперского города следовало писать так:

"Прекраснородному, Строжайшему, Славнейшему, Много- и Высокоученому, Велико- и Любомудрому господину Бургомистру там-то и там-то".

Придворного врача следовало приветствовать так:

"Высокородному, Многоопытнейшему, Честнейшему, Высокоученому господину N.N., известнейшему Доктору медицинских наук, вместе с тем Высоконазначенному врачу княжеского двора".

Как при толкании железнодорожного состава один вагон передает толчок другому, так передавалась и погоня за титулами в буржуазном обществе: сверху вниз, вплоть до камердинера и сапожника.

Студента следовало величать Благородным и Многоученым господином N.N., "который хлопочет вокруг мудрости". Книготорговец, парикмахер, ювелир — все претендовали на эпитет "знатный". К имени портного следовало добавлять "честный" и "осторожный" (dem ehrenvesten und vorsichtigen Meister schneider zux). Сапожник тоже мог бы потребовать себе эпитет "осторожный", но в силу какого-то едва заметного различия он был не "честный", а "уважаемый" (ehrenglechter). Герцогский камердинер, которому не пристало похвастать своим ремеслом, получал обращение "благоназначенный" (wohlbestalltet).

Женщины, конечно, не могли претендовать на помпезные титулы в мужском духе. Но они очень просто вышли из положения: к своему имени присоединяли название должности, профессии, ремесла своих мужей и становились докторшами, учительшами, генеральшами, советницами. Это еще ничего. Но вагон, получивший толчок, катился дальше. Появились госпожи супруги сборщицхи налогов, придворные трубачихи, дворцовые гусарихи, конные объездчихи, придворные пуговичничихи, конные

лесничихи, господские пушкарехи (Frau einrehmerin, hoftromneterin, kommerhusarin. landreiterin, hofknopfmacherin, reitende forsterin, leibbuchensparrerin).

Женская потребность в титулах была непоколебима, как бетон, и продержалась несколько столетий. Давно иссохли и облезли титульные галуны на мужских костюмах, но женщины упрямо продолжали кичиться своими титулами.

МИРАЖИ СЕМЕЙНОГО ДРЕВА

Из одного лондонского архива вышел на свет интересный документ. Он содержал родословную англо-саксонских королей, восходящую к Адаму. Безусловно, по Библии мы все произошли от Адама, только ни один бедняк не в состоянии назвать по имени тьму предков от сына к отцу. Большим господином надо быть, чтобы держать науку у себя на службе. Когда-то над такими призрачными семейными древами ломали голову целые армии ученых, феодалы щедро платили им за труды, результаты исследований открывались миру в виде помпезных книг.

Лондонская находка, по всей вероятности, была создана по произведению английского писателя Стейтьера. Согбенный ученый польстил королю Якову II развесистым деревом, у основания которого усадил Адама. Испанский историк Пруденцио де Сандоваль хотел отвоевать происхождение "от Адама" для испанских королей и в книге, написанной для Карла V2, не щадя трудов, описал сто двадцать поколений, пока добрался до его предка. Подобное же усердие водило пером и шведа Мессения, ученого-историка; это с его помощью шведские короли взобрались на самые верхние ветви семейного дерева адамитов.

Однако все это шито белыми нитками. Тут не Адам был важен. Если от поколения к поколению удалось бы дойти до Авраама, оттуда уже легко, взяв Евангелие от Матфея, проследить и выяснить родство со святым Иосифом, то есть с самим Иисусом.

Забывшие о хорошем вкусе господа дали материал для V сатиры Буало, в которой он выразил свои опасения: а вдруг прямая линия происхождения где-то дала трещину? Ведь если принять во внимание нечаянную слабость супружеской верности, столь часто подвергаемой искушениям3...

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРЕДКИ

Славе английских, испанских и шведских королей позавидовала старофранцузская семья Левис. Это был знатный, богатый род. В истории Франции они заявили о себе уже в начале XVII века, и затем на протяжении столетий маршалы, послы, губернаторы умножали славу семьи, которая позднее возвысилась до герцогского титула. Но, не довольствуясь громким именем, выпадающим порой и на долю других, пригласили генеалога, и он разыскал, что их герцогский род происходит от ветхозаветного рода Леви. Сходство имен было налицо, а поиск дополнительных данных — это уже игрушки для ученого, сведущего в истории. Да и кто бы посмел в те времена оспаривать достоверность сведений?

С того времени все Левисы неслыханно возгордились своим библейским происхождением.

Леди Морган в своей книге о французских впечатлениях (Лондон, 1818) рассказывает, что герцоги Левисы принимали ее в своем замке. В одном из залов висело большое живописное полотно, на котором была изображена дева Мария, а перед ней на коленях — один из Левисов со снятой шляпой. Из рта Марии, согласно старой манере в живописи, извивались в его сторону слова, словно Мария говорила:

— Наденьте шляпу, кузен! (top cousin, couvrez vous)

Когда один из герцогов Левис сажился в карету, чтобы ехать на мессу в собор Парижской Богоматери, он всякий раз громко кричал кучеру: "К моей двоюродной бабушке, кучер!" (Chez ta cousine, couche)4.

Бароны Пон не были столь притязательны. Они считали своим предком Понтия Пилата. Однажды встретились старейшины обоих родов. Глава семьи Левис с мягким укором поднес главе семьи Пон распятие: "Видите, барон, как Ваш родственник обошелся с моим?"1.

Семейному полотну Левисов есть достойная парная картина в имении семейства Круа — на ней изображен всемирный потоп. Из волн высовывается рука, сжимающая дворянскую грамоту, рядом с ней - тонущий, из его рта уже известным манером на извивающейся ленте написано: "спасите бумаги семьи Круа" (sauvez les titres de la maison de Croy)2.

Французское семейство Жессе также претендовало на библейское происхождение. Составитель их родового древа строил всю генеалогическую пирамиду на сходстве имен. В Евангелии от Матфея сказано: "Овид родил Иессея, Иессей родил Давида царя" (I, 5-6). Ради большей достоверности в 1668

году герб семьи Жессе и бумаги были предъявлены официальной комиссии. Комиссия после обстоятельного исследования подготовила подробный и витиеватый отчет, склоняясь к тому, что дело это достоверное, и родственные связи семьи с царем Давидом вполне достоверны³.

НОЙ — ПРЕДОК ГАБСБУРГОВ?

Библейских предков чуть было не установили официально и для Габсбургов.

Был у императора Максимилиана придворный историк Йоганн Штаб, по латыни Стабиус. Это был большой ученый муж, даже поэзией кокетничал и небезуспешно. В 1502 году венская коллегия пиитов торжественно увенчала его лаврами. Своей карьерой он был обязан императорской милости и постарался отблагодарить благодетеля. Он составил семейное древо и в качестве предка Габсбургов указал сына Ноя, Хама, а затем точно и мотивированно вывел историю рода от отца к сыну. Император потратил немалую сумму на изыскание старинных корней династии и был не против, когда ученые обогащали историю императорского дома то одним, то другим святым.

Однако Ной как предок? Очень подозрительно. И он подумал: самый лучший путь — прямой. Доверил решение вопроса теологическому факультету венского университета.

Господам факультетским стало жарко. Понапрасну проклинали они Стабиуса, что навлек на их головы такую беду -уйти от решения, как казалось, было невозможно. На их счастье, пока решение затягивалось, император умер. Его наследника не волновало библейское происхождение, и шедевр Стабиуса потихоньку осел в архиве⁴.

Впрочем, производство семейных древ вылилось в популярное литературное ремесло. Им можно было зарабатывать деньги. Над составлением генеалогии бранденбургского дома трудилось 59 писателей! Они разрабатывали этот материал с неслыханным прилежанием, разыскивая данные по забытым архивам и хроникам, списывая надписи с могильных памятников. Готовой работе дали чудесный заголовок: "Бранденбургская кедровая роща".

БУРБОНСКАЯ КРОВЬ НАПОЛЕОНА

В погоне за почетным семейным древом никогда не останавливало даже то, что высокое происхождение бывало результатом любви, неосвященной законом. Как известно, "царская кровь не позорит".

Это оправдание породило неслыханно бурлескную генеалогическую таблицу, которой старались угодить Наполеону сервильные трудяги-ремесленники от генеалогии.

Ученый отталкивался от легенды о железной маске.

В те времена ходила легенда, что таинственный узник Бастилии, который мог показываться своим тюремщикам только в железной маске, был никто иной, как брат-близнец Людовика XIV. Его бросили в Бастилию потому, что он родился на свет двумя минутами раньше Людовика, таким образом, трон, собственно говоря, полагался ему. Барон Гляйшен даже пошел дальше: по его мнению, человек в железной маске и был сам престолонаследник, а Людовик происходил от связи королевы с Мазарини; после смерти любовники подменили детей. Незаконного протащили на трон, а законного короля бросили в тюрьму и заковали в железную маску, чтобы никто и никогда больше не видел его лица и семейного сходства с Бурбонами.

Согласно одной из версий таинственным узником был итальянский граф Эрком Маттиоли, посол герцога Мантуанского в Париже. Благородный граф совершил какой-то чудовищный акт шпионажа, настолько взбесивший короля, что тот в обход международного права велел схватить Маттиоли и заключить его в крепость Пинероль. Затем графа перевели в тюрьму на остров Сент-Маргерит и наконец бросили в Бастилию, где он в 1703 году и умер. Железная маска, собственно говоря, была шелковой маской и означала некоторую привилегию: так ему не нужно было все время сидеть в комнате, а можно было выходить на прогулку во двор, но только надев маску. Щекотливость дела оправдывала некоторую предусмотрительность.

Наполеона ученый-генеалог следующим образом привел в связь с железной маской: на острове Сент-Маргерит дочь коменданта пожалела бедного узника, жалость обернулась любовью, а любовь — ребенком, мальчиком. Ребенка надо было удалить. Доверенные люди отвезли его на Корсику и там воспитали. Ребенок носил имя матери — Бонапарт (Bonapart). На остальное уже не требовалось много фантазии. Из Bonapart сделали Bonaparte, а затем итализированное Buonaparte. Потомки этого мальчика и были Бонапарты, короче: Наполеон приходится правнуком "железной маске", то есть законному королю Франции, стало быть, он не узурпирует трон, а осуществляет свои права как кровный потомок короля-узника.

Многие верили этой ужасной чепухе. Функ Брентано сообщает текст афиши, в которой предупреждали роялистов по случаю вандомского восстания, чтобы они не верили слухам:

"Неправда, что Наполеон — отпрыск Бурбонов и потому имеет право на трон!"¹

А что же говорил на это сам Наполеон?

— Глупости, — говорил он, — если кого-то интересует, с каких пор ведет происхождение род Бонапартов, я скажу: с 18 брюмера.

ЕЩЕ ОДНА НЕЗАКОННАЯ ПРАМАТЕРЬ

Одним из самых нескромных делателей генеалогических древ был Антуан дю Пине (1515 — 1584), впрочем, один из самых ученых писателей своего века. Среди его многочисленных книг особенно большой успех выпал на долю переводов Плиния.

Дю Пине было поручено составить для знатного семейства Агу соответствующую генеалогию. Ученый взял за исходную точку волка в семейном гербе. Он сочинил к этому волку никогда не существовавшую Померанскую империю, еще менее существовавшую королеву Вальдуг и никогда не жившего на свете молодого человека по имени Хуго. Любовь, ребенок — это мы уже знаем. Далее ребенка тайно отсылают с нянькой к кормилице, но по дороге на опушке леса из рук няньки ребенка выхватывает волк и уволокивает его к себе в логово, где кормит его наравне со своими волчатами. На другой день король охотится в тех краях, подстреливает волка, находит ребенка. Все выясняется, отцовское благословение, последующий брак. Ребенок вырастает, женится на дочери византийского императора, рожденный в этом браке ребенок идет зятем семью русских царей и так далее, вплоть до саксонца Детра, а то и дальше.

Семья Агу с радостью приняла это приключенческое древо. Не так отнесся к нему Пьер Бейль², который выступил с грозными нападками на лжеученого, выдумывающего сказки, словно старая бабка, и называет это недостойным звания ученого.

А если бы он еще прочитал щекотливую повесть³ известного в XVII веке историка Саксо Грамматикуса⁴ о знатной девице, которую во время прогулки похитил медведь! Словом, безобразный зверюга утащил девицу в свою берлогу и держал там несколько месяцев, кормил-поил, а меж тем — любовь и так далее. Охотники подстрелили медведя, воротили домой девицу, которая через пару месяцев произвела на свет нормального, только немного лохматого мальчика. Мальчик получил имя Бьерн (медведь), вырос в большущего мужчину, пробился в вожди племени. Он был справедливым вождем. Это подтверждается тем, что, когда Бьерн узнал, кто убил медведя, он казнил этих охотников со словами: "Правда, я обязан им и благодарен за спасение матери, но мне надо отомстить за смерть отца".

От потомков этого вождя пошли датские короли.

ВНУКИ ПРЕКРАСНОЙ МЕЛУЗИНЫ

Самую, без сомнения, сумасбродную генеалогию смастерил Этьен де Люзиньян. Это ученый-историк (1537-1590) был дальним родственником авторитетной французской семьи Люзиньян. На их родовом гербе фигурировала Сирена, в левой руке держащая зеркало, правой расчесывающая волосы.

Сирена изображает ту самую прекрасную Мелузину, с которой мы знакомы не только по средневековому рыцарскому роману Жана д'Арраса, но и по названию венгерской парусиновой ткани. Мелузина была феей, она влюбилась в бретонского королевича, стала его женой, но взяла с него слово, что по субботним дням он будет предоставлять ей свободу и не станет доискиваться, что она делает, по субботам закрываясь в своей комнате. Муж некоторое время держал слово, они жили счастливо, народили детей. Однажды разобрало его любопытство и подглядел он в замочную скважину: жена сидела в купальной лохани — наполовину женщина, наполовину змея. Это у нее было как следствие какого-то таинственного заклятия феи. Женщина, за которой подглядели, тут же опять обратилась в фею, совсем как Лоэнгрин в рыцаря Грааля. Так вот, от детей этой феи и королевича и произошли графы Люзиньян и Сассенаж — по крайней мере, так расшифровал историк-родственник.

Вся эта генеалогия построена на одном-единственном факте: семейство проживало в замке Люзиньян, и, если верить преданию, всякий раз, когда в семье кто-то умирал, появлялась фея Мелузина и с жалобными стонами носилась вокруг замка. Кстати, предание о Мелузине уходит корнями в языческие времена, когда богиней родов была Люцина; роженицы зывали к ней жалобными криками: "Mater Lucina — mere lucine", а уж последнее вскоре превратилось в melusine.

При всем том герб мог быть очень красив: серебряная лохань с лазоревым обручем, а в ней манящее обнаженное тело сирены...

Не всякий дворянский герб был столь живописен. Французский король Карл IX ввел во дворянство мужа своей няньки. Герб нового дворянина вышел таким: на красном поле серебряная корова с короной между рогов. Символ так символ.

В 1430 году венгерский король Жигмонд даровал дворянское звание придворному цирюльнику Михаю Даби. Рисунок для герба выбирал сам новоиспеченный дворянин: три коренных зуба, четвертый как-то заносчиво поднимает рука, протянутая с верхушки геральдического щита.

Еще нагляднее и неожиданнее был герб возведенного во дворянство Иштвана Варалььи, гражданина города Хуста. Габор Батори наградил его за особые заслуги: Варальья с поразительной ловкостью выполнял операцию, с помощью которой в табунах обычно охлаждают излишний пыл жеребцов. Герб выглядел так: на голубом поле правая рука, поднявшая для удара деревянный молоток, а под ней вполне достоверный рисунок жеребиного украшения, бывшего объектом операции².

УЧЕНАЯ АРИСТОКРАТИЯ

В XVI и XVII веках немецкие университеты тысячами штамповали магистров и докторов наук, они-то и образовали новое сословие — ученую аристократию. Ученые мужи пользовались большим уважением; князья ценили их, народ ломал перед ними шапки. И они крепко уверовали в себя; никогда ученые не задирали нос так высоко, как в ту пору. Только вот беда: новая аристократия не могла сослаться на такие знатные, покрытые патиной³ имена, как старая, дворянская. Они отправились на штурм бессмертия под грузом простых, даже презираемых в обществе имен своих родителей, и уж, конечно, эти имена звучали жесточайшей какофонией по отношению к драгоценным латинским текстам:

Schurtzfleisch und Lammerschwanz!

(Шурцфляйш и Ламмершванц!)

С такими именами нельзя взобраться на Олимп, Музы просто вышвырнут оттуда. Итак, надо было изыскивать способ пригладить эти лохматые имена и придать им вид, приемлемый в салонах.

Один из таких способов был крайне примитивен: к немецкому имени добавляли латинское окончание -ус. Так Конрад Самуэль Шурцфляйшиус, ученый, преподаватель Виттенбергского университета освободился от позорного признака своего низкого происхождения; окончание -ус позволило ему стать достойным членом благородного сословия ученых.

Авторы научных книг пользовались этой наклейкой -ус несколько веков и действительно добились уважения к своим именам: в обществе стали считать, что, если фамилия оканчивается на -ус, то это наверняка человек ученый; простым смертным это не позволялось. На обложках книг, при цитировании работ имена ученых писались исключительно с окончанием на -ус, оно не только элегантно звучало, но и имело практическое значение, потому что такое имя можно было просклонять. Если кого-то звали, например, просто Буллингер, то это имя в латинских текстах было обречено на вечную застылость как неподвижный номинатив, а вот Буллингерус, напротив, обладал приятной гибкостью и в склонении уже звучал с такого рода разнообразием: Буллингерум, Буллингери, Буллингеро. Более того, если в научной литературе встречались имена нескольких представителей этого семейства, то их тоже можно было склонять всех вместе: Буллингерос, Буллингерорум.

Однако воистину странно, что никому не приходило в голову, какое ужасное варварство приклеивать латинское -УС к немецкому имени и протаскивать это чудовище в единую гармонию текстов, написанных на языке классиков, даже если эти тексты и писались уже почти на кухонной латыни. Простые немецкие фамилии еще как-то проходили. Галлерус, Геснерус, Моллерус, Хоппелиус, Моргофиус, Герхардус, Форстерус и еще многие сотни латинизированных немецких имен постепенно стали привычными, и даже современный читатель вполне мирится с ними, даже не замечая всей их гротескности. Но уже Буксторфиус, Нирембергиус, Равенспергиус, Швенкфельдиус, Пуфендорфиус звучат куда более цветисто; что же касается фрейбургского профессора математики Шреккефухсиуса, то его имя можно выставлять вместо пугала на винограднике.

Обладатели скрежещущих германских имен и сами понимали, что -ус не делает их имена очень уж музыкальными, поэтому они стали прибегать к другому способу: переводили свои "железные" имена на благородные греческий и латынь. Так, грубая волосатая германская личинка превращалась в классически нарядную бабочку. Замечательный Ламмершванц преподавал в Йенском университете логику и этику уже как Каспарус Арнурус; ученый Риндфляйш стал доктором Букретиусом, а Бродкорб из Померании подписывал свои работы звучным именем Артокофинус. Вот небольшая коллекция прочих личинок, превратившихся в бабочек:

Оэколампидус — прежде Хаусшайн

Меланхтон — прежде Шварцерд

Апианус — прежде Биневитц
Коперникус — прежде Кепперник
Ангелократор — прежде Энгельбарт
Архимагриус — прежде Кюхенмайстер
Ликостенес — прежде Вольфхарт
Опсозус — прежде Кох
Осиандер — прежде Хозенэндерле
Пеларгус — прежде Шторх
Сидерократес — прежде Айзенменгер
Авенариус — прежде Хаберманн
Камерариус — прежде Каммермайстер
Парсимониус — прежде Карг
Пиериус — прежде Бирнфельд
Урсисалиус — прежде Биршпрунг
Маллеолус — прежде Хеммерлинг
Пеперикорнус — прежде Пфедфернкорн

Дурашливой модой увлеклись и другие народы. Так, швейцарец латинизировал свое славное французское имя Chavin на Calvinus, из бельгийского Байера стал Вирус, из польского Стойински — Статориус, из французского Уврие -Операриус, из английского Бриджу отер — Аквапонтанус.

Список можно дополнить сотнями, а то и тысячами имен. Против этой странной моды не помогла даже убийственная сатира "Epistolae obscurorum viroꝝ" ("Письма черноголовых мужчин"), вонзившая жало в классицизированные имена. В этих пресловутых письмах используются, например, такие имена: Маммотректус Бунтемантеллус (Пестроплащевый Сиськохвататель), Пультрониус Культифрекс (Ножеделатель), Пардорманиус Форнасифицис (Печкоделатель Пукатель) и т. д. Хорошо еще, что сам изобретатель книгопечатания Иоганн Генефлейм I не попал в этот список. Живи он на сто лет позднее, то, может быть, сейчас в школах ученикам пришлось бы зубрить какое-нибудь Иоганнес Ансерикарносус или что-то вроде этого вместо бессмертного имени Гутенберг.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ НОВОГО БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ

Итак, новая аристократия приобрела благозвучные имена, но по-прежнему сильно отставала от старой в другом: не хватало генеалогических древ. Надо было постараться каким-то другим способом зажечь нимб вокруг новых имен. Этим стараниям мы и обязаны семейными историями, в которых собраны все известные мужи, носившие распространенные имена Шмидт, Вольф, Мюллер, то есть принадлежавшие к семействам Шмидиус, Вольфиус, Мюллерус. Гоец, любекский суперинтендант, написал книгу "De claris Schmidus" ("О славных Шмидтах"). Вольфов увековечила диссертация, которую подготовил и зачитал в Лейпцигском университете один из ученых представителей этого чрезвычайно разросшегося семейства. Диссертация называлась "De nominibus Lupinis" ("Об именах Волковых"), так находчиво латинизировал он бесцветное имя Вольф.

Что касается Мюллеров, то и о них готовился основательный труд, но, к сожалению, от него остался лишь небольшой фрагмент. Фленсбургский профессор Иоганнес в книге "Nomonumoscopia" ("Исследование одинаковых имен") дал обещание, что напишет историю Мюллеров под названием "Mola musarum castalia" (что-то вроде "Мельница как кастальский источник муз"). Под этим благозвучным и многообещающим заголовком премудрый датский полигистор намеревался собрать всех ученых, имя которых было связано с мельницей и мельниками. В это произведение попали бы все известные Мюллеры, Моллеры, Молиторы, Молинару, Молины, Молинетто, Милиусы, Мойлены, Молленбеки, Мюльрады, Мюльберги, Мюльбахи и т. д., в этом списке можно было бы найти даже венгерских Молнарушей.

К вящему горю всех мельниц и мельников это великое произведение так и не появилось. Автор только подразнил им, издав в качестве приложения к будущей книге подробнейшую опись литературного наследия примерно пятидесяти штук Мюллеров. Об остальных Мюллерах он опубликовал только статистику, но даже и этот краткий перечень обрадовал весь ученый мир, а потом и огорчил: великому замыслу не суждено было осуществиться.

Статистика глаголет о том, какие личные имена носили Мюллеры. Мы узнаем, что среди Молиторов было 4 Иоганна, среди Милиусов — 8, среди Моланов — 3, среди Мюльманов — 4, среди Мюльпфортгов — ни одного; с другой стороны, этот недостаток Иоганнов возмещает семейство Мюллеров, в лоне которого мы вплоть до 1697 года включительно находим не менее 44 Иоганнов. Современного читателя наверняка заинтересует также, что среди Мюллеров оказалось еще 9

Андреасов, 2 Бальтазара, 5 Бернатов, 2 Карла, 6 Гаспаров, 7 Христианов, 6 Даниэлей, 7 Иоахимов, 2 Тобиаса и т. д. и т. п., более того, при внимательном чтении списка выясняется, что было еще 4 Иоганна Георгия, 4 Иоганна Якоба, вместе с которыми отряд известных и известнейших Иоганнов увеличился до 52.

Но что это в сравнении с Майерами! Великолепный доктор Пауллини, один из самых разносторонних и почитаемых писателей эпохи барокко, составил известный список Майеров. Он сгруппировал 207 известных Майеров по профессиям: юристов, врачей, теологов и т. д. В эту парадную команду входили все, кто носил фамилии Майер, Майр, Мейер, а также образованные от них с помощью всевозможных приставок. Вот несколько тому примеров: Штрохмейер, Штольмайер, Листмайер, Гастмайер, Эигенмайер, Кирхмейер, Спицмайер, Стальмайер, Хинтермайер, Вишмейер, Дистельмейер, Ханнермейер, Менхмайер, Бухмейер, Хандмейер и еще тьма всяких Мейеров и Майеров. Доктор Пауллини не хотел чужих лавров и сообщил, что существенную помощь в работе ему оказал геттингенский профессор Иоахим Майер.

Описание Майеров, вероятно, понравилось в научной среде, потому что Иоахим Майер отдельно от доктора Пауллини начал самостоятельно проводить исследования и плоды своей работы собрал в чрезвычайно интересной книжице, которая вышла в Геттингене в 1700 году под заглавием "Antiquitates Meierianae" ("Древности семьи Майер").

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ФРАК

В Мюнхене в придворной и государственной библиотеке на протяжении жизни целого поколения пылились на полках 50-60 увесистых томов рукописи. В начале семидесятых годов прошлого века прелат Себастьян Бруннер, ученый и писатель, взялся за этот огромный материал и результаты своих раскопок открыл миру в двух томах "Humor in der Diplomatie etc." ("Юмор в дипломатии", Вена, 1872). Устрашающе толстые пачки рукописей содержали доклады послов императора Габсбурга в Мюнхене с 1750 по 1790 год. Как они попали назад в Мюнхен — неизвестно.

Судя по заглавию книги, материал имел юмористическую окраску. Однако господа послы не приправляли свои сообщения аттической солью¹. Фразы предстают читателю во всей дипломатической сверхсерьезности, приличествующей придворному этикету, а писавшие их вряд ли задумывались над тем, что неблагодарные потомки сделают из них юмористическое чтиво.

Перед нами раскрываются хитросплетения придворных интриг, чванство незначительных особ, вопросы титулов и должностей, комариный писк, выдаваемый за слоновий рев.

10 апреля 1756 года посол выражает обиду по поводу того, что его ливрейным лакеям приходится платить у городских ворот, если они возвращаются в город после их закрытия.

Неужели лакеи баварского посла в Вене тоже платят у городских ворот? Ответ: да. Тогда императорский посол решает вопрос так: он грозит прогнать любого из лакеев, кто посмеет в ливрее опоздать к закрытию ворот. Этому вопросу посвящается тринадцать печатных страниц. Наконец 30 апреля посол докладывает, что князь разрешил его от платы у городских ворот. "Не могу понять — сей благоприятный результат получен только благодаря моей настойчивости? Или же курфюрст пожелал представить доказательства своего доброжелательного к моей особе отношения? Или же такая привилегия говорит о признании отличий между послами императора и курфюрста?"

6 апреля 1770 года четыре печатных листа посвящено приготовлениям к приезду в Мюнхен великой герцогини Габсбург. На удивление сложным оказался вопрос о месте церемонии прибытия. Императорский посол требовал, чтобы дворянской гвардии, сопровождавшей великую герцогиню, было разрешено въехать на конях во внутренний двор княжеского дворца. Курфюрст упрямо восстал против этого — гостью могут сопровождать только до ворот дворца. Напрасно продолжал настаивать посол, все его попытки разбились о сопротивление курфюрста.

27 марта 1778 года. Конференция под председательством курфюрста; решается вопрос, как повязывать ленту Святого Георгия — через грудь слева направо или справа налево? Совещание постановило в пользу последнего правила. Велико же было изумление посла, когда на первом же придворном празднике курфюрст надел орденскую ленту слева направо. В донесении он почти снисходительно добавляет: "Тем самым курфюрст заботился лишь о том, чтобы свой орден Золотого Руна на видное место повесить".

В потоке донесений самые бурные споры происходят вокруг *praecedentia* — вокруг права первенства. Послы ни волоска не уступали привилегий, полагающихся их хозяевам. Тут действовал двойственный принцип: отвоевать то, что положено их доверителю, и воспрепятствовать тому, чтобы посол другого властителя мог получить то же.

В 1761 году граф Подстаски как представитель немецкого императора принял участие в выборах

епископа в Пассау. Речь шла не о церковном, а о светском акте; император как сюзерен передавал ленные права новому епископу, саксонскому королевскому герцогу Клементию. Пышность была необыкновенная. Но тут же в самом начале возник "прискорбный" инцидент между императорским поверенным и капитулом. Граф ссылаясь на протокол церемонии выборов 1723 года и требовал, чтобы два выделенных для его торжественной встречи каноника в окружении всего епископского двора ждали его внизу первой лестницы, затем сопровождали вверх по второй лестнице до самого парадного зала. Однако церемониймейстер капитула раскрыл перед ним более старый протокол от 1680 года; из него со всей очевидностью явствовало, что два каноника обязаны встречать императорского поверенного не внизу первой лестницы, а только на площадке между первой и второй лестницами. За недостатком времени граф вынужден был уступить, специально оговорив этот случай, однако, чтобы в будущем из него не делали прецедента и права немецкого императора не нарушались.

Тем большего успеха он достиг при рассаживании. На выборах граф сидел под черным балдахинном в кресле, обтянутом черным сукном. Во время визита капитула его кресло отличалось от кресел каноников тем, что с него свисала золотая бахрома. На торжественном обеде его кресло было обтянуто красным бархатом. За здоровье императора он пил из хрустального кубка на золотом подносе; членов капитула он приветствовал по очереди простым стаканом; когда епископ поднял тост за графа, тот выпил вино из кубка с крышкой.

Граф не упускает также возможности описать, каким образом он занимал свое место за столом совещания. Каноники а *dextro latere* (правой стороны) стояли у самого стола, а левой стороны — отодвинув свои стулья, так что императорский поверенный проходил на свое место между ними и столом.

В таких случаях, именно углубившись в подробности, начинаешь понимать, как тяжела была карьера дипломата.

В любую минуту посол мог поскользнуться на коварно отполированном веками пути этикета и сломать себе шею. Отсюда вечные опасения, бдительная настороженность, постоянная придиричность по поводу привилегий и приоритета.

Граф Оттинген, посол Леопольда I, в Заланкемене встретился с послами султана. Каждый из них смотрел за другим, как тот слезает с лошади. Потому что если кто-то раньше коснется подошвой земли, то этим выразит унижение перед еще сидящим в седле. Австрийский граф был человек большой, передвигался с трудом и не мог одним махом соскочить с седла. Пока он медленно слезал с лошади, турки, приподнявшись, стояли одной ногой в стремях. Наконец граф встал на землю, в тот же момент и они соскочили с коней.

Не только пятки имели большое значение в дипломатии. Много значения придавалось и другой части тела: кто скорее усаживался, тот выгадывал в авторитете. На международном конгрессе в Карловицах (1698-1699) послы Австрии, Польши и Венеции в опасениях за свой авторитет прибегли к остроумной уловке. Они велели сколотить им круглое строение с единственным залом и круглым столом посередине. В здании было четыре двери, против каждой из дверей снаружи приставили по посольскому шатру. По сигналу послы одновременно вышли из своих шатров, разом открыли двери и с солдатской точностью разом уселись за стол переговоров. Ни одному из них не вышло обиды!

Король Пруссии Фридрих II направил послом в Версаль однорукого полковника, не на шутку озадачив тем самым французский двор. Ведь если теперь послом Франции в Берлин поедет человек с руками и ногами, то прусский король будет посмеиваться в кулак. Совещались до тех пор, пока не нашли одноногого дипломата, и тот именно благодаря своей инвалидности получил почетное место посла в Пруссии.

Возможно, это просто анекдот, но тогда весьма характерный. В противоположность этому чистейшую правду содержит дневник сэра Джона Финетта, главного церемониймейстера, который он вел обо всяких церемониальных странностях, встреченных им³. Дневник вышел в свет только после его смерти, то есть он совершенно определенно не думал о публикации и писал свои воспоминания исключительно ради собственного удовольствия.

Больше всего неприятностей у него было со строптивым венецианским послом. Итальянца как-то пригласили на Придворное празднество, но прежде, чем ответить, он призвал к себе сэра Джона и потребовал слово в слово сообщить ему текст приглашения, направленного французскому послу. Он упрямо настаивал, чтобы его приглашение звучало точно так же, как и французского посла, до единой буквы. Сэр Джон уважил просьбу и как человек, хорошо выполнивший свою работу, отправился домой. Но опять прибежал посыльный и, запыхавшись, доложил, что венецианец желает знать, будет ли присутствовать на празднестве посол великого герцога. Да. В этом случае соблаговолите, сэр Джон, сообщить, какой посол раньше получил приглашение, он или великий герцог? Потому что от этого зависит, пойдет он или нет. Что было делать сэру Джону? Успокоил: дескать, да, венецианского пригласили раньше.

Наиболее удачно выступил сэр Джон в конфликте, возникшем между вечно ссорившимися испанским и французским послами. Речь шла о том, кому сидеть по правую руку от папского посла на конференции. Не вызывало сомнений, что у папского посла есть только одна правая рука. Церемониймейстер блестяще вышел из трудного положения. Он попросил папского посла вызвать из Парижа папского нунция. Посол посмеялся, однако вызвал. Теперь, совершенно естественно, по правую руку от папского посла полагалось сидеть нунцию. Обоим скрежещущим зубами послам предоставили свободный выбор места. Французский посол выбрал левую руку — так он все же сидел ближе к папскому послу; испанец выбрал правую сторону; хоть и через нунция, но все же он получал более почетное место. Оба остались довольны.

Бывало и так, что не помогали никакие уловки, интриги, посредничество. Послы сами решали между собой вопросы первенства с помощью оружия.

Невероятный случай произошел в Лондоне в сентябре 1661 года. Новый посол Швеции прибыл в Лондон по Темзе. Согласно придворному этикету на берегу у Тауэра посла ожидал королевский экипаж, который доставил бы посла в Уайтхолл. К шествию должны были присоединиться парадные кареты иностранных послов. Разразился острый спор: какой карете ехать непосредственно вслед за шведским послом — испанской или французской? Король Карл II пожимал плечами: решайте, мол, господа, сами между собой. Хорошо, уж они-то решат.

Английское правительство знало, что это решение может вылиться в скверную стычку, поэтому распорядилось держать своих граждан подальше. В гавань были направлены солдаты, они оттеснили тысячные толпы зевак. По доброму английскому обычаю солдат не интересовало, каким образом чужеземцы будут колошматить друг друга.

Шведский посол должен был прибыть в три часа пополудни. Испанская карета была на месте уже в десять утра в сопровождении вооруженного отряда в пятьдесят человек. Французы опоздали и оказались в худшем положении. Но у них было сто пятьдесят человек, сто пеших и пятьдесят конников.

Показалась ладья, на берег вышел шведский посол, занял место в королевском экипаже. Едва карета тронулась, противники налетели друг на друга. Испанцы развернули боевой строй и преградили путь, чтобы прикрыть собственный экипаж, который, воспользовавшись преимущественным положением, уже катил за каретой со шведским послом. Французы дали залп из пистолетов, потом со шпагами наголо бросились на испанцев. Началось настоящее побоище. Испанцы, одержимые гневом, сражались против нападавших превосходящим числом французов, не уступая ни пяди. Двенадцать человек полегло и сорок было ранено. Один житель Лондона увеличил собою число убитых: любопытство заманило его в опасное место, и ему прострелили голову.

Казалось, что в противовес слепому героизму испанцев французы лучше разбираются в военных науках. Они держали в засаде на всякий случай конный отряд, задачей которого было догнать испанскую карету, напасть на нее и перерезать построшки. Так и случилось. Однако — о чудо из чудес! — построшки не поддавались оружию. Испанцы оказались хитрее: вместо ремней они взяли цепи и обернули их в кожу, чтобы они казались ременными.

Исход битвы был решен, вопрос приоритета — нет. Людовик XIV в гневе теребил свой парик. Он порвал дипломатические отношения с Испанией. Он вернул паспорт испанскому послу, а своего отозвал из Мадрида. Ветер войны задул над Пиренеями. Испания, чувствовавшая себя слабее, была вынуждена склониться. Маркиз Фуэнтес, посол Испании, в присутствии версальского двора и двадцати шести иностранных послов торжественно заявил, что Испания признает дипломатический приоритет Франции. По случаю столь важного события Людовик приказал вычеканить памятную медаль. На одной ее стороне изображена его голова в венке, а на другой — он, стоя под балдахином своего трона, перед ним в униженной позе маркиз Фуэнтес, вокруг прочие послы. Надпись по кругу: "Jus graese — denti assertum, confitente hispanorum oratore" (право приоритета подтверждено, посол испанцев это признал).

У жизни есть своя стратосфера. Сюда не воспаряет запах пота от постоянного соперничества: тот, чьи пеленки судьба развешивает здесь, может прожить жизнь "вне всякого соперничества". Ему только и заботы, что держать всех на положенном расстоянии в три шага. До сих пор — и не далее — предупреждали неосторожного, желающего приблизиться, невидимые фотоэлементы, которыми родители уже в момент рождения окружали свою царственную поросль I .

Все мы знаем из истории моды, что такое шлейф. По большим празднествам знатные особы делали свою поступь величественней тем, что сзади наращивали шлейф. Ниспадающий со спины и волочащийся по полу этот избыток одежды не только оптически увеличивал фигуру, но и делал походку более торжественной. Знатность и богатство того, кто носил эту тяжелую, из расточительно дорогих тканей одежду, были очевидны.

Итак, заботливые родители отправляют знатного младенца на праздник жизни, щедро отмерив

ему шлейф имен. 20 ноября 1878 года один отпрыск итальянской владетельной семьи, но без трона, заключал брак во французском Клиши. Мэру пришлось поломать голову над тем, как вместить в графы книги регистрации браков длинный шлейф имен, явно превосходящий шлейф невестинного платья. Эдуард Леви, автор "Les manuel des preoms" не пожалел труда и выписал массу имен, внушающую почтение:

Паскуале, Байлен, Мария Дель Кармина, Джiovанни Баттиста, Винченцо, Фенери, Микеле, Аркангело, Франческо ди Паола, Фердинандо, Франческо ди Ассизи, Луиджи Ре, Альфонсо, Гаэтано, Джузеппе, Пьетро, Паоло, Геннаро, Луиджи Гонзага, Джiovан' Джузеппе Делла Кроче, Гаспаре, Мельхиоре, Бальдассаре, Альберто, Себастьяно, Джорджио, Венанцио, Эммануэле, Плацидо, Андреа, Авелино, Рокк, Пасифико, Фран-ческо ди Джеронимо, Феличе, Терциано, Анна, Филомена, Себавия, Лючия, Луитгарда, Аполония.

Если я правильно подсчитал, всего сорок два имени. Подходящий материал для скучающих англичан, чтобы заключать пари: может ли сам принц на одном дыхании произнести все свои имена?

Мне под руку как-то не попалось испанского примера, хотя общеизвестно, что у них шлейфы имен наиболее употребительны. Когда к английской королеве прибыл испанский посол, она попросила одного очень богатого и авторитетного горожанина устроить торжество в честь испанского посла. Испанец и понятия не имел о том, что такое в Лондоне Сити, он слышал только имя будущего хозяина праздника. Оно, конечно, было кратким: Джон Катс. Возмущенный испанец помчался к гофмейстеру: достоинство испанского короля не позволяет, чтобы его представитель обедал у людей с односложными именами. С большим трудом дело удалось уладить. Похоже, что непривычно длинный шлейф угощений и подарков смягчили заносчивого испанца.

"ПРЮГЕЛЬКНАБЕ"

Ребенок растет, ему надо учиться, а он не хочет. В буржуазных семьях в таких случаях леность духа лечили камышовыми розгами. Аристократический фотозлемент этого не позволял. В княжеских домах эту трудность преодолевали с помощью многоумного заведения: при княжичах держали компаньонов по играм, которые вместе с ними росли, подбирая крохи науки с их стола.

Но каким бы тихоней ни был товарищ по играм, как бы хорошо он ни учился, вместо княжича били всегда его, если тот безобразничал или не знал урока. Прюгелькнабе — так называли жертву. Он появился впервые в XVI веке в Германии. Даже императора Максимилиана, по его собственному свидетельству, учитель примерно колошматил, если он не учил урока.

Это жизненно важное заведение внедрилось и в Англии, там страдающий субъект звался "уиппинг бой". Казалось бы, бессмысленнее и глупее этих затей вельможная спесь не могла и придумать. А ведь придумала-таки. Изабелла Баварская, супруга французского короля Карла VII, заставляла вместо себя творить девятидневную молитву придворного врача. Она же дала обет совершить паломничество в Авиньон, но послала туда своим заместителем скорохода. Из придворных счетов тоже всплыла интересная статья расходов: в 1417 году королева уплатила одному человеку 9 ливров и 6 су за то, что тот вместо нее постился 36 дней2.

Нечто похожее в своих воспоминаниях пишет Сен-Симон о графине Олонн. Под воздействием проповеди она признала необходимость поста и тут же, прибыв домой из церкви, приказала всему штату прислуги поститься ради ее души.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ "КУРИТЬ ФИМИАМ"?

Феодальное титулопочитание не пощадило и церкви. Там в буквальном смысле происходило действие, которое сейчас означает лишь фигуральное понятие: курить фимиам. Дворянин, покровительствующий той или иной церкви, по какой-то древней привилегии во время богослужения мог потребовать, чтобы и ему досталось дымка душистых курений. Это было так называемое droit d'encensement, право фимиама. Грамота о привилегиях точно определяла, сколько раз надо обмахивать кадиллом главу семьи, жену, детей. Титулованным особам высшего ранга полагалось больше обмахиваний, чем простым дворянам. Сколько раз из-за этого затевались судебные процессы, и всякий раз суду приходилось решать, чья привилегия сколько обмахиваний предполагает.

Членом лионского капитула Святого Иоанна могло быть лицо только благородного происхождения, которое по прямой отцовской и материнской линии могло предъявить четырнадцать благородных предков. Возражать против этого было бесполезно. Основатели заводят порядки, какие они хотят. Там, в божьем доме, любой каноник одинаково покорно служит господу, даже если в его жилах течет голубая кровь. Заблуждение. Дух четырнадцати предков ударял благородным господам в

коленки. Во время службы при богоявлении каноники капитула Святого Иоанна не преклоняли колен. Они оставались стоять, как и подобает благородным людям, выдержавшим испытание на древность предков. Парижская Сорбонна — а в те времена она была известной инстанцией и в делах церковных — возмутилась вельможными выходками и запретила их. Благородные господа не оставили дела и подали жалобу в королевский совет. Тот вынес осмотнительное решение: отменил постановление Сорбонны на том основании, что она не имела права выступать по этому вопросу, но поостерегся высказаться по поводу того, действительно ли полагается членам лионского капитула эта необычная привилегия.

Призраки средневековой тьмы, словно летучие мыши, носились под сводами церквей. Современный человек, наверное, не поверит, что каноником мог быть тот, кого даже не рукополагали в священники. А ведь действительно мог. Объяснение тому таково: капитулы имели огромнейшие доходы, и представлялось вполне подходящим, чтобы в прибылях участвовали и сеньоры высокого ранга. Так было заведено наследное каноничество. Например, наследными канониками только что упоминавшегося лионского капитула были герцоги Берри. При рукоположении в сан дому божьему приходилось терпеть странные вещи. В 1403 году герцог Орлеанский как член капитула в Сент-Аньяне служил службу в каноническом одеянии, потом опять переделся герцогом.

В Окзерре капитул по собственной инициативе избрал своим членом графа Шастеллю за то, что то спас церковь от банды разбойников. Сей достойный дворянин явился в церковь на церемонию положения в сан со шпорами, при шпаге и с ловчим соколом на правом кулаке, его церковный сан символизировали лишь наброшенные на левую руку головной платок и накидка каноника. Так он вошел в церковь и в этом же воинственном одеянии занял стул каноника I.

Церковь мирилась со всем этим. А куда было жаловаться? Сами французские короли были канониками многих капитулов с большими доходами.

Барин, он и в церкви барин...

ФЛЮГЕР ДВОРЯНИНА

Иностранец, проезжавший по старой Франции, замечал, что на коньке домов не петушок показывает направление ветра, а флажок. Да и тот встречался не так уж часто. И форма флажка разная: один -правильный четырехугольник, другой разрезан на два язычка, один язычок длиннее, другой короче.

Однако не вкус хозяина сделал их разными. Флюгера не только скрипели, но и говорили на своем языке: они издали сигнализировали с крыши, что их хозяин дворянин и на лестнице дворянских рангов занимает такое-то место.

Это и был *droit de girouette*, вокруг которого бушевало еще больше правовых споров, чем вокруг права окуривания ладаном. Сложилось так, что четырехугольная форма флажка полагалась только знаменным дворянам², дворянство меньшего ранга должно было довольствоваться флажком, разрезанным на два язычка. Тот, кто внутри этих двух классов претендовал на более высокое положение, мог соответственно уровню своего ранга сделать иглу флюгера повыше. На железной пластине можно было нарисовать свой герб либо пробить его мелкими дырочками наподобие сита. Таким образом, выражение "ветряной петух" не подходит к французским флюгерам. Французское *girouette* в фигуральном смысле означает то же, что у нас флюгер. После поражения Наполеона вышла одна ехидная книжица с таким названием "*Dictionnaire des girouettes*". В ней в алфавитном порядке указаны все те политические и общественные деятели, которые на протяжении своей карьеры не раз поворачивались то туда, то сюда в зависимости от того, какие дули ветры — республики, империи или королевства. (Если кто-нибудь собирается написать подробную книгу, могу сообщить, что первое оригинальное издание было выпущено в 1815 году в Париже фирмой А. Эймери. Автор по вполне понятным причинам не пожелал назваться).

БЕРЕГИСЬ! БАРИН ИДЕТ!

Итак, *girouette* не походил на петушка, зато петуху подражал сам барин, когда выходил из ворот своего дома. Одежда его была пестра и роскошна, как петушиные перья, и выступал он так же гордо. Разве что не кукарекал.

Кукареканье ему заменял, и не одно столетие, довольно странный аксессуар — погремушка. Сначала погремушками украшали пояс, потом, когда они сюда уже не умещались, их начали нанизывать на край платья, на башмаки, по плечам, на шляпу. Погремушки сотнями обвешивали мужчин и женщин и издавали такой перезвон, что в церквях пришлось запретить

эту неразумную моду — она мешала службе.

Как возникла эта звенящая мода? Этого мы не знаем, известно только, что ее победный марш начался в Германии. Баре феодальной поры ухватились за нее, потому что так о своей знатности можно было заявлять не только сверканием золота, но и звуками: мол, берегись! Барин идет! Поди с дороги!

Древняя groningenская хроника сообщает о в буквальном смысле "Прогремевшем" в 1370 году придворном празднестве так: "В блестящих одеждах прибыли рыцари, дамы, девицы; к поясу у них были привешены золото-серебряные колокольцы; длинный плащ ниспадал с плеч; были тут и шур-шур, клинг-клинг!"

Ульрих фон Лихтенштейн¹, сладкоголосый поэт рыцарских времен и неисправимый дамский угодник, как известно, бился на сотнях турниров в честь своей дамы. На одном из поединков он столкнулся с другим таким же одержимым, который, по описанию Ульриха, был действительно достойным рыцарем и прискакал на ристалище в великолепном наряде — на нем было пятьсот погремушек, и даже на острие его копья позванивали маленькие колокольчики.

Когда числом погремушек уже невозможно было удивить мир, находчивые господа начали увеличивать их размеры. Погремушки стали с орех, с абрикос. Затем и эта мода прошла, погремушки навешивали вперемежку с бубенчиками или даже замещали ими, потом и бубенчики выросли до маленького колокольчика. В одной древней немецкой хронике описывается "колокольная" мода 1400-1430 годов; вес колоколов, подвешенных на ленте, достигал 10-15 марок, а самые модные экземпляры тянули и на 20 марок (примерно 10 фунтов).

На протяжении четырех веков гремучую моду воспринимали настолько серьезно, что не видели в том святотатства, когда одежду святых на алтарях украшали погремушками, полагая это высшей степенью поклонения. В старинном городе Галле можно увидеть статую Святого Морица, которую в 1411 году изготовил мастер Конрад фон Аймбек. На святой статуе висят погремушки. В народе ее по сей день называют "Der Sellenmoriz".

В одежде мода скоро приходила и так же скоро отходила. Представляется невероятным, но мода на погремушки "прогремела" из XII века в XV. Своим упрямым противостоянием основному закону моды — изменчивости, она обязана единственно лишь языку погремушек. Погремушка, бубенчик, колокольчик был звонким герольдом дворянского достоинства, как и повешенный на шею коровий колокол — признак очень высокого дворянского титула.

Но ничто не вечно под луной. Погремушки все же сошли с плащей господ рыцарей и благородных дам. Однако не исчезли окончательно из поля зрения человечества. По сей день мы видим их на карточных фигурках, среди игрушек и особенно на самых подходящих для них местах — шапках клоунов².

УКАЗЫ ОБ ОДЕЖДЕ

Впрочем, что касается внешнего вида, то в стародавней борьбе сословных званий и денег проигрывали всегда деньги. У богатого буржуа был бы способ богатым видом одежды перещеголять более бедного дворянина, но это воспрещалось сословными законами. По феодальным понятиям требовалось, чтобы сословное преимущество было видно по одежде. Но если появлялся какой-то новый каприз моды, а сословных традиций оказывалось недостаточно, чтобы удержать его в положенных рамках — сословная обида тут же давила на закон, и тот спешил вмешаться. В эпоху длинноносой обуви закон определял, кому и как сильно загнутый нос положено носить согласно его сословному положению. Длина шлейфа дамских платьев соответствовала положению самих дам. В середине XV века у знатных женщин появился новый головной убор — эннен, имевший форму сахарной головы. Эффект усиливался вуалью, ниспадавшей с вершины этого чепца. Естественно, каждая дама стремилась сразить своих товарок как можно более длинной вуалью. В этом гипертрофированном соперничестве пришлось навести порядок. Длина вуали была определена особыми указами, у именитых горожанок вуаль могла ниспадать до пояса, у благородных дам — до каблуков, дамы из царствующего дома могли мести ею пол.

Появились и указы, до мелочей определявшие даже повседневную одежду. Они преследовали две цели: положить пределы не в меру разгулявшейся роскоши и вместе с тем подчеркнуть девиз феодального мира: "Никаких свобод, никакого равноправия, никакого братства!"

Один из самых древнейших указов об одежде был издан французским королем Филиппом Красивым¹ в 1298 году. В первую очередь он обуздал горожан: они не имели права носить горностая и серого благородного меха, не могли надевать золотые украшения и драгоценные камни, золотые и серебряные диадемы. Платья дворян должны были отличаться выделкой тканей соответственно рангу.

Герцог и граф могли шить себе платье из самых дорогих тканей, барон — из ткани не дороже 25 турецких грошей за аршин, знаменитый дворянин — не дороже 18-ти, графский сын — 16-ти, баронский сын — 15-ти, именитый и состоятельный горожанин — 12-ти, прочим горожанам дозволялось покупать ткани не дороже 10-ти. Для дам король по-рыцарски сделал некоторую скидку: жена барона могла щеголять в тканях на одну пядь дороже, чем у ее супруга; жена именитого горожанина — дороже на 4 гроша, жены прочих горожан — на 2 гроша дороже. Герцогини и графини были выше всякого закона, они могли разряжаться, как райские птицы.

Немало всевозможных указов об одежде было у немцев. Крюниц с сожалением упоминал, что даже на имперских собраниях депутаты частенько тратили время на обсуждение указов об одежде. Бюргеры в своих кругах вырабатывали собственные правила, ограждающие ее кастовость. В городском архиве Лейпцига хранятся, например, указы от 1550, 1595, 1628, 1634, 1640, 1649, 1698 годов.

В 1786 году в Вене появилась необычная листовка с подробнейшим, составленным со всей австрийской бюрократической точностью проектом указа об одежде². Кем был рожден этот проект — осталось тайной, хотя текст, без сомнения, указывает на приватное авторство.

Расставляя общественные перегородки, автор придерживался феодальных правил. Среди граждан государства он выделил дворянство и высшую знать, а остальных растолкал по 12 группам следующим образом: 1. Государственные чиновники, от председателя до секретаря; 2. Преподаватели университетов; 3. Доктора права; 4. Доктора медицины; 5. Фармацевты; 6. Хирурги; 7. Актеры и художники; 8. Банкиры, купцы, мануфактурщики; 9. Бюргеры; 10. Не имеющие права называться бюргерами, но работающие по патенту ремесленники; 11. Прочие ремесленники и мастера; 12. Прочий люд.

Дворянина отличает перо на шляпе. Герцог имеет право носить черные и белые перья, что напоминает горностаи царствующих особ. Перо на шляпе графа должно быть только белым, у барона — белым и красным, у прочих дворян — черным.

Чиновники обязаны носить мундир как военные. Различия в чинах должны отражать разные галуны и металлические пуговицы. Нижним чинам полагались пуговицы, обтянутые тканью. Если чиновник имеет дворянское происхождение, то он может приколоть и соответствующее перо.

Преподавателя университета отличают полоски золотого позумента, нашитые на отворот рукава. О других ученых не стоит говорить отдельно, потому что не было такого ученого, который не имел бы какой-нибудь должности, а следовательно и Мундира.

Доктору права полагались две полоски золотого позумента, доктору медицины тоже две, но серебряных. Врачи упоминались после юристов, потому что без юристов нельзя себе представить мир, а без врачей, напротив, можно, если люди будут больше уделять внимания своему здоровью. Впрочем, по справедливости юристам следовало бы предписать черную одежду, поскольку они живут чернилами, а врачам и хирургам — кроваво-красную.

Художники и артисты разделялись на несколько подгрупп: музыканты, актеры, мастера фейерверков, книжных дел мастера, скульпторы, резчики медных гравюр, собственно живописцы, резчики печатей. Музыканты подразделялись на три группы: 1. Собственно музыканты, т. е. композиторы, дирижеры, солисты; 2. Оркестранты и учителя музыки; 3. Прочие музыканты. Весь этот мундирный люд можно было различать и узнавать по количеству и цвету шнуров, нашитых на отвороты.

И так далее, и тому подобное, вплоть до парий, объединенных под общим собирательным названием "прочий люд". В конце проекта констатируется, что встречаются и такие, на которых даже понятие "прочий люд" не распространяется. Этим париям из парий следует явиться в полицию, а уж она пропишет им подходящие лохмотья.

В сообщении из Вены, опубликованном в 82-ом номере "Венгерского вестника" за 1784 год говорилось: "То, о чем мы уже давно загадывали, сейчас выходит на свет, т. е. затейливость одежды, о коей сейчас говорят повсюду. Состоящим на службе дозволено будет носить одинаковый щучьего цвета плащ, отворотов коего разный цвет и меховая отделка отличать будут ступень Чина высшую или низшую... Когда сии указы совсем на ноги станут, вот уже будет стоны и плача, зубов скрежетанья, потому что тогда мы сможем отличить слугу от господина, а скорняка, сапожника, портного от Советника".

То есть барин — он и пешком барин.

КОГДА ТРАУР В ОДЕЖДЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА

В смерти все одинаковы...

Ничего подобного!

Закон об одежде распорядился и в доме печали. Простолюдин мог, конечно, скорбеть сердцем, но в высшем обществе скорбь регулировалась указами об одежде. Поначалу вокруг внешних проявлений траура царил кутерьма. В рыцарские времена, насколько мы знаем из легенд о рыцаре Ланселоте, рыцари мазали черным свои щиты, коротко стригли волосы и бороды, даже отрезали носок у своих чулок, так что все десять пальцев на их ногах печально топорщились на белый свет. Дамы надевали платье наизнанку и коротко отрезали хвосты своим лошадям. Но все это не было обязательным, и срок траура не ограничивался. Развивающаяся жизнь французского двора развила, усовершенствовала и привела в систему и правила траура. О подробностях порядка, ведущего к спасению души, потомков информирует один обобщающий труд. Он вышел в 1765 году под названием "Ordre chronologique des deuils de cour" ("Правила придворного траура в хронологическом порядке").

В первую очередь он знакомит нас с понятием "большого траура". Его следовало носить по смерти родителей, дедушек и бабушек, супруга, брата. Весь его период делился на три части: шерстяной, шелковый и малый траур (petit deuil). По смерти родителей шерстяной траур длился три месяца, в этот период правила предписывали простую тканую одежду и самые простые принадлежности к ней. По прошествии 3 месяцев следующие 6 недель разрешалось носить черное шелковое платье с черными украшениями, в последние шесть недель мрачность строго траура смягчалась черно-белым сочетанием малого траура, эта одежда могла шиться из любого материала тонкой выделки, к ней можно было надевать бриллиантовые украшения.

По смерти остальных родственников правила траура упрощались; обязательными были только один черный и один белый периоды.

Продолжительность траура обычай определял так:

супруг — 1 год 6 месяцев,
родитель — 6 месяцев,
родитель родителя — 4,5 месяца,
брат, сестра — 6 недель,
дядя, тетка — 3 недели,
двоюродные родственники — 15 дней,
племянники — 8 дней.

Устав до мелочей перечисляет, в какие отрезки каких сроков, с какого и по какое число, какую одежду и какие принадлежности к ней следует носить. К сожалению, мы не можем воздать должное здесь такой подробной разработке - для этого пришлось бы слишком углубиться в историю.

Придирчивого современного читателя скорее заинтересует, каким образом велся отсчет дней в тех случаях, когда половину срока траура надо было носить черное, половину - белое, а весь срок состоял из нечетного количества дней? Вопрос решался просто: большую часть срока отдавали черному. Например, при 15-дневном трауре на 8 дней растягивался черный период, на белый оставалось 7 дней.

Итак, устав строился на строго формальных принципах. При одном условии он все же оставлял щелочку для проявления чувств, а именно: если носящий траур родственник получал наследство от усопшего. Так, например, за смертью брата срок траура был всего 6 недель, но если пережившего брата ожидало наследство, то правила обязывали его выражать печаль души траурным плащом в течение 6 месяцев.

Во всяком случае, ушедшие в мир иной могли быть спокойны — устав заботился о том, чтобы и после смерти им воздавались почести, положенные по рангу.

Барин, он и в гробу барин...

ПЕРВЕНСТВО НА ЭШАФОТЕ

Посетителей собора в Солсбери одно время поражало необычайное зрелище: мраморное надгробие с гербом, над которым болтался шелковый шнурок. На нем 6-го марта 1557 года повесили лорда Стортонна. Он происходил из древней англосаксонской семьи, однако даже память доблестных предков, сражавшихся в крестовых походах, не спасла его от смертной казни за убийство. Своим предкам, добывшим ему титул, он обязан только тем, что вместо обычной волосной веревки ему накинули на шею шелковый шнурок. Этот шнурок болтался над памятником, пока не сгнил.

В последний раз шелковый шнурок, полагающийся знатному дворянину, применялся 4 мая 1760 года. Лорд Феррерс совершил грех убийства. Палата лордов с великой помпой рассмотрела дело и в соответствии с законом приговорила его к повешению. Убийцу ждала та же виселица в Тайберне, что и простых злодеев, но знатный дворянин вступил на путь, ведущий к виселице, в полагающемся ему

по рангу параде. Он надел свадебный костюм из белого шелка, выложенный серебряными галунами, и кружева, а к месту казни он прикатил в собственной парадной карете, запряженной шестеркой лошадей. Шелковый шнурок позднее попал в пресловутую коллекцию веревок с виселиц сэра Томаса Тирвитта.

Политических преступников ожидал топор или меч. Почести, положенные знатым дворянам, оказывались и там. Во время казни Струэнзе¹ его лакеи смогли взойти на эшафот, чтобы положить останки их господина во гроб, дабы его тело не было осквернено прикосновением палачей. Но это еще можно понять. Неприличное хихиканье гротеска пронизывает поистине драматическое действо, когда старшинству по рангу следуют во время групповых казней. Герцог Гамильтон², граф Голланд³ и лорд Капель⁴ взойшли на эшафот друг за другом по старшинству дворянских титулов: первым герцог, за ним граф, последним лорд — его титул был самым младшим. В 1746 году в Шотландии после восстания в поддержку Стюартов среди двух главных обвиняемых в заговоре лорд Кильманрок был более высок рангом лорда Бальмарино⁵. На покрытом черной простыней эшафоте их ожидал одетый в белое и в белом фартуке палач. Лорд Кильманрок хотел вежливо уступить первенство своему сотоварищу, более старшему по возрасту, но шериф заявил, что не пойдет на такое нарушение. Он настаивал на первенстве по рангу. Итак, голова Кильманрока скатилась первой.

Барин, он и на эшафоте барин...

КУПЛЕННЫЕ И ПРОДАННЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Настоящий барин способен и на такое: купить у бедняка несколько лет жизни и тем продлить свою собственную.

Это не шутка, это было на самом деле. Правда, на Востоке. Тамашние правоведы открыли среди учений Мухаммеда одно положение, которое можно повернуть как угодно и притянуть даже для этой необычной сделки". Был подготовлен текст договора, абсолютно отвечающий правовым нормам и замаскированный под дарственную. Документ был обнаружен бароном Хаммером-Пургсталлем, он опубликовал его полный текст в журнале "Furdgruben des orientis" (Вена, 1810,1, 891).

Текст гласит:

"Настоящий договор о дарении составлен бедным слугой Аллаха (да славится его величие!) эмиром Хафа-заде Мохаммедом, кадием славно хранимого города Галата.

Сего дня высокий суд заседал на берегу моря в районе Бешикташ, квартале Махалези (что тоже принадлежит славно хранимому городу Галата), в том благородном жилище, владелец которого его благородие Юсуф-ага, его милость, сын покойного Измаила-ага, который был многоуважаемым церемониймейстером у ее императорского величества, у нашей покойной, милостивой и знатнейшей госпожи и хозяйки, матушки нашего султана (прими ее, Наидобрейший, под защиту свою навеки). На этом заседании Хаджи Садуллах-ага, сын Ахмеда-аги, по чьему желанию составлен этот великолепный документ, в присутствии вышеназванной милости сделал следующее заявление и устное сообщение.

Передаю по всем юридическим правилам дарения благородному Юсуфу-ага, его милости сыну покойного Измаила-ага, семь полных лет моей жизни, которые от начала вечных времен при создании душ были заранее отпущены мне и записаны в списке, хранимом у Аллаха. Поскольку его уже несколько раз обозначенной милости известно, что пророк Адам (благодать и благословение ему) принес в дар из заранее определенных ему лет его благородной жизни некоторое количество пророку Сету (благодать и благословение ему), и пророк Сет (благодать ему) дар этот принял, по этой причине его милость удостоил на сегодняшнем заседании, проведенном для этой цели, лично подтвердить и перед нижеуказанными свидетелями устно заявить, что он действительно принимает сей дар. Названный во вступительной части сего документа эффенди (да будет счастлив путь его на этом и на том свете) принял во внимание сим случаем благородный смысл глагола весьма достойного самого большого почитания, по которому: Аллах стирает и вносит, что ему будет угодно, и это Он держит в руках своих Книгу Жизни — и по этому подобию для увековечения сказанного составил и записал сей документ.

1211 года, месяца рейбул-акир, дня 28-го1.

Свидетели:

Весьма многоуважаемый Урфан-заде Аариф Эффенди.

Мухаммед Садык Эффенди, камергер его величества.

Омар Эффенди, чохадар его милости.

Ахмед Эффенди, кияя его милости.

В 1807 году, когда янычары свергли султана Селима III с трона, ненавистного султанского

фаворита Юсуфа-агу казнили в Бруссе. Значит, после подписания договора он прожил еще одиннадцать лет. Сколько было из них его собственных, а сколько Сабдуллаха-аги — это уж один Аллах мог бы сказать.

ПРОПУСК НА ТОТ СВЕТ

Если уж я добрался до Востока, то не мешало бы заглянуть и в старую Русь.

Когда один русский князь готовился в последний путь, у него возникли справедливые опасения, может ли он рассчитывать после его-то жизни на благоприятный прием на том свете? И вообще пропустят ли его в рай? И додумался он, что хорошо бы ему заранее позаботиться о соответствующем пропуске на тот свет. Бумагу составил компетентный православный верховный поп и вложил в руку покойнику, лежащему во гробе. Так или иначе, но пропуск по назначению не попал, а очутился в коллекции Британского музея. Вот его текст:

"Мы, Макарий, божьей милостью митрополит Киевский, Галицкий и Всея Руси, к нашему господину и другу, Святому Петру, привратнику Всевышнего.

Сиим подтверждаем, что сегодняшнего дня усоп раб божий по имени Феодор, князь Владимирский. Просим, пропусти его безо всяких затруднений и проволочек в царство Божие. Мы отпустили все грехи его и дали ему наше благословение. А потому ничто не мешает впустить его, и к тому, чтоб было по сему, составили мы для него письмо наше. В Киевском монастыре нашем, 1541 года, июля, 30 дня. Смиренный Макарий, Киева, Галича и всея Руси митрополит².

Пропуска на тот свет снова влекут нас в другую часть света. В 1938 году в Южной Африке мошенники, одетые миссионерами, ходили по негритянским поселениям и продавали пропуска в рай. По одному английскому фунту штука. За пару месяцев они навязали бедным одураченным неграм 1500 пропусков. Можно было даже занять место в раю. Здесь не было определенной цены, кто больше заплатит — тому и достанется лучшее место. Самыми дорогими были места в середине, поблизости от господ бога.

Другая весть датирована октябрём 1936 года. В Бухаресте составили список преступлений одного попавшегося звонаря из молдавской обители. Выяснилось, что он, выдавая себя за епископа, ходил по деревням и продавал крестьянам места в раю. Стоимость участка определялась ценой в 16 лей за квадратный метр. Действительно дешево.

Речь идет о поразительной доверчивости простых людей. Их обманывали дешевыми ценами и подложными документами. Они даже не задумывались, что такие важные сделки можно совершать только через доверенных людей и скреплять документами, составленными по всем правилам.

Так, как действовал сеньор Шатильона.

Он заключил с аббатством в Ключни договор, по которому он передавал ордену большой земельный участок. В порядке возмещения патрон ордена обязался обеспечить ему и его потомкам в раю участки такой же площади, какую имеет передаваемый земельный участок...

Можно было бы предположить в этом какую-то подделку, если бы подлинность документа не подтвердил надежный свидетель, Бонаventura д'Аргонне, монах-картезианец, который под именем Виньоль-Марвилль подготовил интереснейший сборник исторических и литературных анекдотов "Belanges d'histoire et de literature" ("Смесь литературная и историческая", Париж, 1725, т. III, с. 473); в этой работе он публикует текст этого договора и упомянул, что оригинал он видел своими глазами. Барин, он и на том свете барин...

В Тихом океане в районе Каролинских островов разбиваются волны о берега одинокой группы островков. Их зовут Яп. Проживает на них 7-8 тысяч жителей.

В какой бы древней райской невинности ни пребывали япцы, им все же стало известно остроумное изобретение цивилизации — деньги. Однако в недрах островов Яп не таится никаких руд, поэтому им пришлось придумывать какую-то другую валюту. Верный инстинкт подсказывал им, что деньги-ракушки, деньги-собачьи зубы и прочие легко добываемые "деньги" не могут быть серьезным средством измерения ценностей. Надо, чтобы "деньги" имели высокую обменную стоимость. Их выбор пал на продукцию островов Палау, что в 200 милях от Яп, а именно — на добываемый там камень, пригодный для изготовления мельничных жерновов. Месторождение находится далеко от них, приходится прилагать массу усилий для превращения камней в жернова — словом, получают "деньги", имеющие серьезную обменную ценность. Мельничный жернов диаметром в один фут соответствует примерно одной разменной монете. В дырку, просверленную посередине, можно просунуть палку и, взяв ее на плечо, отправиться на базар. Чем больше камень, тем больше его стоимость. Большой жернов диаметром в двенадцать футов соответствует тысячной банкноте; у него в середине вырезана такая дыра, что в нее может влезть любой толстяк.

Но неужели эти многопудовые камни катают туда-сюда, если на них приходится что-то покупать? Отнюдь. Туземцы оказались догадливы! Камень остается лежать на месте, во дворе своего первого владельца, его просто переписывают на имя нового хозяина. Разумеется, только в устной договоренности, но она у них больше значит, чем бумага, потому что тут уж не отмахнешься — мол, какая-то там бумажка! Имущество богатых островитян валяется по чужим дворам. Они могут навещать его, посидеть в дырке жернова, понаслаждаться сознанием собственности, как иной скряга в большом городе, когда у себя дома катает по столу золотые.

А сейчас последует самое интересное.

Над островами пролетела буря, море затопило берег, а когда ушло восвояси, утащило за собой несколько этих безногих скотинок зажиточных островитян — пасшихся по чужим дворам огромных жерновов. После ненастья разыскали пропавшие сокровища — они преспокойно отдыхали на дне морском вблизи берега. Тратить силы на подъем не стоило, и так каждый знал, где под водой лежит его жернов, так что семейное имущество не понесло никакого ущерба...

Читал я где-то, что золотой запас Соединенных Штатов Америки в случае опасности можно упрятать под воду. Золото может сколько угодно покоиться в подводных казематах форта Нокс, и это никоим образом не отразится на стоимости обращающихся там, наверху, многих миллиардов долларовых банкнот. Золотой фонд под водой остается в сохранности...

Вот только одно поражает, как неграмотные туземцы с островов Яп обогнали в изобретательности экономистов, охраняющих национальное богатство современной цивилизации?

ЗОЛОТО ИГРАЕТ В ПРЯТКИ

Сияющая корона восходящего Солнца, полуденный жар пылающего света не были способны так поражать воображение человека, горячить его до такой степени, как коварное свечение холодного желтого золота. Наивные солнцепоклонники почитали Солнце как бога, но это было почитание по обычаю, безо всякого восхищения, можно сказать, деловое почитание, какое полагалось четко выполняющему свой долг надежному, честному божеству. Потому что такого еще не случалось, чтоб Солнце садилось вечером, а утром не вставало бы снова.

А вот золото! Золото! Вдруг сверкнет улыбкой там, где его вовсе не ищут.

Когда испанцы в золотой лихорадке охотились за сокровищами бежавших касиков, они обшаривали индейские вигвамы, домишки, деревни и города, но на след золота так и не попали. А ведь надо было всего лишь нагнуться — там, под их подошвами, поскрипывали золотые зерна. Они мечтали об Эльдорадо и не знали, что они уже ходят по этому самому "эльдорадо".

Золото могло гордиться шуткой, которую сыграло со своими поклонниками!

Триста лет подряд по земле Калифорнии колесили авантюристы из Европы, гонясь за удачей, но никому не приходило в голову запустить руку в сверкающий на берегу реки песок и проверить, так ли уж пустынен слюдяной камешек, в котором так играет луч солнца. В 1848 году человека по имени Маршалл, служившего под началом швейцарского капитана Суттера, рассердили эти ухмылки блесков, попадающихся на каждом шагу, нагнулся он и поднял с земли кусок слежавшегося песка размером с ладонь. Этого поклона золото как будто ждало все эти триста лет: оно засмеялось счастливицу чистыми золотыми крупинками!

Золото как шарлатан само себе делает рекламу. Древние хроники полным-полны известиями о неслыханных золотых чудесах, которые способны увлечь фантазию даже современного человека.

Тысячи пудов золота царя Соломона, золотые сокровища Мидаса и Креза, урожай золотых яблок в сказочном саду Гесперид, золотое руно Ясона сверкают и блещут на страницах хроник античного мира. О богатствах финикийцев распространился слух, что эту тьму золота они добывают в Испании. И столько, что их корабли возвращаются из западных плаваний с золотыми якорями, потому что у них обычно выходит весь обменный товар, и они обменивают на золото даже железные якоря. Диодор Сицилийский¹ объясняет это обилие испанского золота так. Туземцы золота не знали, но однажды на Пиренеях случился гигантский лесной пожар, пламя прошло по всей горной цепи, расплавил таившееся в горах золото, и потек в долину желтыми потоками неизвестный чудо-металл...

МУРАВЬИ-ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

Люди верили еще более странным вещам. Например, считали, что животные тоже сознают ценность вождеденных для человека предметов.

Элий писал, что в диких горных завалах древнеперсидской Бактрии обитали грифы, которые своими железными когтями вырывали золото из скал, сносили его в кучи, а потом стерегли сокровища,

дабы человек не посмел тронуть их.

Плиний Старший не верил в существование легендарных птиц. Однако вполне серьезно говорил о муравьях-золотоискателях.

"Ходят на чудо сягов — индийских муравьев, хранимых в эритрейском храме Геркулеса. В северной части Индии живут муравьи кошачьего цвета, размером они с египетского волка. Они роют золото из земли. В зимнее время собирают его, а летом от жары прячутся в землю. Индусы тогда золото крадут. Но при этом им приходится спешить, потому что муравьи на человеческий запах вылезают из нор и бросаются за ними в погоню и, если верблюды не так быстры, разрывают воров на куски. Таковую скорость и зверство вызывает у них страсть¹.

Геродот писал, что нескольких муравьев удалось поймать, их держали при дворе персидского царя.

Страбон² сообщал об одном способе кражи золота: вокруг муравьиных колоний рассыпают яд, и пока алчные животные канителются с ядом, можно быстро собрать золото. Страбон ссылается и на других авторов, из чего выясняется, что писатели античного мира безо всяких возражений принимали существование муравьев, обладающих такой необычной страстью.

Ученые средневековья почитали чуть ли не святотатством, если кто-то вместо комментария к классическим авторам осмеливался высказывать сомнения, поэтому муравьи-золотоискатели вошли в список животных средневекового естествознания.

Брунетто Латини³, учитель Данте, около 1240 года написал огромный труд на старофранцузском языке. "Книга сокровищ" — так можно перевести ее заглавие⁴. Она содержит в самом деле сокровища средневекового знания. Это огромная энциклопедия сведений о мире, начиная от его сотворения, о географии, естествознании, астрономии, даже о морали и политике.

Знаменитые муравьи окопались и тут, в разделе о естествознании.

Согласно Латини эти звери-скряги собирают свое золото не в Индии, а на одном из островов Эфиопии. Тот, кто приблизится к ним, обречен. Однако догадливые сарацины побеждают их хитростью. Они берут жеребую кобылу, привязывают к ней пустые ящики, перевозят ее на остров и пускают на берег без жеребенка. Там тучные пастбища разжигают аппетит кобылы, и она пасется аж до вечера. Муравьи меж тем замечают ящики и рассуждают так: вот, мол, какое великолепное хранилище для золота. И наполняют ящики драгоценным металлом. На заходе солнца эфиопы выводят на берег жеребенка, и он своим жалобным ржанием зовет мать. Кобыла слышит его, бросается в воду и переплывает на другой берег со своей золотой ношей.

Перескочим через три века. В 1544 году вышел гигантский труд Себастьяна Мюнстера⁵ "Cosmografia universalis" ("Универсальный атлас мира"). Муравей-золотокопатель предстает в ней на гравюре по меди. Наивный рисунок изображает его таким, каковы всем известные скромные его сородичи, только невероятно увеличенным.

Упрямый зверь еще не закончил своей блестящей карьеры. Де Ту, великий политик, судья и историк Франции рассказывает, что в 1559 году персидский шах послал богатейший подарок султану Солиману. В чрезвычайно ценной посылке находился также и индийский муравей ростом с собаку средних размеров, дикий и кусачий зверь⁶.

Позднее, когда у науки наконец-то стали прорезаться глаза, появились попытки объяснить рождение сказки о муравье. По одной из теорий он обязан своим появлением на свет сибирской лисице, потому что у нее есть обычай рыть кучи земли вроде кротовых. Однако о лисице, которая известна как умное животное, нельзя предположить, что она роет эти холмики земли из чистого усердия — наверняка ищет золото под землей. Слабое объяснение, точно так же, как и второе, по которому когда-то и в самом деле существовало похожее на гигантского муравья, но с тех пор уже вымершее животное.

Пожалуй, к зерну легенды о муравье можно приблизиться и более разумным способом. Труд шахтеров, работающих глубоко под землей, кто-то мог сравнить с муравьиным. Сравнение было метким и понравилось, стало передаваться из уст в уста. Этот путь вообще-то известен в истории возникновения сказок и легенд. Зерно тут и там обрастает подробностями; каждый рассказчик хочет быть интереснее своего предшественника и передает новость дальше уже с прибавлениями, наконец, она попадает к мастеру-рассказчику, тот отшлифовывает сюжет и более или менее стойкая легенда или сказка готова.

ЗОЛОТОЙ УРОЖАИ ВЕНГЕРСКОЙ ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ

Речь пойдет не о токайском вине, а о легенде, пережившей несколько столетий; согласно ей в некоторых местах Венгрии виноград родит настоящее чистое золото. Неумной золотой фантазии

словно не хватало обвинить в жажде золота животных — она возвела напраслину на растение, мол, оно питается золотом.

В античном мире считали, что руды металлов растут из земли точно так же, как и растения. Долгое время пиратствовала книжонка "О чудесных историях", написанная якобы Аристотелем. Книжка эта - апокриф, но она отражает верования того времени. В ней говорится, что где-то зарыли золотой, он начал расти, поднялся над землей. Средневековая естественная наука, развивая теорию, ориентировалась строго на труды классиков. Золото в глубинах земли залегает в мягком состоянии, говорили они. Таким образом, может случиться, что растение, особенно виноградная лоза, пускает корни в мягкое, а подчас и жидкое золото и впитывает в себя драгоценную руду. Таким способом золото проникает по стволу растения в его ветви, листья и даже плоды.

Петрус Мартир¹, известный ученый XVI века, писал, что в Испании часто встречаются такие вот деревья, питающиеся золотом. По случаю радостного события — помолвки португальской королевны — ее жених, герцог Савойский, прислал невесте в подарок 120000 имперских талеров. Лиссабонский двор за недостатком наличных денег ответил на щедрость жениха редкостями. Среди самых знаменитых подарков были: 1. Двенадцать сарацинов, среди них один блондин; 2. Живая виверра²; 3. Большой золотой самородок; 4. Натурально произросшее дерево из чистого золота.

Как о растении, которое любит питаться золотом, чаще всего говорили о виноградной лозе. Во Франции на винограднике деревни Сен-Мартен ла Плен нашли как-то золотую лозу с золотыми почками. Послали ее королю Генриху IV, который, наверное, был рад, что вот, мол, не только воскресная курица варится в горшках моих подданных, но и виноград у них пускает золотые побеги. Немецкие ученые слали статьи в научные журналы о золотых почках на немецких виноградниках. "На виноградниках вдоль Дуная, Майна и Неккара, — писали они, — на лозах появляются побеги из чистого золота, а из них золотой лист растет и приумножается".

Самый знаменитый урожай золота давали венгерские виноградники³.

Зерно этой сказки обронил еще Марцио Галеотто (1427-1497) в сборнике рассказов о венгерском короле Матиаше Корвине.

Соответствующий фрагмент звучит так:

"Расскажу вещь одну, неслыханную и чудную, о которой говорят, будто нигде в другом месте такого не бывало. А растет там золото на лозу похожее, обматываясь вокруг лозы подобно бечеве, а порою в виде усиков, по большей части длину имеющих в две пяди, как мы то и видели во многих случаях. Считается, что эти кольца натурального золота легко излечивают бородавки, потому как невелико дело продеть палец в завиток золота. Так что и у меня есть такое золотой лозы кольцо". Вот так и началась карьера *aurum vegetabile*, то есть "растительного золота".

Правда здесь только в том, что спиральки из золотой проволоки по форме виноградных усиков находили-таки на венгерских виноградниках.

Э. В. Хаппель, немецкий врач, в своей работе "Relationes curiosae" (Гамбург, 1683) собрал данные об известных находках, сделанных в то время. Вот два случая, имевших место в Эперьеше. Первый случай описал М. Г. Франкенштейн, эперьешский врач, в письме к своему другу Захсу-а-Левенгейму, известному бреславскому ученому-медику.

Один дворянин, отдыхая после трудов виноградарских, вдруг заметил что-то желтое, выходящее из земли. Подошел, произвел осмотр: это что-то желтое коренится в земле. Ударил лопатой, но оно даже не шелохнулось. С великим трудом отломал от этого маленький стебелек (*einen ziemlichen Zahn*). "Это, без сомнения, наичистейшее и наилучшее золото", - сказал ювелир. Счастливый виноградарь обменял золото на деньги и вернулся к желтому чуду. И в самом деле произошло чудо: за несколько дней на золотой лозе на месте обломанного стебелька вырос новый золотой стебелек. Достоверность случая подтверждают и судебные бумаги, потому что виноградарь наносил золотых стеблей ювелиру столько, что дело получило огласку и за единоличное пользование помещик и казна притянули его к суду.

Другой случай: плуг одного крестьянина во время пахоты вывернул золотой корень длиной в несколько аршин. Крестьянин не понял его ценности и выковал из него занозу для ярма. Повез он однажды дрова в Эперьеш, остановился отдохнуть перед домом ювелира, тот увидел необычную занозу в ярме и купил ее за бесценок.

Над золотом, растущим в Венгрии, ломали голову ученые и в XVIII веке. Авторитетный журнал "Breslauer Sammlungen" ("Бреславские собрания") летом 1718 года широко обсуждал эту тему, а в XXXVI томе за 1726 год сообщил весть из Кешмара: в селении Андрашфалва крестьяне помещика Андраша Понграца после жатвы, свозя урожай, нашли естественным образом выросшее золото и честно отдали его своему хозяину. находку оценили в 68 форинтов. (В это время из одной кельнской марки чеканили 72 форинта. Найденное золото, таким образом, тянуло почти на целую марку, то есть 233,81 грамма.)

Но и этого оказалось недостаточно жадной до золота фантазии. Пронеслась весть, что виноградины тоже содержат золото.

Матэ Хельд, придворный врач трансильванского князя Жигмонда Ракоци, рассказывал, что на пиру в Шарошпатаке к столу князя подавали виноград с золотой кожей.

Галантный герцог Карой Баттянь поразил императрицу Марию Терезию подобной же золотой ягодой. В красивом золотом сундучке — золотой олень. Ювелир поместил виноградину в рот оленя. Сундучок вместе с другими венгерскими сокровищами, полученными назад из Вены, попал в Национальный музей в Будапеште и сейчас экспонируется там под названием "токайский шкапчик". Ягода высохла, треснула пополам, но на ее коже по-прежнему поблескивают настоящие крупинки золота. (Совершенно очевидно, что это ювелир мастерски встроил их туда.)

Весть о чудесном плоде перелетела границы Венгрии, пронеслась по континенту и дошла до Англии. Дебреценский врач Иштван Веспреми в отчете, опубликованном в 1773 году, рассказывает, что, когда он учился в Лондоне, на аукционе распродавалось наследство, оставшееся после придворного врача Ричарда Мида.

"Купил там один аглицкий лорд, богатый, светлейший господин, засохшую виноградную гроздь за великую цену; она гроздь из Венгрии туда прибыть имела, поскольку на оной желтым золотом светящие премногие крошки находимы были".

Богатый, сиятельный господин понес достославную гроздь на исследование к учителю химии Моррису. Иштван Веспреми присутствовал при опыте, который закончился печально: золотые крошки не выдержали испытания и тут же сгорели в огне. "Так в течение малого времени все венгерское виноградное золото у аглицкого лорда пошло в трубу и обратилось в пепел, вместе с оным и золото многих фунтов стерлингов".

В чем же суть этих сообщений, порожденных золотым ослеплением?

Золотой корень, золотые стебли, золотая проволока — все это не что иное, как остатки древнекельтских или иного происхождения украшений. Во время войн люди зарывали свои драгоценности в землю, а когда опасность миновала, и украшения откапывали, что-то отламывалось от них, что-то терялось. Возможно, сам хозяин вещей погибал, а драгоценности таились под землей, пока какой-нибудь корень не подкапывал их и не увлекал с собой на поверхность земли. Такого рода закрученные спиралью проволочки хранятся в большом количестве в фондах многих музеев.

Золотые крошки оказались пустыми оболочками личинок одного из видов земляных клопов, имеющими золотой блеск. Насекомые выбрались из них, а оболочки с обманным блеском бросили для развлечения сиятельных и богатых господ.

То есть вся легенда оказалась не чем иным, как сказкой, порожденной распаленными золотой лихорадкой головами. По удачному выражению достойного и рассудительного Веспреми все это — блуждающий сюжет.

ЗОЛОТОЗУБЫЙ МАЛЬЧИК

Словно в желтом тумане тифозной горячки золотистые образы продолжали клубиться. Выше, выше, в звездную высь и еще выше! Само небесное провидение избрало золото для прорицания человечеству своей воли.

В уже упомянутом отчете Иштвана Веспреми заключена и следующая фраза:

"До сих пор были мы с нашим произрастающим золотом, аки Якаб Хорстиус с золотым зубом силезского мальчика, о коем сей ученый муж с Мартоном Руландусом и многими низшего разряда учеными утвердил чуду природы быть и тому целую книгу посвятивши".

Якаб Хорстиус был преподавателем гельмштадтского университета и его вице-ректором. Упомянутая книга вызвала целую бурю в научном мире¹.

Книга эта была написана по чудесному случаю: у одного десятилетнего мальчика в Силезии вырос золотой зуб. Настоящий коренной зуб из золота, к тому же внизу с левой стороны. Важность его расположения сейчас же выяснится.

Если бы в те времена какой-нибудь ученый выступил бы с сообщением, что он видел ребенка, у которого из уха течет ртуть или растут ногти из красной меди, его отправили бы в башню для умалишенных. Но, поскольку речь идет о золоте, то к такому чуду небесному следовало приближаться, сняв шляпу, и искать объяснения безобманными средствами науки.

Коротко, железная логика профессора Хорстиуса, объяснявшего это чудо природы, заключалась в следующем.

Ребенок родился 22 декабря 1585 года. В этот день Солнце стояло в созвездии Овна во взаимосвязи с Сатурном. Вследствие такого благоприятного расположения планет силы, питавшие

тело ребенка, работали так активно, что вместо костной массы избрали золото.

Это уже само по себе объясняет тайну. Однако к влиянию звезд прибавилось еще одно событие, которое имеет хорошо известный науке эффект. Когда его мать носила его, она, глядя на золотые вещи или золотые деньги, дотронулась пальцем до коренного зуба. А если беременная женщина что-то пожелает и в то же время рукой дотронется до лица, носа, шеи или другой части тела, у ребенка в том месте появится образ воз-желанной вещи в образе родимого пятна¹.

Следующий вопрос: каково значение необычного коренного зуба?

Вне сомнения, пишет профессор, он ниспослан как знак небесный. В Венгрии за блестящей победой христианского войска под Фелеком последовали тяжелые поражения как наказание за наши грехи. Но вот с неба блеснула надежда, так как золотой зуб означает золотые времена. То есть римский император выбьет турок из Европы, и начнется тысячелетняя золотая эпоха. Но поскольку зуб вырос на нижней челюсти, да еще к тому же с левой стороны, не стоит слишком обнадеживаться, потому что золотой эпохе будут предшествовать беды и удары.

Это толкование понравилось настолько, что другой ученый, поразившись ему, потянулся к перу и произвел на свет похожее произведение о родимом пятне. Это был регенсбургский врач Мартин Руландус. С другой стороны, Иоганн Ингольшtedтер не поверил в это и напал на Руландуса. Руландус ответил. В спор вступил Дункан Лиддел и объяснил, почему правда не может быть на стороне Хорстиуса: потому что 22 декабря 1585 года солнце не могло стоять в созвездии Овна. Спор перешел в пространную дискуссию. Знаменитый немецкий химик Андреас Либавий обобщил и прокомментировал все мнения.

Вот так сверкали и звенели научные клинки. Наконец у одного бреславского врача появилась здравая идея. "Надо бы этого ребенка обследовать", — сказал он. В самом деле, до сих пор об этом как-то не подумали. Обследование сначала вышло в пользу ребенка. Послали за ювелиром, он потерял зуб камнем; след, оставленный на камне, показал чистое золото. Однако один местный врач по имени Румбаум обнаружил на верхушке зуба подозрительную щелку. Он поковырял ее, и что-то подвинулось. Зуб был покрыт золотой пластиной! Это не была золотая коронка, известная в современной зубоврачебной практике, просто находчивые родители надели на зуб ребенку полую золотую пуговицу.

Сияющий звездным светом пузырек знаменья лопнул. Турок через сто лет выбили из Венгрии, но обещанный золотой век так и не наступил.

ЗОЛОТАЯ АПТЕКА

Как-то раз газеты облетела новость, что один французский врач-бальнеолог делает больным уколы золотом и с успехом лечит ревматизм. Я, не сомневаясь в успехе, рассматриваю это дело с точки зрения больного и врача. Но как бы я ни читал современную медицину, надо сказать, что это открытие не из новых.

Уже во времена Плиния Старшего² золото применяли как лекарство. Потом арабская медицина причислила его к своим самым помпезным лекарствам. Средневековые лекари с почтением относились к традициям. Да это, впрочем, и естественно, потому что король металлов наверняка таит в себе куда большую целебную силу, чем другие малоценные металлы.

Самым популярным, так сказать, универсальным лекарством было *aurum polabile* (питьевое золото). О его действии врачи чуть ли не оды пели. Обычно его принимали как укрепляющее сердце, но оно хорошо помогало и от других напастей. Со времен французского короля Людовика XI сохранился один придворный счет, который свидетельствует, что врачи поили короля золотом от припадков падучей, мучивших его, и что на этот благородный напиток израсходовано 96 золотых талеров.

Питьевое золото готовилось различными способами. Из многих рецептов приведу здесь тот, который был рекомендован королю Матияшу Корвину Марсилием Финцием³.

"Золото рекомендуют все авторы как самый мягкий из всех материалов и как наиболее неподдающееся распаду средство. Благодаря своему свечению оно посвящено Солнцу, благодаря мягкости — звезде Юпитеру, именно поэтому оно способно чудесным образом умерять природное тепло влажностью и охранять телесные жидкости от порчи, способно нести тепло Солнца ко всем частям тела.

Для этого нужно, чтобы твердое состояние золота превратилось в более тонкое, пригодное для всасывания. Известно также, что сердечные средства только тогда проявляют свое действие, если их целительная сила менее всего подвергается вредному воздействию. Чтобы организм страдал меньше, нужно давать средства по возможности более мягкие и нежные. Значит, самое лучшее, если золотая

вода будет изготавливаться чистой от чужеродных примесей. Этого раньше достигали, размалывая или раскатывая золотой тонкий лист.

Теперь я расскажу, каким образом можно получить золотую воду.

Собери огуречную травку, воловик, мелиссу-цвет, которую мы зовем лимонной мятой. Когда Солнце вступит в созвездие Льва, вари их в розовой воде с сахаром, на каждую унцию отвара положи по три листочка золота; пей это на голодный желудок с небольшим количеством золотистого вина".

Надо сказать, что действие золота повышается, если его бросать в эту бурду в прокаленном состоянии. Но золото должно быть хорошим. Венгерские золотые монеты пользовались наибольшей славой, особенно золотые короля Матияша с воронами. Их применяли против желтой лихорадки, потому как совершенно ясно, что против желтой болезни нужно желтое лекарство, так же как красные оспенные пятна надо лечить красной простыней.

Некоторая роль выпадала золоту и в лечении оспы. Ну что другое могло воспрепятствовать образованию оспин, так портящих лицо, как ни золото, которое — и это всем известно -само есть средство украшения? Во Франции в 1726 году появились золотые монеты безупречной чистоты. По совету тогдашних косметологов дамы терли им губы. Ведь золото вызывает прилив крови, и губы получают красивый розовый цвет безо всякой краски, оказывающей губительное действие. Придерживаясь этой теории, и врачи советовали применять золото красавицам, заболевшим оспой. На лицо больной надо было наложить тонкий золотой листочек, сила звездного излучения которого препятствовала распространению оспенных язвочек. Так поступили врачи с женой Миклоша Берчени, когда она захворала оспой. Результат никак нельзя назвать благоприятным, об этом пишет в письме от 28 декабря 1718 года Келемен Микеш:

"Благородных дам лечат не так, как простых женщин. Ежели кто заболевает, призывают армию докторов — кто предлагает одно, кто другое, чтоб оспин не видно было, и красота сохранялась бы. Один из них предложил и вовсе позолотить лицо. Гласу его вняли, заклеили лицо листовым золотом, сделав из оного живой портрет. Так ему и надо было быть до некоторого времени, а потом то злато надлежало снять затем, что с золотым лицом ходить негоже, и красное лицо нравится более, нежели золотое. Но как его снять? Многою разною водою не смывалось, тогда, взявши острый корешок, стали помалу сдирать золото с лица, все ж таки и ободрали, но на носу больно пристало, оттого и работа шла труднее, наконец и оттуда ободрали, да чернота осталась. А посему не желаю никому золотить лица своего".

Золотая терапия знала много приемов. Выздоровливающие больные жевали золотые листочки, чтобы окрепнуть. Венецианцы в старину посыпали еду золотыми опилками. Людовику XIV его врач по имени Валло лечил бородавки золотым маслом. Доктор Кабанес писал и о том, что благородный металл используют неподобающим образом, настаивая в нем воду для клистиров. К сожалению, я не смог установить, для какой цели применялось ароматизированное золото. То было детище одного парижского ювелира по имени Триттон де Нантевилль. В 1766 году немецкие газеты много писали о нем, не иначе как из зависти отвергая значение этого замечательного изобретения.

Случались и осторожные врачи, опасавшиеся, что непосредственный прием внутрь лекарств с содержанием золота может повредить больному. Они измыслили действительно остроумный способ, чтобы доставить силу золота в организм больного опосредованным путем. Надо-де подмешивать золотые опилки в куриный корм. Курица снесет такой риск, а если золото ей и повредит, так до тех пор сила молодецкая уже проникнет в ее тело, и ее все равно прирежут. Такая курятина считается уже столь же целебной, как и всякое другое изготовление с содержанием золота. Только потрохов ее больному есть не следует. Не потому, что они могут повредить ему, просто в них может оказаться еще некоторое количество золота, которое можно использовать опять. По той причине курицу надобно содержать в клетке, дабы сия легкомысленная тварь не бросала бы достославный материал на цветы луговые.

Критику всей этой золотой аптеки я доверяю большому ученому Самюэлю Келешери, который в своей книге "Auraria romano-dacica" ("Золотые копи румын-даков"), вышедшей в 1719 году, то есть в пору расцвета золотой терапии, рассуждал так:

"Как могут рифмоваться Стоимость и Лекарство (Pretum et Medicamentum)? А так, например, как в известном случае с одним крестьянским парнем. Когда у него заболел отец, ему хотелось покормить его необыкновенно тонким блюдом. Поэтому он взял и зажарил сладкоголосую канарейку" 1.

ТАЙНА ОФИРА

Всего четверть века назад² один лондонский учитель "открыл", что ядро земного шара состоит из золота. Когда составляющие Землю жидкие элементы начали затвердевать, наиболее тяжелые из

них опускались вниз, а наиболее легкие пузырьками поднимались вверх. Неизмеримые количества золота, таким образом, покоятся внизу, в бездонной глубине.

С каким ликованием воспринял бы эту весть человек в старину! Ведь тогда вовсе не считали горячечным бредом нежно лелеемую весть о золотых шахтах Офира или сокровищах Эльдорадо! Стоило плеснуть лишь небольшой волне на поверхности моря жидкого золота, как уже считалось, что подтверждено реальное существование передаваемых из поколения в поколение легенд.

Самая древняя из них — тайна Офира.

В третьей Книге Царств, главе IX, стихах 27-28, говорится:

"И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми;

И отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону".

В оригинальном тексте Ветхого завета стоит не "талант", а "киккар". А. Соутби в книге об Офире рассчитал, что "киккар" по современной системе измерения веса составляет 42,6 килограмма, поэтому груз кораблей составлял 17 892 килограмма золота.

В разных местах Ветхого завета мы узнаем, что корабли Соломона и его союзника Хирама, царя Тирского, каждые три года повторяли свою прогулку в Офир и всякий раз возвращались груженые золотом.

Пожалуй, этим можно объяснить золотой трон царя Соломона, пятьсот золотых щитов, золотые сосуды и прочие ослепительные сокровища, подивиться на которые сама царица Савская не побоялась трудов и утомительного долгого пути.

Вдруг Библия умолкает: ни слова больше об Офире.

Скупые фразы даже приблизительно не дают указаний, где же лежит этот таинственный Офир? Или то, что больше всего интересовало потомков: где же находятся золотые копи царя Соломона?

Вопрос об Офире внедрился в плоть науки, как ленточный червь нескончаемой длины, питающийся чернилами. Во многие киккары золота обошлись чернилами и типографская краска, которые были на него израсходованы.

Поначалу разгадыватели тайны за письменными столами потом и кровью изливали свои прозрения. Лингвист собрал похожие по звучанию географические названия. Как только какое-либо название звучало похоже, он тут же объявлял его древним Офиром. Арабский Дхофар завлек одного из искателей Офира в Аравию, название племени абхира заманило другого на берега Индии. Был и такой, кто отыскал среди массы стихов Священного писания один, в котором упоминается золото "Парваим". Раз так, значит, ясно, Офир надо искать в Перу.

Те, кто соотносил библейское название с Африкой, были ближе всего к разгадке. Конечно, все это было игрой в слова кабинетных ученых. Разгадывание тайны повернуло на серьезный лад, когда великие путешественники начали все более сужать область белых пятен на карте Африки.

Большой сюрприз ожидал ученых в португальской Восточной Африке, в провинции Софала. Уже одно звучание этого названия казалось интересным, потому что некоторые переводы Библии писали Офир как Эофора! Еще удивительнее, что примерно на расстоянии 300 километров от берега в глубь континента в самом деле нашли древние золотые копи! На пути к копиям в районе современного Зимбабве обнаружили древние развалины древнего храма со следами рук жителей Финикии, страны царя Хирама.

Итак, золотые копи царя Соломона нашлись...

Золотые копи?

Тут замотали головой новые исследователи Офира. Это невозможно, сказали они, чтобы неопытные в горном деле евреи и финикийцы могли бы так культурно организовать шахты, были в состоянии дать такую большую добычу. Невозможно, чтобы они могли наладить сообщение с берегом за 300 километров через африканские джунгли. Если там и добывали золото, то это могли делать только коренные жители.

Пусть так, говорили влюбленные в Офир, значит, подданные выманивали золото путем торгового обмена.

Опять качают головой. Финикия была торговой страной. Царь Хирам был не дурак, чтобы в таком деле входить в компанию с Соломоном, он мог бы обтяпать его и сам. Тем более, что ему надо было давать компании самое дорогое

-обученных мореходов.

Представлялось, что корабль исследователей Офира опять сел на мель.

Тут одним разумным словом вмешался Карл Нибург I.

В Библии говорится, что офирский флот привозил домой не только золото, но и редких животных. Tukkijim — сказано в ивритском тексте. То есть павлин, страус, что-то в этом роде. По

Нибургу здесь просто опечатка мешает понять смысл. Не tukkijim, sukijim — раб!

В своей интересной книге Ричард Хеннинг на одной этой ошибке строит целую историю². Не было де в провинции Сафала никаких копей Соломоновых, и ездили туда не ради торговли. Речь идет об организованных пиратских набегах! Царь Хирам знал, что делает. Его народ разбирался не только в мореходстве, но и в торговле. Во время плаваний они и впрямь открыли в Сафале страну золота, но торговля, как видно, не получилась. Надо было каким-то другим способом выманить золото у туземцев. У царя Соломона была опытная в военных делах армия. Значит, пусть Соломон дает солдат, Хирам — матросов. Вот так, объединенными разумом и силой удалось перерезать золотую жилу офирам...

Так эта золотая мечта и косила глазами в разные стороны. А вдруг это были рисованные небеса, куда временами устремлялся ее взор. Во всяком случае, искать остывшее пепелище некоей неизвестной провинции было невинным занятием. Не то что объятые золотой лихорадкой караваны с авантюристами, тянущиеся навстречу Эльдорадо, которые буквально тонули в крови.

ЭЛЬДОРАДО

Злато вершин, куполов,
Прах земной пьет мою кровь...

Ади

В 1530 году на завоевание Эльдорадо двинулась первая группа авантюристов, в 1630 — последняя.

Этим людям беспримерным напряжением воли приходилось переносить самые чудовищные испытания.

Терпели мучительный голод, да и кто думает об этом, когда еще больше мучит золотой голод, *aurei sacra fames*³. Задыхаясь, с пересохшим горлом, шли через опаленную солнцем бесконечность пампы, но и это ничто, когда утоления ждет могущая поглотить море жажда золота.

Где бы они не блуждали, их подстерегал яд: яд испарений на болотах, яд от укусов тучами роившихся слепней, яд на кончиках индейских стрел. Что им было за дело, когда их, взмыленных от бешенства, толкала вперед золотая отрава.

Люди пробивались через джунгли, где не ступала нога человека, пробирались через пороги рек, через смертельные водовороты, на подкашивающихся ногах брели через тысячемильные дали, мол де потом отдохнем под золотыми куполами города Маноа.

И эти обливающиеся потом и кровью лжегерои даже не ведали, что они заняты всего лишь детской игрой, игрой в сказку "Дитя и радуга".

Когда испанцы наконец заговорили с индейцами вместо того, чтобы попросту убивать, перед ними открылась радужная сказка.

"Есть одна страна, — рассказывали им, — владыка которой каждое утро выходит на берег озера, там его обнаженное тело умащают душисты маслом и посыпают золотым порошком. И становится он, словно золотая статуя. Вечером в сопровождении своих жрецов он выплывает в челне на озеро, купается и смывает с себя золото. Наутро игра с золотом начинается снова. Происходит же это в той страны граде стольном, имя которому Маноа, где купол храма бога Солнца сияет золотом, и где крыши домов тоже из золота."

Этого было достаточно, чтобы у испанцев воспалилось воображение. Они тут же окрестили легендарную страну эльдорадо, т.е. "золоченая". Другие вести только подбрасывали в огонь дров. В сказочной стране целые горы золота вздымаются в поднебесье, слепя глаза своим сиянием на закате дня.

Позже нашли одного живого испанца, который бывал в Маноа и показаниями, занесенными в протокол, подтвердил, что вести о золоте правдивы. Его имя было Хуан Мартинес. Он служил в отряде Диего де Ордаз, грубо нарушил военную дисциплину, за что был приговорен к смерти, потом его помиловали, но таким образом, что посадили в лодку без весел и пустили по течению реки Ориноко. На его счастье лодку поймали добрые индейцы и, как невиданного белокожего, отвезли в Маноа, чтобы показать кадику. Там он прогостил семь месяцев. Золотой город действительно таков, каким его описывали слухи, даже более того, поскольку на одной из его улиц открыли свои лавки три тысячи золотых дел мастеров, в трех тысячах мастерских днем и ночью куют золото. По прошествии семи месяцев кадик отпустил Мартинеса в дорогу, дав ему соответствующее сопровождение и столько золота, сколько могли унести на спине его провожатые. К сожалению, в пути на них напал отряд враждебных индейцев и отнял все золото.

Когда сэр Уолтер Релей¹ пристал у острова Тринидад и самым недружественным образом

спалил столицу испанцев, перепуганный испанский губернатор соблазнил его описанием путешествия Мартинеса. По всей вероятности с тем, чтобы тот шел себе дальше искать Эльдорадо. Он уверял, что оригинал протокола хранится в столице острова Порто-Рико среди документов тамошнего архива. Релей поверил в сказку и стал соблазнять ею королеву Елизавету с прибавлением данных, которые собрал в своей книге "Historia general de las indias" ("Общая история индейцев") Франсиско Лопес де Гомара (1533). Алкальский профессор риторики четыре года ездил по Америке, собирая данные для своего произведения. Но, кажется, учитель риторики пересилил в нем учителя истории, потому что в своей книге он пишет о дворце кацика Гваинакапа такое:

"Вся его посуда, даже кухонная, сделана из золота. В залах стоят огромные статуи из чистого золота. Далее там можно видеть золотые скульптуры в натуральную величину всех животных, которые встречаются в стране, будь то четвероногое какой угодно величины или птица, или рыба. Есть там и нарядный сад, куда он ходит отдыхать; в нем все деревья, кусты, цветы и прочие растения сделаны из чистого золота. Среди прочих его золотых сокровищ — в неизмеримом количестве слитки, сложенные штабелями, как обычно складывают дрова".

Позднее Гумбольдт² попытался счистить кожуру сего чудесного плода и заглянуть меж его долек. По его мнению на территории между Амазонкой и Ориноко есть металл с золотым блеском, но малоценный, так называемый мика. Его выходы хорошо видны по склонам гор, и косые лучи заходящего солнца, отражаясь от них, дают золотой блеск. Воины некоторых индейских племен этим самым порошком мика натирают себе тело вместо того, чтобы делать татуировку или класть толстый слой краски как прочие дикари, любящие мужественные украшения.

Этой сказкой индейцы морочили голову и разыгрывали ненавистных испанцев, а Мартинес приукрасил сказку, чтобы самому искупаться в славе, полагающейся вестнику, и смыть налипшее за его прежнюю жизнь. Нашумевший протокол с его признаниями ни в каком архиве не числится, и золотой сад кацика с таким певучим именем расцвел только в воображении алкальского профессора.

В истории человечества едва ли найдется еще один пример того, чтобы детская сказка на протяжении почти века сводила бы с ума не только горячие головы авантюристов, но и трезвых правительств, и даже расчетливых банкиров.

Вот счет золотой сделки в Эльдорадо с бухгалтерской краткостью.

1530. Амброз Дальфингер по поручению аугсбургского дома Вельзер пошел с двумястами человек и несколькими сотнями рабов. Рабы были скованы одной цепью за шею. Если один в изнеможении падал, то времени ни на уход за ним, ни на то, чтобы распилить цепь, не тратили, ему просто отрубали голову, а по спинам остальных шелкал бич. Эльдорадо они не нашли, напротив, Дальфингер получил индейскую стрелу в шею и погиб.

1536. Опять немец, Георг Гогемут отправился в дорогу с парой сотен авантюристов, немцев и испанцев. Сам он умирает не в своей постели, но от ножа наемного убийцы испанца.

1541. Последнее немецкое предприятие под предводительством Филиппа фон Гуттена. По возвращении домой после опять-таки безрезультатной авантюры венесуэльский губернатор велел отрубить ему голову.

1552. Первый большой эксперимент испанцев: ведет экспедицию наваррский дворянин дон Педро де Урсуа. Чтобы сразу же повергнуть в ужас индейские племена, он созывает на пир их вождей и вырезает их. Его помощника, Педро Рамиро, два его сотоварища-офицера убивают из ревности. Урсуа велит обезглавить обоих преступников.

1560. Второй поход Урсуа. Офицер по имени Агвирре затевает заговор, Урсуа убивают собственные солдаты.

1561. Экспедиция, ведомая Агвирре, превращается в банду разбойников. Они грабят и убивают. Несмотря на это, у них временами наступает такая нехватка продовольствия, что они делят между собой кукурузные зерна, предварительно пересчитав их. По приказу Агвирре Мартин Перес убивает попавшего под подозрение Санчо Пизарро. Потом подозрение падает и на Переса, начальник велит убить и его. Человек по имени Антонио Ламоса, чтобы показать свою верность, пьет кровь Переса, объявленного предателем. Агвирре приказывал убивать всех, на кого падала тень подозрения. За пять месяцев бесчинства он разорил четыре города и велел убить шестьдесят человек из своих испанцев. Среди них троих священников и пятерых женщин. Посланные на его усмирение солдаты окружили его, сторонники поразбежались. Увидев, что спасенья нет, он пронзил кинжалом собственную дочь. Его поймали и застрелили в упор. А его верного друга-кровопийцу вместе с несколькими товарищами повесили.

1595-1618. Новые походы сэра Уолтера Релея. Это фигура шекспировского масштаба, он совмещал в одном лице ученого, военачальника, придворную лису и авантюриста, он слепо верил в сказку об Эльдорадо. За свой счет снарядил корабли, затратив 40000 фунтов на бесплодные авантюры. В последнем походе его помощник сжег один испанский город, за что по повелению короля Якова I

сэру Уолтеру 29 октября 1618 года отрубили голову.

Итак, сальдо — кровь, кровь и кровь.

О, золото, — желтый шлак Земли...

Ряды фанатиков золотого демона мне следовало бы пополнить за счет мечтателей, воображавших, будто золото подчинится их приказу. Алхимики не бегали за золотом, они хотели заставить его прийти к ним добровольно. Однако мое золотое ревю слишком затянулось, пора его и закончить.

Вечная юность, искусственно продлеваемая жизнь -заманчивая мечта, что ледяные цветы на окне, замерзающие и вновь тающие в жаркой духоте рабочего кабинета. Фантом, как тень библейского "Исхода". Нельзя жить вечно, жизнь коротка. А если так, тратить ее надо с пользой.

"Суша теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет."

Если бы Гете подозревал, как ужасно потомки затаскивают это сравнение Мефистофеля, может стать, он бы его не написал. И все же я употреблю его в стотысячный раз, чтобы нанизать на него еще нечто. Уж если древо жизни сделано из золота, стало быть из того же должно быть и семя этого древа. Венгерская поговорка зовет сей плод буквально денежным семенем, из которого, копь его посеять, произрастают разные прелести жизни.

ДЕНЕЖНОЕ СЕМЯ ПОСЕЯНО

И вот, однако ж, из хроники рыцарских времен нам улыбается один случай, когда денежное семя и впрямь было посеяно, притом в добрую, тучную пахоту.

В 1172 году в Бекере, при дворе графа тулузского поднялась страшная суматоха. Собрание высочайших особ сделало и без того блестящий двор совершенно помпезным. Они собрались по предложению английского короля Генриха III; надо было обстряпать трехсторонний договор между графом тулузским и королями Англии и Арагонии. В те поры такие дипломатические переговоры проходили с невероятной помпой и парадностью, высочайшие гости вступали в соревнование с тем, чтобы придать празднествам пущего блеску. Деньги были не в счет, куда больше, в благородном соревновании был и такой номер: кто из владык может выказать свое богатство так, чтобы его пример был остроумен и повергал бы в изумление.

Вильгельм Мартель привел с собою триста рыцарей. Это были богатыри, закаленные в бою и застолье, можно себе представить, сколько кухонь должно было готовить на господ рыцарей и их подручных, пажей, конюшенных, лакеев. Сиятельный хозяин принял к сведению, что отнюдь не достаточно самому выступать на переговорах, надо еще заставить говорить деньги. Тогда он запретил топить кухни обычными дровами и приказал все блюда для эскорта жарить-парить и разогревать на огне дорогих восковых факелов.

Идею встретили аплодисментами. Видимо, всем показалось, что более бесполезнейшим образом выбросить деньги действительно невозможно. Успех не давал покоя рыцарю Раймону да Вону. Он тоже-де покажет, на что способен настоящий дворянин, для которого деньги и богатство не в счет. Он привел на двор замка тридцать благородных скакунов и на глазах у знатных гостей сжег их заживо. Эту кажущуюся невероятной дикуню в своей жестокости шутку авторы рыцарских хроник рассказывают как действительно случившееся.

Будто вижу рыцаря Бертрама де Рамбо, как он при этом улыбается в усы. Уж он-то измыслил кое-что поособеннее. Повелел он запрячь в плуг пару волов да вспахать землю вокруг замка, а когда высокие гости стали любопытствовать, что, мол, будет из этого, пошли люди рыцаря Рамбо с сумами на шее по бороздам и посеяли тридцать тысяч монет доброго серебра.

Дурной вышел посев. Только столетия спустя всходы его сказались — 14 июля 1789 года...

Из богатейшего материала по истории денег в мою книгу просятся только крайности. Бекерский турнир сумасбродств позволяет нам в поучение вывести основной закон швыряния деньгами: уничтожать безо всякой цели вещи огромной стоимости либо с ничтожной целью, не соответствующей их ценности.

ИЗЖАРЕННЫЙ НА ВЕРТЕЛЕ ГОВОРЯЩИЙ СОЛОВЕЙ

Сама идея не нова. Приоритет следует уступить древнему Риму. Нам известно редкое рвение римских гурманов пощекотать притупившийся вкус гостей каким-то новым, редкостным из редкостных блюд. Мало вероятно, что сейчас слоновий хобот или мозги страуса были бы восприняты как лакомый кусочек. Может быть, и тогда этим не слишком-то увлекались, но тут приправой служило сознание, что за тарелку такого блюда выложена тьма денег. На одном пиру Гелиогабала приготовили

какое-то месиво из мозгов шестисот страусов. Другим нашумевшим блюдом аристократического стола был фарш, состряпанный из смеси петушиных гребешков и соловьиных языков. Сколько же бедных соловьев пришлось переловить, чтобы из их певчих язычков замесить паштет для покинутых умом гостей и потерявшего всякий разум хозяина.

Это еще не все. Одно время в Риме был большой спрос на обученных певчих птиц. Их учили не только петь, но и говорить. Современник Плиний свидетельствует: при дворе римского императора скворцов и соловьев обучали для увеселения императорских сыновей. Воспитанники птичьей школы могли прошебетать длинные слова и даже фразы на латыни и греческом. Такие птицы были дороги, иная стоила больше, чем раб, получивший научную подготовку.

Плиний писал про одного актера по имени Клодий Эзоп. Его окружала популярность вроде той, какая сейчас окружает кинозвезду первой величины. Даже Цицерон брал у него уроки, совершенствуясь в ораторском искусстве. Доход у него был такой, что денег куры не клевали, едва успевал проматывать. В частности, не пожалел уплатить сто тысяч сестерциев за шестнадцать обученных певчих птиц. Хорошие деньги за окончившую актерскую школу мелюзгу. Но актер тратился вовсе не для того, чтобы заставляя крылатых сотоварищей по профессии калякать в своем доме. Птички ему нужны были для иного. Он велел их насадить на вертел, зажарить и подать гостям, хотя гости не могли даже наесться ими досыта и, наверное, были бы куда больше рады доброй, жирной гусиной печенке.

Право же, как ничтожен рядом с грохотом телеги истории замирающий писк нескольких бедных птичек. Да, но если мы хотим видеть прошлое через завалы разделяющих нас лет, то совершенно все равно, смотрим ли мы через широкое окно или узкую прорезь. Если взглядеться в глубину времен через узкую прорезь и отыскать там республиканский Рим с его строгой моралью, там же отыщется и закон, принятый во время третьей пунической войны, который запрещал откармливать кур в гурманских целях. Была такая пуританская эпоха в истории Рима. Позднее мораль, конечно, стала более утонченной, закон обходили таким образом, что вместо курицы стали откармливать петуха. Затем в ход пошли страусиные мозги, соловьиные языки, обученные птицы. Из этого следует, что пример одной единственной тарелки блюда открывает перед нами щель достаточную, чтобы в нее на нас разинула зев пропасть нравственного упадка, в которую со временем провалится весь императорский Рим.

ЖЕМЧУЖИНА КЛЕОПАТРЫ

Говоря о птичьем пиршестве актера, Плиний, обычно сухой и холодный ученый, выходит из себя и гневно порицает наглеца, позабывшего, что сам он состоянием обязан голосу. Таким же был и его сын — глотатель жемчужин; трудно решить, кто из них двоих недостойнее.

Как? Младший Клодий проглотил жемчужину? Разве не Клеопатра была единственной, кто совершил эту глупость, если ее знаменитое пари вообще правда? Историки говорят, это неправда, потому что уксус жемчуга не растворяет. Химик ответит, нет, растворяет, хоть и не сию минуту. В крепком холодном уксусе потребуются часы, чтобы он полностью растворился; горячий уксус растворяет мелкие жемчужины за 8-15 минут. Но в серьге Клеопатры был на редкость огромный восточный жемчуг!

Где же правда?

О взбалмошной выходке Клодия мы знаем, опять же со слов Плиния, что его мучило любопытство, каков мог быть на вкус напиток Клеопатры. Он тоже приготовил себе раствор жемчуга и нашел его вкус приятным. Предупредительный хозяин, он захотел привлечь к этому своих гостей и каждому сполнил по одной жемчужине.

Случай, возможно, достоверен, потому что на пиру было время подождать, пока мелкие жемчужины совершенно не разошлись в кипящем уксусе. Уксус не требовалось проглатывать одним махом, им можно было полить салат. Во всяком случае похоже, что история с жемчугом Клеопатры тогда еще была жива в памяти людей, то есть не была пустой выдумкой.

Знаменитое пари состоялось, когда царица египетская в обществе Антония кутила напролет горячие африканские ночи. Антоний был большой гурман, стол ему накрывали с каждым днем все более изысканными и дорогими деликатесами. Мы знаем, что Клеопатра любила по-матерински поддразнивать римского полководца. Известна ее шутка, когда для того, чтобы позлить Антония, удившего рыбу с корабля, она велела ныряльщику спрятаться под днищем и навесить Антонию на крючок соленую рыбу. И бешено хохотала от счастья, когда перед носом великого триумвиратора на конце победно вздернутой бечевы закачалась эта странная добыча. На пирах она пренебрежительно охаивала стол, и когда Антоний обидчиво засомневался, что кто-то другой смог бы. подать блюда

редкостнее, она с женским легкомыслием предложила ему пари: сможет ли он задать пир, который обошелся бы в десять миллионов сестерциев. На другой же день пир состоялся. Однако все блюда и напитки на нем были как и в прочие разы. Антоний победно улыбался. Тогда внесли чашу, наполненную уксусом. Клеопатра вынула из уха известную всему свету жемчужную подвеску и бросила в уксус. Жемчуг в уксусе растворился, и легкомысленная женщина выпила этот напиток, обретший многомиллионную стоимость. Она хотела отстегнуть и вторую подвеску, но Планк, бывший судьёю в этом пари, счел чрезмерным такое безумное мотовство, удержал руку разошедшейся женщины и объявил приговор: Антоний проиграл.

От этого необыкновенного жемчужного коктейля у многих историков щекотало в носу. Они не могли решить, правда ли это? Нет ли? И даже писали про него книги². Фридлиндер в известном произведении³ не высказывает своего кредо, а всего лишь цитирует несколько мнений: согласно им жемчуг, хотя, в общем, и растворяется в уксусе, но, очевидно, Клеопатра просто проглотила жемчужину.

Современному человеку хватает своих забот, чтобы ломать над этим голову. Нас это интересует лишь с той точки зрения, до каких пределов может дойти безумный инстинкт расточительства забывшей о тормозах женщины, если она к тому же еще и царица. Право, даже о пьяной царице египетской нельзя предположить такую блажь, чтобы выпить чашку убийственного для желудка уксуса, хоть и с растворенным в нем жемчугом. Невероятно также, чтобы она проглотила огромную жемчужину, ведь жемчуг вполне мог застрять у нее в горле.

Пари можно было выиграть и другим способом — растереть жемчужину в порошок и посыпать им какое-то блюдо или выпить его со сладким вином.

Что касается меня, я попробую отбросить научную тяжеловесность и взглянуть на это простым глазом писателя. Если мне будет дозволено вмешаться в тяжкий ученый спор, я полагаю, Клеопатра вообще не растворяла жемчуга, не разбивала его в пыль и не глотала. Можно поверить, что она в самом деле хотела растворить серьгу стоимостью в десять миллионов. Вероятно, она поверила в слухи, ходившие о редкой способности уксуса к растворению; как многие верили, что Ганнибал, например, при переходе через Альпы превращал уксусом в пыль целые скалы. Я просто вношу небольшую поправку в течение событий: Планк взял Клеопатру за руку не перед второй жемчужиной, а еще перед первой. Хотя бы из-за того, что хотел удержать разошедшуюся женщину от излишнего расточительства или хотя бы из-за того — и это еще вероятнее — что сообразил, если эта придурковатая баба погубит такое сокровище, то Антоний потом может купить ей новое.

Сплетня не удовлетворилась мудрым, умеренным хэппи эндом, настоящий глоток показался ей куда эффективнее.

КОРИЦА В КАМИНЕ И ЧЕК НА ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ТАЛЕРОВ ДЛЯ ЗАЖИГАНИЯ ОГНЯ

Небылицы рождаются примерно так, как старое естествознание представляло появление на свет медвежонка. Наш достойный Гашпар Мишкольци излагает, хотя и с некоторым сомнением, современные ему научные воззрения на рождение мишки следующим образом:

"Про самку медведя пишут, что приносит она такой противный и безо всякой формы помет, в коем кусок сырого мяса усматривают: ни головы, ни глаз, ни шерсти, поболее мыши, поменее кошки имеющим быть. Сей безо всякой формы кус мяса затем она непрерывным к тому лизанием в живого зверя превращает".

(Это странное научное положение оставило след во французской поговорке: *un ours mal leche* 1, — говорят о грубом, неотесанном человеке.)

Так же рождается и небылица: если весть груба и по форме необработана, то язык сплетен вылизывает ее, пока она не обретет форму анекдота.

О взбалмошном разбазаривании больших ценностей в Венгрии ходит много анекдотов. Я верю, что удальцы прошлых времен, веселясь, били стаканы, зеркала, возможно, совершали и прочие глупости, но я не верю в удальство, оборачивающееся варварством. Говоря языком медвежьей науки: правды в них не более уродца ростом с мышку.

Не верю я в случай со скакуном герцога Пала Эстергази. В 1807 году, говорит анекдот, герцог служил в посольстве в Лондоне. Однажды он осматривал на заводе чистокровных лошадей, назначенных на продажу. Спросил цену вороного жеребца. "Дороговато будет для Вас," — сказал управляющий. "Ну, а все-таки?" "Десять тысяч фунтов". "Покупаю," — ответил герцог и заполнил чек на десять тысяч фунтов. И тут же, достав из кармана пистолет, пристрелил лошадь.

Я не верю, что тот же венгерский аристократ подковывал лошадей золотыми подковами и то еле-еле, чтобы, когда он, как посол, вступал в чужеземный город, все подковы растерялись, а ликующий

народ подбирали их. Желая эдакой сказочной роскошью утереть нос представителям других властителей. И вся эта история с подковами не более, чем старый бродячий сюжет. Апокрифические воспоминания о герцоге Ришелье говорят, что, когда он прибыл в Вену в качестве королевского посла, тоже сорил такими слабо прибитыми подковами. Только они были не из золота, а из серебра. О герцоге Бекингеме, всесильном фаворите Якова I, ходил слух, что однажды он явился на придворном балу в платье, богато расшитом жемчугом, однако жемчужины были пришиты так слабо, что то и дело падали, раскатываясь в разные стороны. Дамы с восторгом собирали по залу эти драгоценные зерна, а когда хотели вернуть их беспечному хозяину, тот с глубокой учтивостью просил оставить у себя счастливую находку на память о нем.

Чтобы закончить про часто упоминаемую особу герцога Эстергази, скажу — я не верю и в то, что он в честь знатных гостей готовил чай над пламенем тысячных банкнот; впрочем, этот поклеп возводили и на Грашшалковича. Можно поверить в бекерские кухонные плиты, топившиеся восковыми факелами, но позднейшие беспричинные зажигательные истории по большей части являются бродячими сюжетами. О разбогатевших банкирах рассказывали, что они топили свои каминные дорогами восточными породами дерева, на зазнавшихся банкирских барышень наговаривали, будто они употребляют дорогое сандаловое дерево для варки утреннего кофе. В особенности аугсбургское семейство Фуггеров попало в центр подобных слухов. Поговаривали, что, когда Карл V остановился у них в доме, глава семьи огромную радость по поводу такой великой чести выразил тем, что в камин спальни императора вместо обычных дров положил кору коричневого дерева. Затем он попросил разрешения поджечь его бумагой, на которой стоит высочайшая императорская подпись. Император заглянул в документ и дал разрешение. И у него была на то причина, потому что документ представлял собой не что иное, как обязательство императора по займу в 50000 талеров...

Похожий фальшиво учтивый поступок молва приписывает члену семьи Фуггер — графине Палфи-Фуггер, оказавшейся в Венгрии. Будто бы ее навестила Мария-Терезия. После обеда по тогдашнему обычаю помещение окуривали дымом. Угли для окуривания уже тлели в серебряной сковороде, когда графиня, вырезав серебряными ножницами подпись королевы из долгового обязательства на много тысяч золотых, бросила бумагу на угли. Кто хоть немного начитан о пуританстве Марии-Терезии, тот не может предположить, чтобы перед ней могла быть допущена такая безвкусица. Это такой же бродячий анекдот, как и пресловутая история про летнее катание на санках. Каковая будто бы вышла так, что, когда Мария-Терезия посетила герцога Грашшалковича в Геделле, тот велел усыпать дорогу от Пешта до Геделле солью, чтобы королева проделала путь на санках без тряски. По мнению Белы Тота не стоит тратить слов на эту нелепую сплетню, которой якобы удостаивали кроме Марии-Терезии то ее дочь, то графиню Дюбарри. Я читал про вюттембергского герцога Карла, что он летом велел наносить снега с гор, чтобы покатать на санках своих гостей.

Были все эти известные случаи в жизни или нет, все равно они просятся в эту книгу. То ли их герои глупы, то ли тот, кто восторженно слушает их и несет дальше вместо того, чтобы, устыдившись, промолчать.

РАЗМОЛОТЫЙ БРИЛЛИАНТ И КОРОВА, КОРМЛЕННАЯ ЗЕЛеныМ ГОРОШКОМ

Хотя они и не совсем подходят сюда, не могу устоять, чтобы несколькими короткими историями не нарисовать картину того, как можно смягчить неоправданное выбрасывание денег ловкой идеей.

Мадам Жанлис рассказывает в своих воспоминаниях, что одна молодая придворная дама, вступив в беседу с герцогом Конти, упомянула, как бы ей хотелось сделать миниатюрный портрет певчей птички. Через несколько дней получает дама от герцога совершенно простое золотое кольцо, с крохотным мастерски выполненным портретом птички под стеклом. Да только стекло не было стеклом, а плоским бриллиантом огромной стоимости. Дама — де Болт было ее имя — поблагодарила за любезное внимание, но бриллиант отослала обратно с тем, что такую дорогую вещь она принять не может. Герцог в ответном письме написал только, что глубоко сожалеет о возврате. Однако песок, которым якобы для просушки чернил было посыпано письмо, представлял собою размолотый бриллиант, который ему был прислан обратно.

Другой случай тоже являет собой пример французской учтивости. Во время роскошного правления Людовика XV одна чудаковатая мода сменяла другую. Был такой каприз моды: ко всякому изысканному обеду подавать стручки зеленого горошка, естественно, в феврале месяце, когда он наиболее дорог. Один невозможно богатый банкир по имени Буте ослеплял знать роскошнейшими пирами. От одного из обедов прекраснейшая из гостей все же отказалась. Сослалась, что больна, и ей разрешено пить одно молоко, а у нее сердце разорвется, если она будет смотреть, с каким злорадством остальные дамы поедают наимоднейшие блюда. "Доверьтесь мне, — успокоил ее банкир, — Вы

получите только молоко и все же не отстанете от других". Дама уступила и прибыла на обед. Едва она вступила в вестибюль дворца, как ее взгляд упал на корову, до блеска вычищенную щетками и что-то жующую из серебряной кормушки. "Вот корова, которая будет счастлива предложить Вам молоко". В кормушке был стручковый зеленый горошек в количестве, рассчитанном на коровий аппетит — с копну.

Еще одна история про банкирский обед. Один из предков рода Чиги, Агостино, был до умопомрачения денежным человеком. Один из его обедов почтили знатнейшие жители Рима, там был даже сам папа со своими кардиналами. По окончании обеда хозяин дома держал краткую речь. "Теперь никто не достоин, — сказал он, — есть из тех же тарелок, пить из тех же кубков, которыми пользовались такие гости". Он кивнул слугам, те собрали серебряные тарелки, блюда, кубки золоченого серебра, вынесли на балкон и на глазах у гостей побросали в Тибр. Какой размах! Только на другой день в Риме начали перешептываться. Шептались, что догадливый банкир к этой идее догадался добавить другую: перед началом обеда велел натянуть сеть под балконом и, когда гости разошлись, велел выловить серебряный клад до единого предмета.

ПРОИГРАННЫЙ ЭКСПРЕСС

Нет нужды закидывать сеть в утекшие воды минувших времен, чтобы выуживать свихнувшихся умом чемпионов бессмысленного швыряния деньгами. Древний Рим отлично возмещает современная Америка.

Древней рекордсменкой по части женской помпезности была Лоллия Паулина, жена Калигулы. О ней писали, что если она появлялась на каком-нибудь празднике, то буквально падала под тяжестью драгоценностей. Голова, волосы, руки, пальцы были унижены и увешаны дорогими камнями, на ней сверкало на сорок миллионов сестерциев. В сегодняшней Америке такой драгоценный гарнитур не считался бы чудом. Супруга Корнелиуса Вандербильта (третьего обладателя этого имени) не пожалела трехсот тысяч фунтов стерлингов, чтобы сделать копию короны королевы Виктории, и, приладив ее по-павлиньи на свою голову королевы долларов, уселась в ложе Оперы. Даже Англия не отстала от Америки. Как-то зимой в лондонском отеле Кларидж общество английской знати устроило благотворительный праздник. Представляли живые картины под названием "шкатулка драгоценностей". Дамы-участницы украсили себя драгоценностями стоимостью в шестьдесят миллионов пенге. Одна леди разубралась пятью тысячами жемчужин, их цена, составившая по оценкам шесть миллионов форинтов, означала устричную болезнь.

Один из Асторов в 1902 году праздновал свадьбу в Филадельфии. Только на цветы для украшения стола пошло 20000 долларов. В мальчишнике приняло участие 33 его друга-миллионера, ресторатору было уплачено 6 500 долларов.

В мире картежников много говорили об одной карточной партии в Бостоне. Вокруг стола сидели сплошь владетельные особы: железнодорожный король, угольный король, нефтяной король. Железнодорожный король забыл прихватить с собой наличность, у него при себе было всего 15000 долларов, и он проиграл их до последнего цента. Прекратить игру было нельзя. За недостатком наличности он поставил на карту локомотив. Проиграл. Поставил пульмановский вагон. И тот уплыл. Так понемногу он проиграл целый экспресс. Дал выигравшему ордер, и тот на другой день явился на завод в сопровождении машиниста и кочегара. Эшелон был составлен, паровоз развел пары, и счастливцев уехал на своем выигрыше. Развлечение обошлось железнодорожному королю в 150000 долларов.

ИМПЕРИЯ, ПРОДАННАЯ С МОЛОТКА

На самую низкую ступеньку надо поставить того мужа, который на аукционе купил Римскую империю и считал, что сделал хорошую покупку.

Этот не имеющий прецедента случай действительно имел место 1.

Всего восемьдесят шесть дней правил Пертинакс — преемник бесславной памяти Коммода. Мудрым, чистым душою мужем был он. Старался осушить нравственное болото, возникшее при Коммодe, хотел изгнать гниение из общественной жизни, хотел облегчить налоговые тяготы вконец измученного народа. Обитатели болот такого не любят. Преторианская гвардия спохватилась, что власти ее грозит опасность. Несколько готовых на все крикунов бросили клич, что с императором пора кончать. Офицеры трусливо попрятались сзади, выжидая, как лягут игральные кости. Триста гвардейцев двинулось на императорский дворец. Седовласый император предстал перед ними без оружия, окруженный лишь сиянием императорской власти. Напомнил им о присяге. С минуту

казалось, что они взялись за ум, но один озверевший чужестранный наемник навалился на императора, за ним остальные, и один из самых достойных мужей Рима был изрублен.

Не думаю, чтобы в мировой истории был еще один день, на который пришлось бы столько мерзости, как на этот — по нашему летоисчислению 28 марта 193 года.

При первом же известии о движении войск Сульпициан, губернатор Рима и тесть Пертинакса, поспешил в лагерь преторианцев. Начал переговоры с наиболее трезвыми, как погасить волнения. В это время с триумфальным шумом прибыли те три сотни, один из них нес на конце копья отрубленную голову императора. Наиболее трезвые почли за благо временно исчезнуть со сцены. А Сульпициан встал наверху положения, и тут же на месте, нисколько не ужасаясь зрелища окровавленной головы, начал торговаться с убийцами своего зятя, кому быть императором. В первую очередь он предложил себя. Банда убийц сдвинула головы. После краткого совещания вынесли решение: трон будет принадлежать тому, кто даст за него больше. Один солдат вскочил на верхушку шанца и громко провозгласил, что римская империя продается на публичном аукционе!

Боль постыдного унижения пронзила граждан Рима. Но был тогда очень богатый сенатор по имени Дидий Юлиан. На этого старого дурака налетели его лизоблюды, к ним присоединились жена и дочь, и открыли ему глаза, что вот, мол, какой бесподобный случай, и какая нелепость упустить его. Тщеславный старик уступил. Загоня лошадь, он поспешил в лагерь, остановился у подножия шанца и заявил, что желает участвовать в аукционе. Гвардейцы ликованием приветствовали нового претендента, и аукцион начался. Солдатам было поручено забирать у них предложения и сообщать их другой стороне. Они перебивали друг у друга и взвинчивали цену на Римскую империю. Сульпициан уже дошел до того, что обещал каждому преторианцу по 5000 драхм, то есть, по расчетам Гиббона, он пообещал по 160 фунтов стерлингов. Второй испугался, что у него вырвут трон из рук и попросту поднял свою цену до 6250 драхм, то есть примерно до 200 фунтов стерлингов. Сульпициан вышел из борьбы, гвардейцы открыли ворота лагеря, провозгласили Дидия Юлиана императором и тут же принесли присягу, цена которой уже была общеизвестна.

В один миллион фунтов определяют стоимость покупки, которую Юлиан должен был отработать. Но если принять за достоверное обещанные 200 фунтов, то окончательная сумма была непременно больше. Со времен Вителлия преторианская гвардия насчитывала 16000 человек, то есть стоимость покупки превосходила три миллиона фунтов.

Остальная часть истории напрашивается сюда только ради полноты повествования. Септимий Север, командующий легионами в Паннонии¹, узнал о подробностях выборов и тоже поднялся на вершину положения. Он пообещал своим солдатам по 400 фунтов каждому, т.е. еще столько же против того, за сколько Дидий Юлиан приобрел империю. В армии воспрянул старый римский дух, солдаты, воодушевившись, решили пойти против гвардии и аннулировать унизительную куплю. Скорым маршем легионы подошли к Риму, гвардия склонилась, сенат провозгласил Септимия Севера императором, последовали новые присягания. Юлиана загнали в дворцовую баню и там отсекли ему голову как обыкновенному злодею.

Он правил шестьдесят шесть дней.

Это не стоило таких денег.

БЕССМЕРТИЕ, КУПЛЕННОЕ ЗА ДЕНЬГИ

Путник останавливается посреди женевской Ке-дю-Монблан и засматривается на восток, где вздымаются скалы короля снежных вершин. Переполненный чудесным зрелищем, он оборачивается, и тут его повергают в изумление нагромождения памятника некоему князю земному. Кто же тот властитель, что покоится здесь, в одной из самых прекрасных точек мира, навечно противу вечных снегов Монблана?

Карл II, герцог брауншвейгский, — сообщает надпись на памятнике.

Путник восторженно душой предается мечтам перед памятником. Все-таки это прекрасно, когда благодарное потомство увековечивает память своих великих с такой требующей жертв помпой. Хотя, собственно говоря, этот брауншвейгский герцог даже не был швейцарцем, значит, у него, должно быть, были большие заслуги к тому, чтобы чужая земля хранила его прах с таким великолепием.

В действительности же на царственном троне еще никогда не рассаживался человек бесполезнее этого.

Он достиг трона в девятнадцатилетнем возрасте, и с тех пор его действиями руководил лишь один принцип: как выкачать поболее денег из страны и народа. Он повышал налоги, продавал с торгов казенные имения, а денежки отправлял в собственный кошелек. После семи лет шантажа, насилия и

разбоя у него не осталось ни одного верного человека, и в 1830 году революция вымела из страны и его. Но ему хватило чутья, чтобы не быть застигнутым врасплох, переправить через границу огромное состояние и знаменитые бриллианты.

Он осел в Париже и там жил, предаваясь приятному времяпровождению и любуясь своими бриллиантами. Он хранил их в тайной комнатке за надежными стенами и железными дверьми и составил их каталог.

В нем дал точное описание каждого из них, а также когда что было куплено, где куплено, сколько уплачено. После падения французской империи у него пропала охота к парижской жизни. Он переехал в Женеву, прожил еще несколько лет, и, наконец, для его родни наступил долгожданный день 19 августа 1873 года: герцог пытался открыть железные двери, но уже на том свете. Великосветская родня собралась в Женеве для оглашения завещания. Кому же из них он оставил это огромное состояние? Кто получит акции и золотые слитки на многомиллионную сумму? на груди какой герцогини засверкают всемирно известные бриллианты?

А пока только искры сверкали из глаз сородичей от оплеух, раздаваемых рукой душеприказчика покойного. Герцог объявлял своим наследником город Женеву с тем условием, что город обязан позаботиться о погребении и увековечении его памяти. Похороны должны происходить достойным его августейшего происхождения образом, гроб поместить в мавзолей, выстроенный в общественном месте. Надгробный памятник должен быть копией готического чуда в Вероне, *arche degli scaligeri*, дополненной мраморными портретами его предков и собственной его конной статуей в бронзе.

Благородный герцог своим завещанием заказал собственное бессмертие.

Размеры наследства убедили городской совет в величии души усопшего, и он разрешил бессмертие. Тело поместили в саркофаг из литого серебра, на который водрузили еще колпак из палисандрового дерева, затем под колокольный звон и грохот орудий, под сень приспущенных знамен поместили во временную могилу. Над памятником трудилось шесть скульпторов, не жалели ни мрамора, ни бронзы.

Они могли это позволить — размеры наследства составили двадцать два миллиона швейцарских франков.

ДЕНЕЖНЫЙ МЕШОК ГАРПАГОНА

В противовес художникам и дилетантам расточительства скупец развязывает мешок с деньгами только затем, чтобы набить его битком.

*Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit*¹.

(Растет любовь к деньгам по мере роста состояния.)

Из этой вечной истины, сформулированной Ювеналом, следует, что по-настоящему скрягой может быть только тот, у кого есть деньги — больше всего скупых бывает там, где больше всего денег. До расцвета Америки самым богатым государством новых времен была Англия, значит, там и надо искать, если мы хотим наколоть на булавку древнейшие типы скряг. Долго искать не придется, старые английские газеты в то время уделяли много места известным подвигам скупердяев, имевших худую славу.

Осенью 1852 года лондонские газеты сообщили, что на 72 году жизни скончался Джон Камден Нильд, эсквайр, известный сквалыга. Согласно данным его биографии учился в Кембридже, сдал экзамены на адвоката, словом начинал как нормальный человек. В возрасте тридцати четырех лет унаследовал от отца громадное состояние в 250000 фунтов и стал на путь сквалыжничества. Он был настоящим скрягой: не любил платить, торговался за каждый грош, никому не делал добра и был счастлив, если ему удавалось прокатиться на дармовщину. Однажды морозной зимой случилось ему ехать почтовым дилижансом среди всякого скудного люда. Пока меняли лошадей, пассажиры с малыми средствами пошли в пивную и грелись там за стаканчиком бренди; экономный господин, напротив, оставался дрожать в экипаже. Те пожалели его, сбросились и отослали рюмочку "бедному господину". Бедный господин поблагодарил и выпил.

Как всякий чистокровный скупердяй, он и к себе-то относился, как к противной стороне в сделке. Не давал ему есть, держал на сухом хлебе, крутых яйцах и небольшом количестве молока. Клал спать на голые доски и отпускал как можно меньше мыла для умывания. Он не позволял чистить щеткой свое платье, потому что сукно так скорее изнашивается. В 1828 году его постиг тяжелый удар: на бирже неожиданно упали ценные бумаги. С огорчения он опять же начал мстить, конечно же, самому себе: перерезал себе горло и наверное бы истек кровью, если бы не жена его квартиранта, та самая миссис Нил; она прибежала ему на помощь и спасла ему жизнь, чтобы он прожил ее в скарденности.

Всего этого еще однако недостаточно, чтобы газеты вдруг стали исписывать про него целые

колонки: в Англии встречается много подобных жадюг. Огромный сюрприз ждал во время вскрытия завещания. Выяснилось, что Нильд приумножил отцовское наследство до 500000 фунтов и, насряжничав эти несметные деньги, он оставил их королеве Виктории. Он не желал никакого возмещения, просил королеву принять наследство и обратить его на собственные цели. Как и можно было предвидеть, Виктория приняла наследство. Достоин похоронила старого скрягу, привела в порядок церковь в его имении и назначила пожизненную ренту той самой миссис Нил, которая спасла жизнь господину Нильду после попытки перерезать себе глотку и открыла возможность перед этим достойным господином еще целые четверть века наслаждаться радостями экономии и преумножать наследство.

Таким же необыкновенным человеком был Даниэль Дансер, происходивший из знатной семьи. Он вел себя так же враждебно по отношению к самому себе, как и все неподдельные скряги. У него не было рубашек, а только одна, и он носил ее до тех пор, пока она не созревала на нем. Это надо понимать почти в буквальном смысле, потому что он, как и остальные его товарищи-скопидомы, жалел денег на мыло. В солнечный денек он выходил на берег ручья в соседнем парке и там отмывался песком, потом ложился ничком и обсыхал на солнце. Жил он вместе с сестрой, которая по воскресеньям готовила на целую неделю: стряпала суп из костей и четырнадцать пудингов -из расчета по два на день. Этим они питались из недели в неделю, из года в год, пока старая леди не заболела. Брата охватил страх божий, проявившийся в том, что он не позвал врача. "Я совершил бы грех, — сказал он, -вмешиваясь в промысел божий. Если дни старой дамы сочтены, тут не поможет ни один врач со своим знахарством". Промысел божий, естественно, призвал вконец изголодавшееся существо, а господин Даниэль был вынужден вступить в переговоры с похоронной конторой. Они долго торговались и наконец заключили такую сделку, что подрядчик сделает гроб, а дерево господин Даниэль даст из своего леса. После похорон опечаленный брат долго сетовал, что подрядчик забил слишком много гвоздей в гроб, хватило бы и меньшего количества.

Сам он достиг семидесятивосьмилетнего возраста, и поскольку не мог поступить так, как пишет Йозеф Асала об одном скряге, который, изволите ли знать, в завещании наследником назначил самого себя, то свое имущество оставил племяннице, леди Темпест. Имущество было солидное, годовой доход с него составил 3000 фунтов. Но собирать его пришлось по частям. 2500 фунтов нашли спрятанными в коровнике, золото на 500 фунтов появилось из лошадиной кормушки, 200 фунтов было в трубе, банкноты на 600 фунтов — в старой чайной кружке. Остальные деньги появились из соломенных мешков.

Это все достоверные данные. Тех, кого интересуют анекдотические случаи со скрягами, найдут много характерного в сборнике "Гарпагониана"¹.

Как известно, Плавт и Мольер поставили памятник скупости в литературе. Менее известен книжный поток о несуществующем, выдуманном клубе скупцов, его уставе и жизни. Шутка вышла из Италии в середине XVI века. "Compagnia della lesina" ("Общество скупых") — так мог бы называться сей достойный почтения клуб². Кроме всего прочего, его члены обязались по 45 дней не менять рубашки, ногти на ногах стричь под самый корень до живого мяса, чтобы не дырявили чулок, письма не посыпать песком, чтобы они были легче, и за них надо было платить поменьше, при письме не ставить точки над *i*, потому что так можно сэкономить кое-что на чернилах.

Можно говорить еще об одном особом виде скупцов, о богатых нищих. В старое время газеты то и дело сообщали, что после смерти того или иного нищего, что стоял на углу, в его спальном мешке, набитом соломой, нашли серебряные деньги, пачки банкнот. Пожалуй, самым известным среди них был берлинский учитель, который днем давал уроки словесности, а по ночам попрошайничал на улицах. Умер в 1812 году. В сенях под полом у него было спрятано 20000 талеров. Шотландец Уильям Стивенсон (умер в 1817 году) 87 лет своей жизни прилежно попрошайничал. В его нищенской лачуге обнаружили настоящую коллекцию золотых и серебряных монет, нашли даже заемные письма на суммы около 1000 фунтов. Этих нищих я все же не причислял бы к полноценным скопидомам, потому что они откладывали деньги не ради самих денег. Скорее их вынуждало к тому опасение, что будет с ними в старости или в случае болезни.

Под конец моего обзора я оставил князя скупцов всех времен, бессмертной памяти сэра Джонса Элвиса, английского баронета. Он умер 26 ноября 1789 года членом английского парламента. Его наследство оценивали в 800000 фунтов. Его характер составляли как бы два человека. Биографы называют его благородным человеком приятных манер; он всегда был готов оказать любезность друзьям. Даже если это стоило ему денег. Его странная личность раскрылась нагляднее всего на ньюмаркетских скачках. Он пригласил на скачки священника своего имения. Они отправились верхом в семь часов утра, и священник не позавтракал, полагая, что на скачках он все равно будет гостем богатейшего помещика. Но тот счел за благо среди волнений позабыть о желудках их обоих. Пополудни по дороге домой бедный поп наконец несмело объявил, что он-де голоден, кстати, свежий

воздух Ньюмаркета вызвал это чрезвычайное состояние. "Конечно, конечно," — ответил сэр Джон. Выудил из кармана сухой калач, разделил его с попом и заверил того, что калач, правда, был привезен из Лондона шесть недель назад, но так же вкусен, как свежий. Домой они прибыли в девять вечера. Сэр Джон пошел на покой в отличном настроении, ведь ему удалось избежать излишнего угощения и сэкономить три шиллинга. С другой стороны, на этих же скачках случилось, что друг скупца, лорд Абингдон, проиграл семь тысяч фунтов и не смог заплатить. Сэр Джон, не моргнув глазом, принял на себя платежное обязательство, причем в четком сознании того, что этих денег ему больше никогда не видать.

Penny-wise and pound-foolish — писали про него. Мудрый, когда надо сэкономить медный грош, и дурак, когда бросался золотом. В своем клубе он играл в карты ночи напролет, теряя иногда тысячи, но утром плелся домой пешком, чтобы сэкономить на наемном экипаже. Жил в нетопленной комнате, но при этом вложил 26000 фунтов в сомнительное горное предприятие в Америке. Деньги-таки уплыли, но он перенес это с куда более легким сердцем, чем доклад управляющего о падеже нескольких овец. У него была куча домов в Лондоне, аренда одного из них закончилась несчастливо, арендатор разорился и не платил. Вмешалась судьба: дом сгорел. Сэр Джон с облегчением воспринял эту весть: "Слава богу, в другом случае я никогда не освободился бы от этого бесполезного типа, и жил бы он бесплатно".

Если кто-нибудь из съемщиков отказывался от квартиры, и она пустовала, он въезжал в нее сам и жил там, пока ее не удавалось сдать. Поэтому у него никогда не было нормальной лондонской квартиры, потому что он постоянно перебирался с одного места на другое. Ему это было легко, у него не было иной мебели, как две кровати, два стула, стол и старуха, прибиравшая у него.

Как и другие законченные скряги, он тоже считал врагом свою собственную персону. Жил на яйцах вкрутую, грызя сухие корки. Не позволял чистить сапоги, они де так больше изнашиваются, никогда не шил новой одежды, платья. Всегда ходил в одном и том же, так что его сотоварищи-депутаты всегда говорили о нем с признанием: вот-де политик, никогда не меняющий цвета. Никогда не садился в кэб, даже если бы шел ливень или дождь со снегом хлестал за ворот. Скорее промокал насквозь и дома сидел часами в мокрой одежде, пока она не просыхала. Однажды нашел в уличной канаве замусоленный парик, заброшенный каким-то нищим, даже тот побоялся показываться в нем. Сэр Джон подобрал неожиданную добычу и носил только его. Если ему приходилось верхом переезжать из одного имения в другое с легендарными яйцами в кармане, то это происходило таким образом: ехал по возможности по дерну, чтобы подковы не снашивались, на узких огороженных дорогах замедлял ход, чтобы лошадь могла поедать стебельки травы, торчащие сквозь изгородь. Шлагбаумы объезжал далеко стороной, потому что жалел денег на сторожа при шлагбауме, скорее рискуя сломать шею, гнал лошадь через глубокие каналы. Если зима выдавалась исключительно холодной, и в его провинциальных замках все ж приходилось топить, он заставлял собирать древесные отбросы, остатки соломы, кости животных и набивал ими свой камин. Сосед по имению застал его за тем, что он пытался сдернуть с дерева грязное воронье гнездо. "Какая подлость, — объяснил он изумленному соседу, — что эти вороны портят столько материала на сооружение своих гнезд. Могли бы быть и поэкономнее".

Изо всех напрасных расходов более всего он боялся, что в карман к себе что-то положит врач. Однажды он все же попался в руки к врачу. Возвращаясь по своему обычаю пешком с вечернего заседания парламента, в кромешной тьме он споткнулся обо что-то и раздробил обе ноги. Дома больной маялся в постели, пока его случайно не навестил племянник и не уговорил его вызвать врача. Сэр Джон с трудом уступил и допустил врача к себе. Но, чтобы сэкономить половину гонорара, приврал, что у него болит только одна нога. И показал врачу только одну эту ногу, а другую поручил матери-природе.

Эта нога выздоровела на две недели раньше, чем та, на которой эскулап практиковал свою науку.

Среди книжных завалов, громоздящихся передо мной на библиотечных столах, оказывается довольно-таки литературного лома, научного мусора. Я не оттолкнул его, порылся и выписал много чего как "curiositatis causa".

Результат моего копания в книгах был щедр, вот только сколок того, в чем могу отчитаться.

БЕСПОЛЕЗНЕЙШИЕ ЗНАНИЯ

Дополнением к собранию разных бесполезностей в истории культуры напрашивается наука о ненужном знании. Одну из его разновидностей насадил на острие булавки уже Флегель. В своей книге "Geschichte der komischen Litteratur" ("История смешной литературы") того, кто тратит свое время на ни к чему не употребимые знания, он зовет писателем-микрологом. Словно думал при этом о

литературной копии микротехника — резчика по вишневой косточке.

Их отцом-мастером, по мнению Флегеля, был любекский супер-интендант Г. Х. Гозц (1667-1729). Достаточно привести отрывок из конспекта его произведений:

- 1) диссертация о близнецах, упоминаемых в священном писании;
- 2) *puer decennis*, то есть о таких ученых, которых в первые десять лет жизни постигла какая-либо катастрофа;
- 3) *princeps bebraice doctus*, то есть о властителях, которые были сведущи в древнееврейском;
- 4) об ученых, утонувших в воде;
- 5) о детях известных теологов, с которыми случилось несчастье;
- 6) *de claris Schmidii*, то есть о носящих имя Шмид, которые достигли известности.

Эти "носящие имя Шмид", без сомнения, заслужили быть включенными в категорию известных людей, что вытекает из произведения Сам. Теод. Шмида, вышедшего в 1707 году, "*Dissertatio de theologis in utero deo consecratis*" ("Диссертация о еще во чреве матери посвященных теологии"). То есть сия жемчужина Шмидов не пожалела трудов, исследовала и составила список теологов, которых еще до их рождения родители предназначили к карьере теолога. Очень жаль, что не вышло биографического сборника об известных Шредерах, потому что среди них наверняка был бы и известный ученый по имени М. Шредер, который смело и беспристрастно опубликовал в 1717 году диссертацию "*Diss. Historico moralis de misocosmia eruditorum*" ("Историко-нравственная диссертация о непорядочности ученых"). То есть он составлял свои записки о грязных ученых. Трудно понять, каким образом можно обрасти такой тьмой учености, чтобы с ее помощью быть в состоянии наковырять данных из сотен книг о неумытости и прочей личной нечистоплотности заслуживающих уважения ученых.

Я наткнулся также на произведение, обобщающее литературное занятие по растолчению воды в ступе. Это книга Дж. А. Бернхарда, ее заглавие "*Kurzgefasste curieuse Historie derer Gelehrten*" ("Странная история ученых в кратком виде". Франкфурт-на-Майне, 1718). Не надо говорить, что "история в кратком виде" заняла 894 страницы. Не надо говорить также, что речь в ней идет не об истории, а о классификации ученых по весьма странным признакам. Произведение содержит ни более, ни менее 215 глав! Вот несколько названий глав из числа тех, которые делает интересными их невозможная безынтересность. Классификация ученых происходит по следующим признакам:

Те, кто были влюбчивы по натуре
непорочны по натуре
умерены
гневливы
неуживчивы
добродушны
веселыми
честолюбивыми
боязливыми
прижимистыми
расточительными
льстивыми
игривыми
музыкальными
любителями-садоводами
друзьями животных
курильщиками
бедны
должниками
имели хороший почерк
имели плохой почерк
прилежны в работе
небрежны в работе
болели подагрой
имели дурацкую физиономию.

Речь в книге заходит также и о тех несчастных ученых, кого сослали, бросили в тюрьму, повесили, казнили через отсечение головы, сожгли на костре; с другой стороны, перечисляются также и счастливы по восходящей степени удачи: кто заработал много денег, возведен во дворянство, получил известность, попал в милость к царствующим особам, и кто увенчан венком. Даже за гробом

не оставляет их своим вниманием сей добросовестный автор и разносит по главам тех, кто получил хорошую эпитафию, в честь кого была выбита памятная медаль, и, наконец, кто был объявлен святым. Уж дальше того писателю, ученому пойти было невозможно. Естественно, среди святых оказывались главным образом отцы церкви, но были и врачи, и ученые других занятий. Автор желчно замечает, что из среды адвокатов здесь встречаем только одного — Святого Иво. "Легко догадаться, — тонко намекает он, — почему господ адвокатов вредно канонизировать в большем количестве".

Неумолимый автор лезет и в семейную жизнь ученых. Он выстраивает тех, кто остался холостяками, кто рано женились, кто поздно женились, кто женились несколько раз, у кого было мало детей, у кого было много детей, кому дети приносили радость, кому дети приносили только горе, кто со стоном тянул крест домашней жизни, кто держал любовниц, кому жены были верны и кого жены обманывали. Последнее перечисление, к великому удивлению читателя, получилось очень коротеньким, оно и понятно: ученые господа, сообщая свои биографические данные, обычно об этом не распространялись.

А религия? Особенно перемена вероисповедания! По этому признаку ученых у него можно подразделить на следующие группы (пожалуйста, не падайте в обморок): католики, которые стали лютеранами; лютеране, которые стали католиками; лютеране, которые стали реформатами; реформаты, которые стали лютеранами; католики, которые стали реформатами; реформаты, которые стали католиками; евреи, которые крестились; христиане, которые перешли в иудаизм; христиане, которые перешли в турецкую веру; турки, которые стали христианами; крещеные евреи, которые снова стали иудеями.

И повсюду имена, имена, настоящий кошмар имен. Не пышные кроны тенистого леса, где читатель может остановиться и отдохнуть — нет, лишь древесный питомник с карликовыми саженцами в ряд, на каждом бирка, их безнадежно единообразное множество.

Лишь в одном-единственном месте читатель находит отдохновение: книга III, часть 7, глава 22, которая носит следующий заголовок: "Об ученых, кто растратил свой труд на бесполезные материи".

Автор двухсот пятнадцати задач на прилежание имел в виду не себя. Куда там. В частности, суровым словом поминает он тех, кто посвятил себя толкованию египетских иероглифов. Бесплодное и напрасное-де это дело, никому от него никакой пользы, как ни ломай голову, все равно их никогда не расшифровать...

Мастер Бернхард проделал феноменальную работу, но оригинальной ее назвать нельзя. Был у него предшественник — Равизий Текстор, гуманист великой учености, ректор Парижского университета. Первое издание его знаменитой книги вышло в 1522 году, затем издания последовали одно за другим. Ее название "Joannis Ravisii Textoris nivernensis officina" ("Школа нивернумского Иоганна Равизия Текстора"). Он запер в шкапулку не ученых своей эпохи, как Бернхард. У него была более высокая цель. Он хотел облегчить студентам университета усвоение гуманистических знаний. Для этого всех встречающихся в классической и новолатинской литературе знаменитостей распределил по легко обозреваемым группам. Классификацию он производил по самым разнообразным принципам. Он подразделил знаменитостей по разным группам, смотря по тому, какой у кого был характер: справедливый, несправедливый, храбрый, трусливый, великодушный, подлый, двуличный, чванливый, завистливый, сутяжный, избалованный, ограниченный, жестокий, строгий, добродушный, скромный, молчаливый, болтливый, гостеприимный, жадный, мотовской.

В отдельную главу были внесены те, кто вел чрезвычайно чистый образ жизни (*castissimi*). Например, атлет Клитомас: он был настолько скромн, что при виде псов, усердствующих на улице по случаю весеннего знакомства, поворачивался и шел в другую сторону. К сожалению, эта глава, предназначенная в назидание французским студентам, получилась короткой. Ректор не сумел набрать достаточного количества и качества известностей для такого заголовка. Опять же, что отрицать, глава о великих людях блудливой жизни (*libidinosi et lascivi*) получилась гораздо пространнее.

Неслыханную читаемость и несравненное муравьиное усердие автора лучше всего представлены сборником, составленным о причинах смерти известных личностей. По нему можно выучить имена не только тех, кто умер от различных болезней; в нем автор оком Аргуса прослеживает со всею доскональностью, точностью и со многими подробностями излагает случившееся с ушедшими из жизни по причине насильственной смерти. Он не довольствуется просто тем, что кто-то там погиб в схватке с диким зверем, он делит на группы тех, кто был разорван львом, пронзен клыками дикого кабана, укушен собакой и т. д. На четкость авторского мышления указывает и то, что он не запикивает в общую группу тех, кто обязан смертью лошади, а подразделяет их на две группы: отдельно тех, кого лошадь до смерти ударила копытами, и тех, кто упал с лошади и убился. Откуда только не грозит смерть бедненьким известным людям! От носового кровотечения погиб Аттила, лангобардский король Гримуальд и император Александр. Утонули библейский Фараон, Икар, Леандр и Сафо. Змея убила Лаокоона и Клеопатру. Были и такие, кого поразила насмерть молния, кто поскользнулся на лестнице

и разбился, кто погиб от смеха, естественно, были и такие, кого ветер смерти застал в тот момент, когда их уста горели в огне поцелуя...

ВОИНА КОРОЛЯ ГЛАГОЛА И КОРОЛЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Возможно, множество знаменитостей легче укладывалось в студенческой голове, ежели преподавательская забота учиняла среди них порядок, кто куда относится либо марширует под собственными знаменами.

Но уж если вместо простого перечисления удалось вдохнуть жизнь, движение, даже борьбу в ленивую скуку лежащей на боку учебной дисциплины! Андреа Гварна, итальянская гуманистка, выступила с идеей заставить с помощью дремлющих в молодежи воинственных инстинктов полюбить одну из самых мирных наук — грамматику. "Война грамматическая" ("Bellum Grammaticale") — под этим названием стала известна эта странная книга¹.

Успех был беспремерный — она выдержала больше ста изданий!

Ее краткое содержание: в стране Грамматике правят два короля — король глагол и король существительное. Они ссорятся из-за того, кому принадлежит первенство. Договориться не могут, и дело доходит до войны. В борьбу вступают все персонифицированные грамматические категории, происходят кровавые схватки, под конец Глагол остается победителем, стороны заключают мир. Тяжеловесное чтение для современного человека, который сам находится в состоянии войны со всей латинской грамматикой с тех самых пор, как вышел из стен гимназии. Французские переработки книги — одна 1616, другая 1811 года — мне достать не удалось, но я обнаружил немецкую переработку начала XVII века, которую сделал филолог Г. Шоттель с прилежанием, достойным лучшего применения. "Bellum-grammaticale" по Шоттелю тоже имеет двух королей. Король глагол зовется *hog*, король существительное зовется *mensch*. Они долго жили в мире, но однажды на пиру, постыдно набравшись, начали разбирать вопрос приоритета. Король существительное бросил противнику такие аргументы: "Первый я, потому что в предложении стою в самом начале. Что может глагол без меня? Мало кто что понял бы, так же, как если бы немой учил глухого. Надо принять во внимание, что сам бог, сотворивший Вселенную, тоже имя существительное". Король глагол тоже не остался в долгу: "*verbum regit nomen*" (глагол властвует над существительным). Без меня и моего народа существительное ничего не стоит, потому что само по себе не может придать смысла речи. Чего больше! Имя существительное произошло от меня и от моих подданных, выходит, получается отвратительная неблагодарность, когда сын хочет держать верх над отцом".

Спор разгорелся до того, что перекинулся в народ, разъярил его. Страсти накалились и разразилась война. Пошли два короля друг на друга походом.

Перед решающей битвой король глагол лично расставил войска. Собрал две дивизии: одну из простых, другую из глаголов-исключений. Гвардию составили вспомогательные глаголы *sein*, *werden* и *haben*. Во главе офицеров стали два генерала — глагол действительный и глагол страдательный. Следом за ними по рангу шли пять времен-полковников: настоящее, прошедшее, давнопрошедшее, недавнопрошедшее, будущее. Чин капитана получили глагольные наклонения: повествовательное, повелительное, сослагательное.

Центр войсковой позиции короля существительное составлял плотный отряд падежей. На правом фланге стояли артикли и местоимения, на левом фланге — сложные слова -сплошь испытанные, крепкие витязи. Присоединился к ним из союзнических имен прилагательных вспомогательный отряд степеней сравнения, к тому ж вооруженный осадными лестницами. Лестницы имели по три секции — по количеству самих степеней сравнения (например, большой, больше, наибольший).

Расскажу лишь пару эпизодов этой знаменитой битвы затем, что современный читатель не может насладиться сиим турниром из-за тьмы всяких грамматических понятий, которые персонифицированно стреляют, рубят, сражаются за честь своего знамени.

Две армии пришли в столкновение. Борьба была кровавая. Уже в самом начале сокрушительное поражение понесли артикли, среди их витязей *derer* и *denen* потеряли обе ноги, после чего из них стали *der* и *den*. (Здесь выявляется педагогическая направленность этой странной войны — подвести студента к пониманию законов развития языка, показать устаревшие, архаичные формы живого языка.) Так же случилось и с рыцарем *seiner*, он тоже покалечился в битве, и его окончание пришлось ампутировать, так стал из него *sein*. Имена существительные накрыло убийственной огневой очередью и выбило из них букву *r*, так что *der gnadiger*, например, в жизни превратилось в *der gnadige*. В острой схватке витязи *auss*, *auff* и *umb* потеряли некоторые свои конечности. Под ударами воинов противника из них выпали буквы *s*, *f* и *b*, и они остались существовать как *aus*, *auf* и *um*.

"Грохочет боя сердитый рев, железом бряцает скрещенное оружие," — поет Верешмарти. Таким же образом бушевала убийственная дуэль в "bellum grammaticale". Приведенные эпизоды дают представление о том, с какой самоотверженностью обе армии сражались; лишь справедливости ради скажем здесь, что и в армии короля Глагола на поле славы было много достойных героев, иные витязи остались жить только ценою тяжких ран, так, например, под выстрелами у рыцарей *liebet* и *saget* пали буквы *e*, так что из госпиталя они вышли как *liebt* и *sagt*.

Лишь наступившая ночь положила конец кровопролитию. Тогда модальные участники и союзы решили, что настало время выступить посредниками мирных переговоров. Мир был установлен. Его условия: оба короля и их страны считаются абсолютно суверенными, вместе с тем короли заключают договор о дружбе, обещая друг другу взаимопомощь против третьих стран. Контрибуции не будет, каждая сторона самостоятельно восстанавливает свои потери.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОРОЛЕЙ

Зерно, посеянное Гварной, буквально целые столетия произрастало с упорством сорняка. Мало было ста изданий "Bellum grammaticale" ("Войны грамматической") и прочих ее переделок, сорняк проник и в область музыки. Себастиани, органист из Метца, издал в 1563 году сшитую по модели Гварны книгу "Bellum musicale". У него войну затеяли короли старой грегорианской хоральной музыки и новой мензуральной¹. В первой армии в поход двинулись католические попы, монахи и монахини, даже больше, им на помощь пришел хор ангелов. В рядах короля современной музыки героизмовали реформатские канторы, органисты, лютеране, евреи и анабаптисты. Знамена минорных войск были украшены буквой *B*, а мажорных — знаком *#*. Стеречь подъемные мосты крепостей, естественно, доверили окончаниям (*cadenza*), музыкальные ключи от ворот держали в безопасных шкафах. Битва и здесь была отчаянная. Из боевых эпизодов будет достаточно, если скажу, что на героически сражавшихся скрипачей неожиданно напал еще один враг: кошки и овцы, чтобы отомстить им за то, что из их кишок изготавливали струны для скрипок.

Эта белиберда писалась на латыни. Но, чтобы непонимающая по латыни публика не осталась без такого лакомства, Иоганн Биир, концертмейстер саксонско-вайссенфельдского герцога, в 1701 году устранил этот недостаток. "Bellum tisticum oder musicalischer Krieg etc." ("Война музыкальная") - под таким заглавием появилась пополнявшая недостаток работа. Странное чтиво на наш взгляд.

Некоторой похвалы мастер Биир все же заслужил, потому как у него нет двух соперничающих королей. У него немецкие горе-музыканты сбиваются в армию и берут в полон королеву композицию. Композиция пишет письмо в Италию своей дочери Гармонии и просит помощи. Гармония созывает своих тайных советников — господ пиано, меццопиано и пианиссимо. (Неплохая идея для создания образа таинственного в музыке!) Совет высказывается за войну. Армию королевы Гармонии ведут два генерала: мажор и минор. Из главных офицеров надо упомянуть генерал-майора Фугу и четырех полковников, их имена: сопрано, альт, тенор и бас, а также капитаны: до, ре, ми, фа, соль.

Армия королевы Гармонии нападает на сброд дилетантов, но те в своем несметном множестве отражают атаку и даже контратакуют, оттесняют войска Гармонии в крепость Система. Самый отчаянный момент осады наступает, когда к стенам крепости дилетанты приставляют звуковые лестницы², и они наверняка бы заняли крепость, если бы цвет героев, юный лейтенант форте, смелой вылазкой не разогнал бы их.

Теперь дилетанты бегут, а армия Гармонии гонит разбитые войска в *Iacus ignorantiae*, то есть в болота при озере неведения.

Дилетанты молят о мире и выпускают на свободу королеву Композицию. Мир заключен. Но прежде, чем вернуться в Италию, Гармония созывает военный трибунал и судит дезертиров и трусов. Паузе за то, что не сражалась всегда с одинаковым усердием, присудили вырвать язык. С трусливыми нотами суд обошелся еще строже: их разрубили на четвертинки, даже на шестьдесят четыре части, так что они позабылись от боли. Оказался трусом даже один офицер: генерал пунктум. Его понизили в звании и приговорили отныне идти за нотами в образе точки, в качестве офицерского денщика.

Вот еще один пункт мирного соглашения, который по сей день может быть актуален. Ежели кто-то не в состоянии выудить из озера инвенция рыбу, прозванную темой, то может раздобыть ее и иным путем, но обязан по крайней мере приготовить ее под другим соусом.

КОСТЫЛЬ ПАМЯТИ

Возвращаясь к эксперименту Гварны, надо сказать, что горькую пилюлю грамматики пытались подсластить и по-другому. Дон Клод Ланселот, отличный знаток классических языков, мазал медом

виршей учебные предметы, которые приходилось грызть студентам. В 1657 году он опубликовал свою популярную книгу "Сад греческих корней слов". Во вступлении к ней симпатичные стишки предвещают читателя, чтобы он не рассчитывал найти в ней сад с благоухающими от тщеславия цветами; в этом саду произрастают призванные к питанию духа корни.

Намного позже аббат Луис Бартеlemi ("La cantatrice grammairienne" — "Грамматическая певица", 1788) учебные стихи связал с музыкой. Свое произведение он особо рекомендует вниманию дам, прельщая их тем, что вирши в этой книге, шансоны и пикантные песенки помогут им в кратчайший срок овладеть правилами грамматики и правописанием...

Стих используется как костыль для памяти издревле. Лекарские советы школы в Салерно 1 и тысячу лет спустя звучат у нас в ушах, потому что облечены в стихотворную форму.

У этого жанра были свои Вергилии и Гомеры. Они не удовлетворялись мнемоническим стихоплетством и сколачивали целые героические поэмы для учебных целей. В 1811 году один поэтически бездарный юрист зарифмовал в александрийском стихе весь Кодекс Наполеона (Б. М. Декомберусс "Code Napoleon en vers francais", т. е. "Кодекс Наполеона французскими стихами"). Идея, впрочем, не нова. То же самое сделал и один венгерский автор. В 1699 году в Коложваре вышло произведение, созданное великим трудом и потом "Копендиум Судебника Иштвана Вербечи, кой в простые формы венгерских виршей облекши, написал и издал Гомород С. Пали Н. Ференц". Заблудший автор ни строчки не выпустил из Судебника Иштвана Вербечи, все упрямо переложив архаичными стихами. Конечно, рифмы очень слабы, а как хромает стих, предлагаемый в подпорки памяти! Вопрос: а не поступил бы юрист лучше, ежели бы вместо спотыкающегося стиха вызубрил бы оригинальный гладкий латинский текст?

Гомером медицинской науки Клод Бине, лионский хирург, предстал в 1664 году, издав свое произведение "Анатомические стихи о костях, мускулах, а также кровообращении в человеческом теле". Эту книгу сейчас найти почти невозможно: я не имел случая убедиться, каким образом разрешил поэт-хирург такую трудную задачу, как освежить и разнообразить скучную монотонность двадцати четырех ребер. О стихотворной аптеке позаботился Иоганн Иоахим Бехер в сварганенных им в 1663 году стихах "Parnassus medicinalis illustratus" ("Иллюстрированный медицинский Парнас"). Он особенно интересен потому, что облекает в стихи описание лечебных средств, выделяемых телом больного, против его же собственных хворей. В медицинской учебной поэзии наиболее активно проявил себя силезский врач Рейнхард — он издал семь книг, все на латинском языке, о разных лихорадках и прочих заболеваниях.

Победа в этом марафонском чемпионате, без сомнения, принадлежит доктору Сакамбе; он в 1815 году под заголовком "Люцинада" воспел не менее, чем в десяти песнях и десяти тысячах стихов правила и приемы действий при родах.

Серьезные инженеры тоже не отставали в поэтическом соревновании. В 1804 году появилась в Париже книга об основных понятиях геометрии в стихах ("Geometrie en vers techniques" — "Геометрия техническими стихами"). Пока я не прочитал весь этот балаган, я и не подозревал, что равносторонний треугольник, выпуклая и вогнутая линза могут до такой степени фривольно гоняться друг за другом. К сожалению, я не могу этого перевести по незнанию терминологии. Зато могу процитировать перевод из одной изданный анонимно французской работы по химии. Если перевод незадачлив, то оригинал еще более таков.

Чтоб приготовить водород,
Возьми фарфоровую трубу,
Клади туда железо, воду,
Зажги огонь под ней,
Железо воду разложит
И водород нам выделит.

Едва ли отыщется такая отрасль науки, которая не произвела бы таких вот безбожных стихотворцев-ремесленников. Известна книга 1655 года, изложившая в стихах новые направления в философии. В 1784 году кому-то пришло в голову положить на стихи мысли Марка Аврелия, на рифмовку данных истории нашлась целая армия охотников. География тоже соблазнила ученых мужей, имеющих склонность к поэзии; не так уж чтобы очень давно, всего в 1883 году на книжном рынке появилась общественно весьма полезная работа аббата Радиге "Geografie physique, politique et economique de la France" ("Описательная физическая, политическая и экономическая география Франции"). Две строчки из ее политической части:

Навеки покончено с дряхлой монархией,
Возрадуйся, Франция, новой республике!

Но с автором случилась та беда, что в процессе стихосложения он совсем позабыл о собственной политической позиции, и немного далее, в другой главе он поет уже так:

Все ж лучше дела шли при старой монархии,
Чем к нашей беде при новой республике.

Библия тоже не избежала своей судьбы, ее тоже переписали стихами. Известны стихотворные Библии 1753 и 1862 годов, а также Катехизис в стихах 1703 года. Флегель упоминает одного гренобльского попа, который в наивном старании приналег на стихотворное изложение Ветхого Завета, но прошел только Пятикнижие Моисеево, потому что церковные власти встревожились всем этим балаганом и предприятие было запрещено. А причины к тому, должно быть, были серьезные, примером тому представленный здесь напоказ фрагмент. В I книге Моисеевой, главе XVIII ангел предсказывает старому Аврааму, что Сарра подарит ему сына. Сарра по женскому обычаю подслушивала в дверях и посмеялась про себя над таким предсказанием:

Смеялась Сарра: послушалась я б слов твоих,
Да только стары мы уже для акций сих.

Слава поэзии, которая может зажечь вдохновением самый сухой предмет! Я отыскал книгу, воспевающую правила игры в домино, а правила виста в стихах изложили даже три книги. Одна рекламная брошюра стихами превознесла достоинства северо-французской железной дороги. В поэтическом соревновании также похвалы, по крайней мере, заслуживает эпическое произведение парижского переплетчика Лесне о мастерстве переплетения книг; у него сотни александрийских стихов учат читателя, как надо шивать, склеивать и спрессовывать страницы книги.

В связи с учебной поэзией стоит вспомнить об одном весьма толковом издании. Один парижанин в 1649 году издал книгу под заглавием "La passion de notre seigneur en vers burlesques" ("История страстей нашего Господа в бурлескных стихах"). Можно себе представить скандал, разразившийся в этой связи: какое безумное богохульство написать историю мучений Иисуса в бурлескных стихах! Издателя взяли за ухо и привлекли к суду, тогда-то и выяснилось, что несчастный даже не знал, о чем эта книга. Ведь в то время в большой моде были привезенные из Италии бурлескные стихи, все читали только бурлескные стихи, а издатели требовали от авторов только бурлескную поэзию. (Например, в Лейдене в 1653 году автор по имени Пикон опубликовал свое произведение "Гомерова "Одиссея" в бурлескных стихах". В 1652 году безымянный автор дал описание Парижа в бурлескных стихах.) Стало быть, религиозная поэма о мучениях Христа пришлась вовремя, издатель полагал, что все, написанное короткими стихами, не может быть ничем иным, как только бурлеском, и, чтобы обеспечить спрос, напечатал "в бурлескных стихах".

ПОЭЗИЯ НА СКОРУЮ РУКУ

Другое плутовское дитя, падчерица матери-поэзии — стихотворная импровизация.

Миклош Семере во время поездки в Париж в 1837 году слышал выступление одного импровизатора. В своих путевых заметках он называет его "поэтом-скороделом".

"О заданном предмете, — пишет Семере, — несколько драматических сцен стихами излагал, сопровождая сие актерскими жестами, также слагал стихи на заданные рифмы, под конец три избранные темы на три листа записав, и как публика выкликала, то на одну, затем на другую и так все три декламировал. В отношении прочего сие отстоит от поэзии столь далеко, как словарь от Гомера, камень от строения, щепка от древа живого, как звезда, что дети с конца прутика вверх запускают, от звезды, коя в небе блещет".

Интересно, что это стихоблудство более всего развилось именно в Италии — на родине Данте, Петрарки, Тассо и Ариосто, возможно, как раз потому, что они были так далеки от профессиональных импровизаторов, как Гомер от словаря. Даже Йожефа Ковача¹, поэта прошлого века, известного под именем "кузнец рифмы", нельзя причислить к ним, потому что, хоть он и владел импровизацией, все же большая доля его поэтического урожая родилась на письменном столе. (Под "большей долей" я понимаю не глубину содержания, а совершенство его рифмы.)

Крась себя, крась! Чтобы за сафьян
Желтая кожа на роже сошла, не в изьян.
Красься, натирайся, чтобы цвела сафьяном,
Желтой кожи образина не слыла б изьяном.

Венгерские газеты столетней давности упоминают некоего Хенкаи, известного латинскими импровизациями "скороплета". Многие также помнят и Самуэля Керекеша, редактора марошвашархейской газеты, на банкетах он мог до утра, не зная усталости, творить стихотворные тосты. Шутка Виктора Ракоши ("Керекеш Самуэль, я тебе дивуэль") уже стара и настолько заезжена, что я едва смею ее здесь упомянуть.

В Италии импровизаторство процветало на протяжении веков. Невозможно себе представить,

насколько они были популярны. Ими восторгались не только в народе, их приглашали к столу даже радетельные особы. Кому теперь знакомо имя Серафино Аквилано? А ведь в свое время этот поэт-импровизатор, живший в 1466-1500 годах, был так известен, что из-за него воистину соперничали властители Италии. Даже Цезарь Борджиа был горд держать при дворе столь признанного поэта-скорородума, о котором самые ярые его поклонники трубили, что он-де выше самого Петрарки. А разве помнит кто-нибудь имя Бернардо Алкотти?

Сам народ наградил его, попросту присвоив ему имя Единственный (L'unico). Когда он отправлялся из Рима в поэтическое турне, в каждом удостоенном такой чести городе закрывались лавки, словно был праздник; и все от мала до велика собирались вокруг него. Самым известным импровизатором позднейших времен был Бернардино Перветти (1681-1747). Его современники пишут, как он импровизировал свои стихи: глаза его загорались, виски пульсировали, он менялся в лице, а когда заканчивал импровизацию, был полумертв, как бы пробуждаясь из бессознательного состояния. Его сравнивали с аполлоновыми прорицательницами, теперь бы сказали, что он импровизировал в трансе. Кроме всего прочего он преподавал право в Пизе, поэтому ему не доставляло труда, помимо лирических стихов, сыпать трескучими ямбами в любом количестве и на любую тему из юриспруденции и философии. В 1725 году ему присвоили звание римского гражданина и "увенчанного лаврами поэта". Достойный стихоплет взошел на Капитолий, где на голову ему водрузили венок. (Его избранные скороделки вышли во Флоренции в 1748 году под названием "Saggi di poesie" ("Образец поэзии").)

Менее шумным образом достиг известности Марк-Антонио Зуччи. Он начал вундеркиндом не в поэзии, а в науке: ему едва минуло 13 лет, когда он, закончив университет, организовал публичный диспут о философских тезисах. Импровизаторский талант проявился у него позднее. Он возвысился до того, что стал способен моментально высечь сотню терцин на заданную тему. Если ему предлагали конечную рифму сонета, он тут же приделывал к ней самый сонет, да не один, а пять-шесть. Он скончался в 1764 году в высоком священническом сане как аббат Монте Оливеро.

Зуччи не волновали лавровые венки, раздаваемые в Риме. С тем более жгучей жаждой бросился за наградой неаполитанец Лодовико Серио. На свою беду он вступил в схватку с женщиной, и она унесла пальмовую ветвь; это была известная Маддалена Морелли, о которой еще пойдет речь. Возмущенный Серио сгоряча обвинил Рим и коллегию кардиналов в том, что они отдали венок незаслуженно, только потому, что она женщина и к тому же красивая женщина. Конечно, ему пришлось с огромной скоростью умчаться из Рима домой в Неаполь. Здесь он ударился в политику и до старости оставался воинственным республиканцем; возможно, его жизнь продлилась бы и в XIX веке, если бы в 1799 году старый скоромол не оставил бы своих зубов в скоропалительной драке с роялистами.

XIX век оставался такой же теплицей для сего своеобразного разведения литературных грибов, как и промелькнувшие столетия. Впереди шли два добрых друга: Бенедетто Сестини (1792-1822) и Томазо Стрицци (1788-1836). Первый в своем лице соединял художника, архитектора и математика, кокетничал с высокой поэзией и даже написал повествовательную поэму об одной из фигур Дантова Чистилища — историю Пиа де'Толомеи. Второму Италия была тесна, он уехал в Париж, там добился огромного успеха благодаря своей чудесной способности импровизировать целые стихотворные трагедии на заданную публикой тему. Таким же даром владел и Лодовико Сиккони (1807-1856), он тоже попал в Париж и там импровизацией ряда трагедий заработал деньги и славу.

Можно было бы перечислить еще целую страницу имен итальянских импровизаторов, особенно если взять в расчет еще и народных поэтов, которые не претендовали на лавровые венки, а вполне довольствовались вниманием толпы к их виршам на ярмарках и на улицах. Сейчас их имена ничего не говорят. Их импровизации замерли вместе с вымолвленным словом; если же находился удивленный меценат, который собрал и издал в спешке записанные скороделки, то сейчас они невыносимо скучным чтивом пылятся на полках библиотек.

Способность итальянцев к импровизации объясняет то, что комедия "дель арте", которую напрасно пытались привить на другой сцене, могла зародиться только на итальянской земле, потому что оканчивалась всегда тем, что актеры "импровизировали" со сцены заранее выученный текст. Актеры другой национальности просто неспособны на то, чем Веринацци, эдакий Карлинье, баловень итальянской сцены в Париже, в течение 42 лет очаровывал французов. Он был способен импровизировать все пять действий целиком, никогда не впадая в скуку и всегда потешая публику.

Если сведущего в литературе француза спросить, кто для него самый известный импровизатор, он без колебаний ответит, что Прадель. Полное имя этой парижской известности Пьер-Мария-Мишель-Эжен Куртре де Прадель; он появился на свет в 1777 году и дожил до 80 лет. Поначалу он готовился завоевать лавры в серьезной литературе, но успеха не снискал. Затем он открыл в себе способность к импровизированию стихов и тем обрел успех и деньги. О нем ходил слух, что он

превзошел самых лучших импровизаторов Италии. Представление о его способностях дают три брошюры, содержащие стенограммы его импровизаций. Вместо объяснений достаточно привести названия этих брошюр.

"Пожар в Салинзе", поэма, импровизированная за 17 минут 28 августа 1825 года (8 страниц в одну восьмую листа).

"Мольер и Мигнар в Авиньоне", водевиль в одном действии, импровизирован за 5 часов 10 минут в парадном зале авиньонской ратуши на тему, заданную публикой (32 страницы в восьмую долю листа).

"Один эпизод варфоломеевской ночи", импровизировано 19 марта 1834 года в театре на улице Шантерин (16 страниц в восьмую часть листа).

К старости таланта его поубыло, денег тоже. В Париже он надоел, уехал в Германию и там на модных курортах импровизировал перед подражающей французам знатью. Здесь его дела пошли тоже плохо, и престарелый бард в 1857 году в Висбадене завершил грустный спектакль собственной жизни, сложив за свою долгую жизнь сто пятьдесят скороделок.

В противовес старейшему французскому виршеплету вызову из мрака забвения самого юного — десятилетнего Франсуа де Бушато. Он был сыном парижского актера, родился в 1645 году. Ему едва минуло пять лет, когда он уже говорил на нескольких языках, в восьмилетнем возрасте познакомился с древнегреческими и латинскими классиками. На десятом году стал балованным любимцем парижских салонов как необыкновенной легкости импровизатор. Его стихотворные импровизации записывались и печатались в тогдашних газетах. Ему прискучили многочисленные выступления в Париже, он пожелал в Англию, чтобы научиться английскому. Французский посол взял с собою в Лондон крохотную галльскую знаменитость. И в английских салонах он стал любимцем дам, они сажали его на колени и гладили, лаская. Однажды на коленях у одной прекрасной английской леди у галантного юного джентельмена вырвались такие стихи:

На коленах твоих вдохновляют боги,
Тысячи стихов мало прелесть твою воспеть,
Пока Аполлон мою лиру настраивал,
Ах, разбойник Амур стрелою успел попасть!

Если перевод и слаб, то оригинал совсем неплох, конечно, применительно ко вкусам того времени. Сколько взрослых поэтов-академиков не могло умнее свести воедино аполлонову лютню, стрелу Амура и прочую мифологическую чепуху в этом роде.

В Англии национальным чемпионом стихотворной импровизации был Теодор Хук, который, впрочем, имел доброе имя автора пьес и романиста, редактора популярной газеты, а потому стал главным сборщиком налогов и казначеем на колониальном острове Маврикия (1788-1841). Кто слышал его импровизации, писали о нем, что не могли себе представить такого ослепительного фейерверка человеческого ума, если сами не были тому свидетелями. Он импровизировал не только стихи, но и музыкальное сопровождение на фортепиано. Тут же перед роялем он моментально слагал целые небольшие оперы в заданных публикой стихотворных формах и размерах. Однажды он развлекал целое общество в шестьдесят человек составлением нескольких эпиграмм на каждого из присутствующих с соответственным музыкальным сопровождением.

Он был в милости у герцога-регента, который и вознаграждал его за доставленные удовольствия, назначив главным сборщиком налогов и казначеем на остров Маврикий с годовым окладом 2000 фунтов. Но один из его чиновников совершил растрату, а ему пришлось отвечать, его вызвали на родину и посадили в долговую тюрьму. Только годы спустя ему удалось выйти на свободу, после чего он зарабатывал на хлеб редактированием газеты.

Среди театральных творений Хука было одно и на венгерскую тематику — "Tekeli or the siege of Mongratz" ("Текей или осада Монграца"). Поскольку он свершил его в шестнадцатилетнем возрасте, не стоит его упрекать в чудовищном искажении, которое он допустил в отношении имений Текей и крепости Мункач.

Среди немецких стихотворцев-импровизаторов наиболее известным был Даниэль Шенеманн. Он также и пример тому, вместе с итальянцем Перветти, как во время импровизации впадают в транс. Шенеманн сознательно вызывал состояние транса. Когда, например, ему приходилось импровизировать о смерти, он брал в руки череп, устремлял на него глаза, при все увеличивавшемся вплоть до обморока сердцебиении импровизировал стихи, да так скоро, что их едва успевали записывать. Его расцвет приходится на 1720 год, когда ему довелось выступить даже перед прусским королем. Однажды ему надо было сложить стихи на королевского библиотекаря. Тот откликнулся на латинизированное имя Брунсениус. Шенеманн совершенно неожиданно восславил заслуги господина библиотекаря в десяти строках, в чем, собственно, не было бы ничего особенного, если бы первая строка не начиналась бы на букву "б", вторая на "р", третья на "у" и так далее, пока не получилось

полного имени удостоенного такой чести мужа. В другой раз король возложил на него задачу воспеть великую катастрофу, случившуюся в Берлине, когда на воздух взлетела пороховая башня, случилось это как раз в том же году. Шенеманн, помолвившись, впал в транс и отрубил 21 строфу об этом печальном событии.

Вне сомнения, что эти молниеносные поэты отличались необычным природным даром: ей богу, их вполне может слушать тот, кто находит удовольствие в подобных цирковых зрелищах. В цирке актеры играют на скрипке, стоя вверх ногами, этого не мог бы сделать даже Паганини. Эстетический вкус тоже повернут вверх ногами, если стихотворца-акробата венчают, как настоящего поэта. В старой Венгрии дважды побывали эдакие поэты с наскока. Для столетней давности вкусов германоговорящей части граждан характерно, что немецкий стиховыплевыватель по имени д-р Лангеншварц провел в Пеште четыре сеанса моментального стихоплетства. Через несколько лет приезжал еще один итальянец, его премьеру однако удостоило уже только сорок слушателей. Впрочем, его выступление устраивала одна знатная дама — покровительница искусств в своем особняке. Уж и не знаю, где мог находиться этот особняк? Тогда Пешт был еще очень невелик; возможно, он находился поблизости от дома сапожника на улице Баштя, в котором Карой Кишфалуди нашел убежище от голодной смерти.

В "Ханмюес" 1, 4-й номер за 1833 год, читаем следующий колокольный призыв:

"Д-р Лангеншварц, пиит-импровизатор. Сей 26 лет отроду великой славы человек, имея прибыть в Пешт, в здешнем малом городском танцзале в воскресенье, апреля 14 дня, представит академию², на коих будет скоро составлять поэмы, а посему может быть величаем по-венгерски скорым стихослагателем (импровизатором)".

О случившемся стихослагании газета напишет такой отчет:

"Господин импровизатор просил задать ему три слова, на кои ему надлежало слагать приветственные поэмы в честь присутствующих дам, к тому ж на письме, затем, что их, отпечатав, на случай будущей импровизации раздавать будет, и прибавив к тому, что слова не должны быть таковыми, что уже несут некую похвалу либо красоту; тогда из многих таковых три слова избрал: *Blodsinn, Schreckbar, Marodeur*".

Двадцать минут истребовалось импровизатору, чтобы соответствующим образом приспособить рифмующиеся слова для воспевания дам, которые, право, более всего подходили бы для характеристики его собственной литературной деятельности. Все это время играла музыка. После декламации, когда улегся взрыв аплодисментов, пиит продолжал импровизировать на различные предложенные ему темы, например, "Влияние поедания арбузов на венгерскую историю". И с этой задачей он блестяще справился, пожав большой успех, не считая того, что смерть короля Матиаша он приписал поеданию арбуза.

"Под конец, — пишет "Хонмюес", — попросил 20 слов, среди которых каждые два рифмуются, их он употреблял к четырем стихам по заданному "прощанию двух странствующих подмастерьев", притом каждый странник говорил к сотоварищу раз веселым, другой раз грустным стихом, и уж совсем вконец господин Лангеншварц на записанные 20 слов, в обратном порядке (снизу) оные прочтя, сказал на них пятое стихотворение, в коем выказал благодарность слушателям, обещав венграм вечную благодарность. Хотя среди оных 20 слов бывали и таковые, кои ему употреблять было весьма затруднительно, например, *Марони-Тарони* (венские содержатели кофеен на Грабене), *couage-bagage*, сие воистину невозможно не наградить аплодисментами за сложенные наскоро в импровизации частью шуточные, частью чувствительные стихи".

Уже упоминавшийся итальянец по имени Биндоцци в мае 1837 года удостоил венгерскую столицу своим посещением. Недостаток интереса у публики пытались восполнить своими восторгами некоторые газеты. Газета "Райзолаток" едва ли не сплела ему лавровый венок.

Достойный стихотворец получил в качестве одной из тем "вышеградские руины".

"Райзолаток" пишет: "Он с удивительной легкостью вывернулся из затруднительного положения, потому как к слову пальма подвел в пару Тальма, чуть подладив его, представив руины Вышеграда столь воодушевляющими, что они будто бы могли воодушевить самого Тальма".

Великая и прекрасная мысль, прекраснее сам Верешмарти не смог бы вывернуться. Безбедно перебрался пиит и через все трудности более легких заданий. По ходу ему пришлось изливать стихи "о непостоянстве дам". "Сие поистине прелестное задание, — пишет газета, — ко всеобщему удовлетворению он исполнил с превеликой ловкостью и капризностью".

Редактор поблагодарил его за сей усладительный душ из рифм следующими прощальными строками:

"Мы, кому его искусство доставило удовлетворение до растроганности, за кое прекрасный импровизатор может из столицы Гуннии увезти с собой память об участии и сочувствии, коими все просвещенные города Европы удостаивали его".

В те поры уже минуло двенадцать лет, как вышло в свет "Бегство Золана"¹. Но, по-видимому,

все еще находились такие, кого мощный вихрь языка Верешмарти загонял в защищенные от ветра уголки редакций, кокетничающих с "просвещенными городами Европы". Примером тому полный перевод на венгерский язык 18-строфной скоропалительной поэмы маэстро Биндоцци на страницах той же "Райзолаток". Итальянец тут ничего не мог поделаться, на чудесном языке его родины даже самые плоские мысли звучат усладой. В ту пору наместник Йозеф только поднялся от болезни, это событие ему пришлось отразить в скорых рифмах. У анонимного переводчика этот ритмический всплеск вышел так:

Не сломлен, не ушел,
И жив среди своих.
Правдива весть, и страх
Беды огромной
Промчался тучей.
Природа кличем "Прочь!"
Изгнала злую тень.
Средь пламенных объятий
Улыбка мудреца, величие.
Героям поколенья
Господь их возвратил.
По всей земле зефиры
И тихи, нежны — рады,
Сей чудный день настал.

Обзор мой вышел длинноват, и теперь я могу только второпях упомянуть еще несколько женщин-импровизаторов. Потому что оказывались и такие. Конечно же, все они — скорые на язык итальянки. В XIX веке самой знаменитой была Джианнина Милли, о которой Манцони говаривал, что она превзошла всех живших до нее импровизаторов; Роза Таддеи была известна тем, что по желанию публики в любой стихотворной форме импровизировала стихи и тут же сочиняла к ним музыку.

В XVIII веке три женщины удостоились чести быть избранными в одну римскую литературную академию, в Аркадию. Одна из них, Тереза Бандетти, возвысилась до поэтессы из танцовщиц; другая, с очень длинным именем — Фортуната Зульгер-Фантастичи-Маркезини; третья, увенчанная и обожаемая всеми, прекрасная Мария Маддалена Морелли. Она была та самая, кто на импровизаторском турнире в Риме победила Лодовико Серио, и кого затем торжественно вознесли на Капитолий для торжественной церемонии увенчания лавровым венком. Аркадийцы в своей академии присвоили ей имя Кориллы Олимпийской. Позднее ее слава докатилась и до Венгрии. Один короткой жизни старый венгерский журнал "Кедвешкеде"² в 3-м номере за 1824 год пишет о ней, присовокупляя к своему сообщению следующее, отнюдь не ласкающее слух замечание:

"Возможно, у нас на родине к такой славе могут стремиться Борбала Мольнар и Анна Бешшенеи, однако коих один зрелого приговора патриот от версификации к прялке поправил".

В романистике этот странный фокус от избытка сил лег на душу одному драматургу. Коцебу учинил его, может, в шутку или со скуки. Фокус этот едва ли удостоился венгерского перевода. Впрочем, один наш достойнейший актер подпевал Коцебу, это был Бенке Йозеф. Коцебу, в образном переводе Бенке, признается в своем промахе, вызвавшем появление романа как жанра:

"Я просил друзей моих предложить мне на перо любые двенадцать слов, а я постарался бы на эти двенадцать слов составить небольшой Роман. Предложены были слова: вулкан, проповедник, хрущ, страус, война небесная, рудник, океан, волк, олово, боязливость сердца, ад, подкуп".

Коцебу таки "направил" перо на указанные слова. Он разделил роман на двенадцать глав, вынес в заголовок каждой одно из заданных слов и привязал к ним содержание глав.

Заглавие романа: "История моего отца, или как вышло, что я родился".

Главы:

I. "Вулкан". Дедушке автора 70 лет, бабушке — 19. Юная жена уговаривает старого мужа поехать в Италию. С ними едет и один молодой человек — друг семьи. В Неаполе молодая жена забирается на Везувий, от напряжения неожиданно заболевает и производит на свет мальчика. "Как ты могла на восьмом месяце лезть на Везувий? — упрекает ее муж. — Вот теперь ребенок появился прежде времени". "Не прежде он," -таинственно отвечает жена.

II. "Проповедник". Ребенка надо крестить, зовут проповедника. Сей поп — немец по национальности, у него есть дочь. Молодая женщина, пользуясь случаем, оставляет новорожденного на попечение семьи попа.

III. "Хрущ". Новорожденный Поликарп воспитывается вместе с дочкой попа. Тринадцати лет от роду он гоняется по лесу за хрущом и попадает к разбойникам, они оставляют его у себя в лесу поваренком.

IV. "Страус". Разбойники плохо обращаются с ним. Случается, что "невинная нижняя часть тела его бывала жестокою с кнутом рукою гневно отпускаема высеченною". Отрок бежит, но попадает из огня да в полымя, к содержателю бродячего цирка, который и сманивает его с собою. Поликарпу поручают кормить страуса. Они покидают Италию и попадают в Германию.

V. "Война небесная". Поликарп, уже юноша, прослышав где-то, будто у страусов железные желудки, на пробу скармливает ему ключи от ворот. Страус подышает. Поликарпа выгоняют. Он бредет без еды и питья, начинается буря, юноша прячется в лесной лачуге, туда же буря загоняет одного охотника. Парень рассказывает ему о своей злой судьбине.

VI. "Рудник". Про охотника выясняется, что он и есть тот самый молодой человек, который сопровождал матушку Поликарпа в Италию. "О, приди на грудь мою!" — восклицает он и устраивает Поликарпа на своем руднике. Но получается так, что Поликарп подшучивает над страшными историями про рудничного духа, за это шахтеры объявляют его безбожником и прогоняют.

VII. "Океан". Поликарп попадает к портняжке, который к тому же кропает вирши по случаю. Он и выучивает Поликарпа сочинять. Тот пишет эпическую поэму в 33-х песнях. Заглавие "Океан". Начинается так: "В глубинах под покровом серого неба, в ужасных пещерах ненасытного любострастия сломленная бродит моя странствующая душа по теням пролетевших тысячелетий, на груди вечности собирает плоды вечно цветущих пальм, клыками острыми вгрызаясь в чудеса природные, алкая колючим языком созиданья мастерских трудов". Поэму представляют великому герцогу, а поскольку никто из нее ни слова не понимает, объявляют шедевром. Поликарпа назначают хранителем герцогского парка.

VIII. "Волк". К сожалению, какой-то волк проделывает дыру в ограде и производит опустошения среди дичи. Через эту же щель проникает один кавалер и производит опустошения в добродетелях герцогской подруги. Дело получает огласку, Поликарпа бросают в тюрьму.

IX. "Олово". За неимением письменных принадлежностей он выламывает из оконной рамы кусок олова и пишет в честь герцога хвалебный гимн. Помилование. Его выпускают из тюрьмы.

X. "Боязливость сердца". В скитаниях однажды слышит он из леса призывы о помощи — два здоровенных парня хотят убить беззащитного. Поликарп нападает на них, парни трусливо убегают. Кто же жертва? Управляющий рудником!

XI. "Ад". Раны управляющего смертельны. Зовут попа. Поп так живописует перед умирающим кошмары ада, что тот от ужаса приходит в себя и открывает тайну, что Поликарп родился не на восьмом месяце, а, как положено, после девяти. То есть он и есть отец. Умирает. Поликарп единственный наследник.

XII. "Подкуп". Дочь неаполитанского проповедника, воспитавшего Поликарпа, Мими, вырастает в прекрасную девушку. Один знатный господин расставляет ей сети. В своих домогательствах он привлекает проповедника к суду по ложному обвинению. Его люди "советуют" бедному отцу подкупить обвинителя, тогда все уладится. Но чем подкупить бедняку? Честью собственной дочери! Поп решается бежать всей семьей. Бегут в Германию. Заблудившись, попадают в замок Поликарпа. Узнавание, любовь, свадьба.

Мое краткое изложение лишь конспективно представляет повороты в развитии действия в романе. Прочитанный одним махом он кажется ничуть не глупее любого из современных детективов.

Более того, начинающим писателям от этого может выйти даже некоторая польза. Автор в предисловии намекает на эту пользу и оправдывается так:

"И все же представляется мне справедливым, что таковая деятельность ума может быть полезной для молодых, желающих иметь практику Писателей, потому что учит соединять воедино Идеи и такие вещи, которые на первый взгляд кажутся такими далекими друг от друга, как небо от земли".

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КУРСЫ И ПИСАТЕЛИ-ПРИЗРАКИ

Коцебу и не мечтал, во что выльется в XX веке его идея насчет подготовки молодых писателей. "Поэтами не рождаются, поэтами становятся," — провозглашают предприниматели, занимающиеся подготовкой писателей.

В литературной прессе Парижа появилось следующее соблазнительное объявление с очень кратким заголовком: "Devenez ecrivain!" ("Будьте писателем!")

Речь идет о том, что один оборотистый француз открыл школу писателей, настоящие курсы, на которых берутся за пару недель сделать писателя из любого. Дословно сообщаю текст этого соблазнительного объявления:

Будьте писателем!

У вас есть идеи, но вы не можете их выразить. Тема уже созрела, вы ее продумали во всех

отношениях. Вы берете авторучку... И вот, перед белым листом бумаги на вас попросту нападает страх и головокружение. Вы ощущаете, что ваш мозг так же пуст, как и белый лист бумаги. Все то, что вы так хорошо наладили в уме, вихрем пляшет вокруг вас. То, что вы считали уже схваченным, окончательно ускользает из ваших рук.

"Где же способ, — спрашиваете вы, — отразить то, что есть во мне? Как начать? Как закончить?"

Какое мучение для умной и отважившейся молодой души ощущать себя как бы замурованной заживо! И как тяжок этот груз в жизненном состязании!

Школа "А, В, С" (как изобретательно!) освободит вас от душевной тюрьмы, выведет на солнечный свет ваши дарования и приобретенные способности во всей их полноте, иными словами лучшее в вашем я. Благодаря абсолютно новой методике через пару недель вы поймете, насколько для вас стало легче то, что до сих пор казалось таким трудным. Выбор слов, необходимых для выражения мысли, их упорядочение и связь между ними — все это станет для вас игрой, которая не только приятна, но и доходна, потому что вы сможете улучшить ваше материальное положение и поднять писательский авторитет.

Итак, напишите нам еще сегодня, и мы вышлем вам наш подробнейший проспект, который содержит все необходимые сведения".

О методике курсов мне не удалось узнать ничего. Немного более о результатах: в самом объявлении перечисляются имена семи неизвестных дам, воспитаниц курсов, чьи неизвестные новеллы появились в неизвестных газетах.

Больше подробностей об американских писательских курсах. Будет достаточно описания одного экзаменационного дня, который проходил на фабрике писателей в Лос-Анжелесе I.

В аудитории находилось сто двадцать слушателей. Мужчины, женщины вперемежку, по большей части от 45 до 70 лет. Старые джентельмены, матери, бабушки, а среди них хорошо известный тип женщины-Мафусаила в сплетенной из незабудок шляпке на крашенных волосах.

На черной доске преподаватель изобразил крепостную стену, посреди стены приклеил вырезанные из толстой упаковочной бумаги преогромнейшие крепостные ворота. Согласно его пояснению ворота символизируют свободный вход в крепость писательского искусства. Желающему проникнуть в крепость надо было представить "документы", то есть сочинение собственного изделия. Если преподаватель находил документы в порядке, то есть если произведение соответствовало правилам, изложенным на курсах, слушатель мог войти в символические ворота. Но если же нет — горе ему! Его обезглавливали, конечно, тоже символично, картонным мечом, которым орудовал один вызвавшийся пожилой господин.

Вышел первый слушатель, правильное, странник. Захотел войти в крепость. Преподаватель, вернее, хозяин крепости, потребовал документов от странника, назвавшегося верной характеристикой, поскольку это была на самом деле высокая, тощая женщина в желтом платье, красной шапочке и зеленых серьгах.

Господин крепости прочитал рукопись, но нашел ее плохой и предал несчастного странника палачу, а тот обрушил свой жестокий меч на голову жертвы. Два с половиной часа продолжалось такое кровопролитие. Скотилось семь голов, однако произведения семи странников оказались столь успешными, что их авторы смогли проникнуть в крепость, к тому же в "галерею отличных".

Одно произведение настолько превосходило остальные, что преподаватель возопил от восторга. Он крикнул, чтобы послали за фотоаппаратом, дабы увековечить рождение нового таланта. Произведение блестяще решало задачу, обозначенную в учебной программе как "правильное построение драматического конфликта". В нем говорилось, что герой сидит в лодке посреди моря и читает. Поднимает глаза от книги и вдруг с носа лодки на него шипит огромная ядовитая змея. Он хочет прыгнуть в воду, но, о ужас! Рядом с лодкой плавает акула! Бегство героя и его способ остались тайной, поскольку преподаватель не позволил дочитать новеллу. Он вопил, что хватит и этого, потому что интереснее ситуации в новелле быть не может.

Теперь мы по крайней мере знаем, где выжимают лимонный сок для лимонадного потока, заливающего американские журналы.

Только не всякому хватает прилежания месяцами ходить на курсы, пока не осуществляются их писательские амбиции, и пока он не увидит свое имя под литературным произведением в печати.

Для этого существует более простой способ.

Пусть напишет другой, а он только купит произведение за наличные и поставит свою подпись.

Идея настолько хороша, что имело смысл открыть контору, чтобы сводить покупателя и продавца. Где такая контора? В Америке, конечно. Ее точный адрес: Нью-Йорк, улица Ист, 49, квартира 17. Ее обнаружил корреспондент "Нувель Литерер" и опубликовал в номере от 1 августа 1936 года. Согласно объявлению предприятие называется "Контора писателей-призраков".

Выражение "писатель-призрак" не передает точного смысла английского "ghostwriter". Это

искусственно созданное американское слово выражает, что настоящий писатель стоит призраком за своим произведением, он расстался со своей работой, как тело расстается с душой, а свои земные останки с полным на них правом собственности передал покупателю.

На французском литературном жаргоне их зовут неграми, а по-венгерски кули.

Контора поставляет все. Романы, новеллы, стихи, статьи, научные работы, ораторские выступления, доверительные письма... Всего сто двадцать сотрудников держат на учете. С помощью соответствующей картотеки можно моментально подыскать писателя, имеющего необходимые способности и профессиональные познания для написания желаемого произведения. Потому что, естественно, на контору работают и специалисты. Один разбирается в сельском хозяйстве, другой в химии, третий в фарфоре. Более того, контора в основном ищет специалистов, потому что обычных талантов оказывается в избытке. Контора не смущается, если для какого-нибудь произведения не оказывается под рукой специалиста. На такие случаи держат поднаторевших в библиотечных поисках "книжных червей". Они разыскивают источники по библиотекам, доставляют материал в контору, а там его обрабатывают ловкие "призраки".

Вознаграждение разное. За слово 1,5-6 центов. Писателя контора вознаграждает в соответствии с качеством работы. С заказчика берут сообразно его имущественного положения, с некоторых дерут по 40-50 долларов. Простой гражданин с тощим кошельком может и за пять долларов получить надгробную речь на случай похорон.

Как видите, предприятие существует на трезвой основе, ему вполне можно доверять. Его честность особенно сказывается в заказах на художественную литературу. Корреспондент поинтересовался подробностями такого рода поставок, на что директор с достойной признания деловой честностью ответил:

"Если уж мы доставляем художественную рукопись, то положила руку за ее орфографию и расстановку знаков препинания, четкость формулировок, однако мы отказываемся от всякой ответственности за все, что касается художественной ценности произведения".

На вопрос, получала ли контора письма признательные, неожиданно прозвучал ответ, что ни одного единственного. Заказчик стыдится сделки, он без слов забирает работу, платит, уходит и больше его не видят.

Совсем как призрак...

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ ПЛАГИАТА

Подумать только, если бы все честно, в простом магазине покупали бы себе павлиньи перья! Но мы то и дело слышим о литературных ворах, более того, каким невероятным бы ни казалось, существовали даже курсы, где слушателей обучали тому, как можно КРАСТЬ безо всяких опасений быть пойманными. Правда, курсы существовали в конце XVII столетия.

Дизраэли Старший¹ упоминает их в книге "Curiosities of Literature" ("Литературные курьезы"). Он пишет, что их основателя звали Ришесурс. Я засомневался в правдивости этого сообщения, уж очень оно анекдотично, тем более, что имя преподавателя в переводе означает "богатый источник". Все писавшие о нем ссылаются на Дизраэли; итак, у меня оставалось подозрение, что какой-то шутник разыграл почтенного английского автора.

Однако мне в руки случайно попала книга аббата д'Артиньи "Nouveaux memoires etc" ("Новые мемуары", Париж, 1772). Из нее выяснилось, что профессор плагиата жил на самом деле и его предприятие процветало! Его полное имя было Жан де Судье, синьор де Ришесурс. По данным аббата академия плагиата существовала с 1655 года до самой смерти ее основателя в 1695 году, значит, полные сорок лет мэтр жил тем, что учил своих честолюбивых воспитанников воровству. Он издал также двадцать книжиц, все о плагиате как особой отрасли науки.

Название школы плагиата было таково — "Академия философов-ораторов" (Academie des philosophes-orateurs). В ней было несколько отделений, не только для ораторов, но и писателей. Плата за ученье была невелика, даже по тогдашней стоимости денег, — всего три золотых. Чему можно было научиться за эти деньги — данные об этом предоставляют сами печатные труды мэтра Ришесурса.

Его основной труд — брошюра в 64 страницы, вышедшая в 1667 году под названием "Маска оратора или способ скрыть фальшивыми одеждами все виды ораторской речи; а именно: защитительную речь, торжественное выступление, проповедь, размышление, надгробную речь и т. д." ("Le masque des orateurs etc.").

Заслуженный директор академии рассуждает так, что есть много людей, чьим хлебом насущным является красноречие, но сами они не обладают достаточным к применению материалом. Таким образом, автор спешит на помощь тем, в чьем саду не растет нужных плодов, и обучает их, как нарвать

в садах других. Он не считает это воровством, а обозначает искусственным словом "плагианизмус". "Плагианизмус", -говорит он, — это искусство, которым мы можем умело и с успехом изменять произведения других и так переодевать их, что даже сам автор не узнает собственного произведения".

Мэтр получил за эту книгу королевскую привилегию, иначе говоря, запатентовал ее и застраховал от всех возможных плагиатов это свое произведение, которое учит читателя, как надо делать плагиат.

Если в произведении какого-либо автора нам понравилась фраза и мы хотим ею воспользоваться, то ее надо переодеть в другое платье, то есть изменить следующим способом: 1. изменить порядок слов; 2. отдельные слова заменить другими с похожим смыслом.

Например: какой-то автор пишет о том, каким должен быть полномочный посол. По его мнению, хороший посол должен обладать тремя свойствами: безупречностью, талантом, смелостью. Значит, нужно изменить порядок слов, тогда качества хорошего посла предстанут в такой последовательности: смелость, талант, безупречность. После этого эти понятия надо заменить похожими по смыслу. Вместо "смелости" можно написать настойчивость, твердость, присутствие духа. Вместо "безупречности" — добродетель, праведность, честность. Вместо "таланта" — подготовленность, образованность, умение. После этого этой фразы отец родной не узнает своего дитяти, потому что украденный мотив в чужих одеждах будет выглядеть так: "хороший посол должен быть твердого характера, честен и умел".

Методика мэтра с успехом применима и сегодня. И применяется, насколько я знаю. Дальше — больше: от него также происходит научное обоснование той операции, которую современная журналистика называет "подать под другим соусом". Он же для своих учеников разработал пример того, как можно чужое произведение в тридцать строк разбавить точно в два раза, до шестидесяти. В качестве примера он использовал письмо Геза де Бальзака (1594-1654), признанного в Европе мастера литературной переписки. Вот оригинальная и разбавленная часть письма, которым Бальзак рекомендовал своего знакомого милости парламентского адвоката.

Бальзак: "Дело моего знакомого, находящееся на рассмотрении парламента, — это не такое уж и трудное дело, представляется, что и малой толики красноречия будет достаточно, чтобы с успехом защитить его. Рекомендую его Вам только при том условии, что не будете тратить всего Вашего времени на него и не забросите из-за него прочих дел Ваших".

Под другим соусом: "Вопрос моего знакомого, который сейчас стоит перед парламентом, и из-за которого он вынужден ехать в Париж, не относится к числу сложных и запутанных дел; могу смело сказать, что любой из адвокатов, стоящих ниже Вас, изумляющихся Вами, но неспособных к подражанию, оказался бы вполне пригоден, чтобы со славою защитить дело и довести его до победы. И, хотя дело не сопряжено с теми трудностями, которые по обыкновению лишь подстегивают Цицерона Франции, все же я осмеливаюсь рекомендовать его Вам, потому что совершенно убежден, что для Вас оно будет ничем иным, как приятною игрою и развлечением, и Ваша деятельность по этому делу доставит Вам отдых после обычно утомительной работы".

ЛЯПСУСЫ

Этот заголовок и сам стреляет невпопад. Один из подвидов этого понятия принадлежит семейству "Лейтер Якобов". Немецкий оригинал звучит так: *Einen Bock Schiessen*¹. У этого немецкого выражения нет ничего общего с охотой, в фигуральном смысле оно означает кувыркнуться, т.е. оступиться, поскользнуться, плюхнуться. (Варианты этой поговорки: *purzelbock*, *purzelbaum*). Должно быть, очень давно кто-то перевел его на венгерский буквально, а венгерская логика мышления усвоила его фигуральный смысл, ведь для охотника всегда совершает ошибку тот, кто, целясь в самку лани, попадает в козла. В этом смысле Янош Эрдейи и внес это выражение в сборник венгерских народных поговорок. За неимением лучшего и я вынужден пользоваться им, потому что другого выражения в венгерском языке, которое свело бы воедино всевозможнейшие виды ляпсусов, нет.

Латынь делает тройственное различие: *lapsus linguau*, *lapsus calami*, *lapsus memoriae*. Смотри по тому, идет ли речь об обмолвке, описке или ошибке памяти.

У французов для этого есть всеобъемлющее слово: *bevue*. В рамках этого понятия есть тьма-тьмушая всяких выражений для обозначения отдельных оттенков, что и неудивительно, потому как они сами признают, что у них можно найти наиобширнейшее собрание образцов.

Англичане в этом смысле также не заботятся о четких различиях. У них все, что невпопад, — *bull*. Почему "бык" — этого теперь уже не может сказать никто. Есть у них еще *irish bull*, т. е. "ирландский бык". Так обычно дразнят ирландцев, предположительно на том основании, что во времена короля Генриха VII в Лондоне жил один адвокат ирландец по имени Обадиах Балл, который свои защитительные речи оснащал самыми ошеломляющими ошибками. Его соотечественнику,

жившему позднее известному писателю XVIII века Эджворт¹, прискучили злостные придирки, и он издал работу, направленную против наветов на ирландцев. "Essay on irish bulls" — называлась она. Работа была не в силах поколебать английское общественное мнение. Результатом ее стало всего-навсего то, что парижские книготорговцы — поскольку речь шла о быке — занесли книгу в список литературы по сельскому хозяйству. (Возможно, происхождение слова можно угадать во французском boule? Voule — пуля, в старофранцузском bouler означает катиться, валяться по земле. Образ, сходный с немецким "кувырканием".)

Если англичанин может себе позволить называть bull все, что невпопад, мы тоже можем называть "баклевеш"² все, что есть bull.

Прежде чем попробовать как-то классифицировать все эти "выстрелы по козлам невпопад", несколькими примерами освещу, как удачно это английское bull; сколько всего можно им охарактеризовать.

У нас неудачные переводы обычно называют собирательным именем Якоб Лейтер. По-английски это был бы тоже bull. По-моему, самый древний из них мы находим в Библии в книге пророка Исаяи, в главе XXXVII, в которой 36-й стих звучит так:

"По той причине вышел Ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали оне поутру, и вот, все тела мертвые."

Очевидно, ответственность за этот древний bull несут первые латинские переводчики.

Среди серьезных книг за Библией по порядку следует Свод законов. И вот, в штате Миссисипи, в городе Кантон, bull закрался в решения городских властей:

1. Построить новую тюрьму;
2. На строительстве использовать материал здания старой тюрьмы;
3. Узников до окончания строительства содержать в старой тюрьме.

Да будет известно, что американские штаты, города и поселки производят тысячи законов и постановлений, так что можно понять, если в пылу законотворчества и произошла такая накладка. Американские юристы выуживают из потока законодательных актов массу наистраннейших постановлений. Л. Е. Кук, адвокат из Луизианы, даже издал сборник законодательных курьезов, в нем он обращает внимание на закон, принятый в штате Канзас восемьдесят лет назад, но действующий и по сей день, который гласит:

"Если два поезда встречаются у железнодорожной развилки, то обязаны оба остановиться, и ни один из них не имеет права тронуться дальше, пока не пройдет другой".

Я попробовал навести хоть какой-то порядок во всем этом вздоре и классифицировать его по содержанию. Причем между его видами границы порой настолько размыты, что отдельные выражения можно отнести туда и сюда, но я мыслил так, что классификация неточностей не обязывает меня к очень большой пунктуальности.

Я набрал материала в основном на семь групп.

1. Опрометчивое перо.

Самая невинная форма стрельбы невпопад. Небрежность, эдакая халатность формулировки, суетливая поспешность характерны для нее. Большая ее часть разбрызгивается разлетевшимся редакторским пером. Но сколько раз допускали ее по рассеянности и серьезные ученые! Один наш превосходный литературовед, не выносивший декадентской поэзии Бодлера, написал: "Даже в делах любви его вкус был противоестественен, потому что вместо юной девы ему требовалась переспелая матрона". С такую критикой многочисленные читательницы Бодлера едва ли согласились бы. Зато наверняка всеобщим одобрением женщины восприняли слова другого крупного нашего художественного критика, который при прощании с большим художником Одри говорил: "Он любил женщин и прочие радости жизни" (Журнал "Нюгат", май, 1937).

Но вот из-под моего пера вышло незадачливое слово "который", которое некрасивым червяком ввинчивается в самую середину предложений. Насколько же был прав автор "Дорогого родного языка"³, когда буквально на всех страницах своей книги вытравил предложения с "который". Ну, хотя бы употребляли его правильно! Да только этот червяк часто ввертывается не туда и странно искажает смысл предложения:

"Т. П. подписала контракт с венской оперой. Тридцать пять вечеров дали этой прекрасной певице, которой можно дать и все шестьдесят." ("Фюггетленшег", июль, 10, 1938).

"Гвоздь нашей субботней программы — премьера в Пештском театре "Пижама моей жены", которая содержит много сюрпризов." ("Пешта хирлап", май, 23, 1933).

"Сдаются 3 комнаты с окнами на улицу, 2 прихожие, квартира с уборной, которая особенно подходит для адвокатской конторы." (Записка о сдаче внаем на дверях дома на улице Балвань.)

Далее, поскольку я уже прошел сквозь теоретические трудности, представлю побольше примеров.

2. Голова — ума палата.

Тут гамма оттенков весьма богата. Начиная бледной поверхностностью и кончая кричащим неведением. Мы знаем, французы не любят свержосновательного. Поэтому они с неколебимым спокойствием пишут, что Галилей окончил свою жизнь на костре, — Октавиан был сыном Клеопатры, -мадам Помпадур казнили, — Юдифь отрезала голову Голиафу, — Венеция лежит на берегу Балтийского моря, — и так далее. Если их уличают в этом, они смеются громче всех, разве что не умывают рук, как Геродот (по утверждению французского автора).

У нас я читал, что возле Аббазии¹ море катит свои волны в залив Отранто, однако автор статьи тут ошибся на несколько морских миль: если волны продолжают катиться на юг, они-таки достигнут залива Отранто. (Может быть, он хотел сказать Кварнеро?). Это небольшая ошибка, когда наш превосходный писатель нашего же императора Максимилиана в Мексике повесил, а другой заставил Наполеона казнить Филиппа Эгалите (разумеется, вместо герцога Энгийенского), а третий вынужденного к самоубийству Сенеку заставляет умирать от Ангины Пекторис.

Мелочи. Свет на этом не сошелся клином. Хотя он и достаточно плох, этот свет. Сразу видно, что его создали за восемь дней ("Ле Матен", 1924, август, 7).

3. Смещение образов.

Научное название — катахреза.

За этим не надо ходить к соседу. Тут мы соперничаем с французами. Что могут они, то можем и мы, как то можно проследить на следующих примерах.

"Петефи взглянул на девушку, у которой от внутреннего волнения на лбу вспыхнули розы; пока он говорил, оба ее глаза, подобно молитвеннику на шнурке, повисли на лице поэта" (Эмед Фаркаш "Петефи").

"Рев колыхающейся по всей улице толпы как бы отдавал паром животной жажды крови" ("Пешти хирлап", 1903, июнь, 15).

"Однажды мы уже тщательно занимались этой сильной рукой и смотрели ей в глаза" ("Будапешта хирлап", 1903, октябрь, 15).

"Главаря контрабандистов на квартире не обнаружили, по-видимому, он прослышал шумок, что у него под ногами горит земля" ("Маи Нап", 1937, июль, 29).

"На будущий год Венгрия может стать на защиту национальных интересов и в воздухе!" ("Аз Эшт", 1938, май, 8).

Из биографии английского генерала Горта: "Его давнее желание было исполнено, из штаба он был переведен на фронт. Здесь он заслужил прозвище тигр. При Ипре, в Камбрии и Аррасе, устремившись вперед, он вел свои войска в атаку, как бык" ("Мадьяр Немзет", 1939, октябрь, 21).

Полнее примеры будут приведены отдельно. Эти несколько авансированных примеров имеют целью пояснить их видовое название.

4. Анахронизм.

По-венгерски — путаница во времени. С этим надо обращаться осторожно, потому что в самые свои блестящие периоды литература и искусство полны анахронизма: на сцене у Шекспира римские герои одеваются, как английские лорды. Художники Ренессанса одевают в современные им одежды библейских персонажей. Этого требовал дух эпохи. Однако следует остерегаться также и мелочности, когда праздные книгокопатели выуживают из произведений великих писателей мелкие ошибки. Про Шиллера они доказали, что в "Валленштейне" Бутлер говорит о громоотводе, но ведь тогда он еще не был изобретен. О знаменитой сцене из "Вильгельма Телля" они выяснили, что ее действие должно было происходить в конце ноября, однако невозможно, чтобы в эту почти зимнюю пору на деревьях висели яблоки. Один книжный червь торжествовал, когда прочел в "Фиеско", что жена героя пьет шоколад. Заблуждение! Заговор Фиеско² был в 1547 году, а первую шоколадную фабрику основали в Италии в 1606 году. Чудовищно!

Поскольку во времена Гете громоотвод был уже изобретен, спокойно могу сказать, что и над его головой часто змеились молнии критики. Достаточно упомянуть о "Фаусте". Действие пьесы очевидно разыгрывается в конце XV века, а в ней пьют шампанское, но оно начало пениться только в 1670 году, — упоминают о париках, но Людовик XIV впервые пристроил его на свою голову только в 1640 году, — говорят о табаке, что до Колумба было просто невозможно, — речь заходит и об исповедалне, в то время как она появилась в Германии сто лет спустя. Самую большую блоху в этой сказке обнаружили среди воздыханий Марты, когда Мефистофель сообщает ей, что супруг ее умер. На что женщина:

Не шутя, о муже бы достать бумагу, где погребен, когда, бедняга, и эти сведенья в печать для верности потом отдать¹.

Во времена Фауста все это было вообще невозможно, потому что церковные власти начали публиковать выдержки из церковных книг регистрации примерно в XVIII веке, а газет тогда вообще не существовало.

Литературные муравьи снесли в свой муравейник кучу подобных заблуждений, но с нас хватит и этого. Отчасти горькое это развлечение — ради крохотной несуразности грызть громоздкие доказательства тому.

5. Якоб Лейтер.

Значение этого искусственно созданного выражения известно широко.

Юного поколения ради я повторю кратко историю его возникновения так, как ее излагает Бела Тот в своей книге "Из уст в уста". В октябре 1863 года внимание всего мира было обращено к Парижу. Гигантский воздухоплавательный корабль Надара "Гигант" отважно проделал свой первый путь.

"Мадьяр Шайто" в 13 номере за 1863 год поместила отчет об этом событии в форме "Письма из Парижа". "Письмо" писал Адольф Агаи, разумеется, тут же, за редакционным столом, переводя сообщения венских газет на венгерский. В одном месте читателя поразила таинственная фраза:

"Когда они пролетели сквозь верхний слой облаков, шар вздрогнул и чуть накренился, но — как утверждают путешественники — никто из них нимало не испугался. Призвали Годара, испытанного воздухоплавателя: "Вверх, вверх, хотим подняться так высоко, как Якоб Лейтер".

Никто не знал такого пионера воздухоплавания по имени Якоб Лейтер, и только позднее выяснилось, что речь идет о библейском Иакове с его лестницей. В немецком оригинале письма из Парижа стояло Jakob's Leiter².

Переводчик впопыхах не заметил скромно притаившуюся букву "S" и библейский образ принял за имя собственное. Агаи потом отрицал свою ошибку. Он говорил Беле Тоту, что совершил эту опisku намеренно, чтобы подшутить над педантичным Агоштом Грегусом. Кто хочет, пусть верит³.

6. Галиматья.

Это слово проникло к нам из Франции. Его происхождения не могут объяснить сами французы. По мнению ученого Гветия его невольным автором мог быть один парижский адвокат. Он держал речь по-латыни в каком-то судебном деле. Дело было о петухе одного гражданина по имени Матиас. Адвокат же в пылу вдохновения перепутал генетивусы. Вместо Gallus Mathiae у него все время получалось Galli Mathias. С тех пор эту путаницу якобы стали употреблять в значении "всякий вздор". У анекдота слишком уж ученый привкус. Скорее всего, это слово есть искаженное французское galimaufree. Это придуманное поварское слово означает "рагу", то есть блюдо из рубленого кусочками мяса. Но мыто знаем, сколько всякого сомнительного добра обычно таятся за почти что элегантною строчкой в ресторанном меню: рагу.

По определению Буало⁴ у галиматьи есть две разновидности: простая и двойная. Первую не понимает только читатель, а вторую — и сам автор.

Что касается формы, то французы по-разному определяют два способа прочтения галиматьи.

1. Пафос. Автор силится раздуть плоское и немощное содержание симуляцией жаркой страсти и под конец тонет в болоте чувствительности.

2. Фебианство. Происходит от греческого rhoibos., второго имени бога света Аполлона. В данном случае словоблудие, когда блистательные эпитеты применяются к предметам незначительным. Пафос рисуется своей духовной возвышенностью, фебус означает стилистическую вычурность: бездарный графоман хочет любой ценой показать, насколько его собственное писательское искусство возвышается над обычными борзописцами.

Если галиматья проявляется в стихах, украшенная рифмами, то ее называют амфигурий.

И я все еще не закончил мой непосвященный экскурс в залы серьезной науки и литературоведения.

Впереди еще гонгоризм.

Своим появлением на свет он обязан испанскому поэту со звонким именем Луис де Гонгора-и-Арготе (1561-1627). Собственно говоря, это не что иное, как преднамеренная галиматья. Гонгора был талантливым поэтом, однако его не удовлетворял морально успех его стихов. Он считал, публика недостаточно понимает его. Он подумал, — и с тех пор многие после него так думают, — вот де заговорю с вами по-непонятному, сразу поймете. Он выдумал какой-то искусственный, вычурный, напыщенный, сплошь уснащенный образами и оборотами вздорный стиль, и вот — публика с восторгом приняла новые фразы-блестки.

В то же самое время в Италии Джамбиттиста Марино¹ в этаким радужном стиле, стал основателем подобного же литературного направления, известного под названием маринизм. Другой конец радуги, скрученный в духе барокко, перекинулся во Францию и вскружил голову прессионистам своим обманным блеском.

Витиеватый, напыщенный способ изложения полностью соответствовал капризному вкусу эпохи барокко.

Согласно теории испанца Грасиана² лучше всего литературный стиль украшают прославленные итальянцами кончетти — искры ума; писатель должен стремиться к тому, чтобы его произведение

было усыпано такими искрами мысли. И он разбрасывал их так, что у читателя до сих пор сверкает от них в глазах. О самой мысли он рассыпается так:

"Мысль отправляется от берегов памяти, пересекает море воображения и наконец прибывает в бухту остроумия, и там ее проверяет таможня понимания".

Каким образом происходит это плавание, я освещу несколькими примерами. Заранее оповещаю моих читателей-таможенников, о чем идет речь. Просто-напросто о том, что близится лето. На языке астронома: Солнце, двигаясь по Зодиакальному поясу, покидает созвездие Тельца и движется к созвездию Близнецов. В сравнениях Грасиана присутствует также животное, именуемое Флегон, о нем только скажем, что он есть и в мифологии, несет там службу в качестве одного из коней в колеснице Солнца.

"И вот в небесном амфитеатре рыцарь Солнца верхом на Флегоне храбро бьется с Тельцом, вместо копья сверкая лучами, его атакам хлопает звезд прелестная толпа, облокотившаяся о балкон Зари, чтобы полюбоваться чудным станом рыцаря. Потом свершается чудесное преобразование: Phoibos (Феб), белокурый рыцарь, обращается в белого петуха, покрывается перьями, отрастает гребень, и он становится впереди сонма сияющих звезд. Эти курочки небесных полей, вокруг них звезды-цыплятки, вылупившиеся из тиндарова яйца..."

Я мог бы продолжить это велеречивое сравнение, но так мы не приблизимся к концу никогда, потому что мне придется помочь переправить тиндарово яйцо через строгости разума читательской таможни. Обозначен товар верно, яйца несла Леда. Как известно, Зевс приблизился к Леде в образе лебедя. Это приближение имело результатом первое яйцо Леды, из которого вылупились два близнеца — Елена и Полидевк (у римлян Поллукс). Затем Леда таким же странным способом материнства одарила и мужа одним, уже законным, яйцом, из которого появилась на свет другая пара близнецов — Кастор и Клитемнестра. И вот тут, наконец, прояснился смысл горького сравнения — Солнце вступило в созвездие Близнецов!

7. Всякая всячина.

Есть такой вздор, который нельзя распихать по названным выше группам.

Такой внеклассовой парией оказалась баллорнизация. Предположительно, ее впервые допустил любекский печатник Иоганн Баллорн в XVI веке, отсюда и название. В какой-то книжке немецких сказок на одной из иллюстраций красовался петух. Печатнику картинка не понравилась, и в новом издании книги он поместил другую, на ней у петуха уже не было шпор, но зато рядом стояла корзина с яйцами.

Представлял ли он петуха курицей и, как таковую, лишил неполагающегося ей украшения — шпор, этого никто не знает. Однако под картинкой он пристроил следующую гордую надпись: "Verbessert durch Johann Ballorn" ("Исправил Иоганн Баллорн"). С тех пор баллорнизацией называют такой вид исправлений, когда вместо первоначальной ошибки сажают другую, еще большую.

Например:

"В передовой статье прошлого номера нашей газеты, второй абзац, вторая строка, — в результате ошибки в наборе, — вместо слова георический стоит слово теоретический. Итак, правильно фраза должна звучать следующим образом: "Какой эпос можно было бы создать о георических подвигах венгерских защитников родины!" ("Мадьяр вилаг", 1938, сент., 20). Если бы автор статьи написал слово героический, то сам дьявол печатных ошибок не напутал бы так в одном слове.

Ни в одну из этих групп я не мог пристроить случай со скульптурным портретом нашего заслуженного писателя П. Кароя Сатмари. Соответствующая инстанция поставила скульптуру у подножия Крепостной горы и выбила на постаменте несколько строк из стихотворения поэта:

Беда, кто смотрит на закат, оттуда ночь грядет.

Внимаю на восток. Венгерского рассвета ожидаю.

Какова была необходимость испортить эффект этих строк тем, что скульптуру поставили... спиной к восходящему солнцу? Он стоит лицом на запад, обращенный к Будайским горам и, конечно, видит только заходящее солнце.

А теперь, говоря языком гонгористов, настало время подрезать слишком разросшиеся крылья моих теоретических выкладок ножницами чувства меры и перейти к практическим примерам. Здесь я уже не буду следовать системе теоретической классификации. Я мыслил, картина станет живее, если сгруппирую несурезицы свободно, без всякой связи.

ФЛОБЕРОВСКИЙ СБОРНИК ГЛУПОСТЕЙ

Первым начал коллекционировать благоглупости Густав Флобер.

Читая, он тут же записывал обнаруженные им bevue. По мнению Мопассана к этому у него был

особый талант.

Так, он отметил в речи Скриба¹, сказанной при избрании в академики, следующее:

"Разве пьесы Мольера просвещают нас относительно великих событий эпохи Людовика XIV? Разве он произнес хоть одно слово о заблуждениях, слабостях, ошибках великого короля? Разве он говорил об отмене Нантского эдикта?"

Внизу пометка Флобера:

"Отмена Нантского эдикта — 1685 год. Мольер умер в 1673 году."

К роману "Бувар и Пекюше" он собрал несметное количество данных. По его собственному признанию он прочел тысячу пятьсот книг! У него был план написать и вторую часть романа. Слово "написать" не совсем точно отражает его планы, потому что большую часть книги он хотел составить из цитат. Оба героя занялись перепиской бумаг и из множества прочитанных книг выписывают всякие несуразицы. Книга могла бы стать энциклопедией человеческой глупости, однако смерть выбила из рук писателя перо прежде, чем он успел закончить первую часть романа.

В его литературном наследии обнаружили огромную кучу записок, газетных вырезок, писем, объявлений, официальных бумаг. Все они были подобраны по тематике и помещены каждая в свое досье. В особом конверте хранилась известная коллекция несуразиц, которую биографы Флобера называют "Sottisier" ("Хранилище глупостей") или "De la betise humaine" ("Досье на человеческую глупость").

Оно составило основу всех более поздних коллекций Bevue. Потомки основательно обирали ее, разумеется, без указания источника. Я тоже заимствовал из нее, но немного, потому что и без того богатый французский материал разросся бы еще больше².

МАЛЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ БОЛЬШИХ ЛЮДЕЙ

Я ухвачусь за более легкий конец дела и выстрою в алфавитном порядке великих от французской литературы.

Абу (1828-1885)

"Викторина закрыла глаза и продолжала читать" ("Les Mariages De Paris").

"Конечно, вы немец. Англичанин на вашем месте умер бы за нас, а я вознаградила бы его рукой моей дочери!" ("Король Монтаньи").

Бальзак (1799-1850)

"Я не вижу этого ясно, — сказал старый слепец" ("Сцены частной жизни. Беатрис").

"Одному из участников игры завязывают глаза, чтобы он не видел, куда его ведут, провожатый предупреждает его:

"Будьте осторожны! Не упускайте из виду ни одного из моих знаков!" ("La muse du departement").

"Азалии взбегали по стене и покрывали ковром все здание".

"Соловей сел на край окна" ("L'areau de chagrin").

Птицы во французской литературе не придерживаются законов природы. Соловьи не только вообще не садятся на подоконники, но и не поют в декабре, как это утверждают братья Гонкур ("Idees et sensations"). Ламартин кормит хлебом ласточку ("Les contidences"), которая, как известно, питается только насекомыми.

Шатобриан видел летающих пингвинов ("Souvenire ienfance etc."). Виктор Гюго был так вдохновлен чистой невинной любовью им же самим созданных героев — Мариуса и Клозетты, что, не найдя чистоты большей, так охарактеризовал невинных любовников: "Два лебедя встретились на вершине Юнгфрау!" ("Отверженные"). У одного журналиста, который послал своей газете сообщение об индийском йоге, должно быть, были обширные представления и о способностях страуса, так как он написал, что йог в состоянии священного экстаза сунул голову по плечи в песок и оставался так восемь часов кряду. "Только страус способен на такое, — так заканчивается репортаж, — да и то только в момент опасности" ("Le журнал", 1914, февраль, 6).

Мне придется защитить честь страуса. Еще никто не видел, чтобы он прятал голову в песок. Он не настолько глуп, хотя Плиний, этот древний источник сплетен в естествознании, называет его глупым. Но и Плиний тоже потому выдвигает против него обвинение в *solidita's*, что он засовывает голову в куст (*frutix*) и думает, что его не видно. Откуда взялось обвинение, неизвестно, верно одно, что такого дурака-страуса еще не бегало по Африке, который со страху обрек бы себя на такое странное самоубийство. Так что поговорка "страусиная политика" не имеет под собой никакой основы¹.

Бернарден де Сент-Пьер (1737-1814)

Поэт нежной души, автор "Павла и Виргинии", с благодарностью размышлял о добрых руках матери-природы.

"Собаки обычно пестры, и пятна на них отличаются друг от друга: одно светлое, другое темное. Это потому так, чтобы их можно было хорошо различать в квартире, на какую мебель бы они ни садились, в противоположном случае они сливались бы с цветом мебели" ("Гармония природы").

"На дыне природа проложила борозды затем, чтобы на семейном столе ее было проще разделить" (Там же).

"Блохи, как правило, прыгают на белое. Этим инстинктом природа наградила их потому, чтобы нам легче их было ловить" (Там же).

С другой стороны, простодушный аббат Гом (1802-1896) сомневается в целеустремленности природы, когда пишет:

"Что касается рыб, непонятно, как они умудряются жить и размножаться в соленой воде, и уж настоящее чудо, что их порода давно не вымерла" ("Catechisme de perseverance").

Банвиль (1823-1891)

Германия в танце ведет наверху, на холме мертвых, неистовее, чем конь без удил или чем урна, у которой нет ручек. ("Idylles prussionnes")

Неистовствующий конь — не редкость, а с неистовой урной человек еще не встречался. Даже если у нее откололись обе ручки.

Коппе (1842-1898)

"Женщина села меж дочерей. Они были близнецы, одной и другой было по 18 лет".

Шатобриан (1768-1848)

"Военная слава Наполеона? Эх! О ней уже и слуха не осталось. Действительно, он побеждал в больших битвах, но несмотря на это, самый маленький генерал профессиональнее его" ("Melanges politiques et litteraires").

Доде (1840-1897)

"Четыре тысячи босых и размахивающих руками арабов бежало за верблюдом, как дураки, сверкая на солнце шестьюстами тысяч зубов" ("Тартарен из Тараскона").

Если проверить расчет, то окажется, что у каждого отдельного араба было по 150 зубов. Конечно, расчеты — занятие не для писателей. Известный арифметический ляпсус допустил сам Флобер, когда заставил одного из главных героев "Мадам Бовари" отсчитать 75 франков одними двухфранковыми монетами. Леопольд Стапле, менее известный у нас французский писатель, не моргнув глазом, так определил преклонный возраст одного из своих героев: "Ему было 70, но он выглядел, как на еще столько же". Другой (чуть было не написал безымянный) парижский писатель, Марль Мерувель, дал прочувствовать хрупкость сложения своей героини:

"Она была так стройна, что мужская рука могла обхватить ее десятью пальцами". Ужасную картину рисует Кловис Уге об одном из своих малосимпатичных героев: "Наполовину тигр, наполовину шакал, наполовину змея!" Этому стопятидесятипроцентному чуду я неожиданно нашел пару в образе одного берлинского акционерного чуда. "Ле Журнал" в 14 номере за май 1927 года поместил отчет о черном дне берлинской биржи и написал, что рынок потрясли 80- и 100-процентное падение акций, а вот акции Гланцштокфа и Эльберфельда потеряли 150 процентов своей стоимости. Это парижское издание показало себя вообще несведущим в исчислении процентов. В его же номере от 29 апреля 1910 года есть такая фраза: "Вы на три четверти преувеличиваете отчасти из вежливости и молодого энтузиазма. Но в том, что вы говорите, все же есть пятьдесят процентов правды". Таинственные дроби тоже расставляют ловушку ничего не подозревающему писателю, как это случилось с Климентом Кара-гелем, который обратился к директорам парижских театров со следующим предупреждением: "Вы не считайте, что выброшенная пошлина на билеты в десятую часть сбора — это много, может случиться, что они повысят ее до одной пятнадцатой, а то и двадцатой".

Дюма-отец (1803-1870).

В своих воспоминаниях он упорно приписывает Шатобриану такую странную фразу:

"Я шел, шел противу моего желанья, как скала, несомая потоком, и что же теперь? Я к вам ближе, чем вы ко мне". Но он сам не вспоминает, как в истории про судебный процесс из-за известного кольца заставляет говорить одного из героев, того самого Дона Манозля: "Ах! Ах! — сказал Дон Манозль по-португальски". Для этой мозговитой фразы я нашел венгерскую пару. Когда герцог Уэльский посетил Будапешт, в одном из ресторанчиков в Буде ему понравился ловкий официант. "Как вас зовут?" — спросил герцог. "Шевалье Ронаи", -безупречно по-английски ответил официант ("Аз энт", 1935, сентябрь, 13).

Флобер (1821-1880).

"Они остановились и, повернув спины буре, припали друг к другу, глаза в глаза, четырьмя руками удерживая зонтик" ("Бувар и Пекюше"). Подобную же ошибку совершила Ивет Жильбер,

написав в своих воспоминаниях: "На обеде я сидела по правую руку герцога Уэльского, слева от меня занял место австрийский посол".

Готье (1811-1873).

"Надобно, чтобы камень-брусчатка был в животе вместо сердца" ("Мадмуазель де Мопен").

В одном из стихотворений ("Серенада") влюбленный рыцарь стоит перед балконом, а дама на балконе. Надо бы к ней взобраться, но как?

Ты поток своих чудных волос мне волною с балкона спусти, я по этим волнам поднимусь, в твою тихую пристань войду!

Ответ дамы поэт не сообщает.

Лябиш (1815-1888).

В произведениях этого плодовитого комедиографа так и кишат толстые *bevue*.

"Я познакомился с ним в омнибусе. Первым его словом был хороший пинок".

"У меня даже стула нет, на который моя жена могла бы преклонить голову".

"Там такой обычай: если молодая актриса понравится, то не интересуются ни ее именем, ни происхождением, ни полом".

"Что это? Наш корреспондент глух? Видимо, он из-за этого не отвечает на наши письма".

"Брак есть договор о взаимных обязательствах... Брачующиеся должны быть французами, свободными и разного пола".

"Раскаленное железо хотел бы я воткнуть ей в сердце, раскаленное железо, имя которому угрызения совести... раскаленное железо, которое следовало б за ней повсюду и разрушило бы ее печень, подобно стервятнику... и чье непрощающее зеркало показало бы ее грех, крикнув ей: "Несчастливая, ты изменила своему другу!"

Мюссе (1810-1857).

"Уста молчат, чтобы слышать речь сердца" ("Nuit de mai").

Поэтическая картина, рту критика надо умолкнуть. Но сладкоречивый поэт майской ночи злоупотребляет поэтической свободой, потому что в другом месте он говорит:

"Жильом был добрый юноша, но ему никогда не приходило в голову, что сердце нужно и для другого, а не только, чтобы дышать".

Й. Х. Росни-старший (1856-1940).

"Он был так печален, будто следовал за похоронной процессией, провожавшей самое последнее живое существо" ("Marthe Baraquin").

НЕМАЯ РЕЧЬ

"Великие духом встречаются", — твердит прописная истина. При встрече иногда спотыкаются об один и тот же камень.

— Где ты взяла сахар?

— Нанон достала у Фессардов.

Невозможно было представить себе, каков был эффект этой немой сцены" (Бальзак, "Евгения Гранде").

Филарет Шазль, у которого вышло произведение на венгерскую тему ("Scenes des camps et des bivouacs hongrois pendant la campagne de 1848-49"), в одной из своих книг описывает одно общество. "Был вечер, они прихлебывали чай, не говоря друг другу ни слова. Целый час продолжалось это невинное общение, потом разошлись по домам" ("Souvenirs d'unmedicin").

"Даниэль не отвечал, это был первый случай, чтобы он так говорил с отцом" ("Парижский очеркист").

"Динглер неколебимо молчал. "Это ваше последнее слово?" — спросил его пилот" ("Ле петит паризьен", 1913, июль, 28).

"В то время как гости заглатывали устриц и наслаждались знаменитым деликатесом этого дома — докрасна отваренными раками, оркестр под руководством маэстро Ван дер Зандена играл самые красивые номера своего репертуара. В самом деле, это был последний французский салон, где еще болтали" ("Comœdia", 1908, октябрь, 9).

"В шестой картине, коронации короля, поскольку эта картина немая, вся труппа пела гимн Келчеи в оркестровом сопровождении" ("Дьори Хирлап", 1914, октябрь, 8).

"В Тапиошапе крестьянин Янош Крамар после короткой перебранки одним ударом топора зарубил старшего брата, глухонемого Йожефа Крамера. Жандармы препроводили убийцу в тюрьму пештского окружного суда" ("Фюггетлен Мадьярорсаг", 1906, февраль, 26).

РЕДАКЦИОННЫЙ СТОЛ

У литературных великанов времени бывает в достатке, чтобы грызть дома кончик ручки. А вот в редакционных кабинетах минуты прямо летят. Размочаленное перо сажает кляксы. Вот несколько примеров тому 1.

"Император Вильгельм сегодня прибыл в Лондон и останется там до своего отъезда" ("Лион Републикэн", 1905, декабрь, 10).

"Пилот так хотел спать, что, совсем как Франциск II после мариньянской битвы, заснул под крыльями своего биплана" ("Ле Матэн", 1914, август, 15).

"Из телеграммы стало известно, что по личному ходатайству господина Пуанкаре генерал Примо де Ривера на основе взаимности отменил свое прежнее распоряжение и позволил кастильской прессе пользоваться французскими выражениями, как то: лаун-теннис, баскетбол, файвоклок, лаватори, ватерклозет" ("Л'Ауто", 1924, май, 16).

"Малей Хафид повел себя достойно случая и назначил конюху тысячу палок" ("Ля Пресс", 1909, февраль, 2).

"Ему и в голову не приходило оставить такой образ жизни. Если он и плакал, так то были крокодиловы слезы от тоски, что ему не удалось прикарманить эту огромную сумму" 2 (Статья Генри Рошфора в "Ля Патри", 1908, июнь, N 13).

"Господин префект покинул зал. Большая часть его советников еще раньше последовала его примеру" ("Ла Деш де Лилль", 1913, октябрь, 9).

"В борьбе с клерикализмом я потерпел полный провал, так и не достигнув цели. Встревоженные моим примером, оставили борьбу и мои предшественники" (Интервью генерала Андре. "Ле Матэн", 1906, июль, 7).

"Одна двухдневная поездка — это было для него делом обычным, будничным" ("Лекции для тебя", 1912, февраль, 1).

"Господин Дешанель, совершенно потеряв голову, надел шляпу и удалился" ("Л'Юманите", 1913, март, 7).

"Гражданская дружина выстрелила в воздух. Многие были ранены" ("Пари журнал", 1910, октябрь, 4).

"Жандармы арестовали одного молодого человека, имени которого установить не удалось. Есть подозрение, что он отравил своего отца" ("Ле Темпс", 1924, май, 8).

"В реке был найден мешок с расчлененным трупом солдата; это исключает возможность самоубийства" ("Ле Конститусьонель", 1859, январь).

С другой стороны:

"В Бордо считают, что несчастный совершил самоубийство, потому что одна женщина видела, как он сбежал к реке и бросился в воду. Достаточно ли этого, чтобы сделать выводы?" ("Ле Петит Журналь", 1907, апрель, 11).

"Вчера на набережной собралась большая толпа. Там появился совершенно обнаженный молодой человек с признаками сумасшествия. Ни подтверждающих его личность документов, ни денег при нем не нашли" ("Ле Петит Никуа", 1925, август, 9).

"Вот история его жизни в нескольких словах. Он получил духовное воспитание, но, последовав примеру Ренанов, постарался уйти из поля зрения религии и уже в юности поступил в Почтово-телеграфное ведомство" ("Л'Эссор Прогрессит", 1909, февраль).

"Пять или шесть господ, позабыв о том, что существует "Союз народа", попытались создать триумвират" ("Ле Темп", 1926, март, 22).

"С последней строчкой стихотворения студенты встали и запели "Gaudeamus igitur", который все присутствующие слушали стоя" ("Маск э Висаж", 1914, апрель, 18).

"Белый человек обычно враждебен ко всем, в чьих жилах течет черная или желтая кровь" ("Ле Сикль", 1907, декабрь, 3).

"Кажется, эти противоположные сообщения — не более, чем пробные воздушные шары, чтобы прощупать ударную силу общественного мнения" ("Ле Журналь де Дебат", 1907, май, 1).

"Конечно, вблизи ружье президента Рузвельта выглядит, как оружие войны, и уж никак не оливковая ветвь" ("Л'Эклер", 1905, май, 13).

Даже великий из великих сажает кляксу, когда берется за перо ради газетной статьи:

"Граф Аппони не какая-нибудь там полезная птица, а прожорливая ворона. Этот венгерский хищник хотел бы отъесть голову ягненка, но так, чтобы ягненок остался цел. В двадцатом веке это невозможно!" (Статья Льва Толстого в 29 номере газеты "Русское слово" за 1907 год).

А вот фрагмент отечественного материала:

"Открылось новое кафе "Л" — любимое место встреч чистой публики района Леопольдград" ("Тар шадалмунк", 1936, июнь, 12).

"На международном конгрессе журналистов в Будапеште французскую прессу, в частности, будет представлять баронесса Б., редактор аристократической газеты "Ревю де демимонд" ("Журнал трудящихся женщин", 1933, июль). Конечно же, речь идет о "Ревю де дю Монд".

"Трамвай переехал ребенка и тут же умер" ("Пешта Хирлап", 1903, апрель, 26).

"Хотя мошенник до неузнаваемости изменил свою внешность, его узнали и арестовали" ("Мадьяр Хирлап", 1903, N 202).

"Эмбрион собаки может походить на эмбрион курицы, а вот обратное невозможно" ("Йовенде", 1904, N 3).

К сожалению, не помню точно, где я прочитал такое поразительное утверждение: "У современных поэтов редко бывают чистые ноги..."

"На троицу, в ночь на духов день два молодых человека загородили дорогу Ф. Дж... Они напали на него и стали избивать. На крики Ф. Дж. о помощи прохожие начали преследовать и задержали нападавших, полиция в пьяном виде взяла их под арест" ("Реггел", 1933, июнь, 6).

"В результате снегопада было много несчастных случаев. В Пештуйхее, на углу проспекта Андрашши поскользнулся и упал без сознания старик. Ночью в больнице он умер. Более тяжелый случай произошел на углу улицы Тетеньи с учителем д-ром К. Л., которого из-за внутренних повреждений отправили в санаторий" (Там же, 1937, декабрь, 27).

Сейчас в школах детей уже учат правильно формулировать свои мысли. Поэтому отрывкой прошлого оказалась статья собственного корреспондента Дьерского реального училища, опубликованная в 45-м номере за 1903 год школьной газеты. Под заголовком "Учебная поездка на сельскохозяйственную выставку в Братиславу" один из учителей рассказывает о выставке, на которую он прибыл с опозданием, но все же кое-что увидел: "В шумных клетках с домашней птицей мы видели на редкость красивые экземпляры, и наконец, с выставки крупного рогатого скота и лошадей, мы посмотрели последние остатки в конюшне".

ПОД ЧЕРТОЙ

Вот как стреляет порой фельетонист:

"Могу приготовить тридцать шесть разных коктейлей, столько, сколько звезд на знамени Соединенных Штатов" (фельетон Пьера Бенуа в "Фигаро" в номере от 21 декабря 1926 года). Можно надеяться, что с тех пор, как этого вообще-то романиста, опытного в закручивании сюжета, избрали в число бессмертных академиков, он развил свои способности и довел число своих особых коктейлей до сорока девяти.

Потому что звезд на знамени Соединенных Штатов именно такое количество...

"Холодной декабрьской ночью Поль впервые увидел свет" ("Ле Радикаль", 1884, июль, 22).

"Все, что делало его лицо столь приятным, он получил в подарок в день своего рождения: иссиня черную бороду, блестящие черные кудрявые локоны..." ("Ле Журналь", 1911, декабрь, 12).

Интересно, насколько писатели-мужчины мало сведущи в таинстве великого момента рождения человека. Луи Рейбо, романист прошлого века, в книге "Соq du clocher" пишет об одном человеке, которого жена все одаривала дочерьми, одну за другой. Наконец родился и долгожданный мальчик. Один из героев романа от души приветствовал отца: "Поздравляю! На этот раз у вас была счастливая рука!"

"Неужели он имел право убить порхание слов любви, как уничтожают красивых, пестрых бабочек только лишь потому, что на другой день они превратятся в прожорливых гусениц?" ("Ля Мод дю Жур", 1927, январь, 20).

"Газ прикрутили, и в темноте мраморные доски столов и стульев летели, как желтеющие листья деревьев на осеннем ветру. Хозяин кафе вмешался. Он оттолкнул Мелинду: "Мадемуазель, не устраивайте здесь репетиций с оплеухами, а то выгоню! А вы, старая скотина, убирайтесь отсюда!" ("Уй хирек", 1903, октябрь, 16).

"Это правда, — сказал Якоб, — мы и в самом деле жили в такой тесноте, словно в груди трубочиста" (Там же, 1904, сентябрь, 6).

"Красота Кристины не нуждалась в румянах. Мраморную белизну ее лица подчеркивало прекрасное украшение из страусиных перьев, будто снегом обрамлявшее ее шлейф" ("Будапешта Хирлап", 1904, сентябрь, 15).

"Издали доносился собачий лай. Он означал только, что есть еще люди на белом свете" ("Будапешта Наplo", 1904, ноябрь, 25).

ОБЗОР ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Суть провинциальной прессы газета "Фелшеборшодские ведомости" в 1904 году определила так: "Местная печать всюду остается центром общественной жизни, через который распространяются наиболее значительные моменты. Она амбициозна в отношении своей беллетристики и привносит моменты вибрации в монотонную будничность".

Итак, одна вибрирующая новость о событиях общественной жизни:

"Радость в семье Д. Й.! Активного, прекрасного, известного всей стране секретаря нашей торгово-промышленной палаты вчера посетила большая семейная радость — он стал дедушкой. До этого он ведь был вынужден довольствоваться бабушкиными радостями, поскольку у него была одна только внучка" ("Фелшемадьярорсаги Кашшаи Напло", 1903, май, 14).

Прочие сообщения:

"Воинственные независимые хотят создать новые вулканы, чтобы их шерстью лечить псовые укусы... Однако не телками, а пальмовой ветвью надо развязывать гордиев узел в наши времена кризиса" ("Брашшои Лапок", 1903).

"Новелла П. З. открыла нам новый талант рассказчика. Жизнь маленького чиновника-парии с перепадами всей гаммы цветов от кислой улыбки до застылой трагедии потрясает нас на экране его рассказа" ("Хевешмедеи Лапок", 1937, декабрь).

Не обозначив источника, газета "Реггел" во 2-м номере за декабрь 1935 года рассказала о том, что одна провинциальная газета поместила информацию о будапештском концерте Пабло Казальса. Будапештский корреспондент передал информацию по телефону, стенографистка никогда не слышала имени Казальс, разобрала только Пабло, и корреспондент был вынужден передать испанскую фамилию по буквам:

Цезарь, Адольф, Самюэль, Аладар, Лайош, Шимон¹. Зная о том, что имя испанца составляют несколько имен, стенографистка, ничтоже сумняшеся, придала новости такой заголовок: "Концерт всемирно известного виолончелиста Пабло Цезаря Адольфа Самюэля Аладара Лайоша Шимона в Будапеште".

Почему же этого не заметил редактор? А почему не заметила редакция "Сегеди Напло" той ужасной мистификации, которую подстроили несколько ее уволенных сотрудников? Они передали новость, которую газета и поместила слово в слово в номере за 9 июня 1932 года:

"(Наш собственный корреспондент). Сегодня преподаватели Сегедского университета вручают мэру города скульптурный портрет Муссолини работы замечательного итальянского скульптора М. Анджело. Вручение портрета состоится в связи с тем, что, как известно, в прошлом месяце город принял у себя дорогого гостя, ученого Кавура, бывшего премьер-министра Италии. По этому случаю выходящая в Риме под редакцией известного публициста С. И. Черро "Акта диурна" (ежедневный бюллетень) публикует фотографию церкви, сооруженной по обету".

Возможно, редактор ничего не заподозрил ни относительно замаскированных имен Микельанджело и Цицерона, ни газеты дохристианских времен "Акта Диурна", наклеивавшейся на стены. В конце концов, современный журналист не обязан помнить всех своих собратьев, живших за две тысячи лет. Но он должен был знать, что Кавур не мог приезжать в Сегед в 1932 году, потому что он умер в 1861-ом.

И, наконец, одно сообщение о провинциальном бале во Франции:

"Еще нам следует упомянуть одно новомодное тюлевое платье со смелым вырезом. Там и тут выкроенные из изумрудного зеленого шелка просторные пышности среди своих складок скрывали нежные запретные плоды" ("Ля Ревиль де ля Коти-д'Ор", 1928, март, 10).

МИФОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

Среди моих философских рассуждений о несуразностях я лишь кратко упомянул о той их группе, которую я обозначил как "Голова — ума палата". Однако читатель даже не поэтому, а в результате доверия к печатному слову заполняет пробелы в знаниях совершенно поразительными сведениями.

Я выписал из американских тестов на интеллект у детей такое определение: "Сенатор — это существо, которое наполовину человек, а наполовину лошадь". Естественно, ребенок при этом думал о Кентавре. Ему не надо стыдиться. Взрослые писатели тоже не совсем в курсе дела в отношении этого мифологического существа. Один из почитателей Наполеона написал, что тот сидел на лошади Кентавром. Большой лексикон Лярусса сообщает еще два ужасных случая (в статье при вокабуле bivue). За один несет ответ сотрудник "Ле Сикля", который написал, что ипподром снова занял место,

подобающее ему, среди развлечений парижан. "На арене, — писал он, — по кругу скачут кони, исполняют вальс и польку с настоящими кентаврами на спине". Другой пример доставил нам корреспондент "Ле Петит Журналь", написав об одном еще необъезженном жеребце: "Он пытался сбросить всадника такими ужасными прыжками, что сам Кентавр потерял бы свои шпоры!"

"Грустно, но приходится говорить, что нам нужен новый Авгии, который бы вычистил эту конюшню" ("Ле Фигаро", писано самим редактором. Сообщает "Ле Радикаль", 1885, октябрь, 1).

"...и как со мной разговаривает маэстро! Порой он задает мне совершеннейшие ребусы, как Эдип Сфинксу!" ("Комедия", 1926, февраль, 20).

"История Берна исполнена славы. Если бы мне довелось ее написать, я бы по примеру Геродота разделил ее на двенадцать книг и посвятил бы их двенадцати музам" ("Ля Смен Литерер", 1925, июль, 18).

"Муций Сцевола, сам-друг защищавший мост против целой вражеской армады..." ("Л'Энтрансижен", 1905, ноябрь, 17)¹. Автором статьи, который своим ляпсусом сильнее Муция Сцеволы обжег себе руку, был Генри Рошфор!

"Из Лондона сообщают, что 2300-летнему маяку александрийской гавани, который когда-то называли седьмым чудом света, грозит опасность обвала. Археологический отдел египетского правительства вынес постановление укрепить фундамент здания против разрушающего действия волн". Венгерское телеграфное агентство опубликовало в июне 1934 года это чудесное сообщение, чудеснее святого скарабея египтян. Должно быть, в сообщении из Лондона говорилось о том современном маяке, который построен в 1842 году Мехметом Али. Пока новость на электрических крыльях дошла до нас из Лондона, она постарела на 22 столетия. Разве в Лондоне не знали, что седьмое чудо света уже 800 лет назад исчезло с лица земли?

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ. ГЕОГРАФИЯ И Т.Д...

В одном романе герой и героиня праздновали годовщину их первого поцелуя. "Они нашли маленькую скамейку и сели рядышком, прижавшись друг к другу. Луна светила точно так же, как и два года назад, тишина тоже была верна им" (Рат-Вег "Октябрьская роза", с. 163). Это невозможно. Тишина может сохранить верность влюбленным, Луна нет. Потому что если они в определенном году, в определенном месяце и в определенный день с наивозможной смелостью целовались при полной луне, то по случаю годовщины им подмигивал лишь крохотный рожок. Луна не приспособляется к писательскому воображению.

"Дождь лил как из ведра, и термометр показывал холод ниже нуля градусов" ("Ле Журналь", 1911, октябрь, 13).

"Лондон, январь, 2. (Соб. кор.) Мороз велик. Барометр упал на несколько градусов ниже нуля" ("Ле Матэн", 1907, январь, 3).

"Действие пьесы идет двумя параллельными линиями, которые в нужный момент пересекаются" (Написал Сарси в "Ле Солей" согласно 11 номеру за сентябрь 1897 года).

От французских дам мы не можем требовать слишком глубоких знаний, но все же мы не можем разделить печаль с героем Адели Эсквирос, который оплакивал, главным образом, то, что сгорели его кружева и расплавились бриллианты ("un vieux bas-bleu").

Удивительно по-новому употребляет полюбившееся всем сравнение с лавиной политический комментатор лиможской "Курьер дю сантр" (1908, май, 19): "Лавина — это то, что все время рвется вверх и вверх. Законы тяжести столь же фатальны в политике, как и в естественных науках".

Жюль Жанен, критик с искрометным юмором, мог бы произнести такую остроту: "Не люблю смотреть пьесу, о которой придется писать. Так я, по крайней мере, уверен, что не поддаюсь никакому влиянию". Кажется, он не поддавался даже влиянию научной четкости. Это он изобрел остроумное прозвище для морского краба — морской кардинал¹. Он никогда не видел краба живым, встречая его только на ресторанном столе, когда он уже сварен и красный. Точно также город Смирну он обозвал островом, заставил Рону впадать в море у Марселя и постоянно говорит о двойной славе города Канн (Cannes): здесь высадился Бонапарт, и здесь Ганнибал разбил римлян якобы. Правда, Ганнибал победил при Каннах (Cannas)². Но почему римский город зовут тоже Каннами? Так ему и надо. Географических нелепостей можно набрать несколько страниц, но в большинстве своем они очень монотонны. Достаточно будет некоторых из них:

"Госпожа Сара Бернар продолжает свое триумфальное турне по Южной Америке. Вчера ей аплодировала публика в Цинциннати" ("Ле Фигаро", 1910, март, 20).

"И хотя Стромболи закрыл небо кроваво-красными облаками, на другое утро у жителей Неаполя вновь проснулась надежда" ("Ле Журналь", 1909, январь, 6). Перепутал Везувий со Стромболи

французский академик Габриэль Аното.

Если уж академик спотыкается, то что упрекать простого газетчика, который не совсем в курсе географии своей родины:

"Господин Пуанкаре был в Швейцарии и взбирался на Монблан" ("Ле Ом де Жур", 1913, сентябрь, 13).

"Вот одна чисто лондонская история, наполненная туманным настроением Темзы: одна женщина взволнованно ходит взад и вперед по Бруклинскому мосту..." ("Ля Ви Паризьен", 1928, январь, 7).

"Белград в известном смысле является перекрестком дорог из Западной в Восточную Европу: он лежит на середине пути между Парижем и Берлином, с одной стороны, а с другой стороны, Константинополем и Варшавой" ("Л'Эр Нувелль", 1926, август, 26).

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

"Sic transit gloria mundi" ("Так проходит мирская слава"), как поет Гомер" ("Комедия", 1910, декабрь, 12).

Другие писатели эту классически звучащую поговорку обычно приписывают Горацию. И ни один из них не берет на себя труд взять любой лексикон. Он нашел бы там, что во время коронации римского папы сжигают горсть пакли, и когда она истлевает в пепел, церемониймейстер произносит:

"Святой отец, так проходит мирская слава"3.

"Один польский еженедельник публикует список подозрительных книг. Среди запрещенных французских книг мы видим Гулливера и Робинзона" ("Ля Ревю", 1907, май, 1).

"Фильм "Железная маска" вдохновил французского писателя-романиста Александра Дюма, который вставил его в роман "Виконт де Бражелон". Но нам придется его упрекнуть, что действием волнующего фильма Дугласа Фербенкса он воспользовался слишком свободно". (Сообщение в одном американском журнале. Его злорадно пересказал "Нувелль Литтрари", 1931, декабрь, N 26).

Отечественная литературная новость:

"Драму по рассказу Диккенса "Рождественская песнь" написал Боз" ("Мадьярорсаг", 1935, декабрь, 19). Если я не обманываюсь, Йокаи использовал литературный псевдоним Диккенс для шутки. Что де как трудно научиться английскому правописанию. Пишут Диккенс, произносят Боз.

НОВАЯ ИСТОРИЯ ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ

Я рассматриваю только новую карьеру Венеры Милосской через французскую прессу. Известно, что богиню нашли в 1820 году на греческом острове Милосе или Мило.

"Настоящее чудо эта удивительная скульптура, творение большого художника Мило, чье имя дошло до нас через столетия" ("Ле Петит Паризьен", 1911, февраль, 1).

"Он опустился на колени и запечатлел почтительный поцелуй на ее руке, которая была бела и пухловата, как у Венеры Милосской" ("Ле Волер", 1879, январь, 31).

"Так сказала она и подняла белую, отвсечивающую мрамором руку, которая соперничала с руками Венеры Милосской" ("Ля Насьон", 1889, июль, 19).

Газета Л'Опиньон в 15 номере за октябрь 1885 года вспоминает об аукционе в отеле "Друот" и рассказывает, что, когда служка поставил на стол копию Венеры Милосской, трубным голосом выкликнул в публику: "Если найдем недостающие руки, вручим покупателю".

Возможно, это просто анекдот. Но, по всей вероятности, правда то, что сообщила из Сан-Франциско "Ле Радикаль" (1887, март, 19). Один тамошний ценитель искусства выписал из Парижа копию Венеры Милосской. Копия прибыла, естественно, без рук. Ценитель потребовал через суд возмещения убытков от Централ Пасифик Компани. И вот тут последовало самое неожиданное: суд вынес решение, что железнодорожная компания отвечает за обломанные при транспортировке руки.

МУЗЫКА

"Для большего контраста брата Изола а нашем театре перед "Саломеей" исполнят "Севильского цирюльника" божественного Моцарта" ("Л'Энтрансижан", 1910, апрель, 24).

"Вопрос, которая из дочерей Рихарда Вагнера, например, мадам Вагнер Козима..." ("Комедия", 1913, январь, 20).

"Господин Р. еще раз растрогал преданную ему аудиторию бравурным исполнением "Марша Ракоци", который Лист переработал для фортепиано из "Фантастической симфонии" Берлиоза" ("Ля Депеш Алжеринн", 1926, январь, 19).

"Сегодня, в пятницу, в восемь часов утра начались репетиции "Пламени", на вечернее исполнение которого прибывает сам автор, Респиги" ("Эшти уйшаг", 1938, май, 7). Вообще-то мог бы и приехать, да на беду современной музыки большой музыкант был уже два года мертв.

"Интересный эксперимент: у колыбели венгерской вагнерианской оперы". Под таким заголовком "Мадьярорсаг" от 25 декабря 1935 года поместил пространную статью о первой опере молодого композитора Д. К., которую сам автор исполнил перед небольшой аудиторией. "Прошло два с половиной часа, — пишет журнал,

-К. устало, но с блестящими глазами встал от рояля. Он сыграл и съел всю свою Hors D'oeuvre"¹.

В Чикаго давал концерты один иностранный оркестр. Исполнялись произведения Бетховена. После концерта банкет. Оратор начал свою торжественную речь так:

"Леди и джентельмены! Все мы находимся под впечатлением от Бетховена! (Это имя он произнес с английским акцентом — Битховен.) Чикаго по откорму свиней и выделке кож — единственный в мире. Но я считаю, не будет преувеличением сказать, что в нашем городе не найдется и двух десятков таких людей, которые могли бы Сочинить такую симфонию..." (Сообщение "Уйшаг", 1936, июнь, 23).

Зная, какова музыкальная подготовка достойного среднего американского гражданина, я ни капли не сомневаюсь, что такой случай имел место. По той же причине у меня нет повода сомневаться в том, что произошло с квартетом Ленера. Тоже американское турне, большой кассовый успех, торжественный банкет. Выступает мэр города и, как настоящий спортсмен, более всего распространяется о рекордной сумме сбора. "Будем надеяться, — заключил он свою речь, — что результатом рекордного сбора станет то, что мистер Ленер в будущем сезоне уже сможет увеличить вдвое количество ваших великолепных музыкантов-коллег по искусству" ("Эшт", 1936, январь, 4).

Давайте проведем параллель между простым американцем и официальным представителем французской системы образования, министром народного просвещения. И вот две параллельные пересекутся, как и говорил Сарси. Эта необычная встреча произошла 1 января 1890 года. Преподаватели Парижской консерватории во главе с Тома приветствовали министра народного просвещения Комбе. Министр от души поблагодарил за поздравления:

"Я рад, господа, что вы удостоили меня такой чести. Я тоже люблю музыку, особенно веселую, потому что она освежает ум. Господа! Мы живем в век прогресса! Все вокруг совершенствуется, особенно машиностроение достигает в наши дни удивительного прогресса и, наверное, понемногу поможет и в ваших тяготах, с которыми, глядя на вас, сопряжено владение вашими инструментами..." (Й. Б. Векерлин "Demier Musicians", Париж, 1899, с. 319).

ИЗ НАУЧНОГО АРСЕНАЛА

С авторитетом науки спорить не принято. Примем, не противореча, утверждение одного философического труда:

"Нет сомнения, что люди чрезвычайные своими успехами обязаны отчасти своим прекрасным свойствам, которыми природа их одарила" (Дамирон "Cows De Philosophie").

Еще больший авторитет нужен ученому, коль скоро он и в государственном организме занимает самый высокий пост. Наполеону III принадлежит такая убедительная сентенция:

"Богатство нации зависит от общего благосостояния".

А вот еще одно утверждение сомнительной научной ценности:

"Когда француз переступает границу, он оказывается на чужой территории". (Цитаты из досье Флобера).

Из "Гигиены" Фодора:

"Человек в течение всей жизни может когда угодно заболеть и умереть" (с. 1).

С оправданным сомнением однако нам следует воспринимать такой закрученный вывод великолепного естествоиспытателя Тувенеля:

"Что такое актер по сравнению с актрисой?! Ничего или очень мало. Природа, сотворив грудь мужчины плоской, тем самым определенно лишила его самого прекрасного способа выражения страсти" ("Ле Монд де Озе"). Далее он развивает свою теорию так:

"Воистину две самые великие нации в мире - англичане и русские, чьи мужчины более всего стараются походить на женщин: англичанин постоянно бреется, а русский набивает себе грудь" (Там же). Он же упоминает одного путешественника-европейца, которого прибывает к неизвестному берегу, он бродит туда-сюда, наконец замечает виселицу и, упав на колени, возносит хвалы провидению, что привело его именно на цивилизованную землю ("L'esprit De Betes").

Осмотрительный ученый редко впадает в ошибку неверной формулировки, как мы это видели на

многих примерах периодической прессы. Как пример для подражания привожу вдумчиво отшлифованную фразу одного из лучших наших ученых-правоведов:

"Дарение (учреждение чего-либо путем дарения) есть не что иное, как конкуренция с переменным балансом между двумя (уже олицетворенным и безличным, персонифицируемом в новое лицо) участниками предоставления той же делибационной интенционности" (Жегед "Главы из области нашего обязательственного права". 1897, т.1, с.119, 8 строка снизу).

Известно, что слушатели Будапештского технического университета имени наместника Йозефа I с удвоенным вниманием следят за речью преподавателя. Во-первых, для того, чтобы усвоить его объяснения, во-вторых, чтобы моментально зафиксировать его ляпсусы. Затем, чтобы потом опубликовать их в своем альманахе "Дачный штопор", выпускаемом с великолепным юмором. Несколько образцов из альманаха:

"Производство кирпичей в усеченной Венгрии составляет двадцать миллионов штук в год, то есть у нас на голову каждого жителя падает в год два целых кирпича".

"Вам, господа, как будущим инженерам-машиностроителям, стоит проштудировать основательно эту дисциплину. Все же мы будем с вами заниматься такими административными понятиями, которые должны вас заинтересовать. Например, выдача паспортов, ведение книги актов гражданского состояния, вопросами, связанными с браком и незаконными детьми и т. д." (Административное право).

"Предположим, я, как барышня-конторщица, буду записывать в книжечку даже самые мелкие расходы...

предположим, что я зерноторговец и умею калькулировать...

предположим, что я, как генеральный директор, представил отчет...

предположим, что я — газовый завод, который производит газ только одного вида..." (Частная экономика. Из материалов разных лекций).

"Человеку свойственно поступать даже против самых прекрасных законов природы. Мы не раз тянемся туда, куда не следует, притом левой рукой, даже обе наши левые руки так и тянет туда" (Общее право).

"Для архитектора крепостной базар то же, что для женатого человека жена. Он видит ее изо дня в день, и наконец это ему перестает нравиться" (Архитектура).

ЛЕКСИКОНЫ — ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

В 1840 году одно парижское издательство затеяло издание большого научного энциклопедического словаря под заглавием "Dictionnaire des dales" ("Словарь данных"). Работа издавалась по частям. Когда уже дошли до вокабул, начинающихся на "ми", редакция с испугом обнаружила, что из словаря выпали Медичи. Это была роковая ошибка, ее как-то надо было исправить. Но как, когда буквенный порядок уже не позволял вставить на нужное место это известнейшее семейство? Беде помогла находчивость. Нашли место среди вокабул на ми и вставили нужную статью, так изменив вокабулярное слово:

Мидичи, правильнее Медичи.

Антуан Фюретьер (1619-1688), ярый враг французской академии наук, сам издал научную энциклопедию "Dictionnaire universel" ("Универсальный словарь"). Там он пишет про жирафа: "Дикий зверь, упоминаемый многими авторами, но еще никем не виданный. Вообще есть мнение, что не существует вовсе".

У молодежного писателя Б. А. Бонифаца в 1836 году вышла книга "Mosaïque littéraire" ("Литературная мозаика"). Среди подписчиков красовались сам король и королевское семейство. Книга представляла прекрасное патриотическое чтение: прекрасные цитаты о том, как нужно любить родину. Автор приводит цитату даже из немецкой литературы, прибавляя при этом: "В самом деле, как трогательно чувство, с каким Миньон поет: "Знаешь ли ты родину, где цветет лимон?" После имени Миньон стоит знак сноски, а в самой сноске добросовестный автор делает следующее примечание: "имени этого автора в биографическом лексиконе нет" ("Intermédiaire des chercheurs et curieux", 1864, февраль, 15).

Итак, французскому автору якобы не положено знать произведения Гете. Но и венгерскому тоже. Один наш писатель-психоаналитик, переведший известную книгу-кладезь знаний, говорит о кулаке Гете. Он прав. Фауст согласно словарю означает "кулак" (Открытие Гезы Шупки, в "Литературе", 1935, июль, N 15).

Жил в XVI веке французский поэт И. Лемер. Свою книгу "Торжество зеленого возлюбленного" ("Triomphe de l'amant vert") он посвятил Маргарите Австрийской, дочери императора

Максимилиана. Два с половиной века спустя ученый аббат Гуже написал огромный, в 18 томах, труд по истории литературы ("Bibliothèque française ou histoire littéraire de la France", Париж, 1740 и посл. годы). Очень он в ней пеняет нескоромному и болтливому поэту за то, что так открыто выдал всему свету доверительные отношения, связывавшие его с дамой из царствующего дома. Даже не постеснялся посвятить книгу самой великой герцогине! Заглавие, по-видимому, содержит намек на то, что автор обычно ходил на свидания в зеленой одежде. Автор, мол-де, утверждает также про себя, что родился в Эфиопии, это-де праздная болтовня.

Поэт уже давно истлел и не мог защитить себя, он не мог сказать, что написал правду: возлюбленный герцогини действительно ходил в зеленом наряде и родился в Эфиопии. Ведь это был любимец герцогини зеленый попугай.

В 1929 году в Лейпциге вышел один увесистый том:

"Minerva-Lexikon berühmter Persönlichkeiten aller Zeitalter" ("Минерва-Лексикон известных личностей всех эпох"). Это претенциозное название он дополнил в предисловии таким гордым девизом: "Знание — Сила!"

Я нашел в нем следующие данные по Венгрии:

Святая Елизавета. Дочь баварского короля и т. д.

Хуняди. Правитель Венгрии около 1450 г. Был очень жесток, солдаты прозвали его "безбожным Яношем".

Йокаи Мор. Национальный поэт Венгрии. Бесконечно прилежный, одаренный достойным удивления талантом рассказчика. Написал 300 томов и нажил этим большое состояние. Сегодня самые волнующие его романы преданы забвению.

Матиаш, король венгерский, если не было денег на плату солдатам, по ночам выигрывал у своих офицеров их деньги за наемную службу. Однажды, одевшись крестьянином, отправился в турецкий лагерь и целый день торговал ячменем перед шатром турецкого императора. Вечером, напшионившись, вернулся домой в целости.

Ракоши, Ене, венгерский журналист. Сверх журналистской работы написал за свою жизнь 219000 писем и роздал 483000 автографов. Прочел 11000 книг и произнес торжественных речей на 6240 пиршествах. Интересно также, что он был крестным отцом 2000 детей и открыл круглым числом 6000 талантов.

Я поискал в этом лексиконе таких известных людей, как Ференц Ракоци, Кошут, Деак, Мункачи — ни один из них мне не попался.

В то же время там есть некие Страшнофф Игнац и Риго Янчи.

Знание — страшная сила!

НИЗКА ЖЕМЧУЖИН ИЗ ПАРЛАМЕНТА

С ораторской трибуны французского парламента скатились нижеследующие жемчужины. Имена ораторов сообщать излишне, быстрым переменам цвета в политике сопутствует и то, что, если вчера кто-то кричал, как выпь, сотрясая голосом стены парламентского дворца, сегодня уже "растянулся со сложенными руками на дне болота, как лягушка" (это тоже одна из жемчужин).

"Моряки безусловно нужны, без них мореплавание невозможно."

"У вас довольно громкий голос, чтобы кричать, а вот чтобы слушать, для этого совсем нет."

"Поддерживать свиноводство — это все равно, что поддерживать самих себя."

"На бомбе террориста взрываются не только чиновники, но и невинные люди."

"Республика — это такая мать, которой нельзя причинить боль, даже боль родовых мук."

"Под курткой простого рабочего бьется сердце, и такое же достойное, как и то, что бьется под цилиндром буржуа."

"В этих облезлых кожаных штанах бьется сердце смелых."

"Я не желаю излишне волновать моих коллег, депутатов, поэтому закрываю главное фиговым листком."

"Они настолько связали себе руки, что уже не знают, на какую ногу им встать."

"Нельзя допускать, чтобы мужчин таким образом отрывали от их жен, детей, вдов."

"Поскольку употребление в пищу лошадиного мяса распространяется, лошадей ждет новое будущее."

"Против этого предложения мы крикнем — поп *possumus*!; мы даже можем крикнуть поп *possumi*, потому что нас много."

"Когда шахтер с черной физиономией выходит из шахты, он с завистью думает о живущем на солнышке капиталисте, который бел от рисовой пудры изобилия."

"Вы стоите на перекрестке. Два пути открываются перед вами: один ведет к прогрессу, другой — это путь равнодушия, а третий — это путь к краху. Выбирайте!" (Из речи министра).

"Да! Они с радостью умрут за дело, но только один раз, да и то в своей постели!"

"Поймите же и слово тех, кто не говорит."

В жизни ирландского парламента неистощимым поставщиком bull-ов был известный сэр Бойль Рош. Он вошел в состав ирландского парламента в 1775 году. Среди его изречений самыми известными были такие:

"Беда никогда не приходит одна. За самыми большими ударами на нашу нацию обрушивались еще большие."

"Господин председатель! Долг каждого гражданина, верного родине, — принести в жертву даже последний золотой, чтобы спасти тем самым остальные."

А вот самое известное из известнейших его изречений:

"Не понимаю, почему все время ссылаются на будущие поколения? Почему мы должны приносить жертвы ради будущих поколений? Разве это будущее поколение что-то сделало ради наших интересов?"

Разразившееся веселье вынудило оратора к объяснениям:

"Под будущим поколением (posterity), естественно, надо понимать не предков, а то поколение, которое следовало непосредственно за предками".

В тот день больше заседать было невозможно. Другой ирландский bull вызвал всеобщее возмущение по причине личности, его допустившей. Это был лидер партии Home Rule, имя которого было Шоу. Его упрекали в том, что он из-за арендаторов-землепашцев и фермеров провел заседание в воскресный день. Отбивался он так:

"Меня обвиняют в том, что я нарушил святость воскресного дня. Но ведь допускается же, если чей-то вол или осел попадет в яму, вытаскивать его даже в воскресенье? А наши братья арендаторы-землепашцы и фермеры точно так же попали в яму, значит, нам надо их вытаскивать, даже если и в воскресенье".

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ

Некоторые партии очень воинственны.

Против них небольшого результата смог добиться кандидат правящей партии, который хотел успокоить избирателей, что новых налогов не будет:

"Спрашивают, сможем ли мы достичь намеченных целей без упорядочения новых налогов? Министр финансов господин Клотц заверяет, что это излишне, вполне достаточно, если мы повысим уже существующие".

Один кандидат-пенсионер рекомендовался так:

"Сограждане! Двадцать лет я провел в управлении по налогообложению, потом служил в отделе по взиманию налогов, все это дает мне право заявить, что я еще могу быть полезен родине".

Другой старался подхлестнуть патриотические чувства:

"Граждане! Избиратели! Будьте достойны наших великих мертвецов, будьте достойны победы! Возвысьтесь до величия решаемых вопросов, которые нависли над родиной. Голосуйте за меня!"

На отцов семейств рассчитано следующее заявление:

"Проблема рождаемости относится к труднейшим нашим вопросам. Отцы семейств! Мы с другими мыслями производим на свет наших детей, не то что холостяки!"

Еще один кандидат пытался подольститься к работницам:

"Могу заявить, что работающие в одной рубашонке трудящиеся женщины пользуются полной симпатией министра".

И чтобы сказать о победной тризне после проведения выборов в Страсбурге, "Деньер Нувель Де Страсбург" в 24-м номере за сентябрь 1924 года вспоминает кульминационный момент пиршества так:

"Под аплодисменты присутствующих господин префект осушил бокал за то, чтобы за брачной ночью галльского петуха и эльзасского лебедя последовала благословенная плодовитость".

СУДЕЙСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Нет ничего прекраснее, чем пыл и жар, с какими адвокат выступает в пользу своего клиента, чтобы не дать заблудиться в лесу статей закона брошенному на произвол судьбы человеку, защитить его перед всезнающими в законе судьями и надменными прокурорами.

Эти оговорки взяты из парижского собрания "Кандид и Опиньон".

"Моего несчастного подзащитного склонили к плохой жизни; он стал постоянным посетителем одного публичного дома, который хорошо знаком суду."

"Этот аргумент исходит из уст людей, потерявших голову."

"Помилуйте эту бедную женщину, которая трижды была матерью, прежде чем стать бабушкой."

"Полицейский протокол явно предвзят и злонамерен затем, что этого человека семь раз судили за воровство, но он, может, так же честен, как я или вы."

"Сошлюсь на знамя Франции, на котором белый цвет символизирует веру, красный — горячую любовь к ближнему, а синий, если бы он был зеленым, — надежду."

"Клиент смотрит на вас опущенными от стыда глазами и ждет вашего решения."

"Известные подробности могут обойти внимание самых умных и самых опытных людей и даже правосудия."

Не только у серых представителей гвардии защитников язык, бывает, спотыкается. Жюль Фавр, самый красноречивый из французских адвокатов и парламентский оратор, однажды выступал по делу одной супружеской пары высокого ранга. Решающую роль играло то обстоятельство, что жена отказывалась выполнять супружеские обязанности. Адвокат в своей речи все более вдохновлялся страстностью политика, пекущегося о сохранении нации:

"Предназначение брака как института — постоянное обновление поколений. Поймите же, сударыня, совсем недостойно женщин, если они ключ обновления заставляют ржаветь".

Пыл адвокатских речей обычно охлаждает ледяная строгость прокурора:

"В то же время обвиняемый не может отсюда удалиться иначе, как лишенный свободы."

"Господа присяжные заседатели! Посмотрите на физиономию обвиняемого — она, как зеркало, в котором любой из вас может узнать черты бандита."

ЯКОБ ЛЕЙТЕР

"Новый роман Диккенса выйдет в декабре, речь идет о романе Диккенса "Жизнь нашего лорда" ("Life of our Lord") ("Мадьяр Хирлап", 1934, январь, 27). Переводчик похвально выполнил свою работу, прямо с заглавия вступив на ступеньку лестницы Якоба Лейтера. Our Lord по-английски означает спасителя, Иисуса.

О карьере Луизы Буржуа, придворной акушерке Марии Медичи, говорится в статье из серии "История медицины" ("Уйшаг", 1935, сентябрь, 8). Статья гласит, что эта ученая дама действительно была ученым, она написала три тома книги "Аксессуары чистоты при родах". Да, но тогда эта дама более чем на три столетия предвосхитила нашего Семмельвейса? Следующая строка, однако, проясняет вопрос о чистоте. "Observations diverses sur la sterilité" — так называется книга по-французски. На языке современной медицины роды и в самом деле надо обставлять стерильно, но это дьявольское слово в прошлом означало "бездетность", "бесплодность". Значит, правильно заглавие книги "Наблюдения вокруг бесплодия".

В утешение будь сказано, семейство Лейтер может похвастаться знатными родственниками. Ученый Людовик Лаланн собрал материал на целую главу об ошибках в языке у больших писателей ("Curiosites litteraires" ("Литературные курьезы", Париж, 1857)). Я только упомяну аббата Прево, бессмертного автора "Манон Леско". Он перевел одно произведение о морском путешествии Тоустона и там в одном месте возмутил читателя одним бравым морским опусом: "Тогда Тоустон поднял на мачту какой-то старый чепец, и так ему удалось достигнуть острова Уайта". Конечно, "bonnet" означает "чепец". Но только опытный моряк такого не сделает даже на случай шторма, а прибегнет к другому значению слова и поднимет парус кливер.

Флориан, популярный сказочник, взялся также перевести "Дон Кихота". В IX главе он говорит о красивых и разумных девицах, которые умерли в восьмидесятилетнем возрасте точно такими же невинными, как и их мать.

Среди усердных тружеников переводной индустрии пальму первенства надо сунуть в руку тому самому учителю гимназии, случай с которым поведал политик и философ Жюль Симон I. Учитель пришел к Симону, скромно вручил ему какую-то рукопись и попросил просмотреть, годится ли она к публикации. Рукопись содержала перевод главного произведения Декарта "Discours de la methode" с латинского на французский. Потому что живущий замкнуто от всего белого света учитель почел за оригинал латинский перевод книги и перевел его на французский язык. "Я знаю, существует другой французский перевод, но очень слабый", - прибавил он. Вот так у учителя латыни провалился мастерски написанный на французском языке текст Декарта.

КАЗЕННЫМ ПЕРОМ

Еще во времена старого Национального театра в фойе театра было вывешено объявление пожарной управы:

N 742/882

На предмет:

пожарной охраны Будапештских театров 37

"В театре ни на сцене, ни в зрительном зале, ни в фойе, ни в коридорах, а также на лестничных клетках, словом, нигде не курить (в том числе сигары), закуривать или делать что-то в этом роде, что вызвало бы подозрение в этом смысле, не разрешается."

Против такой четкости возразить нечего. Она касается всякой возможности места и действия и, как положено вообще полицейским мерам, исключает даже тень подозрения.

В противоположность этому повод для сомнений давало старое объявление суда I-III районов Будапешта. Я сам частенько раздумывал над ним:

Прием устных жалоб на первом этаже комната 2, каждый вторник и пятницу (за исключением воскресных дней и праздников).

На ум приходил английский парламент, о котором говорили, что он может все, не может только мальчика превратить в девочку. Это объявление оказалось могущественнее, оно сделало возможным, чтобы вторник и пятница попадали на воскресенье.

Похожим образом выступил и французский экономический еженедельник ("Bottin des departements"):

"Фуршамболь, город с населением в 5616 человек. Рынок каждый день, исключая вторник, четверг и субботу".

Признаю, мысли формулировать трудно. Значит, нужно быть извинительными и не искать узлов на камышинке, как я это сейчас делаю, когда цитирую объявление, висевшее раньше в вагонах столичного трамвая:

"Согласно постановлению Государственной полиции Венгерского королевства за N 7279/913 курить на трамвае или занимать место с горящей сигарой воспрещается".

Придирчивые пассажиры могли истолковать это и так, что мол только на крыше трамвая нельзя курить, а внутри можно. С горящей сигарой де стоять можно, только сидеть нельзя.

В сентябре 1938 года в Будапеште был объявлен конкурс на замещение двенадцати вакансий пожарных. Согласно объявлению, можно было претендовать на место в возрасте до тридцати лет. К заявлению следовало приложить тьму всяких бумаг и сверх того "кандидатам на место бойцов пожарной команды следовало приложить удостоверение на право ношения ордена Святого Кароя". "Уй немздек" ("Новое поколение"), опубликовав это, долго размышляло, каким образом можно было получить этот крест, учась в начальной школе. Если участвовать в конкурсе на пожарника можно было до тридцати лет, то, когда война окончилась, самому старшему претенденту могло быть десять лет.

Официальный "Будапештский бюллетень" не захотел отстать в соревновании на лучшую формулировку мысли, потому что в 227 номере за 1939 год написал, что "по делу П. Д. начат процесс об объявлении его умершим. Указанный П. Д. попал на русский фронт, где пал на передовой и с тех пор никаких вестей о себе не подавал".

В Пруссии был один указ касательно поведения женской прислуги в тавернах:

"Женской прислуге воспрещается: а) крикливым и неподобающим поведением приваживать гостей; б) выпрашивать у гостей или принимать от них еду или питье либо подбивать гостей на выпивку".

Жену трактирщика или его помощника толкование указа женской прислугой не считает¹. И так, на жен пункты а) и б) не распространяются.

ГАЛИМАТЬЯ

Стиль, что хрусталь, чистота придает ему блеск. Виктор Гюго "Оды и баллады". Вступление, датированное октябрём 1816 г.

Человек, что дикий зверь, его поит ничто, / Он по ночам опустошает черный кубок сна.
(L'homme, comme la brute, abreuve du niant, vide tous les niits verre noir du du somme.) Виктор Гюго "Les contemplations".

Бойкий стих катится на двойной галиматье. Верно, автор и сам не понял, когда сборник стихов вышел из печати. В сравнении сна с черным сосудом еще проблескивает какой-то смысл, но выдумку насчет "поющего зверей ничего" расшифровать до сих пор не удалось.

Я потому начинаю перечислять мои примеры с Виктора Гюго, чтобы другие не обижались, что я

пою их фразами, полученными от моих читателей. Если уж поэт-гигант, случилось, писал галиматью (можно было еще привести пару-другую примеров), то уж "меньшим величинам" не стоит обижаться. *Above maiore discit arare minor.*

"Правильным ли путем идет венгерская фармацевтика, если, как страус, засовывает голову в песок, на действительно коренные и обязательным образом близкие к реальностям бегущей жизни реформы вынужденная, и все же сильно усеченных положений 1876-XIV судорожно цепляется".

Выходит, хорошо известный страус не от опасности прячет голову в песок: на эту странную игру в прятки его толкает "цеплянье за положения закона". Затем автор статьи переходит к немецкой ситуации. Он пишет о Германии: "Топчущая мельница жизни прошла и по ней. В условиях нищеты, экономического кризиса и близких к моральному разложению каких-то гнетущих действий, похожих на оргию, она еще берегает уцелевшие части своих руин, сложившихся в силу традиций. Одной из таких колонн является ее фармацевтика. При случае она ее сверлит и режет, отваливающиеся части подпирает с помощью определяемых временем нововведений, заполняя социальные провалы духом понимания" ("Уйшаг", 1931, август, 8).

Следуя за мощными движениями "топчущей мельницы" жизни, я прибываю к "бурлящему котловану" общественных проблем. Это выражение насчет "котлована" я списал из сообщения Дюлы Халаса. Где он его выловил — этого он не рассказывает.

"Трудно было полвека назад в силу отсталости и предрассудков направить телегу прогресса физической культуры на новые пути, но, без сомнения, намного сложнее сегодняшняя задача, когда идейным сотоварищем по клубу "X" в бурлящем котле мировоззрений и общественных проблем приходится поддерживать ту самую пирогу, которая после стихания катастрофы народов повезет это древнее зерно, чтобы на новом историческом этапе оптимистических воззрений классически незапятнанная спортивная мысль в своей высокой чистоте снова пустилась бы в цветение."

Против этой прекрасной мысли возражений быть не может, трудности возникают исключительно в отношении деталей техники передвижения. Насколько невероятно, что некая топчущая мельница помчится изо всех сил, точно так же маловероятно, что какая-то пирога выберется в открытые воды, если уж она попала в котлован.

Я еще остался должником по части венгерских примеров гонгоризма². Вот что породило настроение того часа, когда гонгорист встретился с пианистом ("Пешти Напло", 1938, февраль, 16):

"Корто не слишком заботится о правилах для пишущих. Он может это позволить, потому что вместо моралистических норм несет новую мораль. Поэтическую тайну Шопена еще никто не исследовал столь глубоко и столь человечными средствами, как Корто. Буквально до обезличенности личен он в этом подходе. Непривычные образы выделяет он в произведениях Шопена, его суггестирующий, рентгеноподобный взор вскрывает новые, чудесные взаимосвязи, до сих пор непроглядные глубины вскрывает он для видящих и слышащих... Воздух вокруг его Шопена наполняется тем миром, ворота в который в то же время суть порог гениальности. Звуки вскипают в воздухе, накаляются чувства, рождаются жесты, излучающие тепло жизни, портреты людей проецируются в полумраке, все мы свидетели особого действия, здесь доброта мешается с иронией, вспыхивает сквозь слезы улыбка, какая же правда это противоречащее само себе многообразие, насколько ведет вновь единый изгиб моста Корто, связующий сатанинское с мыслью о мученичестве" и т. д.

"Слово художника дошло до публики".

Наверное потому, что она еще не читала критики.

АПОЛОГИЯ НАБОРЩИКА

Опечатки обычно относят к разряду ляпсусов. Это несправедливо, потому что рука наборщика может точно так же скользнуть по клавишам наборной машины, как и рука пианиста по клавишам рояля. И если во время исполнения короткого, заученного наизусть художественного музыкального произведения рука пианиста может попасть не на ту клавишу, то насколько же проще ошибиться наборщику, когда ему в течение долгих часов приходится буквально вгрызаться в коряво написанные рукописи. На то и существует корректор, чтобы своим карандашом пронзать махоньких гномов — опечатки.

В первом издании словаря Брокгауза в прошлом веке было столько опечаток, что издатель собрал их в отдельную книжечку, отпечатал ее и бесплатно разослал подписчикам.

Это уже, как говорится, размывает границы опечатки. Абсолютно переходят границу ошибки верстки.

В журнале "Мадьярорсаг" за 1901 год в номере от 1 ноября по тогдашнему обычаю подробно

сообщалась программа театров вместе с исполнителями ролей. В этот день афиша Национального театра была искажена так:

Национальный Театр

пятница, 1 ноября 1901 года

Медея

трагедия в 5 действиях, 6 картинах

Автор: Грильпарцер, перевод Золтана Амбруша

Поллачек — Визвари, Роза, его тетушка — Паулине,

Ратки, редактор — Надаи, барон Флориш — Деже.

В 1938 году одна вечерняя газета организовала для читателей игру. Нужно было отыскать в тексте газеты задуманное слово. По окончании конкурса газета давала обзор читательских писем, а самые интересные из них публиковала. Однажды получился такой фокус:

"Письмо Б. Баби. Из более двухсот полученных любезных писем самым актуальным стало письмо, в котором остроумно характеризуется нервное состояние участников конкурса, а также находчиво выражается тот отзвук, который передается от наших жизнерадостных охотников за словом к нашему штабу. В письме говорится:

"Если у вас грипп, позаботьтесь также об основательном очищении вашего желудка и кишок при помощи горькой минеральной настойки Йожефа Ференца. Спросите у своего врача" ("8 Ораи Уйшаг", 1938, сент., 6).

Чаще всего при верстке случается, что строки перепутываются. При этом текст становится абсолютно бессмысленным. Иногда беспорядочные строки поражают читателя нежелательным содержанием. Это случилось с брачным объявлением о новых узаконенных Гименя в газете "Уйшаг" от 30 апреля 1934 года. Перепутанные обрывки фраз выплывали перед глазами читателя какой-то скабрёзный танец.

"Молодящий Воронов женился. Из Бухареста сообщают: профессор Воронов... Молодая супруга 21 года, в то время как Воронов... помогай ему и дальше в трудах его, бог венгров."

Раз уж речь зашла о любви, то сюда же напрашивается последняя фраза романа, печатавшегося по частям с продолжениями в 1937 году в "Мадьяр Хирлап", номер от 5 июня. В романе говорится о жизни Эндре Ади в Надьвараде, в отрывке, помещенном в этом номере, Ади и Леда гуляют по улицам города:

"Банди шел рядом, задрал голову, держа снятую шляпу в руке. Завиток его красивых, волнистых волос падал на висок, на его широком, скульптурно очерченном лице, бронзового оттенка коже играло солнце. Он немного помолчал, а потом сказал: (продолжение следует)".

ДАДА

"Исключения подтверждают правило."

Эта ужасно избитая фраза, вероятно, силится сказать, что если речь идет об исключении, то это уже само по себе предполагает наличие правила.

Фраза эта сработана литературой. Во все более стремительном соревновании писатель обречен, если на него давит груз отсталости. Надо сбросить старый груз и свободно мчаться грудью вперед, вздымающейся под дуновением свежего, нового, вперед, навстречу финишной ленте.

Новое, что возникло под Солнцем, — это дада.

Знамя дадаизма было развернуто в феврале 1916 года за столиком писателей в "Кабаре Вольтера". Среди его основателей следует назвать румына Тристана Тцара, немца Рихарда Гюльзенбека и эльзасца Ганса Арпа. Позднее, когда волны Дада кругами разошлись по Европе, на какое-то время под их знамя прибились даже такие французские писатели, как Блэз Сандрар и Жан Кокто, даже, что отрицать, Гильом Аполлинер.

Вопрос первый: что означает общее название течения дада?

Французское значение слова "дада" — детская лошадка, прутик. Однако первые дадаисты протестуют против того, будто бы они сознательно выбирали себе лозунг. По их словам, Тцара поступил способом тысячекратной библиомантии, то есть гадания по книге. Он раскрыл наугад увесистый том "Petite Larousse", ткнул пальцем, ноготь остановился на слове dada. Этот знаменитый случай Ганс Арп рассказывает так:

"Заявляю, что Тристан Тцара 8 февраля 1916 года в 6 часов вечера нашел слово dada (дада). Я присутствовал вместе с моими двенадцатью детьми при том, как Тцара впервые произнес это слово,

которое законно вызвало у нас крайнюю степень энтузиазма. Это произошло на террасе цюрихского кафе, я как раз засовывал бриошь в мою левую ноздрю. Это слово не имеет никакого смысла, только глупые интересуются его значением. Что волнует нас, так это дух Дады, и мы все уже были дадаистами до того, как существовала Дада"1.

Сообщение, хотя и проявляется в дадаистской форме, указывает на поразительную скромность. В конце концов, автор мог и написать, что засовывал двенадцать ребятишек в правую ноздрю, смысл заявления от этого бы не исказился. Стало быть, надо посмотреть в надежном месте, в чем же мозговина нового направления. Словарь на этот счет дает такое разъяснение:

"Цель их стихов: продуцировать произвольные композиции из серии свободных ассоциаций. Эти стихи порой выполняют роль пересмешника, однако в предложениях и отдельных частях предложений часто отсутствует не только логическая связь, но и сами слова не имеют смысла, и поэтому стихи строятся на чистом звуковом эффекте."

Так кратко говорит словарь. Да, но исследователя не может удовлетворить такая краткая характеристика. Надо послушать одного из основателей нового направления, он-то лучше знает, чего они хотели. Рихард Гюльзенбек подробно раскрыл дадаистское кредо, из этой, похожей на манифест, постановки задач я узнал их наиважнейшие идеи2.

"Человеку нужно быть дадаистом, чтобы занять дадаистскую позицию против собственного дадаизма. Есть горы, дома, моря, водопроводы и железные дороги. В пампасах ковбои запускают свои широкие лассо, и на фоне миллион раз написанного Неаполитанского залива покачивается романтическая гондола. Дада все это поняла, дада использовала все возможности физического движения. Дада заставила все мировоззрения течь вокруг ее мизинца. Дада — танцующий над моральями земного шара дух. Дада — явление гигантской параллели нашей релятивистской философии. Дада не аксиома, Дада — душевное состояние, которое независимо от школ и теорий, которое атакует сама личность, но без насилия. Дадю нельзя забить в параграфы. Вопрос "что есть Дада?" -бездарный и школьный... Дадю нельзя понять. Дадю надо пережить. Дада непосредственна и сама собою разумеющаяся. Человек — дадаист, пока жив. Дада — индифференциальная точка между содержанием и формой, между женщиной и мужчиной, между материей и духом, поскольку она -ключ магического треугольника, открывающегося в сторону линейной поляризации человеческих дел и понятий. Дада -американская сторона буддизма, неистовствует, потому что умеет молчать, действует, потому что остается в покое. Именно поэтому Дада — ни политическое, ни эстетическое течение, она не ораторствует за человечество и за варварство тоже, войну и мир она держит в своей тоге, но остановилась на флипе с шерри брэнди..."

Мелочность с моей стороны, но я выужу из огромного, с широким охватом манифеста гондолу, покачивающуюся на волнах Неаполитанского залива, и прицеплюсь к тому, что гондолы колышат венецианские лагуны. Такое не по-дадаистски, а по-школьному. Возможно, тут речь и не в оговорке, Дада нарочно переместил гондолы в Неаполь. Дада все понимает, дада заботливая наседка, согревающая под крыльями даже тухлое яйцо.

Дада вскармливает и чужих подкидышей, если и не материнским молоком, то шерри-брэнди. Она взяла к себе дух новорожденных духовных деток; их родной папаша дал им имена Баптизм и Одоризм. Один из руководителей берлинского движения Рауль Гаусманн разъяснил основные положения новых "измов" таким образом:

"... мы хотим высвободить взгляд, жестко сфокусированный на одной вещи, потому что расширенный благодаря нашей науке взгляд стал круглым и полным, мы привнесли в наш способ видения все оптические возможности, и сейчас в оптике мы идем вперед, вплоть до основного явления света... Электричество сделало для нас возможным переформирование баптических эманаций в мобильные цвета, шумы, новую музыку... Мы требуем расширения всех наших ощущений и их покорения. Мы хотим взорвать их прежние границы. Из Италии мы получили весть о тактилизме Маринетти! Он туманно схватил в нем проблемы баптического ощущения и испортил его! Маринетти антипатичен нам, потому что исходит из случайного, а не из преимущественного знания. Долой все увещевания! Представим, что чуть ли не решающая основа наших ощущений есть сознание, баптическое ощущение, эманации которого проникают сквозь 600-километровый покров пара вокруг земли до самой Медведицы — и тогда нельзя не признать, почему бы нам не сделать это наиважнейшее в наших восприятиях самостоятельным, ранее не существовавшим жанром.

Мы требуем баптизма точно так же, как требуем одоризма! Будем распространять баптическое и обоснуем научное за пределами простой случайности, как было до сих пор! Почему, наконец, мы должны цепляться сентиментально за старое искусство для уха или глаза? Новый человек должен иметь смелость быть новым!... Приступим к воспитанию самого главного нашего ощущения: да здравствует баптическая эманация!"...

И так далее...

Здесь мне придется уйти от главного предмета, чтобы познакомить читателя с основными понятиями обруганного тактилизма Маринетти¹. Поэт в своих многочисленных футуристских манифестах уделил место и тактилизму. Целью этого "изма" было открыть путь для осязательных ощущений. Так называемые тактилические величины Маринетти распределил по шести категориям:

I. Отвлеченные, холодные наощупь, как, например, станиоль или стекло.

II. Уговаривающие, пробуждающие мысль наощупь: шелк, шелковая кисея.

III. Возбуждающие, пробуждающие желания, теплые: бархат и шерсть.

IV. Теплые, но волевые: жаккардный шелк и губчатые ткани.

V. Теплые, сильные: тонкой выделки кожа, лошадиная кожа, собачья кожа, волосы человека, пух.

VI. Теплые, нежные, чувственные: губка, напильждак, всякие щетки, железная щетка тоже — также плющ и бархатистый налет на персике.

Эта классификация определенно имела целью дать какое-то общее представление, ведь из нее выпали многие интересные наощупь поверхности, например, упаковочная бумага, соленый крендель, ремень эсслингенской жалюзи, ежик, крапива и т. д.

Практическое применение тактилизма, так сказать, возможно во всех областях. Кроме всего прочего, Маринетти осуществил так называемые путешествия руками. Он изготовил тактилические доски и расположил на них такие материалы, осязание которых во время путешествия особенно характерно. Париж призваны характеризовать очень тонкие, одновременно теплые и холодные тактилические величины, то есть к доске прикреплялись шелка, бархаты, перья и бахромы. Если вы желали попасть в Африку морским путем, то надо было применять для осязаемости моря скользкие, металлические, новые поверхности, особенно стекло и станиоль. Судан требует грубых, нешлифованных и колючих, однако же и горючих и сладострастных, на доску требуются щетки, железная щетка, губка, шерсть и другое в том же роде. Такие тактилические доски были призваны дополнить оглупляющую игру в шахматы, поскольку они дают особенное наслаждение, когда играющие ощупывают руками разнообразные тактилические путешествия.

На сходном принципе основан и тактилический театр. Публике не нужно утруждать глаза, тараща их на сцену. Длинные тактилические ленты протягиваются с помощью вращательного механизма вдоль кресельных рядов, каждый зритель (правильнее, касатель) пропускает ленты через руки и наслаждается чудесной осязательной гармонией. При желании можно применять музыкальное и световое сопровождение.

Если речь зашла о театре, я должен упомянуть, что Дада тоже взялась вскормить театрального младенца. Его законный папаша - Курт Швиттерс², писатель и художник из Ганновера. Он излагал возможности нового театрального искусства, получившего имя Театр Мерц, следующим образом :

"В противоположность драме и опере в Театре Мерц все элементы сценической работы органически связаны и переходят друг в друга; эти элементы не могут быть написаны, прочитаны или прослушаны, их надо пережить в театре. До сих пор все факторы обрабатывались отдельно, сцена-Мерц знает только растворение всех факторов в общем произведении. Материал сценической картины может составлять любое твердое, жидкое или газообразное тело, человек, проволочное ограждение, струя воды, голубая даль, сноп света... Материалом партитуры может быть все: голос и шум, который можно производить скрипкой, швейной машинкой, тиканьем часов, разбрызгиванием водяной струи. Материалом поэмы может стать все, что волнует ум и чувства... Чем больше произведение ломает объективную логику интеллекта, тем больше возможностей открывается для художественного строительства", и т. д.

Не имею возможности для более пространственных объяснений, честно признаться, я сам не совсем понимаю намерений изобретателя Театра-Мерц. В то же время в живописи перед нами со всей ясностью открывается пионерское значение Мерца. Швиттерс был тем, кто впервые приклеил к своим картинам коробку из-под сардин, бечевку, газетную бумагу, яичную скорлупу и прочие аксессуары. Один из его поклонников-ганноверцев так расшифровал смысл нового искусства:

"Художнику предлагаются и прочие возможности, не только краски и полотно. Художник-мерц ничем не пренебрегает из того, что считает возможным использовать. Потому что каждое есть часть всего, и в каждом присутствует целое. Настолько, что из забавных и смешных вещей, которые могут валяться в куче мусора, он строит мир. Мерц нельзя расценивать просто как художественный прием. В конечном счете это такое мировоззрение, из которого могут выйти и другие художественные творения: стихи, театр. Мерц, происходя из космического чувства, в своей сути всеобъемлющ". (С определением "космический" в связи с мировоззрениями я встречался в работах толкователей разных "измов". На венгерский перевести его не удалось.)

Чтобы наглядно представить поэзию-мерц, я нашел одну приятную лирическую поэму, но представление ее придется немного отложить, потому что я не могу открыть мое собрание примеров

фонарями потом пойдем дальше.

Что ж, пойдем дальше. Пусть будет еще один из основателей. Ганс Арп¹, который в то самое время запихивал бриошь в левую ноздрю. В цикле стихов "Die Wolkenpumpe" опять присутствует столь любезная ему часть тела:

Средь трав колокольцы висели и майский звонили звон со сводов клювы летели воду веревками лентами вили вязали в узлы уже качал головою кто-то над этим фокусным миром рука из весеннего дождика с неба спустилась трав занавеси пораздвинув радугой радугой обнявши был этот самый крендель певчие птицы с тонзурой как моль моль держали в когтях своих моря маски через одну ноздрю вдыхали горы и выдыхали дымом в другую

Дайте из моего шкафа испанские восковые плащички птичкам

Теперь я приведу строки более развитого направления Дада — поэзии-мерц. Курт Швиттерс, изобретатель мерца, издал томик любовных стихов "Annablume". Одно из стихотворений воспеваает идеал поэта так:

Любовь всех 21 моих чувств, люблю тебе!

Ты твой тебя мне, я тебе ты мне — наше?

Цвет яблони! Анна, а-н-н-а, каплями капаю имя.

Твое имя каплет, как мягкое овечье сало.

Читаешься ты и сзади наперед, ты,

Что прекраснее всех, и сзади ты, как спереди:

А-н-н-а.

Овечий жир струями каплет по моей спине анна,

Цветок, ты глупый зверь, люблю тебя.

Под влиянием любви к Анне поэт был склонен к уступкам: употреблял знаки препинания и заглавные буквы в начале строки. Но в поэме "Cigarren" он неумолимо настаивал на мерцистском мировоззрении; Вытянутая в длину форма стиха вынуждает поместить и другое мерцистское произведение. Оно называется "Циклон таба"; автор Драган Алексић.

Цигаррен Цигаррен Ци гар рен Це и ге а ерр ерр е ен Це Це И Це И Ге Це И Ге А е Р Це И Ге А е Р е Р Це И Ге А е Р е Р Це И Ге А е Р е Р Е Р Е е Н Е е Н е Н Це и ге а ерр ерр е ен Ци гар рен Цигаррен

ТАБА ЦИКЛОН т А б А ТаБ у табу мимемамо табу т А б А Табу АБУ Та Бу а Бу Таб у бу т Аббу Табу а Бу та Бу (попокатепетл) а Бу (попопо) Та бу (какака) абуа абу У абу Е абул а Бу Киабу абукиабу Та Ба убата табу

таба ре ре ре Ре Ре Рн Рн Рн Рн Реб ен ен Рн абу табу абуа у табу абнааа аб табу абаата бабаата табу табаууута таба Р Н табарен табарен Енен табаререм (парлевуфрансе)

Ощущаю недостаток пояснительного текста. Без одного мне остается предположить, что сочинением "Цигаррен" поэт хочет дать прочувствовать затяжку сигарой, а может быть, явить и самую форму сигары с буквенной надписью, рельефно выступающей посередине. Второе произведение имеет намерение дать образ бури, расшвыривающей буквы, силу циклона, сотрясающего мозг.

Достоверно следуя традициям дадаистов в создании ассоциативных систем, я присоединяюсь к последней строке стихотворения "Таба циклон" и присовокуплю к нему небольшой французский поэтический десерт того времени, когда колеса дадаистской телеги переехали мозги Жану Кокто¹ и из них потекла следующая горчица:

Вершина горы — вол, со стулом на голове, церковь шевельнулась, то была корова, корова тенью обсыпанная гора, горища задрожала, чтобы прогнать стада, обкусывающие ей спину. Лошак заворачивает гору. Его глаза чернильница. Мухи пьют чернила. Что я видел слева, теперь справа и встретил моряка, кто опасно раскачивался на мясопустном вторнике. Сюда его закинула качель. Но теперь не до веселья, пешком спускаться надо. Ангелы в голубом вокруг бога плавают пешком.

Примерно лет пять бушевал циклон Дада по литературным зарослям Европы. Потом сила вихря, вырвавшегося из цюрихской пещеры, начала слабеть, постепенно стихая, наконец около 1921 года дух из нее вышел вон. От беспокойства и волнений военных лет покачнувшиеся были мозги Европы стали на место. Бойцы-пионеры Дады разбрелись, помогая тащить шлейфы новых литературных течений, первоначальный лагерь поредел. Там-сям еще сражался одинокий воин, даже уже и не по убеждению, скорее, из упрямства стоял за честь знамени.

К этому времени относится последний манифест дадаизма; в нем чувствуется горькая насмешка, с которой автор бросает в глаза ничего не понимающему миру: да, мол, я сумасшедший. Чтобы придать своим словам особый акцент, он прибегает к техническим возможностям печати, используя весь набор типографских шрифтов.

Манифест

Зеленоголового человека

или
активного мертвеца к извозничьим лошадям и элеваторам
или
К чахоточным всего мира
или
уважаемое человечество
или
глубина каждой веры равна сумме сил всех бездарностей
Я брат извозничьим лошадям и элеваторам
потому что они материал терпения и не умеют ни верить,
ни отказывать потому что они ревушая известка для моей стройки
в пояснице домов улиц гаваней
сумасшедшие единственно серьезные члены общества
сумасшедшие ночью поют
сумасшедшие днем поют
выбегая из-за белых заборов пастись на солнце
я сумасшедший
потому сумасшедшие есть самый суггестивный материал
потому сумасшедшие наичистейшая гармония
солнце сумасшедшее, вода сумасшедшая, ночь сумасшедшая
сумасшедшие стоят на горах и громоотводах
и поют

Вот так и идет, на целых двух страницах в четверть листа. В последних строках звучит полнейший разброд, это до некоторой степени делает понятной бессмыслицу манифеста.

Я бы хотел знать только то
какой запах может быть у Сириуса
а потом и так все стало бы все равно но сейчас уже
вечер ветер на прижатых кошачьих головах катается
по тупикам
оттуда, где мое сердце зеленые коровы
ревут на башни.

Это была агония дадаистского агона¹.

ПРИГОВОР СОВРЕМЕННОМУ

Кто незадачливым взором пытается заглянуть в будущее, тот никогда не увидит и не почувствует происходящего в настоящем. Он бежит от тайной гадалки к легальной, от лжепророка к лжемедиумам и не слышит слова настоящих прорицателей. Хотя прямо у него на глазах ему совершенно в открытую протягивают кусочек будущего самый настоящий предсказатель — ученый и поэт.

Однажды я уже делал смотр ученым нового времени, на которых затхлые в своем пристрастии к традициям современники вместо лаврового венка одевали соломенный венец презрения. А в давние времена их ожидала еще и худшая награда — вместо соломы им плели венец из терний². В средние века не для одного ученого обернулось роком, что он так и не смог пролить света в окружающую его тьму. Вспышки пламенного ума еще более слепили глаза его современникам. Следовать за гением в высоты было трудной утомительной задачей. Куда удобнее было оставаться на равнине и бросать в глаза провозвестникам будущего обвинение — бездарный обманщик!

О СТИЛЕ ЙОКАИ МОРАЗ

В "Немзети уйшаг" за 1846 год на 254-й странице в статье театрального критика можно прочитать:

"Даже дважды наново переиначенная народная драма некоего Мора Йокаи "Два опекуна" умерла неоплаканной на сцене Национального театра... Господи, прости родителю ее грехи его, произведшего на свет эту такую несурзаицу, и мир праху усопшей".

Ставящего в скобки вопросительные и восклицательные знаки театрального критика еще как-то можно извинить, потому что мы знаем, широкий размах таланта Йокаи не мог втиснуться в замкнутые формы тогдашней драмы. Но и другим его пьесам пришлось пострадать от ударов громов и молний небесных, раздававшихся из цитадели критиков.

В "Хондерю" за 1847 год во II выпуске под заголовком "Литературная азбука" критик под псевдонимом Северус в целой серии статей удостаивал внимания тогдашнюю писательскую поросль. Упоминание о Йокаи у него получилось таким:

"Хирадо" как-то к слову опубликовал критическую заметку о сем молодом человеке, в коей говорилось: если б он начал прилежно учиться, из него могло б что-то выйти.

Если человек не располагает ни логическим рассуждением, ни юмором выражений, если человек вынужден порционными отмерять будничные прозаические вещи, таковой стиль выглядит именно что сечкою. Господин Йокаи, у коего до сих пор натурально не было времени приобрести желаемые познания, за неимением лучшего стиля пишет таковым стилем-сечкою. Писания его хороши для упражнений в стиле, но выразительность, зрелость — при полном их отсутствии, а посему упражнения его несколько неудобоваримыми становятся".

У нации желудок оказался куда лучше, нежели у господина Северуса, — труды Йокаи она переварила на доброе здравие. Я не стал тратить времени, чтобы проследить, какой же это критик таился под псевдонимом. Но не так уже невероятно, что сам Йокаи в романе "Будущий век" потому и дал имя Северус тому гнусному сарацину, что припомнил он давнего доброжелателя.

БЕСТАЛАННЫЙ ПЕТЕФИ

Очень свысока глядел тогда критик на поэта. Говорящий притчами Андраш Дугонич сказал бы тут: "Гордый, будто схватил все семь звезд Плеяды". Оставим Плеяды, а вот самую яркую комету на венгерском небе в клетку загнать он хотел.

На страницах "Хондерю" часто блистает имя Шандора Петефи. Этого господина редакторы не могли ему простить, напротив, они даже прилагали свои скромные усилия, чтобы очернить чернее типографской краски великое имя.

В 25-м номере журнала за 1844 год перо самого главного редактора Лайоша Надашкаи, споткнувшись о стихи Петефи, обрызгало их критическим свинством. Особенно разболелся от перечной венгерской народности "Сельского молота" привередливый живот утонченного редактора модного журнала. Он признает легкость стихов поэта, однако продолжает так:

"Но я вынужден сказать, каким образом этот талант народной поэзии пошел в ложном направлении, и сказать без прикрас, все более начинает погружаться в область мужиковатого стихоплетства. Печальный пример тому — "Сельский молот". Легкость стиха начинает переходить в легкомыслие, и вместо того, чтобы поэт нисходил к народу, на языке которого он поет, он, уподобляясь мужику, готов смешить его же непроваренными шуточками... Может ли служить такое чтиво развлечению образованного читателя, воспитанию утонченного вкуса, образованию самого народа?! Что дают литературе такие произведения? Словом, соответствует ли такое произведение требованиям, предъявляемым повсеместно и во все времена авторитетными судьями искусства к самой идее народной поэзии, и каковы господину Петефи прекрасно известны? Определенно нет. Господин Петефи еще совершенно молодой поэт, и ему извинительно, если его вкус еще не столь чист, не столь образован, как мы того требуем от поэта, без чего всякий талант есть бриллиант нешлифованный и не иначе. Не моя должность давать уроки, господин Петефи еще узнает, что может служить воспитанию вкуса, будет только позволено заметить, что одно из того, и, пожалуй, отнюдь не самое бесполезное, так это чтение произведений, признанных классическими".

Вождь журнала попал в точку. Большой пробел был со стороны Петефи, что не читал он произведений, "признанных классическими". Правда, тогда он уже читал в подлиннике Виктора Гюго и Беранже, позднее переводил Шекспира, но, кажется, эти неумытые по понятиям модного журнала гении тоже относились к числу "бриллиантов нешлифованных". А вот поэтом, "признанным классическим", по тем временам мог быть Генрих Лаубе, поскольку "Хондерю" в выпусках 1846 года поместил серию статей за подписью Зерффи под заголовком "Литературные письма к доктору Генриху Лаубе". Другой вопрос, читал ли Генрих Лаубе эти письма? Все читать необязательно, равно как и автор этих строк ничего не читал из-под пера Лаубе. Гвардия модного журнала напрасно старалась выказать свою глухоту к народной поэзии, страстный голос "Сельского молота" трепетно отдавался в груди, от него нельзя было уйти. Зерффи взялся покончить с ним. Свою атаку он повел обходным путем, сравнил Петефи с Гейне:

"В то время как у Гейне при всех его деформациях гениальности отрицать нельзя, у Петефи гениальность должно искать только в его деформациях. Гейне, при всех его неподобностях, всегда оставался человеком салона, Петефи же всегда оставался сыном подлых степей и чард. Под словом "салон" я понимаю место наибольшей духовной свободы, где страстные слова мировой любви звенят пламенными мечами, где пламенная склонность ко всему великому выстреливает звезды словесности,

сверкающие и горящие, пока сын степей, прозябая в скудном недостатке идей, без устали повторяясь, не может высвободиться из оков ограниченного взгляда".

Удары звенящих пламенных мечей, так сказать, посыпались на поэта, который даже при всем желании не мог исправиться, потому что совершенно очевидно не понял, в скудном недостатке каких идей он прозябает.

Далее следуют звездные словеса, пущенные в "Сельский молот".

"Петефи подавал прекрасные надежды. Но он же, к несчастью, эти надежды и обманул. Первым свидетельством его всеобщего отступления был "Сельский молот", героико-комическая поэма, которая пышет наитривиальнейшей неотесанностью. Характеры взяты из самых низших отбросов общества, язык полон самой избранной грубости, так что это лишнее всякой поэзии, идейно пустое нечто не вдруг появилось книжонкой в 66 страниц. Он постарался сей подлый предмет посредством наиподлейшего способа выражения сделать комическим и тем самым ударяется в безвкусицу.

Кинем взор на поэтическое тщеславие этой работенки и спросим затем, где во всем этом хоть искра вкуса и поэзии?

Вот тишина пришла какая
Под своды храма. Только двое
Голодных пауков церковных
Дрались не на живот, а на смерть
За ножку мухи, разжиревшей
От долгого употребления
Сладчайших косточек от сливы...
Затем

Так проясняется ночами
Безмолвный мрак господской кухни,
Когда в припадке жутких колик,
Вечерним вызванный обжорством
Вдруг задрожит хозяйский мопсик...

Ну, не скривилась бы на эдакое сама низкая муза низжайшей поэзии и не пролила бы она горьких слез, что под ее плащом пишут такое? Но закончим картиной самой прелестной:

...И аппетитный пончик солнца
Вдруг сделался алее перца
И впал в сургучную багровость I.

Тут автор позабыл, что его картина к тому же и недостаточна, поскольку сургуч не только багровый бывает на белом свете, но и иного цвета, к примеру, черный, зеленый и так далее".

Понимаю возмущение критика, разжиревшего на жирной ножке новостей моды. "Пончик солнца" в его мире производил такое же впечатление, как в старину смелое учение об округлости формы Земли. Земля не круглая, а плоская. Салонный стиль тоже.

Можно было предположить, что бушующий порыв "Сельского молота" поэт смягчил сказочностью "Яноша-витязя". Об этом и речи быть не может. Зерффи и компанию смягчить было нельзя. На розы Илушки капал черный сургуч.

"Народным сказанием" поэт не делает шага ни вперед, ни назад. Оригинальность стиля, новые мысли, напряженность действия, глубина аллегории не поражает в нем читателя; внутренняя теплота не согревает, не поднимает, не облагораживает его. Во всем сием "народном сказании", исключая описание степи и страны фей, нет ничего особенного.

Лишь друзья его да герои его партии трубят о нем, да только приятельство еще никого не делает поэтом. Кто пишет лишь для своей партии, навсегда рассорится с самовластвующими богинями правды и красоты и не сможет обижаться на суд критики, коли, невзирая на все его достойные уважения политические взгляды, она вынуждена объявить его плохим поэтом".

Итак, слово сказано. Петефи плохой поэт. Любопытно, однако же, кто же есть поэт хороший? Надо полагать, "Хондерю" публикует стихи только хороших поэтов. И я нашел в выпусках за 1843 год поэму, из "народных песен" по-видимому; они-то и могли указать Петефи путь, которому должно следовать поэту народному. Одна из них живописует душевное состояние печалющегося молодца:

Лес густой, шатер зеленый
Свежестью, прохладой дышит,
Ручеек журчит, играет,
Молодец его не слышит.
Жар любви в очах пылает,
Не влечет прохлады леса

И журчание потока.
Как печальны черны очи,
Как печаль его глубока.

После этого вся надежда оставалась только на застывшие жемчужины слез "Кипарисовых ветвей". Уж от них-то наверняка смягчилось каменное сердце критика. Зерффи не смягчился:

"Вот здесь Петефи мог бы выказать своей души глубины, огонь сердца своего в багровых сполохах отчаянной любви, -а сделал ли он это? Он дал только обычные иеремиады, рифмованные вздохи и жалобы, как тысячи других поэтов, о коих мы уже слышаны и о коих, однако, никто не трубит, что де они пламенные умы". После цитаты автор прибавляет: "Как пуста, изменна здесь любая поэтическая грань, лишена всякой мысли каждая из 8 строк этой поэмы".

Впрочем, тут Зерффи противоречил собственному журналу, потому что в предыдущем году, когда "Кипарисовые ветви" вышли в свет, "Хондерю" положительно воспринял эти стихи и рекомендовал их вниманию своих читательниц. Сердце Петефи могло возликовать от радости, когда эти патетически претенциозные рекомендательные строки попались ему на глаза:

"Чтение "Кипарисовых ветвей", наверное, привлечет сердца наших читательниц, исторгнув из их груди луч участия, даже если им еще неведома боль утраты сокровища сердца, и тем более, если печальные аккорды жалобной лютни встретят сочувствие страждущей души. Но есть ли грудь женщины, не познавшая шипов розы, раскрывающейся в благодати сердечного чувства — любви! И найдется ли грудь женщины, сладкому упоению коей в каждый час тиши сердечного чувства не послужило оно, когда горечь сердечной жалобы проникает в грудь, как музыка, ждущая ответа на неясные грезы сладчайшей мечтательной грусти".

Итак: сокровища сердца, сердечная чувствительность, сердечное одиночество, сердечная жалоба. И "Хондерю" еще мяукает, когда песика-мопсика начинает мучить желудочная колика.

ШЕКСПИР, ПЬЯНЫЙ ВАРВАР

Шекспир в глазах современников был всего лишь незадачливым драматургом. Даже его друзья и товарищи по сцене не сознавали, что тот, с кем они пьют вино в таверне под названием "У русалки", есть величайший поэт-драматург всех времен. Сам Бен Джонсон, близкий друг, не упускал случая, чтобы ущипнуть автора кассовых пьес. Актеры "Глобуса" с уважением говорили, что в рукописях Шекспира нет ни единой помарки, на что задушевный друг бросил: "Мог бы и намарать, хоть тысячу".

Год за годом валились в бездонную яму времени, сменялись поколения, а глаза их все еще смотрели близоруко, не имея в полную величину обозреть восходящего гиганта.

Одним из достославных свидетельств эпохи Карла II является дневник, в котором Самюэль Пепис день за днем записывал, что делал, что видел. Посмотрел "Ромео и Джульетту" и записал: "Это самая плохая пьеса, которую я когда-либо видел". После "Зимней сказки" стоит такой краткий отзыв:

"Sillyplay" (глупая пьеса). После "Сна в летнюю ночь": "Я был так ею доволен, что больше никогда не стану смотреть. Это одна из самых безвкусных и смешных пьес".

Пепис был только простым театральным зрителем, его мнение ничего не решает. Томас Ример уже весомым словом критика вынес сокрушительный приговор: "В лошадином ржании, ворчании цепного пса больше смысла, я бы сказал, больше человеческого чувства, чем в трагических ходульностях Шекспира. Сцена Брута и Кассия такова, будто ярмарочные комедиант и силач за пару грошей показываются и меряются силами перед публикой".

Позднейшие критики тоже усердно швыряют камни из пращи в Эйвонского лебедя, полагая, что стреляют по воробью. Они не заслуживают упоминания, лучше сгребу в одну кучу их снаряды. Обвинения критиков в основном можно выстроить в такой ряд: неудобопонятен. Нет ни трагического, ни комического таланта. Его трагедии — продукт театрального ремесла. Комизм тяжеловесен, над ним не посмеешься. Неоригинален, все — только подражание. Не изобрел сам ничего — ворона, рядящаяся в чужие перья. Невероятен, неумел, преувеличивает, ходулен, вычурен, аффектирует, скабретен, безнравственен. Пишет для черни, любит ужасное, нет в нем ни очарования, ни грации, бездуховен, кичлив.

Среди немецких критиков больше всего негодовал Готтшед, взрывающие всякие сценические правила трагедии Шекспира он никак не мог рассовать по шкатулкам, виноват, по клеткам. Он на свой лад пишет имя поэта — Schakespear1 -и перемывает ему косточки таким образом:

"Тот беспорядок и невероятие, которые происходят от небрежения правилами, у Шекспира настолько осязаемы и отвратительны, что он никому не доставляет радости из тех, кто хоть когда-нибудь читал что-либо осмысленное. "Юлий Цезарь", а многие считали это произведение его лучшей пьесой, содержит столько низости, что его нельзя читать без отвращения. Он все в ней раскидал.

Выходят ремесленники и всякая чернь, устраивают толчею со всякими мерзавцами и отпускают нескладные шутки, потом появляются величайшие римские герои и ведут беседу о важных государственных делах".

С тех пор набитый строгостями критик вместе со своими правилами исчез в пропасти забвения. Но только тогда форма была все же главной. Даже Вольтер настолько закошел во французском уважении к форме, что не постеснялся увенчать крапивою не следующего правилам поэта.

"Пьяный варвар! Грубый клоун! "Гамлет" — настолько варварское произведение, что французская или итальянская публика не смогла ее вынести! Любой неуклюжий провинциал способен выразиться изящнее и элегантнее, чем Гамлет в своих монологах."

Восторженный почитатель Вольтера Фридрих Великий тоже старался подладиться под взгляды своего французского друга. В одном из писем он так обрушивается на недисциплинированного англичанина:

"Если вы хотите убедиться в недостатке вкуса, господствующем в Германии, не надобно делать иного, как посетить театр. Увидите, как по-немецки дают достойные презрения пьесы Шекспира, а публика, обмирая от удовольствия, слушает эту смехотворную клоунаду, более достойную дикарей Канады. Говорю про них это потому, что совершают грех против элементарных правил сцены. Шекспиру возможно еще простить его причудливые заблуждения, потому что примитивное искусство нельзя соизмерять мериллом зрелости. Но тут есть "Гец фон Берлихинген", ничтожное подражание плохим английским пьесам. Партер аплодирует и с воодушевлением. требует держать в репертуаре эти гадкие банальности. Знаю, о вкусах не спорят..."¹

Все напрасно, должен быть порядок на литературном фронте. В особенности предосудительно серьезное нарушение дисциплины, совершенное героем пьесы Гете, когда герой сообщает такую скверность своему капитану...

ГЕТЕ НЕ УМЕЕТ ПИСАТЬ СТИХОВ

В немецком князе поэтов тоже не все видели пророка. Беттингер, директор дрезденского музея, процитировав из "Фауста" несколько строк, пишет: "Если такой поэт, как Гете, дает место таким стихам среди своих произведений, не следует удивляться, что французы упрекают немцев в безвкусице. Впрочем, я не способен понять, почему господин Гете для изображения человеческих мыслей и поступков выбирает характеры типа промокательной бумаги как Клавиго, Эгмонт, Фауст". Франц фон Шпаун, известный тогда писатель, тоже привязывается к Фаусту: "Горячечный больной не несет такого бреда, как Фауст Гете. Перо валится из рук. Для очищения этой авгиевой конюшни нужен более чем геркулесов труд. Я не говорю уже о его беспомощности как стихотворца;

то, что я прочел, ясно показало, что автор не идет ни в какое сравнение даже со средними талантами старой школы. Возможно, что в Фаусте сокрыта какая-то своя цель, но хороший поэт не может просто примызывать ее, для этого надо разбираться в искусстве рисунка и живописи... Есть люди, из которых стихи льются, как вода, но такой диабетический поток скучной рифмы из хорошего поэта никогда не льется"².

Неплоха и та прощальная статья, которую написал через полгода после смерти Гете в журнале "Загенфройнд" безымянный автор из Веймара: "Наш Гете забыт, не потому что веймарцы бесчувственны к достойным уважения явлениям, а из-за его личности. В нем не было ничего человеческого, он был занят только собой, великие интересы человечества были ему чужды... Его произведения, ну да, они его переживут, те самые шесть-восемь томов, в которые потом чья-то критическая рука наберет пшеничных зерен из сорока томов плевел".

Если уж немецкий современник сыпет такими суждениями о величайшем поэте своей нации, чего тогда ждать от иностранца? По мнению Кольриджа "Фауст" — не что иное, как серия проецированных картин, манера письма тривиальна и криклива. Де Куинси еще строже: "Ни самое низкое египетское суеверие, ни заколдованная Титания, ни пьяный Калибан даже в мечтах не создавали таких пустых и никчемных кумиров, как Гете этих немцев".

Виктор Гюго исходил желчью, когда при нем упоминали Гете: "Чудовище! Дикая зверь! Не стоит читать ни одного его произведения, исключая "Разбойников". Один из слушателей скромно вставил: ""Разбойников" написал не Гете, а Шиллер". Великий француз не смутился, а продолжал шуметь: "Вот, видите, это даже и не он написал!"

Что касается Шиллера, то ему тоже пришлось претерпеть мудрости современников. Одна газета со звучным названием "Konigliche privilegierte berlinische staats- und gelehrte Zeitung" в 21-м номере за июль 1784 года рявкнула на "Коварство и любовь":

"Опять нечто, что несет позор на наши дни. С какой миной смеет некто писать такую

бессмыслицу, да еще и печатать ее. Но мы не желаем ораторствовать. Судите сами, кто способен прочитать 167 страниц отвратительных повторений и безбожных выкриков, где какой-то хлыщ ведет тяжбу с Провидением из-за глупой, аффектирующей девицы, где текст изобилует мужицкими присказками и невразумительным словоблудием. Так писать - значит попирать ногами вкус и способность к трезвому суждению. В этом произведении автор превзошел сам себя. Из нескольких сцен там можно было бы что-то сделать, но к чему бы этот автор ни притронулся, все под его руками обращается в пузыри".

Когда вышла "Катрин из Гейльбронна" Клейста, газета "Моргенблатт" писала, что это интересное чтение для таких, кого покинул здравый ум.

И вовсе не надо искать в давно прошедших временах. Совсем недавно: по мнению такого модного Макса Нордау, Ибсен неспособен ясно додумать ни одной мысли, ни одного разбросанного там-сям ключевого слова понять, ни одного правильного следствия вывести. Литературовед Эдуард Энгель постановляет, что Томас Манн не знает по-немецки. "Будденброки" — не что иное, как два толстых тома, в которых автор описывает неинтересную историю неинтересных людей посредством неинтересной болтовни.

В заключение послушаем также мнение высших кругов о новаторской литературе. Герцог Гогенлох-Шиллингфюрст, имперский канцлер, посмотрел поэтическую поэму Герхарта Гауптмана "Потонувший колокол". Он упоминает о ней, как об ужасной реалистической халтуре, к тому же болезненно чувствительной мистике, неприятно действующей на нервы, словом, противной.

"После нее мы пошли в ресторанчик, чтобы икрой и шампанским снова взбодриться до приличествующего человеку настроения."

Мы всегда знали, что по придворным понятиям человек начинается с барона. Разбитное замечание критика герцогского достоинства учит нас, что желудок человека начинается с икры.

ВАГНЕР И МУЗЫКА БУДУЩЕГО

В 1850 году вышла тетрадь Рихарда Вагнера "Das Kunstwerk der Zukunft" ("Художественное произведение будущего"). С тех пор в нашем языке существует крылатое выражение музыка будущего. Совершенно естественно, что эту музыку настоящее восприняло с таким же пониманием и любовью, как и устремленные в будущее провидения ученого и поэта.

Читатели газет широко осведомлены по случаю обычного обращения к минувшим столетиям, что то или се произведение того или сего великого композитора каким образом провалила публика с благородно отсталым вкусом. Моцарт, Шуберт, Бетховен, Вебер, Бизе и еще много, много других создателей музыки провалились, желая угодить музыкой будущего настоящему, вцепившемуся в прошлое. (Лет двадцать назад одна иностранная радиостанция включила в программу находчиво составленную передачу "Освистанные произведения великих мастеров")

Из числа многих я остановлюсь на одном, том, кто создал крылатое выражение. Свистящий вокруг него ураган звуков мне было бы трудно положить на ноты, поэтому, приспособившись к вагнеровской музыке, я выделю только ведущий мотив. Этот грубо грохочущий мотив есть грубость.

Работа моя легка. Вильгельм Трапперт с усердием, достойным признательности, собрал всевозможные ругательства, которые в то время швыряли в Вагнера, и в 1877 году издал "Ein Wagnerlexikon". Я не буду следовать его системе, потому что он перетряхивает этот букет грубостей в алфавитном порядке. *Albernheit* стоит в начале и *Zuchthausstrafe* в конце, из чего следует понимать, что в тюрьме самое тяжкое наказание, если приговаривают к слушанию музыки Вагнера. Мне придется заслуживающий внимания материал сгруппировать по-другому.

Личность Вагнера его современники украшали следующими эпитетами: Шарлатан, Дилетант, Полоумный, Луженая Глотка, Невежда, Вандал, Сумасшедший, Страж Скуки, Музыкальное чудовище, Дон Кихот, Гелиогабал, Марат в музыке, Палач современного искусства, Вор у Берлиоза, Карлик на плече Глюка.

Под вокабулой *Kerl* один из его критиков охал: "Зачем я родился в одном веке с этим типом!"

О его произведениях общественность, ожидающую какой-то ориентировки, информировали в таких выражениях: Хаос. Музыкальный туман. Ребячество. Нервная горячка. Музыкальные стенания. Музыкальное надувательство. Фокус-покус. Моральное похмелье. Музыкальное мошенничество. Убийственный гам. Ушная боль. Паранойя. Мусор. Шельмовство. Тохувабоху.

"Тангейзер". Увертюра — прославление бессмыслицы, текст — "wischi-wischi", вся опера курам насмех. Французская пресса тоже постаралась, пополнив круг вагнеровской лексики вошедшим в моду выражением. *Se tanphauser* значило "скучать".

"Летучий голландец". Адская какофония. Музыкальное чудовище, в нем поровну отмерено

безвкусицы и жестокости. От летучего моряка можно заработать морскую болезнь.

"Лоэнгрин". Плоско и скучно. Безутешная бесплодность. Лебедь, тянущий водяной фиакр. Среди произведений Мейербера самое слабое — "Африканка", и все же оно по сравнению с "Лоэнгрином" блещет, как благодатная земля Индии рядом с северной пустыней.

"Тристан". Полоумный текст. Музыкальная слякоть. Урод от эстетики. Не радость, а мучение. Торжество похоти. Герой — не что иное, как взбесившийся евнух; в третьем действии он ревет, как прирезанный вол на бойне.

"Нюрнбергские мейстерзингеры". Нагромождение пошлости и тупоумия. Крысиный король в музыке. Халтура. Мусор. Кошачья музыка. Абракадабра. Хаос. Сапожник, а не музыкант.

"Кольцо нибелунгов". Вообще ее трактовали как цирковую комедию со всем набором зверей, то есть валькирий с лошадьми, драконом, говорящими птицами. Согласно этому словарю выезд валькирий на лошадях — *viehmagd-cavalerie*, сокровища Рейна с его русалками — *hugen-aquarium*. Укрощенные в венгерском переводе они ослабили бы впечатление от оригинальных выражений. Такие каламбуры тоже непередаваемы: *nebeljungen reinblech*, *keingold*.

Этот набор слов могу дополнить связными заявлениями официальной критики.

Людвиг Шпигель, сотрудник "Нойе фрайе прессе":

"Сверхудобен способ каждому герою по всякому случаю вешать на шею тот же главный мотив, как собачий ошейник с бляхой... Вся музыка — сплошное жвачное чудовище, усугубляемое отвратительным отрыванием по временам основного мотива... Когда занимаешься "Нибелунгами", возникает такое чувство, будто пачкаешься в чем-то. Немцы высоко ставят свою образованность, науку, искусство; и этот народ, имеющий большие традиции, чтобы он бросил все ради такого человека, как Вагнер, который халтуру довел до такого высокого градуса?.. Нет, нет, трижды нет; немецкий народ не имеет ничего общего с этим постыдным музыкально-драматическим обезьянничанием и, если бы он все же нашел радость в фальшивом золоте "Кольца Нибелунгов", то уже самый этот факт вычеркнул бы его из числа культурных народов запада".

С мудростью современников я закончил.

ВЕЛИКИЕ ЗАСЛУГИ ПУБЛИКИ

Двадцать лет назад один ньюйоркский журналист в озорную минуту предложил коллегам пари. Он сказал, что напишет петицию президенту о какой-нибудь невыносимой глупости и берет на себя собрать подписи под этой петицией целого ряда интеллигентных и благожелательных граждан. Пари заключили. Не прошло и трех дней, как на редакционный стол с ухмылкой была положена петиция, в которой семьдесят пять подписавшихся просили президента Рузвельта поставить на голосование законодателей вопрос о годовой ренте для вдовы неизвестного солдата.

Случай абсолютно достоверен. Брисбейн, известный американцам обозреватель в газетах Херста, говорил о читателях, что их наивность не знает предела. Они всему верят, что им ни подносят. Средний американец, а *man of street*¹, бегает по своим делам, ему некогда думать, да если бы и нашлось время, он не далеко бы ушел, потому что его общий уровень на удивление невысок².

Корреспондент "Викинг Пресс" обошел несколько человек и выписал некоторые из ответов слушателей. Например:

— Эпистола — жена Апостола.

— Соломенной вдовой зовут жену вегетарианца.

— В Ниле есть крокодилы и пирамиды.

— Мартин Лютер умер ужасной смертью: его экскоммуницировала одна булла.

— Кромвель был тот самый палач, который обезглавил английского короля Карла.

— Зебра уже совсем вымерла, ею пользуются для того только, чтобы наглядно продемонстрировать букву "з".

— В состав воды входят два джина: оксиджин и гидроджин (*oxigin* и *hidrogin*).

Из моего собственного опыта: в венецианскую гостиницу "Британия" приехал караван туристов. После осмотра дворца дождей одна дама подошла к директору музея и спросила:

— Какой породы была та собака, для которой был построен этот прекрасный дворец?

— ?!

— Да, собака, ведь так объявлено среди достопримечательностей: "Дворец собаки!"

Директор хлопнул себя по лбу. По-английски дворец обозначен: "*doge's palace*". Только вечно спешащая американка как-то упустила из виду букву "e" и прочитала "*dog's palace*". То есть "дворец собаки". Она обошла дворец и как-то успокоилась, что в Европе строят такие большие собачьи будки, украшают их золотом и расписывают с помощью художников.

Среднему читателю-европейцу нельзя пришить обвинение в необразованности, но он тоже спешит, его тоже несет за собою всеобщая гонка. События быстро сменяют друг друга, новости утренних газет к обеду устаревают, гонка передается и читателю, он пробегает глазами строки, не успеваёт разобраться и засомневаться, лжесенсации перевариваются и мешаются с действительностью.

Доверчивого газетного читателя еще больше завораживает волшебство печатного слова. Он помимо своей воли чувствует, что напечатанное черным по белому подготовил огромный штаб: автор, редактор, издатель, полиграфист и т. д. Этот великолепный сложный организм не станет же напускать дурману лживой информации на целую армию из сотен тысяч читателей. Раз напечатано, значит правда — вот такое представление бытует в массах о газетных новостях. Количество критикующих и сомневающихся сравнительно невелико. Интересный пример суггестивной силы печатного слова дают критические заметки о книгах, публикуемые газетами в виде объявлений. Текст чаще всего пишет сам автор, и все же, когда он читает свой же разбор книги напечатанным в газете, он ощущает счастливое удовлетворение, что вот-де как хорошо о нем написали в газете. То есть он верит тому, о чем хорошо знает, что это неправда.

Такова психологическая основа успеха, который обычно сопровождает полет газетной утки во всем мире.

Из какого яйца высидели на свет эту чудо-живность, то есть откуда происходит это выражение, не знает никто.

Немцы утверждают, что уже в XV веке у них ходило выражение *blau ente*, означавшее "голубую утку", то есть вещь невозможную. Во время реформации появился каламбур *legende-lugente*, будто бы его употреблял Лютер.

Французы ведут своего месье Крака от известного приключения барона Мюнхгаузена, который кусочком сала, привязанного к кончику бечевки, с одного выстрела нанизал 12 уток.

Англичане не употребляют выражения "утка", у них любая мистификация называется *hoax*. Впрочем, они с этим словом, как мы с "уткой", тоже не знают, откуда оно произошло. Вроде бы, это искаженное "фокус-покус", но тут наука о первопричинах опять заходит в тупик, потому что опять же не смогла справиться с вопросом, откуда пробрался в словоупотребление этот популярный и у нас "фокус-покус".

Бельгийцы связывают происхождение этого словечка со всемирно известной выдумкой антверпенского журналиста по имени Корнелиссен. Случай этот вышел в двадцатые годы прошлого века. Корнелиссену надоели недалекие враки тогдашних газет, и он захотел подать пример того, как надо врать с выдумкой. Он написал для своей газеты статью о якобы научном эксперименте, призванном выяснить размеры прожорливости уток. Ученые загнали в птичник двадцать уток. Одну из них тут же зарезали, порезали на кусочки вместе с перьями, кожей и потрохами и бросили все это остальным. Те совершенно по-каннибальски налетели и пожрали угощение. Осталось девятнадцать. Опять зарезали одну и измельчили, бросили остальным восемнадцати. И эту молниеносно заглотили. Опять порезали одну, осталось семнадцать. И так кормление продолжалось: одну утку измельчали в рагу и бросали оставшимся. Последней утке разделили предпоследнюю, и та с неизменным аппетитом уписала свою подругу, как лакомый кусочек. Вот так подтвердилось, что утка - самое желчное и прожорливое животное на всем земном шаре, потому что одна-разъединственная утка смогла сожрать за пару часов девятнадцать других уток.

Газетное сообщение сделало блестящую карьеру. Оно обошло европейские газеты и попало в Америку. Оттуда оно через несколько лет снова возвратилось на родную почву в Европу в сопровождении достоверного протокола о вскрытии той самой утки, согласно которому компетентные профессора обнаружили такие-то и такие-то изменения во внутренних органах этой чудо-птицы.

Под конец Корнелиссен круто переложил руль, с феноменального дурачества спали покровы, и с того момента газеты прозвали свои псевдоновости утками.

Если с абсолютной уверенностью и нельзя возводить к этой истории природу "утки", то, по всей вероятности, своей популярностью она обязана антверпенскому прародителю. Во второй четверти XIX века одна за другой в Париже появились бульварные газетенки, с вызывающей искренностью окрестившиеся "утками". Таковы были "*Canard raisonnable*" ("Умная утка"), "*Canard veridique*" ("Правдивая утка"), "*Canard en colere*" ("Разгневанная утка") — 1835, "*Canard de l'annee*" ("Утки года") — 1847, наконец, известнейшая "*Le canard*" ("Утка") — 1848, свободно болтающая газетенка Ксавьера Монтепена и его сотоварищей. "*Canard enchaîne*" ("Цепная утка") и сегодня пользуется своим, ставшим историческим названием.

Когда бы не появилось это выражение, ясно одно, что лженовость, то есть утка, по возрасту равна газете. Еще младенцем была сама газета, умещающаяся всего-то на одной страничке, как в ней уже появилась утка. Газету украшала какая-нибудь по большей части сенсационная картинка с соответствующим дразнящим нервы текстом или соблазняющим на покупку. На одной был

превратившийся в собаку польский помещик, эта кара постигла его за то, что плохо обращался с крепостными. На другой были запечатлены ужасные деяния человеческого чудовища с верблюжьей головой; еще одна оповещала, что в немецком селении Беннигхейме одна супружеская пара подарила родине пятьдесят три ребенка, в Нюрнбергском музее Германии хранится экземпляр газеты с прекрасной цветной гравюрой по дереву, удостоверяющей этот чудесный случай, на ней изображены все дети — тридцать восемь мальчиков и пятнадцать девочек. Сообщали газеты и вести о необыкновенных жителях дальних стран по мотивам сказочных сведений из седьмой книги Плиния. Мы встречаем здесь сообщения о стране одноногих, жители которой имели всего одну-разъединенную ногу, но с такой ступней, что, задрав ее вверх, они могут прохладиться в тени собственной пятки даже на самом жгучем солнцепеке. Мы узнаем, что существуют люди с ушами размером, как у слона; ложась спать, они одно ухо подстилают, другим укрываются. Ни конца, ни краю сообщениям о двухголовых телятах и шестиногих коровах. Самое поучительное из сообщений о подобных монстрах — о двойном зайце. У этого зайца было восемь ног: четыре, как обычно, внизу и четыре, сверх того, наверху. Когда за ним гнались, и заяц уставал, то, сделав кувырок, бежал на четырех верхних отдохнувших.

Из коллекций зарубежных музеев нам кивают также утки про Венгрию. Одна из них утрат нос всем двухголовым телятам и шестиногим коровам, даже двойному зайцу: это произошедшая на белый свет в 1620 году в Коложваре¹ чудо-овца. Собственно говоря, согласно рисунку речь идет не об одной, а сразу о трех овцах, объединившихся под одной-единственной головой. Венгры в долманах и саксонцы в немецкой одежде любят трояким животным, хорошо упитанным, в мире и согласии проживающим под управлением одной общей головы. Возможно, что вся эта лжеинформация намеревалась стать так и не понятой аллегорией трех национальностей, проживающих в Трансильвании: венгров, секеев и саксонцев, которым приходилось уживаться при одной голове.

Еще более дикой новостью поражает публику одна газета 1664 года, ее можно отыскать в коллекции мюнхенской картинной галереи. Согласно этой новости Миклош Зрини в битвах с турками пленил татарина с шеей жирафа. У этого пленника шея была длиной с руку. О судьбе человека с жирафьей шеей больше мы не имеем никаких сведений, точно так же не имеем их и о нашествии змей в Венгрии в 1530 году, хотя согласно одной газете из цюрихского собрания "Викиана" нашествие сопровождалось невероятными ужасами. В селениях по Тисе змеи ужалили насмерть три тысячи человек. Они вползали людям в горло и выползали оттуда; только если человек ложился на солнцепеке. Но если их при этом пытались поймать, залезали обратно.

Многие глупости были уж не так и невинны, как это можно подумать. Известная власть печатного слова, наглядная сила иллюстраций подрывала способность масс к собственному суждению, и вот произошел взрыв ядовитого облака суеверий. Если случай с благородным паном, обратившимся в собаку, правда, то почему в самом деле не быть людям-волкам, которые с помощью чар обращаются в волков, крадут детей и учиняют жестокие погромы в стадах и среди свиней? Почему бы не существовать вампирам? А почему бы по деревьям не прятаться колдунам и проклятым ведьмам? Почему бы привидениям не пугать простодушных жителей?

Утка продолжала свою разрушительную для души работу даже тогда, когда газетное дело поднялось на более высокий уровень и начали регулярно выходить газеты, предназначенные для более образованных. Люди продолжали верить в ведьм, еще ярким пламенем полыхали по Европе костры, а издательская жажда наживы не стеснялась и дальше разжигать огонь. Сыпались сообщения о гнусных случаях порчи, насылаемой ведьмами. Излюбленной темой газет было колдовство с восковыми куклами: кто-то делал восковую куклу с какого-нибудь владыки, колот ее иглой, и тот каждый укол болезненно ощущал в собственном теле. В другой раз в кровати испанского короля обнаружили сушеную лягушку — определенно тайные чары покушались на жизнь короля. Газетная труба разносила вести о случаях с ведьмами, вызывающими бурю, с глазами, портящими детей, насылающими болезни, летающими на шабаши. Берлинская "Зоннтагишер Постильон" во II номере за 1681 год преподнесла своим подписчикам такую дьявольскую утку:

"В Стокгольме с одной приговоренной к обезглавливанию женщиной вышел тот удивительный случай, что, когда приговоренная опустила голову на плаху, а палач ударил изо всех сил, топор отскочил от ее шеи, словно шея была из стали. Женщина даже не была ранена, только на шее выступила багровая полоса. Власти осмотрели топор и нашли его острым, как бритва".

Авторы газетных уток не довольствовались фантазиями насчет слуг дьявола. Они приводили также пред читательские очи и самого цехмейстера всего дьявольского цеха, т.е. самого дьявола. Мюнхенская "Вохентлихе ординари цайтунг" в 37-м номере за 1628 год страшит так:

"В городе Ицехоэ показался дьявол собственной персоной. Свернул шею более двадцати волам и с такою силою вогнал их в землю, что остались только рога торчать. Оглобли повозок переплел между

собой, что пришлось разрубить постромки топором. Приподнял городские ворота и перенес вглубь города на несколько шагов. Что из этого будет!"

А то и стало, что утка не удовлетворилась газетами и захотела полететь дальше. Вверх, в прохладные и чистые сферы науки. В XVII веке одним из наиболее авторитетных журналов был великолепно издававшийся "Theatrum Europaeum" ("Зрелище Европы"). Этот серьезный, имеющий вес журнал с холодной объективностью объявил, что в 1630 году все население города Милана было поражено удивительным событием — появлением в городе дьявола во всем его потустороннем облике!

Где же откопала газета такую страсть, прямо-таки поганый гриб-дождевик?

Случайность навела на след.

Маленький нессенский городок Ринтельн в 1621 году получил свой университет. Украшением преподавательского состава был профессор И. П. Лотихиус, тогда очень известный муж великой учености. Может быть, чтобы повысить авторитет свежее испеченного высшего учебного заведения, в 1631 году он решил поразить старые университеты сенсационной диссертацией. Написал он ее по-латыни¹ и в том же году издал и ее немецкий перевод. Диссертация была зачитана перед всем университетом. Просто удивительно, как аудитория не повыскакивала на кафедру и не связала профессора. Потому что в докладе стояло:

"Как мы известились из многих сообщений, происходящих от высокоавторитетных мужей, дьявол в настоящее время в Милане обретается и завел там настоящий двор. Каждый день на глазах у всех разъезжает по городу в карете, запряженной четверкой дьявольской породы лошадей, с видом победоносным. Многими придворными окружает себя, кои имеют вид вызывающий в зеленой бархатной с золотым позументом ливрее. И не отрицая, что он есть князь тьмы, зовется герцогом Маммоною".

Я не мог проследить далее полет откормленной научной утки. Подозреваю лишь, что в Милане мог появиться какой-то мошенник и по обычаю разных шаманов выступал с превеликим парадом. Кто-то мог, покачав головой, сказать, что этот необыкновенный незнакомец, может, сам дьявол и есть, и этого оказалось достаточно, чтобы утка встрепенулась и через Ринтельн полетела до Франкфурта.

На эти времена приходится героическая пора уток: к ним относились серьезно.

Позднее, ближе к XIX веку они и сами проделывали то же, что и их любимый предмет — дьявол. Страшась и ужасаясь, смотрел на чудовищные изображения дьявола примитивными художниками человек позднего средневековья. Потом эффект картинок снизился, в них уже видели просто символ; наконец, изображение дьявола стало карикатурным для восприятия, над ним просто смеялись. С какой продуктивностью плодились утки на страницах современных газет, в той же мере они теряли свою опасность. Читатель, самое большее, вздрагивал, потом, помотав головой, стряхивал лжесенсацію, как живая утка стряхивает с крыльев воду из лужи.

Лжености было поутихли и стали невинными. Сирены, водяные, морские змеи купались в новостях, отдававших прошлым веком. Незадачливые были это новостишки, будто старых монстров, сошедших с одностраничных газет, подавали заново, только что прикрыв их модным плащом. Одним из таких парадных экземпляров был чилийский монстр. Собственно, его прославила личность самого автора. А это был ни более и не менее как Граф Прованса, который позднее стал королем Франции под именем Людовика XVIII. А в те времена он развлекался тем, что рассылал газетам всякие глупости под псевдонимом. Чилийским чудовищем он порадовал "Журнал де Пари". Волшебного зверя — как писала вслед за своим знатным корреспондентом газета — испанские охотники завалили на морском берегу в Чили. Он походил на сфинкса, но с львиной головой, у него были бычьи рога и огромные ослиные уши. На спине росли крылья, как у летучей мыши. Передняя часть опиралась на гигантские утиные ноги, а заканчивался он тюленьей тушей с плавниками. Чудовище плавало, летало и бегало — ни одно живое существо не могло скрыться от него.

Америка довела разведение газетных уток до самого высокого совершенства. В яростной конкуренции наверху оказывается тот, кто мог бы ослепить подписчика интереснейшим репортажем. Хитро затеянным и мастерски отшлифованным репортажем можно было хорошо заработать.

Невероятно разбухла бы эта книжка, задумай я выложить все известные американские утки. Да и не нужно это, ведь, так сказать, у нас на глазах из-за океана тянутся целые караваны уток. Для наглядности приведу одну, из старых самую известную.

Нью-Йоркский "Сан" за 1835 год в 615-619 номерах поместил отчет об астрономическом открытии большой важности. Серия статей с полной основательностью и приличествующей учености холодной объективностью излагала научную сенсацию.

Гершеля, великого английского астронома, правительство командировало в Южную Африку для проведения астрономических наблюдений. Официальный отчет его еще не был готов, — так сообщает "Сан", — однако удалось раздобыть заметки д-ра Гранта, научного ассистента ученого. Поскольку

речь идет об интереснейшем открытии века, то "Сан" счел своим долгом первым информировать своих читателей.

Гершель под величайшим секретом изготовил такой телескоп, с помощью которого удалось расстояние между Землей и Луною оптически сократить как бы до ста ярдов. Телескоп состоял из линзы с увеличением в 42000 раз, а также микроскопа и проекционного аппарата, хитроумно соединенных так, что избранную часть Луны можно было проецировать прямо на простыню, развешанную на стене.

10 января, вечером, около половины десятого настал черед наблюдений Луны. И что ж? На экране открылось зрелище, доселе никогда не виданное человеческим глазом: огромные базальтовые горы, по склонам зеленые леса и цветущие луга! Значит, Луну окружает слой воздуха! Пораженное общество было охвачено волнением: ведь тогда здесь, на небесном теле, до сих пор считавшемся безжизненным, должны быть живые существа!

Луна медленно поворачивалась перед линзой телескопа. На экране лиловым огнем заблистали аметистовые скалы, потом появилось мирно пасущееся стадо бизонов. Среди них вьюном вились милые зверьки, похожие на наших коз, но только с одним рогом посередине лба. Поскольку этот мифический зверь есть в гербе английского короля, доктор Гершель назвал очаровательную равнину долиной единорога. В ночь с 11 на 12 января небо было облачным, и наблюдения пришлось прервать. (Какая отличная идея — придать событиям вкус дневника!). 13-го диск Луны предстал им вновь, и тогда последовал сюрприз сюрпризов, великое открытие мирового масштаба.

В окруженной крутыми скалами долине показались жирные, шерстяные овцы, согни овец, как стадо без пастуха. Точь-в-точь такие, будто английские овцеводы экспортировали их на Луну. Зрители от волнения задрожали сильнее. Если есть лунная овца, должен быть и лунный человек!

Высшее изумление не заставило себя ждать.

На краю скал появились человеческие фигуры. Но как они сойдут к своим стадам? Лунные человеки расправили громадные крылья и медленно спланировали в долину. Там их можно было разглядеть поближе. Чрезмерной красотой похвастать они не могли, поскольку высотой они едва достигали четырех футов, тело заросло шерстью медного цвета, а лица были чуть благороднее орангутана. Однако же о большем, чем у земного человека, совершенстве свидетельствовали росшие из спины, в сложенном состоянии достигающие лодыжек перепончатые крылья. Доктор Гершель тут же окрестил их *vesperilio-homo*, то есть летучий мышечеловек. Некоторое время они крутились перед зрителями, широко раскрывшими глаза: ходили, бродили, купались в озерке и производили впечатление счастливых, невинных существ, хотя согласно статье "среди их любимых времяпровождений некоторые сопоставлять с земными понятиями о приличиях затруднительно".

Потом летучие мышелюди раскрыли крылья, улетели, и отчет доктора Гранта подошел к концу.

Но не было конца волнению, которое передалось всей Америке. Когда весь тираж "Сана" разошелся, издатель сделал специальный выпуск статьи. За несколько дней раскупили 60000 экземпляров. Публика бурно приветствовала весть о существовании лунного человечества. Крохотная группка сомневающихся не смела раскрыть рта. Напрасно заявлял Эдгар По, что замысел статьи взят у него, — публика освистала писателя. Хотя вовсе не надо было ничего доказывать: каждый мог убедиться в том, что "Саузерн литерари мессенджер" еще за три недели до выхода серии в "Сан" начала печатать с продолжениями фантастическую повесть По "Hans Pfaall's journey to the Moon" 1. Все было напрасно, американской публике настолько понравилась научная утка, что она не хотела сомневаться. Нью-йоркские и провинциальные газеты заявляли, что статья "Сан" совершенно достоверна и научно обоснована.

То есть наступил тот самый неповторимый случай, когда одурманенная опиумом сенсации публика просто не верила своим глазам.

Энтузиазм остыл только тогда, когда прибыли достоверные вести из Южной Африки. Выяснилось, что во всем этом нет ни слова правды, от чудо-телескопа до летучих мышечеловеков. Автором утки оказался нью-йоркский журналист по имени Р. А. Локе. Выдумка настолько удалась, что в голове газетного потребителя-американца даже через десятилетия маячила сказка о лунных человеках, причем настолько, что в 1876 году "Чикаго таймс" смело запустил лунную утку номер два, согласно которой в Париже смонтировали гигантский телескоп и он открыл подробности лунной жизни. Показались здания, даже можно было видеть рабочих, трудящихся на стройке, к тому же прикованными друг к другу, что указывает на то, что и на Луне известен институт рабства... Мистификация.

МИСТИФИКАЦИЯ

Мистификация — ближайшая прародительница газетной утки.

Надо было перевести это слово, да не найду венгерского соответствия. Пришлось бы выбирать из: надувательства, обмана, отвода глаз, сбивания с толку, розыгрыша, введения в заблуждение, оболыщения, вымысла, подделки, наставления носа. Но каждому из них не достаёт синтетической силы подражания. Какое из них было способно обозначать действие, которым Шамуэль Немеш Литтерати сфабриковал памятники венгерского языка, литературные круги ввел в заблуждение и спровоцировал нескольких коллекционеров на покупку? Короче говоря, это и есть мистификация.

Из богатейшего материала я высмотрел только один характерный пример. Мой выбор пал на него потому, что он находчивее прочих иллюстрирует тот парадокс, что просто невероятно, чему только ни верят люди.

Случилось в 1785 году, что два французских офицера невозможно скучали в форте Нанси. Звали их Форция де Пиле и Буазжели. Оба потихоньку пописывали. Форция писал пьесы, оперы, путевые записки, политические статьи. При чтении одной из местных газет в глаза им бросилось, что среди внештатных сотрудников числится аббевильский прокурор Ле Кет, буквально заваливающий газету разнообразнейшей дилетантской чепухой: поэмами, эпиграммами и всяким прочим. Приятели переглянулись: вот случай развеять гарнизонную скуку. Изобрели в действительности несуществующего типа и окрестили его Келло-Дювалем. Этот Келло-Дюваль пустился в переписку с прокурором и щекотал авторское честолюбие того до тех пор, пока его не удалось вовлечь во всякие неслыханные розыгрыши.

От успеха у приятелей загорелись глаза. Продолжая розыгрыш путем переписки от имени Келло-Дюваля, они наставили нос еще целой куче жертв. Позднее Форция решил, что было бы жаль, если такая многосложная переписка пропала бы для грядущих поколений. Он собрал в один том письма и ответы и в 1795 году издал под заглавием "Correspondance philosophique de Caillot-Duval" ("Философская переписка Келло-Дюваля"). Этой книги сейчас осталось один-два экземпляра; интересующиеся вынуждены довольствоваться ее новым изданием Лоредана Ларшей, вышедшим в 1901 году малым количеством экземпляров и в библиофильском переплете.

Книгу имеет смысл перелистать не только из-за ее странного содержания. Мы найдем в ней очень интересные документы того, что человеческое тщеславие не только слепо, но и алчно, оно заглатывает самую грубую приманку.

Розыгрыш прокурора Ле Кета начинался с льстивого письма, в котором Келло-Дюваль представлялся молодым начинающим писателем, поздравлял прокурора с такими превосходными стихами и просил позволения прислать на разбор одно из своих несовершенных произведений. Прокурор, так сказать, попался на крючок. Он благодарил за признание и ободрял юного поэта, чтобы тот слал свои зеленые стишки. Келло-Дюваль пишет снова и уже теперь взрывает ракету самых нескромных похвал. А что до его собственного произведения, это состоящая из двадцати четырех песен поэма, воспевающая деревенские радости. За это время он-де послал ее в Париж, в типографию, как только будет сделан первый оттиск, он тут же перешлет его в Аббевиль. Под конец скромно упоминает радостную новость, что вот-де Ее Величество русская царица назначила его, Келло-Дюваля, членом императорской академии в Петербурге!

Ответ Ле Кета: он горит желанием прочесть поэму и от всего сердца поздравляет с наградой. Прекрасная вещь стать членом какой-нибудь академии, он-таки был бы очень счастлив получить такую награду.

Видя, на какого великолепного медиума они наткнулись, приятели дали свободу фантазии и нахальству. В ответном письме Келло-Дюваль разъясняет, что в литературное общество можно проникнуть, если у писателя есть необходимые связи. Заслуг самих по себе еще недостаточно. Он попал в петербургскую академию на том основании, что ему удалось завоевать дружбу герцога Кабардинского, который приходится племянником черкесскому князю Гераклу и является очень важным лицом при санктпетербургском дворе. Келло-Дюваль не сомневается, что князь окажет ему любезность и замолвит словечко царице насчет принятия в члены академии господина Ле Кета. Но для этого необходимо, чтобы господин Ле Кет и сам бы постарался войти в милость к князю, чего проще всего и лучше всего можно достигнуть, написав поэму, прославляющую герцога Кабардинского. Таким образом, он подтолкнул Ле Кета написать оду, а он, якобы, снабдив ее соответствующим комментарием, доставит герцогу. В части содержания достаточно того, что герцог является отпрыском владетельных князей, а его жена в свое время дала жизнь пяти близнецам. Все пятеро мальчики, все живы и геройствуют в армии царицы.

В изложении все это — превздорнейшая околесица. Но отмеряна она была так ловко, а поэт-дилетант был так ослеплен своим тщеславием и амбицией, что даже не заметил дьявольской интриги. Схватил наживку и в обмороке от счастья затрепыхался на удочке Келло-Дюваля. Добрый совет был с благодарностью принят. По его мнению, видите ли, тоже необходимо сложить герцогу Кабардинскому

оду, и он уже приступил, как только будет готово, вышлет ее тотчас же.

Приятели завопили от удовольствия и с волнением стали ждать оды. Через десять дней она прибыла, столько времени понадобилось поэту, чтобы выстрадать ее.

Она начинается просьбой к герцогу Кабардинскому принять поклонение от скромного поэта, который всегда презирал и отметал подлую лесть. Но сейчас совсем другой случай, ибо сама Минерва тоже заплодирует, услышав прославление мужа, происходящего из великой фамилии, но более возвеличиваемого собственными добродетелями. Драгоценным александрийским стихом прославляет прокурор русского герцога и, наконец, просит у Судьбы ввести его вместе с Кабардинским в храм Памяти I.

Судьба выполнила пожелание господина Ле Кета. Благодаря книге Келло-Дюваля он-таки вошел в храм Памяти, но сверх этого не получил никаких милостей, потому что переписка неожиданно оборвалась и мечта о санкт-петербургской академии развеялась, невзирая на аплодисменты Минервы.

У герцога Кабардинского оказались другие заботы. Он написал письмо мадемуазель Сульнье, приме-балерине парижской оперы. Рассыпаясь в изысканных выражениях, он уверял ее, что весть о ней пришла и на далекий север и он-де горит желанием познакомиться, как только приедет в Париж. Несколько месяцев еще придется пробыть ему в Германии, при дворе одной из царствующих особ, но он послал своего гофмейстера в Нанси и доверил ему вручить это письмо.

Гофмейстер, сиречь Келло-Дюваль, с готовностью пересылает письмо мадемуазель Сульнье. Ответ просит в Нанси.

Но фея оперы осторожна. Вместо нее дело ведет ее сестра. Она тактично интересуется, каковы намерения герцога. Келло-Дюваль отвечает: он намерен предложить меблированный особняк, предоставить двух лакеев и кучера, к кучеру дает и карету, лошадей тоже, наконец, помимо полного содержания, еще пятьдесят золотых в месяц, не говоря о мелких подарках. Все это, конечно, вопрос второстепенный, в первую очередь важны чувства мадемуазель, решение ей должна подсказать симпатия. Прилагалось письмо лично для мадемуазель, в котором перечислялись добродетели герцога, который, правда, женат, но брак его по расчету, и сердце его жаждет понимания. О пяти близнецах на сей раз Келло-Дюваль умолчал.

Золотой фазан пошел в западню. Хотя мадемуазель Сульнье как прима-балерина получала 7000 франков оклада и снимала особняк, карета, лошади у нее тоже были, предложение герцога все же показалось ей достойным обсуждения. Началась переписка, продолжавшаяся несколько месяцев, в которой сестра и Келло-Дюваль обсуждали подробности. Но в один день нити интриги оборвались, потому что у двух парижанок оказалось больше ума, чем у провинциального прокурора. Они раздобыли Готский альманах и выяснили, что герцога Кабардинского не существует. Переписка оборвалась, мадемуазель отказалась от миража герцогской любви и довольствовалась куда более скромной парижской действительностью.

Два литературных озорника не жалели сил на переписку.

Они написали придворному обувщику в Париж: смог бы он сделать им туфли без шва! Затронутое тщеславие среагировало и здесь — обувщик ответил: так точно, смог бы, но в настоящее время не может, потому что двор занимает все его время. — Предложили одному книготорговцу купить иллюстрированный, чрезвычайно редкий фолиант, напечатанный в 1400 году. Книготорговец с волнением заинтересовался книгой, отпечатанной до изобретения книгопечатания, но, к сожалению, за это время Келло-Дюваль продал ее королевской библиотеке за 3000 франков наличными и 300 франков пожизненной ренты, каковая рента после его смерти перейдет к его бабушке. — Написали капитану французской гвардии, что Келло-Дюваль желал бы записать в гвардию двух своих племянников. Оба одинакового сложения, только младший на три дюйма выше старшего брата, и возраст у них совершенно одинаковый, один всего 18 лет от роду, другой двадцати семи. Достойный воин не заметил кувыркающуюся по углам клоунаду и ответил, что с удовольствием повидает молодых людей и сразу же прилагает бланки, которые необходимо заполнить для пропуска. — Лестное письмо написали они славному седельных дел мастеру: Келло-Дюваль желал бы завязать родственные связи с мастером, чье имя пользуется доброй славой в своем ремесле, и ежели у того найдется дочь подходящего возраста, он осмеливается просить ее руки для своего единственного старшего сына. Седельщик незамедлительно отвечает: в самом деле, у него есть 16-летняя дочь, хорошенькая, прекрасно воспитанная девица, и он счастлив отдать ее за молодого человека из хорошей семьи, как юный Келло. — Одному парижскому естествоиспытателю Келло-Дюваль представился любителем птиц и рассказал, что в порядке эксперимента посадил в одну клетку сову и иволгу, они на удивление привыкли друг к другу и спарились. Сова отложила два яичка, высидела их, и получились одна сорока и один горбоносый воробей. Как это возможно? Ученый с достоинством отвечал, что, хотя случай и не совсем обычен, но в природе все возможно. Мол, господин Келло-Дюваль, соблаговолите сообщить более подробно, каково оперение птенцов и в особенности о том, кто

из них — воробей, иволга или сова поднимает большой шум при его приближении, в последнем случае ему не дожить и до весны.

А что касается двух наших писчих пташек, всего они составили и отправили 120 писем. В истории мистификаций пальма настойчивости принадлежит им.

ЛОНДОНСКИЙ "БОТТЛ ХОУКС"

С пари я начал эту главу, пари и закончу.

Келло-Дюваль дурачил людей поодиночке. Пари герцога Портлендского в 1749 году, которое и сейчас поминают как "боттл хоукс", показало, как можно легко одурачить толпу с помощью очевиднейшим образом глупейшей афишки.

Герцог в своем клубе предложил пари, если он даст объявление о каком-нибудь совершенно невозможном и невероятном зрелище, лондонская публика примчится и заполнит театр.

— Может быть, и не совсем так, — усомнился граф Честерфилд. — Ведь если вы объявите, что на глазах у публики залезете в бутылку из-под вина, вам не поверит никто.

Герцог заключил пари.

В лондонских газетах вскоре появилось объявление:

"В понедельник, 16-го сего месяца, в хеймаркетском театре один артист выступит перед публикой с поразительными номерами.

1. По желанию публики он на своей трости будет с превеликим совершенством имитировать любой музыкальный инструмент и к тому же петь неподражаемо прекрасным голосом.

2. Показав обыкновенную винную бутылку, кою любой может осмотреть, поставив оную на стол посреди сцены, и безо всякого к тому фокуса, на глазах у публики спрячется в бутылку и будет продолжать пение внутри ея.

В креслах и ложах публика может являться в масках, и он назовет, кто есть кто.

Цена билетов: партер 7 шил. 6 пен., Ложа 5 шил., Балкон 2 шил. Билеты продаются в кассе.

Начало представления 6 часов, конец после 8 часов.

Примечание: коль скоро после представления некие джентельмены или леди пожелают вступить в соприкосновение с умершими близкими, артист за отдельную плату осуществит такую связь. Пожелавшие увидят усопшего и будут беседовать с ним, как с живым.

Представление видели князья Европы, Азии, а также Африки. Широкой публике такой случай предоставляется один-единственный раз. В частных домах стоимость представления 5 фунтов.

Эффект превзошел самые большие надежды герцога. В Лондоне целыми днями только и было разговору, что про человека в бутылке. Вечером в день представления публика заполнила театр, не оставалось ни одного свободного стула, даже за стоячие места едва не дрались.

Волнение нарастало. Часы показывали шесть, а еще ничего не случилось. Напряжение ожидания начало разряжаться криками и топаньем ног. Наконец, перед занавесом появился человек из театра. Часто кланяясь, он попросил прощения за опоздание. Дирекция также возмущена, если артист не появится через четверть часа, касса вернет стоимость билетов.

Дисциплинированная английская публика подождала четверть часа. Когда последняя секунда истекла, из одной ложи начали швырять на сцену горящие спички. Пожара, к счастью, не случилось, но паника началась.словно по сигналу, публика налетела на театральный реквизит и стала ломать все, что попадало ей под руку. Женщины с визгом разбежались, мужчины неистовствовали. Когда все было разгромлено в прах, обломки вынесли на улицу, сложили в костер и подожгли в знак радости.

Директор театра отчаянно оборонялся. У него театр арендовали, он больше ничего не знает.

Клуб молчал. Только спустя годы секрет пари был раскрыт.

По Лондону прошла буря смеха. Газетные юмористы неделями жили этим "хоукс"-ом. Вышел поток карикатур и фельетонов. Один из памфлетов — возможно, его выпустили сами шутники — пытался объяснить причину неудачи. По памфлету вышло так, что артист на квартире у одного джентельмена за 5 фунтов так глубоко залез в бутылку, а джентельмен, раз, и заткнул бутылку, с тех пор несчастный так и сидит в тюрьме-бутылке, как джин из "Тысячи и одной ночи". Джентельмен изредка вынимает затычку и подкармливает артиста. Вскоре он намерен выпустить пленника перед публикой, о дате публика будет осведомлена через прессу.

Может быть, и нашелся кто-то, кто поверил этому.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ГОМУНКУЛУС

Если алхимик способен в своей бурлящей пробирке приготовить средство, дающее вечную

молодость, то есть побеждающее смерть, то почему бы ему не добиться победы на другом полюсе, там, где торчит вечный вопрос тайны рождения? Почему бы ему не вызвать к жизни искусственного человека?

Гомункулус — человек, искусственно созданный, — со времен Парацельса¹ начинает все более искушать. До тех пор о нем ходили какие-то туманные понятия. Парацельс был первым, кто дал точные указания, каким образом его надо производить на свет. Это удивительный человек, в мозгу которого смешались успешно практикующий врач, колдун, изобретатель и оккультист смутных верований. Его диссертация "De nature rerum" ("О природе вещей") содержит сведения о гомункулусе.

"Много споров шло вокруг того, дала ли природа и наука нам в руки средство, с помощью которого можно было бы произвести на свет человека без участия в том женщины? По-моему, это не противоречит законам природы и действительно возможно. Приступить к этому надо так: положи в пробирку щедро человеческих яйцеклеток, запечатай, сорок дней держи в тепле, кое соответствует теплу внутренностей лошади (то есть зарой в конский навоз), пока не начнет бродить, жить и двигаться. В ту пору он уже обретет человеческие формы, но будет прозрачен и нематериален. Следующие сорок недель каждодневно с тщательностью надо питать его человеческой кровью и держать в том же теплом месте, на что из него станет настоящий, живой ребенок, точно такой же, как и рожденный от женщины, только намного меньший. Это то, что мы зовем гомункулусом. Далее воспитывать его следует с заботой и прилежанием до тех пор, пока вырастет и начнет подавать признаки разумного существа"¹.

Продолжение теряется в характерном для Парацельса смутном тумане. Но все же выясняется, что гомункулус — существо полезное, потому что обязанный жизнью науке, он все знает безо всякого ученья, причастен к таинствам природы и может привести своего хозяина к великим победам.

Похоже, что шарлатан удовлетворялся собственной наукой и не прибегал к советам искусственного человечка, потому что его биографам ничего не известно о том, были ли в кругу его семейства Гомункулусы. Работы последовавших за ним алхимиков также глубоко умалчивают об опытах вокруг выращивания младенцев в пробирках.

Известен единственный случай, когда удалось выманить на свет даже не одного, а десять гомункулусов.

Один графский секретарь по имени Каммерер начиная с 1773 года вел точный дневник расходов, доходов и событий дня в путешествиях своего хозяина графа Франца Иосифа Куэффштейна².

Сухо и объективно перечисляет он, сколько уплачено по гостиничным счетам и за рисовую пудру для париков, и каким образом происходило вызывание к жизни десяти гомункулусов.

Согласно дневнику во время путешествия по Италии граф познакомился с неким аббатом Желони. Этот тоже жил, зарывшись в свои мысли, помеченные крестом с розой, как и Куэффштейн. Обе родственные души заперлись в таинственной лаборатории Желони, где в течение пяти недель при днем и ночью полыхавшем очаге колдовали над тайной жизни. Настойчивая работа была успешной: в один прекрасный день в глубине колб зашевелились новорожденные от науки. Десять гомункулусов кишело перед изумленными очами секретаря: король, королева, архитектор, монах, рудокоп, монахиня, серафим, рыцарь, один голубой и один красный духи.

Каждого из них засунули в отдельную заполненную водой двухлитровую колбу и тщательно завязали коровьим пузырем. Словно банку с вареньем. Даже приложили восковую печать, чтобы крохотные человечки-амфибии не разбежались. Колбы вынесли в сад и закопали в навозную кучу. Четыре недели подряд навозную кучу ежедневно поливали какой-то таинственной жидкостью, от чего она начала бродить. Брожение возымело какое-то усиленное действие на крохотные существа, потому что они там пищали, как мыши. На двадцать девятый день колбы выкопали и внесли в лабораторию, и через несколько дней таинственных манипуляций Каммерер снова увидел своих маленьких знакомцев.

Он был поражен происшедшей в них переменой. Они выросли, развились, на них уже появились характерные признаки будущей жизни. У мужчин выросла борода, на лице женщин заблистало ангельское очарование. Аббат придел их: король получил корону и скипетр, рыцарь — щит и меч, королева — драгоценное ожерелье.

Однако с их ростом множились и заботы. Каждые три дня их приходилось кормить какой-то таинственного состава пищей и всякий раз вновь запечатывать в колбы, потому что пленники все больше выказывали склонностей к побегу. Впрочем, нрава они были коварного, монах во время кормления укусил аббату мизинец.

До сих пор дневниковые записи Каммерера выглядят, как если бы он переписывал неизвестную сказку Э. Т. А. Гофмана. Но потом вдруг следует достоверная запись: граф возвратился в Вену и представил свои создания в тамошней ложе креста и розы. Подробностей об этом представлении секретарь не записал, заметив только, что граф одного из зрителей отлучил от зрелища, потому что тот нашел заметить о гомункулусах, что они просто "скверные жабы". С другой стороны, он упоминает

некоего графа Туна, который с полным доверием отнесся к Куэффштейну и позднее вместе с ним производил эксперименты. Этот граф Тун действительно в то время значился в Вене. Был известен как чудо-доктор, лечил наложением рук и будто бы с прекрасными результатами. Его карьера прервалась в 1794 году в Лейпциге, где при известии о его приезде собралось столько больных, что он был не в силах заниматься со всеми. Тогда он придумал завязать больным глаза и проделывал свои фокусы-покусы вместе со своими ассистентами. Дело получило огласку, и граф с того времени исчез из виду.

Продолжаю рассказ о дневнике секретаря.

По мере взросления гомункулусы становились все резвее. До сих пор они просвещали своего хозяина мудрыми беседами и подавали мудрые советы. Но потом все переменялось. Король выступал только по политическим вопросам; королева слушать ни о чем не желала, кроме как о правилах этикета; рудокопа интересовали только события подземного мира. Если у них было плохое настроение, они сердили графа бессмысленными дразнилками, впрочем у него и без того было мрачное расположение духа в связи с одним траурным событием. Он хотел спросить монаха, каким образом можно разыскать одну запропавшую рукопись Парацельса, и тут случилось несчастье. Колба выскользнула у него из рук, разбилась, монах выпал и тоже разбился. Напрасно пытались его лечить, склеивать, даже гипнотическая наука графа Туна потерпела крах. Монах приказал долго жить. Из плотной черной бумаги склеили ему гроб и похоронили в саду, а его приемный отец полил могилу слезами.

Беды продолжались. Однажды Каммерер вошел в лабораторию и с ужасом увидел, что король выскочил из колбы и яростно пытается сорвать печать с колбы королевы. Секретарь поднял шум, граф примчался, и они начали преследовать гомункулуса, который, сатанински вращая глазами, перепрыгивал с одного предмета мебели на другой. Его смогли поймать, только когда он буквально свалился от усталости. Но и тогда у него стало сил вцепиться в нос своему хозяину.

Еще одно разочарование ожидало главу семейства гомункулусов. Он не мог смириться с потерей монаха. Они проводили новые эксперименты с графом Туном: хотели сварганить адмирала. Искусственный адмирал у них таки получился, но был ростом с пиявку, дернулся несколько раз и на том завершил свою короткую жизнь.

Здесь секретарский дневник умолкает. Он так и не рассказал, чем кончилось человеководство. Оккультный альманах говорит, что графа убедили мольбы жены, убивавшейся по тому поводу, что муж так искушает господа, и граф рассеял свое противоестественное семейство. Как он с ними покончил? Куда они подевались? Не известно.

Без ответа остается и вопрос, была ли какая-нибудь основа у этой чудесной истории? Или же секретарь попросту все выдумал? Если да, то с какой целью? Парацельсисты ни капли не сомневаются в достоверности случая; по их мнению Куэффштейн совершенно определенно смешал и заварил настоящих гомункулусов по рецептам Парацельса. Другие хотя и продолжали линию парацельсистов, находили теорию гомункулусов чересчур авантюрной. Законы природы так выворачивать нельзя, — говорили они. В противоположность этому все данные указывают, что искусственные человечки не могли быть не чем иным, как встречаемыми в учении Парацельса элементарными духами, они сверхъестественны, но подчинены законам природы, они промежуточные существа, располагающиеся между человеком и миром духов.

Смутность такого объяснения настолько ясна, что и я сам принял бы его, если бы мой глаз не задержался на бычьем пузыре, которым завязывали колбу. На ум пришла старая площадка с аттракционами в городской роще, где ребенком я подолгу дивился на чертика по имени Минимакс, помещенного в стеклянную пробирку. "Минимакс! Выполняй свой долг!" — командовал ему хозяин, и тот нырял на дно банки, потом по новой команде снова, болтаясь, всплывал вверх. Основанную на законах физики игрушку показывали на ярмарках во Франции под названием "Diable cartesien", весьма неточно, но будто бы она была изобретена Декартом. Смысл ее в том, что в банку, доверху заполненную водой, кладут фигурку чертика и уравнивают наплаву. Внутри игрушки находится воздух, который проходит внутрь через дырочку внизу живота. Банка затянута бычьим пузырем. Теперь, если кто-то нажмет на пузырь, вытесняемая вода попадет внутрь чертика, увеличивающийся вместе с тем вес увлечет его на дно. Когда давление уменьшится, воздух вытеснит воду из живота и послушный Минимакс снова затанцует на поверхности воды.

На все это можно ответить: хорошо, граф привез игрушку из Италии, а чтобы мошенничество не вышло на свет, заморочил голову и секретарю. Но каким образом один из Минимаксов-гомункулусов мог выскочить из водяной тюрьмы и запрыгать по мебели?

Ответ я нашел в печальной истории процессов над ведьмами; в июне 1603 года парижский парламент приговорил к смерти женщину по имени Маргарита Буше. Против нее было выдвинуто обвинение, что она содержала дьявольское существо, живую мандрагору, кормила и ухаживала за ней. Несчастливая женщина под пытками созналась, что обвинение истинно, Мандрагору ей поручил ее

прежний хозяин. Гнусный безобразный карлик, совсем как обезьянка...

Влюбленный король графа Куэффштейна тоже, должно быть, был куплен в Италии: как-то бродячий савояр выдрессировал маленькую обезьянку. Аббат Желони обучал графа не оккультным таинствам, а приемам фокусников. Слепленный секретарь не делал иного, чем те, кто распространяет слухи о таинственных событиях — приукрашивал, прибавлял, присочинял и под конец сам уже поверил, что видел не шаловливую обезьянку, а влюбленного гомункулуса.

ДИТЯ СНОВИДЕНИИ

Итак, согласно учению Парацельса человеческие существа можно создавать и без участия женщины. Если эта теория справедлива, то из этого следует, что женщины могут производить детей на свет способом, отличным от естественного.

И у нас есть тому доказательство, к тому же в форме судебного приговора!1

Случилось в городе Монпелье, благородный сеньор по имени Ожемер поступил на службу к кардиналу Валетту и удалился вместе с ним в Эльзас. После четырех лет на чужбине он усоп. По различным причинам супруга его не могла сопровождать мужа ко двору монсеньора кардинала, а оставалась в их замке во Франции и провела четыре года в честном одиночестве.

Очень удивились младшие братья усопшего, господа Де Ла Форж и Де Бурж-ле-Монт, когда через некоторое время после смерти своего брата они узнали, что госпожа Маделина, вдова, имеет находиться в благословенном положении. Удивление их переросло в возмущение, когда им сообщили о наступлении радостного события, что вдова дала жизнь мальчику. Конечно, они бы недолго разбирались с нравственностью своей невестки, да только мальчика записали в книгу как законного сына покойного господина Ожемера, а затем, как тому положено быть, ввели в права законного наследования всех благ, оставленных усопшим господином.

Этого проглотить уже было нельзя. Оба брата начали процесс о признании незаконности рождения. Результат можно было предвидеть. Когда подтвердилось, что вдова четыре года в глаза не видела мужа, суд постановил, что муж не может быть отцом, а потому ребенка признал незаконным и лишил права наследования.

Вдова не успокоилась этим приговором. Она подала жалобу в гренобльский парламент2. Она жаловалась, что во время отсутствия мужа вела чистую и добродетельную жизнь, не допуская мужчин близко, поэтому абсолютно исключено, что отцом ребенка был чужой мужчина. В противоположность тому случилось, что незадолго до своей смерти муж навестил ее. Но не в действительной жизни, а во сне. Однако во сне все происходило так, как то обычно бывает промеж супругами. Вскоре сказались и последствия, и тогда она тут же рассказала этот случай многим свидетелям. Она потребовала допросить свидетелей, а также специалистов.

И тут последовал поворот, от которого у многих трезво мыслящих людей отвалился подбородок. Гренобльский парламент потребовал доказательств.

Заслушали свидетелей, а именно Элизабет Дельбериш, Луизу Накард, Мари де Салле и других благородных дам. Они клятвенно показали, что госпожа Маделина уже на самой ранней стадии своего положения рассказала им чудесный сон свой и заверила их, что никогда не имела дела с чужими мужчинами, стало быть ребенок, которому предстояло родиться, может быть только плодом чрезвычайно ясного сна.

Этот ценный материал доказательств подтвердили четыре акушерки: Жильметта Гарнье, Луиза Дарто, Пьеретта Шуфаж и Мари Ламен. Четыре ученые дамы единогласно показали, что вещь эта в самом деле возможная, они имеют сведения о нескольких подобных случаях.

Суд был добросовестен. Он не удовлетворился показаниями армии женщин. Были вызваны в качестве экспертов четыре авторитетнейших врача: Дени Сардин, Пьер Мери, Жак Гафье, Аленор де Беллевиль, подробно аргументированное мнение экспертов было таково, что случай не столь уж невероятен. Один из самых веских аргументов им представили турецкие гаремы, где по словам экспертов часто случается, что, хотя женщины в нем совершенно закрыты от внешнего мира, да и муж не всегда исполняет по отношению к ним свои супружеские обязанности, все же бывает, его одаривают плодами односторонней к нему любви. Эта аргументация, как сказал Харшдерффер "не годится для скромного уха". Гренобльский парламент положил эти веские доказательства на чашу весов, и они тут же потянули в пользу мадам Маделины. Беспрецедентное постановление суда гласило так:

"Принимая во внимание доказательства, соображения и аргументы, представленные врачами разных орденов города Монпелье, акушерками и другими должностными лицами по поводу возможности и достоверности означенного факта, суд постановляет объявить означенного ребенка

законным сыном и наследником господина Ожемера. Далее, суд обязывает господ Де Ла Форж и Де Бурж-Ле-Монт, как истцов, означенную женщину Ожемер объявить честной и добродетельной госпожой, а по вступлении настоящего постановления суда в силу составить письменное подтверждение тому. Подписано 1637 года, февраля, 13 дня".

Это уже более, чем много. Еще куда ни шло, пусть ребенок носит имя, пусть владеет имуществом, но составлять удостоверение о нравственности распутной невестки и потом годы сносить насмешки общества города Монпелье — это уж нет. Совершенно очевидно, город сговорился в интересах вдовы. Отец во сне умер, не мог вмешаться, но только настоящий отец сидел себе в каком-то высоком чине и дергал оттуда нити этой странной марионеточной игры.

Оба брата, огорченные, подали кассацию в суд третьей ступени. В те времена это был по закону парижский верховный суд. Сюда руки монпельерских и гренобльских заговорщиков не достигали. Верховный суд скоренько навел порядок. Он отменил гренобльский приговор, как в высшей степени ошибочный, объявил дитя сновидения незаконным и лишил наследства.

Венгерская поговорка по поводу решения монпельерского парламента и компетентного мнения врачей сказала бы: из пустой дыры пустые ветры дуют. И попала бы в точку, потому что в те времена крепко придерживались одного старинного научного суеверия, согласно которому ветер имеет оплодотворяющую силу.

Уже в который раз мы наталкиваемся среди трудов классических авторов на источники своеобразной физиологической теории. Вергилий¹ в "Георгиконе" (III, 217) поет задумчивые стихи западному ветру Зефиру, который оказывается способен взять на себя отцовскую роль в табунах, неся материнство кобылам без участия жеребцов. Это чудо Плиний облачает в научную форму и с присущей ему лапидарностью говорит так:

"Известно, что в Португалии в окрестностях Лиссабона и Тахо кобылы поворачиваются к западному ветру и от животворящей силы его зачинают. Такой жеребенок будет очень скор, но не проживет более трех лет"².

Бейль странные любовные обычаи португальских кобыл нашел достойными подробного изучения³. Еще несколько латинских авторов приняли за чистую монету любовные заигрывания Зефира (Варрон, Солинус, Колумелла), что само по себе и не было бедой, но шаловливый ветер и в XVI веке не хотел остепениться. Бейль среди многих других упоминает Луиса Карриона, преподавателя лувенского университета, как убежденного сторонника Отца-ветра. Ветреная сплетня вообще характерна для образа мыслей кабинетного ученого: он не выходит из-за своего письменного стола и скорее верит букве, чем путешественникам, побывавшим в Португалии и бесплодно выспрашивавшим там про жеребых кобыл. Не видел такого там никто, у тамошних жеребят у всех есть законные отцы.

Мало-помалу выяснилось, что же составило основу этой легенды. Когда-то очень давно финикийские мореходы объехали тогда еще неизвестные края на западном берегу Иберии и вернулись домой с вестью, что там теплый океанский ветер делает землю плодотворной и, в частности, там, на пышных лугах пасутся лошади, скорые как ветер, будто бы отцом их был сам ветер. Кто-то подобрал оброненные крохи вестей, замесил их, полил научным соусом и подал.

Гренобльский парламент, возможно, и не посмел бы выступить с таким лихим приговором, если бы в те времена все еще не пережевывалось классическое жаркое допотопных новостей. Если португальские кобылы вырвались за пределы законов природы, почему бы того же не сделать французской благородной даме, особенно если она это проделала с собственным мужем или, по крайней мере, с его образом во сне.

Будто бы сто лет спустя, в середине XVIII века лондонское научное общество, то есть сама английская академия наук занималась подобным случаем. Подробных сведений об обсуждении и о результате мы не имеем, но что-то, по-видимому, должно было быть, это подтверждается колючей сатирой сэра Джона Хилла, лондонского врача, лютого врага академии, изданной под псевдонимом Абрахам Джонсон. Ловкая научная насмешка стала ходким чтивом, ее перевод на французский был даже в библиотеке Марии-Антуанетты. Она называлась "Lucina sine concubitu"⁴.

Она исходит из модного тогда научного воззрения, что в воздухе кишит множество так называемых анималькуль, то есть невидимых простым глазом существ. Попадая в женский организм, они пускаются в рост, и при благоприятных условиях из них может развиваться настоящий человек. Этим-де и объясняется благоприятное размножение португальских кобыл, поскольку западный ветер наполнен такими анималькулями. Он, Абрахам Джонсон, и изобрел прибор цилиндрико-катоптрико-ротундо-конкаво-конвекс. С его помощью он отфильтровал от западного ветра целую кучу анималькуль, разложил их на бумаге, как грены шелковичного червя. Под микроскопом было хорошо видно, что это совершенно развитые мужчины и женщины. В научных целях он продолжал экспериментировать с ними — дал их в питье служанке, и та от них впала в обычное интересное

положение.

Злорадная насмешка вконец общипала у Зефира павлиньи перья отцовства. Французы продолжали плести нить насмешки, и уже в следующем году по рукам ходила сатира под щекотливым заголовком "*Concubitus sine lucina, ou plaisir sans peine*" (Лондре, 1752).

Кстати, самым милым эпизодом успеха книги про Луцине было то, что Халлер воспринял ее совершенно серьезно и внес в свою работу "*Bibliotheca anatomica*" ("Анатомическая библиотека". 1774-77).

Пример португальских кобыл оплодотворил фантазию составителей анекдотов. Только у нас не ветер выступал в роли отца, а снег. "*Cent nouvelles nouvelles*" ("Сто новых новелл") — под таким заголовком в 1432 году вышедший сборник новелл рассказывает, впрочем уже много раз пересказанную, историю о том, как один купец возвращается домой после десятилетнего отсутствия и находит дома одним ребенком больше, чем оставил, уезжая. У жены готово объяснение:

"Клянусь, кроме тебя, не знаю другого мужчины, но случилось так, что как-то поутру вышла я в сад набрать щавелью, да один листик разжевала и проглотила. К щавелевому листу пристала свежая снежинка. Как только я ее проглотила, тут же почувствовала, как тогда, когда другими детьми тяжелела. Конечно же, ясно, что и этот красивый ребенок наш с тобой сынок". Муж был человек торговый, осторожный, сделал вид, будто поверил удивительной истории. Обождал года два, как мальчик подрос, тогда и взял его с собой в путь торговый, а в Африке и продал его за сто золотых. Как вернулся он домой, стала его жена пытаться: где сынок? "Ох, дорогая, - вздохнул муж, — а то и случилось, как вышли мы на берег африканский, жара стояла великая, и стал наш сынок, который ведь от снега рожден, стал вдруг таять, не успели мы прийти к нему на помощь, как он от южного солнца прямо на глазах у всех и растаял".

Анекдот, во всяком случае, указывает на то, что и в те времена такое отцовство не считали возможным. Позднее Грекур¹ взял этот сюжет для своего стихотворения "*L'enfant de neige*" ("Ребенок от снега"). В Венгрии Шамуэль Андрад переделал снег в сосульку, должно быть, заснеженную щавелинку не счел вероятной. В шутовском рассказе "Гашпар-сосулька" у него жена оправдывается так: "Как-то зимой вышла я в сад пройтись и с таким великим желанием думала о тебе, будто наяву была с тобой. Там в саду сняла я с застрехи большую сосульку да и съела; и стал от этого этот беловолосый ребенок, окрестила я его в память о том Гашпаром-сосулькой".)

Наиболее яркий сюжет о случившемся в отсутствии мужа прибавлении семейства обработал Йокаи в романе "Прожженный авантюрист XVII века". Конечно, с пера Йокаи история сошла куда интереснее, чем ее оригинальный источник "*Rheinischer antiquarius*", который излагает ее буквально в нескольких словах: авантюриста, который в Голландии сумел жениться на богатой, тщеславная жена уговорила вступить в военную службу в Ост-Индии и добыть себе офицерский чин. Проходят годы, когда офицер возвращается домой и т. д. Жена объясняет, как-то ночью думала о муже с великим желанием, и тогда он чудесным образом "отнес ее в Ост-Индию", а оттуда после краткого супружеского свидания "перенес назад домой". Муж повел себя мудро: сделал вид, будто поверил, только вскоре заманил жену на прогулку да и столкнул в зыбучие пески.

Этим свиданием во сне круг легенд возвратился ко сну монпельерской вдовы. Чтобы совсем замкнуть круг, скажу только, что про голландского курьера во сне рассказывает и ученый Мартин Зайлер. Его книга называется "*Miscellanea oder Allerley zusammen getragene politische, historische und andere denckwürdige Sachen*" ("Мисцелане, или всякого рода политические, исторические и прочие памятные дела", Нюрнберг, 1661). Ульмский профессор располагает более широкими сведениями об этом случае. "В 1657 году в Виссингене случилось, — пишет он, — и так произошло, что соломенную вдову добрые духи доставили к мужу в Ост-Индию".

Судя по заглавию книги, этого романтического воздушного курьера автор включил в свое собрание как правдивую историю, достойную внимания.

ПТИЦА-ФЕНИКС

Наука продолжала мотать нити мистического кокона, заключающего тайны жизни человеческой. В пробирках одних лабораторий велись опыты по созданию искусственной жизни, в других — надменная самоуверенность желала вынудить к новой жизни саму смерть.

Эту операцию называли палинггенез — новое рождение, рождение заново.

Чтобы это хорошо понять, сначала нужно познакомиться с подробностями новых чудесных рождений Птицы-Феникса.

В античном мире Феникс как символ означал бессмертие, вечность. Точно в таком же смысле выбивали его на своих медалях и византийские императоры. На медалях более поздних европейских

властителей бессмертная птица красовалась столетиями, и тогда уже к ней добавилась идея безошибочности, совершенства, чистоты. Шведская королева Кристина в 1665 году приказала выбить медаль с изображением феникса. Над изображением стояло написанное греческими буквами слово, звучащее очень по-гречески: макеллос. Однако это таинственное слово не значилось ни в одном греческом словаре. Ученые до боли ломали над этим голову, но никак не могли подобраться к его смыслу. Царствующий синий чулок вдоволь повеселился про себя и, наконец, сбросил завесу с тайны: это было не греческое слово, а немецкое. Макелос, то есть безошибочный.

Что касается внешнего вида птицы-феникса, все описания сходятся в одном: это удивительно красивое существо. Что-то вроде райской птицы, только намного больше, примерно с орла. Голова и шея у нее блестят золотом, грудь покрыта пухом огненно-синего цвета, а тело - перьями, переливающимися красным - зеленым- желтым, на длинном хвосте цвета переходят из розового в пурпурный. Единодушие в описании феникса тем более заслуживает внимания, что еще не было человека, который бы видел птицу своими глазами. Кто-то когда-то вообразил, какой должна быть эта славная птица, и это рожденное воображением описание стало кочевать из одной книги в другую, словно птица, перепархивающая с ветки на ветку.

Чудо возрождения происходит в египетском Гелиополисе, храме бога Солнца. Когда птица чувствует, что время ее пришло, сильно шелестя крыльями, прилетает она с востока, на алтаре бога Солнца устраивает гнездо из ароматных сухих трав и ложится в него. От жарких лучей солнца, отражающихся от ее сверкающих крыльев, гнездо возгорается и феникс сгорает дотла. На другой день из пепла вылезает маленький червячок, быстро растет, покрывается перьями, и через несколько дней получается совершенно новая птица, взмывает на крыльях и начинает новую жизнь, которая, по сути дела, вечна.

Продолжительность отдельных периодов вечной птицы греческие и латинские писатели оценивают в 500-540 лет. Египетские источники более точны: по ним феникс прилетает в храм бога Солнца каждые 652 года, чтобы сжечь себя дотла. Отмечено его появление во время царствования фараона Сесостриса в 2555 году до н. э., затем в 1904 году до н. э. и так далее. По этим заметкам современная наука намудрила, что-де 652-годовой период, или так называемый период феникса, совпадает с периодом прохождения Меркурия через Солнце. То есть феникс — не что иное, как астрономический символ, иероглиф, означающий прохождение Меркурия.

Итак, собственно говоря, обыкновенным письменным знаком оказался червяк, восставший из тлена старых книг и в мыслительных сферах более поздней науки, жаждавшей покрыть себя ослепительными перьями удивительной птицы. Надо сказать, что однако же не все ученые принимали традицию феникса за действительность. Нашлись и сомневающиеся, которые, хотя и не могли нащупать природу мифа, все же основательно отрицали существование птицы. К тому же аргументируя это тем, что Ной разместил в своем ковчеге по паре самцов и паре самок, значит, после потопа животный мир размножался только естественным путем. Этому учению решительно противоречит всякая небылица, повествующая не от спаривания, а от возродившегося из пепла червяка птицы.

Я не призван вдаваться в научные объяснения. Но, когда в зимние сумерки я смотрел с каирской цитадели в сторону пирамид, и передо мною в огненном багрянце разгорался закат в пустыне, я думал о сказке про феникса. Солнце, вставая на востоке, совершает свой дневной долг и вечером прячется за край пустыни, выстреливая в небо невероятными багрово-красными пучками огня, словно кто-то поджег пустыню, и языки пламени лижут и окрашивают багрянцем небесный свод. В древние времена фантазия древнего человека легко могла и так объяснить небесную игру огня, что вот-де солнце сгорает в собственном огне и на завтра встает к новой жизни...

Однако древний ученый не вставал из-за письменного стола. Переплетенные в пергамент фолианты, вызывая уважение, стояли перед ним, тая в себе свидетельства великих предков. Однажды давно кто-то описал птицу-феникса; у него перенял другой, у того третий и, наконец, доказательства умножились до двадцати, двадцати пяти. Но разве может быть неправдой то, что двадцать пять известных ученых утврждают в один голос.

ПАЛИНГЕНЕЗ

Метод феникса указал путь к палингенезу, то есть к теории возрождения.

Сначала она еще не бралась возрождать из праха самого человека. В порядке первого эксперимента она удовольствовалась несколькими цветками. Ничто не исчезает в природе -говорили мечтатели от науки. Если королеву цветов, прекрасную розу, соответствующим образом сжечь, в пепле сохраняются соли, которые содержались в живом цветке. В каждой крохотной крупице соли

таятся все остальные элементы растения, как в семени. Значит, надо химическим путем выделить соли из пепла, закрыть их в пробирку и держать над огнем. Под действием тепла составляющие элементы высвободятся из солей и по законам симпатии соединятся. На наших глазах цветок пустит стебель, появятся почки и бутоны, и наконец во всем своем великолепии появится раскрывшаяся роза, разница всего только в том, что цветок в пробирке не настоящий, а только фантом погибшего растения, его духовная тень. Если пробирку отодвинуть от огня, то искусственно вызванный к жизни цветок снова сморщится.

Так говорит теория. Только вот удалось ли кому-нибудь наткнуться на секрет "соответствующего способа" и снова вызвать к жизни мертвый цветок?

Да, удалось. Свидетелем тому Сэр Кинелм Дигби, камергер короля Карла I, друг Декарта, затем фаворит Карла II, автор многих широко известных ученых трудов.

Сэр Кинелм, правда, не свидетель собственной персоной, а только свидетель свидетеля. Другими словами, он ссылается на Кверцетана, который собственными глазами видел у некоего польского химика 12 запечатанных колб. В одной из них был пепел розы, в другой тюльпана и так далее. Поляк разместил колбы над слабым огнем и вот: раз-два, и они пустили ростки, и вот расцвели чудесные растения-фениксы. Когда он отодвинул сосуды с огня, цветочные фантомы снова обратились в пепел.

Кто был этот поляк, и где занимался он разведением цветочных фантомов? Этого не говорит ни сам Дигби, ни его источник. Но все те, кто после него писал диссертации о палингенезе, с восторгом ссылаются через косвенное посредство английского и французского врачей на чудесные результаты поляка I.

Другой свидетель, которого обычно называют Кирхер Атаназ, ученый иезуит из Рима. Про него поговаривали, будто он тоже воскресил из пепла цветок, показал его королеве Кристине, но зимней ночью оставил колбу на открытом огне, и от неожиданного мороза колба треснула. Дигби, конечно, свидетельствовал и здесь. "Кирхер сообщил мне секрет способа, — пишет он, но из-за многих прочих дел я не успел произвести опыт".

Это, конечно, очень жаль. А еще больше жаль, что Сэр Кинелм не показался таким общительным, как Кирхер, и не сделал общим достоянием еще более важный секрет: каким образом можно также и животных, к тому же настоящих, живых и съедобных животных, снова возродить из пепла.

Потому что он якобы это проделывал. Он отобрал хорошего, большого, живого рака и по собственному тайному способу варил его, жарил, жег, замачивал, выпаривал до тех пор, пока из него не получился пепел, богатый способными к возрождению солями. Этот пепел он опять же мучил до тех пор, пока однажды ему не улыбнулся успех: из пепла выползли малюсенькие раки, они росли, возрастали, обрастали мясом и, наконец, выросли в съедобных, при том приятного изысканного вкуса раков.

Какой некрасивый эгоизм со стороны сэра Кинелма, что он оставил секрет при себе и не позволил менее состоятельной части человечества причаститься к господскому деликатесу. Другие были менее эгоистичны и результаты своих исследований кавалерски опубликовали. Экартхаузен во втором томе своего труда сообщает тридцать описаний способов, с помощью которых можно возрождать из праха растения и животных. К сожалению, ни одно из описаний не подходит для того, чтобы разнообразить стол простого гражданина деликатесными закусками. Они своеобразным способом дают лишь указания к тому, как надо возрождать и выращивать испепеленных комаров, скорпионов, змей, червяков. Черви сначала очень маленькие, как сырные черви, но их надо заботливо прикармливать тучной землей, и награда за прилежный труд не задержится, маленькие червячки превратятся в огромных червей.

Кто не интересуется червями и скорпионами, может проделать следующий опыт: только что вылупившегося из яйца цыпленка положить в колбу, по всем правилам сжечь его и, закрыв колбу герметически, зарыть в кучу навоза. Через несколько дней под действием брожения в колбе образуется густая слизь. Заполните ею пустую яичную скорлупу, залепите щель, положите под курицу и она вам высидит сначала было сожженного цыпленка.

У глупого миража, палингенеза, все же могла быть хоть какая-то основа. Много раз упоминаемые соли и в самом деле присутствуют в золе растений, и если колбу перенести из холода в тепло, на стенках колбы выпадут многообразные рисунчатые отложения, как зимою на окнах иней. А остальное было делом плещущей фантазии и разносимых вестей.

В книге аббата Валемона есть медная гравюра — воробей, запаянный в колбе. Это было произведение французского химика по имени Клаве; воробей возрождался из праха и обращался во прах по мере того, как он двигал колбу над огнем. Возможность такого фантома жизни повела науку к крайним выводам. Постараюсь точно и объективно изложить указанное положение. Не нахожу удобным шутить по поводу столь серьезного научного установления.

Итак, общеизвестно, что на кладбищах часто можно видеть, как колышутся духи умерших, восстав из могил. Суеверный люд без всяких причин верит, что это явления самих умерших, другие же распространяют ошибочные убеждения, что это сам демон в обличье духа по-сатанински дразнит смертных. Учение о палингенезе дало науке ключ тайны. Заключенные в человеческом организме соли вследствие брожения освобождаются, выходят на поверхность земли и там по закону симпатии соединяются в образ умершего. Таким образом, все, что рассказывают ночные посетители погостов про приведения, — это сказки. Предполагаемые духи попросту фантомы, то есть с точки зрения научной обыкновенные, будничные явления.

Вот как достойно наука выбила оружие из рук суеверия. Еще достойнее она покончила с гнусным промыслом колдунов, вызывающих мертвецов, о них выяснилось, что они вызывают совсем не настоящие души, а лжедухов, искусственные тени, которые выращивают из человеческих солей. Возможно, в этом и заключалась тайна эндорской ведьмы — она вызывала поддельного Шамуэля, а не настоящего.

ВОССТАНИЕ МЕРТВЕЦОВ НА КАИРСКОМ КЛАДБИЩЕ

В одном месте я все-таки споткнулся.

Не об обычных тенях и духах пойдет речь, а о совершающихся ясным днем, на глазах у всех настоящих попытках восстания мертвых.

Так сказать, имеющие кредит доверия путешественники подали весть об этом чрезвычайно удивительном событии, а наука на этот раз осталась в долгу по части объяснений¹.

Вблизи Каира, в полумиле от города есть заброшенное кладбище. Каждый год в конце марта месяца в последний четверг толпы любопытных валом валят из города на кладбище, чтобы поглядеть там на неслыханные вещи. Потому что каждый год в этот день покоящиеся там веками повторяют свои попытки восстать.

Земля как бы корчится в родовых муках, то рука протянется из земли, то нога высунется и снова опустится. То тут, то там на поверхности земли покажется человеческая голова, иногда все человеческое тело выберется на божий свет, но только по пояс, потом, как бы не совладев с силой, снова опустится в необозначенную, неприбранную могилу. Пусть никто не думает, что это Фата Моргана разыгрывает обманчивой игрой простодушных путешественников. Туда можно пойти, даже можно потрогать извивающиеся, подергивающиеся части тела. Многие путешественники так и делали. Один из них, совсем осмелев, хотел поднять кудрявую детскую головку, но арабы закричали: "Кали, кали, анте, матрафде!" То есть: оставь, оставь, ты не знаешь, что это! С четверга до субботы продолжается эта призрачная игра, потом земля перестает корчиться и мертвые покоятся в мире до следующего года.

Чем дурачили арабы путешественников-европейцев? Этого никто не знает. Может быть, кладбище было местом захоронения мумий? Но у мумий руки-ноги не движутся и не извиваются. Я вынужден последней ссылкой закрыть ряд других ссылок: ссылаюсь на Симона Гулара, который решил вопрос так:

"Оставляю приговор читателю, чтобы думал об этом, что почтет за благо".

СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ

В порядке вступления я должен дать отчет в нескольких премудростях.

Одно дело — секрет долгой жизни, и другое — вечной молодости.

Среди долгожителей почетное место принадлежит уроженцу Караншебеша Яношу Ровину и его жене Шаре. Муж прожил 172 года, жена 164, из этой массы лет 147 они провели подле друг друга в довольном и счастливом супружестве².

Секрет долголетия этой пары стариков объясняется в одной написанной про них статье так:

"Пропитание их обоих составляло молоко да печенье в золе кукурузные пампушки. Кто, значит, долгую жизнь желает прожить, учится пусть по примеру ихнему скудно и умеренно, хлебом и молоком, а за отсутствием оного водою пробавляться".

Какою бы заманчивой не казалась перспектива провести 147 лет при одной и той же супруге, прилежно употребляя молоко и мамалыгу, зажиточное человечество все же выбирает краткую жизнь, а разницу уравнивает радостями накрытого стола.

Хотя уже школа в Салерно в своем тройственном правиле сформулировала секрет долгой жизни:

Наес tria: mens bilaris, requies, moderata diaeta (три пункта: ясность души, покой и умеренное питание).

Медицинская наука с тех самых пор не перестает долбить в уши это тройственное питание и бедному, и богатому. Ректор падуанского университета Рамаzzини составил для царствующих особ в отдельности указания, как сохранить здоровье¹. Он советует царственным особам не есть и не пить слишком много, воздерживаться пламенных страстей, а развлечения их должны быть достойными их сана. А если где-то вспыхнет эпидемия, — так завершает свои медицинские советы профессор, — властитель немедленно должен покинуть свой город и перенести резиденцию в другое место.

Вполне понятно, что именно в падуанском университете умеренность имела таких авторитетных знаменосцев. Все-таки здесь жил и умер мировой рекордсмен в умеренности -Лодовико Корнаро.

Этот венецианский дворянин до сорока лет жил совершенно противоположно тому, что провозглашала школа Салерно. Когда излишества привели его почти на край могилы, он вдруг круто свернул с широкого пути светских радостей на узкую тропу умеренности. По этой тропе он ушел далеко. Ему было восемьдесят три года, когда он обобщил свой опыт в диссертации. Через три года он развил ее еще в одном исследовании, через пять лет еще в одном. И он полагал, что не мешало бы и дальше копить опыт в интересах дела. Тогда он подождал еще семь лет, и наконец в девяноста восьмилетнем возрасте он собрался и выступил перед общественностью с итоговым исследованием, получившим большую известность "Discorsi della vita sobria" ("Беседы о трезвой жизни", Падуя, 1558). Еще шесть лет наслаждался он безболезненно скромными радостями старческого возраста и в 104 года, в 1556-ом, апреля 26 дня, сидя в своем кресле, тихо заснул навеки.

Книга эта — гимн умеренности, которая по его мнению есть дочь разума, мать добродетелей, опора в жизни; богатого учит разумно наслаждаться изобилием, бедного — безропотно сносить нужду. Очищает чувства, укрепляет тело, ослабляет оковы, привязывающие к земле, поднимает нас над самими собой и т. д.

Только известной книгу сделали не эти, без сомнения, мудрые и прекрасные заявления. Описанию диеты, на протяжении десятилетий выдержанной с железной волей, обязана она тем, что намного пережила вековую жизнь самого автора. Даже сто пятьдесят лет спустя она значилась в списке лекций падуанского университета; именно упоминавшийся выше Рамаzzини написал к ней реферат-комментарий.

Секретом системы питания Корнаро было то, что он ел-пил именно столько, сколько было совершенно необходимо для поддержания жизни. Он сконструировал точные весы и измерял на них свой дневной порцион: двенадцать унций пищи и четырнадцать унций питья. Одну итальянскую унцию надо считать по 29-30 граммов. На этом тюремном рационе он достиг своего восьмидесятилетия, когда его семья начала опасаться, что такая великая умеренность все же пойдет ему во вред. Старый синьор уступил соблазнам и увеличил свой порцион на две унции. Но этим скромным излишком он так перегрузил свой желудок, что слег, и уже думали, совсем погибнет от навязанной ему неумеренности. С большим трудом он выкарабкался из этого расширения желудка и тогда заявил, что с этих пор желает жить только своей головой и просит оставить его в покое.

Упрямый старец продолжал мучить дочь разума и мать добродетелей до тех пор, пока ему не удалось настолько ослабить оковы, привязывающие его к земле, что опора его жизни скукожилась до двух яичных желтков в день. Вкушал он их в два приема: один на обед, другой на ужин.

Совет, соответственно, прозвучал так:

"Кто, стало быть, хочет прожить долгую жизнь, пусть научится по примеру синьора Корнаро жить двумя яичными желтками в день..."

ИСТОЧНИК ЮНОСТИ

До сих пор я писал о вещах мудрых. Продолжение уже просится под заголовок моей книги.

Апостолы умеренности смогли сколотить лишь кое-какой маленький лагерь. Человечество не претендовало на такую долгую жизнь, которую надо было влачить на мамалыге и яичнице.

Вместо такой серой действительности перед ним сияла радужная мечта: сон вечной юности. Начиная еще с мифологических источников юности до современных экспериментов с пересаживанием человеку обезьяньих желез, снова и снова вспыхивала дразнящая воображение мысль о том, что должно же быть какое-то чудо-средство, которое без долгого и горького самомучительства, в краткий срок, может вернуть юность дряхлеющему организму.

Согласно греческим мифам секретом вечной красоты Геры было то, что богиня время от времени приходила к источнику юности и купалась в нем. Эта сказка зрела в тысячелетней традиции античных понятий о мире; сгустившийся до реальности сказочный туман перекинулся даже в средние века. Хотя омолаживающей силе источника противоречил поистине нескончаемый список любовных приключений Зевса, составленный и записанный все той же греческой мифологией...

Скандинавские мифы помещают чудесный источник Юнгбруннент в замке Идуны. Лука Кранах с сотоварищами многожды писали излюбленный сюжет: с одной стороны в воду вползают уродливые и хилые старухи, а с другой стороны они же выскакивают юными феями.

Рыцарские романы тоже до тех пор поминали источник вечной юности, что, когда началось открытие новых, неизвестных доселе земель, к сокровищам южного полушария был причислен и чудо-источник. Поначалу о нем только гадали, где же он может быть. Может быть, в Индии, где его уже искал Александр Великий? Или в чудесной стране священника Иоанна, которую воображение рисовало то в Азии, то в Абиссинии? После открытия Америки идея обрела плоть, и один предприимчивый конквистадор снарядил два корабля (!) специально с целью отыскать пресловутый источник.

Понс де Леон — так звали испанца, Бимини был тот предполагаемый остров, где бьет ключ, преобразующий старцев в юношей. Твердо, готовые на все, закаленные в битвах завоеватели ринулись через неизвестное море, к неизвестному острову. Не компас науки вел слепое предприятие, а расчудесным образом глупая болтовня полудиких туземцев! Ничто так не характерно для сотканной из мужской решимости и детской доверчивости авантюрной души, как умение превратить мыльные пузыри хвастовства рыцарских романов и индейских врак в путеводную звезду. Очень вероятно, что ненавидящее завоевателей туземное население точно так же разыграло их сказками про волшебный источник на Бимини, как манило золотом Эльдорадо, только бы ушли с их шеи подальше.

Достаточно о том, что Понсе де Леон нигде не нашел Бимини, зато, пройдя под парусами на север, пристал у прекрасной, покрытой цветущими лугами местности. Потому он и окрестил ее по удивительно красивым цветам Флоридой. Немного огляделся здесь в поисках источника, потом ему все это надоело, и он уплыл домой, еще большее и старее, чем когда отправлялся в путь.

Неудача экспедиции на Бимини отрезвила жаждущую омолодиться древнюю Европу. Стало ясно, что источники вечной юности, собственно говоря, — целебные воды, оказывающие благотворное действие, и только лишь пары легенд раскинули над ними радугу, манящую омоложением, но, увы, недостижимую.

ПОМОЛОДЕВШИЕ СТАРЦЫ

Но человечество не могло успокоиться, что его лишили самой красивой мечты.

Хотя Источник Юности и не существует, помолодевшие люди все же есть. Серьезные ученые, известные путешественники уверяли, что встречали таких.

Наиболее известен случай с княгиней-монахиней Монвьедро, о котором рассказал Веласкус де Таренто. Святой жизни девица с миром отметила свое столетие в обители, когда с нею свершилось чудо. Вдруг у нее выросли все зубы, вместо седых волос отросли черные, пергаментная желтизна лица сменилась розовой свежестью. Простодушная старая дама не только что не радовалась игре шутливой природы, но целомудренно стыдилась этого, тем более что в обитель стали наведываться любопытные, повалившие туда при вести о чуде.

Похожие вести приходили также из совершенно противоположного монастырям, хотя тоже закрытого мира. Поль Лукас, французский архитектор и путешественник, любимец Людовика XIV, в поездке на Восток заехал в Константинополь. Как он пишет в книге "Voyage dans la Turquie" ("Путешествие в Турцию". Париж, 1713), в то время как раз серьезно болела первая жена султана. О французском ученом предполагали, что он разбирается и в медицине. Султан призвал его к себе и попросил осмотреть супругу. Француза ввели в хранимое под семью замками святилище гарема. Когда он вошел в комнату больной султанши, он увидел двух прелестных молоденьких девушек, выпорхнувших из комнаты. "Это гаремные дамы султана, — пояснил сопровождающий его евнух, — султан повелел им ухаживать за больной". Француз удивился: "Если уж султан решил расстаться с такими прелестными созданиями, все же как он мог решиться доверить уход за женой таким неопытным девочкам, почти детям?" Евнух засмеялся: "Они не дети, прошу покорно, обеим по семьдесят лет". В дальнейшем выяснилось, что одалиски пьют отвар некоей травы и от этого делаются молодыми. Осторожный путешественник, не желая подвергать себя осаде со стороны парижских дам, тут же прибавляет, что эту известную травку выращивают в саду сераля и не дают ее никому.

Все чудеса омоложения преподносит история трехсотсемидесятилетнего индуса. Его удивительную судьбу португальский придворный историк Лопез де Кастанеда счел достойной увековечения. Этот необычайный человек достиг мафусаильского возраста не благообразным старцем, а в молодом образе с черными волосами, поскольку за свою долгую жизнь он четырежды омолаживался. Свою обновляющуюся молодость он использовал мудро: то женился, то разводился с женой, то вдовел и снова женился, — словом, более или менее долго прожил в счастливом браке всего

с семьями женщинами. Поскольку сие писано придворным историком, достоверность случая не подлежит сомнению.

Чудо омоложения известно и в животном мире. Орел, старея, сжигает в палящих лучах солнца облезшие перья и живет хоть до ста лет. Об олене тоже общеизвестно, что он время от времени молодеет.

ЭЛЕКСИР ЖИЗНИ

Итак, у омолаживания нет физиологических препятствий, просто надо найти средство, которое на отжившем теле пустит новые побеги.

Есть такое средство?

Есть! — отвечает алхимия.

Это такая таинственная микстура, над которой мудрецы от алхимии ломали голову и которая встречается в таинственных записях алхимиков под именем то камня мудрости, то великого магистерия, то первичной материи, то элексира жизни.

Волшебная микстура не только превращает бросовые металлы в золото, но она имеет и чудесное свойство излечивать все болезни и продлевать жизнь. Куда больше, она обеспечивает вечную юность и бессмертие тому счастливому человеку, которому удастся горьким трудом замешать этот бальзам жизни в своей пробирке или тигле.

Но удалось ли кому-нибудь?

Тут красноречие алхимиков скромнеет до заикания.

"Наверное, были такие, — обычно отвечают они, — кому удалось сломать печать на великой тайне. Но не хотели противиться великому закону Божьему и приказу природы, поэтому они предпочитали унести тайну с собой в могилу".

В такой аргументации столько убедительной силы, что даже не пытаюсь спорить. Лучше погляжу сам в алхимической литературе: а вдруг наткнусь на кого-нибудь эдакого, кто открыл эликсир жизни и употребил себе на пользу?

Я нашел всего троих. Вот они: Артефий, Фламель и мистического происхождения граф Сен-Жермен.

Артефий был известным алхимиком XII века. Велика же была слава его рукописных книг, если они хранились в веках и в начале XVII века были даже напечатаны. В одной из книг говорится о продлении жизни. Она называется "De vita propoganda" ("О продлении жизни"). Ценность его советов тем более велика, что во вступлении автор скромно замечает, что книгу написал в возрасте 1025 лет. Поскольку всяк о себе лучше знает, сколько ему лет, ничего не остается, как поверить в этот именуемый почтенным возраст; как то утверждает итальянский гуманист Пико делла Мирандола, отдельные ученые и поверили. Даже более того, они спорили, что автор книги не кто иной, как сам Аполлоний Тианский¹, великий маг I века н. э., который с помощью философского камня дожил до XII века и явился под именем Артефия. Принимавшие участие в споре ученые оставили без внимания третью возможность: а вдруг какой-то досужий современник заморочил их и без того отуманенные алхимической лихорадкой головы.

Никола Фламель жил в Париже в XIV веке. Ученая традиция оплела его образ самыми блестящими нитями легенд. В молодости он купил за несколько франков книгу, писанную на лубке, полную таинственных знаков и рисунков. Не понимая их значения, он дал обет и совершил паломничество в Сант-Яго де Компостеллу. На обратном пути он встретил врача-еврея, который навел его на разгадку. Дома, в Париже, следуя наставлениям книги, он стал превращать ртуть в золото, притом на огромную стоимость, а огромное свое имение тратил на разные вклады. Поскольку действительно некий горожанин по имени Никола Фламель делал богатые вклады, средневековое воображение, всюду рыскающее за чудесами, соединило образ горожанина и алхимика воедино и верило всему, что молва трубя разносила про него. Верило настолько, что один из верящих с богатым воображением купил дом Фламеля на Рю Мариво под номером 16 и разобрал его до погреба, а вдруг сыщется та чудесная лубочная книга.

Обширная литература о Фламеле тащится по тупикам многих таинственностей, но это уже принадлежит истории алхимии. Сюда относится только то, что Фламель знал секрет элексира жизни. Он не умирал, а вместо себя похоронил деревянную куклу и вместе с женой уехал на Восток, где они оба были живы еще и через триста лет, как это было установлено одним авторитетнейшим французским путешественником.

"В Малой Азии, — пишет сей путешественник, — я познакомился с одним высокообразованным дервишем, который сведущ был в тайных науках. Дервиш среди всего прочего говорил о том, что

знаток этих наук может продлить жизнь хоть до тысячи лет. Я упомянул Фламелья, что тот знал тайну философского камня и все же умер. Дервиш рассмеялся и сказал, что мы, французы, основательно ошибаемся. Фламель со своей супругой живы, он ему хороший друг, и года два назад они были вместе в Индии".

"Он много говорил прочего о Фламеле, — заканчивает свою историю путешественник, — но менее вероятное из того я даже не упоминаю".

Содержащая эти интересные сведения книга — "Voyage dans la Grece, L'Asie Mineure, le Macedoine et l'Afrique" ("Путешествие в Грецию, Малую Азию, Македонию и Африку"). Она вышла в Париже в 1712 году. Автор посвятил книгу Людовику XIV. Автор книги — сам Поль Лукас, о котором известно, что все виденное им он тщательно отфильтровывал, прежде чем выступить перед обществом. Как мы уже убедились по его другой книге относительно виденных им в султанском гареме 70-летних девушек.

Из авантюрной истории графа Сен-Жермена скажем только, что он был доверенным человеком Людовика XV, жил ослепительно, и никто не знал, откуда он берет деньги; показывал пригоршнями красивейшие драгоценные камни, которые, по слухам, сам же и делал; был приобщен к тайнам креста и розы и т. д. О происхождении его никто не знал. Поговаривали, будто матерью его была испанская герцогиня, и будто отцом был португальский еврей. Под конец его жизни распространился слух, что граф внебрачный сын Ференца Ракоци II, и эту чепуху даже в нашем столетии еще пробовала доказать одна английская дама¹.

Множество тайн и подозрений так волновали воображение современников, что они сами помогали ткать тайну покрывала Изис. Родилась легенда: граф знает тайну элексира жизни, а потому он вечен. Естественно, тут же нашлись пожилые матроны, которые клялись, что еще их бабушки знавали графа, и тогда он выглядел также молодо, как и теперь. Сам граф никогда не говорил открыто о своем бессмертии, но то тут, то там, ронял несколько туманных слов, из которых можно было сделать вывод, что он живет на свете уже много-премного сотен лет. Он обладал великолепным даром рассказчика, мог живо изобразить события вековой давности. Иногда он делал вид, что оговорился. Например, рассказывая об одном эпизоде из жизни короля Генриха IV, он продолжал фразу таким образом:

"... и тогда король с улыбкой обернулся ко мне — я хочу сказать, с улыбкой обернулся к герцогу X и т. д."

Одним словом, парижское аристократическое общество точно так же верило в бессмертие графа Сен-Жермена, как и в бессмертие Фламелья. Если оно не сомневалось в существовании элексира жизни, то почему бы ему сомневаться в результате его действия? А весть все росла. В парижских салонах дамы шушукались, что граф присутствовал на Никейском соборе, знал самого Иисуса и много раз обедал с Понтием Пилатом. Потом нашлись веселые шутники, которые посчитали, если уж знатное общество настолько глупо, так пусть глупеет окончательно. Однажды авантюриста изящных манер по имени Гуве представили под видом графа Сен-Жермена. Лжеграф отлично сыграл свою роль. Он рассказывал о своих похождениях тысячелетней давности; войдя во вкус, описал усадьбу Пилата, святое семейство, даже свое знакомство со Святой Анной, которой позже на Никейском соборе он оказал большую услугу, потому что его информация в значительной степени способствовала принятию ее в сонм святых.

Когда настоящий граф узнал о забавах, граничащих со святотатством, он пожал плечами. "Если глупым парижанам доставляют радость такие несурезицы, — сказал он барону Гляйхену, — пусть развлекаются. Одно во всем правда: я намного старше, чем думают по моей молодежьей внешности".

Утка не удовлетворилась общественным мнением Парижа. Перелетела через пролив и обосновалась на страницах солидной лондонской газеты "Лондон кроникл". Газета в 3-м номере за июнь 1760 года посвятила пространную статью такому радостному событию, как приезд графа Сен-Жермена в Лондон. В статью закрались несколько строк о чудесном случае с графским элексиром жизни. Известный случай превратился в анекдот, и все же его в те времена воспринимали настолько серьезно, что даже большой лексикон Лярусса увидел в нем пример человеческой глупости, достойный увековечения, и опубликовал эту статью в полном объеме в 14-м томе на 70-й странице.

В изложении часть статьи, посвященная элексиру, звучит так:

"Одна очень высокого ранга герцогиня попросила графа дать ей несколько капель омолаживающей жидкости. Просьба исходила от столь знатной особы, что отказать было нельзя. Граф поднес склянку с наставлением, что принимать по десять капель каждое полнолуние. Герцогиня хотела скрыть это дело от своей старой камеристки по имени Рейдгонд. Сказав ей только, что это средство от колики, положила его в ящик. Вечером она отправилась на бал и пока там веселилась, старая камеристка, хорошо поужинав, почувствовала колики. В мучениях достала она средство и выпила его одним духом. Когда герцогиня на рассвете вернулась домой, в спальне увидела молоденькую девушку,

это была старая Рейдгонд".

Просвещенный XVIII век оставил нам венгерские свидетельства того, что учения алхимиков креста и розы манили сторонников не только кошмаром искусственного золота, но и сверканием золотых капель элексира жизни. Мы знаем, что Шандора Бароци, писателя и лейб-гвардейца, тоже захватила алхимическая лихорадка. Когда Ференц Казинци спросил у него, для чего он закладывает голову из-за таких безделиц, он ответил:

"Под исцеляющими руками будучи однажды, в юности, врач мой пробудил во мне жажду к изучению науки, коя металлы облагораживает и ученикам своим сулит до трехсот лет продлить дни их жизни, и даже по смерти их ежели тело их размельчить и уж не знаю, в каком соке держать, то потом в них жизнь пробудится".

Во извинение Бароци будь сказано: в своем письме он не пишет, верит ли он сам в алхимическое воскресение, а только упоминает, что обещают алхимики¹.

ОМОЛАЖИВАЮЩИЙ КУРС КАЛИОСТРО

Калиостро обычно не причисляют к алхимикам, хотя сам он и говорил, что владеет тайной элексира жизни. Но тайну он получил не как алхимик, а как великий копт, то есть глава ужасно глупой ложи свободных каменщиков, отправляющей древнеегипетские церемонии, пронизанной смутным мистицизмом, сторонников которой можно было вербовать воистину на родине тогдашних авантюристов, в разлагающихся аристократических кругах Парижа XVIII века.

Своих членов ложа приманивала двойным рождением: нравственным и физическим. Первое не слишком волновало воображение и без того нравственных парижан. Скорее физическое. Его подробностей Великий Копт перед общественностью не открывал, парижан взволновала одна появившаяся анонимно брошюра, возможно, за нею все-таки скрывался авантюрист.

Брошюра называлась: "Secret de la regeneration ou Perfection phisique par laquelle on peut arriver a la spiritualite de 5557 ans" ("Секрет регенерации, или телесное усовершенствование, благодаря которому достигается 5557-летняя духовность").

Значит так:

Надо удалиться в сельскую местность в обществе верного друга и там 32 дня жить на строжайшей диете, время от времени очищая кровь отворянием вен. На 32-ой день надо лечь в постель и принять крупицу материала, именуемого *materia prima*. Естественно, его состав знает только Мастер. Прием средств сопровождается 3-дневное беспамятство, но не надо пугаться и на другой день снова принять крупицу. Последствия: высокая температура, бред, выпадение волос, расшатывание зубов, шелушение кожи. На 36 день принять крупицу, больной от нее погружается в глубокий сон и спит до 39-го дня. За это время снова отрастают волосы, зубы, свежая кожа. На 39-й день надо выпить жизненного бальзама Калиостро — 10 капель в вине, затем принять теплую ванну, и на 40-й день больной просыпается с тем, что помолодел на пятьдесят лет.

Великое преимущество этого курса в том, что его можно повторять каждые пятьдесят лет. А недостаток, что повторения нельзя проделывать до бесконечности, только до тех пор, пока человек не достигнет 5557 лет.

Даже несмотря на это сожалительное ограничение, наверняка Великий Копт был бы настойчиво осаждаем в рассуждении *materia prima*, если бы не вышло другого дела: он оказался замешан — возможно, безо всякой вины — в нашумевшем мошенничестве с бриллиантовым колье Рогана, и ему пришлось срочно распрощаться с Парижем, Францией, египетской ложей и старыми мумиями, чаящими помолодеть.

БАЛЬЗАМ ЖИЗНИ АРНАЛЬДУСА ВИЛЛАНОВАНУСА2

В библиотеке Шандора Апоньи среди пухлых редкостей затерялась маленькая книжица. Она тоже редкость, изредка радующая библиофила. Автор по имени Лонгевилль-Харкурт издал ее в Париже в 1726 году под заглавием "Histoire des personnes qui ont vecu plus d'un siecle, et de celles qui ont rajeuni, avec le secret de rajeunissement, lire D'Arnauld de Villeneuve" ("История персон, кои прожили доле века, а также тех, кои омолодились посредством секрета омоложения, полученным от Арнольда Вилланова").

Автор сплетает в ней целый букет из долгожителей старше ста лет, а также из омолодившихся старцев; среди них, конечно же, красуется монахиня из Монведро и 370-летний индус тоже. Но не эти заманчивые сведения делают книгу столь интересной, а реферат Арнальдуса Виллановануса о вечной юности.

Кто был Арнальдус Вилланованус? Характерный для XIII века ученый: врач, астроном и алхимик, впрочем, невозможно ученый муж, придворный врач римских пап Бонифация VIII и Климентия V.

Этого реферата нет среди трудов Арнальдуса Виллановануса, вышедших в печати. Лонгевилль-Харкорт говорит, что она сохранилась только в рукописи, текст на латинском языке попал к аббату Валлемону, а уже от аббата к нему. Подлинная она? Не подлинная? Все равно, от нее так и веет духом XIII века.

Этот метод идеален для схоластического мудрствования: безупречная систематичность, только основная мысль ошибочна. Он по всем правилам выстраивает пирамиду системы, только повернутую вершиной вниз, укладывая друг на друга брусчатку суеверий средневековой медицины.

Вот основное положение теории:

Минеральные, растительные и животные составные части содержат великую целебную силу против разнообразных болезней. Значит, не надобно иного, как извлечь квинтэссенцию самых сильных лекарств и назначить такой курс лечения, в процессе которого омолаживаемый старец эту квинтэссенцию, то есть универсальное лекарство от всех болезней, будет принимать в соответствующих дозах. Если он будет придерживаться правил, то ему ничего не останется, как помолодеть.

Прежде всего надо добыть восточный шафран, лепестки красной розы, сандаловое дерево, корень алоэ и амбру. Все это размельчить в пыль, потом смешать с воском и розовым маслом. Из полученной таким образом мази делать компресс и каждый вечер перед отходом ко сну наклеивать на сердце.

Далее следует диета. Ее содержание складывается в зависимости от темперамента больного. Самая короткая — 16 дней, самая длинная — 30. Еда на вид самая простая: на день курица, сваренная в бульоне. Да, но курица не какая-нибудь там, а которую два месяца откармливали соответствующим кормом.

Прописанный куриный корм очень странен. Не что-нибудь, а гадюка. (К сведению, на протяжении веков человечество буквально охвачено гадюкоманией. Гадюкам приписывалась чудесная целебная сила, им и териак-бальзаму. Этот бальзам — по-венгерски его звали терьек — употреблялся для пышек, трохискусов (отсюда троксишта, дрогишта — парфюмерная лавка).)

Конечно, гадюку куры не склевывали, как червяка. Для этого был другой способ. Во-первых, с гадюки надо было содрать шкуру, обрезать голову и хвост, обмыть в уксусе, сильно натереть солью и порезать на мелкие кусочки. Это вкусное рагу складывается в горшок, перемешивается в равных долях с цветом розмарина, аниса и укропа, прибавляется полфунта тмину, все надо залить чистой водой и поставить варить. Когда все сварится, бросить в горшок добрую долю чистой пшеницы, и все это варево парится до тех пор, пока пшеница не возьмет в себя все славные качества гадюки. Из готового корма скатать шарики, обвалить их в отрубях и давать курам.

Во время лечения больному не есть ничего другого, кроме как куриный суп два раза в день с кусочком хлеба. Как пройдет время лечения, купаться велено двенадцать раз, раз за разом на тощий желудок в воде, заправленной пахучими травами.

Нельзя отрицать, что замысел вполне логичен и последователен. Больного нельзя кормить мясом гадюки, значит, ее целебную силу сначала пусть возьмет пшеница, пшеницу съест курица, курицу человек.

До сих пор все в порядке. Только сейчас неожиданность — уже упоминавшаяся чудесная квинтэссенция, которая в организме, подготовленном сердечными компрессами и куриным супом, вступает в битву с вредоносными веществами старости. Средневековый врач лелеял массу суеверий относительно действия экзотичнее экзотичного, дороже дорогих средств из наследия древнегреческой и арабской медицины. Верил в целебную силу драгоценных камней, верил в развеивающее болезни действие жемчуга, кораллов, бегемотьего зуба, слоновьего бивня, оленьего сердца и так далее. Теперь Вилланованус составил список средств страшной силы и рецепт средства, против которого не устоять никакой болезни. Пропорции смеси я опускаю, потому что очень мала вероятность, что в ком-то проснется желание составить ее.

Возьми следующее:

Золото Топаз

Корень Алоэ Белый Коралл

Сандаловое Дерево Красный Коралл

Жемчуг Опилки Слоновой Кости

Сапфир Олень Сердце

Гиацинт Амбра

Изумруд Мускус

Рубин

Все эти ценнейшие ингредиенты надо смолоть в пыль, смешать с лимонным и розмариновым маслом, подсластить сахаром и после каждой ванны принимать по половине столовой ложки.

Через короткое время действие скажется: в стареющих, усыхающих жизненных системах вселится весна, пускающая почки юности. Лечение надо повторять каждые семь лет. Кто будет добросовестно следовать этому, снова и снова обретет молодость.

Худо будет сомневающемуся, который с хитрецей задает вопрос, что же де это сам великий алхимик не испытал своего средства на самом себе, и что же это мы не видим его сегодня в качестве живого доказательства безобманной честности средневековой медицины?

Арнальдус Вилланованус наверняка совершил бы то, что от него ожидали. Но, увы, когда он плыл на паруснике из Сицилии в Геную, он потерпел кораблекрушение и погиб в море.

ПЕРВОЕ ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ

В середине XVII века пылкий Париж взлихорадила новая идея способа омоложения.

Зачем рыскать за источником юности по Бимини, когда он плещет тут, у нас на глазах. Несущая жизнь кровь, этот истинный источник силы всегда здесь: струится в жилах юности. Стало быть, его надо собирать на пользу старым, молодым еще останется в достатке.

Роберт Десгабет был первым, кто затронул идею переливания крови. Он занимался ею еще только теоретически, но через несколько лет, в 1664 году англичанин Лоуерс с успехом осуществил ее на двух собаках. Весть побудила Жана-Батиста Дени, придворного врача Людовика XIV, взяться за беспримерное по смелости предприятие: испытать эту идею на людях.

Эта операция была еще только нащупыванием пути по сравнению с великолепными результатами современной науки. Конечной целью было омоложение, тогда считали, что именно это будет достигнуто, если старую кровь выпустить из вен, на место нее закачать молодую. Никак не желавшие стареть парижанки жадно следили за ходом опытов. Один больной, худосочный, малокровный работяга вызвался, чтобы на нем проделали опыт, ему-то ведь уже все равно. Сначала доктором Дени была перелита баранья кровь, и вот — о чудо из чудес! — больной воспрял с новой силой. Вторая операция также удалась блестяще, и вот-вот было подходила очередь к настоящему эксперименту на человеке, когда третий объект, неизвестно по какой причине, умер от переливания крови. Вдова побежала в суд за возмещением ущерба и получила его, но вместе с тем приговор дальнейшие опыты запретил.

Прекрасный сон, пробуждающий надежды, рассеялся.

СУНАМИТЯНКИ

Жизнь стыла в своей зимней поре, мучимый воспоминаниями минувшей весны смертный никак не мог успокоиться, что вокруг него свежим цветом благоухает новая весна юности, а он не может извлечь из этого пользы.

Из Ветхого Завета откопали случай с царем Давидом, который Книга Царств излагает таким образом:

"Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться.

И сказали ему слуги его: пусть пойдут поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстала царю и ходила за ним, и лежала с ним, — и будет тепло господину нашему царю.

И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Авмсагу Сунамитянку, и привели ее к царю.

И девица была очень красива, и ходила она за царем, и прислуживала ему; но царь не познал ее".

Библейский текст не говорит об омоложении и совершенно очевидно содержит только то, что царя хотели освежить веселым зрелищем спящей вокруг него юности, — а кстати, по какому-то старому лекарскому поверью девицу приспособили вместо согревающей бутылки-грелки.

Но невинный текст пробудил сангвинические надежды во многих, кто постарел и одряхлел было. История Авмсаги Сунамитянки вылилась в причуду сунамитизма.

Своего расцвета он достиг в Париже в XVIII веке, когда этот век переживал последние судороги морали и потрепанные светские щеголи надеялись, что этот призрачный способ врачевания позволит им начать сначала свои похождения.

Самым подробным его хроникером был Ретиф де Ла Бретонн¹; этот необычный человек в своих еще более необычных книгах нагромоздил богатейшее собрание фактов о ночах Парижа. Под именем

мадам Жану он выводит придворную поставщицу для старых потрепанных господ. Стоимость сеанса согревания была восемнадцать франков; шесть франков из них получала девица, двенадцать мадам. Полный курс лечения длился двадцать четыре дня, вернее ночи. Службу несли три пары девиц, через восемь дней сменяя друг друга. Внимательная начальница позаботилась даже о том, чтобы одна девица была беленькая, другая темненькая. Против предприятия самый строгий судья-моралист не нашел бы что возразить, потому что девицы приглашались только безупречной репутации, невинные девицы. Согласно научной точки зрения лечение можно было доверить только таким девицам, в противоположном случае лечение скорее б повредило, чем помогло. Безопасности ради заказчик обязан был заранее сделать значительный залог; если торопил события и грешил против правил, то залог пропал.

Сунамитский подход измыслил еще один способ, как можно тлеющий фитилек жизни снова разжечь пламенем. Его надо раздуть, в самом узком смысле слова подуть на мигающий фитилек.

Томас Райнесиус (1587-1667), известный археолог, большой знаток древнеримских надписей, в книге "Sintagma inscriptionum antiquarum" ("Собрание древних надписей") приводит один необычный памятник. Его обнаружил археолог из Болоньи, которого звали Гоммар. Надпись гласит:

AESCULAPIO. ET SANITI.
L. CLODIUS. HERMIPPUS.
QUI. VIVIT. ANNOS.
CXV. DIES. V
PUELLARUM. ANHELITU
QUOD. ETIAM. POST. MORTEM.
EIUS.
NON. PA RUM. MIRANTUR. PHISICI.
JAM. POSTERI. SIC. VITAM. DUCITE.

То есть Эскулапу и Саниту поставил Л. Клодий Гермипп, который прожил 115 лет и 5 дней с помощью дыхания юных дев, и этому после смерти его даже дивились врачи. Потомки, живите так же.

Приятнее должно быть были годы, чем у Корнаро на двух яичных желтках в день. Но кто же был этот Гермипп? Где жил? Когда жил? И, что самое главное: как применял омолаживающий способ лечения?

Археологи не морочили себе голову расшифровкой секрета, их интересовало только толкование надписи.

Ответ дал врач из Мюнстера Иоганн Генрих Кохаузен в своей выдержавшей много изданий, переведенной на многие языки книге "Hermippus Redivivus" ("Возрожденный Гермипп")².

По его мнению, случай с Гермиппом совершенно достоверен. С точки зрения науки, как это подтверждается целым потоком цитат, воздух, выходящий из легких, насыщен парами тела и разнообразными атомами, производимыми кровью и прочими жидкостями тела. Известно по опыту, что дыхание больного человека отравляет, потому что несет в себе зачатки болезни. С другой стороны, если это положение верно, то верно должно быть и обратное: дыхание здорового человека содержит жизнеспособные бальзамирующие элементы, и если их вдыхает другой человек, бальзамирующие элементы, попадая в кровь, освежают ее и способствуют ее сильному обращению.

Особенно верно положение в отношении сильных, здоровых молодых девушек. По возрасту они еще не так отдалены от момента рождения, ведь именно тогда они принесли с собой на свет самый сильный дающий жизнь бальзам, который затем, позднее, с возрастом потихоньку расходуется. Итак, нет сомнения, их дыхание и испарения наполнены древним бальзамом, и этот бальзам, попадая в организм дряхлеющего человека, оживляет его медленную и вялую кровь, подстегивает ритм кровообращения.

Естественно, при этом следует придерживаться соответствующего порядка жизни и гигиены питания, потому что единственно дыхания девушек не достаточно для поддержания организма, -как ни справедливо то, чему учат герметические надписи, что в воздухе содержатся определенные питательные вещества. Так, Плиний пишет, в дальних частях Индии живет вид людей, не имеющих рта. Они не едят, не пьют, питаются исключительно воздухом, вдыхаемым через нос, запахом корней и цветов, испарениями диких яблонь. Ермолай Барбар упоминает одного римлянина, который сорок лет кряду питался одним воздухом. Олимпиодор, великий греческий неоплатоник, писал об одном человеке, который поддерживал себя без еды и питья, только благодатной силой солнечных лучей и воздуха. Но ведь каждому естествоиспытателю известно, что страус живет только воздухом единым и все же поправляется от него до трех центнеров. (Кохаузен позабыл о хамелеоне, который по старым поверьям тоже питался одним воздухом.)

Однако преувеличений следует остерегаться. Данные некоторых писателей не совсем надежны. Говорят, что можно вернуть к жизни полумертвого, если подложить под него кур. Когда больной

своим телом давит кур, выходящий из них жизненный дух (Lebensgeist Spiritus) впитывается в тело больного и воскрешает его. Тоже невероятно, что пишут о ласточках, будто они, как улетят от нас, зимуют в пещерах морского берега, и там не едят, не пьют, и все же продолжают жить до весны, потому что просовывают друг другу клювики и таким образом сообщают друг другу жизненный дух. Далее, даже если это правда, что в Испании есть люди, известные под именем Salutatores (они лечат раны дыханием), такое не имеет ничего общего с медициной и скорее может быть объяснено общением с дьяволом.

Еще много подобных цитат кишмя кишат в книге придворного врача мюнстерского епископа. Он приводит гуманиста Марсилия Фциния, великого Бэкона Веруламского и, сведя мнения разных ученых, делает вывод, что Гермипп в самом деле жил, и в самом деле 115 лет и 5 дней, и этим прекрасным результатом, без сомнения, обязан дыханию молодых девушек.

Решает он также вопрос, каким образом престарелый римлянин столько десятилетий кряду добывал желаемые порции дыхания, ведь девушки стареют, выходят замуж, другие беды настигают их. Ответ: Гермипп определенно был директором девичьего сиротского дома. В подтверждение правильности такого мнения он ссылается на Бэкона Веруламского, который в своей книге "Silva silvarum" ("Лес лесов") делает наблюдение, что обучавшие юношей греческие риторы и софисты все достигали очень преклонного возраста. Горгий, Исократ, Пифагор преподавали до ста лет, чем были обязаны только лишь жизненному духу, исходившему от юности.

Книга доктора Кохаузена имела не только литературный успех. Когда вышло ее английское издание, целый ряд лондонских врачей опробовал на своих больных систему Гермиппа. Нашлись даже такие, кто решился идти наверняка и снял квартиру в здании девичьего интерната, чтобы постоянно дышать дыханием юных леди.

Надутый девичьим дыханием мыльный пузырь лопнул.

Выяснилось, что доктор Кохаузен вовсе не имел ввиду подтверждать омолаживающее лечение Гермиппа. Он просто провел свет хорошо удавшейся научной мистификацией. По всей вероятности, епископского врача, человека ясного разума бесило множество врачебных поверий, щеголявших в научном плаще, и он избрал такую форму, чтобы устыдить зазнайство в ученых париках. Но возможно и то, что у него не было никакой особенной цели, и он придумал этот вселенский розыгрыш просто для собственного удовольствия.

Однако среди многих благоглупостей в одном месте нам навстречу зазвучал серьезный голос истины. Бэкон Веруламский высказался очень умно. Юность, красота, здоровье — если уж и не жизненный дух исходит от них, но жизнь духа, а вместе с ним и тело освежается и молодеет. Правда, это не та горячая юность, на которую рассчитывали сторонники эликсира жизни.

Я утверждаю, что крестьянский парнишка с Задунайщины или портняжка из Пешта — намного большие герои, чем задиристый средневековый рыцарь, отправлявшийся в битву закованным в сталь аж до подков своей лошади. Больше того, по части храбрости они превосходят и легендарных мифологических героев. Легко было лихачить Ахиллу, которого мать погрузила в священные воды Стикса, легко было и Зигфриду, искупавшемуся в крови дракона и ставшему неуязвимым для его "мягкотелых" соперников.

Это не благородно. Добиться победы в таких неравных условиях, конечно, можно, но нельзя после этого претендовать на венок героя.

Не будет благоприятным сравнение и в том случае, если я проанализирую боевые достоинства действовавших в давние времена солдат-наемников. Их вовсе не привлекала смерть на поле брани. Я сказал бы даже, что они боялись ее. Об этом свидетельствует множество суеверий, на которые рассчитывали господа военные, мечтавшие о том, чтобы сделать себя неуязвимыми для противников, а их собственное оружие чтобы без промаха разило врага.

ВОЛШЕБНЫЕ СРЕДСТВА НЕУЯЗВИМОСТИ

Выступивший под псевдонимом Иоганн Старициус автор в 1615 году выпустил книгу с многообещающим названием: "Таинственное сокровище героев". Книга создана на основе принципов так называемой магии. Даже серьезные ученые попадались в то время в заманчивую паутину, которой прикрывалась эта эффектная отрасль науки. Несведущая публика была без ума от нее, ибо суеверия облачались в научный наряд, и те, кто пользовался ими, могли не бояться обвинений в колдовстве. "Сокровище героев" выдержало множество изданий, свои примеры я выбирал из кельнского издания 1750 года.

Вот рекомендация, каким образом можно избежать ранения: "Найди череп повешенного или колесованного человека, который уже покрылся мхом. Запомни место, где находится череп, и оставь

его там, не дотрагиваясь до него. На следующий день походи на это место и разверни череп таким образом, чтобы с него легко было бы соскоблить мох. В следующую пятницу, до восхода солнца, вновь походи туда, соскобли мох, заверни его в платок и вшей в подкладку мундира, под левую руку. Пока ты одет в этот мундир, ты надежно защищен от пули, штыка или сабельного удара".

Другой вариант этого рецепта рекомендует непосредственно перед сражением проглотить кусочек мха размером с горошину. Один знакомый капитан доказал автору книги, что эта приятная мера предосторожности на целых 24 часа сделала его неуязвимым для врага.

Использование мха в качестве защитного средства было не бессмысленной выдумкой цыганок, оно обосновывалось на научных выкладках об эффективности проросшего на человеческом черепе мха.

Выросший на черепе мох — память о котором сохранилась только в пословицах об обомшелости — в старину пользовался в фармацевтической науке славой эффективнейшего лечебного средства. "Usnea humana" — так он официально назывался на латыни. В те времена существовало мнение, что в связи с тем, что рос он непосредственно на черепе, его можно использовать против заболевания мозга. Благодаря способности впитывать влагу он широко применялся и как средство, останавливающее кровотечение. При этом его даже не надо было накладывать на рану, считалось достаточным, если раненый зажмет мох в кулаке.

Мы знаем, что на человеческом черепе через какое-то время начинает прорастать мох. Но почему "Сокровище героев" так настаивало на применении черепа казненного человека?

По мнению магической медицины, использовать любой череп было нельзя, потому что в обычных условиях смерти предшествует болезнь, тело больного человека заражено и не может быть пригодным для лечения. Нужен человек, который скончался в полном здравии. То есть человек, которого казнили. Годился и череп человека, павшего на поле битвы, но его заполучить сложнее, потому что поля сражений не всегда имеются к услугам солдата, разыскивающего мох.

Случайно мне на глаза попало газетное объявление, сообщавшее о редком случае, когда подходящие человеческие черепа можно было приобрести на ярмарке. Мюнхенская "Ordentliche Wahentliche Postzeitungen" в 7-м номере за 1684 год опубликовала итоги Лейпцигской новогодней ярмарки. Как о курьезе газета пишет, что несколько предприимчивых коммерсантов торговали на открытом рынке хранившимися в бочках человеческими головами. Их добыли, видимо, во время боев в районе Вены. Вначале покупателей не было, хотя за одну штуку просили всего по имперскому талеру. Но потом весть о редком товаре распространилась в военных кругах, спрос на товар начал расти, цена поднялась до восьми талеров.

Эффективные защитные средства вырабатывал и животный мир.

Надо следить за поведением серн, — писал Старициус. — В охотничьих кругах известно, что в определенное время года серн пуля не берет. Это объясняется тем, что серны знают травы, делающие их неуязвимыми. Пока они пасутся в этих травах, они веселы и не знают страха, ибо знают, что ничего с ними произойти не может. Значит, все очень просто: надо найти эти травы. Да, но что это за травы, и где их можно взять? Серны не выдадут тайну. Но природа все-таки позаботилась о том, чтобы человек мог добраться до нее. В желудке серны плохо переварившаяся трава, в смеси с волосами животных, спрессовывается в шарики. Эти шарики в аптеках в старые времена были известны под названием "камень серны". Это был бедный родственник образующегося в желудке азиатского безоарового козла камня — "безоара", об эффективности которого ходили легенды.

Таким образом, охотник дожидается, пока волшебная трава отцветет, и серна вновь станет уязвимой. Тогда он добывает из ее желудка "камень серны", после чего может пользоваться волшебными свойствами всех трав.

Правила пользования: "Когда Земля оказывается во влиянии звезды Марс, надо растереть "камень серны" в порошок, выпить щепотку с мальвазийским вином, а потом бежать во всю мочь до тех пор, пока пот ручьями не побежит по телу; эту операцию надо повторить три раза, и твое тело станет неуязвимым.

ИСКУССТВО ПАССАУ

В 1611 году в Пассау у палача по имени Каспар Нойтхарт родилась блестящая идея. Он показывал не отличавшимся большой сообразительностью наемникам бумажки, на которых были начертаны различные заклятия и нарисованы волшебные знаки. Нойтхарт убедил наемников, что они будут защищены от любого оружия врага, если повесят на шею или, что еще лучше, проглотят эти бумажки.

Знаки и заклятия сами по себе не имели никакого смысла. На бумажках было написано нечто

вроде этого: "Ариос, Бейи, Глайги, Ульпке, налат насала, эри лупье".

Эти слова можно было бы написать и в обратном порядке. Но их демоническое звучание, а также таинственность, окружающая личность палача, взволновали фантазию наемников, и они поддались такому простому трюку.

За большие деньги они приобретали эти бумажки и, действительно, смело шли в бой, потому что верили, что никакое оружие не может их поразить. А если кто-то из них все-таки оставался на поле боя, пожаловаться на бесполезность амулета он уже не мог. Если же кто-то был ранен, на этот случай существовало объяснение, что враг пользовался более сильным заклятием, но амулет все же сделал свое дело, потому что рана не была смертельной.

Эта незамысловатая, но остроумная идея сделала палача богатым человеком. Более того, даже знаменитым, ибо весть о его искусстве долго жила среди наемников, вспоминаявших "Passauer Kunst", с которым впоследствии было связано множество легенд.

Позже у него появился конкурент, гарантировавший еще более надежный успех. Речь идет о так называемом талере Мансфельда.

Графское семейство Мансфельд распорядилось выбить его в честь предка — Хойера Мансфельда. Это был знаменитый герой. На свет он явился не обычным путем, а с помощью кесарева сечения, как Макдуфф, победитель Макбета. В боях ему всегда сопутствовало счастье, враг всегда бывал повержен. О себе он говорил: "Я, Хойер, который не родился и который ни разу не проиграл сражения" ("Ich, Graf Hoier, ungebohren Habnoch Heine Schlacht Verlohren").

На одной стороне выбитых во время тридцатилетней войны талеров было это изречение, на другой — изображение Святого Георгия верхом на коне. Спрос на монеты был огромен, за одну давали десять-двенадцать обычных талеров.

Образованный, умеющий читать воин был более взыскателен, чем безграмотный наемник. Он носил амулет, изготовленный алхимиками и астрологами с помощью тайных наук.

Сегодня мы уже не в состоянии разгадать смысл выбитых на амулетах заклинаний. Никто не может объяснить, почему высшая знать и полководцы использовали странное слово "Ананисапта". Возможно, оно составлено из начальных букв слов, составляющих какое-то заклинание. Не разгадан и смысл так называемой формулы Сатора. Не исключено, что она не имела никакого смысла. Применялись и чудотворные кубики, грани которых были исписаны цифрами. Как бы мы ни складывали эти цифры — по вертикали или горизонтали, их сумма всегда составляет тридцать четыре. А если сложить эти две цифры (три и четыре), то получим в сумме семь, цифру, имеющую самое большое волшебное свойство. Это были невинные глупости, которые можно сравнить с чудиками на задних стеклах современных автомобилей.

Но был и более зловещий вид заклинаний от ран. Немцы называли его Festmachen. Пользоваться им — значило вступить в дружбу с дьяволом. Газеты того времени с суеверным страхом описывали такие случаи. Один шведский солдат во время причастия не проглотил просвиру, а извлек ее изо рта и сделал из нее адский амулет. Но амулет не помог несчастному: когда его грех выяснился, ему сначала вырвали язык, а потом колесовали.

Общество медицинско-естественных наук в Германии издавало на латинском языке достаточно серьезный журнал. Его длинное латинское название обычно приводилось в сокращенном виде: "Fohemerides" ("Повседневные заметки"). Этот солидный и почтенный журнал придерживался твердого мнения, что путем контакта с дьяволом Festmachen действительно может произойти. Более того, журнал даже рекомендовал эффективное средство против него. Латинский текст описывает рекомендуемый метод с грубой откровенностью. Мы попытаемся рассказать о нем своими словами. Итак, тот, кто собирается вступить в бой с человеком, подозреваемым в I контакте с дьяволом, должен прежде всего погрузить острие своей сабли в свиной навоз. Пулю, прежде чем вбить ее в ствол, следует засунуть в рот. Точнее даже не в рот, а совсем наоборот. Двумя этими деяниями дьявол будет опозорен, от чего расвирепееет, убежит и оставит в беде своего приятеля, который станет таким же уязвимым, как и все прочие. Такова была точка зрения науки в 1691 году.

ПУЛЕНЕПРОБИВАЕМЫЕ ДОСПЕХИ

Действовать надо наверняка. Если неуязвимость вдруг подведет, опасность следует встречать в таких доспехах, перед которыми оружие врага бессильно.

В те времена не существовало никаких сомнений в том, что все, написанное классиками древности, является чистой правдой. Правда, что Вулкан сковал Ахиллу доспехи, которые были прочнее любого оружия. Более того, при одном их виде враг впадал в панику и терял всю храбрость. (Это еще одно доказательство смелости и отваги великого греческого героя. Легко ему было в таких

доспехах атаковать троянцев.

Секрет волшебных доспехов пытались разгадать многие. О них только было известно, что сделаны они из материала "Электрум"; но определить состав таинственного металла никто не мог. Наконец с объяснением выступил Парацельс¹. Любоим металл, — сказал он, — находится под знаком какой-либо звезды. Таким образом, если мы перемешаем соответствующие металлы в момент прохода нужной звезды, то получим новый металл, который несет заряд тайной силы, полученный от звезды. Новый металл Парацельс назвал "Электрум Магикум". Он представлял собой смесь золота, серебра, меди, стали, свинца, олова и ртути. Согласно рецепту, золота и серебра требовалось много, так что волшебный металл был не для бедняков.

Но и богачи не могли просто так заполучить новый металл. Посвященные изготовлению "Электрум Магикум" магические книги подчеркивают, что успех зависит от точного соблюдения сложных правил.

Первое правило: каждая мельчайшая деталь метода должна быть маргинальной, то есть воинственной, боевой. Мартиальными должны быть небо, воздух, погода, день, час, минута, место, инструмент, огонь, больше того — даже душа, нравственность, голос данного человека. Все оборудование — наковальня, молот, щипцы и меха должны быть изготовлены под соответствующей звездой. В этом отношении надо испросить совета ученого астронома. Важнейшую роль играл Марс, звезда бога войны.

Но отчего может быть воинственным огонь? Ответ прост. Огонь, родившийся от удара молнии, — единственный, которому подходит определение "мартиальный", ибо он извергается с неба с огромной разрушающей силой, под душераздирающие раскаты грома. Значит, надо ждать случая, когда молния воспламенит растущее дерево или какой-нибудь деревянный предмет. Надо перенести с него огонь, дома бережно хранить его в лампадке до тех пор, пока звезды не окажутся в положении, соответствующем изготовлению металла.

Семь металлов надо смешать при семи различных положениях звезд, что является серьезным испытанием для нервов. Но и этого не достаточно. Как я уже говорил, в мартиальном настроении должен находиться и кузнец, кующий доспехи. Надо, чтобы эта работа вырвала его из серого, будничного настроения, чтобы в нем полыхали мощные, воинственные порывы. Гарантией достижения цели послужит громогласное чтение во время работы гекзаметров о героях². Их четкий, размеренный ритм будет постоянно поддерживать в кузнице жар боевого настроя.

Успех будет совсем полным, если мы нанесем на доспехи какую-нибудь подбадривающую надпись или выьем на них какой-нибудь вдохновляющий символ, а также позаботимся и о том, чтобы ремни доспехов тоже имели магическую силу. Их надо делать из кожи гиены или волка. Оба они — мартиальные животные. Суеверное предание, оставшееся нам со времен Плиния, гласит: если эти животные увидят человека раньше, чем он их, то их взгляд лишит человека воли и парализует его. Особенно эффективна волчья кожа, если вырезать ее со спины живого волка. Этот вывод напоминает теорию "Usnea Humana". Погибшее животное вместе с искрой жизни теряет и магическую силу, значит эту силу надо извлекать из животного еще при жизни. (Эта теория оригинально используется в рецептах выигрыша судебного дела. Адвокат должен вырвать язык у живого хамелеона и положить его под свой язык, когда надо выступать с речью. Он наверняка выиграет дело. Ведь о хамелеоне известно, что он, в зависимости от ситуации, может изменять свой цвет.)

ВОЛШЕБНАЯ САБЛЯ

Сделав себя неуязвимым, надев на себя непробиваемые доспехи, наш воин может спокойно отправляться на войну. Но того, что он сам защищен, не достаточно. Надо ведь разгромить и уничтожить врага. Для этой цели существует волшебная сабля. О волшебных саблях рассказывает множество средневековых легенд. Почти не было героев, у которых на боку не висела бы все разящая, никогда не ломающаяся сабля³. Авторы этих легенд не думали о том, что лишают владельцев таких клинков, по меньшей мере, половины их воинских доблестей.

Для рождения волшебной сабли требуются ужасающие вещи. Клинок должен быть таким, которым ранее уже убивали людей. Ножны надо сделать из спицы колеса, которое уже использовалось палачом для колесования. Рукоять сабли должна быть выкована из железной цепи, которая уже использовалась при повешении. Ножны следует обтянуть вымоченным сукном — но подробности описывать я не рискую, рецепт и без того достаточно дик¹.

ЭЛИКСИР ХРАБРОСТИ И ОТВАЖНЫЙ СКАКУН

Теперь вы уже можете подумать, что с таким богатым снаряжением господин витязь без страха пойдет на врага. А вот и нет! Необходим напиток, изгоняющий остатки былой робости — эликсир храбрости. Во времена тридцатилетней войны его называли "Aqua Magnanimitatis".

Вот рецепт благородной смеси: "В середине лета ударь хлыстом по муравейнику так, чтобы муравьи от страха выработали остро пахнущую жидкость с резким вкусом. Надо взять любое количество муравьев и поместить их в колбу. Залить в колбу чистую крепкую водку, заклеить горлышко колбы и поставить ее на солнце. Держать на солнце четырнадцать дней, затем продистиллировать и в полученный таким методом спирт поместить пол-лота (около 6 граммов) корицы".

Правила пользования: Перед сражением принять половину столовой ложки зелья с хорошим вином. После этого вы почувствуете прилив воинской доблести. Это будет не минутное настроение, а рыцарский подъем, вдохновляющий на великие дела.

Спирт рекомендуется размешать с маслом, настоящим на траве "свиной", этим маслом протереть руки и саблю. Подготовленный таким образом воин легко может расправиться с 10-12 врагами, потому что от страха у них душа уйдет в пятки. Волшебное воздействие напитка объясняется мартиальным характером муравьев. Известно, как боевиты эти насекомые.

Интересно, что сказал бы венгерский витязь Иштван Ковач, если бы ему посоветовали проглотить шарик из мха, проросшего на человеческом черепе, и запить его водкой, настоянной на муравьях?

А героические дела еще не закончены.

Надо еще вселить храбрость и в боевого скакуна. Подковы и удила надо делать из металла, которым уже убили кого-нибудь. От подков конь станет храбрым, ловким, разумным и юрким, а удила сделают покорным самого неуправляемого скакуна.

Имеется средство и для того, чтобы конь не знал усталости. На уздечку надо повесить волчьи зубы, и лошадь сможет скакать без отдыха целыми днями и не будет уставать при этом.

ЛИШЕНИЯ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

Если воин неуязвим для врага, его оружие победоносно, а в душе полыхают героические страсти — этого еще не достаточно. В лагерной жизни его ждут суровые испытания: холод, жажда, голод.

От холода надо защищаться следующим образом: "Оберни ноги бумагой, натяни чулки, налей в сапоги водку и надень их на ноги". Совсем не глупая идея. Как и другая, рекомендующая солдату выливать водку не в сапоги, а в глотку. Третий метод более сложен. "Возьми полный горшок голубиного помета, сожги его до пепла, сделай щелочной раствор, помой им руки и ноги. Если замочишь в этом растворе рубаху и штаны и затем высушишь их, в течение 14 дней ты играючи перенесешь любой холод."

Против жажды: на печени четырехлетнего каплуна образуется прозрачный нарост размером с фасолину; солдат должен положить его себе под язык, после чего не будет ощущать жажду.

Против голода может помочь древнейший способ. Авл Геллий² пишет, что скифский воин, если он остается без продовольствия, широким ремнем туго затягивает живот. По представлениям скифов, живот и желудок от этого сокращаются, в желудке ничего не может вместиться. А если не может вместиться, можно даже не пытаться его заполнять. Не исключено... Во всяком случае, справедливо обратное, потому что потомки скифов ввели в поговорку, что надо распускать ремень за щедрым столом.

Этим исчерпывается серия практических советов, разработанных предусмотрительными витязями. К сожалению, они не полностью оправдывались, потому что в сражениях воины все-таки получали раны.

ЛЕЧЕНИЕ РАН И МАЗЬ ДЛЯ ОРУЖИЯ

Если оружие сломалось в ране, надо прибегнуть к заклинанию. Существует много формул, хотя церковь запрещала молитвы-заклинания как подражание старинным языческим "инкантициям", в которых обращение к Иисусу и святым заменено, собственно говоря, обращением к языческим божествам.

Рекомендация венгерской рукописи XVII века: "Прекрасная молитва для извлечения железного наконечника стрелы.

Никодем, кроткий и свято живущий человек, извлекает из рук и ног нашего короля занозы, и, как легко выходят эти занозы, так легко пусть выйдет из тебя стрела, да поможет в этом человек,

принявший за нас смерть на высоком кресте; это повтори три раза подряд, в третий раз возьми безымянными пальцами стрелу и вытаскивай ее".

Не будем удивляться смиренным верующим. Если их вера и смахивала на язычество, то их наивность служит им оправданием. Но что оправдывает ошибку медицинской науки XVII века, которая нашла рецепт и применение знаменитой и популярной мази для оружия.

Для этого удивительного средства необходимы были и потрясающие компоненты: "Возьми нутряное сало дикого кабана и домашнего кабана, жир медведя-самца. Каждого - по полфунта. Набери побольше земляных червей, закрой их в горшок, сожги червей до сухого пепла. Возьми три раза по половине яичной скорлупы этого пепла, добавь к нему растертый мох с человеческого черепа (количеством с четыре грецких ореха), череп должен принадлежать повешенному или колесованному человеку. Возьми еще четыре лата рубина и шесть латов мелких опилок сандалового дерева. Перемешай все это с жиром, добавь немного вина — и ты получишь Unguentum Armarium, благородную мазь для оружия.

Страшно подумать, что эту отвратительную бурду намазывали на рану. Скажу, чтобы вас успокоить: ее намазывали не на рану, а на оружие.

Вот именно. Этой смесью надо было смазать оружие, которым была нанесена рана. При условии, что его можно было найти. Если оно не находилось, надо было искать замену, о чем пойдет речь ниже.

Необходимо было точно определить, на какую глубину это оружие вошло в рану. Погрузившуюся в рану часть оружия — согласно наставлению — следует намазать мазью, причем различными способами, в зависимости от того, рубящее или колющее это оружие. В первом случае мазать надо в направлении заточенной части клинка, иначе рана затянется снаружи, но останется открытой внутри. Колющее оружие надо мазать в направлении острия, снизу вверх.

Следующий этап обработки: намазанное оружие надо завернуть в чистую материю и хранить в теплом помещении, защищенном от сквозняков. Если оружие окажется подверженным резкому изменению температуры или сквозняку, рана немедленно почувствует это. Повязку надо менять каждый день, как мы меняли бы повязку на самой ране.

Начинает проявляться смысл научной бессмыслицы. Станный метод представляет собой не что иное, как применение так называемого симпатического способа лечения.

Согласно симпатической теории, отношения людей, животных, растений, вообще всех составляющих частей вселенной определяются симпатией или антипатией. Оставшаяся на оружии кровь по своему составу полностью идентична крови, оставшейся в ране, т.е. находится с нею в симпатическом контакте. И таким же таинственным образом, как магнит притягивает железо, рана притягивает к себе таинственную лечебную силу веществ, составляющих мазь для оружия. Таким образом, достаточно, если мы будем лечить только кровь, оставшуюся на оружии; раненый выздоровеет даже на расстоянии в сорок миль.

Это достаточно таинственно. Но научная общественность считала настолько бесспорной симпатическую теорию, что в случае заболевания, например, по качеству находящейся отдельно крови определяли состояние больного. Надо взять кровь у больного, — говорили они, — поместить кровь в стеклянную посуду, и в силу эффекта симпатии находящаяся в этой посуде кровь покажет изменения в крови больного: она останется чистой, если больной выздоравливает, и мутной, если болезнь развивается.

Если оружие, которым нанесена рана, найти невозможно, кусочком древесины следует поковырять рану так, чтобы из нее выступила кровь. После этого мазью следует намазать этот кусочек древесины. Сам больной во время лечения ничего делать не должен: надо содержать рану в чистоте и соблюдать диету.

И сейчас следует самое интересное. Доказано, что в результате применения мази для оружия значительная часть больных выздоровела, в то время как огромная часть больных, которых врачи лечили другими методами, умерла!

В чем же ключ этой тайны?

Вместо длинного медицинского трактата я приведу здесь только один рецепт из круга необычайных методов лечения, известных под названием "Копрофармация" (Фекальная фармация)¹.

"Если кровотечение очень сильно, приготовь из тмина, драконовой крови (смолы драконового дерева) и алоэ, а также сушеного конского навоза порошок и посыпь его на рану. Хорошего эффекта можно ждать и от порошка из конского навоза, смешанного с уксусом. Повязка может быть сделана и из гусяного помета, растворенного в крепком уксусе."

Чтобы еще более гарантировать успех, врач выписывал больному и качественный напиток. Album graecum надо было растворить в пиве, проварить раствор и из полученного настоя по утрам давать раненому две столовых ложки. Это средство, по крайней мере, не трудно было составить, ведь носящий столь звучное имя album graecum был под рукой в каждом доме, где держали собаку...

Таким образом, понятно, что лечимые мазью для оружия больные выздоравливали, потому что ни один врач не касался их ран. И природа, когда ей никто не мешал, выполняла свою лечебную функцию.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ДОКТОРА ФЕРЕНЦА

В истории венгерского воина никаких данных об этих многочисленных советах я не нашел.

Точнее, на один такой совет я все-таки натолкнулся. Второй номер "Национального Собеседника" за 1838 год знакомит читателя с изобретением придворного врача Жигмонда Батори, доктора Ференца, — средством против пулевых ран.

Доктор Ференц был известным врачом. Сам владыка высоко ценил его искусство и всегда держал возле себя. В 1595 году Батори пошел войной против турок и привел свою армию в Валахию. Доктор Ференц должен был отправиться с армией, что совсем не нравилось миролюбивому ученому, испытывавшему отвращение к военным приключениям. Поэтому он по секрету сообщил нескольким придворным, что он "...знает такое средство, которое позволяет людям не бояться никакого оружия, даже ружейных пуль и орудийных снарядов".

Новость, естественно, дошла и до Батори и привлекла его внимание. Доктор Ференц очень учен, вдруг здесь действительно что-то есть? Попытка не повредит. Он приказал, чтобы доктор изготовил свое средство. Господин Ференц согласился. Но ему надо для этого вернуться в Брашов, — заявил он. — Там осталась его медицинская шкатулка со всеми необходимыми средствами.

Владыка в сопровождении охраны направил господина Ференца в Брашов и ждал результата. Весть от доктора поступила неожиданно быстро. "Национальный Собеседник" так излагает: "В своей шкатулке он нашел такое средство, при котором каждый, кто хотел остаться невредимым от сабельных ударов и орудийных снарядов в Валахии, должен остаться в Брашове. И так как он считает это самым надежным средством, он остается в Брашове, где будет дожидаться конца войны; при этом он заявляет, что и владыке, и всем другим, кто хочет спастись от опасностей войны, надо последовать его примеру". Ответ Батори до нас не дошел.

ПОД ФРОНТИСПИС

Заслуживает ли осел, чтобы его называли ослом? Ведь у древних он пользовался большим уважением, о чем подробно рассказывает известный геттингенский гуманист Й. М. Геснер в своем трактате "De antiqua bonestate asinorum" ("Об уважении к ослам в древности"). Осел был символом храбрости и неустрашимости. Гомер сравнивал Аякса с ослом. Арабы наградили халифа Мервана званием "осел", потому что он не знал страха в сражениях.

Ученые времен барокко любили шлифовать свой стиль в игривых формулировках. Среди многочисленных ересиологов (панегириков) мы находим и восхваление ослов. Популярный в свое время сборник Дорнавиуса¹ знакомит читателя с трактатом, восхваляющим ослов. "Des Esels Adel" ("Благородство осла") — в трактате под таким названием автор, подкрепляя свои мысли научными доводами, рассуждает о том, что нельзя принижать славное животное даже по той причине, что оно приносит много пользы. Мы не знаем, какие замечательные мысли сыпет осел, когда задумывается в тишине, но вот то, что сыпется из него в прямом смысле, в форме лекарства служит человечеству. Это надо высушить, растереть в порошок, развести в вине и дать несколько глотков такого облагороженного напитка кровоточащему больному. Кровотечение сразу останавливается. Тот же продукт рекомендуется и бездетным супружеским парам. Но не в растворенном виде, а в естественном виде, прожаренным — так утверждает школа Салерно. И вообще оскорбительно обвинять ослов в глупости, когда именно они снабжают людей наиболее эффективным лекарством от полной потери рассудка. Из толстого фолианта "Musaeum Musaeorum" ("Музей музеев"), выпущенного в 1707 году на основании коллекции материалов гессенского врача и естествоведа М. Б. Валентина, мы знаем, что среди медикаментов старых аптек занимала место и ослиная кровь. Ослу делали надрез непосредственно за ухом, т.е. недалеко от мозга. Кровью пропитывали длинные узкие полотняные полосы, а потом в скрученном состоянии хранили их в ящиках в аптеке. Кусочек полотна бросали в воду и, когда кровь вымывалась из него, обладающей лечебными свойствами жидкостью три дня поили больного. Как рассказывают, даже разум буйных помешанных начинал действовать после этого.

К достоинствам осла относится и то, что он чувствует перемену погоды. Если к нему приходит хорошее настроение и он начинает кататься в пыли, будет хорошая погода. Если он грустит и поднимает вверх уши, погода испортится. Людовик XI был недоволен предсказаниями своих астрономов и прогнал их всех. Вместо них он распорядился привести осла, назначив его придворным

астрономом. И осел умел не меньше своих предшественников¹.

Если уж речь зашла о предсказаниях по звездам, хочу вспомнить книжечку великого голландского ученого Даниэля Хейнсиуса ("Caus Asini" — "Восхваление осла", Типография Элзеvir, 1629). Написанный в шутовском ключе в защиту ослов труд отмечает несправедливость того, что происходит с ослом уже в минуту его рождения. Он рождается под той же звездой, что и человек, который родился в ту же минуту, но осел станет только животным для перевозки тяжестей, а человек станет каким-нибудь солидным чиновником.

Правда, что касается перевозки тяжестей, все мы тащим на себе груз нашей жизни и наших грехов. Гашпар Мишкольци в своей цитируемой книге ("Прекрасный дикий сад", 1769) ссылается на преддрождественскую проповедь германского придворного проповедника, согласно которой:

"Ее слушатели представляют собой Ослов, приученных к тяжестим, как те, кто несет на себе багаж различного зла. Высшие сословия — еще большие Ослы, так как на них лежит намного больший и весомый груз заботы об обществе, чем на простонародье. Но наш Милосердный Владыка Господь Бог — Осел больше всех иных, ибо вынужден нести на себе груз всех нас".

Но только чтобы эти несущие груз лидеры не вели себя так, как знаменитый осел из Паннонхалмы. Это действительно случай; в его достоверности ручается Ференц Казинци, который сам был свидетелем случившегося. Каждый осел нес два бурдюка, которые заполнялись водой внизу — в деревне, у колодца. Караван ослов выстраивался в длинную очередь за водой; тех ослов, бурдюки у которых заполнялись, погонщики отгоняли в отдельную группу. Мудрый осел после долгого наблюдения сделал нужные выводы и, прежде чем очередь доходила до него, переходил в группу с полными бурдюками. Таким образом, когда остальные рвали жилы под тяжелым грузом, он легко, как пушинка поднимался в гору. Да, но наверху, где воду выливали из бурдюков, его мошенничество должно было выявиться. Осел и на этот случай разработал стратегический план. Он обратил внимание, что здесь в отдельную группу отгоняли ослов с уже опустевшими бурдюками. Поэтому он дождался, пока общество не разобьется на две примерно равные группы, и потихонечку перебирался к тем, кто остался без ноши. Но разум есть не только у ослов. Погонщики разоблачили хитроумного длинноухого. Но наказывать его не стали, монахи заступились за него и каждый день от души веселились, наблюдая, как хитрое животное точно осуществляет свой стратегический план. Случай этот стал общеизвестен, многие приезжали туда только для того, чтобы увидеть чудо. Когда Казинци был в гостях в Паннонхалме, он тоже был свидетелем этого.

Притча о буридановом осле, по справедливости, была бы хороша для того, чтобы ударить по тому, кто ее придумал. Господин ректор парижского университета Буридан в XIV веке мог бы придумать для своей аллегии более пригодную личность, чем осел. Известно, что тогдашняя схоластика ломала голову над многими тезисами. Одним из них был вопрос о свободной воле. "Если осла хорошо помучить голодом и жаждой, а потом поместить на равном расстоянии от него стожок сена и ведро воды, осел должен решить, утолить ли ему голод или жажду. Как он поступит?" Возможны два ответа:

1. Осел не сможет принять решение и останется на месте. "И тогда он сдохнет", — отвечал Буридан. 2. Осел примет решение и направится или к стожку, или к ведру. "Но тогда, значит, свободная воля существует", — победно звучала реплика. Поучительный смысл этой остроумной притчи с веками забылся, и в наши дни ее используют только для того, чтобы охарактеризовать человека, который не может принять решение. Это несправедливо, потому что настоящий осел наверняка нашел бы более разумное третье решение, отличающееся от схоластических размышлений.

По ассоциации мне вспоминается эпизод университетской жизни давних времен.

ОСЕЛ, ВОЗВЕДЕННЫЙ В ДОКТОРСКУЮ СТЕПЕНЬ

Это произошло в Авиньоне в последний день масленицы 1647 года. По улицам города прошла странная процессия. Шесть ослов тянули украшенную коляску, в которой сидел седьмой. Не маска, не символ, как буриданов осел, а настоящий четырехногий длинноухий осел. Его морду украшали огромные очки, перед ним стояла подставка для книг с крупным научным томом на ней. По обеим сторонам от животного сидели два студента; один из них изображал Платона, другой — Аристотеля. За упряжкой следовала тысячная толпа. На центральной площади осел был торжественно возведен в докторскую степень, при этом были соблюдены все нюансы принятой церемонии. На празднике присутствовали отцы города, многочисленная знать, герцоги и графы.

В чем смысл сыгранной на масленицу комедии? Было ли ее целью высмеять возведенных по милости князя в докторскую степень людей, освобожденных от экзаменов *doctores bullati*? Или шумиха была направлена против безграмотных студентов? То, что организовали церемонию сами

студенты, сомнений не вызывает. Но хохочущий хор, звучащий во время праздника, был, наверное, не слишком приятен для слуха преподавателей. Как бы ни воспринимали они дурачившийся парад, он был резкой сатирой на хозяев университета.

Вопрос: студентов в старину кормили питательным хлебом науки или им бросали колючий репейник? Мы отдаем должное людям исключительного разума, но средний преподаватель не мог излучать свет из темноты своего мозга. В своей книге, представляющей достопримечательности Вены, Й. Б. Кюхельбеккер подробно рассказывает и об университете¹. Этот древний предшественник бедкеровских путеводителей рисовал грустную картину того, как изучают в Вене науки. Филология поклонялась "Святому Аристотелю" и ни на шаг не отходила от него. На факультете права тянули свою давно устаревшую песню никчемные правоведы, не терпевшие никаких нововведений. На медицинском факультете преподавались такие невероятные истории и теории, что каждый здравомыслящий человек должен был бы стыдиться этого. В этом причина того, что более состоятельные студенты уезжали в Лейденский университет и там пополняли запас своих знаний.

Доказательством тому, что "Святой Аристотель" из Вены заехал и в Пешт, служат те бесплодные мелочные проблемы, которыми старательно занимались на филологическом факультете Пештского университета². Например:

Предпочтительнее ли для философа жить на своей родине или за ее пределами?

Благородный человек может лучше послужить своей родине воинскими доблестями или знанием права?

Что полезнее для человечества: воздух или огонь?

Волк больше радуется при виде овцы, или овца пугается больше при виде волка?

Формализм Аристотеля подобным же образом пропитал и германскую теологию. Не удивительно, что Вайслингер, знаменитый автор "Friss Vogel oder stirb" ("Жри, птица, или умри") в раздражении задал каверзный вопрос:

Если старуха родит майского жука, и тот после четырехдневной лихорадки сдохнет, можно ли произносить над ним надгробную речь?

ГАЛЕН И АВИНЬОНСКИЙ ОСЕЛ

Не только философ Аристотель препятствовал прогрессу науки. Для таких же подножек использовали свой авторитет отцы медицинской науки того времени. Здесь, в истории медицинской кафедры, мы встречаемся с чудеснейшими проявлениями человеческого разума: из запертой на семь засовов тюрьмы человеческой глупости разум был способен не только вырваться, но и подняться до высот современной медицинской науки.

Старые профессора старого университета объясняли старые труды старых авторитетов. Позже из этих объяснений делались выдержки — так называемые суммы, к суммам добавлялись глоссы, глоссы сопровождалась комментариями. Случалось, что не делалось и это, и все преподавание сводилось к чтению текстов. Великий анатом Весалий (1514-1564) так вспоминает свои университетские годы:

"Профессор Сильвий начал читать книги Галена о деятельности человеческих органов. Когда он дошел до середины первой книги, то остановился и сказал, что то, о чем речь пойдет после этого, очень сложный вопрос, студенты все равно не поймут его, так что продолжение чтения будет только напрасной потерей времени. После чего он сразу перескочил к десятой книге и без остановок прочитал десять глав. На последующих лекциях он делал то же самое, прыгал от одной главы к другой и за шесть дней завершил чтение. При этом он не поделился ни одной каплей собственной мудрости, полностью положившись на Галена. Об анатомировании не было и речи. В аудиторию принесли несколько частей трупа собаки, но студенты даже до них не могли дотронуться, только профессор показывал что-то. За три дня с анатомией было покончено".

Схоластика помогала сделать науку еще безрезультатнее. Известный падуанский профессор Пьетро д'Абано (1250-1316) занимался разбирательством таких вопросов: Череп создан для мозга или для глаз? Отличается ли сила, вызывающая рост, от питательной силы? Рост вызывается формальными или материальными сторонами? Является ли холод существенным производением природы или только побочным?

Перед возведением в докторскую степень студент должен был написать диссертацию по какому-либо медицинскому вопросу. Это были так называемые "тезисы". Тезисы обсуждались — иногда по полдня — под председательством ученых профессоров. По каким научным проблемам текли эти дискуссии? Ответ на это дает образец, составленный А. Франклином по дневниковым заметкам парижского факультета¹.

Estne foetus matriquam patri similior? (На кого больше похож зародыш: на мать или на отца?)

An aeris quam cibiet potus major necessitas? (Более важен ли воздух, чем еда и питье?)

An insanienti amore virgini venae sectio? (Можно ли вскрывать вену девушке, которая потеряла рассудок от любви?)

An ex solo pane et aqua vita salubrior? (Полезно ли для здоровья жить на хлебе и воде?)

An formosae fecundiores? (Более плодовиты ли красивые женщины?)

An ex salacitate calvities? (Приводит ли разврат к полусению?)

Estne foemina viro salacior? (Кто развратнее: женщина или мужчина?)

An casti rarius aegrotant, facilius curantur? (Реже ли заболевают и быстрее ли выздоравливают мужчины, ведущие порядочный образ жизни?)

An singulis mensibus repetita semel ebrietas salubris? (Полезно ли для здоровья раз в месяц напиваться допьяна?)

Estne foemina opus naturae imperfectum? (Является ли женщина менее удачным творением природы?)

АТАКА НА БОЛЬНОГО

В мою задачу не входит детально показать внутреннюю структуру университетских фабрик по подготовке врачей. Для этого потребовалось бы больше места, чем то, которым я располагаю. Да к тому же мне кажется, что мое мнение не может быть определяющим. Лучше я спрячусь за мнение отдельных авторитетов.

О вышедшем с фабрики и навязанном человечеству враче Мольер сказал устами Беральда в "Мнимом больном": "Послушай их, когда они разговаривают: мудрейшие мужи мира. Посмотри на них, когда они действуют: самые безграмотные из всех людей".

На это можно ответить, что не каждое слово автора комедии можно принимать за чистую монету. Сошлемся на Бурхаве² (1668 — 1738), крупнейшего медика своего времени, который пользовался известностью и на других континентах. Однажды к нему обратился за советом китайский мандарин, который направил свое послание по следующему адресу: господину Бурхаве, врачу в Европе. И письмо безошибочно прибыло в Лейден. Этот большой человек с глубоким мышлением, который сделал всемирно известным Лейденский университет, к каждому слову которого жадно прислушивались студенты, лаконично изложил свое мнение о предшественниках в одной фразе:

"Если то небольшое добро, которым человечество обязано полдюжине настоящих врачей по призванию, сравнить со всем злом, творимым безбрежной массой остальных врачей, у нас не останется ни капли сомнения, что было бы намного предпочтительнее, если бы в мире никогда не было врачей".

Арнальдус Вилланова, известный врач XIV века, в своих трудах предупреждает своих учеников, что в присутствии больного никогда нельзя колебаться. "Представим себе, что вы не в состоянии разобраться в болезни клиента. В этом случае надо решительно заявить, что у больного увеличена печень. И хотя клиент будет утверждать, что у него болит не печень, а голова или другая часть тела, продолжайте убеждать его, что причина заболевания таится в печени. Лучше всего, если увеличение вы выразите термином *opilatio*. Больной его не поймет, и это важно, чтобы он не понял"¹.

Откровенное высказывание. Но ведь может попасться такой больной, который знаком с этим трюком и пригласит на консультацию нескольких врачей. Все напрасно, это ему не поможет. Мастерски изображавший парижские нравы Луи Себастьян Мерсье успокаивал беспокоившихся за свою жизнь тяжелых больных следующим образом:

"Все больные в Париже распределены между определенным количеством врачей. Если кто-то из врачей допустит роковую ошибку, остальные промолчат, больше того, даже подтвердят правильность принятого решения. Ни один из них не скажет ни слова о предписаниях коллеги, и больной может скончаться на глазах у десятка врачей, которые прекрасно знают, что надо сделать, но по велению духа коллегиальности позволяют сотоварищу завершить планомерное убийство"².

Мы знаем, что француз ради красного словца готов высмеять самого себя. В компании парижских врачей зашел спор о воскрешении библейского Лазаря. Когда все высказывали свое мнение, доктор Пирак негромко молвил: "Если бы он умер от моей руки..."

ТРИ ЛИЦА ВРАЧА

Старая пословица гласила о враче того времени, что у него три лица: лицо порядочного человека в повседневной жизни, лик ангела у постели больного и лик дьявола, когда он просит свой гонорар. Правоведы дразнили их *trifontes*

-трехликими.

Чтобы меня не обвинили в предвзятости, по вопросу о третьем лице я передам слово врачам.

Указания салернской школы распространяются и на то, чего должен придерживаться врач в отношении финансовой стороны лечения больных³. Прежде всего он должен быть одет в шикарный костюм, быть верхом на лошади, причем конь должен быть в богатой упряжи, потому что такой блестящий внешний вид уже сам по себе позволяет просить более высокий гонорар. В присутствии больного надо сохранять оптимистическое выражение лица, но родственникам следует сообщить, что случай тяжелый. Этим добивается двойной эффект: если больной выздоровеет, можно просить большой гонорар, в случае же его кончины ответственность не так велика.

Может случиться, что врач не видит необходимости в применении каких-либо лекарственных средств. В этом случае также надо прописать лекарство, чтобы больной не решил, что выздоровел он сам по себе.

Золотое правило: *exige dum dolor est*. Проси деньги, пока больной страдает. И все же, что делать, если врач пропустил благоприятный момент, и больной не платит? Совет магистра Салернуса готов: пациента следует вновь сделать больным. Для этого есть много способов; самое простое, если врач под предлогом дополнительного курса лечения пропишет диету и вместо соли подмешает в пищу квасцы. Больной должен знать, что его здоровье зависит от врача.

Таким образом, больной в старину мог поразмыслить, что ему делать, если злой рок отдал его в руки врача? Я сошлюсь на еще один случай из практики Бурхаве. Может быть, это только анекдот; может быть, это действительный случай, но произошел он не с Бурхаве, а с кем-то другим, а имя Бурхаве использовали для того, чтобы придать анекдоту значимость. Словом, после кончины гиганта медицинской науки вместе с завещанием был обнаружен запечатанный конверт. Решили, что в нем сосредоточено все искусство врача, секрет чудесных излечений. Конверт вскрыли. В нем был лист бумаги со следующим текстом: "Держи голову в холоде, желудок в голоде, ноги в тепле — и плюй на врачей".

Человек ненасытен. Он не удовлетворяется тем, что у него есть, ему всегда надо больше. Кого природа наградила благотворной глупостью, освобожден от труда мыслить, защищен от назойливых сомнений. И ему еще мало этого. Он развивает, увеличивает свою глупость и оказывается в положении капиталиста в случае инфляции: капитал становится больше, а стоит еще меньше.

Самый популярный инструмент разжижения мозга — выпивка.

Боже упаси, чтобы я сказал хоть слово против вина, выпивок, опорожненных стаканов. До тех пор, пока это не переходит в пьянство, оно не шокирует даже человека, пьющего только воду. Шандор Петефи в абсолютно трезвом состоянии писал свои гимны вину. "Да неужто это пятый был стакан? Ты сегодня рановато, братец, пьян."

Мы должны знать, какова была вместимость старого дебреценского стакана, чтобы достойно оценить продукцию. В отношении знаменитых венгерских пьянок до нас дошли сообщения, не содержащие точных данных о количестве выпитых напитков. Даже Петер Апор¹ тоже не детализировал, когда рассказывал о пьянках господ из Трансильвании: "Двумя руками поднимали они красные кувшины с вином, двумя руками ставили эти кувшины на стол, двумя руками подносили кувшин ко рту и выпивали вино, что очень им было по вкусу". Он писал также, что иногда за здоровье хозяина поднимались трехэтелевые кувшины. Один этель равен приблизительно 0.8 литра, так что, если гость вливал в себя содержимое такого кувшина, он промачивал горло 2.4 литра вина. Это, конечно, героический поступок, но если мы полистаем зарубежные хроники, мы сможем найти точные данные о намного более обильном смачивании горла.

Рекорд древнего Рима — 3 конга, т. е. 9,825 литра (1 конг - 3,275 литра). И не по частям, а одним приемом, не отрываясь. Этот головокружительный результат родился за столом императора Тиберия. Император и сам был известным пьянчужой. Его солдаты довольно неуважительно переименовали его имя. Вместо Тиберий Клавдий Нерон они использовали прозвище Биберий Калдий Мерон (Биберий — пьяница, Калдий - разгоряченный вином, Мерон — тот, кто пьет вино, не разбавляя его). До него дошла весть, что в Медиолануме живет большой любитель вина по имени Новеллий Торкват. Он знаменит тем, что какую бы посуду не наполнили ему доверху вином, он способен выпить все вино одним махом. Его пригласили в Рим. Во время пира император распорядился залить в огромный кубок три конга вина и произнес здравицу в честь "винохлеба". После чего ждал, чем кончится дело. А кончилось оно тем, что герой пира одним махом, не сделав ни одного выражающего протест жеста, влил в себя это море вина. Награда не заставила себя ждать, император назначил талантливого человека проконсулом. В общественной жизни он был известен под именем Триконгий, что соответствует нашему прозвищу "Десятилитровый".

Вы можете подумать, что перекрыть этот рекорд невозможно. Но ошибаетесь. Мы знаем еще более выдающееся достижение. Правда, рекорд был установлен не на пиру, а там, где и устанавливаются обычно рекорды: в состязаниях мастеров выпивки. Мы знаем, что у Александра

Македонского были две страсти: завоевывать страны и пить допьяна. Ходили слухи, что он и умер от того, что из простого бахвальства заглотнул содержимое двухконгового кубка, от чего резко сник, опрокинулся на спину на подушки и больше уже не поднялся. Был у него старый философ, брамин Каланос. Тот, когда с возрастом и от болезней ослаб, не захотел жить дальше и выбрал добровольную смерть. Он сложил костер по индусскому обычаю и сжег себя заживо. Александр, по греческому обычаю, в рамках поминального пиршества устроил состязания, в том числе и конкурс мастеров выпивки. Первым призом был один серебряный талант. О результате мы узнаем из Плутарха. Состязание было упорным, тридцать пять человек выпили столько, что сразу здесь же и умерли. Еще шестеро пали смертью героев спустя несколько дней. Приз завоевал победитель по имени Промах, заливший в себя 4 конга, т. е. ровно 13 литров вина.

Эти несколько цифр я назвал только для того, чтобы кратко проинформировать вас, на что способна человеческая глотка. Собственно говоря, к моей теме относится не количество выпивки, а те пары, которые исходят из нее и затуманивают, ослабляют и разжижают мозг. Обзорная история разжижения мозга еще не написана. Можно было бы подробно порассуждать о сосудах для питья, обычаях, видах напитков, роли питья в жизни отдельных народов и т. д.

Для описания всего этого нужен более высокий талант, такой, который двумя руками возьмет кувшин науки и будет пить из него. Я осмеливаюсь только на то, чтобы в порядке дегустации сделать несколько глотков из того винного потопа, который со времени Ноя залил мир.

Что скрывать, к нашим предкам тоже относится то, что выразил когда-то студент: "Я всегда говорил, чтобы они не пили, и все-таки мы всегда пили".

В чем могла быть причина? Может быть, плохую колодезную воду они заменяли более благородным напитком? Или следовали старинному совету медицинской науки, согласно которому в вине скрыта значительная излечивающая сила и регулярное ежемесячное опьянение способствует полному обновлению организма? А особенно беспокоившиеся за свое здоровье мужи прибегали к операции обновления и ежедневно. Или просто и кратко: хотелось захмелеть, выпивка была приятна.

Пьянство не считалось постыдным; при условии, что опьянение проходило по правилам. Для выпивки существовали специальные правила. Всеобщим был древний ритуал выпивки: здравица. Пили за все, что можно только представить: здоровье друг друга, в память о покойниках, за благополучие дома, за гибель врагов. Михай Черей¹ порицает эту незавидную привычку, объясняя даже успех турецкого нашествия неумеренным питьем.

"Бедный венгр пил до тех пор, — пишет он, — пока ведущий трезвенный образ жизни нечестивый турок захватил нашу бедную страну и напоил нас нашей собственной кровью, а мы ничему не научились и, поднимая стаканы и произнося здравицы, хотим разгромить турецкое войско. Как справедливо заметил Петер Пазмань², столько вина до сих пор выпили венгры за погибель турков, что если это вино слить в глубокую долину и поместить в ней лагерь турецкого султана, турки не смогли бы выбраться оттуда и захлебнулись бы в этом вине. Вино венгры уже и грехом не считают. Если кто-то произнесет здравицу за твое здоровье, а ты не выпьешь этот стакан, ты наживешь себе смертельного врага, над тобой будут издеваться, тебя будут унижать и даже прогонять из-за стола".

Хотя если выпитое венграми вино могло бы заполнить глубокую долину, то о многих европейских народах можно было бы сказать, что выпитый ими алкоголь по количеству мог бы напоить Сахару.

ОТ ТОСТА ДО "ПЕЙ ДО ДНА"

Я должен остановиться на тосте. Тост, как и другие правила застолья, ярко показывает ход мысли пьяницы. Он и сам прекрасно понимает, что пьянство оглуляет его до уровня четвероногого животного, поэтому ищет оправдания. Поэтому так много придумано застольных церемоний — от тоста до правил, заключенных в систему *Jus rotandi* (питьевое право). Он напивается не ради утоления собственного желания захмелеть, он только вынужден подчиняться правилам. Зачем он идет туда, где действуют такие правила, об этом он молчит.

Но не молчит так называемая бичующая литература, как это мы видели на высказываниях Михая Черей. С равным возмущением выступают по этому вопросу протестант Гашпар Хелтаи¹ и католик Янош Таксоньи². А в немецкой литературе я обнаружил протест сразу тридцати семи писателей, собранный в книге XVIII века. Все они нападают на отравляющие души и оглуляющие традиции *Zutrincken*³. Франк Себастьян, автор первой всемирной истории на немецком языке, на небольшое время оставил свой гигантский труд, чтобы бичем злости отхлестать вредоносную моду *Zutrincken*. Эта книжечка его выдержала десять изданий⁴.

В Англии против тостов выступил, в частности, такой стойкий пуританин, как Вильям Прайн.

Известное под названием "pledging" правило застолья он назвал грехом, недостойным христианина. "Грех, действительно, грех", — признали англичане и продолжали пить.

Pledge по-английски означает гарантия, мера предосторожности. Какое это имеет отношение к тосту? Вот объяснение:

Английский король Эдуард II был из ревности убит мачехой. Ему вонзили в спину кинжал во время выпивки. Человек в старину во время питья был совершенно беззащитен, потому что двумя руками держал огромный бокал и лил себе в глотку вино так долго, что за это время его могли зарезать и не один раз. С тех пор сложился обычай pledging. Собирающийся выпить обращался к одному из соседей по столу, не хочет ли он выпить с ним бокал безопасности? Тот, естественно, отвечал согласием, становился за спину произносящего тост и держал над его головой обнаженную саблю до тех пор, пока тот пил. Это был символ дружеской услуги: охранять безопасность друга, пока тот находится в незащищенном состоянии. Потом, естественно, оказывалась встречная услуга.

"Pledging" давно стал отжившей модой, а вот тост жив и сегодня. Что такое тост (toast), мы знаем. Это ломоть поджаренного хлеба. Но почему это английское слово означает здравицу за бокалом вина, этого не знают достоверно и в самой Англии.

Согласно одной из версий, на дно винного бокала было принято бросать ломоть поджаренного хлеба, а уже на него наливать питье. Бокал во время произношения здравиц ходил по кругу, из него все пили по очереди один глоток, и когда бокал возвращался к хозяину, он выпивал остаток питья и съедал жаренный хлеб — тост.

Другие ищут происхождение слова в анекдоте, родившемся во времена короля Карла II. Случилось так, что одна из придворных дам, связанная нежными чувствами с королем, приняла ванну. Это не было бы само по себе событием, достойным упоминания, хотя в то время купание не причисляли к кругу дел первой необходимости. Купание, о котором идет речь, произошло в городе Бат, известном своими лечебными водами. Во время первого же после этого случая обеда при дворе один находчивый кавалер произнес здравицу в честь вышеупомянутой дамы. Но не вином, а той водой, в которой искупалась фаворитка. Идея была поддержана, кубок прошел по кругу, и вельможи с энтузиазмом глотали облагороженную таким образом минеральную воду. Но самый последний из джентльменов отклонил кубок, заявив: питье его не интересует, он с удовольствием попробовал бы сам тост.

Из этого анекдота можно сделать вывод, что с того времени плавающий в вине кусок хлеба символизировал придворную даму, в честь которой произносилась здравица, а в переносном смысле — саму здравицу.

Легче выяснить обстоятельства рождения правила "пить до дна", которое носит название "пить до ногтя". В Венгрии тоже существует выражение "пить до ногтя". На след наводит его первоначальное латинское наименование: *supernaculum*. В древнем Риме пьющий должен был опустошить бокал до последней капли. До последней капли в полном смысле этого слова, потому что в бокале нельзя было оставить больше одной капли питья. Проверялось это таким образом: выпив содержимое, надо было перевернуть бокал вверх дном и подставить под него ноготь мизинца левой руки. Если последняя оставшаяся в бокале капля падала на ноготь и не скатывалась с него, это служило доказательством, что содержимое бокала честно выпито до дна. Если же остаток скатывался с ногтя, согласно правилу надо было выпить еще один бокал. Не надо говорить, что наказание давалось по благу, популярный обычай "пить до ногтя" пережил всемирное господство Рима и пустил корни и в британской и в мировой литературе.

КАК ПЬЕТ СТУДЕНТ?

Случайные правила питья бледнеют в сравнении с яркими лучами Системы, которые проникали во все уголки, где лилось вино. Был один слой общества, который поглощал вино в размерах, недоступных другим слоям. Это студенты. Они не просто пили очень много, но, как это и подобает сведущей в науках молодежи, объединили правила питья в систему. Это была уже упомянутая выше *Jus rotandi*, т. е. Церемониал Пития¹, в котором были собраны воедино имеющие обязательную силу сборники правил питья различных студенческих объединений, так называемые "Komment-Buch".

Из него мы узнаем, что на опустошение бокала распространялось действие двух систем: частичной и тотальной, т. е. частичной и полной. При частичном опустошении бокал выпивался не за один раз, а по частям. Такое питье не пользовалось большим уважением. Зато высочайшим признанием пользовался *modus bibendi totalis*. У него тоже было две разновидности: *Hausticos* и *Floricos*.

Операция *Hausticos* проводилась таким образом, что пьющий поднимал бокал ко рту и одним

махом, не переводя дыхания, выпивал все содержимое. Такое умение считалось обычно азбучным, им должен был владеть каждый, кто хотел занять место за приятельским столом.

Floricos предусматривал уже готовность более высокого уровня. Выполнить его особо крупным бокалом было нельзя: требовалась посуда, горло которой было уже традиционно. Пьющий по этому способу должен был охватить губами, как кольцом, верхний край бокала, потом резко задрать голову, чтобы содержимое оказавшегося в вертикальном положении бокала одним махом перелилось в горло.

В ходе застолий такого рода могли возникнуть самые разные юридические вопросы.

Вопрос первый: что произойдет, если за кого-то произнесут тост способом Floricos, а он отказывается пить, заявляя, что он не рискует пить, так как не владеет этим методом? -Ответ: из-за этого нельзя накладывать на него наказание, потому что никого нельзя заставить совершать поступок, требующий от него сверхъестественных усилий.

Вопрос второй: что произойдет с тем, кто откажется пить способом Hausticos или не сможет выпить этим способом? -Ответ: без всякого сожаления следует заставить его выпить штрафной бокал, потому что никто не имеет права освободить себя от того, что должен уметь делать каждый.

Вопрос третий: что произойдет с тем, кто согласится выпить способом Floricos, приступит к операции, но попытка будет неудачной? — Ответ: такой тип должен все начать вновь и пить до тех пор, пока глаза у него не вылезут на лоб, ибо он взялся за то, что делать не умеет.

К двум основным способам питья добавлялись и различные трюки. Тот, кто хотел особо показать себя, брал бокал не руками, а зажимал его верхний край губами и таким образом поднимал; другой зажимал бокал локтями и пил так; третий брал сразу два бокала и одновременно лил их содержимое в рот с двух сторон. Бывали и такие, кто не пил непосредственно из стакана, а наклонял голову назад и цедил вино на лоб; вино со лба должно было по гребню носа течь прямо в рот. Курносые даже не пытались освоить этот способ, этот аттракцион хорошо получался у тех, у кого был длинный или орлиный нос.

Более сложными методами питья были следующие:

Клевер. Тот, за здоровье которого произнесен тост, должен выпить три бокала, один за другим, залпом. Если тот, кто произнесет тост, настаивает и на стебле клевера, надо опрокинуть и четвертый бокал.

Хождение в ригу. Для этого метода нужна была крупная емкость, которую передавали по кругу, и все пили из нее. Последний должен был выпить до дна, сколько бы выпивки в ней не оставалось. А потом по кругу вновь запускалась полная посуда. До каких пор? Jus potandi не дает никаких указаний по этому поводу. Видимо, до тех пор, пока держатся на ногах или не отправятся в ту самую ригу.

Перлэнке. Происхождение названия выяснить очень трудно. Пили из большого кубка таким образом, что тот, в чью честь произносили тост, выпивал столько вина, сколько ему хотелось, а остаток выплескивал в лицо тому, кто произнес тост, после чего кубком бил его по голове. Запрещалось сердиться на эту унижительную грубость. Зато была возможность отплатить обидчику той же монетой.

Конь и всадник. Кубок ставили на землю в дальнем углу зала. Тот, кто должен был по очереди пить, становился на четвереньки, а другой садился ему на спину. Стоявшему на четвереньках надо было добраться до кубка, после чего выпить из него. Всадник в это время мог как угодно терзать и мучать его. Был случай, когда очередь дошла до герцога Вратислава Девятого, который послушно последовал правилам "Komment" и дополз на коленях до кубка. Его всадник, кавалер по имени Хан, был к тому времени так пьян, что, плохо соображая, да простит меня читатель, плюнул в кубок. Герцогу ничего не оставалось, как выпить из кубка. Правила надо соблюдать.

Sine Tuck, sine Muck, sine Bartwisch. Подробностей о правилах выпивки, которая носила такое звучное наименование, мы не знаем. Jus potandi упоминает только, что безбородые принимать участия в ней не могли.

Curl murl puff . Об этом мы вообще ничего конкретного не знаем, хотя, судя по названию, это была интересная церемония, которая могла закончиться и ударом кубка по голове, как в Парлэнке.

Я уже говорил о юридических вопросах, связанных с Hausticos и Floricos. Они составляют только часть юридических правил, действующих в области винопития. Перечислять их в наш сухой век было бы скучно. Чтобы почувствовать, о чем идет речь, назовем такую возможность: что произойдет, если компания по очереди пьет из большой посуды, и кто-то во время питья чихнул в нее? Знатоки винного права утверждают, что в таком случае следует немедленно прекратить выпивку и заставить виновного выпить всю чашу до дна. Затем следовало распорядиться принести новую чашу, наполнить ее и продолжать винное турне или винный турнир. Название можно выбрать по вкусу.

Остальные параграфы посвящены тому, с рюмки или с бокала надо начинать выпивку? Пить следует не спеша, но долго, или же бокалы следует опрокидывать один за другим? Каким образом можно сорвать планы тех, кто стремится избежать участия в выпивке, помешать осуществлению их

замысла? И т. д.

Сколько бы параграфов ни существовало, все заканчивалось одинаково: господа студенты, точно следуя древним правилам, очень быстро напивались до свинского состояния. Они буянили, хулиганили, дрались. Затуманенные алкоголем, они бросались друг на друга при малейшем мнимом оскорблении. Сверкали клинки, и не однажды алая кровь проливалась на пятна от красного вина. Если они выходили на улицу, свои бесчинства они продолжали там. Мирным гражданам не рекомендовалось появляться на улицах немецкого университетского города ночью. Пьяная студенческая компания могла зарезать или избить их. Без всякого повода, если только не считать за повод разницу в состоянии: студенты были пьяны, а гражданин — трезв. Если он и был трезв.

НЮРНБЕРГСКАЯ КОЛЫМАГА

А трезв-то он и не был.

Горожанин пил столько же, сколько студент или знатный господин. Сама история немецкой культуры установила, что в XV, XVI и XVII веках немцы пили так же неумеренно, как их предки во времена Тацита. Антоний Кампан, секретарь папского легата при дворе Фридриха III, писал о них: "Nihil hic aliud est vivere quam bibere" ("Жизнь здесь не что иное, как питье"). Герман Шрадер в своей прекрасной небольшой по объему книге ("Das Trinken in mehr als 500 Gleichnissen und Redensarten", Берлин, 1890) собрал более пятисот пословиц и поговорок с винных полей пьянства, и они показывают, как широко распространился дух пития в мире мыслей народа. Он же упоминает как характерную примету, что в немецком языке для выражения сильного желания используют слово "жажда": Thatendurst, Rachedurst, Geld-, Gold-, Ehr-, Lese-, Bildungs-, Wissens-, Freiheits-, Friedens-, Ordens-, Titel-, Wonne-, Liebesdurst. Среди образных выражений видное место потребовало и выражение пьянства: Frengetrunken, begeisternugstrunken, gefubls-, glaubens-, liebes-, sieges-, wonne-, kampfes, hoffnungs-, schlaftrunken.

До нас дошло наглядное доказательство, демонстрирующее распространение пьянства среди населения.

Нюрнбергская колымага. В Нюрнберге в ночное время перед дверями наиболее посещаемых кабаков всегда готовили колымагу, которая была собственностью мэрии. Она направлялась к кабакам по решению мэрии, чтобы городские служащие загружали в нее и отвозили напившихся до потери сознания горожан. "Правильно, — кивнет с одобрением читатель. — Если порядочные горожане напились так, что не могли стоять на ногах, они и заслуживают того, чтобы освободиться от винных паров в тюремной камере". Не совсем так. Колымага, собственно говоря, должна была уберечь выпивших горожан от валяния в грязи и помешать торопившимся утром на занятия школярам увидеть это неприглядное зрелище. Служащие бережно укладывали опьяневшего мужчину в колымагу, доставляли до дома и передавали ожидавшей его дома супруге!

ПЬЕТ КАВАЛЕР, ПЬЕТ СУДЬЯ

Знать пила, конечно, не в кабаках, а дома. Поэтому не городские служащие загружали их в колымагу, а собственные лакеи или пажы волокли их в их покои.

Одним из самых известных выпивох XVI века был кавалер Швейнихен. В его доме всегда было не только вино, но и чернила, которыми он старался запечатлеть все события своей жизни. Он писал простыми словами, его откровенный дневник знакомит современного читателя с интереснейшими данными. Одно из событий 1576 года произошло при дворе маркграфа Иоанна в Нассау. Кавалер попал туда в качестве гостя, и его первым деянием стало то, что за ужином он напил до беспамятства всех придворных маркграфа. Маркграф решил отплатить за позор и на следующий день за обедом произнес тост за здоровье кавалера, передав тому так называемый гостевой кубок, который по традиции гость должен был выпить. Все это хорошо, но в качестве гостевого кубка в этот раз была огромная чаша емкостью три кварты, т. е. около трех с половиной литров. Кавалер Швейнихен встал, собрался с духом и одним махом влил в себя это огромное количество гостевого нектара. Желудок у него не лопнул от этого, более того, разошедшийся кавалер произнес тост за здоровье гофмаршала и во второй раз также до дна опустошил чашу. Гофмаршал должен был повторить вслед за кавалером этот поступок, но он был не в состоянии одним махом опорожнить огромный сосуд и выпил его отдельными глотками. В наказание ему надо было еще раз выпить три с половиной литра вина. Но этого гофмаршал уже не смог перенести, совершенно опьянев, он свалился со стула, и пажы отнесли его в его комнату.

Кавалер Швейнихен принес известность не только своему имени, но и своему гербу, на котором

на щите был изображен дикий кабан.

Еще один относящийся к тому времени дневник, домашняя хроника графов Циммерн, откровенно говорит, что в то время пили все, пили по всем случаям и пили много. Пили на свадьбах, на похоронах, пили в честь заключения договора, пили перед судебным заседанием. Пили и после заседания, причем прямо на месте пропивался штраф. Осужденный с удовольствием платил, потому что так он мог выпить вместе с судьями.

Пили в камере пыток. В XVII веке случилось так, что город Брауншвейг не поделил чего-то с герцогом. Знатных горожан за это обвинили в бунте, отдали под суд и начали пытать. Во время пыток члены суда постоянно пили, к тому же настолько неумеренно, что некоторые из них, совершенно опьянев, падали на стол и засыпали. Бывало, что такой пьяный судья просыпался от криков жертв и бросал палачу: "Продолжайте, мастер, продолжайте, так ему, мошеннику, изменнику!" А потом вновь валился на стол и продолжал спать. Палач был так же пьян, как и члены суда².

Скандальных размеров пьянство считал чрезмерным и Мартин Лютер. В 1527 году он оказался на пиру рядом с люнебургским герцогом Эрвином. Пир проходил в Торгау. Речь зашла о неумеренном пьянстве. Лютер обратился к герцогу:

— Примером в этом отношении должна была бы служить знать!

— Конечно, конечно, — поддержал его герцог. — Ведь если бы мы не служили примером, в Германии и не пили бы столько³.

НА БОЛЬШОЙ БОЧКЕ

Какой же пример показывала знать?

Гордостью известных винных подвалов были большие бочки⁴. Большая бейдельбергская бочка имела длину 11 метров, диаметр 8 метров, в нее вмещалось 99 тысяч литров вина. Бондари не сделали ее стотысячелитровой, потому что в то время считали в ако (один ако равен примерно половине гектолитра), и тогда в бочку вошло бы 2040 ако. Бочка напоминает нарядную галеру, она украшена скульптурами, резьбой по дереву. На ее верхнюю часть можно подняться по лестнице, там есть надстройка типа балкона, на ней часто устраивали пиры.

Барон Пельнитц в своих мемуарах рассказывает, что, когда в 1719 году он посетил двор пфальцского курфюрста, ему была оказана великая честь: курфюрст пригласил его осмотреть большую бочку, причем в церемонию осмотра, естественно, была включена и праздничная выпивка.

Осмотр начался с торжественного парада. Впереди шли трубачи, за ними — придворные, замыкал шествие сам курфюрст с придворными дамами его дочери. После того, как они разместились на бочке, курфюрст произнес тост за здоровье Пельнитца и вручил ему немилосердных размеров кубок, предназначенный специально для гостей. Перед этим курфюрст, как этого можно было ожидать от такого владыки, сам выпил полный кубок и распорядился наполнить его вновь. Очередь теперь была за бароном, который попросил разрешения на то, чтобы выпить кубок не одним махом, а мелкими глотками, ссылаясь на то, что он здесь гость. Курфюрст милостиво разрешил это, пусть пьет глотками, раз он такой хилый. После этого барон начал мошенничать. Когда в разгар пира на него переставали обращать внимание, он выплескивал содержимое кубка рядом с бочкой. Остаток на дне он выпивал и гордо демонстрировал, что он выпил все до дна.

Но и мошенничество не помогло ему. Принцесса и ее придворные дамы прибегли к известному приему: они произносили тосты в честь присутствовавших господ, в том числе и барона Пельнитца. Но если сами дамы делали при этом только небольшой глоток из кубка, господам надо было выпивать содержимое его до дна. Несчастный барон почувствовал, что силы его на исходе. Он незаметно спустился с бочки и хотел выскользнуть через дверь винного погреба. Но он не знал, что курфюрст на такие случаи принимал предупредительные меры. В дверях стояли два рослых гвардейца, они скрестили перед бароном свое оружие и скомандовали ему: "Хальт!" Барон, как он описывает, постарался объяснить им, что у него есть причины личного характера на то, чтобы удалиться, но два солдата не обращали на его слова никакого внимания. Приказ есть приказ! Несчастный был вынужден пробраться назад, в погреб, но, чтобы уберечь себя от новых порций вина, он спрятался за бочку, за груды старых досок.

Не помогло и это. Курфюрст начал искать своего гостя, и так как его нигде не было видно, он распорядился найти его и доставить живым или мертвым. Начались поиски Пельнитца, и один глазастый паж обнаружил его за досками. Барона притащили к курфюрсту, чтобы тот произнес приговор. Пельнитц решил обратить все в шутку и, ссылаясь на предвзятость, отклонил такого судью.

"Ах, так! — сказал курфюрст. — Хорошо. Мы выделим господину барону беспристрастных судей. Приговор вынесут принцесса и ее дамы".

Приговор был очень и очень печальным.

Он гласил, что барон Пельнитц должен пить до тех пор, пока не упадет замертво. Из нежных женских уст это прозвучало жестоко. Но курфюрст воспользовался своими правами и помиловал барона. Тот должен был выпить всего четыре кубка один за другим, а кубки должны заполняться только наполовину. От этого спасения не было. Пельнитц выпил назначенную ему дозу, колени у него подогнулись, и он упал к ногам своих прекрасных судей мертвецки пьяным. Проснулся он только на следующий день у себя дома, в своей постели. Тогда же он узнал, что все общество выбралось из винного подвала в таком же состоянии, как и он.

Другой эпизод произошел при прусском дворе. О нем рассказывает барон Билефельд, прусский дипломат, который в 1739 году побывал в гостях у наследника трона в Рейнсберге. Он с восторгом вспоминает приятные дни, проведенные в слушании музыки, беседах об искусстве, интересных разговорах. Но один из дней, по его признанию, стал ложкой дегтя в бочке меда.

Общество собралось на ужин. Во главе стола сидел наследник трона, присутствовали его жена и свита придворных дам. Начались тосты, опустошались бокалы. Через два часа гость-барон решил, что, несмотря на уважение к дамам и почтение к владыке, он выйдет на свежий воздух, хотя и сидит рядом с наследником престола. И он вышел, а его примеру последовали другие знатные гости. Но, пока он отсутствовал, проказливая супруга наследника вылила из стоявшего перед бароном кувшина для воды воду и распорядилась налить в него шампанское. Вернувшись на свое место, гость решил впредь быть поосторожнее и разводить вино водой. Так он и делал, непрерывно разбавляя вино содержимым кувшина, будучи свято убежденным, что такое разбавленное вино повредить не может. Он был уже выпивши, поэтому его затуманенный разум не мог распознать обман. Так, вопреки своему желанию, потихонечку он и напился.

Пьяной была, видимо, вся компания. Когда герцогиня почувствовала это, она швырнула на землю стеклянный бокал. Герцогиня знала, что последует за этим.

Это был сигнал.

Пьяная компания вскочила на ноги и начала швырять на землю, а то и в зеркала бокалы, тарелки, чашки, хрусталь и фарфор, попадавшие под руки. Герцог и герцогиня с восторгом наблюдали это состязание по битью посуды, а когда шутка начала превращаться во всеобщую свалку, они незаметно выскользнули из зала.

Билефельд также попытался спастись бегством, но он настолько нетвердо держался на ногах, что на лестнице шагнул через несколько ступенек, а говоря проще, просто скатился по лестнице. Когда он неподвижно лежал там в темноте, мимо проходил какой-то слуга, принял его за дворнягу и несколько раз пнул ногой. Заметив, что неподвижное тело — не собака, а знатный гость, он разыскал какого-то пажа, который позаботился о том, чтобы господина барона доставили домой и вызвали к нему хирурга, чтобы перевязать раны.

Четырнадцать дней он не вставал с постели.

На следующий день в замке супруга наследника появилась на обеде в одиночестве, ее сопровождали только придворные дамы. Все знатные господа, включая и наследника престола, весь день не могли встать с постели.

Наследником престола был герцог Фридрих, который впоследствии вошел в историю под именем Фридрих Великий.

ДВОР КОРОЛЯ ГАМБРИНУСА

Я оставляю винные реки и перейду к пивному морю. Любители вина поклонялись Бахусу, а любители пива - Гамбринусу. Этот славный владыка, которого легенда сделала открывателем пива и которого обычно изображают сидящим на бочке с кружкой пенящегося пива в руках, никогда не существовал в действительности. Основой для рождения легенды послужил тот факт, что в старину брюссельские пивовары избрали почетным старшиной своего цеха правящего фландрийского графа Иоанна Первого. На фламандско-латинском языке это имя пишется так: Ян Примус. Впоследствии Ян Примус сократился до Гамбринуса и превратился в любящего легенды короля устных традиций и первооткрывателя, изобретателя ячменного напитка I.

В честь Гамбринуса студенты — любители пива организовали королевство пива. Его королем, естественно, избрали того, кто мог выпить больше всех. Государственные и придворные должности распределялись также в соответствии с питьевыми способностями. Существовало множество министров, канцлеров, гофмейстеров, генералов, казначеев, были даже придворные поэты и придворные журналисты.

Трон владыки нигде не был так шаток, как в королевстве пива. Король каждый день должен был

быть готовым к тому, что его сгонят с трона. И не по воле народа, потому что он был избран в соответствии с заслугами, и просто так скинуть его было сложно. Но любой из подданных мог перепить его и занять трон. Таким образом, конституцию можно было считать демократической, ведь перед самым мелким чиновником был открыт путь к ступени высшей власти: надо было всего на одну кружку побить рекорд, установленный королем, и он сам становился королем.

Эта глупость стала настолько популярной, что любители пива в большинстве германских университетов основывали империю Гамбринуса. Некоторые из них пользовались высоким авторитетом, настолько, что, например, йенского пивного короля в качестве равного себе воспринимал сам герцог.

Рекорды по поглощению пива пивными королями окружены легендами так же, как и само существование короля Гамбринуса. Самое удивительное из всех — сообщение о том, что один из йенских пивных королей на праздничной гала-выпивке смог влить в себя 18 "Stubchen" пива. Емкость одного "Stubchen" равна 3,5 литра. Значит, количество выпитого пива составило более 60 литров.

От этого можно умереть. Как указывается в отдельных сообщениях, бывали такие случаи, когда некоторые неопытные юнцы в азарте и соревновательном пылу выпивали такое количество пива, что умирали прямо за столом.

КАК ПИЛИ ЖЕНЩИНЫ?

Jus potandi не забывает и о девушках, рассказывая, как они пили с господами студентами. Эта выпивка называлась "голубиный бокал". Пьющая пара сцепливали безымянные пальцы левой руки, правой рукой каждый из них брался за бокал, и с двух сторон они цедили вино, в то время как уста их сливались, как клювы целующихся голубей.

Это была невинная игра. Но когда немецкие женщины пили одни, такое цежение переходило в обильную выпивку. Короче говоря, в прошлые века женщины пили почти так же много, как и мужчины.

В городе Хейльбронн было принято решение, согласно которому городской служащий должен был прикрепить к косе уличной в пьянстве женщины записку со словами "Versoffene Krugsurschel" (пьянствующий кувшин) и в назидание обществу провести ее по городу. Другая женщина в пьяном виде вошла в костел: ее привязали к позорному столбу.

Знатные дамы могли пить безнаказанно. Они и пили. О саксонской герцогине Анне Софии Liselotte пишет в письме от 9 декабря 1717 года: "О старой герцогине я постоянно слышу, что она вновь напилась до чертиков (sternsvoll)"¹.

Нагляднее любых свидетельств говорит обобщающая критика, прозвучавшая с кафедры костела. Женщин, напивавшихся допьяна, бичевал златоустый венский проповедник Абрахам-а-Санта Клара²:

"Да, если женщины напиваются, они не могут находиться в молчании, орут, как часовой на вышке или ночной сторож. В октябре перестают квакать лягушки, но зато октябрьский нектар открывает рты женщинам. Наш господин Христос встретил возле колодца самаритянку и поговорил с нею; да, возле воды с женщиной можно и поговорить, но если у женщины оказывается вино, пусть разговаривает с ними кукушка. Когда апостола Петра взбесила напавшая на них банда и, выхватив саблю, он ударил ею по голове ее вожака Мальхуса, апостол сразу же успокоился, услышав слова господина нашего Иисуса, приказывавшего вложить саблю в ножны. Но пусть попробует кто-нибудь приказать такое пьяным женщинам, язык которых — их сабля, а морда (das Maul) — ножны. И сто приказов не заставят их саблю остаться в ножнах. О, бедный муж, у кого такая жена!"

Современный человек не разразится такой строгой критикой. Можно понять женщин прошлых веков. Они тоже стремились к развлечениям. Тогда еще не было, к примеру, бриджа, который мог бы развить их разум. И они поступали так, как поступают сегодня бережливые хозяйки, наливая в чашку старый, потерявший аромат чай. Они тоже заливали свои мозги, но только вином.

ПРЕДСКАЗАНИЯ И ОККУЛЬТИЗМ

Человек в прошлом никак не мог смириться с тем, что он только своими размерами отличается от подопытных бацилл, которые заперты в студенистую массу мясного супа и не в состоянии вырваться оттуда. Он пытался разгадать секрет вечной молодости, вдруг удастся удлинить столь скупом отмеренный ему срок земного существования. И уж если ему в любом случае суждено умереть, нельзя ли с помощью каких-нибудь химических реакций восстать к новой жизни?

Современный человек снисходительно улыбается над этими потугами. Его научно подкованный разум точно знает границы земного бытия и знает, что вылетевшую из тела душу заманить назад

нельзя никакими химическими хитростями.

А вот улыбаться не стоит. Потому что он упоен расследованием главной из тайн. Пусть, — говорит он, — я смирюсь с тем, что дни мои сочтены, но я хочу знать, что произойдет в дни будущие.

Его любопытство, может быть, грешно, но навешивать на него клеймо глупости было бы слишком строгим приговором. Он перешагивает черту, отделяющую от глупости, когда за пару монет хочет купить у звездочетов и гадалок тайну будущего, узнать эту тайну от предсказывающих будущее по кофейной гуще или бобам жен дворников или из растолковывающих сны книг, рассыпанных на ярмарочных прилавках.

Я не хочу говорить сейчас о том, что действительно, мол, существуют наделенные — или наказанные — даром предвидения люди, которые в состоянии видеть во времени, как мы в пространстве. Я не буду сейчас заниматься ни объяснением четверостиший Nostradamus'a¹, ни интересным предсказанием Mirabilis Liber, ни пророчеством Лехнина, ни призраками большого воображения Казота², ни видениями Кристиана Херинга, фрейлейн Понитовскен, фрау Ферриэм и многих других непрофессиональных предсказателей будущего.

Я не собираюсь критиковать учения оккультизма и спиритизма, не затрону в большей или меньшей степени достойных внимания взглядов, проповедующих значение снов; я просто боюсь сказать что-нибудь о науке астрологии, в последнее время вспыхнувшей с новым жаром. Я и не разбираюсь в этом. Приведу только отрывок из высказывания венгерского астролога:

"Из среды астрологии надо изгнать добывание денег. Ничто не вредит так доброму авторитету астрологии, как совершаемое за деньги предсказывание по звездам".

За большие деньги торгующих будущим торгашей я постараюсь собрать в один лагерь. В нем соберутся только мудрецы; такие люди, которые с умом могут использовать для добычи денег высохший как гриб-трутовик человеческий разум.

СОННИКИ

Я ни в коем случае не отнес бы к их числу книгоиздателей, занимающихся распространением сонников. Я вспоминаю древнюю Спарту, где специально напаивали рабов, чтобы показать печальное состояние пьянства и отпугнуть молодежь от потребления спиртных напитков. Наверное, той же целью руководствовались и издатели сонников, которые как только можно широко стремились показать пугающую глупость, связанную с разгадыванием снов, и просветить в этом вопросе верящих в этот дешевый предрассудок простых людей. Они заслуживают похвалы за деятельность по воспитанию нации, так же как заслуживают ее и издатели детективных романов, которые, демонстрируя обществу кривое зеркало самых ужасных глупостей, стараются обратить внимание читателей на серьезную литературу.

Сонники, вообще-то, имеют историю в несколько тысяч лет. Человек древности в потрясении стоял на пороге волшебного мира снов. И он не мог объяснить их ничем иным, кроме как тем, что миражами снов живущие в потустороннем мире существа, боги, одурманивают смертных. И не ради нелепой игривой шутки, а с фатально серьезной целью: картинкой сна перед ним хотят раскрыть картину будущего. Иногда будущее демонстрируется простым и понятным видением, это — редкие случаи, объяснять их не требуется. Но чаще всего тайны будущего скрыты в символических снах, которые нуждаются в разгадке.

Объяснение было задачей специально подготовленных для этой цели снотолкователей. Их подготовка проходила на научной основе. Прародиной их были Египет, Вавилон, Сирия. В некоторых крупных городах работало по 25-30 снотолкователей. Их сословие имело такой же социальный ранг, как врачебное сословие. К ним обращались так же часто, и так же щедро лился им в руки поток гонораров. Владыки содержали профессиональных снотолкователей, которые получали придворный ранг и пышные титулы, например:

"Мастер таинственных дел" или "Знаток магических книг".

Некоторые из них обобщали свой опыт в книгах, так родились сонники. До нас дошел только один из них: научный сонник "Oneirokritika" ("Толкование снов") далдисского снотолкователя Артемидора³.

Грек Артемидор жил во втором веке нашей эры. Это был высокоученый муж, пользовавшийся большим авторитетом; он поддерживал дружеские отношения с самыми известными мудрецами своего времени. Всю свою жизнь он посвятил толкованию снов. Он постоянно путешествовал и коллекционировал сбывшиеся сны. Их опыт он систематизировал, и таким образом родилась "Oneirokritika". Это была знаменитая книга, ее берегли настолько, что рукописные образцы книги пережили опустошительные войны варварских веков. Потом, с изобретением книгопечатания, в

переводе на латынь, итальянский, английский и немецкий языки книга разлетелась по свету⁴.

Быть толкователем снов, — пишет мудрый грек, — не легко. Надо самым тщательным образом расспросить того, кому приснился сон, в каких условиях он живет? в чем призвание его жизни? какова его семейная жизнь? каково телосложение? Надо точно выяснить содержание сна, потому что малейшее расхождение может диаметрально изменить смысл толкования. И если все детали сна известны, необходим еще врожденный талант, чтобы остроумными обобщениями найти верное толкование.

И, надо признать, Артемидор с большим остроумием систематизирует и разбирает сны. Конечно, сегодня его острый ум кажется туповатым, логика предстает плутовством, а глубокая мудрость в ее торжественном наряде выглядит какой-то странной модой давних-давних времен.

В мою задачу не входит познакомить читателя со всей этой книгой. Я выберу только несколько примеров из нее.

Кому-то снится младенец. Значение этого сна меняется в зависимости от того, кому он снится. Предсказания могут быть самыми разнообразными, иногда даже диаметрально противоположного смысла. Для бедного человека этот сон означает, что вскоре найдется кто-то, кто позаботится о нем, потому что о младенце ведь тоже надо заботиться. Но если этот сон приснится ремесленнику, будет беда: его мастерская зачахнет, потому что руки у младенца не свободны, что символически означает, что он не в состоянии поднять инструмент. Богатый человек должен подготовиться к тому, что хозяином в его доме станет другой, ибо младенца не спрашивают, что он хочет, а распоряжаются им по своему усмотрению. Для атлета предсказание очень плохо: ведь младенец не может ни бегать, ни прыгать, ни бороться. Скитающийся по заграничам путешественник может быть твердо уверен, что вновь ступит на родную землю, потому что ребенок, родившись, тоже вступил в свет. А вот тот, кто собирается в путешествие, пусть лучше останется дома, потому что младенец беспомощен и не в состоянии преодолеть препятствия. Если речь идет об адвокате, надо выяснить, представляет ли он интересы жалобщика или ответчика. Если он выступает в качестве адвоката жалобщика, он проиграет дело; ведь младенец не умеет разговаривать, из чего следует, что адвокат, которому приснился сон, тоже потеряет дар речи, начнет заикаться и не сможет убедить судью. Зато адвокат ответчика может не тревожиться, его подопечного не осудят, ведь малыша не принято строго наказывать, если он и совершил какой-то плохой поступок. Новорожденный мальчик принесет удачу, потому что, когда он вырастет, он сам будет зарабатывать себе на жизнь и не будет забирать деньги у отца. А вот новорожденная девочка служит плохим предзнаменованием, потому что, когда девочка будет выходить замуж, за ней надо давать приданое.

Так нанизывает на кончики игл тысячи бабочек снов неутомимый грек. И, по его мнению, недостаточно еще, если мы разгадали смысл сна. Надо ведь выяснить, когда произойдет событие. Например, все, что растет медленно, как дуб, оливковое дерево, слон и т. д., означает, что счастье или несчастье произойдет не скоро. Быстро растущие растения или животные, которых мы видели во сне, означают, что предсказываемое событие произойдет скоро и неожиданно.

Важно и то, каким образом происходит действие во сне. Это Артемидор показывает на интересном примере. По его мнению, все, что сплетено, как канат, сеть, корзина, венок, указывает на какую-то связь: дружбу, супружество. Однажды на должность при дворе претендовал один знатный господин. И приснился ему сон, что кто-то ждал его с венком из оливковых ветвей перед его домом. Он спустился вниз на две ступеньки, и этот некто надел ему венок на голову. Он проснулся счастливым; сон, наверняка, означал, что он получит эту должность. Но, несмотря на это, он остался с носом, его просьба была отклонена. Почему? Потому что во сне он по лестнице шел сверху вниз и после этого получил венок. Если бы он получил его, когда шел снизу вверх, должность была бы его.

И сегодня жив рогатый силлогизм Артемидора, согласно которому некоторые сны следует толковать именно в обратном смысле. Смерть и траур означают, что того, кому приснился такой сон, ждут радостные события. Душа человека находится в тесном контакте с окружающей природой, а ведь известно, что в природе всегда следует ведро после ненастья и наоборот. Такое же специфическое и значительное изменение происходит и в душе человека; таким образом, если кому-то приснится мучительный сон с покойником и похоронами, не надо пугаться, потому что в реальной жизни все будет наоборот.

Талантливый толкователь снов в состоянии разгадать самый дикий сон. Я приведу один такой пример из обильного хранилища Артемидора. Одному отцу приснился сон, что его два сына убили его и с аппетитом едят его тело. А третий сын отодвинулся в угол и сказал: нет, я не буду есть моего отца. Для человека, не владеющего научным мышлением, это значило бы, что два сына-людоеда не достойны любви отца, а вот третий, добрый сын, принесет ему много радости. А вот и нет. Случилось так, что хороший сын умер в юном возрасте, а двое оставшихся пережили своего отца и получили наследство. Другими словами, хороший сын не ел из наследства, из чего следует, что тело отца во сне

означало наследство.

Как можно заметить, Артемидор вырастил свое произведение из научных семян, хотя какой уж там запас семян был в то время у науки. Но с тех пор прошло много-много веков, и в большом решете Времени задержались и эти самые научные семена. А то, что просыпалось через решето, только жалкая шелуха, бессмысленная болтовня, безрадостная чепуха, короче, сонник.

В современных сонниках мы напрасно стали бы искать греческую систематизацию и анализирующий острый ум. Их содержание, без исключения, безнадежно просто. Невозможно даже выяснить, откуда авторы набрались всего этого. Картинки снов они располагают в алфавитном порядке и произвольно толкуют их, без всякой логики. На древнегреческое происхождение указывает только изодренное толкование, когда в отдельных случаях увиденный сон предвещает совершенно обратный исход.

Если кто-нибудь заглянет в современный сонник, ему бросятся в глаза вот такие мудрости:

Зевота: скоро веселиться. Болеть: здоровье поправится. Тоска: к хорошим вестям. Гордость: опозориться. Несчастный случай: судьба изменится к лучшему. Наказание: награда. Награда: наказание. Быть в тюрьме: продвижение по службе. Упасть кувырком: высокая честь.

Не знаю, многим ли снится, что они летят кувырком, но хороший сонник должен учитывать все возможности. Самое вычурное объяснение, построенное на противоречии, мы встречаем в английском соннике, который привлекает читателя вот таким многообещающим названием: "Книга судеб Наполеона, захвачена в битве при Лейпциге, содержит толкование снов" ("Napoleons Book of fate, captured at the Battle of Leipsic, with Interpretations of Dreams"). Необыкновенное толкование необыкновенного сна звучит так: "Если юной девушке снится, что она влюблена в гориллу, на ней (на девушке, разумеется, а не на горилле) женится самый красивый и самый умный из живущих по соседству мужчин, а все девушки на выдании будут ей завидовать".

Когда в Генуе изобрели игру в лотерею, и из этого нового источника доходов начали горстями черпать и правительства других стран, сонники были дополнены еще одной новой бессмыслицей. Рядом с нелепыми толкованиями снов авторы помещали и цифры, которые на основании значения сна надо было поставить на лотерею¹. Цифры без всякого основания подставляли к снам, в разном порядке, как будто их извлекли наугад из какого-то мешка. Писали так:

Видеть ряд окон: перемена погоды. 76, 1, 12

Жестящик: все ломать, крушить. 7, 82, 75

Видеть во сне девушку: к радости. 49, 21

Видеть во сне мышь: к прибылям. 90, 70

Видеть во сне женщину: разочарование. 16, 66

Видеть во сне воробья: твой адвокат обманывает тебя. 39, 58

Современные сонники уже своим названием стремятся приблизиться к умственному уровню читательской аудитории. Больше всего изданий выдержала книга "Столетнего правдолюбца" с таким завлекательным названием: "Истинный большой персидско-египетский сонник, составленный из рукописных заметок халдейских, персидских и египетских мудрецов-пророков столетним правдолюбом". Откуда мог знать доверчивый деревенский покупатель, пришедший на ярмарку, что столетний правдолюб был, собственно говоря, канцелярской крысой нежного возраста и не только не мог прочесть халдейские рукописи, но был настолько безграмотен, что не знал даже книги Артемидора, из которой он мог бы, по крайней мере, украсть несколько приемлемых толкований. В названиях других сонников тоже должны были присутствовать хотя бы один персидский маг или египетский фараон или какой-либо другой восточный владык.

Читатели этой книги, наверное, никогда в жизни не видели сонников. Я познакомлю вас с одним из них, не самым новым, чтобы не затронуть ничьих интересов. Произведение выпущено в 1905 году. Предисловие козыряет следующим:

"Источником нашего сонника, в котором без внимания оставлены ошибочные, в лучшем случае непонятные, бессмысленные и не имеющие цены сонники, являются, кроме нашего собственного опыта, заметки древнегреческого писателя Артемидора, а также древнеримских писателей, найденные в пирамидах папирусы, спасенная из обжигающих песков пустыни клинопись, а также останки когда-то захороненных, но выкопанных из земных глубин городов. Эти бесценные материалы сделали возможным удовлетворить всеобщее пожелание и предложить уважаемой публике такой сонник, который не только своим содержанием превосходит все выпущенные ранее сонники, но является действительно разумной, точной и честной книгой. Пусть этот сонник будет всем утешающим и предостерегающим другом".

Автор, таким образом, знает Артемидора. Посмотрим же, чему он научился у него и что сообщает читателю разумно, точно и честно.

Долго смотреть на окно: означает, что похолодает.

Собирать землянику: для знатных господ — пугающая, для бедняков — тяжелая, но прибыльная работа.

Виселица: торговцам скотом принесет удачу, для остальных торговцев плохая примета, предвещает перемены в здоровье.

Быть в Англии: предвещает много расходов.

Увидеть Анну или поздороваться с Анной: большая радость. (На экземпляре, который попал ко мне в руки, кто-то из тех, кто читал книгу до меня, перечеркнул толкование и написал вместо него: хороший урожай арбузов. Интересно, на основании какого папируса из пирамиды он внес это изменение?)

Учить буквы: для рабочего человека — хорошее предзнаменование, для чиновника — зло.

Увидеть во сне быка: пригласят в гости; если он гонится за вами — болезнь; если не догоняет — к радости.

Увидеть судью: к испугу.

Парикмахер: лживая весть.

Получить чаевые: незначительная награда.

Медвежонок: к поцелую.

Увидеть мудреца: к скуке.

Тюрьма: вредно для здоровья, но с пользой для дела.

Побывать в Буде: добрая надежда.

Съесть мышь (!): к богатству после трудной работы.

Говорить красноречиво: выставят на смех.

Слушать красноречивую речь: к скуке.

Слышать пение: к огорчению.

Если во сне у тебя очень большая голова: беспокойство для любящих спокойствие, головную боль — больному, усталость — бойцу, богатство — бедному, счастье — ростовщику, зло — владыке.

Если во сне голова маленькая: противоположное вышеизложенному.

Если у тебя несколько голов: радость для бедняка.

Если голову носишь в руках: к большому счастью.

Если голова у тебя как у лошади или другого неразумного животного: это не к добру.

Оспина: любовник оставит тебя.

Варить чечевицу: прекрасное будущее для мужчины.

Если у тебя два носа: отступление.

Нельзя отрицать, копавшийся в песке пустынь автор откопал много таких толкований, которые не вызывают сомнений и в действительности. Бесспорно, что находиться в Англии означает большие расходы; побитое оспой лицо оказывает вредное воздействие на любовь; получать чаевые — награда незначительная; слушать красноречивого оратора скучно, особенно если голова как у лошади или другого неразумного животного. Толкование таких снов, в которых видится женщина, указывает на определенный жизненный опыт:

Видеть знакомую женщину: к веселью.

Видеть незнакомую женщину: к новым неприятностям.

Разговаривать с женщиной: следи за своими делами, а то пожалеешь.

Поцеловать женщину: к прибыли.

Видеть скучающую женщину: к хорошей погоде.

Старуха: плохо для влюбленного.

Жениться: к большой беде.

Выходящие новыми изданиями, но, по сути своей, устаревшие сонники имеют большой недостаток, который заключается в том, что книга не занимается новыми понятиями, возникшими в наше время. Зато в ней остается много устаревших выражений, вышедших из обихода, например: носить лук, ставить к позорному столбу и т. д. Этот пробел, я сказал бы даже, разрыв призван ликвидировать современный сонник герцога Микши Левенштейна "Was bedeutet mein Traum?" ("Что означает мой сон?", Цюрих, 1936). Из него мы узнаем, что, если нам снится авторучка, это предвещает любовное письмо; шасси автомобиля указывают на начало нового дела; бензин и бензиновый насос — к путешествию; самолет — к счастью. В соннике фигурируют телефонная книга, подземная железная дорога, электрический выключатель, таксометр, молния (застежка), парашют, пишущая машинка; все это — такие понятия, которые мудрецы-халдеи не могли бы растолковать в свое время.

Я повторяю то, что уже сказал в начале этой главы: я не собираюсь высказывать свое мнение о метапсихических взглядах в отношении снов. Но если кто-то спросит, я могу ответить: со времени изобретения книгопечатания ни разу не случилось, чтобы кто-нибудь заранее изложил в печатном виде свой сон, на основании чего можно было бы с полным правом говорить о достоверности его

толкования. Мы всегда слышим только после случившегося, *post eventum*! мне это приснилось!

В ответ на это мы могли бы сказать: о том, что сон сбылся, шумят не только простые люди, старухи-сплетницы, но и серьезные мужи, громкие знаменитости, которые подтверждают, что то или иное событие они заранее видели во сне. Так что случаи эти достоверны.

Так как я не хочу ввязываться в спор и уважаю все мнения, я отвечу не сам, а воспользуюсь словами копенгагенского профессора Лехманна. Сон, — пишет датский ученый в своей книге "Суеверия и колдовство", — обычно бывает не ясным и определенным, а нерезким, неполным, бессвязным. Если после этого мы переживаем какое-то событие, которое как-нибудь связано с наполовину забытым сном, наши воспоминания заполняют пробелы, делают сон логичным, в своем изменившемся виде сон воскресает в памяти и убеждает нас в том, что произошло именно то, что нам снилось.

Я могу предоставить слово и критику двухтысячелетней давности. У Цицерона есть книга "De divinatione" ("О гадании"). Обладавший светлым умом римлянин пишет о снах:

"Какая несправедливость, что боги одним людям выдают тайну будущего, а другим — нет! И почему во сне? Почему не при свете дня? И почему они сообщают свои предсказания загадками, а не говорят ясно? Представим себе врача, который предписывает пациенту суп и описывает животного, которого надо сварить в этом супе, следующим образом:

Рожденное на земле, ползающее по траве
Бескровное животное, носящее дом на спине.

Вместо того, чтобы прямо написать: улитка". Скептики сомневаются даже в том, правдивы ли вообще высказывания тех самых знаменитостей о сбывшихся снах. Может быть, эти высказывания только приписываются им? Может быть, их создали сплетни из нескольких случайно оброненных слов?

И почему шумят только о сбывшихся снах? Почему ничего не говорится о снах несбывшихся?

Хотя я и не вмешиваюсь в спор, но в этих словах что-то есть. Я подумал, что в Европе проживают около 500 миллионов человек. Сны скольких из них можно было учесть, составляя статистику? Отбросим одну треть из них на детей в возрасте до 15 лет, доверять которым в этом смысле нельзя. Остается 334 миллиона. Если каждому из них ежедневно приснится сон, в год это будет более ста миллиардов снов. Умножьте эту цифру на количество лет, прошедших за истекшие несколько веков, и перед вами возникнет астрономическая цифра. В сравнении с нею количество сбывшихся снов выглядит, как пылинки на скалистых склонах Татр.

То есть, если сон иногда сбывается, то это, в лучшем случае, дело случая.

АРЕНДАТОРЫ ЗВЕЗДНЫХ ПОЛЕЙ

В конце года, в начале года на западе и сегодня подают голос профессиональные оракулы, в том числе и те, кто отчитывается в разведке, проведенной на звездном фронте.

Плетущийся на товарном поезде времени простой обыватель с удивлением и восхищением смотрит на тех одаренных необыкновенными способностями людей, которые просто арендуют небесные звездные поля, собирают с них урожай, который после декабрьско-январской жатвы выбрасывают на рынок человеческой доверчивости в форме гадательных книг и гороскопов.

Весной 1938 года книга одного французского астронома сделала карьеру, которую можно сравнить, пользуясь подходящим для данного случая сравнением, с карьерой метеора¹. Потому что в этой книге было записано, что автор еще летом 1937 года по положению звезд предсказал: 10 марта 1938 года Германия захватит Австрию. Таких точных предсказаний действительно почти не было в хрониках гороскопов. Газеты посвящали этому целые полосы, и переходящая из уст в уста весть придавала полную достоверность этому непререкаемому примеру предвидения будущего.

К сожалению, распространение слухов и в данном случае следовало неверной старой традиции. Из книги объемом в несколько печатных листов была вырвана единственная фраза, она была протрублена в громогласных динамиках рекламы, а вот о взаимосвязях, об остальном содержании книги умалчивалось. Хотя, если кто-нибудь не только просмотрит книгу, но и внимательно прочитает ее, он не найдет знаменитого предсказания в той форме, которая приписывается автору.

Действительно, автор определил 10 марта 1938 года как критический день. Он писал о нем, что этот день окажет влияние на весь мир: он затронет Францию, Англию, Австрию, Италию.

Так, само по себе, это предсказание заставляет удивиться и задуматься. Но если мы продолжим чтение книги, мы встретимся с еще одной фразой, связанной с этим. Говоря об Австрии, автор-оракул так объясняет критический день:

"Необходимо преобразовать Австрию, чтобы спасти страну. 10 марта, однако, затронет не

австрийскую республику. События произойдут вне границ Австрии. Мы обнаружили (т. е. по звездам), что они случатся в Данциге и, в ответ на них, в Чехословакии. 13 марта событие отразится и на венском правительстве".

Если бы те, кто обслуживал извергающий новости мегафон, прочитали бы это, может быть, они и убрали бы немного громкость звучания.

По положению звезд автор, следивший за высотными путешественниками, узнал и много других секретов. Например, Испанию он одарил королем. Париж успокоил: продленная всемирная выставка в 1938 году будет пользоваться успехом. Оракул не виноват, что выставка вообще не была продлена на 1938 год. Если бы ее продлили, успех был бы обеспечен.

То есть, если при дневном освещении трезвого разума мы внимательно посмотрим на этого яркого светлячка рекламы, мы увидим только серенького, холодного червячка, дергающегося перед нами. То самое 10 марта. Объяснение просто: автор случайно угадал с датой. Он назвал сотни дат, которые будут критическими для той или иной страны, того или иного политика. Ни одна из них не оправдалась, и это полностью обесценивает попадание.

Венгерская поговорка гласит: "И слепая курица нет-нет, а зерно найдет".

Но я все-таки не думал плохое о парижском астрономе. Ведь и ученый может ошибаться. Надо ценить все бескорыстные попытки способствовать развитию новой науки, даже если оплошности и ошибки замедляют прогресс.

Но на последней странице книги взгляд читателя натывается на заманчивое, интересное объявление. В нем говорится, что астроном уступил уговорам своих последователей и открыл консультационное бюро. Тот, кто пришлет точные данные о своем рождении и 200 франков, получит относящийся к нему гороскоп и ответы на три вопроса по собственному выбору. За 600 франков он может узнать, какие наиболее важные события могут произойти в будущем году. А тот, кто решится и отправит по почте 1000 франков, получит подробную информацию в отношении всей его жизни. Бюро может помочь советом во всех случаях человеческой жизни – и все это за почтовый перевод на сумму от 150 до 1000 франков. Дешевле всего стоит совет по выбору профессии; чуть дороже обойдется помощь в отношении бракосочетания. Кто же пожалеет 300 франков, если за это на протяжении долгих лет ему будет улыбаться счастье семейной жизни? И только кретин упустит необыкновенно благоприятную возможность за какие-то 500 франков узнать, когда ему следует приступать к какому-то делу, когда заключать договор, а когда отправляться в деловую поездку.

Таким образом, всемирно известный астролог выступает не как бескорыстно бьющийся в интересах науки ученый, а, скорее, как хозяин бюро, приносящего большие доходы благодаря движению звезд. Характерно, что обороту не мешали даже постоянные промахи в предсказаниях. Вращающийся в звездных кругах ученый муж подготовил однажды гороскоп королю Эдуарду VIII, включив в него, естественно, и дату коронации. К этой дате, однако, бывший король, уже как герцог Уинсорский, вел спокойный образ жизни, занимаясь только своими проблемами. Такой просчет не смутил производителя гороскопов. В своей книге он заявил, что звезды, естественно, сообщили ему, когда произойдут перемены на троне, но по просьбе высших кругов, а также в результате строжайшего запрета со стороны издателя он вынужден был хранить тайну!

Наиболее широкий размах рынок предсказаний по звездам приобрел в Соединенных Штатах Америки. На их территории в 1935 году действовало ровно 250 тысяч профессиональных предсказателей¹. Нью-йоркцы даже создали свою ассоциацию и обратились к властям с просьбой выдать ее членам официальный патент, разрешающий работать. Просьба была отклонена. Главная заслуга в этом принадлежала нью-йоркскому губернатору Мак Аду, который следующим образом сформулировал в письменном виде свое официальное мнение:

"Предсказание будущего годится только на то, чтобы сеять раздор в семье, направлять на ошибочный путь в повседневной жизни доверчивых простаков, будить подозрения между людьми, — словом, все это, от начала и до конца, не что иное, как надувательство. Нет никакой разницы между выступающим с помпой предсказателем по звездам и обычной цыганкой".

Но по американским законам нельзя запретить даже самую дикую рекламу. Радиостанции являются собственностью частных компаний и готовы разнести любое сообщение, только плати за это! Однажды на сделанное по радио объявление "астролога" по имени Адамс откликнулись 1300000 человек. А мнением называвшей себя Долорес предсказательницы интересовались полтора миллиона радиослушателей. Был случай, когда один астролог за одиннадцать недель получил сто тысяч писем, в сорока тысячах из них были вложения на сумму от одного до четырех долларов. Невероятными кажутся статистические данные, согласно которым американцы ежегодно жертвуют сборщикам дани за человеческую доверчивость не менее 725 миллионов долларов.

Американская научная литература грустно констатирует, что, хотя именно у них построены крупнейшие в мире астрономические лаборатории, массы не интересуются действительно наукой, а

как зачарованные бросаются в сети мошенничества. Интересно, что эти зачарованные сотни тысяч людей не понимают или не хотят понимать, что все это только бизнес. Бизнес — астрономические разделы газет и журналов, бизнес — бесчисленное количество книг, посвящающих в тайны предсказания по звездам, бизнес — претендующая на научность медицинско-астрономическая энциклопедия объемом в тысячу страниц, в которой каждая часть человеческого тела и каждая известная болезнь ставится в зависимость от положения звезд. Любая астрологическая книга является превосходным бизнесом, ведь каждый экземпляр ее продают по 3-5 долларов, а покупателей находятся десятки тысяч.

Несколько названий этих книг:

Астрология и несчастные случаи. Звезды и Ваше будущее. Астрология и супружество. Зодиак и человеческая душа. Студенту об астрологии. Семейная астрология. Астрология и конные бега. Влияние звезд на биржевые цены. Когда и как надо играть в бридж, учитывая положение звезд.

Насколько публика сошла с ума, показывают и мелкие объявления. В американских газетах можно прочесть и такое:

"Происходящая из хорошей семьи девушка, рожденная под знаком Рыбы, ищет знакомства со Скорпионом с целью брака".

Посвященные понимают таинственный текст. Эта самая девушка из какой-то астрологической книги или из полученного из редакции ответа узнала, что может рассчитывать на счастливое замужество только в том случае, если будущий супруг родился под знаком Скорпиона, потому что для их союза благоприятна только такая астрологическая связь.

Один из авторитетных членов Нью-Йоркской медицинской академии с удивлением пишет, что все это происходит не в шестнадцатом веке, а в двадцатом. И все же те, кто ежегодно жертвуют 125 миллионов долларов на тайны будущего, наверняка родились под знаком Рака. Они передвигаются по дороге веков спиной вперед. Как работает астролог-бизнесмен?

Прежде всего он выбирает себе имя с восточным звучанием. Учитель Хаммон, Омар хан, Тарах бей и другие подобные имена фигурируют с форсом в объявлениях на страницах парижских газет. Иногда имя является только неснимаемым нарядом, а личность скрывающегося в этом наряде человека постоянно меняется. Ведь в астрологическом бизнесе участвуют настоящие предприятия, зарегистрированные официально в этом ранге. В качестве оплачиваемых сотрудников они содержат составителей гороскопов, таких, как, скажем, Омар хан. Если они не удовлетворены им, его увольняют, а новый сотрудник опять под именем Омар хана переписывается с обманываемыми клиентами.

Первый шаг — объявления в газете. В нем данный астролог — остановимся на имени Омар хан — оповещает мир, что в соответствии с данным им обетом он желает прийти на помощь страждущему человечеству и свое искусство с готовностью предоставляет к услугам каждого, кто в нем нуждается. Причем абсолютно бесплатно. Только на расходы по ответному письму он просит прислать ему заранее 2-3 франка. На приманку клюет множество людей. Пара франков — не деньги за такую заманчивую возможность. Они направляют эту мелочь и сообщают данные о своем рождении. Вскоре по почте поступает ответ от Омар хана:

"Благодарю за ответ на мое объявление. Чтобы выразить мою симпатию к Вам, я провел много часов за составлением Вашего гороскопа. Проанализировав положение планет в момент Вашего рождения, я обнаружил, что они предвещают Вам важные события, которые могут оказаться необыкновенно выгодными для Вас. Их правильное использование принесет Вам удачу, успех, счастье на всю оставшуюся жизнь. Этот удивительный случай наступит в течение трех месяцев, но точное время я смогу Вам сообщить только после получения от Вас более подробных данных и сложных, углубленных расчетов. Пока могу сообщить только, что подобного случая в Вашей жизни больше не будет. Счастье ждет Вас за закрытой дверью, ключ от которой у меня в руках. Я все вижу ясно, ошибки быть не может. За небольшую сумму вы можете получить огромное состояние. Я помог уже тысячам людей, которые засыпали меня благодарственными письмами за беззаботную жизнь, основанную на моих советах. Секрет успеха: что и когда надо предпринять. А об этом вы узнаете только из подробного гороскопа. К счастью, Вы располагаете ценными качествами, которые помогут Вам в борьбе. Вы — интеллигентный, трудолюбивый, упорный и настойчивый человек; именно поэтому меня особенно интересует изучение Вашей судьбы".

Адресат уже полной грудью вдыхает аромат близкого счастья. Он не знает, что такое же письмо — до последней буквы — получают все жертвы Омар хана, оказавшиеся в паутине его соблазнительного объявления.

Стоимость подробного гороскопа невысока. Парижские астрологи просят обычно 150 франков. Все, кто присылают деньги и требуемые дополнительные данные, получают подробный и углубленный гороскоп, который только своим объемом отличается от известных по ярмаркам записок,

вытягиваемых птицами. Предсказатель не утруждает себя даже тем, чтобы отдельно печатать индивидуальные гороскопы. Каждый из клиентов получает один и тот же текст, в котором различаются только данные рождения.

"Вы родились под знаком Козерога, и на Вас оказывает влияние планета Сатурн. Ваш счастливый день — суббота; цвет — черный, синий и коричневый; из драгоценностей для Вас наиболее предпочтителен оникс. Из минерального царства в астро-биологическом контакте с Вами находятся свинец и сера, из растительного мира — мирра, аконит и мох. Ваш счастливый номер — 8".

"Всегда намечайте определенную цель, всеми силами стремитесь достичь ее, но будьте осмотрительны. Что касается здоровья, остерегайтесь простуды, особое внимание уделяйте тому, чтобы в порядке были кровообращение и пищеварение."

Осенью 1937 года известный парижский психиатр Л. Х. Кудэ задумался: в чем причина того, что тысячи обманутых людей и не заявляют на этих омар ханов, и не бьют их по лицу? Он провел эксперимент и опубликовал в газете заманчивое объявление с соответствующим текстом. К его огромному удивлению, сотни заинтересованных людей откликнулись на него. Так как в "первой попытке" он обещал бесплатный ответ, всем им он направил гороскоп с одним и тем же текстом. В этом гороскопе говорилось: "Вы умный и эрудированный человек, с прямым и честным характером, но немного вспыльчивы, не терпите раздражения. Не забывайте, что злость — плохой советчик. В вашем прошлом перемешались благоприятные и неблагоприятные события, были и помехи, некоторые из которых и сейчас оказывают материальное и эмоциональное воздействие".

Ни один гороскоп не мог бы предсказать доктору неожиданный результат. Поток начал поступать благодарственные письма. В большинстве из них выражался восторг по поводу того, что еще никто никогда на основании нескольких данных не угадывал характер автора письма и события его прошлого. Один из авторов писем изливался:

"Может быть, вы хотите основать филантропическое общество или создать новую религию? Я буду счастлив, если Вы запишите и меня".

В медицинском журнале доктор Кудэ обобщил результаты своего путешествия в астрологию. Клиенты — доверчивые, наивные, поддающиеся чужому влиянию, потерявшие равновесие люди с взбудораженным настроением и умом. Их умственные недостатки углубляются прискорбными обстоятельствами современной жизни: тяжелыми условиями, неуверенностью в будущем, постоянной тревогой. Послания мошенников-предсказателей еще более сбивают их с толку. Государство должно решительно вмешаться, чтобы положить конец этому позорному бизнесу.

Государство не вмешалось. Бизнес продолжал расцветать.

Читатель в Венгрии не поверил бы своим глазам, если заглянул бы в раздел "La vie et son decor" ("Жизнь и внешний вид") крупнейшего литературного еженедельника "Nouvelles Litteraires". Этот раздел готовится для читательского еженедельника, в нем публикуются репортажи о моде и советы по косметике. 9 ноября 1935 года в разделе было напечатано следующее обращение к читающим его дамам:

"Астральная группа. Под научным руководством компетентных лиц астральная группа хочет помочь всем, кто обратится к ней за помощью. На основании данных о вашем рождении группа вместо Вас проанализирует все те земные факторы, цветы, камни, растения и цвета, которые благоприятны для Вас.

Наша группа, в частности, создала знаменитые духи "Ловиза". Эти духи готовятся для индивидуума, конкретно для Вас, на основании данных о Вашем рождении и крупных планетарных системах. Астральная группа может представить Вам положительные отзывы о результатах ее труда, в частности, написанные теми ее последователями, которые в июне 1935 года выиграла три миллиона в национальной лотерее".

Потрясающе. В остальных разделах еженедельника лучшие умы обращаются к наиболее эрудированным слоям французской читательской аудитории, а этот раздел, не краснея, выжимает деньги из скрывающейся под маской культуры человеческой глупости. Бизнес есть бизнес. Всегда бдительное государство тоже закрывает глаза, потому что у него нет никаких причин следить за рекламной шумихой вокруг Loterie Nationale.

Дерзким деловым приемом астролог по имени Жак Миллар вскружил голову жителям французского Бесанкона. Он наобещал в 1937 году всякую всячину — всеобщее благополучие и другие подобные приятные вещи. Среди всех его розовых предсказаний черным пятном смотрелась единственная плохая новость: летом в Бесанконе будет мощное землетрясение. Бесанконцы быстро застраховали свои дома от землетрясения и хихикали над неверующими страховыми компаниями, которые, несмотря на предсказание, пошли на этот риск. Лето прошло, землетрясения не было. Зато выяснилось, что астроном был нанят страховыми компаниями. Четыре компании получили огромные доходы, а сам предсказатель заработал два миллиона франков. Несколько пострадавших не смирились

с этим, подкараулили астролога и задали ему достойную трепку.

ДЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ ЕСТЬ СОТНИ СПОСОБОВ

Я отдельно занимался бизнесменами от астрологии, потому что они ткут свои сети из нитей, хоть каким-то образом смоченных в краске науки. Но крупные города кишат и другими пиявками оглушенной доверчивости, всякими гадалками, провидцами, магами и псевдомедиумами, арсенал образованности которых был велик настолько, насколько возможно было наполнить его на скамье начальной школы.

Знатные и богатые дамы на своих встречах с таинственной улыбкой передают друг другу записки с адресами. И даже не жалко, если они верят, что тайну будущего судьба запрятала в помещениях с тяжелым запахом во внутренних дворах и убогих дворничьих, а разгадка этих тайн доверена не умеющим ни читать, ни писать женщинам с грязью под ногтями. Но эти женщины, по крайней мере, скромно прячутся в своих убогих помещениях и довольствуются так называемой устной рекламой. Настоящая банда пестрого рынка предсказаний вырисовывается перед нами, когда мы знакомимся с литературой оккультистских объявлений.

В процессе моего рассказа, как это было и до сих пор, я придерживаюсь привычного толкования, когда не делается разница между гадалкой и предсказателем будущего. Последний термин было бы лучше заменить на провидца, который благодаря своим оккультным способностям может заглянуть в будущее. Гадание (*divinatio*) делает выводы о будущем на основании внешних признаков и явлений. (Предзнаменование, в свою очередь, отличается от них, оно тоже характеризует будущее, но не мы обращаемся к нему, оно возникает независимо от нашей воли.) Наши простенькие гадалки не в состоянии гадать ни на чем ином, как на картах, кофейной гуще, бобах и хрустальном шаре. А ведь классический мир, а в качестве его наследства и средние века знали более ста способов гадания. Я выписал часть их. (Греческие названия я присоединил к некоторым из них для информации.)

Гадание по плющу (*Daphnomantia*)

Гадание по костям (*Cleromantia*)

Гадание по древесному листу (*Botanomantia*)

Гадание по дыму (*Capnomantia*)

Гадание по роднику (*Pegomantia*)

Гадание по фиговому листу (*Sykomantia*)

Гадание по древесным отходам (*Xilomantia*)

Гадание по золе (*Spodomantia*)

Гадание по песку (*Geomantia*)

Гадание по луку (*Gromniomantia*)

Петушиное гадание (*Alectromantia*)

Гадание по стреле

Гадание по хлебу

Гадание с кубиком

Гадание по ключу

Гадание по пламени лампы

Гадание по птицам

Гадание по имени

Крысиное гадание

Гадание по свекольному листу

Гадание по сыру

Гадание с солью

Гадание по цифрам

Гадание по глазам

Гадание по тесту

Гадание с зеркалом

Гадание по пламени

Гадание по тмину

Яичное гадание

Случайное гадание

Гадание по воску

Гадание по воде (10 различных видов)

Гадание по стихам

Гадание с кротом

О толковании снов я уже рассказывал. Двумя получившими бурное развитие современными науками — хиромантией и графологией — я не занимаюсь. Чтобы написать о них, надо заняться ими всерьез, глубоко.

Гадание по плющу просто. Свежую ветку плюща надо бросить в огонь. Если она потрескивает, это к добру, если потрескивает сильно, то это еще лучше.

При гадании по костям на костяные пластинки пишут по одной букве алфавита, перемешивают все пластинки в мешочке и вытаскивают их по одной, как в лотерее. Из извлеченных букв складываются слова, которые или понятны, или непонятны.

Гадание по древесному листу проводится после ночной бури. На рассвете надо выйти в сад и по положению опавших листьев сделать вывод о будущем. Если это удастся.

При гадании по дыму бросаем в горящие угли семена цветов, и по форме дыма и направления, в котором он уходит, можно узнать важные вещи.

При гадании по роднику опускаем в воду посуду с узким горлом, и бульканье воды, проникающей в посуду, расскажет будущее человеку, понимающему такую речь.

При гадании по фиговому листу не надо думать плохое. Кончиком иглы надо написать на листе вопрос и отложить этот лист. Если он долго остается свежим, это хороший признак. Если быстро высохнет, надо готовиться к плохому.

При гадании по древесным отходам надо во время прогулки подбирать попадающиеся нам кусочки древесины и по их форме делать вывод о будущем.

При гадании по золе надо рассыпать вечером на улице золу и пальцем написать на ней вопрос. К утру большая часть букв потеряет свою форму до неузнаваемости, но по сохранившимся буквам можно угадать ответ.

Гадание по песку осуществляется таким образом, что горсть песка мы бросаем на стол. Песчинки произвольно рассыпятся, образуя всевозможные фигуры. Эти фигуры надо добавить с помощью воображения и делать из этого вывод в отношении будущего.

Змеиное гадание требует специальной подготовки. Вывод о будущем можно сделать по кольцам, в которые сворачивается змея, а для этого необходимы соответствующие подготовка и опыт.

Лук играет роль в отношении погоды. Дебреценский календарь на 1842 год рассказывает, что в первый день нового года слуги одного барина занимались следующим гаданием¹: "Разрезав большую луковицу на четыре части и разобрав их на слои, выбирают 12 таких кусков. Их укладывают рядом на одну доску, противень или поднос, как 12 месяцев года. После этого на каждый ломтик насыпается щепотка мелкой соли, и на ночь все ставится на теплую печь; утром смотрят, на какой пластинке соль растаяла или увлажнилась, в том месяце, который ломтик представляет, будет много дождей, а где соль сухая, месяц тоже будет сухим".

Над такими крестьянскими суевериями принято посмеиваться. А ведь такими суевериями, как и многими другими, когда-то занимались образованные господа, от них эта традиция бесплатно перешла к крестьянам. Описание именно этого гадания я нашел на 62-й странице часто упоминаемого "Breslauer Sammlungen" за 1719 год. Его прислал некий прусский статский советник Корхольт, ссылавшийся на многих знатных господ, которые испытали гадание по луку с блестящим результатом. Между крестьянами и статским советником разница заключается в том, что крестьянин выкладывает луковые ломтики в новый год, потому что тогда начинается год. По мнению статского советника эксперимент надо проводить в новый год, потому что в предыдущую ночь особенно сильна власть *astrum praesagiens* (предсказывающей звезды). Что это за новогодняя звезда, он не говорит.

Как видно, с *astrum praesagiens* связано литье свинца. В наши дни шуточная игра, а когда-то в это верили всерьез. Так же, как и в другие, не описываемые подробно способы, на которые не стоит тратить свинец шрифтолитейных машин. Скажу только несколько слов о петушином гадании, чтобы показать, что когда-то такое гадание было не просто серьезным, а смертельно серьезным.

На земле чертили большой круг и делили его на столько частей, сколько букв в алфавите. В соответствующую часть каждой буквы клали ячменное зерно, в центр круга загоняли петуха и следили, в каком порядке он выклеивает зерна. Из сочетания букв, может быть, удастся составить что-то, имеющее смысл. Когда петух прекращал клевать зерна, по оставшимся буквам гадали. Как-то император Валенс находился в Антиохии, и несколько предсказателей попытались выяснить с помощью петуха, кто сменит Валенса на троне. Из оставшихся букв сложился обрывок слова: Теод... Валенс узнал об этом и навел порядок. Прежде всего он распорядился обезглавить любопытствующих, за ними — всех тех, кого зовут Теодор и кто может претендовать на трон. Но выяснилось, что петух был осведомлен правильно, ибо на троне Валенса сменил Теодосий, который стал известен в истории под именем Великий...

ТОРГОВЛЯ НАДЕЖДОЙ НА РЫНКЕ ГАДАНИЯ

Трудно поверить, каким богатым прошлым располагает оккультистская реклама. Мы сталкиваемся с нею уже в начале XVII века. В архивах Британского Музея (Харлейнская рукопись N 5931) хранится текст такого объявления; где оно фигурировало? Не знаем.

"В Грейс Инн Лэйне (приводится точный адрес) живет миссис Стотхардс, которая отвечает на все незапрещенные вопросы, например: будет ли счастливой или несчастной ваша жизнь? что за человек станет вашим супругом? минула ли уже благоприятная для заключения вашего брака дата или же она еще впереди? можно ли доверять кому-либо из ваших друзей или нет? и т. д. Зная место и дату вашего рождения, она скажет вам, какие события ждут вас в будущем. Она сможет растолковать значение появления бородавки на какой-либо части вашего тела. Она великолепно объясняет и разгадывает сны. Плата — полшиллинга. Поднимайтесь по лестнице и не задавайте лишних вопросов."

Что касается странного гадания по бородавкам, его секрет для нас был бы утерян, если бы книга "Notable Things" ("Дела, достойные внимания"), написанная в 1660 году писателем того времени по фамилии Лаптон, не сохранила бы для нас необходимые сведения. Согласно книге:

"Бородавка на руке или кисти указывает на наличие подобных бородавок на других частях тела. Бородавка на плече: мудрость; ближе к подмышке: богатство и ранг; бородавка на губе: хороший желудок и красноречивость. Бородавка на правой стороне лба: большое богатство, на левой стороне лба: большая бедность. Красная бородавка на носу у мужчины и женщины: большая склонность к любовным утехам. Одна или несколько бородавок в районе живота: большой обжора. Бородавка на колене у мужчины: богатство, на колене у женщины: много детей. Бородавка на груди: бедность; на бедре: бедность и несчастье".

Демонстрировать современную ярмарку надежд я начну с Парижа. Всего в одном номере одного еженедельника тридцать семь предсказателей и гадалок заманивают читателя. Причем читателя образованного, потому что "Candide" выпускается не для безграмотных масс. Как видно, бывает образованность, которая распространяется по поверхности, как крупная шапка болотного цветка, скрывающая прячущееся под нею болотное месиво человеческой глупости.

Гадалки чаще всего козыряют восточными науками, приспособившись к всеобщему мнению, согласно которому именно там качали колыбель оккультизма в его младенческий период. Одна из них провозглашает, что ей известны египетские тайны 5000-летней давности. Другая представляется знатоком тайных арабских, третья — тайных индусских наук. Была и такая, которая только что прибыла из Тибета, где Великие Ламы обучили ее тому, как надо открывать будущее парижанкам с куриными мозгами. Стоимость общения с нею — 20 франков.

Жрицы Востока не только гадают. Они дают советы, руководят, развивают скрытые способности своих клиентов, укрепляют их уверенность в своих силах, закаляют их для жизненных битв, обеспечивают успех. Мадам Рэне, согласно объявлению провидица, хиромантка, умеет читать мысли. Работает она с древнеегипетскими tarot. Она не задает вопросы, только дает советы. Безошибочно предсказывает будущее. Точные даты. Посвящает в секрет успеха. Присылайте данные о своем рождении и двадцать франков пятьдесят сантимов. Мадам Терез Жирар — "дипломированная" провидица. Она работает под научным контролем. Ее имя известно всему миру. Так говорит она сама. Где она получила диплом, она не рассказывает, поэтому сомнения мои обоснованы. Ведь, насколько мне известно, оккультизм преподавали только в университете в Саламанке пятьсот лет тому назад, а может быть, это и не так. Среди всех объявлений самые дешевые услуги предлагает мадам Бьюик. Она дает безошибочные советы в отношении здоровья, любви, супружества и семейной скуки. Всего за пять франков.

Ужасно скучно, наверное, парижской даме в ее доме, если она не замечает даже, что в одном разделе объявлений одной единственной газеты сгрудились тридцать семь талантов, наделенных сверхъестественными способностями.

Если французские газеты ярко демонстрировали взбалмошность парижанок, объявления немецких оккультистов служили подтверждением обстоятельности немецких женщин. Я достал подшивку одного из самых серьезных оккультистских журналов "Zeitschrift fur Okkultismus" за 1921-1922 годы. Просмотрев объявления, я был потрясен, под каким беглым огнем находится кроткий читатель. Если он поверит всему тому, что обещают объявления, и обратится по адресу, его следующим образом будут готовить к жизненным сражениям.

Прежде всего надо узнать, в чем загадки настоящего и тайны будущего. Надежнее всего будет обратиться к герру Е. М. в Дрездене, который по его собственному определению является Neupsychologe und Traumdarsteller (современный ныряльщик в души и толковальщик снов). Ему надо послать две фотографии, и этот человек необыкновенной профессии за соответствующий гонорар

пообещает вам следующие достижения: "Воздействует телепатическим путем на расстоянии. Влияет на чувства, освобождает от слабостей и тревожащих ощущений. Создает духовную гармонию путем передачи силы собственной мысли (Gedankenkraft). Развивает силу воли. По фотографии определяет характер. Дает советы по важным жизненным проблемам. Поставляет магические кристаллы для развития дальновидности и восприимчивости к внушению (Hellsehen). Обучает суггестеров (не гипнотизеров) и "магнетопатов".

С таким разносторонним оккультистом не может сравниться некий И. К., который с помощью "магического флюида" оказывает дистанционную помощь при волнении и слабости воли и называет себя Psychologe und Magnetopath. А вот Г. Б. не обслуживает частные случаи, а переделывает всего человека. За десять марок он направляет информацию; ее называют Lebensfuhrer mit Harmonielehre (Указатель жизненного пути с наставлением по гармонии). В. Г. извлекает на поверхность самые секретные тайны души, применяя для этого "интуитивное эзотерическое толкование имени". Несколько туманное определение объясняется следующим образом: "Из трех степеней значения имени можно узнать, кто смог подняться на какую духовную высоту, а также наблюдаются ли у данного человека духовные перемены или он проживет свою жизнь в более низкой форме".

Господин А. М. из Касселя идет дальше. Он вскрывает не только настоящее и, возможно, будущее, но и прошлое. Причем то прошлое, которое содержит предыдущие инкарнации. Согласно информации по вашему желанию он выяснит "предыдущие инкарнации до времен, предшествующих рождению Христа".

Однако все объявления оказываются биты одним — под названием "Алхимия". Оно составлено исключительно из существительных и прилагательных: "Секретное средство для получения золота! Философский камень! Эликсир жизни! Престиж! Тайна Парацелиуса!"

Представим себе, что наш оккультист духовно здоров, больное у него только тело. В этом случае он может выбирать из самых различных систем, действующих на расстоянии. Обязательный успех обещает метод фрау Ц. Х., которая оказывает немедленную помощь самым тяжелым больным путем durch Hellhoren (применения хорошего слуха). Даже представить себе не могу, что это могло бы означать. Другая фрау по имени Х. Х. — Lebens- und Heilreformerin (возвращающая к жизни и здоровью) — не просто лечит на расстоянии, но даже ведет "курсы на расстоянии" для господ и дам, желающих научиться лечить на расстоянии (Fernkurs).

Аптеки также включились в рекламную деятельность. Они рекламируют Магнодин, воздействующее на расстоянии лекарство для телепатического лечения, — Красный эликсир жизни, главным образом для лечения возрастных заболеваний, — Ауудиновое масло, "содержимое которого поляризовано и возбуждает и углубляет одические чувства". Это может быть неплохим вспомогательным средством для тех, кто для решения своих душевных проблем прибегает к помощи интуитивного эзотерического толкования имени.

Если поверивший оккультист таким образом привел в порядок свои духовные и физические дела, он может заняться своей жизнью. Но в полных ужаса джунглях повседневной жизни к нему со всех сторон тянутся враждебные когти. Поэтому он правильно поступит, если приобретет небольшую, карманного размера книжечку "Магическое зеркало". Она может подсказать, как надо защищаться от вредных душевных стрессов. Он поступит еще умнее, если обратится к кассельской фирме "Аркана" и закажет приборчик "Мефистофель". Цена — восемь марок, в декоративном оформлении — пятнадцать марок, с подсветкой на случай темноты -двадцать пять марок. Этот колдовской приборчик о каждом живом существе или безжизненном предмете может безошибочно определить, какого он рода: мужского или женского. Если у кого-то есть сомнения, не мальчик ли девочка или не девочка ли мальчик, надо поднять у него над головой этот приборчик и держать пару минут, пока его маятник не начнет двигаться. Если он движется, как обычный маятник, значит речь идет о существе мужского рода, если же маятник описывает окружность, речь идет о существе женского рода. Если маятник не движется, ситуация запутывается. Согласно объявлению в этом случае проявляется "Kombination der Objekte". Следует признать, что повседневная жизнь дает мало возможностей для сомнений всякого рода, но "Мефистофель" можно использовать и в других случаях. Например, о любом кошельке можно узнать, из шкуры животного мужского или женского рода он сделан. Хорошо, если человек знает это.

Но полезнее всех их прибор под названием "Tattwaskop". без которого просто невозможно обойтись. Он похож на часы, его можно носить в кармане. Множество фирм рекламируют его как необходимую принадлежность "современного удачливого человека". Известно, что из всех космических излучений наиболее благоприятно воздействуют на человеческие судьбы лучи "Tattwa". Удачливому человеку следует начинать какое-то дело тогда, когда сигнал на это подает Tattwa. Когда? На этот вопрос точно ответит остроумное изобретение, благодаря которому без всякой астрономической подготовки можно увидеть, есть ли излучение Tattwa, т. е. подходящий ли сейчас момент для начала дела. Было бы придишкой беспокоиться насчет того, что Tattwa благоприятствует и

противникам, а вдруг кто-нибудь из них тоже сжимает в руке Tattwaskop?

Учение барона Рейхенбаха удачно использует одна лейпцигская фирма. Она предлагает одметр, который точно измеряет количество и силу одического излучения ладоней и кончиков пальцев. Вращающий обнаженную саблю господин в одежде мага предлагает гностические курсы. Того, кто окончит эти курсы, не Саул из глиняной посуды, а Давид из рога помажет "невыразимым маслом". Он научится необходимым тайнам воскрешения; познакомится с водой, в которой совершают омовение знающие; узнает, кто любит его:

Афродита? Персефона? Селена? или Сибилла? Он узнает также, какими были райские ворота, которые Якоб видел в Месопотамии, что за чудодейственная трава, с помощью которой Одиссей превратил своих заколдованных в свиней спутников вновь в людей, и что за обнаженная сабля, которой он пробивает дорогу к дереву жизни.

Для оккультистских объявлений в Англии характерны простота и деловой дух. Я наугад взял один номер спиритуалистского еженедельника "The two Worlds". Особенно любимое занятие тамошних оккультистов — так называемая психометрия. Надо направить магу какой-либо мелкий предмет пользования, а он на основании этого выманит будущее из скорлупы. Из сформулированной с холодной сухостью рекламной статьи мы узнаем, что некий господин по имени Фармер вырезал из подкладки своего старого жилета кусочек материи размером с почтовую марку и отправил ее магу. Через несколько дней пришел ответ: "Декабрь будет благоприятен для Вас и принесет Вам большие доходы. Затем придет период испытаний, и только в марте будущего года дела решатся в Вашу пользу. Я вижу, что нервы у Вас не в порядке. Принимайте укрепляющие средства. В минувшие месяцы у вас были большие потери, но все придет в норму, Вас ждут счастливые и мирные годы".

Подписчик выписывает газету не для того, чтобы сомневаться. Рекламную статью он воспринимает за чистую правду, и мага засыпают куски от подкладки, брючные пуговицы, шнурки от ботинок и прочая чепуха.

Об объявлениях американских астрологов я уже говорил. Среди различных ловушек оккультистской рекламы я наткнулся на одну: объявление клуба "Успех". Основная идея этого общества симпатична. Если по какой-то причине в нас угасла сила воли, ее может восстановить личность с сильной волей с помощью излучающейся из него энергии.

А если эту энергию в нашем направлении начнут излучать тысячи и тысячи индивидуумов! Это может произойти, если мы вступим в клуб "Успех". (Членский взнос всего несколько долларов.) Каждый член клуба получает Ключ к гармонии, т.е. письменную информацию. В ней точно указывается время, когда члены клуба должны бросить все свои дела и, сосредоточив силу воли, думать о членах клуба и излучать энергию. В направлении скисшего члена клуба излучают энергию как бы тысячи и тысячи передатчиков. Он заряжается от них, с новой силой двинется вперед и добьется успеха. Успеха, который учредители клуба уже приписали себе.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕНОРМАН

Среди многочисленных профессиональных гадалок настоящей исторической достопримечательностью стала часто упоминаемая мадемуазель Ленорман.

Французы уже давно поняли, что ее знаменитые предсказания звучали "apres coup". Но находятся все же плохо информированные, узнающие новости из пятых или шестых рук дилетанты-бумагомаратели, которые вновь и вновь возрождают дурацкую легенду о том, что эта необыкновенная женщина предсказала изменения в судьбе императрицы Жозефины, падение Наполеона и многое другое.

Да, она предсказывала все это, но задним числом. И это очень легко проверить, достаточно просмотреть в какой-нибудь французской энциклопедии библиографический перечень произведений мадемуазель Ленорман. По году издания сразу становится ясно, что свои сбывшиеся предсказания она опубликовала после смерти Жозефины, когда ни один свидетель уже не мог вмешаться¹.

Мария-Анна-Аделаида Ленорман родилась 27 мая в Аленконе. В шестнадцатилетнем возрасте она попала в Париж и зарабатывала на жизнь в качестве белошвейки. Это была девушка со странной натурой; она была склонна ко всяким суевериям и сама гадала знатным клиентам. Когда в Париже произошли события 1789 года, разнеслась весть, что странная мадемуазель-белошвейка заранее предсказала революцию. Это было не трудно. Все, кто вращался в народных кругах, знали об этом, только близорукая знать не хотела замечать приближение революции. Проявившийся у юной белошвейки талант гадалки привлек клиентов. К ней приходило все больше и больше людей, чтобы узнать свое будущее. Обладая хорошими деловыми качествами девушка из провинции посчитала, что пришло время разменять ее талант на деньги. Она объединилась с профессиональной гадалкой по

фамилии Жильбер. Компаньонки открыли общий кабинет в сердце Парижа, аристократическом квартале Сен-Жермен.

В чем заключался талант юной сибиллы? Ни в коем случае не в том, что она могла заглянуть в будущее. Зато природа наградила ее хорошей наблюдательностью, она была прекрасной физиономисткой, у нее был острый и гибкий ум. Разговор она начинала с невинных, на первый взгляд, вопросов:

"Какой цвет вы больше любите? Какой у вас любимый цветок? Какое животное вам больше всего неприятно? Едите ли вы блюда с луком?" Десять-двенадцать ответов давали ей в руки первые нити. И не забывайте, что мы находимся в Париже XVIII века, где уже сам костюм говорил о том, к какому социальному слою принадлежит его хозяин. Маскарад не помогал, тренированный глаз белошвейки сразу разоблачал подлог. Иногда она приглашала к себе клиентов на долгую беспрерывную беседу, а в это время ее шпионы изучали их жизнь.

Скажем сразу, дела у мадемуазель Ленорман шли хорошо, она отделилась от компаньонки и, начиная с этого времени, в роскошной новой квартире работала только на себя.

Делая предсказания, она применяла несколько систем. Чаще всего она раскладывала карты. У нее было три колоды, и в зависимости от того, выкладывала ли она 7, 13 или 17 карт, она называла эти операции малой, средней или большой игрой. Гадала она и по кофейной гуще. Она выплескивала гущу на плоскую тарелку с отверстием в центре. Через 10-15 минут (сама она в это время задавала вопросы) вода вытекала в отверстие, оставшаяся гуща высыхала и принимала на тарелке формы, возбуждающие фантазию. По ним можно было нагадать что угодно.

Первый период деятельности мадемуазель Ленорман продолжался до конца революции. Знатные клиенты постепенно перестали посещать ее, видимо, по известным причинам. Им на смену пришли руководящие личности нового мира: Марат, Робеспьер, Сен-Жюст. Так пишет об этом сибилла в своих мемуарах. Всем троим она нагадала насильственную смерть. Так и произошло. К сожалению, при этих чудесных предсказаниях присутствовала только одна свидетельница: сама предсказательница. Это предсказание тоже было придумано ею задним числом, чтобы таким образом объяснить негалантный поступок Робеспьера, распорядившегося отправить ее в женскую тюрьму Petite Force. И не за смелое предвидение, а по подозрению в контактах с аристократами. Но по какой бы причине не упрятали ее в тюрьму, ей полагалось бы заранее знать свою судьбу, а не только судьбы других.

Проведенные в Petite Force дни начали второй, блестящий период жизни мадемуазель Ленорман. Как она пишет, здесь состоялось ее знакомство с еще одной пленницей, женой генерала Богарне. Эта дама, в девичестве носившая имя Жозефина Таше де ля Пажери, передала ей записку, в которой просила рассказать что-нибудь о ее будущем. Гадалка передала ей записку, которая содержала известное предсказание. Его и сегодня с восторгом и удивлением цитируют верящие.

"Генерал Богарне1 станет жертвой революции. Его вдова через два года вновь выйдет замуж, причем за молодого офицера, которого ждет самое блестящее будущее. В качестве жены офицера на протяжении двенадцати лет она будет наслаждаться самыми щедрыми подарками судьбы, ее супруг добьется самого высокого государственного ранга, но потом ее лишат всей помпы величия."

Это уже не какая-то двусмысленная болтовня, это четкий разговор, каждое слово которого оказалось правдой. Генерал Богарне сложил голову на плахе, его вдова через два года вышла замуж за молодого офицера по имени Наполеон Бонапарт, который позже стал консулом, а затем и императором Франции. Двенадцать лет Жозефина блистала в роли жены главы государства, а потом Наполеон развелся с нею...

Да, но кроме Жозефины эту записку никто не видел, а об этом случае мадемуазель Ленорман оповестила свет только в 1815 году. Она сделала это в книге "Souvenirs prophetiques d'une sibylle", когда императрица уже умерла и не могла ничего сказать, не могла выступить свидетельницей!

Какая-то связь с будущей императрицей у нее действительно была. Эту креолку няньки-негрятки воспитали в духе суеверий, карточных гаданий, предсказаний будущего. Модную парижскую ясновидицу она несколько раз приглашала к себе, и ничего другого и не требовалось, чтобы распространить слухи о связях в высоких кругах.

Проявление милости двора оказалось прекрасной рекламой. Мадемуазель Ленорман достигла пика своей триумфальной карьеры. Среди ее клиентов были великий актер Тальма, великий художник Давид и даже мудрейшая мадам Сталь.

Однажды она сделала предсказание Жозефине. Она предсказала грустный финал: император разведется с нею. Собственно говоря, она не предсказывала, а предавала. То, что Наполеон собирается разводиться, знали все, кроме его жены. Мадемуазель Ленорман грубо нарушила обязанность хранить тайну, когда в форме предсказания сообщила новость ничего не подозревавшей жене. На следующий день министр внутренних дел Фуше вежливо пригласил к себе сибиллу. Счастливая, та примчалась со своими картами.

— Вы знаете, зачем я пригласил вас? — спросил министр.

— Наверное, хотите выслушать меня. Я принесла большую игру.

— Не совсем. Я должен арестовать вас.

— Меня? Арестовать? За что?

— Ну, знаете! Великая ясновидица да чтобы не знала причины? Спросите об этом карты.

Перепуганную даму задержали и, чтобы проучить ее, несколько недель продержали в тюрьме.

После падения императора какое-то время она жила за счет своей старой славы. Потом вместе со славой поубавились и доходы. Она попыталась заняться литературным трудом и выпустила мемуары, первоисточник знаменитых предсказаний *post eventum*. Попробовала она заниматься и книжной торговлей, но и это успеха не принесло. Тогда она организовала большую рекламную шумиху, объявив, что ей надо ехать в Бельгию, у нее есть важные предсказания для герцога Оранского. Но опять случилось так, что великий знаток тайн будущего не видела заранее поворот в собственной судьбе. В Брюсселе ее арестовали, потому что таможенники без всяких карт и кофейной гущи обнаружили, что в чемодане с двойным дном она попыталась провезти в Бельгию карманные часы.

Когда она вышла из тюрьмы, ореол ее таланта провидицы поблек. Ее оставили те, кто ранее верил в нее, мир забыл ее, и ее имя вновь появилось на страницах газет только 25 июня 1843 года, когда она умерла в возрасте 72 лет.

После ее смерти, как это бывает в таких случаях, тлеющий жар легенды вновь вспыхнул. О ней писали книги, море статей, заговорили свидетели, вспоминая то или иное сбывшееся предсказание.

Знаменитые предсказания с тех пор покрылись благородной зеленью старины, и сегодня еще находятся неопытные люди, которые не видят, что под благородной ржавчиной времени скрывается ничем не обоснованная болтовня.

Родившаяся с опозданием сплетня и самого Наполеона включила в число клиентов мадемуазель Ленорман¹. Великого изгнанника уже не было в числе живых. И лгать можно было как угодно, не боясь перегнуть палку. В перегибании палки, кстати, высокого результата добился некий англичанин В. Кайлаэн, который якобы побывал на острове Святой Елены, беседовал с Наполеоном и из его собственных уст слышал, что он обращался к сибилле и она гадала ему, причем даже не в императорском дворце, а на квартире у ясновидицы. Она предупредила его и об острове Святой Елены. По словам английского путешественника, Наполеон так рассказал этот случай:

"Мадемуазель Ленорман показала мне остров Святой Елены и даже нарисовала его на полу одной из комнат квартиры на Рю Турно. В различных местах острова она надписывала: *Plantation-House, Long-Wood, The Tower, Hudson Lowe*".

Во все это можно поверить. Даже в то, что парижская белошвейка без ошибок пишет на английском языке эти названия и заранее, на несколько лет вперед знает, кто будет губернатором острова в период ссылки Наполеона. Но невозможно поверить, что французский император посещает на квартире гадалку, раскладывающую карты за деньги. (Книгу Кайлаэна, в которой тот пишет об этом удивительном случае, упоминает доктор Кабане², но точных данных о книге он не сообщает.)

А вообще-то Наполеон узнал о существовании острова Святой Елены не от мадемуазель Ленорман. Он знал об этом острове уже в кадетские годы.

И свидетелей этого я могу представить, в том числе и самого себя. А также всех тех, кто, находясь во Флоренции, заходил в Лауренцианскую библиотеку и имел возможность заглянуть в ученическую тетрадь Наполеона. Эту интересную реликвию хранят за стеклом, тетрадь открыта на последней странице. Наполеон, обучаясь в кадетском училище, писал в этой тетради свои домашние задания о заморских колониях. В середине страницы запись обрывается, и последняя строчка, вписанная юным солдатом в тетрадь, выглядит так:

"*Sainte Helene, petit eisle*" (Святая Елена, маленький остров)...

Другой вопрос, не дохнуло ли на нас какой-то тревожащей душу фатальностью от строчки из четырех слов, в которой будущий император собственноручно выразил последнюю, трагическую главу своей жизненной судьбы? Не знаю. Может быть, это и случайность, мы ведь знаем странные игры судьбы.

Вот еще одна из типично наполеоновских случайностей:

Остров Святой Елены был открыт одним португальским мореплавателем в тот же день, когда Колумб открыл Мартинику. На острове Мартиника родилась императрица Жозефина, а на острове Святой Елены умер император Наполеон...

Пугающее странное совпадение! Я и сам удивился, когда прочитал об этом в одной очень серьезной книге. Я даже воспользовался этим будящим мысль фактом, писал о нем, как о мрачной тени грозного Рока. В романе это звучало очень красиво. Но сейчас я пишу сухую прозу, поэтому надо заглянуть в энциклопедию. А там написано, что Колумб прибыл на остров Мартинику в день Мартина в 1493 году, а португальцы открыли остров Святой Елены в день Елены в 1502 году³.

Гремящий Роком информатор не обратил внимания на тот факт, что оба острова, видимо, были названы именем Святого, в чей день они были открыты.

Вот так бывает, если человек с первого слова верит во все глупости, публикуемые на бумаге.

ВЕЩИЕ СЛОВА БЕЗУМЦА

Какой же вывод можно сделать из ярмарки надежды? Возможно, что какая-то туманная фраза профессионального предсказателя содержит в себе ставшие действительными события будущего. Вот одно из фатальных предсказаний венгерской ясновидицы:

"В апреле климат будет мягким, но в мае надо опасаться заморозков... Во второй половине года общее внимание будет привлечено к уголовному преступлению типа ограбления... Для театров сезон будет благоприятным. В марте или мае этого года заслуженным успехом будет пользоваться одна из актрис... И т. д."

Предсказатель обычно как игрок играет с пятидесятипроцентной степенью риска: или черный, или белый цвет выйдет обязательно. Если он угадал, молва сразу превращает его в ясновидца. Так мадам Тебэ предсказала победу французов в первой мировой войне. Ее предсказания на фронтах зачитывали каждый день вместе с приказами. Франция выиграла войну, но франк обесценился, и мадам Тебэ потеряла все свое состояние.

Этого она заранее не знала.

Я уже писал, что и слепая курица способна найти зерно. Чтобы довести эту мысль до крайности, я сошлюсь на предсказания душевно слепого, т.е. настоящего, официально признанного безумца, содержавшегося в сумасшедшем доме. Его записал Л. фон Алверслебен и выпустил в 1831 году под названием "Пророк". Жилец демитцкой лечебницы, в частности, предсказывал:

"В 1853 году один император попытается посягнуть на права находящейся под его властью свободной нации. Силой и единством, без всякой революции, народ потребует все то, что принадлежит ему, откажет императору в верности до тех пор, пока тот настаивает на своих притязаниях. Борьба будет долгой, хотя все обойдется без кровопролития. В конце концов, они успешно договорятся".

Если мы сравним ясновидение с договоренностью, достигнутой в Венгрии, мы увидим, что они совпадают как два пальца одной руки. Другой вопрос, почему безумный пророк угадал именно это историческое событие, когда все остальные его ясновидения были совершенно неудачными.

КОНЕЦ СВЕТА

Человек в своем смелом любопытстве не довольствуется тем, чтобы иногда только заглядывать за покров будущего. Он стремится сорвать его совсем, даже если за ним скрывается оскал черепа Конечной Тайны.

Когда будет конец света?

Многие пытались ответить на этот вопрос. Один делал вывод по положению звезд; другой — по тексту Библии, особенно по видениям Иоанна; а кто-то страшал пугливое человечество просто на основании собственных фантазий.

Прежде, чем я поведу речь об этих грустных предсказаниях, надо сказать, каково мнение науки о времени сотворения мира. Я имею в виду не миллионы лет согласно современной геологической науке и не тысячелетия, о которых, умничая, говорили толкователи текстов периода барокко. Любящие точные определения умы не думают так обобщенно. Они стремятся выяснить, в какой день произошло сотворение мира.

И тут я должен вспомнить трудолюбивого как муравья ученого, который первым собрал все события каждого дня целого года и оставил потомкам огромную коллекцию событий, расписанных по дням. Книга действительно огромна, она содержит 1492 страницы и вместе с обложкой из свиной кожи весит около пяти килограммов. Ее автор - Генрих Ансельм фон Циглер унд Клипхаузен, советник курфюрста Саксонии. Называется книга "Taglicher Schauplatz der Zeit" ("Повседневные события времени", Лейпциг, 1675).

События эти, большей частью, сегодня уже не интересны. Среди них — радостные дни рождения мелкой немецкой знати и горестные для их подданных дни смерти этой самой знати; многочисленные сообщения о правящих делах Хенриков и Агостов, а также Хенриков-Агостов и Агостов-Хенриков и даже Фридрихов-Агостов-Хенриков и Агостов-Хенриков-Фридрихов.

Но нас сейчас интересует только один день — 26 октября. Потому что в этот день произошло сотворение мира. Автор ссылается на астрономические выкладки Тихо Браге и Кальвизия и сообщает даже о том, что знаменательная дата припала не на серые будни, а на праздничное воскресенье.

В это можно было бы поверить, если бы веру не поколебало бы противоположное мнение других ученых. Урбан Шевро, секретарь шведской королевы и наставник Людовика XIV, герцога Майнцского, в 1686 году издал книгу под названием "Histoire du Monde" ("История мира"). В ней он пишет, что, по отдельным мнениям, бог создал мир весной, другие же считают, что мир был создан 6 сентября, в пятницу. (В пятницу! Ничего себе начало!)

Все теории развенчал научный журнал "Breslauer Sammlungen". Его сотрудник по имени Я. Г. Зигесбарт в дополнительном томе к изданию 1726 года опубликовал свою работу по этому головоломному вопросу. Работа называлась "Aera Mundi Vera" ("Действительный возраст мира"). Его предшественники, — пишет он в статье, — понятия не имели, от чего надо отталкиваться. Настоящая "точка отсчета" — тот день, когда было сотворено солнце. Другими словами, в первую очередь надо выяснить, в какое время года, какое время дня, в котором часу бог подвесил солнце и в какой точке небосвода. Все, что ученые наплели до сих пор, — возмущается автор труда, — все это шаткий и неразумный вздор. Абсолютно ненаучно доказывать, что событие произошло осенью, мотивируя это тем, что на деревьях были зрелые фрукты, в том числе и запретный плод. На это справедливо будет заметить, что в южных районах, как известно, и весной с деревьев улыбаются зрелые плоды.

В какой же точке творец мог подвесить солнце? Только лишь над Иерусалимом, о другом месте даже и говорить нечего. Ведь первую пару людей бог создал не в раю, а в Иерусалиме. Но какую же роль сыграл в этом случае рай в жизни первой пары? — робко спросит опешивший читатель. Наш автор отвечает: Рай был просто большим парком, куда Адам и Ева ходили отдыхать⁴.

Если мы поверим в это, все трудности будут ликвидированы. В результате длительных и детальных астрономических подсчетов выясняется, что сотворение мира пришлось на среду — в весеннюю пору. И исчисление нашего времени начинается, таким образом, с этого дня, точнее, с шести часов вечера, потому что согласно Библии сперва была тьма, а уж потом — свет. Солнце на небосклоне появилось над Иерусалимом только на следующее утро. Кто сомневается в этом, пусть прочтет шестой стих XIX-го псалма, в котором царь Давид поет о солнце, что оно, как жених, выходит из своей постели. А женихи из спален выходят утром.

Автор статьи не сообщает лишь, какое число какого месяца приходится на эту знаменательную среду, что, собственно говоря, не такой уж большой недостаток, ибо во всем остальном, что касается запутанной проблемы сотворения мира, он навел полный порядок.

* * *

Впервые страшной картиной конца света Европе угрожал тысячный год. Еще за несколько десятилетий до него уже начала распространяться весть о том, что роковая круглая дата несет с собой завершение человеческой жизни. Искусствоведы говорят, что следы ужаса ощущаются в памятниках старины: в последние десятилетия перед тысячелетием перестали строить ценные, долговечные сооружения, даже храмы воздвигались из легкого материала, дерева. Огромные, заглядывающие в века сооружения начали строить только после того, как внушающий ужас тысячный год послушно проследовал вслед за остальными, уступив место новому году. И все-таки какую-то пользу страх принес: согласно документам того времени, никогда людьми не приносилось столько благотворительных даров, сколько в годы страха. *Arripinquantio mundi termino* (по случаю приближения конца света) — такова была общепринятая фраза документа о даре.

Часто бывает, что рука, которая заронила искру страха, оставалась неизвестной. В Венгрии в 1818 году по рукам ходило рифмованное предсказание:

В тысяча восемьсот восемнадцатом придет конец света,
В огне, воде, под каменным дождем погибнем мы.
Небо обрушится, земля провалится в черную пустоту,
Отойди от греха, человек, чтобы получить спасение.

Острый глаз Йокаи⁵ заметил эту записку и создал на основании ее великую новеллу ("Конец света"). "Естественно, что имеющие хоть каплю разума составители календарей, — писал он, — наобещали на июнь столько града, ливней, ураганов и землетрясений, что те, кто купил эти календари, даже и не затевали обработку винограда в этом году".

Возникавшие из неизвестного источника панические слухи повторялись в 1832, 1857 и 1866 годах. В 1832 году проводимая в Венгрии на день Леопольда ярмарка совершенно обезлюдела, и продавцы, и покупатели сидели по домам и тряслись от страха. 13 июня 1857 года перепуганные парижане выехали в Сен-Дени, боясь, что на них обрушатся высокие здания. В 1866 году в Пеште народ бросил мастерские, орудия труда и несколько недель пьянствовали в корчмах. Трусость мужчин высмеяла женщина: Жозефин Галлмейер в немецком театре в Пеште исполняла иронические куплеты, посвященные концу света.

Пророки-ясновидцы не считали необходимым особо мотивировать свои предсказания. Американец Вильям Миллер с 1832 по 1844 годы прочел три тысячи двести проповедей о своих видениях, связанных с апокалипсисом. А потом он сообщил своим сторонникам, что больше говорить не будет, ибо 14 марта 1844 года наступит конец света. Ему поверили. И таких верящих было много, целая секта; под именем миллеритов их вспоминают и в наши дни. Женщины закупили в магазинах все запасы белого муслина, чтобы судный день застал их в должном наряде. Но судный день так и не наступил, после чего старый пророк утешил свою разочарованную паству: бог простил людей и отложил конец света на более поздний срок.

Аналогичная история произошла и с Ли Спэнглером, пророком из Пенсильвании. Он предсказал, что мир перевернется в октябре 1908 года. Его сторонники, как это и должно быть в такой момент, тоже оделись в белое, вышли в поле и с пением псалмов ожидали жуткой минуты. Минуты превратились в часы, стемнело, потом рассвело. После бессонной ночи наступило разочарование. Но все кончилось спокойно, все тихо разошлось по домам, а до этого начали искать пророка, который отправился домой еще раньше их. Он был дома и завтракал.

Я не рискую показывать предсказания толкователей, ибо они настолько сложны, что я сам ничего в них не понимаю. Сошлюсь только на рассуждения скрывавшегося за начальными буквами имени — И. В. — английского автора от 1665 года. Название его книги: "Romae ruina finalis anno Domini 1666" ("Окончательное крушение Рима в 1666 год от рождения Христова", Лондон). Принадлежавший к англиканской церкви автор, видимо, очень сердился на церковь католическую, потому что называет первым шагом к концу света именно уничтожение этой церкви. Он предупреждает отдыхающих в Италии соотечественников, чтобы они срочно возвращались на родину, потому что в будущем году Рим будет уничтожен. Этот ужасающий результат он вычислил следующим образом. В Апокалипсисе Антихрист значится под 666-м номером, что в данном тысячелетии означает 1666. Антихристом в этот раз является не кто иной, как папа Александр VII. Рим, следовательно, погибнет в этом году, но у человечества останутся еще 45 лет, чтобы оно могло подготовиться к катастрофе. На 45-летнюю отсрочку можно рассчитывать на основании последних строк книги пророка Даниила. Столько лет отделяет конец света от времени краха Антихриста.

Такие наивные теории сбивали с толку немногих, зато очень пугали человечество те, которые своим авторитетом прикрывали хорошо причесанный парик науки. Видевшая все в черном цвете наука пророчеств с наибольшим удовольствием хваталась за хвосты комет. Только игрой случая можно объяснить тот факт, что огненные хвосты комет появлялись именно во время крупных эпидемий. В период с 1500 по 1543 годы ни мало ни много двадцать шесть раз будоражило Европу пугающее небесное явление. В тот же период то здесь, то там поднимала голову страшная эпидемия — чума. Астрономы с тупым упрямством настаивали на том, что кометы являются вестниками великих катастроф, а некоторые из этих астрономов видели в них глашатаев конца света. Они составляли целые таблицы ожидаемых несчастий в зависимости от того, под каким небесным знаком появился зловещий звездный бич. Появившаяся под знаком Овена комета означала кровавую войну, большое количество смертных случаев, засуху, а также кончину коронованных особ. Знак Скорпиона, кроме того, угрожал еще нашествием гусениц и саранчи. От знака Рыбы можно было ждать войн и чуму, а также вновь смерти коронованных особ. Уханье ученых филинов пугало еще даже XVIII век, оно прекратилось смущенно только в 1758 году, когда осуществилось предсказание совершенно иного толка. Галлей заявил, что в 1758 году вновь появится комета, которая в 1682 году уже пугала мир. И действительно, бродячая звезда послушно появилась, только что не виляя хвостом. Только тогда человечество, наконец, поняло, что кометы — не предупреждающие герольды небесных владык, а просто туристы, путешествующие по небесным тропинкам.

Научное одурачивание мира осуществлялось не только с помощью комет. Чех Леовиц — по латыни Леовиций — из взаимовлияния Юпитера и Сатурна сделал пугающий вывод о том, что конец света наступит в 1584 году. Самым странным следствием этой жуткой вести стало то, что простые люди толпами бросились к нотариусам составлять завещания. Напрасно их убеждали, что завещание не потребуется, если и так наступит конец света. Волны беспокойства улеглись только после того, как в последнюю ночь зловещего года зазвучали новогодние колокола.

Лютеранский проповедник Михель Штифель жил в деревне возле Виттенберга и занимался изучением тайн математики. О методе своих расчетов он промолчал, а вот результат их сообщил. Результат удивительный. Полный конец света наступит в 10 часов утра 3-го октября 1533 года, — заявил он без всякого милосердия. В собственное предсказание он верил с упрямством фанатиков, настолько, что даже обошел соседние деревни и с кафедр оповещал людей о приближающемся страшном суде, предлагая всем пожалеть о содеянных грехах и покаяться. Убедить деревенский народ ему удалось, вот только с покаянием все вышло по-иному. Люди за гроши продали все движимое имущество, скот, корма, а деньги прогуляли. Когда зловещий час зловещего дня минул, а конец света

так и наступил, прогулявшие все свое состояние люди, разозлившись, избили предсказателя.

Самым большим возмутителем спокойствия в мире был Иоганн Штофлер⁶. Он преподавал математику в Тюбингене, написал множество книг на латыни и немецком языке, разбирался в языке звезд. В тогдашнем научном мире он пользовался высоким авторитетом, поэтому сенсационно прозвучало его заявление о том, что в 1524 году Сатурн, Юпитер и Марс опасно приблизятся к Земле, причем произойдет это под знаком Рыбы. Три крупные звезды поблизости от Земли, все три под знаком обитателя вод: это может означать только всеобщий потоп, который затопит и уничтожит весь мир.

Бомба предвидения взорвалась, ее осколки разлетелись по всей Европе. Другие астрономы подтвердили, что три небесных тела опасно приближаются к Земле. Весть стремительно распространялась, и, прежде чем начался сам потоп, волны страха прокатились по народам Европы. Крестьянин оставил полевые работы; зачем ему сеять-жать, если плоды его труда все равно унесет вода? Ремесленник работал спустя рукава, в торговце исчез дух предпринимательства. Должник не платил долги, считая более мудрым прокутить деньги, предназначенные для возвращения долга. Люди начали откладывать про запас продукты, продовольственные склады были атакованы и разграблены. Богачи переехали в горы; другие строили огромные лодки и держали их на привязи рядом с домом.

Всеобщая растерянность не обошла и дворцы знати. Начал беспокоиться даже император Карл V: а вдруг это произойдет? Волнение его было так велико, что для успокоения императора один из известнейших гуманистов своего времени Августин Нифо⁷, любимец папы Леопольда X, принял вызов и написал книгу, в которой выступил против предсказания Штофлера. Но был у императора и другой верный слуга, полководец Рангон, который, в свою очередь, опасался, что император чрезмерно успокоится и не примет должных мер предосторожности. Он добился, чтобы один врач из Флоренции написал книгу, спорящую с выводами Нифо. Он даже обратился к императору с предложением разослать во все концы специалистов, знающих, как надо бороться с наводнениями, чтобы они указали населению безопасные места в высоких точках.

Так волновалась вся возбужденная Европа, особенно в начале 1524 года, потому что по мнению Штофлера хляби небесные должны были раскрыться в феврале месяце. Но к стыду недоброй троицы звезд тот февраль был настолько сухим, что казалось, все планеты договорились встретиться в самом сухом месте Вселенной. Все вздохнули с облегчением. Наконец-то успокоились и те, кто боялся опасности, и те, кто волновался из-за того, что некоторые оставались излишне спокойными.

Но существовало одно исключение: курфюрст бранденбургский, сам бывший астрономом-любителем. Он приказал своим придворным астрономам проверить вычисления Штофлера, и совместными усилиями они сделали вывод, что Штофлер в основном был прав, но в отдельных моментах ошибался. Потоп будет, но он распространится не на весь земной шар, а только на Пруссию. И состоится это на полтора года позже — 15 июля 1525 года. Свое открытие они держали в тайне, что не свидетельствовало о высоком социальном уровне их мышления. Берлинцы узнали о висящем над их головами приговоре только тогда, когда во второй половине дня 15 июля распахнулись ворота дворца курфюрста, и владыка, за которым проследовал весь двор, промчался через Берлин, вверх — на Креузберг. Об этом "берге" следует знать, что с его высотой он годится для того, чтобы быть по щиколотки нашей горе Геллерет⁸. Берлинские горожане поначалу злились, что их так некрасиво бросили в беде, но, когда после заката солнца с ясного неба на город с улыбкой взглянули оклеветанные звезды, они с умиротворенными лицами, стоя рядами вдоль дороги, встретили возвращавшуюся с позором вереницу карет.

А что стало со Штофлером? Пока еще особых неприятностей у него не было. Его сторонники приступили к подробным объяснениям по известной формуле: звезды сказали правду, потоп должен был обрушиться на мир, но провидение пожалело человечество и ликвидировало нависшую над ним опасность. Но наказание настигло взбаламутившего мир ученого с неожиданной стороны. Его наказали собственные книги, те книги, которыми он пользовался для подтверждения своей неподтвердившейся вести. Спустя несколько лет, однажды вечером, он хотел снять с книжной полки несколько толстых фолиантов. А каждый из таких закованных в кожаные переплеты жутких томов по весу можно сравнить с небольшим пушечным ядром. Какая-то деталь полки при перетаскивании сдвинулась с места, вся полка обрушилась, и ученый умер тут же от многочисленных ударов, нанесенных по его голове тяжеленными томами...

Современному читателю, может быть, кажется сомнительным, что предсказания Штофлера вызвали такой лихорадочный страх в образованном мире. Нас разделяют четыре столетия, и кто знает, сколько разного наносного добавилось к бедным по началу информационным материалам. И автор этой книги сам выступает за то, чтобы удалить из сальных рассказов о прошлом всякий жир сплетен.

Сомнение кажется справедливым. Но если правда, что провозглашают профессионалы массовой психологии, то в историю Штофлера можно поверить. Один человек может быть даже гениально

умным, — утверждают они, — но толпа всегда глупа. Умное слово она пропустит мимо ушей, а вот глупости запоминает и лелеет до тех пор, пока от инфекции не загноятся уши. И я действительно знаю пример этому. Причем случай этот произошел с самой трезвой, самой хладнокровной нацией.

В начале 1750 года в Англии ощущались слабые подземные толчки. Никакого вреда от них не было. Но вдруг числа пятого апреля в Лондоне разнесся слух, что вслед за небольшими подземными толчками произойдет настоящее землетрясение с фатальным исходом. 15 апреля это землетрясение полностью уничтожит весь Лондон. Откуда взялась эта зловещая весть? Никто этого не знал.

И все-таки она настолько встревожила людей, что они стремглав кинулись искать спасения в провинции. И поверил в эту весть не только малообразованный обыватель, жертвой веры стала и высшая знать. Шестьдесят четыре аристократа и девяносто семь депутатов парламента погрузили на повозки слуг и умчались в свои загородные поместья. Зажиточные семьи, не сумевшие вырваться из Лондона, нашли пристанище в Гайд-парке и до самого утра убивали время игрой в карты. Простой народ устремился на ислингтонские поля.

Зловещий слух не подействовал на нервы некоторым находчивым торговцам, холодные апрельские ночи подсказали им ловкую идею. Они выбросили на рынок все теплые вещи, которые нашлись в их лавках, и отлично заработали на этом. Использовали они и притягательную силу моды; товары к этому случаю они рекламировали под специальными названиями. Так теплая одежда называлась "earthquake gown" (костюм для землетрясения). Идея оказалась удачной, помешательство на моде привело к тому, что знатные дамы в течение нескольких дней были просто обязаны красоваться в "землетрясных" костюмах.

Хороший бизнес сделали и знахари. Они открыли свои лавки на забитых беженцами площадях и торговали порошками и таблетками "против землетрясения".

В клубах, по доброй английской традиции, заключались пари: будет землетрясение или нет?

Панику невозможно было ликвидировать. Лондонский епископ напрасно распорядился, чтобы духовенство с кафедр в своих проповедях объясняло народу положение. Безрезультатно публиковались в газетах увещания, предупреждения, даже угрозы. Одна из газет заявила, что будет поименно выставлять к позорному столбу ищущую спасения в провинции знать. Ничего не помогло, массовое помешательство в последнюю ночь еще более усилилось. Женщины и мужчины, как обезумевшие, выбегали на улицы и без всякой цели метались по ним в разных направлениях. Другие от страха ломались; многие сердечники от волнения умерли. В обстановке всеобщего помешательства спокойной оставалась земля-матушка. Она даже не вздрогнула. Ни 15 апреля, ни в следующие дни. Испуг прошел, беженцы возвращались домой. После восстановления порядка власти приступили к расследованию: откуда пришел зловещий слух? Результат был удивителен. Распространителя взбудоражившей всех новости нашли, им оказался рядовой солдат полка конной гвардии. Удивление еще более возросло, когда солдата начали допрашивать. Выяснилось, что он совершенный кретин, настоящий психический больной. После этого его сразу и отправили в сумасшедший дом.

Вот психология зловещего слуха: под влиянием вызвавшего беспокойство события достаточно сумбурной болтовни сумасшедшего солдата, чтобы образованная, хладнокровная английская публика забыла свою традиционную дисциплинированность и впала в состояние массового психоза.

* * *

Собственно, мне надо было бы более серьезным тоном говорить о предсказаниях о грядущем конце света. Потому что фатальный конец был намного ближе, чем это думало ничего не подозревающее человечество. Доктор Курт Вильгельм Мейснер, директор астрономической обсерватории Франкфуртского университета, летом 1936 года заявил, что в 1939 году, по всей вероятности, можно будет поставить точку на последней странице мировой истории. К нам приближается огромная комета, которая так велика, что способна разрушить всю солнечную систему. В телескоп ее пока еще не видно, но по отдельным признакам можно сделать вывод, что она уже близко. Ее появление будет сопровождаться сильнейшими землетрясениями и наводнениями.

Руководители Швабхедьской обсерватории 10 своим ответом постарались успокоить людей: об этом не может быть и речи, это научный нонсенс.

Да, но ученые мужи нашей обсерватории не знали одного. Они не знали, что черную весть нам в уши трубили и с другой стороны. По меньшей мере в восьми-десяти оккультно-стских книгах, журналах, газетных статьях я встречал предсказание из Книги Сибилл, согласно которому "в последний период повозки будут ездить без лошадей, а человеческий голос можно будет услышать с одного края Земли на другом". Значит, можно было уже ждать конца света. К сожалению, авторы всех десяти работ, в которых приведена эта цитата, взяли ее из одиннадцатой, автор которой не счел нужным указать источник. О какой это Книге Сибилл идет речь? Те несколько книг, которые

хранились в Риме и посвящались ясновидениям старинных латинских Сибилл, Стилихон I уничтожил в начале V века. Скрывающиеся под пиратским флагом "Oracula Sibyllina" предсказания не имеют никакого отношения к древнегреческим, древнеримским и другим Сибиллам. Они родились где-то во II веке и содержат греческие стихи неизвестных христианских и еврейских авторов, направленные против язычества. Авторитетное старинное название они присвоили для того, чтобы придать предсказаниям больше достоверности¹². Может быть, за ними скрывается что-то ценное, но надо знать, откуда они, из какого издания? Как они звучат по-гречески и как точно переводятся? Без этого, мне кажется, я никого не обижу, если заявлю, что очень сомневаюсь в достоверности удивительного предсказания.

Особенно потому, что где-то я читал, что это — предсказание Святой Сибиллы. Такое вольное обращение в святые напоминает мне славного немецкого проповедника, который в своих проповедях каждому давал соответствующий титул. Флегель пишет о нем, что когда он говорил о Навуходоносоре, то всегда добавлял: "Его императорское величество". Натана он величал так: "Высокопочтимый проповедник и суперинтендант двора Натан".

Я все еще не дошел до финала моей истории о конце света. Ведь надо знать и то, каким образом осуществится интересующее всех нас уничтожение. Штофлер ошибался и в том, что грозил потопом. Какой там потоп! Геенна огненная!

Томас Барнет, секретарь и придворный капеллан английского короля Вильгельма, подробно информирует нас в своей книге "Telluris Theoria Sacra" ("Святая теория Земли", Лондон, 1689). Утешительно, что время фатальной катастрофы он считает неопределенным; еще более утешительно, что, по его мнению, конец наступит не всему свету, а только нашему земному шару. Точно одно: роль палача выполнит огонь. Подготовка к великому пожару уже заметна. Действительно: 1. На поверхности Земли и в ее недрах скопилось огромное количество горючих материалов, таких как древесина, уголь, смола, гудрон, сера, нефть и т. д. 2. В жерлах вулканов скрываются огромные массы огня. 3. В воздухе тоже мелькают огненные молнии и падающие звезды.

Катастрофа начнется с того, что Земля приблизится к Солнцу. Несколько лет на перегревшейся поверхности Земли будет царить страшная засуха. Ее результатом станут голод и эпидемии, которые убьют человечество. Осужденному на гибель читателю этого было бы и достаточно, но жестокий автор продолжает детализировать ужасы. Начнутся землетрясения, которые разрушат поверхность Земли. Еще раз произойдет извержение какого-нибудь вулкана, и вся Земля окажется в огне. Что касается рек и морей, то они все пересохнут. А человечество пусть не грустит, потому что, хотя оно и погибнет, его смерть послужит предостережением другим мирам. Они станут свидетелями геенны огненной, задумаются и исправятся.

Не надо впадать в отчаяние и по другой причине, ведь на месте старого возникнет новый мир. Это произойдет следующим образом: расплавленная магма остынет и окружит Землю стеклянной оболочкой. Подхваченные языками пламени вещества осыпятся на Землю, вновь появится плодородный слой почвы, и вновь начнется жизнь.

Надежда на новую жизнь послужила бы слабым утешением, если бы жизнь продолжалась по-старому. Но автор приготовил для возрождаемого человечества великолепные дела. В новом мире не будет ни холода, ни жары; все будет расти само по себе, никому не надо будет работать, и никогда на Земле не будет войн.

Может быть, с этого нам тоже надо было начать?

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧУДАКА

Чудак — понятие не слишком красивое, но я вынужден использовать его, потому что оно ближе всего по смыслу к "эксцентричному" человеку, т. е. человеку, не удержавшемуся в центре нормальной общественной жизни.

Есть еще "человек с заскоком". По мнению Вильмоша Толнаи¹³, это определение относится к такому человеку, "который обладает совершенно нормальным разумом, но в каком-то одном конкретном вопросе придерживается определенной идеи, мысли или привычки и не идет ни на какой компромисс".

Народ точно определяет разницу между чудачком и человеком "с заскоком". Для первого характерен какой-то умственный дефект большей или меньшей степени, а вот человек "с заскоком" может быть абсолютно нормальным. Иногда самый большой гений находит в своих мозгах немного места для какой-либо странности. (Только не надо каждому человеку "с заскоком" считать, что он уже произведен в гении.)

Сборники анекдотов, иллюстрированные семейные издания часто давали людям повод

посмеяться над заскоками великих мира сего. Наиболее известны странные приемы, с помощью которых писатели, ученые и артисты раздували в себе затухающее пламя творчества. "Шиллер во время работы нюхал гнилые яблоки", — вдохновенно рассказывает коллекционер анекдотов. Мильтон мог работать только под музыку. Бюффон¹⁴ во время работы надевал парадный костюм, пристегивал шпагу и посыпал парик рисовой мукой. Гайдн тоже надевал свой лучший костюм, больше того, даже менял белье, что в те времена было совсем не повседневным делом. Мегюль ставил на рояль человеческий череп, и под грустным символом проходящей жизни в его душе раскрывались свежие ростки мелодий. Историк Мезераи всегда работал при свечах — и днем, и ночью. Если к нему приходили гости, он всегда потом провожал их до середины улицы и даже в ясный солнечный день освещал им дорогу свечой. Известный юрист Кюжа работал только лежа на животе; книги и записи он раскладывал по полу. А вот немецкий литературовед Реймман мог работать лишь стоя и, чтобы не было соблазна, в его кабинете вообще не было стульев, кушеток или другой мебели, на которой можно было бы сидеть.

Этот перечень можно продолжать на многих страницах. Ясно, что это не чудачества, а просто заскоки. Один менее известный пример: Свифт, бессмертный автор Гулливера, был человеком, любящим порядок. Каждый раз, когда его экономка нанимала новую служанку, он приглашал ее к себе и давал два указания. Во-первых, она всегда должна закрывать за собой дверь, когда входит в комнату. Во-вторых, она всегда должна закрывать дверь, когда выходит из комнаты. Случилось так, что одну из служанок пригласили на свадьбу в отдаленную деревню. Она входит к хозяину и просит разрешения на поездку. Свифт разрешает, более того, приказывает конюху оседлать коня, посадить девушку себе за спину и отвезти на свадьбу. Счастливая девушка убегает, забыв на радостях закрыть за собой дверь. Через четверть часа писатель поднимает голову, видит открытую дверь и колокольчиком вызывает слугу: "Оседлать коня, догнать их и вернуть". На полпути слуга догоняет их и возвращает девушку назад. Та, шатаясь от тяжести удара, спрашивает, в чем она провинилась. "Ни в чем, дочь моя. Ты только оставила дверь открытой. Будь добра, закрой ее, а потом можешь ехать на свадьбу".

О данном случае можно было бы, наверное, сказать, что это была только первая тень случившегося позже полного затмения великого разума. Поэтому я попытаюсь показать разницу между чудачеством и "заскоком", воспользовавшись абсолютно безупречным примером. Свет гениального разума кардинала Ришелье доходит до нас и сквозь полумрак веков. И, тем не менее, герцог Граммон однажды заглянул в его комнату в момент, когда всемогущий государственный муж Франции, раздевшись до рубахи, занимался тем, что старался как можно выше прыгнуть на стену. Герцог повел себя как опытный придворный. Он сделал вид, что это странное занятие является самым естественным делом, сбросил камзол и предложил кардиналу пари, что он сможет прыгнуть так же высоко. И два знатных господина на спор прыгали на стену. Французские летописцы, приводя этот пример, стараются доказать, как полезны хорошие манеры: на тактичный поступок герцога кардинал ответил действенной поддержкой; благодаря этому герцог стал маршалом Франции.

Все это так, но чудесная мораль не учитывает другой стороны случившегося: раздеться до рубахи и прыгать на стену, особенно если это делает решающий судьбы Франции кардинал и государственный деятель, это уже больше, чем просто "заскок".

Так ведут себя настоящие сумасшедшие. Страсть Домициана, который в свободное время закрывался в комнате и занимался ловлей мух, кажется в сравнении с этим простым упражнением на ловкость.

Все обстоит не так. Летописцы забыли или, может быть, даже и не знали, что когда-то бег вверх по стене был модным видом спорта. После достаточной тренировки ловкий спортсмен мог взбежать по отвесной стене на 2-3 метра. Если проводились соревнования, в стену на определенной высоте неплотно вбивались гвозди, и участники соревнования по очереди должны были сбивать их. При этом требовалась двойная ловкость: надо было подняться вверх по стене и, сбив гвоздь, так развернуться, чтобы спрыгнуть на ноги. Как свидетельствует надпись на стене одного из коридоров королевского дворца в Мюнхене, рекордсменом в беге по стене был баварский герцог Криштоф, который в 1490 году сбил гвоздь, вбитый на высоте двенадцати футов¹⁵. Так уже понятнее становится странное занятие Ришелье: он просто занимался домашними физкультурными упражнениями. Конечно, он мог бы вместо этого заниматься другим, более приличным видом спорта; совсем не обязательно государственным деятелям лазать по стенам. Но в этом-то и был его "заскок", и из-за такой ерундовой странности было бы неверно говорить, что Ришелье был чудаком.

По этому случаю я должен оправдать и Миклоша Толди¹⁶. Не будучи знакомым с таким видом спорта, как бег по стене, нельзя понять историю с будайской красоткой, как ее рассказывает Илошвай. Вдовушке надоели ухаживания Толди, и она решила освободиться от него. Пригласила на ужин, убрала и украсила комнаты, на окна повесила занавеси из парчи, украшенные вышивкой.

На одном из окон — парча,

На которой золотом вышит лев.

После ужина, в ходе которого Миклош разделся до рубахи, последовал придуманный заранее трюк:

Я часто слышала, она ему сказала,
Что в мире нету лучше прыгуна.
Прошу тебя, ради любви моей,
Запрыгни на спину тому льву.

И Миклош Толди храбро разбежался,
Ради вдовы он сделал два прыжка,
Злой лев под ним уж оказался,
И на его спине Толди влетел на рынок в Буде.

И шею не сломал, но очень злится,
Стоит на площади и злится¹⁷.

Каким бы пьяным ни был Толди от вина и любви, он ни в коем случае не мог принять нарисованного или вышитого на ковре льва за скульптуру, на которую можно запрыгнуть. И та женщина тоже не могла предполагать, что он поведет себя так глупо. А если даже и можно было бы себе это представить, кто бы мог подумать, что, прыгая вверх, на льва, он не удержится и вылетит в окно. Нет никаких сомнений, что речь тут идет о старинном виде спорта — прыжках на стену. Толди разбежался и "сделал два прыжка", т.е. двумя длинными шагами он пытался добраться до высоты льва; но за левом стены не оказалось, там было открытое окно. И Толди с размаху вылетел на улицу.

Как я уже сказал, о настоящем чудачке нельзя сказать как о человеке с "заскоком", что он, собственно говоря, "вообще-то вполне нормальный человек". Насчет нормальности у него не все в порядке. Я уже рассказывал о любви Свифта к порядку. Но то, что у него было просто "заскоком", у настоящего чудачка превращается в образ жизни, ставящий его жизнь в раз и навсегда созданные рамки, делающие его машиной. Прекрасный пример этому — случай со старым Нобсом.

Этот старина Нобс жил в XVIII веке. Он провел свою жизнь в небольшом городке в графстве Кент и все время жил, как заведенные часы. Одержимая страсть к порядку наиболее ярко проявлялась в его прогулках. Каждый божий день в одно и то же время он поднимался на холм, где был трактир, там выпивал бутылку пива и спускался вниз. Этот путь он проделал сорок тысяч раз, что вполне реально, ибо окаянный старик при помощи своего моциона прожил 96 лет. Он точно знал, сколько шагов ему надо сделать, чтобы подняться на холм и спуститься с него, знал все ямочки и бугорки на дороге. Он мог бы проделать весь путь с закрытыми глазами и, так как знал, где лежит даже небольшой камешек на дороге, заранее поднимал повыше ногу, чтобы перешагнуть через него. Если погода портилась и он не мог выйти из дома, тогда Нобс поднимался на холм в квартире. Ходя из комнаты в комнату, он делал необходимое количество шагов, пока не добирался до воображаемого трактира; тогда он выпивал свое пиво, отдыхал и возвращался назад. Сохранял верность и другим привычкам. Будучи шутником, он и шутки свои окружил рамками порядка. Когда он проходил мимо портняжной мастерской, то обязательно кричал в окно: "Снять нагар со свечей!" У коровника он кричал дояркам: "Засучить рукава!" На расположенной по пути ферме он дружелюбно взмахивал палкой на собак. Уже давно стали взрослыми девушки-доярки, родились внуки у портных, а упрямый старик не менял своих привычек. И даже "гуляя" дома, он не забывал о них. Насчитав столько шагов, сколько их было до портняжной мастерской, он восклицал: "Снять нагар со свечей!" Перед воображаемым коровником он весело выкрикивал:

"Засучить рукава!" А перед воображаемой собачьей конурой он взмахивал палкой, пугая собак. На воображаемом поле он вдыхал полной грудью аромат сена, а с придуманных им самим вершин холмов любовался открывающимся видом. В одном месте дорогу пересекал забор, дома его заменяли два сдвинутых стула, и в нужный момент он перебирался через это искусственное препятствие. А вообще-то старого чудачка любил и уважал весь город, потому что он был добрым человеком, всегда жертвовал деньги на благотворительные цели, а те, кто обращался к нему с просьбой о помощи, с пустыми руками не уходили.

Вот вам и настоящий, нормальный чудак.

Так как я не специалист в исследовании психики, я без всякой системы делал свои заметки о чудачках, о которых узнавал во время чтения. Когда, однако, мне в руки попала книга профессора Хейзинги об играющем человеке¹⁸, сразу понятной стала психология чудачка, и мои чудачки сами разобрались по порядку, как футболисты по свистку судьи.

Ведь эти люди только и делают, что играют!

А что такое игра, по мнению Хейзинги?

"Свободно выбранная деятельность, которая выходит за рамки нормальной повседневной жизни и полностью захватывает играющего. С нею не связан никакой материальный интерес. Она проходит в определенном месте, в определенное время и по определенным правилам".

Главная пружина игры — соревнование. По-гречески: *agon*. Оно проходит через всю человеческую жизнь, ее перипетии. Человек борется за место среди первых, используя для этого свои знания, ловкость, богатства, происхождение и даже фантазию. Он борется, применяя физическую силу, оружие, голый кулак, разум, кости азартных игр, демонстрацию богатства, кичливость, хвастовство, даже унижение других. Он хочет выиграть. Игрок борется за сам успех; он хочет продемонстрировать, что он отличается от остальных. Выиграв, он вызывает изумление и наслаждается похвалой. А если его жизнь подходит к концу, он борется и в этот период; начинается агония: борьба со смертью.

Цель жизни чудака также заключается в том, чтобы вызвать изумление у остальных. Но между целью и средствами нет соответствия. Его знания, способности недостаточны. И он восполняет недостаток тем, что придумывает странные правила, навязывает их самому себе и с озабоченной пунктуальностью придерживается их. Таким образом он получает для себя не только развлечение на всю жизнь, как любители кроссвордов, рыбной ловли, гольфа или другие уходящие в себя игроки, а добивается изумления со стороны окружающего мира. Над ним смеются, но он не обращает внимания на это. Он добился, чего хотел: выиграл игру у самого себя и отличился своим поведением от обычных сограждан.

Если мы проследим за чудаком, еще что-то бросится нам в глаза. Я вновь воспользуюсь терминологией Хейзинги. Пуэрилизм. Это — ступень, находящаяся посередине между интеллектуальной зрелостью ребенка и подростка. Они взрослые люди, но их умственное развитие остановилось где-то на границе подросткового уровня. Это, собственно говоря, входной билет, по которому чудака может потребовать себе место в обществе, собранном под обложкой моей книги.

Линей 19 включил род человеческий в свою систему под названием *Homo sapiens* (человек разумный). Шарль Рише сказал по этому поводу, что здесь лучше подошло бы наименование *Homo stultus* (человек глупый). Можно было бы, наверное, образовать такую подгруппу: *Homo stultus et ludens* (человек глупый и играющий).

ПОГОНОЛОГИЯ

Габор Шебештьен, комитатский прокурор, литератор, с тонким юмором описывавший судейские нравы прошлого века, написал так и не изданный труд объемом 50 печатных листов: "Погонология, или трактат о бороде, скорее, в историческом аспекте, с классических позиций". О содержании трактата я могу судить только по его названию. Возможно, Шебештьен был знаком с написанной на аналогичную тему книгой француза Ж. А. Дюлора "*Pogonologie ou Histoire philosophique de la barbe*" ("Погонология, или философская история бороды", Париж, 1786).

Оба произведения, скорее всего, посвящены славному прошлому и общественному значению этого предмета мужской гордости. Я имел возможность познакомиться с их предшественником. Название труда: "*Barbae Majestas. Das ist: Ein Schoner (lustiger und ausfuhrlicher Real-Discurus von den Barten) etc. Durch M. Barbatium Schonbart*" ("Величие бороды, Или Прекрасный, забавный и совершенно реальный трактат о бороде и т. д.", Хаарбургк, 1660). Выступающий под псевдонимом автор составом из множества исторических данных до блеска начищает бороду, представляя ее внешним символом мужской добродетели и внушающим уважение знаменем.

Прежде чем покончить с обзором трудов по истории бороды, упомяну еще написанную на латинском языке работу Г. Ф. Гублингууса "*De barba Deorum etc.*" ("О бороде богов", Виттенберг, 1725). С большой тщательностью подготовленный трактат посвящен бородам греческих и римских богов. Как видно, ученый мир принял трактат с одобрением, потому что автор осмелел и в том же году продолжил свой "глубокий" труд, написав работу "*De causis barbae Deorum*". То есть о причинах тех же самых бород.

Автор "*Barbae Majestas*", в частности, рассуждает: "Природа украсила мужчину бородой, как украсила она деревья листьями, птицу перьями, коня гривой, а овцу шерстью. Тот, кто бреется, напоминает дерево без листьев или стриженную овцу. Борода — самое прекрасное украшение мужчины и ничего ему не стоит".

Вот так, обходным путем, я все-таки добрался до темы нашего разговора. Цель чудака: выделиться! Выделиться любой ценой! Самый простой способ: отличие от нормального во внешнем виде. А в этом самый дешевый способ: с помощью произрастающих на мужском лице клочков шерсти и другой вызывающе бросающейся в глаза растительности обратить на себя внимание серого,

одноцветного мира.

Усы меньше годятся для этого. Узенькая полоска под носом предлагает только ограниченные возможности. Торчащие вверх, закрученные, коротко подстриженные или же свисающие вниз с естественным обаянием тюленьи усы и их различные варианты — вот и все, к чему может привести стремление к ношению усов. Можно здесь еще поговорить о размерах; в отношении размера мы знаем, что обладателем самых длинных усов в мире в 1940 году был один индус. Их длина была 90 сантиметров. А самые маленькие усы носили пилоты американских компаний "United Air Lines"; по размеру они были как узковыбритые женские брови. Эти нежные как дыхание ростки назывались "Striptease mustache".

Но борода! Вот с нею взрослый ребенок может полностью дать волю своей страсти к играм. Самый зачаточный ее вариант — муха, небольшой клочок, свисающий с нижней губы. Ее можно отрастить в ширину или в длину. Она может влиться в бороду "а-ля Ван Дейк" или в козлиную бородку, но может жить и самостоятельной жизнью, высокомерно поглядывая с раскинувшейся вокруг нее выбритой равнины. Еще более многочисленная родня "мухи" на щеках: бакенбарды, заканчивающаяся у мочки ушей узкая полоска, которая может завернуться и на лицо, как у испанских тореадоров. Бакенбарды могут завиваться, становиться более широкими или длинными, разливаясь по щекам и превращаясь в фигуры самой различной формы, которые доставляют так много радости парикмахерам. Борода сама по себе, "абсолютная" борода, может быть четырехугольной, круглой, правильной или неправильной формы; эта последняя может быть растрепанной, как веник, или же лохматой, как борода Моисея. Ко всем этим вариантам бороды можно использовать и различные усы, больше того, усы можно сбривать на матросский манер.

Таким образом, для чудака с тощим карманом есть множество способов выделиться в окружающем мире. Добавим к этому прическу, и синоним "неисчислимое" множество будет уже не пустым словом, а математической реальностью.

Поэт по имени Поль Робер в 1635 году для возвеличивания саксонского города Халл сочинил такой гекзаметр: "Rex, dux, jus, sal, far, pons, mons, merx, pax, ibigrex, vox Nunc suet..." ("Король, герцог, право, соль, хлеб, мост, гора, товар, мир, стадо, звук есть здесь сейчас...").

Я не тратил времени на разбирательство смысла и удовольствовался научным комментарием, согласно которому заменой однословных слов можно получить 39916800 различных вариантов. Другими словами, если со дня сотворения мира три человека ежедневно записывали бы три тысячи вариантов, полный список не был бы готов к 1625 году. Причем смысл стихотворения в различных вариантах не меняется, -подчеркивается в комментарии²⁰. В это можно поверить.

Для терпеливых любителей "сочинения" собственной внешности возможностей открывается не меньше. Умственные способности эти варианты не затрагивают.

В качестве наглядного примера я выбрал мужчину, которого и Бейль посчитал достойным того, чтобы посвятить ему отдельную статью²¹. Андреас Эберхард Робер был одним из знаменитейших в мире мастеров выращивания растительности на лице. Ему удалось вырастить такую длинную бороду, что она подметала землю. Обычно он заплетал ее в две косы, чтобы с нею легче было управляться. А вот когда он шел ко двору, он расплетал бороду. После этого он в карету не садился, не садился и в седло, а шел пешком, чтобы не повредить бороду. Всю эту свободно рассыпавшуюся массу волос он наматывал на палку и входил во дворец, как с развернутым знаменем. Его вступление во дворец должно было вызывать изумление, особенно если борода у него была рыжая, что вполне вероятно. Робер был придворным и военным советником императора Максимилиана II, но, как видно, император понимал, что весь разум у него ушел в бороду, иначе не уговорил бы принять участие в самом странном турнире рыцарского мира. В качестве живой памяти об одной давней любви императора при дворе воспитывалась красивая девушка. Ее звали Хелена. Можно представить, сколько было охотников на ее руку. В стане конкурентов развевалась и борода Робера. Сердце девушки разрывалось между Робером и одним испанским рыцарем. За нее решил вопрос император: пусть рыцарский турнир решит, кому будет принадлежать девушка. Но правила турнира были не совсем рыцарскими: каждый из противников получил по мешку, в который надо было засунуть соперника. Рыцарь Робер был сильным человеком; забавная схватка закончилась тем, что он сломал сопротивление испанца и засунул его в мешок. Хелена стала его женой, но их брак оказался бездетным. Его второй женой, по всей видимости, была венгерка Оршойя Чиллаг (у Бейля: Урсел фон Тшиллак). В этом браке венгерская коса и немецкая борода показали, на что они способны, если действуют совместно: четыре раза подряд Оршойя рожала двойню.

Другого бородача, чье имя сохранилось в хрониках, звали Иоганн Штайнингер. Он был бургомистром в баварском Браунау. Бороду он делил на две части и нес в двух руках, как какой-то шлейф, чтобы не споткнуться о нее. Однажды он забыл взять бороду в руки и, когда спускался по лестнице, зацепился за нее ногами, упал и сломал себе шею. Это было в 1572 году.

ОДЕЖДА КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

Чудак не знает, что эта известная фраза принадлежит Марку Фабию Квинтилиану²². Зато он знает, что одежда красит и чудака; если в отличающейся от обыкновенной одежке он гордо пройдет по улице, все будут смотреть на него.

В больших городах есть свои уличные фигуры. Они находят бросающуюся в глаза одежду непривычного цвета или фасона и всю жизнь упрямо носят ее. На них все оглядываются; цель достигнута; удовлетворенные, они шествуют дальше.

Антал Орсаг²³ в 1855 году пишет в письме из Парижа²⁴, что встретился со знаменитым голубым человеком. Его одежда выглядела так: "Четырехугольная, высокая голубая плюшевая шляпа, голубая рубашка, голубой галстук, голубые манжеты, голубой жилет с голубыми пуговицами, костюм с голубыми пуговицами, выглядывающий из кармана голубой платок, голубые перчатки, голубая трость, голубые брюки, голубые лаковые сапоги. Почему этот господин так одевается?.. Никто, может быть, и не знает. Но жизнь, как судьба, так многогранна, что пока мы смеемся над этим господином и его мономанией, слезы целой жизни могут быть впитаны костюмом этого чудака".

Писатель хотя и случайно, но угадал истину. Когда я читал написанную о героях парижских улиц книгу Шампфлери "Les Excentriques" ("Чудаки", Париж, 1852 год), я встретил в ней историю голубого человека. Его звали "Карнавал", в Париж он приехал из Италии, зарабатывал на хлеб уроками итальянского языка. Его жена умерла в молодом возрасте, и от этого удара он так и не смог оправиться. В конце концов он выяснил, что мешает ему прийти в себя. Эта давящая грусть была вызвана траурной одеждой. Он начал экспериментировать, и вот — яркая одежда вернула ему хорошее настроение, а черный костюм вновь вводил в меланхолию. Так что он сочинил себе лечебные костюмы, в голубом его как раз и видел Орсаг. В его гардеробе был еще красный, желтый, зеленый и бог знает какие еще костюмы, а всего их было шестьдесят, причем к каждому из них было подобрано все необходимое.

Может быть, это больше простого чудачества? Может быть, боль унесла его разум? Не думаю, потому что с большим разумом уроки языка давать трудно, да к тому же, по словам Шампфлери, все свободное время он проводил в библиотеке. Вообще, это дело психиатра — решать, где заканчивается чудак и начинается сумасшедший. Но кто может сказать, где заканчивается мало и начинается много? Наши суды долго ломали голову, прежде чем определили, сколько человек требуется для того, чтобы из них составила группа.

ДЕНДИ

Среди чудаков в области выбора одежды самой яркой райской птицей является денди.

Денди появился в Лондоне в начале XIX века, но у него были предшественники и в других местах. В модных хрониках Франции он фигурирует под следующими именами: Mignons (конец XVI века), Raffines (начало XVII века), Miguets (XVII век), Godelureaux (конец XVII века), Freluquets (XVIII век), Roues (XVIII век), Petit maitres (XVII век), Mirliflores (Людвик XVI), Muscadins (1793), Jeunesse doree (послереволюционная золотая молодежь), Merveilleux, incroyables (представители золотой молодежи), Lions (1830), Co-codes (вторая империя), Commeux (конец века).

Предшественниками денди в Англии были: Beau, Buck, Maccaroni, Pretty-fellow Exquisite, Tulip, Top, Spark, Swell и т. д.

Вновь я должен сослаться на различие, которое я делаю между чудаком и человеком с "заскоком". Например, графа Брюля, всемогущего министра саксонского курфюрства, никак нельзя назвать чудаком, хотя количеством и ассортиментом своего гардероба он превзошел бы любого денди. В его шкафах постоянно висели триста костюмов. И что самое странное, эти триста костюмов, по сути дела, означали только сто пятьдесят, потому что каждый костюм у него был в двух экземплярах. Он не любил долго носить один и тот же костюм, но не хотел также, чтобы частая смена одежды бросалась бы в глаза. Поэтому в случаях, когда какое-то торжество или прием очень затягивались, он заскакивал домой, чтобы поменять одежду. Но надевал он второй экземпляр того же самого костюма, чтобы не оскорбить чувства тех членов общества, карманы которых были более тощими. Конечно, не надо даже и говорить, что к каждому костюму полагалась отдельная трость и отдельная табакерка с нюхательным табаком. Они тоже были в трехстах экземплярах.

Было бы неправильно заявить, что этот замечательный человек имел детский ум. Его безгранично разросшийся гардероб был просто его заскоком. Чистым чудаком я считаю того денди, который живет ради нарядов. Его основа — одежда, а в ней ничего нет, пустота. Д'Оревиль в своем труде, посвященном денди, блеснул таким каламбуром: "Paraitre c'est etre pour les Dandys"²⁵ Перевести

его можно так: "Для денди существовать — означает выглядеть".

Самым высоким по рангу денди своего времени был король Георг IV. Теккерей в книге "Четыре Георга" пишет о нем: "Кем был, собственно говоря, этот Георг? Я прослеживаю всю его жизнь и не вижу ничего, кроме жеманного кивка головой, слащавой улыбки. Я попытался разобраться в нем и что же обнаружил? Шелковые чулки с прокладкой, чтобы икры казались массивнее, затянутая корсетом талия, украшенный золотым галуном камзол, орденская лента и звезда, ароматный носовой платок, блестящий темный парик, жилет, под ним другой жилет и больше ничего".

Георг был первым только в официальной табели о рангах. В табели денди его опережал друг и современник герцога Уэльского, полновластный правитель лондонской моды Георг Бруммель (1778-1840) по прозвищу Красавчик Бруммель (Beau Brummel).

Теория Бруммеля в отношении моды выглядела парадоксальной: "Надо выделяться таким образом, чтобы не выделяться". Он обращал на себя внимание не яркостью наряда, как это делал голубой человек, а наоборот, его подчеркнутой простотой. Но эту простоту он подчеркивал во всем с такой изощренностью, с которой не в состоянии сравниться самые шумные периоды истории мужской моды.

Три раза в день он менял рубаху. Над каждой парой перчаток трудились четыре перчаточника; один из них был специалистом по мизинцу, трое остальных работали над другими частями перчаток. У его обуви лакировать надо было и подметку, причем каждый день. По утрам он проводил три часа у туалетного стола. Его прической занимались сразу три парикмахера: один — впереди, другой — со стороны затылка, третий — с боков. Самым кризисным моментом операции по одеванию было повязывание галстука. По тогдашней моде к вечернему платью обязательным было ношение охватывающего шею и доходящего впереди до подбородка, а сзади собранного в пучок галстука из белого муслина. Бруммель прежде всего заказывал у художников рисунки с образцами узлов для галстука. Затем он выбирал подходящий для данного случая и приступал к изготовлению шедевра. Вначале он просто накручивал галстук на шею таким образом, чтобы он прикрывал и подбородок. Потом, стоя перед зеркалом, движением подбородка в разные стороны он сдвигал галстук под подбородок. После этого и осуществлялся главный трюк: одним движением завязать узел. И хотя он был величайшим мастером повязывания галстука, не всегда ему удавалось одним приемом уложить морщины в соответствии с рисунком, а на крахмаленном материале хорошо видна была каждая складка. Если так случалось, он отбрасывал чистейший галстук и повторял попытку с другим. Говорят, в неудачные дни непослушные галстуки окружали его целыми кучами.

Если он направлялся на бал, носилки ожидали его уже в дверях комнаты, где он занимался туалетом, чтобы лишними шагами не нарушить безупречность общего впечатления. Носилки изнутри были обиты белоснежным шелком, а обувь с начищенными до блеска подметками покоилась на белой меховой подушке.

В большей или меньшей степени интересные подробности жизни Бруммеля не относятся к теме нашего разговора. Скажу только, чем все кончилось. С какой безупречностью умел он повязать галстук, так же безоговорочно промотал он и свое состояние. Когда из-за неоплаченных счетов на наряды ему грозила долговая тюрьма, он удрал на континент. Здесь несколько лет он влачил нищенское существование; бывший диктатор моды превратился в представителя давно устаревшей моды; позже он попал в богадельню и, забытый всеми, оступевший и опустившийся, там и скончался²⁶.

ДОМ ЧУДАКА

Я навестил чудака в его доме. И здесь я обнаружил просчет в моих теоретических рассуждениях.

Газеты время от времени публикуют сообщения из центра американской кинопромышленности, что та или иная кинозвезда вложила свои заработанные в этом жанре искусства миллионы в дворец из "Тысячи и одной ночи". Из этих сообщений следует, что постоянное заучивание текстов и вживание в роль не проходят бесследно для их духовного мира.

В вилле, достойной цыганского барона, пол в ванной комнате сделан из оникса; краны — из массивного золота; в комнатах деревянные панели, шторы и ковры подобраны по цвету таким образом, чтобы этот цвет соответствовал цвету волос актрисы и ее индивидуальности. Эти художественные устремления еще не выходят за границу, отделяющую чудака от повседневного мира, но сказать, что это простые заскоки уже нельзя. Человек с заскоком для собственного тихого удовольствия наслаждается своим заскоком, тогда как пол из оникса и блеск кранов из золота нужны для того, чтобы на них пялились чужие глаза.

Я сказал бы: оригинальничание.

Нет смысла говорить о них.

Свое путешествие я начну в одном домике под Веной. Владелец его раньше был офицером-радиистом на военном корабле. Со своим любимым занятием он не смог расстаться и в пенсионные годы. В одной из комнат он оборудовал радиостанцию, установив в ней супер-, гипер- и супер-гипер-оборудование. С наступлением сумерек он удалялся в напоминающую старинные времена комнату и до рассвета слушал голоса, прилетающие на коротких волнах. Но его не интересовали программы радиостанций. Он ловил сигналы морских судов, и каждый из таких сигналов, который ему удавалось поймать, заносил в дневник радиста. Наибольшее удовольствие доставляли ему сигналы бедствия тонущих кораблей. Сигналы SOS в их драматической последовательности заносились в дневник, вплоть до последнего. Наступавшая после этого тишина означала, что морская пучина сомкнулась над кораблем. Терпеливый старик выиграл. Утром он заканчивал свое добровольное дежурство и шел спать. А вечером вновь идет в свою радиостанцию и так изо дня в день, из года в год, пока радиоаппаратура в раю не примет его собственный сигнал SOS...27

С волнами эфира легко найти общий язык. Но что должен делать ушедший на пенсию водолаз, который на протяжении десятилетий боролся с волнами моря? Летом 1934 года итальянские газеты писали о странном доме бывшего водолаза из Мессины. Он, как видно, не был бедняком, вынужденным питаться одной водой, ибо его состояния хватило, чтобы построить дом из стекла и опустить его на морское дно, на глубину девять метров. На поверхность моря выходила широкая труба с встроенным в нее лифтом. В доме было электрическое освещение и центральное отопление. Электричество нужно было еще и для того, чтобы расставить в глубине прожекторы и, как это делал пассажир придуманного Верном "Наутилуса", любоваться веселым порханием рыб и наполненным мудрости спокойным шествием крабов и черепах.

В этих историях бросается в глаза развлекательный элемент. Но есть очень упрямые мастера таких головоломок, которые из созданных ими самими правил делают настоящие смирительные рубахи и втискивают себя в них. Некоторые из них решают, что будут избегать дневного света и выходить из дома только после того, как стемнеет. Таким последовательным человеком был доктор Неу, ушедший на покой ветеран венского "Жокей-Клуба". Днем он спал, вечером вставал, одевался и шел в кафе завтракать. Он прочитывал утренние газеты, не обращая внимания на уже вышедшие вечерние газеты. До полуночи слонялся по улицам, затем обедал в трактире. На рассвете заходил вновь в кафе поужинать и теперь уже прочитывал вечерние газеты. Когда из нормального кафе его просили удалиться, потому что пора было закрывать кафе, он шел в район рынка, там устраивался в кафе, которое открывалось в ранние утренние часы, и в шесть утра съедал на второй ужин сосиски по-венски. Потом шел домой и после хорошо проведенного ночного дня в хорошем настроении укладывался спать.

Мания старого ветеринара не оригинальна. Более ста лет назад так же вел себя один английский помещик из Йоркшира²⁸. Тот тоже дал обет всю свою жизнь избегать дневного света. Он распорядился замуровать все окна в своем доме. Днем он спал или читал. От контакта с окружением он не отказался, но гостей принимал только после того, как наступала ночь. Когда гости уходили, выезжал на верховую прогулку или гулял по своему имению, оставаясь на улице до появления утренней звезды. Она была сигналом, что пора прятаться в созданную им самим темноту.

Более тяжелый случай, когда занимающийся самоистязанием чудака решает не вставать более из постели.

В сентябре 1930 года мюнхенские газеты сообщили о кончине Фрица Бабея, который был знаменит тем, что на протяжении шестидесяти лет не вставал из постели и никогда ничем не болел. Говорят, он был очень мнителен и боялся того, что в свободной жизни заразится гриппом, который вызовет его смерть, перейдя в воспаление легких. Эту его навязчивую идею трудно сопоставить с его индивидуальными качествами: он очень много читал и образован был выше среднего уровня. А вообще-то он был прав, потому что его экономка однажды, во время зимы, оставила открытым окно, и находившийся на холоде несколько часов ничего не подозревавший человек заболел воспалением легких и умер. Правда, ему тогда было уже 78 лет.

Мне вновь надо сослаться на ту узкую тропу, по которой ступает чудака. Справа пестреет яркими красками цветочный луг жизни, слева поднимаются испарения над трясинной сумасшествия; кто сможет сказать, где и когда он оступится.

У живущего под теплым одеялом мюнхенца также был один английский предшественник. Его звали Теллис, и жил он в воркстерском поселке Баркотт. В один прекрасный день мистер Теллис обратил внимание на то, что ему холодно. От холода он защищался тем, что надевал несколько рубашек. Вначале две, потом три, четыре, восемь, десять. В конце концов неисчислимо количество рубашек придавило его так, что он уже не мог ходить. Тогда он решил находиться постоянно в постели, консервируя таким образом необходимое количество тепла. Он заказал себе девять спальных колпаков, на каждый из которых пошло по 2-3 аршина фланели, и в постели не снимал их. Именно

"их", потому что колпаки он носил не по очереди, а все вместе, надевая один на другой. Но этого ему было недостаточно. На девять колпаков он натягивал напоминающее по форме корону творение из 40 аршинов фланели, а сверху надевались еще восемь фланелевых колпаков. В общем, на защиту его головы от холода уходило 84 аршина фланели; это и бросалось в глаза: его голова напоминала огромный пчелиный рой. Рубахи он тоже заказывал с подкладкой на фланели, из фланели были сшиты и двенадцать одеял, которые, само собой разумеется, наброшенные друг на друга оберегали от холода зябнущего джентльмена. В зимнее время для надежности он затыкал нос двумя пробками из пробкового дерева. Из постели он не поднимался, оставаясь в ней, даже когда надо было поменять постельное белье. В такой момент он сдвигался в угол кровати. Раз в год он менял кровать; новую кровать плотно придвигали к старой, и он перебирался в новый дом. 28 лет парился он в своих фланелевых одеяниях, делал это упрямо и настойчиво. Ему было 72 года, когда, дрожа от холода, он перебрался в мир иной²⁹.

Зябким человеком был и Фердинанд II, великий герцог Тосканский. Государственные заботы не позволяли ему греться в постели, ему пришлось довольствоваться тем, чтобы беречь от простуды хотя бы голову. В его приемных покоях на стене висели два огромных термометра. Он ходил из угла в угол и, слушая доклады или принимая гостей, постоянно следил глазами за показаниями термометров. В зависимости от того, поднимался или опускался столбик, он менял шапки. В руке он постоянно сжимал пять-шесть шапок и менял их с ловкостью фокусника, — пишет в своих мемуарах аббат Архо.

В то же самое время живущий в Париже аббат Сен-Мартэн получил известность не столько своими литературными трудами, сколько кроватью с подогревом. Он распорядился выложить фундамент для своего ложа из кирпича и, прежде чем лечь, давал команду затопить. Днем он натягивал на себя девять рубах, девять пар чулок, надевал девять шапок на голову, защищенную громадным париком. И прожил он восемь раз по десять лет.

Странный образ жизни, который вели эти странные люди, ниспровергал все медицинские правила. То, от чего нормальный человек умирает, в их случае позволяет им жить более семи десятилетий. Больше того: некая богатая дама по имени миссис Льюсон перещеголяла всех. У нее тоже был собственный взгляд на простуду, поэтому она никогда не разрешала мыть пол в комнатах. Была она и принципиальным противником мытья окон, считала это занятие смехотворной привычкой, которая кроме неприятностей ничего не приносит. По этой причине в ее доме и днем царил полумрак; слой грязи на оконных стеклах не давал дневному свету проникать в комнаты. Сама она тоже никогда не мылась, потому что это, наверняка, ведет к простуде. Вместо воды и мыла она пользовалась свиным жиром, который намазывала на лицо, удовлетворяя тем самым требования и гигиены, и косметики. Иногда она выходила на улицу, нарядившись в бывшее модным пятьдесят лет назад шелковое платье со шлейфом; она шла к расположенной поблизости общественной бане и с презрительной улыбкой наблюдала за входящими в нее людьми. Умерла она 28 мая 1816 года в возрасте ста шестнадцати лет³⁰.

ОТШЕЛЬНИК

Среди выставленных в оксфордском музее "Ashmolean" редкостей мы видим вдруг обычные ботинки. То есть необычные, потому что они имеют даже свое имя: Buckinghamshire Shoe. Их сшил из сотен годных только на заплатки кусочков кожи их бывший хозяин, отшельник из Дайнтон, известный под именем Джон Бигг. Он был судебским чиновником во времена Кромвеля, служил у одного из судей, вынесших смертный приговор королю. После падения протектората его хозяин был уволен, после чего он разочаровался в мире, вселился в брошенную хижину и жил там, питаясь тем, что приносили ему добрые люди. Больше ничего он у них не просил, кроме ненужных кусочков кожи. Если ему приносили такие кусочки, он подшивал их к своим ботинкам, которые со временем стали похожи на семимильные сапоги. Ему было тридцать лет, когда он удалился от света, и еще тридцать семь лет он жил отшельником в своей дайнтонской лачуге.

И вновь передо мной стоит вопрос: что это было? Джон Бигг полностью повредился в уме? Или же он заразился болезнью английской аристократии — сплином, и болезнь подсказала ему те убогие рамки, которыми он отделился от наскучившего ему мира? Нельзя сказать, что он избегал людей, потому что с удовольствием беседовал с посетителями, приходившими проведать дайнтонскую знаменитость.

Образцовым, безупречным мизантропом был Генри Велби, зажиточный человек, получивший имя отшельник с Граб-Стрит.

Как пишет его биограф, людей он стал избегать после раздора в семье. Он купил дом на лондонской Граб-Стрит и на втором этаже оборудовал три комнаты для своей отшельнической жизни.

Его апартамент состоял из спальни, столовой и кабинета. Одна старая служанка вела хозяйство и делала уборку так, что, пока она трудилась в одной комнате, хозяин удалялся в другую. Кроме старушки, мистер Генри не вступал с разговор ни с кем, его легендарную фигуру никто не видел до самой смерти. Прежде чем он удалился от мирских хлопот, у него была жена и дочь, позже уродились и внуки, но он не хотел их даже видеть, поддерживая отношения с помощью переписки. Он не притрагивался к мясу и рыбе, существовал на молоке и овощных блюдах и на такой скудной пище прожил до 84 лет. Его арендаторы, служащие и клиенты могли обращаться к нему только в письменном виде, хотя на первом этаже дома всех, кто имел к нему какое-либо дело, ждал богатый стол, достойный английского аристократа. О помешательстве у него даже речи не могло быть — согласно биографии он был очень образованным человеком, особенно много занимался лингвистикой. Он выписывал все новые книги, сколько бы они ни стоили. Сорок четыре года провел он в предписанном самим собой одиночестве и ни разу не отступил от своих правил. Его похоронили в церкви святого Жилия, где покоятся останки Мильтона (Грэн-Стрит ныне называется Милтон-Стрит).

Описывавший английские чудачества Джон Таймбс рассказывает, что аристократы основали институт официальных отшельников³¹. "Агон" был причиной странной идеи, стремления перещеголять соседа оригинальностью своего парка. Искусственный водопад, искусственные достопримечательности наскучили. Надо было позаботиться о какой-либо свежей приманке. Во время правления короля Георга II Чарльз Гамильтон построил в парке своего поместья возле Кобхема искусственную обитель отшельника. Подходящего отшельника он нашел, дав объявление. Условия были следующие: срок службы — семь лет; за этот период отшельник не имел права перешагнуть границы своего скита, не мог стричь бороду или волосы, ему нельзя было приводить в порядок ногти. Он должен был ходить в рясе из верблюжьей шерсти и носить очки. Постелью ему служил мешок с соломой, брошенный на землю; определять время он мог только по песочным часам. Еду из домашней кухни ему приносил слуга, но разговаривать с ним запрещалось. Если он выдержит семь лет, то получит в награду 700 гиней; если же нарушит условия договора, пусть идет себе с богом, ничего он не получит. Явившийся по объявлению бедолага подписал все, но больше трех недель такой жизни он не выдержал и скрылся.

Другой джентльмен в Престоне предложил годовую ренту в 50 фунтов тому, кто выдержит семь лет домашнего отшельничества. Условия были более благоприятными, чем у Гамильтона. Стрижка волос, бороды и уход за ногтями также были запрещены, зато в комнате стоял домашний орган, и без ограничения можно было получать книги из библиотеки замка. К моменту написания книги Таймбсом в ските уже четыре года находился человек со спутанной бородой и длинными ногтями. За его дальнейшей судьбой Таймбс не проследил, поэтому мы так и не знаем, выдержал ли тот все положенные горькие годы.

Эта нездоровая мода просуществовала до начала прошлого века. В газете "Courier" 11 января 1810 года было опубликовано следующее объявление: "Желающий отойти от мирской суеты молодой человек ищет место отшельника у знатного господина". В тот же период корреспондент "Notes and Queries" посетил хаукстонское поместье лорда Хилла, потому что слышал, что там можно увидеть отшельника. Но в ските он нашел уже только воскового отшельника. Настоящего отшельника лорд вынужден был уволить с выходным пособием, потому что ему объяснили, что он может быть наказан по английским законам, которые позволяют квалифицировать его поступок как рабовладение.

СЧАСТЛИВЫЙ БУЛЬДОГ

Мизантроп не всегда ищет спасения в полном одиночестве. Есть у него свое окружение, с той разницей только, что состоит оно не из двуногих, а четырехногих существ.

В уже упомянутой книге Таймбс рассказывает об обществе, собирающемся в доме лорда Бриджуотера. Одиночество необыкновенно богатого аристократа скрашивали двенадцать любимых бульдогов. Он даже обедал вместе с ними. Собаки сидели вокруг круглого стола, как рыцари при дворе короля Артура, каждая в своем кресле, шеи у всех были повязаны салфетками. За спиной каждой из них был отдельный слуга, отвечающий за то, чтобы обслуживание было безупречным. Если какой-либо пес нарушил правила приличия за столом, его отлучали от застолья на время, зависящее от тяжести проступка. Провинившаяся собака в период ссылки грустила и даже не принимала пищу; аппетит возвращался к ней только тогда, когда ей на шею вновь повязывали салфетку.

Таймбс все это простил бы своим чудаковатым соотечественникам, но он был глубоко возмущен тем, что лорд прогуливал своих собак, надевая на них обувь. По его мнению, от этого выигрывал только сапожник, потому что он мог снимать мерку сразу с сорока лап. В прошлом веке он, может быть, и был прав, но сегодня — нет. Лорд Бриджуотер был гениальным изобретателем, он namного

опередил свое время. Сегодня во всех магазинах, торгующих модными предметами ухода за собаками, можно купить собачьи ботинки на молниях, чтобы любимец, занимая место в автомобиле, не пачкал грязью сиденья.

(Из этого тоже следует, что он не был совсем слабоумным. Доказательством этому служит и то, что он много читал, а если какую-то книгу не мог приобрести, просил ее на время. Правда, когда он прочитывал ее, то возвращал довольно странным образом. Он велел запрячь в свою лучшую карету двух лучших лошадей, на каждой из них верхом сидел всадник в форменной одежде, на запятках кареты стояли двое слуг, застывших, как скульптуры, со сложенными на груди руками, а книга лежала на мягких подушках сидения кареты и так проделывала путь к хозяину.)

Я должен объясниться. Ни в коем случае я не собираюсь умалять заслуги наших самых верных друзей — собак. Я говорю о них только в том случае, если судьба оказывается связанной с судьбой чудака. А вообще я хорошо знаю, что означает собака для человечества. Ведь у собаки нашелся даже свой историк: Эмиль Ришебо написал исторический труд, посвященный знаменитым собакам — "Histoire des chiens celebres" ("История знаменитых собак"). Лучшее всякого прославления добродетелей верного спутника человека служит надгробный памятник, который установлен в парке Ньюстедского замка. Там похоронена собака лорда Байрона. Надпись сочинил сам поэт:

Здесь покоятся

Бранные останки того,
Кто был красив без тщеславности,
Силен — без чванства,
Отважен — без лихости
И соединял в себе мужские достоинства
Без связанных с этим грехов.
Эта хвала, которая была бы тщеславной похвальбой
Над человеческим прахом,
Достойна памяти
Пса по кличке Ботсвэйн,
Который родился в Ньюфаундленде в мае 1803 года
И умер в Ньюстед Эббей 18 ноября 1808 года.

Байрон увековечил достоинства Ботсвэйна в стихах, и по этому случаю у него нашлось несколько любезных слов и в наш адрес, адрес мужчин. К сожалению, похвалы в этих словах было мало. Если бы собаки умели читать, неизвестно еще, не изменилась бы их привязанность к нам при знакомстве с такой картиной.

Могу сослаться еще на одну эпитафию, которая якобы в Болонье восхваляла моральный облик скончавшейся собаки.

Latrai a ladri, ed a gli amanti tacqui
Onde a messere, ed a madonna piacqui.

(Не на любовника, а на мерзавца лаял пес,
И стал сеньор мил сердцу хозяйки.)

Цитирование двух эпитафий снимает с меня подозрение в том, что я хочу нападать на собак из-за их положения в обществе. Нет. Чудак — *de te fabula narratur* (речь идет о тебе).

Уж если я написал эти латинские слова, добавлю к ним еще два. Коллекционеры памятников старины долго не могли понять сделанную на многих надгробьях надпись. Профессия умершего указывалась таким образом: *minister catellarum*. Перевести надпись легко. *Catella* — собака, *minister* — слуга. Но почему "собачий слуга"? В конце концов, сравнивая имеющиеся данные, выяснили, что в древнем Риме комнатная собака входила в семейный круг, как и сейчас. И покойник действительно зарабатывал себе на хлеб тем, что подряжался в богатый дом прислуживать собакам, то есть он ухаживал и обслуживал маленьких любимцев.

Забот у него хватало. Он должен был заботиться о мягкой постели и теплом покрывале, ароматными блюдами будить аппетит у привередливого животного, купать, причесывать и украшать пушистый комочек, больше того, ароматизированными мазями обрабатывать подушечки на лапах, чтобы более приятными были мгновения, когда избалованный любимец забирается на колени к госпоже или пытается лизнуть ее в ухо.

Плаут указывал, что кавалер в древнем Риме мог рассчитывать на благосклонность дамы, если только завоевал любовь ее собачки. Язвительный Ювенал зло отчитывает модниц: "Ради собачки не пожалеют жизни своих мужей".

От Марциала мы узнаем, что его знакомый по имени Публий заказал "портрет" своей собаки по кличке Исса. Задиристый поэт не мог оставить без замечания такое необыкновенное событие и воспел

его следующим образом (I том, 109-я эпиграмма):

"Исса шаловливее гончей Катулла. Исса чище голубино поцелуя. Исса привлекательней любой девушки. Исса ценнее драгоценного камня из Индии. Исса восхищает Публия. Если она скулит, кажется, что она разговаривает; она сопереживает хозяину в горе и радости; кладет голову ему на шею и спит в такой же позе так, что ее дыхание не слышно. Она никогда не забывается; если ей надо выйти, слабым царапаньем она подает сигнал, чтобы ее выпустили. Чтобы память о ней сохранилась после смерти, Публий заказал ее портрет. И вот — портрет, который настолько достоверен, что, если их поставить рядом, не поймешь, где собака, где картина".

(Гораций не настолько язвительен. Он снисходительно пишет о том, что в те времена влюбленные нежно и ласково называли друг друга "мой песик, моя собачка". Эта привычка оказалась долговечнее металла. Я не помню уже имени того средневекового рыцаря, который распорядился вышить на его шляпе белую свечу только потому, что его любимую звали Биянка. Белая свечка по-итальянски "канделла биянка". Но если мы отделим первый слог первого слова, получится кан делла Бианка", т. е. собака Биянки.)

Век уходил за веком, рушились троны, исчезали целые народы, но в империи моды по-прежнему властвовала собака. Посвященная этому вопросу хроника была бы слишком длинной, да она и не относится к нашей теме. Здесь речь идет только об обществе чудаков. Комнатная собака и среди них сохранила свой ранг. Шутник-философ Вебер из Германии утверждал, что в 1805 году в Вене насчитывалось тридцать тысяч декоративных собак ("Демокрит", VI-й том). Строгий приказ обязывал слуг вежливо обращаться с собаками. С изнеженными господскими псами запрещалось разговаривать на "ты". Если резвящаяся в парке борзая поломала цветы, садовник имел право сказать ей только следующее: "Уйдите из парка, хозяин" ("Gangens raus, Ihr Gnaden"). Хулиганящего в комнате пуделя горничная могла утихомирить только так:

"Ведите же себя прилично, мадемуазель Лизетт" ("So ruhens doch, Fraulein Lisette"). Всю ответственность за достоверность этих данных я перекладываю на Вебера. Что касается меня, я в них верю.

ЧЕТЫРЕХНОГИЕ НАСЛЕДНИКИ

О знаменитых собаках можно говорить еще долго. Не относятся к теме нашего разговора, и поэтому я и не рассказываю о них, гончие Фридриха Великого, особенно Бич, который спал в королевской постели и не соглашался мириться с тем, что ложиться приходится поздно ночью. Если увлеченный работой король допоздна сидел за письменным столом, Бич любыми способами старался выразить свое неодобрение, а если и это не помогало, он вспрыгивал на стол и вырывал гусиное перо из руки хозяина.

Я не рассказал о Рато, знаменитой комнатной собаке Нинон де Ланкло³². Он следил даже за тем, чтобы хозяйка не испортила себе желудок. Даже в присутствии гостей он сидел за столом, как домашний врач. Рато не подавал ни звука, когда ели суп или простое жареное мясо, но если он чувствовал сильный запах пряностей, то немедленно издавал предупреждающее ворчание. Он зло облаивал кофе и скалил зубы на спиртные напитки. Нинон в такие моменты пересиливала себя и не поддавалась искушению.

Не представляю я вам подробно и историю маленькой Фортуны. Это была собака императрицы Жозефины в то время, когда она вышла замуж за генерала Бонапарта. После свадьбы молодожены отправились в квартиру Жозефины на Рю Шантере, а там обнаружили собаку на привычном для нее месте, в постели, под одеялом. Оттуда она рычала на чужого господина и отказалась убраться из кровати. Так втроем они и провели брачную ночь.

Говоря обо всем этом, я хотел показать, что сообщениями о знаменитых собаках переполнены страницы истории. А вот о знаменитых кошках мы ничего не знаем. Если только не вспомнить любимую кошку Петрарки, но и ее кличка не сохранилась, есть только забальзамированное тело в аркуанском доме поэта. Недостаток славы в полной мере восполнила кошкам нежная любовь ушедших из мира сего хозяев.

Мурлыкающее, ласкающееся животное особенно превзошло собак в получении наследства. В старых газетах практически каждую неделю можно было прочитать сообщения о чудаковатых стариках и старушках, которые называли своими наследниками кошек. Среди собак наследников было намного меньше. И очень редко получали наследство обезьяны, лошади, попугаи.

Читатель качает головой и возмущается: как же может допускать закон, чтобы отличающиеся своими чудачествами люди так беззастенчиво издевались над серьезным институтом наследственного права?

И здесь я должен стать на сторону чудаков. Журналисты только ради красного словца пишут, что наследником стала кошка. Ни в одной стране мира нет закона, по которому животное может получить наследство. Оставляющий наследство хозяин не хочет, чтобы после его смерти животные сдохли с голода, поэтому он заботится о них таким образом, что оставляет завещание, по которому наследник обязан заботиться о животных, на это он оставляет деньги. Одни больше, другие меньше. В 1931 году калифорнийка Мод Кейн в своем завещании оставила 50 тысяч долларов на содержание своей кошки. Достопочтимое животное обслуживали специальная повариха и служанка, но и таким образом наследники не могли истратить даже и проценты, набегавшие на сумму наследства. Помогла им решить проблему сама кошка: обожравшись вкусными блюдами, она получила ожирение сердца и сдохла.

Я предупреждаю тревожащихся хозяев кошек, что в подобных ситуациях надо внимательно следить за соблюдением юридических формальностей, иначе завещание может быть признано недействительным. Образчиком может послужить завещание нюрнбергского адвоката Науфвилля, составленное 20 декабря 1784 года³³. Вот точный перевод раздела, относящегося к кошкам:

"Моей поварихе Анне Ростин я завещаю 25 флоринов и передаю в безвозмездное пользование квартиру на верхнем этаже моего дома. Она обязана ухаживать за 6 моими кошками, на что будет получать на каждую 12 крайцеров в неделю, то есть всего 1 флорин 12 крайцеров. Чтобы бедные животные зимой не мерзли, она должна получать на топливо 4 флорина на три месяца, то есть 12 флоринов в год. За присмотр и уход, а также за уборку помещений она должна получать еще 12 флоринов в год. Если какое-либо животное сдохнет, выплата денег на его содержание прекращается с конца данной недели. Мой дом нельзя продавать в течение 8 лет, потому что, по моим расчетам, за этот срок сдохнут все мои кошки. Если к этому моменту одна-две из них все-таки останутся в живых, пусть Анна Ростин возьмет их с собой в другую квартиру, за что на каждую из них в неделю ей причитается 24 крайцера. Она должна дать торжественную клятву, что три раза в сутки будет кормить кошек, а также в случае смерти одной из них не возьмет вместо нее другую, а доложит о случившемся душеприказчику с целью вычета из выплаты на содержание. Если она нарушит это обещание или нанесет ущерб дому, ее следует немедленно уволить и нанять на ее место другую. Я прошу фрейлейн Маргарету Р. и Кунигунду М., как знающих моих кошек, временами навещать их, и, если они заметят какой-либо непорядок, пусть немедленно известят об этом моих душеприказчиков. Если Анна Ростин в этом случае будет препятствовать им или употреблять непотребные слова, ее следует сразу же уволить и взять на ее место другую".

Чувствуется, что документ составлен адвокатом с горячим сердцем, но холодной головой. Для показа горячего сердца я процитирую несколько строк из другого завещания. Оно составлено в марте 1828 года, в нем нашла свое отражение последняя воля пожилой и богатой английской дамы³⁴.

"Завещаю моей любимой обезьянке Джокко пожизненную ренту в сумме 10 фунтов, которые могут расходоваться исключительно на ее содержание. На содержание моей верной собаки Шока и кота Тиба оставляю по пять фунтов стерлингов в качестве пожизненной ренты. Если один из них скончается, освободившаяся рента переходит на двух оставшихся, а в случае смерти одного из двух оставшихся, — на последнего. После его смерти вся рента завещается моей дочери Г., которой отдается предпочтение в сравнении с другими моими детьми, потому что я знаю, сколько хлопот и забот у нее в связи с содержанием большой семьи".

Что значит сердце матери!

СОБАЧЬИ КЛАДБИЩА В БОЛЬШИХ ГОРОДАХ

Следует смириться с тем, что богини судеб животных сделали нити жизни человеческих любимцев короче, чем их хозяев. И это нормально, что оставшийся в живых скорбящий хозяин достойно похоронит скончавшегося. Но не у каждого есть свой парк, в котором можно поставить памятник, как это произошло с собакой Байрона, или воздвигнуть мраморный мавзолей, как это сделал в честь своей умершей таксы богач из Огайо по имени Фрэнк Каллагхэн. Поэтому просвещенные власти в больших городах с сочувственной заботой выделили участки под собачьи кладбища.

Места под могилы недороги. На копенгагенском кладбище, например, они стоят 10 или 20 крон — в зависимости от размера. Если кто-то считает, что это слишком дорого, или думает, что память его будет недолговечной, может арендовать могилу за 1 или 2 кроны в год.

Называются они везде одинаково: собачье кладбище. (Hundefriedhof. Cimitiere des chiens. Dog's cemetery.) Что ясно показывает, что после смерти верх одерживает собака. Кошки только благодаря своей ласковости "вымурлыкивают" любовь, а вот собаку делают достойной любви ее достоинства... Окоchenение ласковых бархатистых лапок влечет за собой полное забвение. А вот память о

достоинствах продолжает жить. Эти достоинства можно назвать вечными.

На собачьих кладбищах могут быть похоронены и кошки, но кошачьих могил там очень и очень мало. На парижском собачьем кладбище посетитель с почтением останавливается перед надгробным памятником сенбернару Бэрри, который один спас жизнь сорока человек. А вот могилу какой-нибудь знаменитой кошки надо еще поискать. Можно, наверное, упомянуть только Кроумира, и то — из-за его хозяина, Хенри Рошфора³⁵...

Если уж мы оказались здесь, на собачьем кладбище в Аснье, посмотрим, как много известных имен бросается нам в глаза. Имен не собак, а их хозяев. Академию представляют Коппе, Салли Прадхсум, Ростан, Эмиль Фаже. Звезд театральной сцены представляет целое созвездие маленьких собачек и больших собак: самые известные среди хозяев — Режан и Клео де Мери.

Против большей части эпитафий возражений быть не может. Короткое, теплое прощание с любимцем; иногда одна мудрая фраза, как, например, афоризм Паскаля: "Чем больше я общаюсь с людьми, тем больше люблю мою собаку". Посетитель, возможно, удивится только тогда, когда прочтет что-то вроде этой цитаты Ламартина (в прозаическом переводе):

Приди, мой верный друг, утешение дней моих,
Лизни мое заплаканное лицо,
Положи сердце мне на сердце,
И будем любить друг друга — ради любви.

Если не считать вредное для здоровья лизание лица, неплоха и эта надпись, ведь ясно видно, что за грустью траура скрывается шаловливый гном ничего не воспринимающего всерьез французского характера.

С грустной серьезностью выстраиваются зато перед нами надгробные памятники берлинского собачьего некрополя, украшенные зачастую и портретом покойного. Здесь можно встретить такие надписи: "Вот и опустили мы в землю-матушку нашу маленькую Веру, которая до последнего дыхания преданно служила нам. Символом ее жизни было: быть хорошей! С благодарностью! Твой господин и твоя госпожа". — Или другая: "Здесь покоится наша милая любимица, надежный друг и верный спутник. Она радовалась людям и радовала людей". — И даже: "Царство тебе Небесное, наш милый Милхен! Бог с тобой, верный друг!"

В некоторых хозяевах таилась поэтическая жилка, которая проявлялась в минуты траура:

Ich denke dein, du bleibst mir unvergessen;
Was du mir warst, das kann nur ich ermessen.

(Я думаю о тебе, незабываемый мой,
Только я знаю, чем ты был для меня.)

Или:

Ich dachte hin und dachte her,
Das Gluck fur euch zu werben;
Nur an das eine dacht ich nicht,
Das ihr mir konntet sterben!

(Я думал и так, и сяк,
Как сделать счастливой тебя,
Не думал я только о том,
Что однажды похороню тебя.)

Собачье кладбище в Лондоне (Гайд-парк, Виктория-гэйт) открылось в 1880 году, а к 1915 году оно уже было заполнено. Пришлось открывать новое кладбище в Хантингдоншире. Характерно, что на старом кладбище тлеют останки одной-единственной кошки. Краткий обзор эпитафий: "С грустными воспоминаниями нашему милому маленькому Джеку, который любил и которого мы любили". — "Моя собака Ба-Ба. Никогда я тебя не забуду, и никто мне тебя не заменит". — "Джо Фоллетт. Не просто собака: человеческое существо". — "Все-таки мы уснули, хозяйский сынок!" — "Наша кроткая маленькая и милая Бленхейм, Джейн. Ты принесла в нашу жизнь луч солнца и унесла его с собой!"

Есть там и стихи :

Hearts growing older,
Love never colder,
Never forgotten shall thou be.

(Стареет сердце,
Но не остывает, зовет,
Я не забуду тебя никогда.)

Период моторизации родил еще одно кладбище в Хилденборо, неподалеку от лондонского шоссе. Там похоронены те собаки и кошки, которые оказались задавленными автомобилем или мотоциклом. Чтобы утешить кошек, приведу две относящиеся к ним эпитафии:

"Гингер, старый кот. Погиб 31 июля 1932 года, его переехал пятитонный грузовик". — "Зачем девушки и коты уходят из дома? Бобби выскользнул из дома номер шесть по Лондон-роуд, попал под машину и спит здесь вечным сном".

ГАРЕМ ЛОРДА БАЛТИМОРА

Фредерик Калверт (Calvert), барон Балтимор, принял решение полностью изолировать себя от мира и делать то, что ему возблагодаряжется. Он отказался от всех должностей и санов, к чему его обязывал его ранг и огромное состояние (с годовым доходом в сорок тысяч фунтов), не появлялся даже в королевском дворце. Но жизнь по собственному разумению он построил не так, как его соотечественник, Лорд Бриджуотер. Он окружил себя не бульдогами, а девушками. Причем достаточно необычным образом. Он много путешествовал на Востоке, познакомился с секретами гаремной жизни и решил основать гарем в Лондоне. На окраине города он построил великолепный дворец и оборудовал его с роскошью, присущей стамбульскому гарему. Он собрал группу очаровательных девушек, которые добровольно, на договорных началах, согласились на роль одалисок. По договору они должны были жить во дворце по точно разработанным правилам. Главным правилом было то, что, как и настоящие жены в гареме, они не имели права покинуть замкнутый мир гарема, ни на минуту не могли получить увольнительную. Надзор вместо евнухов осуществляли старухи. Девушки получали в гареме все, что им хотелось. Если какая-то из них надоедала лорду, он, в отличие от стамбульского порядка, не приказывал зашить ее в мешок и бросить в Темзу, а отпускал с богатым приданым.

Общество было возмущено и неистовствовало, когда история эта приобрела известность. Но лорда общественное мнение волновало меньше всего, он как раз и имел одной из главных целей настроить общество против себя. Власти вмешаться не могли, ибо не существовало параграфа, запрещающего содержание гарема, а без этого представитель властей не мог перешагнуть порог дома английского гражданина. Балтимор хорошо знал, что он делает; он заранее выяснил, что его поступок не нарушает никаких существующих английских законов.

Аристократическое лондонское общество, которое и так было возмущено презрительным отношением к нему со стороны Балтимора, разработало стратегический план. Родственников одалиски по имени Сара Вудрок уговорили обвинить лорда в похищении женщины. Об этом, конечно, не было и речи, но целью заявления вовсе и не было добиться наказания лорда. Цель заключалась в том, чтобы сделать тщательно скрываемые тайны гарема достоянием общественности. Уголовного процесса нельзя было избежать. Балтимор-паша должен был предстать перед судом. Судебное заседание состоялось 26 марта 1768 года. Судья понимал, конечно, цель заявления, потому что дал разрешение на то, чтобы материалы заседания стенографировались и были бы затем изданы. Книга вышла — к превеликой радости лондонского общества ("The Trial of Frederick Calvert, Esqu; Baron of Baltimore, for a Rape on the Body of Sarah Woodrock etc." Published by Permission of the Judge. Taken in Shorthand by Joseph Gurney. ("Уголовный процесс по обвинению благородного Фредерика Калверта, барона Балтимора, в похищении Сары Вудрок и т. д." Издано по разрешению судьи. Стенографическую запись вел Джозеф Гурней. Лондон, 1768)).

Обвинение оказалось беспочвенным, лорда оправдали. Но у него пропала тяга к жизни в лондонском дворце. Он продал его вместе со всем содержимым, оставив себе лишь дам из гарема, и в большой обиде переехал в Вену. Здесь его ждал новый сюрприз: шеф полиции официально поинтересовался, которая из дам является законной женой лорда; На это Балтимор ответил, что он не останется в стране, где власти суют нос в личные дела джентльменов. Он переехал в Неаполь и там через несколько лет скончался в возрасте 36 лет. Гарем свой он, видимо, успел распустить, ибо скандальная хроника им больше не занималась.

Если кто-нибудь скажет, что этот странный англичанин был умным человеком, я спорить с этим не стану. Более того, подкреплю эту мысль дополнительными сведениями. У Балтимора были и писательские способности. Он написал книгу о своих путешествиях по Востоку, а также издал поэтический сборник на нескольких языках: "Gaudia poetica, in latina, anglica et gallica lingua composita" ("Поэтические радости, написанные на латинском, английском и французском языках"). Я включил его в ряды других чудачков, потому что в его поступках явно ощущается агон, соревновательный дух: стремление выделиться из серого, несмотря на всю роскошь, однообразия английского аристократического общества. Вместе с этим он наслаждался и собственной странной

игрой. Потому что, собственно говоря, он играл. "Игра Венеры..." — можно было бы сказать об этом.

ЧУДАК ЖЕНИТСЯ

Аристократ с такими слабыми моральными устоями составляет исключение. Зато частыми были случаи, когда богатый и знатный джентльмен, руководствуясь внезапным порывом, женился на хористке, танцовщице, цирковой наезднице. И какой бы скандальный привкус ни был у такого брачного приключения, сразу после свадьбы молодую жену признают леди точно так же, как если бы на ее пеленках была бы вышита корона с девятью венцами.

Лорд Икс провел бессонную ночь в своем загородном замке. Это расстроило его. Что-то надо было делать. Лорд решил жениться. Причем побыстрее, чтобы не затягивать историю. Чтобы не затруднять себя излишними хлопотами, он решил, что будет лучше всего, если он женится на первой незамужней даме, которая попадется ему на глаза. Он вызывает звонком слугу; дает ему приказ найти незамужнюю девушку. Слуга направляет к хозяину экономку. Лорд командует ей: одеться как следует, они идут в церковь, он женится на ней. Экономка думает, что хозяин сошел с ума. Она уходит и продолжает заниматься своими делами. Через полчаса лорд вновь звонит в колокольчик: одета ли уже экономка? Нет, она занимается своими делами. Тогда пусть слуга приведет другую незамужнюю женщину. В этот раз слуга натывается на одну из служанок, он направляет ее к хозяину. Приказ тот же самый, у служанки хватает ума послушаться, она одевается и через час, как леди, переходит из помещений для слуг во внутренние покои. Архенхольц лично знал занимающего высокий государственный пост человека, который произошел от этого брака.

Годовой доход мистера Хоу составлял 10 тысяч фунтов. Прекрасная юная девушка по имени мисс Маллет полюбила в нем не только деньги, но и мужчину и вышла за него замуж. После свадьбы молодого мужа обуяли сомнения, по любви ли вышла за него замуж его жена. После недолгих раздумий он встал из-за обеденного стола со словами, что у него важное дело в Сити. Жена ждала, ждала, а муж все не возвращался.

Заранее расскажу финал истории: перерыв между свадьбой и первой брачной ночью составил ровно семнадцать лет.

Хоу никуда не уезжал. На той же улице он снял комнату у медника и лет десять жил в ней под чужим именем. Никто не знал его, потому что в Лондон он приехал недавно. Целыми днями он ничего не делал, только выходил в одно кафе прочесть газету. Однажды в одной из газет он наткнулся на собственное имя: жена обратилась в парламент с просьбой начать процесс по объявлению его умершим. Хладнокровного человека это не взволновало, больше того, позже он с удовлетворением прочитал в газете, что его объявили умершим. Он ждал, что произойдет дальше. А дальше ничего не произошло. Его жена не вышла вновь замуж. В его жизни изменилось только то, что в конце десятого года он поменял квартиру. Упрямый покойник добился своего и в том же доме, где жила жена, получил меблированную комнату. И семь лет он играл в прятки по соседству с женой с такой выдержкой и ловкостью, что никто не разгадал его тайны. Через семнадцать лет, в годовщину того дня, когда исчез муж, жене доставили письмо. Анонимный автор просил ее, чтобы по очень важному делу она пришла в 10 часов утра следующего дня в парк Сент-Джеймс, в такое-то и такое-то место. Любопытная женщина в сопровождении своей старшей сестры пошла в парк. Спустя какое-то время появляется мистер Хоу, как ни в чем не бывало приветствует самым естественным образом свою жену, заявляет, что он завершил свое дело в Сити, и вежливо предлагает руку. Миссис Хоу принимает во внимание вышесказанное, берет супруга под руку и с потерявшимся, но нашедшимся барашком идет домой продолжать семейную жизнь³⁶.

Странная семейная жилка проявляется и в случае, который произошел с жившим одиноко лондонским миллионером по имени Лоуэлл. В семидесятилетнем возрасте он пришел к выводу, что рожден для того, чтобы разрушать женские сердца, и начал вращаться в женском обществе. Рядом с ним, видимо, бывали и более молодые мужчины, потому что у одной из входящих в состав компании девушек произошло недоразумение с добродетелью. В делах о признании отцовства суд обычно считал решающим доказательством показания матери-одиночки. Оказавшись в затруднительной ситуации, девушка решила пойти на не совсем нравственный поступок: она подала в суд на старика Лоуэлла. Результат превзошел все ожидания. Тщеславный старец даже не пытался защищаться, он признал ребенка своим и заплатил деньги. После этого осмелели все оказавшиеся в подобной ситуации местные дамы, они бросились на легкую добычу и всегда добивались аналогичного результата. За два года мистер Лоуэлл решениями суда был признан отцом шестидесяти двух детей³⁷.

ЛИХОРАДКА СПОРОВ

Я вновь должен сослаться на spleen. Это слово по-английски означает, собственно говоря, селезенку. Когда-то считали, что меланхолия рождается в селезенке. Это слово начали использовать для определения меланхолии, и его значение постепенно расширилось: оно стало означать скуку, хандру, уныние, плохое настроение в целом и т. д. Естественно, к сплину склонны только богатые люди, бедняка некогда вешать голову.

Другое характерное английское качество — whim. Оно совпадает по смыслу с немецким Grille, то есть означает какой-то "заскок". Этим словом называют человека, одержимого какой-то причудливой, претендующей на оригинальность идеей.

Понятно уже, что тот, кто встал в сплин и хочет от него освободиться, попадает под обманчивое влияние вима. Он согласен на любой экспансивный поступок, только бы вырваться из трясины сплина, хотя бы на время. Так вспыхивает лихорадка споров, пари.

Если кто-то играет на скачках, это еще не свидетельствует о том, что он дурак. Эта игра для него — как участие в ярмарке надежд, в прекрасной обстановке, в остроте переживаний. О распухшей селезенке и усохшем мозге можно говорить только в том случае, если кто-то переживает столь желанное волнение, рискуя ради этого крупной суммой, а то и всем состоянием.

Летописцы скачек увековечили самый необыкновенный случай. Его герой был потомком древнейшего рода, о чем свидетельствует и его блестящее имя: Henry Weysford Charles Plantagenet, Marquess of Hastings.

Семь лет он блистал на скачках. Вначале выигрывал. Не менее тридцати тысяч в год, по его словам. Потом колесо фортуны сделало еще более стремительный оборот: на Цесаревиче на одних единственных скачках он извлек из карманов букмекеров 75 тысяч фунтов. Но потом счастье отвернулось от него. Фаворитом Дерби был Хермит, жеребец некоего Генри Чэплина. Лорд Хастингс поставил против Хермита, рискнув 100 тысячами фунтов. И Хермит доставил ему столь желанные волнения, придя к финишу первым. Сто тысяч фунтов — огромное состояние даже по английским понятиям -разделили между собой букмекеры.

Я не случайно упомянул кличку жеребца и имя его хозяина. Копытами Хермита в уши лорда Хастингса стучался рок. У Чэплина была очаровательная невеста, леди Флоренс Пэйдж. Хастингс похитил ее самым низким образом. Под предлогом необходимости совершить какую-то покупку она вошла в один магазин, и пока жених ожидал ее у входа, она выскользнула через заднюю дверь. Затем она вскочила в карету соблазнителя, и они ускакали. Прошло три года. Столько лет должно было исполниться лошади, чтобы она могла участвовать в Дерби. Судьба помогла появиться на свет Хермиту, и через три года он отомстил.

Осенью того же года лорд Хастингс на ньюмаркетских скачках проиграл 50 тысяч фунтов. Теперь уже ему хватало волнений, которые были связаны с продажей на аукционе его конюшни, замка, поместья. Он даже поседел раньше времени, а потом вообще стал инвалидом. На последние в его жизни скачки его привезли в кресле на колесиках, но никто уже не заговаривал о бывшем герое скачек. Он скончался 11 ноября 1868 года возрасте двадцати шести лет³⁸.

Страсть заключать пари охватывает не только посетителей ипподромов. Она может вспыхнуть где угодно и когда угодно. Хандрящий человек всегда готов заключить пари. Даже для самого незначительного спора существует популярная фраза: "I lay any thing" (спорим на что угодно). Спорили, например, на сколько осколков рассыплется большое зеркало в трактире, если разбить его. Выигрывал тот, чье предположение оказывалось ближе к истине. Фокс, один из крупнейших государственных мужей Англии, заключил в клубе пари на 1000 фунтов. Их должен был получить тот, кто ближе других угадает номер фиакра, который первым проедет под окнами клуба. (Правда, позже состояние Фокса было намного меньше размера его долгов.)

Еще один томящийся тоской джентльмен поспорил, что в течение года каждую ночь он будет проводить в другом доме. Он выдержал три месяца, потом сдался и заплатил. Более забавное пари было заключено в 1773 году: за три часа надо было проскакать верхом на коне сорок английских миль, выпить три бутылки вина и "развязать пояс у трёх девушек". Этот необычный олимпийский вид спорта выиграл тренированный чемпион. Мы не знаем подробностей, которые, наверняка, были интересными, но нет сомнений, что земля еще не носила на себе более глупого человека, уплатившего пятьдесят гиней за то, чтобы другой выпил вино и т. д.

Заклучалось пари, умрет заболевший Иосиф II или нет. Спорили, утонет ли упавший в Темзу человек или же выплывет, и злобно кричали при этом с моста на спасателей в лодке: не трогайте его, мы заключили пари!

С одним иностранцем по имени Карачиоли случилось, что в Лондоне он отправился на верховую прогулку, и лошадь понесла его. Отчаянно дергая уздечку, он вдруг услышал, что вслед за ним скачут несколько английских джентльменов, которые кричали на ходу:

— Сломает шею!

- Не сломает!
- Спорим на что угодно!
- Пятьдесят гиней!
- Согласен!

Взбесившийся конь мчался все быстрее; перепуганный всадник уже и сам был готов поспорить, что сломает себе шею. Вдруг — луч надежды: перед ним появился шлагбаум. Возле него — таможенные чиновники, которые наверняка задержат, остановят коня. Напрасная надежда; из адского экс-корта уже издали прокричали: "Пари! Пропустите его!" И его, конечно, пропустили, он оказался за шлагбаумом, свалился с коня, потерял сознание, но шею не сломал.

Свифт однажды ехал в карете в Виндзор в обществе лорда Оксфорда. Дорожное однообразие они скрасили пари. Они поспорили: кому из них удастся быстрее насчитать тридцать куриц, клюющих корм вдоль дороги. Каждый из них считал кур только с той стороны, где сидел. Еще одно условие: кошка или старуха сразу стоили тридцать кур. По дороге их нагнал лорд Болингброк, пересел к ним в карету и начал объяснять Оксфорду один важный и сложный политический вопрос. Тот слушал с внимательным выражением лица, кивал головой, но вдруг закричал: "Свифт! Кошка с правой стороны! Я выиграл!"

Что еще более странно, чем эти странные пари: согласно старинному английскому праву, судья может определить, кто же выиграл в споре. Когда таинственный кавалер Эон приехал в Лондон и там ходил в женском платье, но фехтовал и дрался, как мужчина, падкое на сплетни аристократическое общество чуть не заболело от любопытства: мужчина ли эта женщина, или женщина ли этот мужчина. I lay any things, -говорили на обеих сторонах, и сумма пари, заключаемых в отношении пола кавалера д'Эона³⁹, поднялась до миллиона фунтов. Лучше всего было бы получить ответ от самого кавалера, но тот настолько возмутился, что пригрозил любопытствующим мечом и дубиной, а потом оставил Лондон и вернулся во Францию. Один из спорщиков решил все-таки довести дело до конца и подал в суд. В июле 1777 года дело попало на рассмотрение к судье лорду Мансфилду. Заявитель привел с собой двух явно фальшивых свидетелей, которые показывали, что кавалер является женщиной. Ответчик доказывал, что такое пари аморально и потому не имеет силы. Судья обругал обе стороны, но заявил, что существующие законы не запрещают никаких пари. Жюри вынесло решение в пользу заявителя, и ответчик вынужден был выплатить проигранные 700 фунтов⁴⁰.

Более серьезным испытанием для суда было пари, которое англиканский священник Б. Гильберт заключил с баронетом М. Сайксом. В одной компании речь зашла о Наполеоне. Баронет настаивал, что этот человек долго уже не протянет, так много у него врагов, и так много опасностей его окружает. Слово за слово, а потом баронет предложил следующее пари: пусть ему заплатят сразу 100 гиней, а он каждый день, пока Наполеон жив, будет платить по одной гинее. Гильберт честно выдержал условие и на следующий день отправил баронету 100 гиней. А баронет выплачивал ему ежедневно по одной гинее, пока не кончились эти сто гиней, больше того, он платил и позже, целых три года. После чего ему надоело выплачивать эту ренту, и он передал дело в суд. Суд, руководствуясь высокими побуждениями, признал пари недействительным. Нельзя терпеть, чтобы интересы английских граждан были связаны с продлением жизни врага Англии, -заявил судья. — Но нельзя позволить также, чтобы в результате таких пари родился бы заговор против Бонапарта⁴¹.

В 1845 году суды, наконец, освободились от обязанности всерьез заниматься такой чушью. Парламент принял закон, признающий недействительными все обязательства, вытекающие из пари. Спорить можно и сегодня, нельзя только обращаться в суд. В память о несурзных пари того времени остался только предмет одежды. Лорд Спенсер поспорил, что отрежет полы у своего фрака и сделает урезанный фрак модным. Когда он появился в нем в обществе, денди смотрели большими глазами, а на следующий день помчались к портным, и родился спенсер.

МАЛЯРНАЯ КИСТЬ КИСЕЛАКА

Что делать человеку, у которого нет ни грамма никакого таланта, да и лицо не годится для того, чтобы, отравив соответствующую бороду, обратить на себя всеобщее внимание?

У французов есть выражение, указывающее на то, что "самореклама" не знает границ: la voliere de Psaphon (вольера Псафона). Происхождение этой фразы объясняется тем, что этого молодого ливийца подогревало безмерное тщеславие, но никто не обращал на него внимания. Тогда он купил множество говорящих попугаев и научил их произносить три греческих слова: "Megas theos Psaphon" (Псафон — великое божество). Когда птицы хорошо заучили урок, он выпустил их на свободу в парках и садах. И эти попугаи бормотали повсюду имя Псафона до тех пор, пока ливийцы не решили, что за этим что-то кроется, и в святом страхе не объявили Псафона действительно богом.

Школа Псафона пышно цветет и в наши дни, только щебетание птиц заменено громоханием прессы. Общество, обалдев от беглого огня, начинает верить, что господин Икс или господин Игрек действительно "megas theos".

А у кого в кармане нет таких денег, чтобы накормить досыта попугаев рекламы, пусть поступает так, как Киселак.

Иозеф Киселак (1795-1831) был известной фигурой в старой Вене. Будучи чиновником при дворе, он имел много свободного времени. Он проводил его в путешествиях то в окрестностях Вены, то в более отдаленной провинции. Но не следует думать, что его привлекали природные красоты или он ездил собирать редких жуков, хотя на боку у него и болталась жестяная банка. В ней была краска. Дополняла его снаряжение огромная малярная кисть. Тщеславный турист ездил по самым прекрасным местам Австрии, чтобы везде, где можно, бросающимися в глаза буквами малевать: "Киселак". Он, как профессионал своего дела, осквернял развалины местных храмов, башен, стены пещер, скалистые вершины гор. Разве можно сравнить с этим вырезанные влюбленными надписи на деревьях или мазню школьников на стенках домов! Это - лилипуты в сравнении с Гулливером. В Вене разнузданную страсть придворного чиновника знали настолько хорошо, что иногда даже защищались от нее. Через Дунай был воздвигнут новый мост, и, когда он был готов, с двух сторон моста установили специальных сторожей, чтобы Киселак еще до официального открытия не проник туда со своей кистью. Однако, когда первый корабль проходил под мостом, его пораженные пассажиры увидели, что на внешней стороне одной из дуг моста красуется известное имя: Киселак. Как он проник туда, представить было невозможно. Не поленился он намалевать свое имя и на глорiette шенбруннского парка, но это вызвало уже раздражение и у императора Франца. Он вызвал Киселака к себе, отругал его и взял с него слово, что тот обуздает свою страсть. Получив разнос, почтительно кланяющийся Киселак удалился, император встал из-за письменного стола, чтобы сделать несколько шагов по комнате и успокоиться, и тут взгляд его упал на боковую сторону стола. Острым перочинным ножом там было вырезано: Киселак. Это, конечно, только анекдот. Но он, во всяком случае, хорошо характеризует человека и легенды, окружавшие его⁴².

Зато что правда, то правда — на одной из старейших и наиболее почитаемых исторических реликвий Англии оставил автограф какой-то школьник. В Вестминистерском аббатстве хранится трон Эдуарда Исповедника, называемый Coronation Chair. На этом троне сидит каждый английский король во время коронационных торжеств. А однажды на троне побывал посторонний. Об этом свидетельствует вырезанная на старом-престаром дереве трона надпись: "В этом кресле спал П. Абботт, 4 января 1801 г." Прошли годы, прежде чем эта надпись была обнаружена, и кто уже мог узнать, что произошло с бывшим школьником П. Абботтом. Как это обычно бывает, мальчишка поспорил с приятелем, что докажет свою смелость, проведя ночь в Вестминистерском аббатстве. И ему удалось спрятаться и остаться в закрытом здании на ночь. На рассвете, чтобы представить приятелям доказательство, он обработал ножичком трон. Я не думаю, что это действительно так было, потому что сообщники могли бы договориться и о более простом доказательстве. Просто он хотел увековечить свое имя; это желание и руководило рукой мальчугана, который повел себя, как его сверстники, которые вырезают слова на партах.

ЧУДАК НА КОСТРЕ

Есть еще один эффектный способ охладить горячее желание выделиться. О нем говорит Лукиан⁴³ в книге "De morte Peregrini" ("О смерти Перегрини"). За его непостоянство соотечественники называли Перегрини Протеем. Он был циничным философом, объехал Грецию и Малую Азию, читал бестолковые лекции по религиозной философии. Вначале все было в порядке, вокруг него собирался народ, его выслушивали, у него даже были ученики. Позже сопутствующая ему популярность ослабла. Напрасно заменял он не оправдавшие себя теории новыми, более привлекательными: удача покинула его. Но самая мучительная из всех видов жажды — жажда славы; этот болезненно тщеславный человек не мог смириться с необходимостью перейти из передних рядов в задние. И он использовал последний козырь, провозгласив, что для того, чтобы доказать достоверность своего учения, он живым пойдет на костер!

Сторонники и ученики с энтузиазмом встретили интересное решение Мастера. Они сами подготовили достойный величия события костер и в торжественном шествии, при участии огромной толпы любопытствующих, следовали за добровольцем, идущим на смерть. Эффект был грандиозным, большего впечатления нельзя было бы добиться никакой научной работой. Отчаянный храбрец, может быть, надеялся, что в последнюю минуту ему помешают в осуществлении сумасшедшего плана. Но его ждало разочарование. Его сторонникам очень понравилась идея, благодаря которой они смогут

увидеть мученическую смерть, и они с энтузиазмом подбадривали Мастера: пусть забирается на костер, они сами подожгут его. Несчастный не мог отступить, взобрался на костер и, как пишет присутствовавший при том Лукиан, вопя от боли, принял мучительную смерть, обессмертившую его имя.

Кто боится мук костра, пусть повесится. Это я говорю без всякого желания оскорбить кого-либо, скорее, советую. Пример, которому можно последовать, приводит Бэкон в своей книге "Historia vitae et mortis" ("История жизни и смерти"). Его знакомый, знатный джентльмен, вбил себе в голову, что должен узнать, что чувствует человек, который повесился. Он купил подходящую веревку, старательно намазал ее мылом, надел петлю на шею и выбил стул из-под своих ног. Он не смог бы позже рассказать о пережитом, если бы через пару мгновений кто-то случайно не вошел в комнату. Вербку перерезали, его привели в сознание. Позже он рассказал Бэкону, что не чувствовал никакой боли, только в глазах у него как будто вспыхнул огонь, озаривший все синим светом и погасший. Он был полностью удовлетворен экспериментом.

Хандрящий человек не видит в смерти ничего иного, кроме волнующей перемены. Таймбс пишет в книге, которую мы уже цитировали: как-то ночью сторож увидел на Нью-роуд двух человек, занятых странным делом. Один надевает другому петлю на шею и собирается повесить его на фонарном столбе. Жертва не сопротивляется и спокойно переносит подготовку к роковому деянию. Ночной сторож вмешивается, но те двое возмущаются этим вмешательством, вместе они набрасываются на непрошенного адвоката и колотят его. Появляется полицейский, вся компания оказывается в участке. Выясняется, что эти двое играли в карты и один из них проиграл все деньги. Он поставил на кон оставшуюся на нем одежду, но второй спросил, а что же будет, если тот проиграет. Ведь он же не может пойти домой голым! "Ничего, если проиграю, жить все равно не стоит: повесишь меня, а одежда мне не понадобится."

Как это ни невероятно, есть данные, что действительно существовали клубы самоубийц⁴⁴. Деятельность лондонского клуба покрыта туманом; говорят, сообщение о нем было просто шуткой Аддисона. А вот данные о парижском и берлинском клубах собрал один серьезный ученый. Эти клубы действовали в конце XVIII и начале XIX веков. В парижском клубе было 12, а в берлинском — 6 членов. Ежегодно путем выборов они определяли, кто из членов клуба должен покончить жизнь самоубийством. Последний член берлинского клуба совершил обязательное самоубийство в 1819 году. Тем самым клуб вымер.

ЧУДАК ХОРОНИТ СЕБЯ

Есть некто, от кого чудака никак не может избавиться, кто может войти в закрытый скит отшельника, сделать свое дело и проследовать дальше, кого обычно рисуют в виде скелета с косою в руках.

Чудака понимает, что конец придет неминуемо, поэтому он хватается за последнюю возможность, чтобы развернуться в полную силу. Составляя завещание; он дает волю своей болезненной фантазии и добивается того, чтобы о нем говорили и после его смерти. Кто с удивлением, кто со смехом, кто с раздражением⁴⁵.

Как все порядочные люди, чудака тоже начинает свое завещание с того, что надо сделать с его бренными останками. Где его следует похоронить? Как его следует похоронить? Мизантроп и после смерти не хочет покоиться в обществе; он подбирает себе удаленное от посещаемых уголков место и указывает, чтобы его похоронили там. Как Якоб Хорват, старший пештский адвокат, который в 1806 году оставил 600 форинтов с тем, чтобы его похоронили в саду, а не на кладбище, а на надгробном камне написали всего одно слово: Fuit (был). Он не мог подозревать, что через сто лет тишину Варошлигета (городской роши в центре Будапешта), где находится его могила, будет нарушать галдеж ребячьей стаи. Более основательно организовал дело дорсетский лендлорд Томас Холлис (1774). Он завещал своим наследникам, чтобы его закопали на глубине 10 футов на ближайшем поле, а потом всю землю перепахали бы и засеяли.

В то время кремация была еще не модной, а ведь она намного расширяет возможности уничтожения. Г. В. Саундерс, чемпион Англии по крикету, завещал, чтобы бы его тело кремировали и прах рассеяли по крикетной площадке. Мир перевернулся! Раньше по воздуху рассеивали прах сожженных на костре злодеев, чтобы он не загрязнял землю-матушку. Учтиво-любезной идеей удивил знакомых дам скончавшийся в 1931 году колумбийский женолюб Рамон Эскудер. Он распорядился, чтобы его тело кремировали, а прах разделили бы между такой-то и такой-то дамами.

А их он попросил, чтобы по шепотке праха они положили в медальоны и постоянно носили эти медальоны на шее. Потому что истинным успокоением для него было бы сознание, что и после смерти

он покоится на груди у очаровательных женщин. Дамы выполнили последнюю волю усопшего кавалера. Отчасти из жалости, отчасти из-за того, что покойный за такую услугу завещал им приличную сумму.

Последовательные ассоциации руководили скончавшимся в прошлом веке англичанином по имени Джек Фуллер, который в завещании написал, чтобы его похоронили в пирамиде. Он считал, что после смерти все происходит следующим образом: тело съедают черви, червей — утки, а уток — родственники. Вполне достаточно, что его деньги попадут в карманы родственников; он не мог смириться с тем, что сам он попадет к ним в желудок.

Но самым разумным было решение отставного майора по имени Петер Лабелье. Он распорядился, чтобы его похоронили головой вниз. Дело в том, что в настоящее время в мире все перевернуто вверх дном. Когда пройдут эти дурацкие времена и порядок в мире восстановится, его тело тоже займет нормальное положение.

ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ

Естественно, что взгляды чудаков на траур тоже отличались от общепринятых. По нему никакой траур справлять не надо. Наоборот, пусть его похороны станут радостным праздником, пусть все танцуют вокруг гроба и поют веселые песни.

Наиболее известным в этом роде было завещание правоведа из Падуи и Лодовико Кортузио (1418). Прежде всего он запретил плакать на похоронах. Он не называл имени наследника, а распорядился, что все его состояние должен унаследовать тот из родственников, кто будет наиболее заразительно смеяться во время похорон. Учредил он и легаты - суммы, которые наследник обязан был выплатить определенным лицам. Но при этом определил, что обладатель легата должен лишиться его, если забудется и заплачет на кладбище. Черного цвета надо избегать во всем, церковь должна была быть украшена цветами и зелеными ветками. Украшенный саваном веселой расцветки гроб должны нести двенадцать девушек; за это они получают приличную надбавку к своему приданому. Перед гробом и за ним пусть идут музыканты с дудками, барабанами и скрипками.

Кто из родственников "высмеял" себе наследство? Этого мы не знаем. Мы знаем зато, что родственники оспорили завещание, ссылаясь на то, что такое распоряжение не может исходить от здравомыслящего человека. Протест был отклонен на том основании, что Кортузио был доктором-правоведом в университете Падуи, а правоведом может быть только здравомыслящий человек. Дрю дю Радье, который знакомит нас с этим решением ("Recreations historiques" - "Исторические забавы", Ла-Хайе, 1768), меланхолично замечает, что в его время такой вывод был бы неправомочен.

Он же приводит странный пример закрученной логики правоведов страны. Велись ожесточенные споры, — пишет он, — вокруг того, что если бы библейский Лазарь после своего воскресения составил бы новое завещание, отличавшееся от предыдущего, являлось бы действительным оно или же сохранило бы силу более раннее, составленное перед его первой смертью? Некоторые правоведы доказывали, что действительным следует считать первое завещание, ибо Лазарь умер полностью и бесповоротно, то есть в момент его смерти завещание уже вступило в силу. Его последующее воскрешение не может лишить наследства законного наследника. В юридический турнир вмешался великий Аккурзий46, преподаватель римского права Болонского университета (1182-1260), который силой своих доводов выбил из седла сторонников первого завещания. Спор был решен: воскресший Лазарь имел полное право накануне второй смерти составить новое завещание. (Бесспорно интересное объяснение можно найти в труде Аккурзия "Glossa Ordinaria" ("Систематическое объяснение"). Так говорится в первоисточнике, которым я пользовался. Я это не проверял.)

Голландский художник Хеймскерк оставил после себя круглую сумму, распорядившись на проценты от нее ежегодно выдавать замуж достойную того бедную девушку. С одним условием: чтобы в день свадьбы в полном наряде невесты, в сопровождении жениха и всех гостей она приходила на кладбище и там танцевала вокруг его могилы. И счастливые молодожены каждый год делали это, и стало традицией, что хоровод заканчивался выкрикиванием слов благодарности: "Пусть живет долго наш благодетель, весельчак Мартин Хеймскерк!"

Менее удачным оказалось завещание ненавидевшей мужчин старой девы из Эссекса. Она умерла в 1791 году, прожив 83 года, и всю жизнь ненавидела мужчин. Она завещала, чтобы ее похороны были праздничными, траурная процессия вела бы себя весело, а вокруг ее могилы пусть танцуют шесть юных дев. Мужчин она хотела вообще исключить из церемонии, но местный обычай требовал, чтобы на похоронах саван за углы держали мужчины. Поэтому старая дева должна была пойти на уступку. Ладно, пускай четверо мужчин держат саван за углы, и пусть каждый из них получит по сто фунтов - но ни один из них не может быть моложе 40 лет, и каждый из них должен поклясться, что ни разу не

был на свидании с женщиной. Во всей округе не нашлось ни одного мужчины, который рискнул бы дать такую клятву. Душеприказчик вынужден был пригласить на эту роль четырех замужних женщин. Клятву он с них предусмотрительно не требовал.

Кто при жизни любил вино, думал о нем и в свой смертный час. Голландский художник Бакхайзен (1631-1709) положил в кошель столько золотых монет, сколько лет он прожил, то есть семьдесят восемь. Эти деньги он оставил своим друзьям, чтобы после похорон они помянули его. Лондонский банкир Девэйнес (1810) оставил жене ренту в 1200 фунтов, а также 300 бутылок вина с указанием выпить это вино на свадьбе, если жена второй раз выйдет замуж. Что касается лично его, он попросил, чтобы, когда его положат в гроб, под мышки ему положили бы по бутылке хереса самого высокого качества.

Другие одурманивали себя не вином, а табаком. Точнее, нюхательным табаком. 1 апреля 1776 года зажиточная дама по имени миссис Маргарет Томпсон чихнула так, что сразу перенеслась в мир иной. Относящаяся к похоронам часть завещания щекотала носы любителей нюхательного табака следующими строчками:

"Я распоряжаюсь заполнить мой гроб шотландским нюхательным табаком лучшего качества, но предварительно пусть моя верная служанка Сара уложит все мои носовые платки на дно гроба. Мне знаком обычай класть в гроб цветы, но, что касается меня, я считаю намного более приятным и освежающим нюхательный табак. Пусть мой гроб несут шесть наиболее признанных любителей нюхательного табака прихода Сент-Джеймс. Лента на их шляпах пусть будет не черного, а табачного цвета. За ними пусть идут шесть девушек, они должны все время на ходу нюхать табак. Священник, который пойдет во главе процессии, тоже должен нюхать табак; на это я оставляю ему 5 гиней. Еще 20 гиней я оставляю на то, чтобы моя верная служанка Сара в ходе процессии каждые 20 ярдов рассыпала по горсти шотландского нюхательного табака, бросая его в сопровождающую толпу".

ЮМОР НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Бывает, что чудак превращает в юмористическое чтиво само завещание. Он хочет оставаться оригинальным и после смерти, и последняя радость в его угасающей жизни — сознание, какими глазами будут смотреть чиновники на завещание, когда откроют конверт и вместо торжественных строк, достойных серьезности момента, увидят танцующие буквы нелепой шутки.

Прародителем шуточных завещаний называют обычно Рабле⁴⁷: "У меня ничего нет, долгов множество, весь остаток завещаю бедным". Но это только осколок солидного запаса анекдотов, окружающих фигуру Рабле. Хертсл указывает, что эта шутка уже встречалась в письме Эразма Беде в 1527 г. (Рабле умер в 1553 году. И тут на него наговорили, что на смертном одре он требовал, чтобы его нарядили в домино, ибо в Библии написано: "Beati qui moriuntur in Domino" (счастливы скончавшиеся в Боге).

Достоверны зато хранящиеся в английских офисах завещания. Я расскажу о некоторых из них, таких, в которых паясничавший чудак не только бряцал над головой наследников, но и чувствительно колотил их по голове.

1781. — "Я, Джон Ойлетт Стоу, оставляю пять гиней, чтобы душеприказчик нашел и приобрел картину, изображающую гадюку, жалящую своего спасителя. Эту картину душеприказчик пусть подарит от моего имени мистеру , который благодаря этому получит возможность задуматься и сравнить себя с этой гадюкой. Это заменит ему те три тысячи фунтов, которые я оставлял ему по предыдущему завещанию, но изменил свою волю и сжег деньги".

1793. — Последний пункт завещания уэльского джентльмена Эвана Джонсеса:

"Что касается остающихся тысячи фунтов, которые вложены в 3-х процентные ломбардные квитанции, я распоряжаюсь следующим образом: Половину этой суммы я оставляю на то, чтобы снести проклятую насыпную дорогу, которая ведет от моего дома до Рокса (прости меня, Господи, за богохульство) и на которой мою карету ужасно трясло, от чего я постоянно ругался. Вместо нее пусть построят нормальную дорогу. Вторую половину пусть получит моя племянница, которая сбежала с моим слугой и вышла за него замуж. Заявляю, однако, что я без радости оставляю эти деньги племяннице, распутной бабе; если бы было возможно, я с большим удовольствием оставил бы их на то, чтобы повесить всех расположившихся по соседству адвокатов, потому что, честное слово, я не обнаружил среди них ни одного честного парня".

1770. — "Я, Стефан Свэйн, оставляю на Джона Аббота и его жену по имени Мэри по шесть пенни на каждого, чтобы на эти деньги они купили себе веревку, ибо, боюсь, шериф до сих пор не позаботился об этом".

1794. — "Я, Уильям Дэрлей, вследствие того, что моя жена украла из моего кармана 50 гиней и

от моего имени отдала их мистеру Джону Пагу, завещаю ей 1 шиллинг". (Дело в том, что завещание признавалось недействительным, если получатель наследства не назывался по имени, какой бы мелкой ни была оставляемая сумма.)

1785. — "Я, Чарльз Паркер, книготорговец, оставляю 50 фунтов Элизабет Паркер, которую в слепом помешательстве взял в жены, не принимая во внимание ее семью, известность и бедность, и которая в благодарность засыпала меня всяческими клеветническими заявлениями; она только что не оповестила всех, что я разбойник с большой дороги".

1797. — Последний взгляд на семейную жизнь богатого йоркширца мистера Гринвэя:

"Несчастьем моей жизни было то, что я вел безрадостную семейную жизнь с моей женой Элизабет, которая не обращала внимания на мои предупреждения, не меняла своего необузданного характера и постоянно ломала голову над тем, как больше огорчить меня. Не помогли и советы наших здравомыслящих знакомых, она рождена мне на муки и до конца не раскаялась. Силы Самсона, гения Гомера, мудрости Августа, хитрости Пирра, сдержанности Иова, глубокомыслия Ганнибала, бдительности Гермогена не хватило бы, чтобы обуздать эту женщину. С учетом вышеперечисленных причин я оставляю ей один шиллинг".

ЗАВЕЩАНИЕ CHICANE

Я не смогу точно перевести это слово — *chicane*. В энциклопедии говорится, что это "препятствие, воздвигаемое недоброжелателями на пути к цели". Выражение "назло" лучше всего выражает смысл, но все-таки не достаточно полно, оно не отражает характера приводимых здесь случаев, когда высывающаяся из гроба рука показывает фигу, но крепко бьет кулаком.

Самую независимую демонстрацию фигуры устроил в конце XVIII века старик ирландец по фамилии Толэм. Старый господин имел славу скупца, и завещание, как видно, подтвердило такую репутацию:

"Своячнице завещаю пару старых чулок, которые лежат в постели, в ногах.

Далее, моему племяннику Чарльзу завещаю другую пару старых чулок.

Далее, лейтенанту Джону Стейну — синие чулки и мое красное пальто.

Далее, моей племяннице завещаю старые ботинки.

Далее, Ханне — кувшин с трещиной".

Собравшиеся на оглашение родственники с вытянувшимися лицами познакомились со скудным наследством. Они заявили, что отказываются от него, всяко обругали старого скупца и в бешенстве бросились на выход. Ханна, которая, как видно, была старой служанкой, огорченно пнула попавшийся ей под ноги кувшин с трещиной. Кувшин разбился... И из него во все стороны посыпались золотые монеты. Ох и кинулись же все к своему бараклу: все завещанные вещи были полны золота. И тогда они решили почтить в молитве память славного старика.

Как много огорчений и забот приносило наследникам спрятанное наследство!

Пейно не называет имени того англичанина, после смерти которого осталось наследство, не покрывающее долгов. А деньги у него должны были быть. На это указывала записка со словами: "Семьсот фунтов лежат в комод". Но в комод искали напрасно, там ничего не было.

Душеприказчики продали мебель, библиотеку, остальное недвижимое имущество, а полученные за это деньги разделили пропорционально между кредиторами. Один из душеприказчиков не мог смириться с такой ситуацией. Он знал старика чудаковатым, но честным человеком; зачем бы он стал подшучивать над ними с этим комодом? И тут до него дошло: Till! (Комод по-английски называется "till".) Он вспомнил, что у старика была любимая книга: "Проповеди Тиллотсона". Может быть, в ней скрыт секрет? Он помчался к другому джентльмену, и они вместе побежали к книготорговцу.

"Осталась ли еще книга Тиллотсона?" — "Я отправил ее в провинцию одному клиенту", — был ответ. Джентльмены побледили. "Но клиент вернул мне книгу, она ему не нужна, — продолжал книготорговец. — Она лежит здесь на полке". Джентльмены ожили. Они заплатили за книгу, отнесли ее домой и между страницами действительно обнаружили вклеенными семьсот фунтов.

По мнению Пейно этот случай произошел в 1796 году. Книга Пейно вышла в 1829 году. Такую вековую историю имеют те случаи, которыми временами газеты удивляют доверчивых читателей. Некий наследователь подложил однажды крупную банкноту в один из томов библиотеки Ватикана, чтобы деньги достались человеку с таким же вкусом, который из множества книг выберет именно эту.

Другой случай: дядя хочет приучить к чтению легкомысленного племянника, для этого он вклеивает банкноты в одну из книг в своей библиотеке. Пусть тот пролистает все двадцать тысяч томов. Затем журналистская фантазия разыгрывается еще больше, и деньги оказываются спрятанными в одном из пяти миллионов томов Вашингтонской библиотеки. Еще более популярной делают идею

рассчитанные на массовый вкус трогательные в своей наивности романы и киносказки; в какой-то мебели скрывается сокровище, которое после захватывающих приключений находится, как этого и ожидал с первой фразы читатель или зритель. Возможно, какой-либо чудаковатый наследователь и вдохновится незамысловатой сказкой и сотворит внушенную ему глупость. Пусть он помнит, что прародительница этих идей родилась еще в 1796 году.

Настоящее завещание-chicane оставил один лондонский банкир, разбогатевший на бирже. Он завещал свое состояние стоимостью 60 тысяч фунтов племяннику, но с одним твердым условием: племянник обязан каждый рабочий день в 2 часа появляться на бирже и оставаться там до 3-х часов. От этой обязанности его может освободить только документально подтвержденная болезнь. Если он хотя бы один раз не совершит обязательный визит, все состояние должно перейти определенным благотворительным учреждениям. Этим завещанием банкир хотел выразить уважение к бирже, где он приобрел свое состояние. Но несчастный племянник попал в настоящее рабство. Он не мог никуда уехать, разве что в воскресенье, когда биржа закрыта. Все дела, все свободное время он должен был регулировать в зависимости от посещений биржи. Он ничего не понимал в биржевых делах и все же каждый день должен был совершать паломничество туда и в смертельной скуке проводить там свой официальный час обеда. Об обмане и речи быть не могло, ибо заинтересованные благотворительные учреждения создали свой специальный фонд, из которого оплачивали услуги шпионов-контролеров, и в должное время те всегда находились на посту.

В сравнении с этим завещание йоркширского англиканского vicar представляло собой совсем незначительное "chicane". Vicar оставил значительное состояние своей единственной дочери с условием, что она никогда не наденет открытое платье. Все было бы в порядке, но у славного джентльмена были специфические представления о декольтированной одежде: "В связи с тем, что моя дочь Анна не прислушивалась к моим предупреждениям и продолжала увлекаться неприличной и вредной модой, согласно которой женщины оставляют открытыми руки до локтя, я распоряжаюсь следующим образом: если она не порвет с этой модой, все мое состояние пусть перейдет на старшего сына моей старшей сестры Каролины. Если кто-то сочтет мое решение слишком строгим, я отвечу ему, что неприличная одежда у женщин является внешним проявлением духовной испорченности".

* * *

Потребуется еще много данных, чтобы сделать полную картину, изображающую чудаков. Но эти сведения скрываются в изобилии книг в огромных библиотеках, и нет пока такого завещания, которое стимулировало бы исследователя на поиск.

СПОРТ И РЕКОРДЫ

Чтобы улучшить на какие-то доли секунды рекорд, атлет не обращает внимания на рвущиеся мышцы и сердце, на лопающиеся вены. Он соревнуется не с соперником, который рядом с ним мчится к финишной черте; у него есть невидимый противник: рекорд, установленный когда-то кем-то из конкурентов-гладиаторов. Это странная, но благородная разновидность agon'a. Наградой бегуну служит не что иное, как лавровая ветвь, и зритель испытывает чувство, что своей поддержкой он тоже становится участником награждения, как будто он помогал сорвать эту ветвь с вечнозеленого дерева славы.

Однако издевательством над благородным атлетическим состязанием является безвкусное испытание, которое ставит своей целью узнать, за какое время можно пробежать классическую 100-ярдовую дистанцию спиной вперед, или за сколько секунд спортсмен преодолет это расстояние, прыгая на одной ноге. Не говоря уже о незамысловатой попытке побить рекорд "бегунами-близнецами", которая осуществляется таким образом: два бегуна становятся рядом, их смежные ноги связываются вместе, и как диковинное трехногое животное они устремляются по дистанции. Лавр увял бы от стыда, если бы им увенчивали бы таких людей.

Рекордомания родилась недавно.

В старинных спортивных летописях очень редко натываемся мы на имена таких фанатиков, которые вступают в борьбу с собой ради рекорда. Изготовленный в 1725 году офорт из Аугсбурга, как достойное увековечивания событие, представляет деяние каретника Иоганна Гуттманна, который сделанное им самим колесо гнал руками от Данцига до Дахау. Гонящая колеса в пештских парках молодежь, видимо, не смогла бы оценить, какими данными надо обладать для занятий этим видом спорта. В моих рассуждениях это отступление потребовалось только для того, чтобы приблизиться к теме. Я задумывался: что же все-таки может быть движущим колесом развития рекордомании?

Несомненно, толчком к ней послужила страсть к спорам.

Капитан Барклай, шагающий чемпион XVIII века, совершил свою рекордную попытку на спор. Ставка была 1000 гиней, надо было пройти пешком 1000 миль за 1000 часов. Особое условие: за каждый час надо было проходить не менее мили. То есть в течение шести недель на отдых, еду-питье, сон и другие дела оставались только минуты, сэкономленные из каждого часа. Причем сэкономленные из разных часов минуты нельзя было складывать и использовать одним большим отрезком, они были в распоряжении атлета только по отдельности, по каждому часу. Если он пройдет одну милю, скажем, за 15 минут, у него останется сорок пять минут, которые он может использовать по своему усмотрению. Но с началом очередного часа он вновь должен отправляться в путь. Трассу для этой необыкновенной попытки определили в Ньюмаркете. Старт был дан 1 июня 1809 года. Поблизости находился трактир, в котором Барклай проводил сэкономленные мгновения на протяжении 42 напряженных дней. Можно представить, какие толпы собрал это являющееся пыткой для человека зрелище, особенно в последние дни, когда лишь сила воли поддерживала жизнь в атлете. Ноги у него распухли, он потерял в весе фунтов тридцать, еле тащился по трассе, но выдержал до последней минуты и выиграл пари.

Даже тот, кто не занимался спортом, с удовлетворением читает описание знаменитого соревнования как редкого испытания силы и выносливости. Но любителя рекордов не интересуют такие абстрактные понятия. Он видит только цифры, количество миль, часов и минут; вот их надо стереть из памяти человеческой и вписать вместо них новые. Круглые тысячные показатели капитана Барклая долго не решались побить. Наконец, в 1846 году нашелся гладиатор пешего хода по имени Рихард Маукс, который решил пройти те же самые 1000 миль за 1000 получасов, то есть за половину того времени. И он выполнил обязательство, хотя время его отдыха не было разбито по часам, как у капитана Барклая. Он ходил по кругу на крикетном поле в Кенсингтоне с 10 октября по 31 октября 1846 года. Три тысячи человек аплодировали ему, когда он, едва держась на ногах, прошел последнюю милю.

И это еще не конец. Демон рекорда продолжал щекотать подошвы ходоков. Американец Э. П. Вестон объявил, что согласен пройти эти самые 1000 миль за тысячу четверть-часов. И он выполнил свое обещание в июне 1871 года в нью-йоркском парке. Потом он пересек океан, прибыл в Англию и там совершил несколько успешных пешеходных попыток. Видимо, с соответствующим материальным эффектом, ибо то, что один человек ходит пешком лучше другого, несомненно заслуживает зрительской платы.

(Более достойный рекорд установили в 1911 году официантки Мюнхена. Чтобы доказать справедливость своего требования об увеличении заработной платы, они закрепили на одной из своих коллег шагометр. Выяснилось, что за рабочий день, то есть с десяти часов утра до полуночи, та сделала 58 тысяч шагов, пройдя сорок километров. И не с пустыми руками, а балансируя тяжелыми подносами и блюдами. Их хозяева не очень разбирались в спорте, потому что за такой прекрасный результат они определили гонорар всего в две марки...)

Позже дьявол рекордов уже не довольствовался пустым щекотанием подошв. Он, как кнутом, гнал людей на достижение все более удивительных, более диких рекордов. На страсть к спорам, на выигрыш пари можно было рассчитывать не всегда. Кто рискнет своими деньгами только ради того, чтобы узнать, можно ли добраться из Нью-Йорка до Филадельфии на четвереньках? А вот два брата Мэрш осенью 1933 года пошли на это, потому что дьявол рекорда поманил их другой возможностью. Используя американское выражение: перспективой publicity. Бедолаги мыкались без работы, и с этой отчаянной идеей они попытались привлечь к себе внимание падкой на сенсации, любопытствующей толпы. И, наверное, им удалось найти работу; наверняка нашелся бизнесмен, который смог использовать для рекламных целей своих "четырёхногих" служащих.

В выигрыше от таких выкрутасов всегда бывает фирма. Летом 1933 года мы приветствовали в Будапеште Франца Шаффлера, ученика маляра из Граца, который проделал путь в 565 километров от Граца до нашей столицы на лестнице. Производящая лестницы фирма выделила на это 2000 шиллингов и такую, состоящую из двух одинаковых частей, лестницу, на которой маляры во время работы передвигаются вдоль стен. Шаффлер должен был забраться на вершину лестницы, сесть на нее верхом и боковыми прыжками проделать эти 565 километров, чтобы доказать необыкновенную прочность изделий фирмы. Рекорд: один километр в час.

Я не могу знать, что заставило техасца П. Л. Вингса отправиться в кругосветное путешествие спиной вперед. Он сконструировал нечто вроде перископа, и через него следил за всем, что происходит за спиной. Никаких сообщений об итогах его попытки я в газетах не нашел; правда, я и не искал их. Для тех, кто хочет сделать это, сообщу, что человек-рак повернулся спиной к будущему в мае 1931 года.

Не слишком много ума было у того, кто придумал заполнять пробелы в своих неполноценных знаниях тем, что впихивал себе в мозги нелепейшие истории о рекордах. Следующее собрание

документальных данных признано облегчить научную деятельность психиатров будущего.

ЛЯГУШАЧЬЕ ДЕРБИ В КАЛИФОРНИИ

Чтобы покончить с легкоатлетическими рекордами, я представлю вам картину состоящей из 20-25 тысяч человек аудитории, которая ежегодно собиралась на прыжковую олимпиаду по соседству с калифорнийским Angel's Camp. По имеющимся у меня сведениям, в 1934 году в олимпиаде участвовало не больше и не меньше как 262 прыгуна. В 1938 году их число возросло до трехсот. На соревнованиях 1938 года родился новый мировой рекорд: 15 футов 10 дюймов. В точном пересчете — 4,83 метра, а если точнее, то еще с 2 миллиметрами. Был побит старый рекорд, установленный в 1934 году и равный 4,15 метра. Любители легкой атлетики скажут, что ничего особенного в этом результате нет, ведь они уже были свидетелями и восьмиметровых прыжков. Да, но ведь эти прыжки совершались с разбега, а калифорнийский чемпион прыгал с места. К тому же еще надо учесть, что это был не человек, а жаба. Говорят, что привлекающее публику лягушачье дерби устраивают ежегодно в память о новелле Марка Твена "Jumping Frog" ("Прыгающая лягушка"). Такое почтение оправдано. Литературоведы считают, что эта новелла была прародительницей популярного в наши дни жанра "short story": Такая коротенькая история не требует от читателя большого ума и позволяет занятым людям занимать свободные минуты коварным делом — чтением, а то без практики они еще разучатся читать. Замечательный писатель творил не ради этого, но память и сама по себе прекрасная вещь, чтобы ею ни двигало. (Чуть не забыл: лягушку-чемпионку звали Зип. Обладателя предыдущего рекорда хозяин заявил под кличкой Генерал Грант. Достойна признания и память американского генерала-героя, ставшего впоследствии президентом Соединенных Штатов.)

МИРОВОЙ РЕКОРД В МЕТАНИИ СКАЛКИ

Беспощадное состязание мужчин и жаб вытеснило с арены легкоатлетических битв женщин. Им надо было искать компенсацию в другом. К сожалению, они отстали и в состязании курильщиков трубок в Ковент Гардене; их победитель растянул курение пол-унции табака (14 граммов) на 75 минут. Участвующие в этих соревнованиях дамы "отключились" за 20 минут. Не принесло им успеха и участие в проходящих в дымном облаке соревнованиях по курению сигар. Их победителем стал джентльмен из Голландии. Целых два часа он тянул одну сигару и смог предъявить судьям пепел длиной семь сантиметров. Может быть, он смог бы добиться и лучшего результата, но в конце седьмого сантиметра чихнул. Не удалось женщинам показать высокий результат и в проходивших в Канзас-Сити соревнованиях в сидении на льду. В них победителем становился тот, кто мог дольше просидеть в купальном костюме на стокилограммовой глыбе льда. Или женщины не переносили холод, или лед не переносил тепла — победителем и здесь стал мужчина.

Зато в состязаниях на ловкость, когда надо было вдевать нитку в иголку, им сопутствовал успех. Можно подумать, что библейского верблюда легче было проташить через иголочное ушко, чем в современной жизни вдеть одну за другой четыре-пять ниток в маленькое отверстие швейной иглы. Но женские ловкость и выдержка способны на такие чудеса, что и верблюд удивился бы, глядя на них. Они вдевали в ушко все больше и больше ниток, и, наконец, в 1934 году портниха из Санцоока продела через иголочное ушко 224, да, двести двадцать четыре нити! Пользоваться моральными и материальными преимуществами своего чемпионства она смогла, к сожалению, только один год. Ее славе позавидовала закройщица из Оттавы по фамилии Серрелли, которая тренировалась до тех пор, пока не продела через ушко двести пятьдесят нитей! Если так будет продолжаться, в конце концов, действительно осуществится библейский пример, ибо некоторые комментаторы считают, что переводчики исказили смысл этого раздела Евангелия от Матфея, перепутав два греческих слова: Kamelos (верблюд) и Kamilos (корабельный канат).

Чтобы избежать участия в неуклюжих мужских соревнованиях, женщины стали устраивать попытки установления рекордов между собой. Среди них были проведенные в 1933 году состязания в метании скалки. Скалкой надо было попасть в установленную на расстоянии 15 метров мишень, изображавшую мужскую фигуру. Присутствовали на соревнованиях заинтересованные и интересующиеся мужчины, причем в большом количестве. Дамы проявили необыкновенную ловкость. Титул чемпионки мира завоевала Лидия Бейли из Аризоны, попавшая в мишень десять раз подряд.

СВЕДЕНИЯ О РЕКОРДАХ

Сообщая о рекордах, надо быть осторожным. То, что сегодня сверкает огнем, видным на

большом расстоянии, завтра уже только мерцает, как тлеющие угли в золе. Американец Риплей в своей книге, сборнике странностей под названием "Believe it or not", упоминает одного имеющего массу свободного времени янки, который с достойной уважения выдержкой укладывал одну на другую кости домино, создавая из них все более высокую башню. Ему удалось установить таким образом 111 костей. Сразу после выхода книги Риплея в свет он начал получать множество писем с упреками, что он незаслуженно написал об этом янки, ибо тот или иной джентльмен смог построить из костей домино намного более высокий небоскреб; один из них уже добился результата в 139 костей.

В книге Риплея при чтении бросаются в глаза следующие рекорды.

Мистер Генри Льюис играет в бильярд не кием, а носом и добился серии в 46 попаданий. — Австралиец И. М. Барнетт добивался совершенства в прыжках со скакалкой. Четыре часа он прыгал, пропуская ее под ногами и пронося над головой. За это время он совершил 11 810 прыжков. — Мистер Коннерс из Бостона прикрепил к носу тонкий длинный стержень и катил им арбуз на расстоянии 27 километров. Он же был чемпионом в беге по лестницам небоскребов. — Джо Пауэрс провел 16 суток и 2 часа на вершине мачты для подъема флага в чикагском отеле "Моррисон". Автор не сообщает подробности, поэтому мы не знаем, сидел ли он там или стоял, ел ли, пил ли и т. д. — Доктор Адольф Лейнванд, господин из Вены, на протяжении 3 часов и 40 минут без перерыва рассказывал анекдоты, всего 960. — Другой венский господин 30 дней улыбался без перерыва. Оба случая произошли в 1930 году. — Герр Хенрик Лауфер из Дюссельдорфа положил глаз на жену одного из своих приятелей. Скандал, затем примирение; но то, в чем глаз провинился, глаз же должен и искупить. Они договорились, что человек с грешным взглядом в течение 90 дней будет держать правый глаз закрытым. Под контролем друзей это необычное наказание было осуществлено. Мировой рекорд.

В сборнике Риплея в одну кучу собраны самые различные странности со всех концов света. Мы узнаем из него, что у одного китайского мандарина в каждом глазу по два зрачка; у одного раненого солдата дырка во лбу, и он выпускает через нее табачный дым; один детройтский господин так надувает щеки, что из глаз его при этом выдавливается воздух, которым можно загасить пламя свечи; у одной коровы на спине есть вымя, и оба вымени дают молоко. Мы узнаем о странном и нелепом случае, когда дочь герцога Кохари в Венгрии официально объявили мальчиком. Есть даже картина, на которой она нарисована в мужском платье и в цилиндре. (Риплей не обязан знать венгерское семейное право. Но его корреспондент должен был сообразить, что надо заглянуть в энциклопедию и узнать, что значит термин "наделить дочь правами сына". Эта девушка не становится юношей, просто если нет сына-наследника, то право на наследство передается дочери. Это произошло и в случае с Марией Антонией Кохари, которая настолько осталась женщиной, что вышла замуж и положила начало роду Кобург-Кохари.) Множество кажущихся невероятными, но объявленных Риплеем достоверными странных вещей и случаев вызвали у читателей попытку установления новых рекордов. Они стремились показать, что тоже разбираются в коллекционировании странностей. Риплей получал сотни писем, авторы которых соревновались друг с другом в написании как можно более странного адреса.

Надо сказать, что миллионная аудитория читателей называла Риплея обычно сокращенно: Rip. Вначале это сокращение не препятствовало обвинению, что приведенные в книге случаи он берет не из жизни, а просто выдумывает их. Надо сказать еще, что "rip" по-английски означает разрыв, трещину. Вооруженные этими знаниями, мы уже можем понять идеи, рождавшиеся в ходе соревнования между авторами писем.

На одном из писем не было никакого адреса, но конверт был разорван. Разрыв = rip. Письмо дошло до адресата. — На другом письме вместо адреса была написана загадка: "Если штаны узки вам, и вы наклонитесь за маргариткой, что произойдет?" Почта разгадала и эту загадку. Лопнут = rip.

-Нашло популярного писателя и письмо, на котором адрес был написан следующим образом: "Самому большому лжецу земного шара". — Менее остроумными были несколько сотен писем, на которых вместо адреса писателя была приклеена его фотография. — Получал он и сотни почтовых марок без конвертов, адрес на них был написан на обратной стороне. Почта с готовностью доставила японскую марку; на обороте ее было написано: "Риплей, Северная Америка". — Он получал письма, написанные на дереве, стекле, ткани, жести, яичной скорлупе, бобах. Текст писался знаками телеграфного кода, руническими знаками, стенографическим письмом, флажковой сигнализацией, изображался рисунками пальцев, выражающих язык глухонемых. На Новый год он получил открытку длиной 27 и шириной 8 футов. Почта доставляла все. Наконец, чаша терпения переполнилась. Было получено письмо, адреса на конверте не было, была только нарисована птица. С сильным увеличительным стеклом можно было разобрать, что весь рисунок выполнен мельчайшими буквами. Восторженный поклонник 3500 раз написал имя адресата -Роберт Риплей, — запрятав его в рисунок.

Старшему почтмейстеру надоело соревнование идей, и он издал такой лаконичный приказ:

"19 апреля 1930 года. Почтовые работники расходуют слишком много времени на расшифровку

адреса писем, направляемых мистеру Риплею. С этого дня такие письма или будут возвращаться отправителю, или будут зачислены в категорию посланий, доставка которых невозможна".

Но соревнование идей этим не завершилось. Нашелся еще один, самый-самый последний участник. Он вырезал из газеты это объявление и наклеил его на конверт. У вышеупомянутого почтового чиновника хватило чувства юмора, чтобы переправить эту запоздавшую ласточку Риплею. Мировой рекорд. Паблисити.

РЕКОРД ПО КОЛИЧЕСТВУ ВЕСНУШЕК И НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

Быстрое завоевание паблисити — дело нелегкое. Есть неизвестное имя, и надо добиться, чтобы оно в один день засверкало на страницах газет. Одно из сотен миллионов имен. Не многолетним трудом, не оружием духа и знаний, а эффективным поступком, рассчитанным на любопытство масс. Паблисити стоит того, чтобы ради него ползти на четвереньках по шоссе или катить носом арбуз. Можно только позавидовать тому, кому не надо проливать пот в гонке за рекордами, которому не надо даже шевелить пальцем, чтобы паблисити одарила его своей дарящей золото улыбкой.

Таким удачливым смертным является привлекающий публику в большие американские цирки уникум, молодой человек по имени Сэм Собер. Он никогда не смеется (the man who never smiles). Пятьдесят долларов может заполучить тот, кто рассмешит его. Ежедневно ему рассказывают сотни самых удачливых анекдотов, шутят с ним, строят гримасы, но Сэм остается серьезным, как чемпион мира серьезности. Бастера Скотта из Арканзаса природа наградила самыми большими в мире ногами. Длина стопы у него — 41,6 сантиметра, ширина у пальцев — 20,8 сантиметра. Окружность среднего пальца — 14,3 сантиметра. (Обоим рекордсменам паблисити обеспечили номера журнала "Лайф" от 8 и 29 мая 1938 года, в которых были представлены они оба и помещены их фотографии.)

Рекордсмен по количеству веснушек — Нельсон Мильнер, молодой человек лет семнадцати. Его лицо расцвечено ровно 2666 веснушками. Именно таким количеством, ибо, когда журналисты услышали о конопатом чуде, они помчались к парню и пересчитали все веснушки, удовлетворив тем самым привыкшую к точной информации читательскую аудиторию. Подробности: 550 веснушек на правой щеке, 620 — на левой, 670 — на лбу, 305 — на носу, 171 — на подбородке, 350 — на ушах.

Есть и рекордсмен по количеству несчастных случаев. Джеймс Грилэн по роду занятий был фермером. Но только был, потому что дом его три раза сгорал дотла и дважды он разорился до последнего цента. Кроме этого, за последние пять лет его шесть раз сбивал трамвай, 14 раз — автомобиль, и в результате этих и других несчастных случаев он 214 раз ломал, вывихивал, ранил себе руки или ноги. В отчаянии он обратился к одной из радиокompаний с просьбой дать ему какую-нибудь работу. Письмо он подписал так: "Самый неудачливый человек Соединенных Штатов". Его немедленно приняли на работу.

ГЛОТАТЕЛИ МЫШЕЙ И ЗОЛОТЫХ РЫБОК

Рекорды, устанавливаемые обладателями больших желудков, постепенно становятся неинтересными. Поединки, связанные с поеданием макарон, арбузов, лепешек, волнуют только узкий круг местных любителей. Для достижения паблисити необходимы необыкновенные результаты. Д. У. Хортон, негр из Канзаса, с одинаковым аппетитом поглощает стекло, яичную скорлупу, газеты, преysкуранты, грозди бананов с ветками и кожурой. Он способен съесть целиком сырую бычью печень, 10 фунтов сырого говяжьего мяса, 11 дюжин яиц, 12 жареных кур; и все это — за один прием. Однажды он слопал пакет цемента, но от этого все-таки заболел. Такой чудовищный аппетит не заслуживает того, чтобы его увенчивали триумфальным лавром, потому что не имеет ничего общего с мужской силой воли. Это не что иное, как bulimia (буквально: бычий аппетит), болезненный волчий аппетит. Его обладатели были известны и в предыдущие века. В летописях значатся имена Колникера, Тараре, Фресс-Каля и других людей с желудками страуса. Заметное место среди них занимает венгр Петер Короди, о котором в хронике Иштванффи48 говорилось, что он с легкостью проглатывал живых мышей и отрубленные кошачьи хвосты.

Нашего Короди я упомянул для того, чтобы оспорить первенство того американского студента, о котором в газетах писали, что он съел пять белых мышей, завернув их в листья салата. Но я признаю, что глотание золотых рыбок для своего времени было совершенно новым видом спорта. Мода на него началась в американских университетах весной 1939 года. И начало это можно было назвать скромным. Первый студент смог пропихнуть в горло только трех живых золотых рыбок. На следующий день один из его соперников проглотил уже шесть штук. Рекорд стремительно рос: 25, 29, 42. Благородное состязание под названием "национальное междуниверситетское глотание живых

золотых рыбок" (national-intercollegiate-live-goldfish-eating) быстро стало популярным. Паблिसити было достигнуто. Уже упомянутый еженедельник "Лайф" опубликовал на своих страницах результаты и фотографии современных гладиаторов. К моменту публикации междууниверситетский рекорд принадлежал второкурснику Миддлсекского Университета, заглотнувшего 67 живых золотых рыбок. Как рос рекорд в дальнейшем, я не знаю, зато есть данные, что делались попытки расширить ассортимент поедаемого материала. Один чикагский студент жевал живых червяков; второкурсник арканзасского университета откусил голову у змеи и сжевал ее. Студентка бостонского университета, следуя совету более кроткого женского характера, заморозила золотую рыбку в сиропе и съела ее, как засахаренный фрукт.

Если бы меня услышали сейчас в Северной Америке, я обратил бы внимание учащейся молодежи на книгу Й. Хр. Кандмэнна "Rariora naturae el artis" ("Редкости природы и искусства", Бреслау и Лейпциг, 1737). Есть в ней глава, называющаяся "Ungewöhnliche Delicatessen" ("Необыкновенные деликатесы"), из нее можно почерпнуть много интересных сведений для того, чтобы сделать более интересными сухие студенческие годы. Для пополнения своих исторических познаний они могли бы организовать семинар по изучению того, что попадает в желудок: можно было бы восстановить любимое лакомство императора Карла Великого — сыр из собачьего молока или возбуждающий аппетит деликатес со стола германских аристократов — срезанные в феврале молодые олени рога, приготовленные с пряностями и порезанные тонкими ломтиками. Слушатели факультетов этнографии, попробовав несколько непривычных блюд, могли бы облегчить себе изучение образа жизни первобытных народов. Назову некоторые из этих блюд: крыса, жаренная в собственной коже; вареные летучая мышь и ящерица; жареные летающие муравьи; шелковичный червь, жаренный в кляре; жареные пауки и майские жуки; червяки, запеченные в калач вместо изюма; салат из вареной саранчи с солью, черным перцем и уксусом. Все это можно есть и в сыром виде; совсем не обязательно цивилизованным людям следовать обычаям дикарей. Пауков лучше всего заворачивать в их собственную паутину и после этого глотать, как это видел собственными глазами доктор Кандмэнн.

Студентки поступят правильно, если заранее начнут готовиться ко всем мелким деталям самого святого женского призвания; тогда для них не будет сюрпризом появление у них необыкновенного аппетита, известного под именем "сейчас я съела бы ..." Для тренировки можно порекомендовать известь, гудрон, восковую свечу, соскобленную со стенки штукатурку. Потом можно перейти на растертый до порошка клей, матрацную начинку, шерстяную ткань. Неплох и вариант, описанный Misc. Nat. Curios. Dec. I. An. II. Abs. CC IX. на 312 странице, когда одна такая молодка намазывала на хлеб деготь.

Студентам-юношам я рекомендую опыт, почерпнутый послами Жигмонда Батори⁴⁹, венгерскими господами Бернатфи и Пожони, за столом татарского паши в Бахчисарае. Татары с удовольствием едят конину, используя в пищу почти все части лошади. Венгерским гостям также была предложена благородная часть; фарширована она был маслом, изюмом и пряностями. Венгры не дотронулись до этого блюда, а ведь мы знаем, что каннибал съедает врага не из любви к деликатесам, а потому, что считает, что, съев мозг, он станет умнее, съев сердце, — отважнее и т. д.

ДЬЯВОЛ РЕКОРДОВ В ЦЕРКВЯХ

Хулиганствующий дьявол рекордов проник и в церкви. В одной из методистских церквей Канзаса верующие, которые в жизни были, видимо, заядлыми спортсменами, организовали эстафету в чтении Библии. Составляющие эту набожную команду 70 человек, меняясь каждые 20 минут, должны были прочесть полный текст Библии. Рекорд: 18 часов.

Славе канзасцев позавидовал Цинциннати, там тоже была организована библейская эстафета. Благочестивые спортсмены доказали свою праведность намного более суровым испытанием. Они прочли полные тексты Ветхого завета и Нового завета, которые, как известно, состоят из 66 книг, 31173 стихов, 773764 слов и 3566480 букв. Этот солидный по объему материал богобоязненная группа проскакала за 16 часов 40 минут и 3 секунды, завоевав себе тем самым столько заслуг, как если бы они такое же количество времени затратили бы на вращение молитвенной мельницы в Тибете.

Не требуется, чтобы простой верующий понимал бы каждое из 773764 слов. На то есть пастырь, чтобы объяснить значение своему стаду. А на это, естественно, требуется время. Негритянский священник из Вашингтона Джорж Браун не жалел времени, когда без перерыва читал проповедь в течение 12 часов и 10 минут.

Ясно было, что этот рекорд долго не продержится. В мае 1937 года в одной из церквей Лос-Анджелеса проповедник Ли сокрушил, низверг его. В 11 часов утра в воскресный день он поднялся на

кафедру и без перерыва читал проповедь на протяжении полных 60 часов. Если он чувствовал голод, то утолял его бутербродами. Вспотев, он менял воротник. При этом с кафедры он не сходил. Несколько раз он спускался в ризницу, чтобы умыться, но перерыва при этом не устраивал: проповедь продолжал читать в микрофон. На третий день в церкви уже яблоку негде было упасть, чего и добивался отец Ли: пробудить в равнодушных интерес к религии. Паблсити необходимо и господу Богу.

Для сравнения скажу, что в некоторых английских храмах и сегодня можно увидеть установленные возле кафедры песочные часы. В церкви гринвичского прихода установлено четверо часов в декоративном футляре, каждые из них рассчитаны на четверть часа, так что священник может контролировать время проповеди. Обычно проповедь длилась один час, и только в исключительных случаях, когда оратор не мог заставить себя остановиться, он одним движением переворачивал стеклянную колбу часов. В 1867 году в лондонской королевской часовне была проведена реконструкция, и на кафедру установили традиционные песочные часы. Королева Виктория воспользовалась случаем и распорядилась отрегулировать новые часы на 18 минут...

Дух рекордов проник и в храм правосудия.

Чикагский судья Финнеган наверняка заслуживал паблсити своими знаниями, но известность ему принесло проведенное с молниеносной быстротой судебное заседание. В деле о разводе он выслушал обе стороны, выслушал одного свидетеля и объявил приговор, мотивировав свое решение, — и все это за 1 минуту 58 секунд.

В Техасе проходило заседание суда, — судья и 12 присяжных, — по обвинению негра Эуджена Шарпа в убийстве. Обвиняемый признал свою вину; по-иному он и не мог поступить, ибо его схватили на месте преступления. Присяжные посоветовались и объявили его виновным. Судья огласил приговор: 25 лет тюремного заключения. Бедолага может теперь рассуждать в одиночестве тюремной камеры, как же можно было провести этот юридический спринт за 7 минут 30 секунд.

И чтобы не забыть так называемые храмы муз: кошмар рекордов проник и в храмы кино в Голливуде. Главные жрецы простынного экрана поняли огромную рекламную силу рекорда. Они дали команду вести статистический учет наиболее интересных достижений актеров. В специальных отделах взрослые и совершеннолетние чиновники трудились над тем, чтобы взрослая и совершеннолетняя читательская аудитория получала информацию об интересных минутах кино. Идея эта, несомненно, служит интересам общества, потому что иначе мы никогда не узнали бы, что Дуглас Фербенкс в разных фильмах 75 раз дрался на дуэли, Том Микс преодолел 1000 препятствий, Джонни Вайсмюллер проплыл 1000 километров, Лионель Барримор 32 раза был отчимом, Уильям Уоррен получил 75 оплеух, Роберт Монтгомери одарил женщин 500 поцелуями, из них 120 достались одной Джоан Крауфорд.

"Ничто не ново под солнцем", — заявил Акиба Рабби в драме Гуцкова⁵⁰, и он сказал правду, потому что даже эта фраза тоже не нова. Ибо в девятом стихе главы первой Книги Экклезиаста говорится: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем".

А публика, как известно, жаждет нового. Геллерт⁵¹ пишет :

Ein Ding mag noch so narrisch sein,

Es sei nur neu, so nimmt's den Pobel ein.

(Нет такой глупости, если она нова,

Чтобы чернь не приняла ее.)

Поэт грубовато величает публику чернью. Хотя и эта грубость тоже не нова. Шопенгауэр бывал еще грубее; "Люди так примитивны, что скорее согласятся читать новое, чем хорошее".

В конце концов не нова и сама грубость. Первым грубым человеком был Каин. Он вызывающе вел себя с самим Богом, потому что, когда Тот спросил "Где Авель, брат твой?", Каин заносчиво ответил: "Не знаю; разве я сторож брату моему?"

Вкусам публики надо угождать. И по возможности чем-то новым. Почему бы не поступить так и музыканту? Дунуть в трубу рекламы может и он.

Поступающая из-за океана информация восторженно оповещает нас, что какой-то американский король джаза или апостол шумовых эффектов написал симфонию о внутренней жизни газетной редакции. Он переложил на музыку передовую статью, новости, театральную критику, спортивные репортажи, зал судебных заседаний, биржевые приливы и отливы, беготню, стук пишущей машинки.

Но и это восхитительное произведение — не новинка.

Клеман Жанекен⁵², один из прародителей иллюстративной музыки, уже в XVI веке переложил на ноты охоту на оленей, битву при Мариньяно и предшественницу нынешней симфонии — женскую болтовню (le saquet des femmes).

Марин Марэ, первая скрипка королевского оркестра, в 1725 году написал концерт для скрипки

"Le Tableau de l'operation de la taille", в котором с помощью музыки изобразил, как происходит операция по извлечению камня из мочевого пузыря. Для того, чтобы исполнитель лучше понял замысел автора, каждая часть концерта сопровождается комментарием. В соответствии с этим, произведение делится на следующие части: "Видим операционный стол. — Испуг.

— Набираемся сил и садимся на стол. — Серьезные мысли. — Нам привязывают руки и ноги. — Начинается операция. — Вводят прибор. — Извлекается камень. — Мы чуть не теряем сознание. — Кровь. — Развязывают ремни, которыми привязывали руки и ноги. — Доставляют в постель".

Автор, превосходный музыкант, написал и несколько опер, стало быть, он разбирался и в оркестровке. Он мог бы написать интересную звуковую картину для оркестра, дабы и другим инструментам досталась своя роль. Он мог бы изобразить процесс выздоравливания, диету, прием лекарств. Финал: врачебный гонорар. Барабан, фанфары, контрабас.

Однако, если маэстро Марэ творил на полном серьезе, его последователи занимались этим в шутку.

Де ла Борда, главный камергер Людовика XV, музыкант и откупщик, переложил на музыку длинную, изобиловавшую ссылками на законы королевскую грамоту о привилегиях, создав из нее произведение для хора и оркестра. Его название: "Privilege".

Спустя сто лет аналогичную музыкальную шутку сотворил Мориц Кяссмайер. Он переложил на музыку рекламу порошка от клопов и мелкое объявление о пропаже собаки. Из мелодий "Лукавого Роберта" он составил брачное объявление. Кяссмайер не пожалел усилий на то, чтобы изложить в музыке театральную афишу "Вольного стрелка", используя имена всех героев оперы и исполняющих их роли актеров.

Виктор Кехльдорфер специализировался на меню. Ресторанные блюда он окрашивал не собственными сочинениями; он подавал к ним известные музыкальные произведения. "Воловий менуэт" Гайдна символизировал говядину, на жареного цыпленка указывала популярная "Kommt ein Vogel gelfogen", хор охотников из "Вольного стрелка" подходил к жаркому из дичи. При появлении мороженого звучал популярный вальс Валдтойфеля "Конькобежцы". К французскому сыру лучше всего подходила "Марсельеза", к токайскому вину — чардаш, к рейнским винам — песня Лорелей.

Да и сам Гайдн развлекался тем, что перекладывал на музыку пословицы⁵³. Шесть пословиц выбрал он для этой забавной цели: лиха беда начало; видит око, да зуб неймет (Grosse Sprunge geraten selten); все — парами; каждому свое; слишком хорошо — тоже нехорошо; все хорошо, что хорошо кончается.

Это музыкальные шутки, рожденные в минуты хорошего настроения. Я заговорил о них только для того; чтобы еще раз сказать нетерпеливому любителю музыки: ничто не ново под луной. Каждый имеет право переложить на музыку то, что наиболее подходит для раскрытия его таланта; игральный салон, телефонную станцию, колбасную фабрику, грузовой склад, аукцион по продаже недвижимого имущества или налоговое управление. Только не надо при этом говорить об изобретении чего-то нового.

КОНЦЕРТ ДЛЯ СТА ФОРТЕПЬЯНО

Американец любит похвалиться тем, что у них строится самое большое количество небоскребов, у них упираются в небо самые высокие дымовые трубы, у них отливается линза для самой высокогорной обсерватории, у них президент на Новый год получает 1000 килограммов сыра, у них бывают самые разрушительные пожары и землетрясения.

Ясно, что по части нарушения тишины они тоже не могут уступить первенство другой нации.

В мае 1838 года в городе Детройте был организован большой музыкальный праздник. Сто фортепьяно были установлены полукругом, на них трудились двести музыкантов. Точнее, музыканток, потому что на фотографии, изображающей эту удивительную сцену, я обратил внимание, что от каждого инструмента за размахивающим руками дирижером внимательно следили дамы, одетые в белое.

Самый большой в мире оркестр выступал в Бостоне с 17 июня по 4 июля 1872 года на торжествах в память завершения гражданской войны в Америке. Но концерты этого оркестра могли послужить поводом для начала новой войны, на этот раз — войны звуков музыки, ибо в оркестре друг друга давили следующие инструменты: 200 первых скрипок, 150 вторых скрипок, 100 альтов, 100 виолончелей, 100 контрабасов, 24 кларнета, 20 фаготов, 24 валторны, 4 тубы, 4 барабана, 1 большой барабан, 24 флейты, 24 гобоя, 24 трубы, 24 тромбона, 6 пар литавр.

Отдельно от симфонического оркестра, самостоятельно действовал еще духовой оркестр, испытывающий силу легких 86 его членов. На одном из гала-концертов они выступили вместе.

Объединенными силами они выдали цыганский хор из "Трубадура", и, чтобы эффект был еще более полным, было установлено 50 наковален. По ним стучали сто бостонских пожарников, а стоящая поодаль артиллерийская батарея громыхла в подходящую музыкальную минуту.

Однако это тоже не ново.

13 июня 1615 года саксонский курфюрст Йоган Георг устроил в Дрездене большой концерт. Исполнялась написанная придворным кантором Грундмаусом оратория "Holofernes". По этому случаю были приглашены 576 музыкантов и 919 певцов — со всех концов света. Из Кракова прибыл польский музыкант Рапоцкий. С собой он привез контрабас высотой в семь аршинов. Восемь волов потребовались для доставки, потому что контрабас был так велик, что к нему была даже пристроена лестничка. По ней музыкант бегал вверх и вниз, в зависимости от высоты требуемого звука⁵⁴.

Музыкальный праздник проходил на открытой площадке на склоне холма. По соседству размахивала крыльями ветряная мельница; фанатичный кантор и ее вовлек в оркестр. Между двумя крыльями он натянул трос, и с помощью плотницкой пилы из него извлекали музыкальные звуки. Литавры заменял перевернутый вверх дном медный бак для пивоварения. Для дополнения барабанного боя курфюрст распорядился доставить туда несколько старых пушек, их настроили, и придворный канонир палил из них в нужную минуту. Соло на скрипке исполнял музыкант из Кремоны по имени Скъоппио. Его игра отличалась от общепринятой только тем, что скрипку он держал на спине. Ураган звуков делали еще более мощным два хора: ассирийский и иудейский. В оратории использовались и драматические средства: в ее финале ассирийцы спасались бегством, а иудеи устремлялись за ними, осыпая беглецов гнилыми яблоками.

Желаемый результат был достигнут. Оратория ударила курфюрста в живот. Он держался за живот от смеха. Кантор получил щедрую награду: 50 флоринов и бочку вина⁵⁵.

Самый смелый план проведения концертов под открытым небом принадлежал поляку по национальности Базилию Богдановичу. В конце XVIII века он попал в Вену и, как скромный альтист, играл в оркестре украинного театра. Он не хотел смириться с такой нищей жизнью. Вместе с женой и восемью наделенными музыкальным талантом детьми шесть полных лет трудился он над великим шедевром. Они написали столько партитур, что их можно было увезти только на телеге. Богданович написал музыку к спектаклю Клопштока⁵⁶ "Hermanschlacht", расписал ее на состоящий из сотен музыкантов оркестр без скрипок, но с громом орудий, стрельбой из ружей и другими боевыми звуками. Такая музыка тогда еще только зарождалась, и масштабная идея не нашла отклика. Над изобретателем смеялись, музыкальная битва на открытом воздухе не состоялась. Но темпераментный поляк стремился добиться успеха любой ценой. Он написал вокальную симфонию для девяти солистов без имеющих смысл слов, с эхом, собачьим лаем, кудахтаньем кур. Его вновь высмеяли. Он создал фортепьяно для восьми рук и сорока пальцев. Четыре дочери играли на нем сочинения своего отца. Его вновь высмеяли. Он написал концерт для скрипки, его также исполняли четыре дочери четырьмя смычками, но на одной скрипке. До нас не дошли подробности кажущегося невозможным аттракциона, мы знаем лишь, что его вновь и вновь высмеяли. Сегодня он был бы богатым человеком, но в то время он умер нищим 23 февраля 1817 года. Его старое фортепиано и другие вещи власти оценили в 169 флоринов⁵⁷.

Несчастный Богданович не добился успеха, потому что свои идеи он сам воспринимал всерьез. Критики называли его "музыкальным шарлатаном, бессовестным паяцем", а ведь он был просто не знающим меры любителем музыки. Такие же титулы получали позже все, кто имел своей музыкальной программой так называемую программную музыку.

Лучше бы он поступил так, как его современник, итальянский скрипач, приехавший в Лондон⁵⁸. Напрасно блистал он своим искусством, оно не находило отклика в лондонском тумане. Его концерты приносили лишь убытки, деньги были на исходе. Необходимость заставила его поменять искусство на бизнес, он стал предпринимателем. Набрав соответствующий оркестр, он рекламировал концерты с таким необычным названием: Академия Инвалидов. Программа: Дуэт для скрипки, исполняют два горбуна. — Трио, участвуют одноглазый, большеносый и толстошей. — Квартет для струнных инструментов, исполняют: парализованный, карлик, круглолицый и человек с заячьей губой.

Публика ломилась на концерты.

КУРС ЛЕЧЕНИЯ ГРАМПЛАСТИНКАМИ

Среди публикуемых зарубежными газетами новостей мы часто слышим о новейших изобретениях врачей, например, о курсе лечения грампластинками.

Один стоматолог в Нью-Йорке в качестве анестезирующего средства использует грампластинки. Он утверждает, что его пациенты даже при удалении самого сложного коренного зуба ничего не

ощущают, если звучит музыка. Лучшей анестезирующей пластинкой оказалась Пятая симфония Бетховена.

Один польский врач рекомендует грампластинки и для лечения других заболеваний. Он назвал новый метод "Психофонией". Музыка излечивает любую болезнь, врачу надо лишь выяснить, какое музыкальное произведение является лекарством при данной болезни. Если этот основной вопрос выяснен, само лечение становится необыкновенно простым: вместо фармацевтических средств выписывается грампластинка, пациент приобретает ее и слушает до тех пор, пока не выздоровеет.

В этих громкоголосых сообщениях новинкой является только грампластинка, сам метод лечения музыкой известен с древних времен.

Влияние музыки на душу человека было известно еще во времена Ветхого завета. Впервые этот метод применил Давид, когда звуками арфы изгонял злого духа из царя Саула.

Придворный музыкант Антигенид во время пира так взбудоражил Александра Великого звуками своей флейты, что тот схватил оружие и набросился на гостей. К счастью, на пиру присутствовал Тимофеос, известный греческий музыкант, он начал музицировать, после чего великий завоеватель успокоился и продолжил выпивку. Драйден написал об этом случае стихи, а Гендель сочинил к ним музыку (кантату "Празднество Александра").

В отношении эффективности греческой музыки подробную информацию дает старинный французский писатель Франсуа Рене. В своей книге "Essay des merveilles de nature" ("Трактат о чудесах природы". Руэн, 1621) он пишет об этом так, как будто лично присутствовал на пире у Александра Великого.

"Музыка *dog* чистой любовью наполняет сердце и зажигает в груди невинный факел целомудрия. *Phryg* опускает сердце в живот, заставляет бурлить кровь, зажигает серу в сосудах, так что хочется схватить меч и мчаться в бой. *Aeol* успокаивает бури в душе и сладостью святого волшебства заставляет забыть проблемы. *Ion* поднимает разум из грязи и пыли, в которых он валяется, и на крыльях возвышает до святых дел рая. *Lyd* изгоняет таящуюся в нашем сердце скуку, освобождая ее от клыков, которыми она грызет линию нашей несчастной жизни."

Крылатые фразы; как будто звуки *Ion*'а вдохновили на их написание⁵⁹.

Кто-нибудь скажет, что об извлеченных из обрушившихся штолен старины случаях невозможно знать, где в них правда, а где — налипшая шелуха. Поэтому, чтобы доказать, что музыка способна укрощать самые дикие страсти, вспомним достоверную историю из времен, расположенных ближе к нам.

Страделла⁶⁰, любимый певец Италии, в шестидесятые годы XVII века очаровывал своим голосом венецианцев. У одного богатого венецианского аристократа была очень красивая возлюбленная. Девушка хотела учиться вокалу, поэтому в качестве педагога наняли Страделлу. Как бывает в таких случаях, учебная программа была расширена, и молодые люди для дальнейшей практики убежали в Рим. Венецианский аристократ такое терпеть не будет. Индустрия наемных убийств в то время процветала, как мы знаем из итальянских опер. Обманутый любовник нанял двух надежных наемных убийц и направил их по следу возлюбленной пары. Прибыв в Рим, они узнали, что Страделла в пять часов дня будет петь в латеранском храме. Богобоязные бандиты сочли эту возможность благоприятной. После своей богоугодной работы певец с очистившейся душой выйдет из храма, но после этого пойдет к своей любимой, чтобы вновь грешить с нею. Можно помочь ему избежать нового грехопадения, если по дороге пырнуть его ножом. И здесь-то вмешалась власть музыки: маэстро пел великолепно, публика растрогалась до слез, и два бандита, потрясенные, поняли, что не имеют права лишать Италию такого пения. Они встретили его по пути домой, но только для того, чтобы рассказать о данном им поручении и предупредить: было бы лучше, если бы он скрылся в надежном месте. Страделле не пришлось повторять это дважды, вместе с возлюбленной он переехал в Торино и там женился на ней. Продолжение истории связано уже не с музыкой, а с психологией мести. Господин из Венеции добился-таки своего. В Торино он направил уже трех убийц, и те напали на певца, когда тот вышел в одиночестве на прогулку. Три раза они пырнули его кинжалами в грудь, но он выжил. Рассвирепевший венецианец не жалел денег, в Торино он держал постоянных агентов, которые шпионили за семьей Страделлы. Когда молодожены выехали в Геную, они отправились вслед за ними и в гостиничном номере убили обоих⁶¹.

Еще одна итальянская история, но уже с более благоприятным концом. У неаполитанского певца по имени Пальма был золотой голос, но это золото он разменял и прокутил. Он наделал долгов, не платил кредиторам, в конце концов один из них, разозлившись, хотел посадить певца в долговую тюрьму. Он уже был перед домом — с ордером на арест и держимордами — когда до него донеслись волшебные звуки музыки. Тенор в своей комнате репетировал арию из оперы "Pietra simpatica". Кредитор расчувствовался, разрыдался, постучал в дверь и простил все долги. Больше того, он предложил певцу новый кредит. Сообщивший эту подтверждающую власть музыки историю Векерлен

("Musiciana", Париж, 1877) не рассказывает, где можно найти растрогавшую кредитора оперу.

Мы знаем также, что в психиатрических лечебницах музыкой пытаются воздействовать на буйных пациентов. Можно поверить и в то, что пациент легче переносит нападки стоматологов, если слушает музыку. Возможно даже, что наркоз перед операцией действует эффективнее, если поставить подходящую граммпластинку, например, "Болеро" Равеля. С этим все в порядке.

Но излечивает ли музыка болезни тела?

Теория не нова.

В нее верил и сам Гален⁶². Верил и проповедовал, что при укусе змеи или скорпиона правильно подобранная музыка убивает яд. Авл Геллий пишет, что высокого результата можно ждать от стечения музыкой ревматических заболеваний. Демокрит и Тал пошли еще дальше: они считали, что музыка может быть использована против чумы.

Ученые древнего мира не мотивировали свои слова. Если мы хотим познакомиться с научным обоснованием "врачующей музыки", надо заглянуть в труды медиков периода барокко.

Основой так называемого принципа сходства служило то, что для каждой болезни можно найти лекарство, надо только следовать указаниям природы. Есть растения, которые похожи на какие-то части человеческого тела; они содержат надежное средство для излечения заболеваний этих частей тела. Имеющие форму сердца корни и фрукты хорошо действуют при заболеваниях сердца; ковыль помогает при облысении; гранатовые зерна успокаивают зубную боль; растущие на деревьях грибы рассасывают опухоли и т. д.

Эта теория получила дальнейшее развитие: любую болезнь можно вылечить и музыкой, если музыкальный инструмент сделан из растения, которое является лекарством против этой болезни. В духе этого наиболее доступным кажется метод лечения при помощи флейты, потому что этот инструмент легко было сделать из веток и корней, имеющих нужное сходство. Эту идею шлифовали до тех пор, пока некий Росо в своем труде "Epistolae Medicinale" ("Медицинские письма") подвел черту под спорами о флейте: если у человека болит бок, то абсолютно безразлично, из чего сделана флейта, потому что лечебный эффект будет вызван сходством между флейтой и ребром.

Но поигрывание на свирели не может быть эффективным во всех случаях, потому что медицинская наука в дальнейшем прибегла к более гремющим музыкальным инструментам. Французский врач Рекамье (1774-1852) в полном смысле этого слова выписывал рецепты на барабанный бой. Известно его предписание страдающей болезнью желудка герцогине:

"Желудок любит ритм. Начиная с сегодняшнего дня герцогиня должна в полдень и вечером кушать под звуки барабана".

В течение нескольких месяцев два барабанщика выходили к дверям трапезного зала и стойко стучали по барабанам на протяжении всего застолья. Как видно, желудок герцогини от барабанного боя пришел в норму, ибо доктор Рекамье после этого распорядился, чтобы курс барабанного боя выдерживался постоянно. Пациент с более тощим кошельком, не имевший возможности нанять двух барабанщиков, получал следующий рецепт:

"Желудок любит ритм. В течение трех месяцев месье должен маршировать вслед за военным оркестром, который выходил играть вечернюю зарю на площадь Вандом".

И каждый вечер на площади Вандом можно было видеть группу пациентов Рекамье, которые старательно маршировали в такт оркестровой музыке, вызывая ехидные усмешки посвященных.

Если настолько эффективен был барабан, то можно представить, на что способен целый военный оркестр. Он мог даже воскресить мертвого!

В 1786 году произошло это чудо, сообщениями о котором были заполнены французские газеты. Во францисканском монастыре поблизости от Шатодуна у органиста случился нервный приступ, и он слег в постель. Врач осмотрел его, выписал какое-то снотворное и ушел по своим делам. Он думал, что к утру больному станет лучше. Но на рассвете его вновь вызвали, поторапливая, ибо больной, кажется, умер. Сердце лежащего неподвижно пациента и впрямь не билось, и зеркало, которое держали у его губ, не затуманивалось. Человек этот, несомненно, был мертв. Но как это может быть, ведь болезнь не выглядела смертельной! Врачу как сердце подсказало: он кинулся в казарму и попросил займы у дирижера оркестра. Получив разрешение, он со всем военным оркестром помчался в монастырь. Покойника за это время уже успели положить на катафалк. Кроткие монахи решили, что доктор сошел с ума. Но пока они приходили в себя от удивления, доктор уже построил оркестр вокруг катафалка и приказал играть марш. Приказ есть приказ, солдаты, не раздумывая, заиграли задорный марш. И вдруг ресницы у покойника дрогнули... "Давай, давай!" — командовал доктор, трубы взвыли, как в судный день; покойник открыл глаза и вздохнул. На глазах у пораженных монахов доктор остановил трубачей и скомандовал скрипачам мягко играть танцевальную музыку. Потом по его сигналу оркестр заиграл веселую, ритмичную музыку, перешедшую в конце в быстрый матросский танец, — и покойник начал потягиваться, поднимать ноги, а потом совершенно воскрес.

Достоверность этой истории гарантирует Шампфлери в своей книге "Histoire de l'imagerie" (Париж, 1886) на 231 странице.

МУЗЫКА КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ВЫРАЩИВАНИЯ ВОЛОС

Есть один авторитетный французский журнал "Intermediaire des chercheurs et des curieux". Его редактирует, как говорится, сама читательская аудитория. Если кого-то интересует какой-то неординарный вопрос в отношении науки, искусства, литературы, истории семьи и т. д., он направляет свой вопрос в редакцию и может быть уверен, что получит точный и исчерпывающий ответ. Иногда узкие странички журнала чуть не разрываются от шума научных битв; на них печатаются и смертельно серьезные исторические драмы, и мелкие, но интересные курьезы. Кто-то из подписчиков заинтересовался: почему музыканты носят длинные волосы? есть ли этому физиологические причины? или же их отращивают специально, и если да, то для чего?

И он получил ответы, один мудрее другого (LVI год, 440 и 714 стр., LVII год, 77 стр.).

Один из его коллег-читателей удовлетворил свое любопытство рассуждениями, пропитанными стилем барокко. Несомненно, — писал он, — что самая длинная грива бьет по плечам пианистов; из этого прямо следует, что фортепианная музыка способствует росту волос. Предохраняют волосы от выпадания и другие струнные инструменты: виолончель, контрабас, альт и арфа. Гобой и кларнет по своей силе слабее, после того, как музыканту исполняется пятьдесят лет, они уже не действуют. Медные духовые инструменты очень опасны; тромбон за пять лет приводит к полному облысению.

Другой читатель подстриг авантюрные объяснения ножницами трезвой критики. Возможно, — отвечал он, — у духовиков волосы и выпадают раньше срока. Это происходит по той причине, что большинство из них играют в военных оркестрах, ходят в форменной одежде и в головных уборах. А ведь известно, что облысение чаще всего проявляется на голове, замученной ношением шапки, потому что пот не испаряется и едкая кислота действует на корни волос.

Действительно, у пианистов и музыкантов, играющих на других струнных инструментах, отрастают длинные волосы. И объясняется это очень просто; никому не нужно притянутое за волосы умничанье. У настоящего музыканта голова полна нотами и мелодиями, они с утра до вечера не умолкают. Играет ли он или сочиняет музыку, он просто не может думать о другом, заниматься другим. Короче: у него нет времени на стрижку волос.

Я вернусь к тому, с чего начал, к психофонии. Польский врач говорил только общие фразы, о деталях терапии он молчал. Может быть, его сдерживал собственный интерес, может быть, он не хотел, чтобы из строгой научной системы безграмотные шарлатаны делали бы предмет бизнеса. К счастью, мы знаем другого врача, который не делал тайны из своих открытий. Профессор Гаванского университета Гордон-и-Акоста в 1846 году сделал общественным достоянием свои наблюдения по поводу того, какие музыкальные инструменты эффективно действуют против каких болезней.

Скрипка — излечивает меланхолию и ипохондрию.

Альт — помогает при слабости, вызванной нервными переживаниями.

Арфа — враг истерии.

Английский рожок — успокаивает вспышки гнева.

Тромбон — излечивает глухоту.

Барабан — великолепное успокоительное средство при всех волнениях.

Доктор Гордон не мог знать популярные музыкальные изобретения нашего времени, которые прекрасно годятся для того, чтобы не излечивать, а вызывать все вышеперечисленные заболевания — от вспышки гнева до глухоты.

"...Что в имени?"

То, что зовем мы розой, И под другим названьем сохранило б

Свой сладкий запах

Так, когда Ромео

Не звался бы Ромео, он хранил бы

Все милые достоинства свои

Без имени... "

"Ромео и Джульетта", сцена 263.

Святая правда. Если бы даже юношу из Вероны звали не Ромео, он все равно был бы полон совершенства. Но для посторонних имя Ромео звучит благороднее, чем неуклюжее "Буффальмаччо".

В каждом имени скрыты два элемента: фонетический - как мы его слышим, и смысловой — что оно значит.

Как очаровательно вписывается в сонеты Петрарки несущее аромат лавра имя Лаура, и как тяжело, будто по ухабам, скатывается с наших уст медвежье — Урсула. Хотя сегодня значение имен потеряло окраску, прячась за буквами. Сегодняшней Эмилии и в голову не приходит, что на греческом языке ее имя означает "достойная любви", а Филиппина не знает, что она просто "друг лошадей".

Когда-то с именами были связаны суеверные представления. По мнению пифагорейцев⁶⁴ все будущее человека скрыто в его имени. Ахиллес только потому мог одолеть Гектора, что числовое значение его имени было выше, поэтому он должен был одержать победу в битве. На церемониях в Риме предпочтение отдавалось тем мужчинам, чьи имена указывали на добрые дела. Гай (от слова гаудиум — веселье, триумф) -родительская радость; Фауст (фавере) — любимец богов; Тулл (толлер) — достойный того, чтобы его воспитали. Дурной привкус был у имени Спурий, потому что оно произошло от двух неприятных букв: сп (sp — sine patre), т. е. отец неизвестен. Прокул в то время было хорошим именем: оно означало, что хотя отец и в отлучке, но с обстоятельствами рождения все в порядке.

ЗАГАДКА ИМЕНИ НАПОЛЕОНА

Теория пифагорейцев не сгинула в море времени. В разные эпохи она вновь появлялась, как легендарная морская змея. В начале прошлого века английские недруги Наполеона доказали, что он является Антихристом, многоглавым чудовищем, упоминаемым в Апокалипсисе. Известно зловещее число, возникающее в последней фазе тринадцатой части: 666. Это число Антихриста. Так вот, если мы должным образом разделим имя Наполеона, выяснится следующее:

Napole (6) on Buon (6) aparte (6), т. е. 666.

Это понятно. Возможные сомнения должны были отступить перед другой выкладкой. Епископ Фабер взял за основу ивритское числовое значение букв имени, и вот что получилось:

В 2 N 40

U 110 A 1

O 50 P 60

N 40 O 50

A 1 L 20

P 60 E 5

A 1 A 1

R 80 N 40

T 100 217

E 5 449

449 666

То есть нет никаких сомнений, Наполеон и был тем самым чудовищем Апокалипсиса. В расчеты вкралась одна сознательная незначительная ошибочка: в имени Наполеона вместо второй буквы "O" епископ Фабер использовал букву "A". Он имел право на это, англичанин произносит беззащитные гласные как хочет⁶⁵.

Некий английский джентльмен сообщил об этом поразительном открытии Маколею⁶⁶ и ждал реакции. Историк только потряс головой: "Ошибка. Настоящее чудовище Апокалипсиса — наша палата общин. В ней 658 членов и 8 чиновников. Итого -666"⁶⁷.

Не надо даже прибегать к числовому значению имен, если мы захотим узнать, как судьба играла в прятки в имени Наполеона. Надо разложить имя на части :

7 NAPOLEON

6 APOLEON

7 POLEON

3 OLEON

4 LEON

5 EON

2 ON

Если мы расположим обрывки имени в порядке, указанном цифрами, получится следующая фраза на греческом языке:

NAPOLEON ON OLEON LEON EON APOLEON POLEON

(Наполеон, лев народов, тронулся в путь, разрушая города).

После падения Наполеона ученые составители анаграмм разложили его имя по буквам и

обнаружили вот что:

NAPOLEON BONAPARTE: BONA RAPTA LENO PONE.

(Верни краденое добро, хозяин борделя.)

NAPOLEON EMPEREUR DES FRANCAIS:

UN PAPE SERF A SACRE LE NOIR DEMON

(Наполеон император французов:

Папа-раб помазал черного демона).

Даже в родню Наполеона вонзил свои когти рок. Надо написать одно под другим имена императора и четырех его братьев, причем имя последнего — на латыни:

Napoleon

Josephus

Hieronymus (Jerome)

Ioachimus

Ludovicus

Если читать только первые буквы по вертикали, сверху вниз, то получится НИИЛ (ничего).

В ИМЕНИ СКРЫТА СУДЬБА

Игры взрослых. Беда только в том, что связанное с именами суеверие и сегодня поднимает голову. Не как морская змея, а, скорее, как сепия, разбрызгивая мутную жидкость суеверий.

Например, злая судьба ждет всех тех, у кого совпадает первая и последняя буква имени. Посмотрим в истории. Четыре Seleucos погибли насильственной смертью. Scoras умер на плахе. Spartacus нашел смерть в бою. Sejanus⁶⁸, любимец Тиберия, попал в немилость и был задушен. Атилла скончался в свадебную ночь. Императора Отто II в Риме отравили⁶⁹.

Врач и ученый из Айзенаха Хр. Фр. Пауллини, имя которого часто встречается в научной литературе начала XVIII века, не слишком увлекался суеверными забавами. Но он признавал, что действительно есть имена, которые могут оказаться роковыми. После исследования этого аспекта истории он выяснил следующее: семь шотландских королей по имени Дональд погибли насильственной смертью. Совпадение первой и последней букв имени здесь случайно, ибо всех королей Франции, которых звали Генрих, также ждал плохой конец. Германские императоры по имени Фридрих постоянно вели войны. На греческом троне несчастье приносило имя Никифор, как и имя Филипп в испанской королевской семье. Имя Ричард тоже не рекомендуется, потому что всех английских королей с таким именем ждала печальная судьба. А вот в семье Хеннеберг было широко распространено имя Поппо, которое смело можно рекомендовать всем. Автор изучил жизнь восемнадцати хеннебергских Поппо, у каждого из них судьба была счастливой и удачной.

ИМЯ И СЛУЧАИ

А вот что было, то было. Читая объявления в старых газетах, мы встречаемся с такими несущими на себе печать рока именами, что это кажется не случайным.

Полиция арестовала мошенника, который с помощью различных уловок обманул более двухсот торговцев. Его звали Кальман Фортель. Служащий частной фирмы выдавал себя за журналиста, он шантажировал множество людей и набрал круглую сумму. Его звали Капс ("капс" по-венгерски - получишь). В хронике самоубийств значится почтальон Лайош Лого ("лого" по-венгерски — висящий), он повесился. Более веселое настроение навеивает имя Ирен Дьерш ("дьерш" по-венгерски — быстрая), которая была участницей бала официантов. Имя другого официанта также многое может сказать науке ономотомантии (предсказание судьбы по имени). В одном судебном заседании в качестве истца выступил Михай Хибачка ("хибачка" по-венгерски — ошибочка), который и выиграл дело. Когда поинтересовались его профессией, он с законной гордостью ответил: метрдотель...

Это не что иное, как случайность. В лотерейный барабан жизни опущены миллионы возможностей, и рок то и дело извлекает из него странные случаи. Никто не станет искать руку судьбы в странном совпадении, когда на международном конгрессе по борьбе с алкоголизмом Венгрию представляли три господина; имена всех троих были связаны с вином, как если бы по-русски их звали Водкин, Пьянов и Самогонов.

Одна из самых авантюрных шуток судьбы связана с именем Эмиля Золя. Прах Золя был доставлен в Пантеон 4 июня 1908 года. В церемонии принимал участие и Дрейфус; он хотел отдать последнюю дань своему громогласному заступнику. Правому экстремисту по фамилии Грегори не понравилось присутствие Дрейфуса, и, чтобы придать своему мнению больший вес, он набросился на

него и ранил кинжалом. Через несколько дней один из сотрудников "Intermediaire des chercheurs et curieux" работал в Национальном Архиве. Там он наткнулся на написанное сто лет назад прошение, и в глаза бросилась фамилия Золя. Какая неожиданность! Он начинает читать документ и видит: случай не удовлетворился только этим, эффект удваивается. Прощение написано заключенным в тюрьму резчиком по камню по фамилии Золя, который требовал, чтобы его отпустили на свободу, ибо он не виноват в преступлении. Заверение в невинности в сочетании с именем Золя уже необычно, но это еще не все. К своему прошению резчик по камню приложил письмо, в котором некий солидный господин, сенатор, подтверждает, что Золя — порядочный, честный человек. Фамилия сенатора — Грегори... Полный текст прошения опубликован в вышеупомянутом журнале, в номере от 10 июня 1908 года.

СОСТЯЗАНИЕ ИОГАННА И ЯКОБА

Волны моды то поднимают на поверхность, то опускают на самое дно даже простые имена. Занимающаяся изучением имен серьезная наука сочла необходимым провести исследование закономерности этих колебаний. Первой задачей был сбор данных. Достойную похвалы работу провел Карл Хейнрихс, хотя ему удалось разведать лишь малую часть огромной территории ("Studien uber die Namengebung etc." — "Трактат о даче имен и т. д.", Страсбург, 1908). Автор обработал метрические книги города Франкфурта и двух соседних поселков за последние 400 лет.

Кто с уважением относится к научной деятельности, понимает важность статистики. Кто знает, какие выводы можно будет сделать в будущем из того, что только в поселке Флерсхейм в период с 1776 по 1805 годы 841 мальчику было дано 56 различных имен, то есть 6,7 процента; у девочек этот показатель равен 6,2 процента, ибо на 511 девочек пришлось всего 31 имя.

Что касается имен, среди них лидирует Иоганн. Этим именем названы 127 мальчиков. 75 новорожденных были названы Филиппами, на имя Петер пришлось 70 мальчиков, Якоб — 66, Мартин — 53, Андреас — 41. Но слава проходяща, в последующее тридцатилетие ситуация изменилась. "Первое, что бросается в глаза, — пишет автор, — что имя Иоганн потеряло свое лидирующее положение. Оно передвинулось на второе место, уступив первенство Якобу. Больше того, остальные имена, которые ранее далеко отставали от него, заметно приблизились". В этот период картина была таковой:

Якоб — 228, Иоганн — 223, Георг — 187, Филипп — 152, Хейнрих -149. Победа Якоба действительно была неожиданной, он вырвался в лидеры с третьей позиции.

Но этим соперничество Иоганна и Якоба не закончилось. Оно было продолжено двойными именами. Какое-то время они мирно шли рядом, как Иоганн Якоб и Якоб Иоганн, но позже конкуренция возросла, ибо к двум ведущим именам добавились и имена более низкого порядка. В метрических книгах появились Иоганн Адам, Иоганн Альбрехт и Иоганн Адольф, а также Якоб Андреас, Якоб Фридрих и Якоб Вильгельм. Автор подготовил и подробные таблицы, из коих видно, кто был победителем в каждом году.

В книге 510 страниц форматом в одну восьмую.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАКОН ОБ ИМЕНАХ

1 апреля 1803 года французское правительство обнародовало закон, регулирующий применение имен. Согласно новому закону: "Начиная с сегодняшнего дня в метрические книги разрешается вписывать только имена, встречающиеся в различных календарях, или же имена, которые носили в старину исторические личности. Оформление любых других имен запрещается".

По этому закону чувствуется, что он был обнародован 1 апреля. Его сформулировали настолько непродуманно и небрежно, что место выкорчеванных ядовитых грибов немедленно занимали новые, которые и по сей день дают богатые поросли. Какой календарь можно взять за основу? Какие народы можно включить в древнюю историю? Когда закончился древний мир? Что производит мужчину или женщину древнего мира в исторические личности? И т. д.

Даже в сегодняшней Франции толкование закона в каждом конкретном случае зависит от чиновника, ведущего записи в книгу гражданского состояния. Отцы и канцелярии постоянно ведут сражения в связи с календарями. Один из отцов хотел назвать свою дочь Automne, что означает "осень". Чиновник протестовал, но настойчивый отец предъявил первый попавшийся календарь, в котором, естественно, значилась и осень, так что такое имя было законным. Чиновник сдался. А зарвавшийся родитель после этого двух своих следующих дочерей пожелал назвать Зимой и Летом (Hiver, Ete).

Не удалось доказать свою правоту с помощью календаря тому родителю, который хотел назвать своего ребенка Ковром. Он настаивал на том, что такое имя существует, потому что был святой с таким именем. Будучи уверенным в своей правоте, он показал рекламный календарь одного из крупных парижских универмагов. В нем напротив одного из дней одного из месяцев действительно было написано "Tapis". Дело в том, что в универмаге ежедневно производилась уценка на какие-то товары, и в тот день очередь дошла до ковров.

С огромным трудом удалось успокоить одного настойчивого отца, который настаивал на имени Dicat gleton Bastopol. Он уверял, что есть такие святые, они должны быть в каком-нибудь календаре. Откуда взял он эту галиматью? Этого мы не знаем.

Другой отец требовал назвать его новорожденную дочь Сифилидой. Перепуганный чиновник старался убедить его, что речь, может быть, идет о Сильфиде? Но тот настаивал на Сифилиде, что, дескать, имя он слышал, что оно ему нравится. Конец спору был положен тем, что ему предъявили закон об именах от 1803 года и просьбу его отклонили, ибо ни в каком календаре такое имя не встречается, а исторических личностей с таким именем не было.

А бывали случаи промашек и самих чиновников. Еще в XX веке даже случалось, что какой-то чиновник отказывался зарегистрировать имена Генриетта, Паулетта и Виолетта, зато утверждал имя Клеопатра для мальчика. Не знали пощады Гинетта, Жозетта, Пьеретта и даже прославленная Мюссе Бернеретта, зато легко проникали в метрические книги имена настолько дикие, что без удивления слышать из нельзя: Angadresme, Almedorine, Aoline, Capitalie, Appolise, Valcherie, Algarade, Theotise, Lumance, Philegante Obelie, Phiolie и многие другие.

Со страницы книги регистрации недвижимого имущества на нас смотрит такое имя: Bonnie Marie Deczelie Exilma. Как песня звучит записанное в метрическую книгу одного из районов Парижа имя девочки, напищенное ипсионами: Myrthis Lylyanne Elys Mirtys Maryelle.

Еще больше странностей связано с историческими именами. Свободомыслящие родители не желают отказываться от своих принципов, украшая детей именами не святых, а видных исторических деятелей. Этим и можно объяснить, что мы и сегодня сталкиваемся со всеми сколь-нибудь громко звучащими именами. Аристидом еще можно назвать политика, а Бриана даже должно назвать таким именем. Но что можно сказать об амьенском буржуа, который по переписи 1889 года записался звучным именем Диоскор Алцетас Олимпиодор Зозинэ? Или же другой пример: чтивший память старых якобинцев отец семейства дал всем тринадцати своим детям классические имена. Имя Архимед носил скромный счетовод, Демосфен был страховым агентом, Бренн в качестве хозяина фирмы подводил годовой баланс, а мелкий чиновник был назван Веркингеториксом, что на языке древних кельтов звучало так: "Вер-кенн-кедо-ригх", то есть Вождь сотни вождей.

Решение чиновника, ведущего метрическую книгу, можно было опротестовать, так что высшие органы власти имели возможность внести еще большую неразбериху. До сегодняшнего дня власти не додумались до самого простого решения: издать официальный список имен, который, даже не исчерпывая всех вариантов, указывал бы верное направление. Всего один раз, в 1865 году, был выпущен такой список для справок, его составили по собственной инициативе специалисты по административным делам. В 1920 году сотрудник парижской газеты "La liberte" заполучил один экземпляр этого устаревшего списка, и 5 ноября газета предложила на выбор читателям такие лакомые имена:

Для мужчин: Abide, Absode, Bananunhe, Trichoux, Guthagon, Mappalique, Moucherat, Tychique, Ubede, Ynsingo, Zotouques, Riran, Rhodopien, Tround, Eutichien, Eusebiote.

Для женщин: Bibienne, Ensvide, Golinduche, Mazote, Rusticule, Lingue, Yxte, Moico, Suniverque.

Загадка, какими фундаментальными данными руководствовались специалисты, извлекая эти грозные имена из какого-то старого календаря.

А вот чтобы выяснить, что за исторические личности были Leutichidas, Anacydarax, Zipoeles и Nirrosoon, потребуется, пожалуй, помощь отделения археологии Академии наук Франции.

ИДЕИ, ВЫЗВАННЫЕ ВОЙНОЙ

Во время первой мировой войны пламя энтузиазма спалило границы закона об именах.

Множество отцов потребовали разрешения дать своим сыновьям имя Жоффре. И, действительно, регистрирующие акты гражданского состояния власти многих городов принимали решение, что "в порядке исключения, учитывая, что решение принимается под воздействием патриотических чувств", разрешается отступление от закона 1803 года. Имя Жоффре попало в метрические книги, а в пробитую брешь проскользнул и вариант женского рода: Жоффретт. Все это было нормальным, ибо происходящие от полководцев имена существовали и раньше, например, Клебер или в женском роде

— Клебертт. Зато тот факт, что в метрические свидетельства попадали и географические названия, напоминал крайности добрых времен: Namur, Liege, Mulhouse, Alsace-Lorraine, Italie, Belgique. Не было выдано разрешение на имя Armistice (Перемирие), но зато не встретило сопротивления требование уходящего на фронт солдата, родившегося в 1871 году, в год проигранной войны. Для своего новорожденного сына он придумал имя Реванш.

ШЕДЕВРЫ ИМЕН У ПУРИТАН

Течение времени превращает бесформенные булыжники в гладко отшлифованную гальку. У англосаксонских народов играть именами стало настолько привычным, что, когда мы удивляемся переходу фамилии в имя, они еще больше удивляются нашему удивлению. Но мы ничего не имеем против и даже гордимся тем, что после триумфальной поездки Лайоша Кошута по Америке многим детям отцы дали имя Кошут. С удовлетворением узнаем мы и о том, что "К" в имени популярного и в нашей стране английского писателя Джерома К. Джерома означает имя генерала Клапки⁷⁰.

Однако благородная и заслуживающая уважения игра может превращаться и в потеху.

В крупных массах имя является определением, необходимым для узнавания индивидуума. Оно имеет такой же смысл, как если бы вместо названий улиц применялись бы номера. В них не ощущается ни капли пуританских традиций. В старину пуритане, пусть и из чрезмерной набожности, выбирали имена, которые провозглашали, что их носитель — благочестивый человек.

Один из лидеров парламента Кромвеля, Берибоун, еще довольствовался кратким именем Praise-God (Восхваляй Бога); ему хватало юмористического смысла фамилии (кожа да кости). К тому же он был хозяином кожевенного предприятия. А вот для имен его братьев едва хватало места в соответствующей графе метрической книги⁷¹.

Одного из них звали Jesus-Christ-came-into-the-world-to-save-Varebone (Иисус-Христос-пришел-в-мир-чтобы-спасти-его-Берибоун). Имя второго провозглашало: If-Christ-had-not-died-for-thee-thou-hadst-been-damned-Varebone. (Если-бы-Христос-не-умер-бы-он-был-бы-проклят-за-тебя-Берибоун). Метрические книги еще терпели длинный шлейф имен, но для повседневной жизни их надо было сократить. Чаще всего ампутировали первые слоги, и их использовали вместо пышных, как слоеное тесто, полных имен. У последнего из братьев Берибоун оттяпали последний слог имени и его подставили перед фамилией. После этого имя, об которое можно было сломать язык, сократилось у любезного господина до Damned Varebone (Осужденный на вечные муки Б. Но можно перевести и как Проклятый Б.).

А вот еще имена пуритан:

Swear-not-at-all-Айртон (Никогда-не-божись-Айртон);

Glory-be-to-God-Пеннимэн (Слава -Богу-Пеннимэн);

Hew-Agag-in-pieces-before-the-Lord-Робинсон (Кромсай-Агага-на -куски-перед-лицом -Господа-Робинсон);

Obadiah-bind-their-Kings-in-chains-and-their-nobles-in-irons-Needham (Обадиах-закуй-их -королей-в-цепи -и-их-знать -в-кандалы-Нидхем).

Даже по этим нескольким именам наука, занимающаяся анализом имен, может нарисовать характер пуритан, трепещущих перед богом. Достаточно двух слов: благочестие и жестокость. Благочестивый Робинсон совсем не случайно выбрал из тысячи библейских эпизодов именно случай с царем Агагом, которого не просто казнили, а в приступе святого гнева Самуил разрезал его на куски в присутствии Саула. Обадиаха также наверняка можно найти где-то в Библии; о нем я знаю только, что на сленге так звали Квакеров. Сам Кромвель, как позже и лидеры французской революции, сохранил себе имя Оливер; сыну и официальному наследнику он дал имя Ричард, хотя из-за Ричарда III с этим именем связаны не самые лучшие воспоминания⁷².

ЭХО ДЖАЗА В ИМЕНАХ

Я читал, что в Америке даже была создана какая-то лига, которая хочет разнообразить "вечную монотонность" имен. Один из ее лидеров, вашингтонский судья У. Прайд, назвал свою дочь Просперити, а сына Долларом. Родители из Луизианы организовали настоящую коллективную игру: кто придумает самое причудливое имя для их несчастного ребенка. Хотя, может быть, новорожденный не так уж и несчастен. Если в нем течет отцовская кровь, он, может быть, даже рад, что хотя бы именем выделяется из так называемой серой массы. Полифония таких необычных имен, как Лифт, Эфир, Шелковая бумага, Ванильное мороженое, Касторка и другие, действительно пригодна для того, чтобы нарушить плоскую монотонность системы устаревших имен.

Одну даму из Массачусетса наградили романтическим именем Preserved Bullock (Консервы из воловьего мяса). Лучше бы ее назвали Рыбными консервами (Preserved Fish), как одного торговца из Нью-Джерси. Две сестры в подарок на день рождения получили имена двух американских штатов:

Небраска и Канзас. Когда у них родилась сестра, отец уступил настолько, что придал женскую форму названию штата Техас, и девчушка, названная Тексаной, присоединилась к своим географическим сестрам. Один отец с явными свойствами библиофила дал своим пятерым детям красивые латинские имена: Imprimis, Finis, Appendix, Addendum, Erratum (Начало, Конец, Приложение, Дополнение, Опечатка). Как видно из этого списка, на втором ребенке родители планировали завершить рост семьи, но случилось так, что еще три незваных гостя нарушили эти планы. Последнее имя выглядело особенно остроумным, только вот, когда ребенок вырос, ему пришлось, наверное, поломать голову, по чьей ошибке вкралась опечатка.

После этого окрепла моя вера и в данные, которые приводит Роберт Л. Риплэй. В уже упомянутой его книге ("Believe it or not") он ссылается на одного техасца по фамилии Рамел, чей отец пошутил таким образом: он дал сыну имя Лемар. И теперь имя и фамилию Лемар Д. Рамел можно читать в любом направлении с одинаковым результатом: Лемар Д. Рамел.

Он же обнаружил нью-йоркского повара по фамилии Зуриэл. Тот придумал следующее: каждому из своих детей он оставил в наследство начальную букву фамилии. Первый ребенок был назван Зереной. При рождении второго ребенка находчивость подвела: отец не придумал ничего лучше, как дать ребенку свое удвоенное имя: Зуриэл Зуриэл. Двенадцати последующим детишкам, высиженным поваром в семейном гнезде, семейная буква "З" досталась таким образом: Зерема, Зимри, Зефрона, Зерусба, Зустис, Зелора, Зетаниэл, Зерут, Зелотус, Зеделиа, Зеиямес.

В одном единственном случае отец доверил сыну, чтобы он сам выбрал себе имя. Чикагский врач доктор Гэйтвуд при рождении не получил имени. Отец считал, что он не может заранее знать вкус своего ребенка; пусть-де он сам выберет себе имя, когда вырастет. Юный Гэйтвуд подрос, обдумал это дело и пришел к выводу, что имя ему вообще не нужно! Он не взял себе никакого имени. Так, без имени, он и прожил пятьдесят один год.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

Самым первым коллекционером в мире был татуированный дикарь, носивший свою коллекцию картин на собственной коже. Страсть к коллекционированию пустила в душе человечества корни более глубокие, чем страсть к наживе. Когда я вижу пользу денег? Когда их уже нет, когда я их потратил. И они уже принадлежат другому, кто-то другой радуется им. Но то, что я купил на эти деньги, то -мое, и я могу восторгаться этим до самой смерти.

Страсть коллекционера — как волшебное дерево в Малакке, весть о котором принесли путешественники в средние века; на одной стороне его на ветках растут питательные фрукты, с другой — прячется в гуще листвы одурманивающая белладонна.

Пусть тысячу и тысячу раз будет благословенна память тех великих людей, которые собрали в кучу прекраснейшие плоды человеческого разума. Без них на земле царил бы серость, мы были бы лишены самых прекрасных красок жизни. Но перечислять их звучные имена не входит в мою обязанность. Название моей книги обязывает меня сменить тон и рассказать о том, на что наткнулся я на другой стороне волшебного дерева. Если уж я показал несчастных безумцев, помешавшихся на деньгах, надо оглядеться и среди их родственников, коллекционеров-фанатиков.

Крупные европейские коллекции рождались во дворцах владык с утонченным вкусом. С увеличением их числа получила развитие новая отрасль науки — музеология⁷³. Она занимается описанием известных музеев и учит, как составляются и сортируются коллекции. Коллекции бывают двух видов: художественные и природоведческие (Kunstammer, Naturalien-Kammer). В экспозицию первой могут включаться не только предметы искусства; сюда же относятся шедевры человеческой находчивости и ловкости, а также одежда, медали, оружие и т. д. К ним можно добавить и зал раритетов, редкостей.

Экспонаты, которые относятся к художественной коллекции, энциклопедия Крюница делит на 26 групп. Из них я выберу те, которые относятся к нашей теме. Ответственность за них несет не основатель, а консультант. Консультанты же перекладывают ответственность на жаждущую курьезов атмосферу в обществе.

ГОСТИНЫЙ ГАРНИТУР В ЧЕРЕШНЕВОЙ КОСТОЧКЕ

Первый пункт моей искусствоведческой экскурсии — витрина, в которой хранятся миниатюрные

произведения искусств. Эта область искусств, родственная блошиному цирку, не утратила своей популярности, хотя былого энтузиазма стало меньше. Старинные музеографии особо останавливаются на шедеврах микротехники и в мелочах описывают странные творения миниатюрного искусства как примеры, достойные подражания. Многие из этих шедевров не дошли до наших дней, потому что эти едва видимые невооруженным глазом фигурки вырезались не только из слоновой кости. На вышибающие слезы из глаз миниатюрные головоломки тратился и менее благородный материал. Огромной привлекательной силой обладала черешневая косточка. В дрезденской коллекции можно увидеть такую косточку, заслуживавшую лучшей судьбы. На ней было вырезано сто восемьдесят пять человеческих голов! Но автору утер нос его конкурент из Копенгагена: тому удалось вырезать на черешневой косточке двести голов. Некоторые боялись, что со временем произведение будет испорчено, поэтому косточку использовали только в качестве футляра; Нюрнбергские мастера вместили в косточку четверку лошадей. А вот англичанин Боверик смастерил миниатюрный комод, обеденный стол, буфет, зеркало, двенадцать стульев, две солонки, двенадцать ножей, вилок и ложек. И, чтобы было кому пользоваться лилипутским набором, вырезал двух хозяев и слугу. Вся эта компания — с мебелью и со всем прочим — уместилась в черешневой косточке, занимая только одну ее половину⁷⁴.

В другой половине косточки осталось место для некоторого подозрения. Особенно, если мы слышим вновь о нюрнбергских мастерах, которые в качестве футляра использовали перчинку и хранили в ней микроскопические рюмки. У каждой рюмки была ножка с основанием. Вокруг ножки можно было вращать свободно болтающееся на ней колечко.

Легенда гласит, что в одной перчинке уместилось двести таких рюмок. Если даже это и преувеличение, то что можно сказать на то, что путешественник Максимилиен Миссон, которого так часто цитируют во Франции, не только видел, но и держал в руках такую чудесную перчинку, осмотрел ее через увеличительное стекло и обнаружил в ней сто рюмочек⁷⁵.

Нельзя быть излишне строгими, скажите вы, ведь эти миниатюры — плоды человеческого терпения и ловкости. Но ловкость бывает, как у того фокусника, который пробрасывал горошины через замочную скважину. За это в награду от короля он получил корзину гороха. А вот резьба по черешневой косточке выращивала для мастера большие деньги. Нелепость заключалась в том, что детские глупости не стеснялись показывать в одном ряду с бессмертными творениями настоящих мастеров. Для гордо носящего свой парик ученого важной была систематизация, а не анализ. То, что музеология считала возможным включить в коллекцию, попадало в нее и получало порядковый номер, будь то мраморный бюст работы греческого скульптора или же резьба нюрнбергского мастера по черешневой косточке. Кехлер так систематизировал скульптуры: одетая или голая фигура, сидящая, стоящая, сидящая на коне фигура и т. д.⁷⁶

ТВОРЕНИЯ ЗНАТИ

Система Крюница выделяет в отдельную группу такие произведения искусств, которые получают право попасть в благородные коллекции за счет личности самого творца. Сюда относится сделанная слепым резьба, а также каллиграфические письма, принадлежащие безруким авторам, которые держат ручку ногой, или же безруким и безногим авторам, зажимающим ручку подмышкой. В бывшем дворцовом музее Вены и сегодня хранятся письма и рисунки, сделанные при помощи ноги в XVI веке известным безруким инвалидом Томасом Швейкером. В парадных залах музея хранится и его портрет, вырезанный по меди известным мастером Де Бри.

Другая группа творений занимает место среди прочих шедевров в результате знатного происхождения их авторов. В отдельных залах пыжятся картины, скульптуры, мебель, нарисованные, вырезанные сильными мира сего. Музеи Германии были забиты картинами прусского короля Фридриха Вильгельма Первого. Это был прилежный художник, хотя глава государства и поместил художника в твердые рамки. Он творил ежедневно, с двух до трех часов; в три часа он делал перерыв, потому что в это время являлся адъютант с докладом о событиях дня. Любимые министры и генералы получали в подарок картины, созданные кистью короля. И картинам этим они, видимо, радовались больше любых денег или подаренных поместий. Поклонение подданных не знает границ; даже те берлинские дамы, которых король колошматил, встречая их на улице в утренние часы, когда они должны были суетиться на кухне, считали это почестью для себя. Был министр, который ни капли не удивился, что король направляет ему свое указание не письмом, а картиной. Вот действительный случай: берлинские адвокаты использовали хитрый трюк — прошения своих клиентов за хорошие деньги они вручали любимым гренадерам короля, чтобы те передали это прошение королю, как бы ручаясь за их авторов. Когда у короля бывало хорошее настроение, "длинный парень" мог добиться

многого. Но интрига была разоблачена, король рассвирепел и поручил государственному министру сформулировать указ, определявший наказание для таких адвокатов. Министр подготовил указ и явился к королю, чтобы уточнить, каким должно быть наказание. Король не стал говорить с ним, ибо как раз работал над картиной и был в приподнятом настроении. Будучи в отличном настроении, он нарисовал на полях документа виселицу, на которой был повешен адвокат. А для большего позора компанию ему составляла повешенная собака. Министр принял во внимание высочайшее указание и дополнил текст указа: "Каждый адвокат, который попытается воспользоваться помощью гренадеров, должен быть повешен в компании с собакой". Указ был уже напечатан, когда выяснилось, что верный министр перестарался. Указ был срочно отменен. Королевский рисунок, видимо, также был уничтожен, ибо о его судьбе ничего не известно. Но вот количество картин постоянно росло, старый король продолжал рисовать и тогда, когда подагра мучила его так, что он едва мог держать кисть в руках. Написанные в эпоху подагры картины отличает от остальных и подпись: "Fridericus Wilhelmus in tormentis pinxit". В переводе это означает, что картина в муках нарисована Фридрихом Вильгельмом.

КОШАЧИЙ РОЯЛЬ

Я достиг музыкального зала, в котором прогресс музыки подтверждается музыкальными инструментами, каждый из которых интереснее предыдущего. Среди них привлекает внимание творение еще одного знатного господина: это изобретение гессенского маркграфа Карла, так называемый кошачий рояль. Новинка отличалась от испытанного инструмента тем, что струны в нем заменяли живые кошки. Судя по энциклопедии Крюница, как свидетельствует рисунок и описание, этот инструмент можно сделать таким образом: из сорока-пятидесяти кошек надо выбрать четырнадцать, которые обладают голосами разного тона. После этого, в соответствии с голосами, надо рассадить их в четырнадцать расположенных рядом отделений в рояле. Головы кошек находятся снаружи и видны у передней стенки рояля, а хвосты закреплены у дна отделений, чтобы зафиксировать их в неподвижном состоянии. Если мы ударим по соответствующей клавише, соответствующая игла вопьется в хвост соответствующей кошке, и кошка промяукает. Если должным образом рассадить кошек в соответствии с высотой их голоса, на рояле можно сыграть миленькую кошачью мелодию.

С сожалением должен отметить, что интересный инструмент на практике не оправдал себя. Изобретатель посчитал дело законченным после создания кошачьего рояля. Его испытанием он не занимался. Испытания были проведены только в 1716 году, когда Петр Великий посетил Гамбург. Живо интересующемуся всем новым царю рассказали о рояле, после чего он немедленно заказал один такой инструмент для себя. Желание царя было приказом, не выполнить его было нельзя. Занимавшемуся исследованиями в области физики магистру Бюхнеру было поручено любым путем создать эти мяукающие клавишкорды. Несчастный напрасно отказывался, поручение пришлось выполнять. Он изготовил корпус, закупил и наворовал шестьдесят кошек. Трудности проявились уже на репетиции, ибо коты в зависимости от того, какая кошка оказывалась рядом с ними, мяукали более низким или более высоким голосом. В конце концов от кошек пришлось отказаться. С большим трудом подобрали четырнадцать котов. Их заперли в отделениях рояля, и подготовленный для игры инструмент показали царю. Но начались новые неприятности. Когда музыкант ударял по клавише, уколотый в хвост кот подавал совсем не тот голос, который от него ждали. Мяуканье звучало то выше, то ниже нужного звука. И бедолага продолжал трубить свое фальшивое соло и тогда, когда должен был вступать уже следующий кот, а ему надо было молчать. А кот, хвост которого укололи уже несколько раз, переставал ощущать боль и молчал, когда должен был мяукать. Вместо ожидаемой музыки звучали мерзкие вопли. Царь при этом великолепно развлекся. Может быть, даже лучше, чем в том случае, если бы коты промяукали ему какое-то классическое музыкальное произведение⁷⁷.

Хотя речь и идет о маркграфе, надо сказать, что славу изобретателя он, возможно, и не заслужил. Кое-кто приписывает ее ученому иезуиту Атаназу Кирхнеру, который описывает инструмент в своей книге "Универсальное музыкальное искусство". Но Кирхнер имел, видимо, в виду более старое изобретение — инструмент, который фигурировал в 1549 году на церемонии вступления испанского короля принца Филиппа II в Брюссель. На этот случай наткнулся в ходе своих исследований в области истории музыки Я. Б. Уэкерлин⁷⁸. На нарядно украшенной повозке в праздничной процессии везли кошачий рояль; в данном случае нажатие клавиши не приводило к уколу хвоста иглой. Был избран более гуманный способ. С помощью привязанной ленты кота дергали за хвост. На рояле играл дрессированный медведь, а дрессированные обезьяны плясали под раздирающую душу музыку.

Добросовестные исследователи не удовлетворятся этими данными. В числе других томов справедливо известной библиотеки чудес Хачетта ("Bibliothèque des merveilles") вышел интересный

труд Р. Радау⁷⁹. Автор пишет, что придворный шут венгерского короля и германского императора Жигмонда Кунц фон Розен тоже создал кошачий рояль, такой, как у гессенского маркграфа.

Вряд ли можно глубже забраться в ящик истории музыки. Насколько была распространена эта глупость, свидетельствует тот факт, что сам Калло³ изобразил на своей причудливой картине кошачий рояль. Этой картине впоследствии подражали три художника: Де Бри, Де ла Винь и Я. Келлертхалер.

ЛОВУШКА ДЛЯ БЛОХ

Доктор Валентини также посчитал кошачий рояль достойным включения в его взыскательный научный труд. А на соседних страницах мы видим изображение другого имеющего музейную ценность изобретения. Оно называется "ловушка для блох". Известный эпос Фишарта⁸⁰ "Der Flohhaz" также говорит о нем. Один из героев эпоса осуждает изобретение такими словами:

Каждая блоха ненавидит того,
Кто изобрел ловушку для нее.

Это было злодейское изобретение против всего блошиного рода. Излагающая свою жалобу негодующая блоха ссылается на остроумное решение агригентского тирана Фалариса, который, как известно, распорядился опустить первым в желудок раскаленного металлического быка самого его изобретателя. Подобной судьбы блоха желает и изобретателю ловушки:

Он тоже должен испытать,
Пригодно ли его изобретение?
И, в бочке с клеем по уши сидя,
Прожить всю жизнь свою до помутнения.

Не зная ловушки для блох, невозможно понять эту зарифмованную блошиную жалобу. Ловушка представляла собой сделанную из слоновой кости или другого благородного материала трубку с отверстиями. В трубку опускалась палочка, которая смазывалась смесью человеческой крови и меда. Зная психологию блохи, изобретатель был уверен, что любящее укромные местечки насекомое с темной душой обязательно заберется в трубку. А там оно прилипнет к палочке. А чтобы уничтожить дневную добычу, достаточно опустить трубку в кипяток. Трубку носили на шее — на красной цепочке или шнурке.

Несколько экземпляров остроумной штуковины и сегодня можно увидеть в немецких музеях как диковинные образцы истории культуры.

На посетителей Kunst- und Wunderkammer из-за стекол витрин смотрят и многочисленные другие странности.

Они могут полюбоваться чудесными пейзажами, видами городов, изображениями развалин замков, которые на расстоянии кажутся тончайшей резьбой по меди. При более тщательном рассмотрении выясняется, что это творения женщин из Виллиха, которые в 1782 году удивили любителей живописи своими вышивками, выполненными человеческими волосами.

Рядом, как пролетарии в знатном обществе, выставлены перочинные ножи, ножницы, гвозди и железки. Они знаменательны тем, что предварительно кто-то проглотил их, и после того, как их извлекли из желудка хирургическим путем, они были рекомендованы для коллекции знатного владыки.

Крюниц относит их к разделу, где хранятся экспонаты, связанные с историческими знаменитостями. В наши дни их перевели в подходящее место — в анатомические коллекции. Совершенно исчезли из музейных залов и сегодня, может быть, пылятся где-то в музейных подвалах подлинные экспонаты амбрасской коллекции, среди них веревка, на которой повесился Иуда. Туда же, наверное, попала и мраморная урна из шваммердамской коллекции, а ведь в ней хранится прах такого человека, как Аристотель.

Подчеркиваю: за козыряющие своей подлинностью редкости отвечает не их доброжелательный открыватель, а потерявший из-за плесени истории нюх искатель древностей, который должен удовлетворить свой голод в отношении памятников прошлого любой ценой, даже неизвестно откуда появившимся прахом Аристотеля или, как пишет Йокаи, теми ножницами, которыми был отрезан хвост коня императора Арнульфа, когда тот скакал по Эннскому мосту.

ЗОЛОТО АЛХИМИКОВ

Мне в руки попал путеводитель, выпущенный более двухсот лет назад⁸¹. Он приглашает нас в императорскую сокровищницу в Вену, по очереди представляет каждый экспонат. С блеклых страниц сверкают драгоценные камни, блестят золото и серебро. Мы видим слиток золота весом в 300 дукатов,

который алхимик И. К. Рихтхаузен сотворил из свинца в присутствии короля и императора Фердинанда III, что подтверждается надписью на золоте: "Exhibitum Pragae d. 15 Jan. 1658 in praesentia Sacrae Caes. Maj. Ferdinand III" ("Получено в Праге 15 января 1658 года в присутствии Его Святого Императорского Величества Фердинанда III"). Там же висит на цепи большая круглая медаль с 41 чеканным портретом правителей династии Габсбургов. Когда-то она была серебряной, но чешский алхимик Венцел Зейлер превратил ее в наполовину золотую.

О судьбе двух алхимиков нам известно, что Рихтхаузена Фердинанд III возвел в ранг барона, а Зейлера Леопольд I произвел в дворяне и оказал ему честь тем, что приказал изготовить из искусственного золота монеты с надписью: "Aus Wenzel Seylers Pulvers Macht bin ich von Zinn zu Gold gemacht" ("У Венцеля Зейлера хороший порошок, поэтому из свинца я превратилась в золото").

И в другие коллекции включалось искусственное золото. Здесь лежащие на бархатной подушке монеты гордо провозглашали историю своего превращения. Там золотая чашка сообщала, что простой металл был превращен в золото таинственным средством алхимиков. В коллекции флорентийского эрцгерцога Кюхельбекер видел гвоздь: наполовину он состоял из золота, наполовину — из железа. Более скромно выступают искусственные серебряные предметы, среди них выделяются так называемые талеры Кронеманна, их из свинца и ртути сотворил алхимик бранденбургского маркграфа Эрне Керэстей, барон Кронеманн.

Австрийский двор поверил бродячим авантюристам, что они могут доверху наполнить сокровищницу искусственным золотом. Одно разочарование следовало за другим, но двор не терял веру и продолжал осыпать милостями заезжих мошенников. Хотя обладавшая трезвым женским умом Мария Терезия запретила всякое творение золота, в шестидесятые годы прошлого века двор все-таки поддался утверждениям трех международных мошенников.

Просто невероятно, что под контролем профессоров венского политехнического университета, в помещении самого государственного монетного двора они водили двор за нос, убеждая, что стоящее 5 миллионов флоринов серебро они могут превратить в золото стоимостью 80 миллионов флоринов. Дирекция монетного двора уже приготовила смету на строительство нового завода по изготовлению золота, когда двор, наконец, понял, что его обманывают. Мошенников прогнали, обманутого директора отправили на пенсию, а документы, связанные с печально закончившейся авантюрой, спрятали в секретном архиве, откуда они были извлечены только после распада империи.

Тысячу лет полыхал огонь в таинственных лабораториях алхимиков, тысячу лет жадные до денег владыки гонялись за призрачным светом искусственного золота. А результат был таков, что ему хватило места на одной полке в музейном шкафу. Им даже не приходило в голову, почему обладатель великой тайны предлагает свои услуги, а не делает золото для самого себя? Ведь за пару сотен бочек золота он мог приобрести себе премиленькое княжество.

И все-таки, в чем же заключался секрет рихтхаузенов и зейлеров? Видимо, в какой-то остроумной уловке, которая приводила к успеху, потому что с ее помощью дурили тех, кто хотел в нее верить.

Нам известна в подробностях одна такая история, которая интересует нас еще и потому, что ее героем был человек, представляемый венгром, и некоторые занимающиеся алхимией труды и сегодня упоминают его как венгра.

"Usufur ein List- und Lustiger Betrugess" (Usufur — хитроумный и смешной обман) — так называется очень редкое издание, повествующее об этой запутанной истории. Впервые оно было выпущено в 1649 году, затем переиздано в 1655 году. Героем истории был некий Даниэль Эрдейи (согласно немецкому тексту — Даниэль фон Зибенбюргер), а пострадавшей стороной — тосканский эрцгерцог. В конце истории выяснится, был ли нашим соотечественником этот хитроумный Даниэль.

Свою деятельность он начал со знахарства в Падуе. Удивительно, что по соседству со знаменитым Падуанским университетом мог обосноваться шарлатан, который за пару лет содрал с людей 2000 дукатов. Он, видимо, действительно помогал пациентам, что не удивительно, ибо в те времена тот, кто подпускал к себе врача, оказывался в положении, как если бы он впустил к себе ангела смерти. Имевший научную подготовку врач начинал лечение с того, что вскрывал вены, ставил банки, ставил пиявки, вызывал тошноту и после того, как он забирал у больного последние силы, заставлял бедолагу глотать ужасные лекарства, так что у замученного пациента полностью пропадало желание оставаться в живых. В противовес этому порошки сеньора Даниэля были абсолютно безвредны и не мешали природе вести свою мирную оздоровительную работу.

Но шарлатан из Падуе и мечтал о большем. Медленное обогащение не удовлетворяло его. Он готовился к решающему шагу и, как полководец, тщательно разработал мельчайшие детали предстоящего великого обмана. Прежде всего он распространил слух, что открыл новое волшебное средство, по эффективности намного превосходящее все существующие. Это и был знаменитый Усуфур. Сам он не торговал лекарством; он передавал его аптекам, а пациентов направлял туда.

Щепотка Усуфура не могла повредить больному, поэтому тот выздоравливал. Весть о новом лекарстве разлетелась по всей Италии. Даниэль не принимал никаких заказов, он обслуживал только флорентийских фармацевтов, сделав тем самым второй ход в партии.

Третий ход заключался в том, что он поехал во Флоренцию и попросил аудиенции у тосканского эрцгерцога, зная его влюбленность в алхимию. Он рассказал, что ему удалось открыть тайну изготовления золота, и предложил ее эрцгерцогу. Просил он всего 20 тысяч золотых дукатов, да и то - только в случае успеха. Предложение выглядело умеренным, эрцгерцог принял его, но потребовал, чтобы в его присутствии немедленно было проведено испытание. Даниэль согласился на это. Его провели в собственную химическую лабораторию эрцгерцога, и там он приступил к работе. Он расплавил медь и олово, в полученную расплавленную массу всыпал шкатулку таинственного порошка, перемешал все, остудил и, показав на остывший слиток, сказал: "Вот золото!" Послали за придворным ювелиром, тот сделал анализ: из сплава меди и олова действительно можно было выделить золото. После этого Даниэль поделился своей тайной: его волшебное средство, Усуфур, превращает металл в золото. Усуфур можно купить в любой аптеке. Герцог немедленно распорядился доставить Усуфур из разных мест; он сам приступил к работе, расплавил медь и олово, размешал порошок, и каждая попытка приносила успех: в тигле появлялось золото!

Даниэлю Эрдеи были оказаны высокие почести. Он разместился во дворе эрцгерцога, ели с ним за одним столом, к нему были приставлены два камергера и четыре лакея. Когда он выезжал в город, шесть гвардейцев охраняли его карету, как это и положено знатным господам. Эрцгерцог не мог скрыть своего ликования. Всех ранее бывших у него алхимиков он прогнал, теперь уже он сам будет делать золото. Кроткого сеньора так потрясло свалившееся на него счастье, что на стол в своем кабинете он распорядился установить череп: пусть он постоянно напоминает, что все смертны и нельзя полагаться, что добрая судьба будет сопровождать его постоянно.

Даниэль Эрдеи, выполнив взятые на себя обязательства, начал намекать на 20 тысяч дукатов. Надо выдавать дочерей замуж, — объяснял он. Попросил он и разрешения на короткую отлучку, чтобы урегулировать во Франции семейные проблемы. Он получил и отпуск, и деньги. Больше того, благодарный эрцгерцог осыпал его ценными дарами: бриллиантами, кубками из яшмы, золотыми цепями с рубинами. Он пообещал сделать Даниэля своим советником, когда тот вернется, подарить ему дворец и любить, как родного брата. И, как таковой, тот может считать все, что принадлежит эрцгерцогу, общим достоянием (кроме жены — осторожно добавляет автор).

Почетный караул проводил Даниэля до Ливорно, там для него арендовали корабль до Марселя. При прощании Даниэль вел себя благородно. Он раздал солдатам 300 талеров, капитану подарил золотую цепь и попросил его передать лично эрцгерцогу письмо. Вскрыв конверт, эрцгерцог прочитал следующие слова:

"Милостивый эрцгерцог! Обилие добра, которым Ваша Светлость осыпала меня, я не могу отблагодарить ничем иным, кроме откровенного признания. Если Ваша Милость и в дальнейшем соизволит заниматься изготовлением золота, могу сказать заранее, Вы его больше никогда не получите. Точнее, получите столько золота, сколько его содержится в Усуфуре. Я пилил золото, а золотой порошок с небольшими добавками продавал аптекарям. Когда порошок кончится, Ваша Милость больше не получит золота. Простите, Ваша Милость, мой обман, Господь Бог наверняка другим способом возместит Вашей Милости! Замечу, что в мою пользу говорит тот факт, что я был умерен и не обманул Вас на большую сумму. И вообще, я совсем не Эрдеи⁸², а итальянец, и зовут меня не Даниэлем, а совсем по-другому. Желая Вашей Милости доброго здоровья! Да поможет Вам Бог! Аминь!"

Говорят, что эрцгерцог, остыв, сам тоже смеялся над тем, как его провели. Может быть. А вот то, что смеялась вся Европа, это уж точно.

Но Даниэля следует вычеркнуть из числа наших соотечественников.

БЕЗОАР

Я продолжаю листать путеводитель Кюхельбекера и вижу как наяву, ценнейшие экспонаты венской императорской сокровищницы. Среди них — корона Иштвана Бочкаи⁸³, княжеский головной убор Имре Текеи⁸⁴, а также сабля, которой один из предков Ракоци в одном бою зарубил семнадцать врагов. Надежнее было хранить их в безопасном венском Бурге, чем у нас, на венгерской земле, которой постоянно грозили враги.

Но это уже другая тема. А я должен сделать остановку около нескольких круглых, кажущихся незначительными, серых и коричневых камешков. Им выпала честь оказаться в золотом, тонкой работы, обрамлении. "Это — безоары",

-говорит гид, предполагая, что все знают значение этого странного слова.

Чтобы мы тоже могли понять его, надо познакомиться с теневой стороной блестящей жизни тогдашнего владыки. Он постоянно опасался того, что окажется на пересечении противоположных политических взглядов, а для согласования противоположных взглядов во все времена существовало одно эффективное средство: яд. Надо было все время быть начеку, чтобы имеющий длинные руки враг не дотянулся до него. Этим объясняется мера предосторожности, когда прислуживавшему за столом камергеру — в порядке поощрения -разрешали первым попробовать все блюда, попадающие на стол. Если в них оказывался быстродействующий яд, степень поощрения возрастала: ведь была спасена жизнь владыки. При медленнодействующих ядах надо было позаботиться о противоядии. Наука свидетельствовала, что существуют так называемые алексифармаконы, то есть универсальные средства против любого яда. В обеденном зале дворца можно было заметить небольшой шкафчик, в нем хранились противоядия.

Безоар был великолепным средством против любого яда. Это был не камень, а образование из плотно сваленных волос животных, которое встречается в желудке или кишечнике жвачных животных. Если животное заболевает, — провозглашала наука, — оно инстинктивно находит наиболее эффективное лекарственное растение, съедает его, и растение убивает в корне болезнь. Лекарственные растения, перемешанные с волосами животных и различными волокнами, постепенно приобретают вид окаменевшего шарика, поэтому, естественно, в таком камешке сосредоточена вся сила лекарственных трав.

Наиболее богатые находки делались в желудках лосей, серн и коз. А самый ценный камень был обнаружен у безоарового козла⁸⁵, из желудка которого он перекочевал в княжеский шкаф в компанию к другим алексифармаконам.

Вера в целительные свойства безоара была глубокой и непоколебимой. Лоренс Кателан написал о нем целую книгу⁸⁶, в которой с восторгом рассказывал:

"Провидение не давало человечеству более великолепного, более сильного и эффективного средства против ядов. Вирус болезни стремится к камню, как гелиотроп поворачивается к солнцу, как пальма — к пальме, как ремора тянется к кораблю, а орбис⁸⁷ — к ветру".

Безоар обычно носили на шее, но можно было пару часов размачивать его в вине, пока вино не впитывало чудодейственную силу камня.

Самым ценным считался безоар из Восточной Индии. Путешественники рассказывали, что тамошние крестьяне обнаруживали безоар следующим образом: обе руки клали на брюхо козла, у которого надеялись найти камень. После этого сильным нажимом с двух сторон камень выдавливался в середину желудка. Цена безоара, как и у бриллианта, стремительно возрастала в соответствии с весом. Мелких камней на одну унцию (около 30 грамм) приходилось 5-6 штук. И стоили они от 5 до 18 франков. Безоар, тянувший на целую унцию, стоил уже 100 франков. За камень весом в 4 унции охотно давали и 2000 франков. Совершая покупку, надо было быть очень внимательным, ибо соблазнительная цена породила и фальсификации. Определенного качества тесто перемешивалось с древесной смолой, после чего мелкие безоары с помощью этой смеси доводились до крупного размера. Различить обман можно было таким образом: камень взвешивался и затем опускался в теплую воду. Если цвет его не менялся и он не терял в весе, все было без обмана.

По мнению доктора Валентини, еще большей, чем безоар, ценностью обладал камень, обнаруживаемый у одной породы свиней из Малакки. В оборот он попал под названием пиетра дель порко (свиной камень), или же *Lapis Malacensis* (малаккский камень). Среди находящихся и в наше время в Вене безоаров есть и такой, потому что на его оправе изображен небольшой поросенок. На ценный предмет экспорта наложила лапу голландская восточно-индийская компания и продавала камни за 135-175 голландских флоринов за штуку. Перекупщик просил за них уже 400-600 флоринов. Можно было взять камень и на прокат, но за каждые 24 часа в качестве арендной платы надо было отдавать один золотой. Ведь безоар без осечки излечивал от подагры, колики, ожирения и даже от желтухи.

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ РОГ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ЖИВОТНОГО

Кюхельбекер, мой не знающий усталости проводник, упоминает среди редкостей и рог единорога. Он так и выглядит: я видел его сам — этот знаменитый "Айнкюрн" длиной в 2,43 метра, не подлежащее отчуждению имущество императорского двора. Размещен он в пятой комнате светской сокровищницы в очень благородном окружении: папская золотая роза, коронационные палаши и другие сокровища. У одного из коронационных мечей и рукоять, и ножны сделаны из этой бесценной кости. Но сам рог прислонен возле двери к стене, как трость. В сокровищнице бургундских герцогов, откуда

в качестве не подлежащего отчуждению имущества он попал во дворец австрийского императора, рог ценился намного выше.

За такие рога платили головокружительные суммы. В описи сокровищницы Медичи за 1492 год рог оценивается в 6 тысяч флоринов, но это был, видимо, лишь обломок, потому что в коллекции саксонского курфюрста был рог, цена которого составляла 100000 имперских талеров. Сокровищница байройтских маркграфов в XVI веке гордилась тем, что в ней находятся четыре таких рога. Один из них был получен в результате того, что император Карл V оставил его в залог в счет долга и принял мудрое решение не выкупать его. Маркграф не грустил о потерянных деньгах; да и зачем ему было это делать, когда за другой рог венецианцы в 1559 году предлагали 30000 цехинов. Но рог не был продан; пусть венецианцы поищут себе в Италии другой, ведь во времена папы Юлия II один великолепный экземпляр рога был продан за 12 тысяч талеров. Обычный гражданин редко мог стать обладателем этого рога; наверное, исключение составлял Янош Жамбоки, который в своем завещании особо отметил хранившийся среди прочих его богатств такой рог.

Даже его отходы, обрезки ценились на вес золота. Итальянские аптекари за фунт обрезков просили 1536 скудо.

Но в чем же можно было так успешно использовать кость животного, что за нее платили такие огромные деньги?

Она служила наиболее надежным, обладающим необыкновенной эффективностью средством против любого яда. Если в сосуд, сделанный из рога, попадал любой смертоносный яд, он немедленно терял свои вредные свойства, и отравленный ядом напиток не мог причинить никакого вреда. Опилки рога мгновенно уничтожали все попавшие в организм очаги яда. Тот, кто за столом пользовался ножом с роговой ручкой, не подвергался никакой опасности, потому что, если он начинал резать отравленное мясо, ручка ножа немедленно запотевала. Такое чудодейственное средство стоило любых денег.

Теперь подобает узнать кое-что и о единороге. Средневековые хроники и выезжавшие на Восток путешественники точно описали его. Он похож на лошадь, из лба которой растет рог в несколько аршинов длиной, с винтовой нарезкой. Это животное быстрое, сильное, дикое и с жестоким нравом. Единорог не боится ни человека, ни других животных, нападает даже на слона. Свой рог он точит о скалы до такой остроты, что легко протыкает брюхо слона. У него такой острый нюх и он настолько быстр, что приблизиться и застрелить его невозможно. Каким же образом заполучить рог? Очень просто. Единорога ловят.

Как бы ни был свиреп единорог, как злобно ни вздымал бы он в воздух человека или слона, есть у него одна слабость: невинная девушка. В известной природоведческой книге Конрада Мегенберга "Das Buch der Natur" ("Книга природы") ловля единорога описывается следующим образом:

"Если девственница сядет в лесу, единорог подойдет к ней, его свирепость сразу пройдет, чистота девственного тела захватит его, он положит свою голову на плечо девушки и уснет. Охотники тогда хватают его, связывают и относят в королевский дворец, как чудотворную редкость".

С другим способом охоты знакомит нас Гашпар Мишкольци в своей книге "Чудесный зоосад".

"Охотники поступают так: сильного, крепкого юношу одевают в девичье платье, смачивают ему платок приятно пахнущими аптекарскими средствами и оставляют в таком месте, откуда приятный запах по воздуху долетит до носа Уникорниса. А сами охотники прячутся поблизости. Огромный зверь выходит и останавливается перед юношей, упиваясь его запахом, а юноша своим ароматным платком трет глаза Уникорнису до тех пор, пока охотники приблизятся."88

Следующим вопросом может быть такой: кто видел чудесное животное? Где и когда видел?

А вот никто его и не видел.

Посетившие Восток путешественники доказывали, что они беседовали с местными людьми, слову которых можно верить. При дворах восточных королей те видели пойманных уникорнисов. Один из путешественников говорил, что он видел животное своими глазами, но это был не кто иной, как общеизвестный любитель приврать — Тавернье. Он даже сам подстрелил одного во время охоты, устроенной в его честь ахемским султаном, а рог привез домой, во Францию. Он не написал только, сколько золотых выкатилось ему, когда этим рогом он проткнул мешок с деньгами какого-то богатого французского господина.

И никому не пришло в голову потребовать рог сказочного животного вместе с черепом!

Откуда взялись элементы легенд, связанных с моноцеросом (единорогом)? Выяснить это невозможно. Одну скупую фразу можно найти у Плиния Старшего, некоторые переводчики Библии называют единорогом описанное там чудовище, но существуют мнения, что речь там идет о риноцеросе (носороге), а не о моноцеросе. Современная естественная наука утверждает, что такое животное, т. е. единорог, существовать не может.

И уж совсем никаких сведений нет о том, что рог моноцероса хоть когда-нибудь помог против какого-либо любого яда. Силе безоара находится хотя бы слабое теоретическое обоснование, а вот

разумно объяснить силу противоядия, заключенную в роге уникорниса, никто даже и не пытался.

Вывод: Несуществующие достоинства несуществующего рога несуществующего животного оплачивались звонкой золотой монетой, а выброшенное таким образом настоящее золото пытались заменить никем не созданным искусственным золотом никому не известной науки.

И посетители сокровищниц с изумленным благоговением удивлялись потрясающей глупости знатных господ, а послушная наука таким количеством трудов анализировала и систематизировала великое ничто, что этому удивляемся уже мы⁸⁹.

Наконец для племени единорогов наступила черная суббота. Все больше рогов большого размера оказывалось в обороте, и полные подозрений представители естественных наук из северных стран выяснили, что эти рога и вправду принадлежат однороговому существу, но не четвероногому сухопутному травоядному животному, а морской рыбе. Знаменитая кость оказалась не чем иным, как выросшим до больших размеров клыком нарвала. Эта рыба водится в северных морях, служить же в качестве противоядия рог не может, но представляет богатую добычу для рыбаков и находчивых торговцев.

ЖИВОЙ ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ КУРИНЫЕ ЯЙЦА

Я перехожу к природоведческим коллекциям. Для создания такого Музея природы не требуется сыпать корзинами золото, даже тощих карманов ученых хватало для образования не одной известной коллекции. Нельзя отрицать, что они сыграли заметную роль в становлении молодой естественной науки, но они же способствовали и новой вспышке погони за чудесами. Некоторые из них были переполнены всякой всячиной, как Ноев ковчег, что вообще-то нормально, ибо, по мнению коллекционеров, Ной основал первую в мире природоведческую коллекцию.

Не было ни одного настоящего коллекционера, который не хранил бы в своей коллекции чучело какого-либо монстра. Шестиногая овца, четырехкрылая курица, телка с развесистыми рогами, четырехглазый ягненок, двухголовый теленок, двухголовый голубь наводили страх на потрясенных дам⁹⁰. Не знаю, какова судьба птицы, заинтересовавшей и нас; когда-то она находилась в коллекции испанского короля. Я имею в виду двуглавого орла. История этой удивительной охотничьей находки была опубликована в часто цитируемом "Breslauer Sammlungen", известном своей академической серьезностью (XXV том за 1723 год). Вице-король Мексики привез его с собой из Южной Америки. Это был не какой-то птенец-выродок, а достоверный экземпляр действительно существовавшей породы птиц: охотники видели и его орлицу. Орел был размером с индюка; из его плеч росли две шеи, на каждой из них было по голове. Охотники обратили внимание и на то, как он ел: одной головой он рвал добычу, другую держал поверху, смотрел по сторонам и был начеку. Что и в каком количестве он ел, охотники не рассказывали. Я могу дополнить отсутствующие данные: у него был такой хороший аппетит, что он мог заглотнуть целиком весь старый венгерский герб.

Там, где коллекционируют птиц, всегда найдется место и для их яиц. Яйца страуса в тот период считались редкостью, их высоко ценили, вставляли в золотую оправу и повышали до уровня декоративных украшений. Еще больший спрос был на такие яйца, при насиживании которых курица нарушила какое-либо правило, и яйцеобразная форма оказалась искаженной. Таким было яйцо, снесенное 18 мая 1719 года в Бреслау (Вроцлав). Оно имело форму колбы, причем в том месте, где у колбы должно быть горлышко, оно загибалось, как хвост ящерицы. Тот, кто описывал этот случай, отметил, что курица очень тяжело перенесла случившееся; она ходила грустная, не поднимала голову и отказывалась от пищи. Другая курица снесла яйцо в форме груши, у третьей оно получилось размером с гусиное. Все эти яйца привели к рождению обильной научной литературы; их подробное описание можно найти в уже упомянутой книге доктора Кундманна, в которой представляется его личная коллекция. Из "яичной" литературы мы узнаем, что самыми интересными бывают двойные яйца, которые можно назвать беременными, ибо в нормальном яйце находится еще одно нормальное яйцо со всеми его деталями: скорлупой, белком и желтком. При виде такого у фантазии еще шире раскрывались крылья, и она поднималась к еще более вычурным вариантам. Доктор Шпиленбергер из Левочи информировал своего немецкого ученого коллегу Захса-а-Левенхайма о том, что в их поместье отелилась корова, и, к всеобщему удивлению, в новорожденном теленке был обнаружен еще один теленок.

Научная проблема, поэтому я не буду комментировать ее, а просто в качестве хроникера приведу информацию, опубликованную в выходявшем на латинском языке журнале "Ephemerides" германского общества медицины и естественных наук. Журнал сообщал, что жена мельника из Тюрингии в 1672 году родила дочь, которая через восемь дней последовала примеру матери и сама родила дочь-малютку. Внучка и ее мать умерли, а мать матери, то есть бабушка, осталась в живых.

Среди редких экспонатов музея короля Дании и Норвегии Христиана V можно было увидеть два яйца. Они ничем по виду не отличались от обычных яиц, снесенных курицей. На основании чего они заняли место среди редкостей? Секрет открывает каталог⁹¹. Эти яйца снесены не курицей, у них была настоящая мать — уважаемая жена почтенного норвежца! Достоверность случившегося подтверждает такой авторитетный человек, как Томас Бартолинус, профессор Копенгагенского университета, директор университетской библиотеки, государственный советник Дании, который за свои заслуги был освобожден королем от уплаты любых налогов. Этот и сегодня еще пользующийся популярностью представитель медицинской науки рассказывает⁹², что за годы семейной жизни эта норвежка родила мужу несколько детей. В 1638 году у нее появились все признаки очередной беременности. Однако, когда пришло время, к великому удивлению мужа и повитухи вместо ожидаемого подарка на свет появились два вышеупомянутых яйца.

LUSUS NATURAE⁹³

Восточная пословица гласит, что жук-короед выедает в древесине ходы в форме букв, но букв он не знает. Исследователи природы во времена барокко думали по-другому. Как раз, если в древесине, траве, камне видны линии или пятна, напоминающие по форме буквы или рисунки, они имеют значение, посредством их природа хочет что-то сообщить нам. Поэтому они тщательно коллекционировали камни, корни, фрукты, всякую всячину, если ищущая таинственность фантазия обнаруживала в них что-то необычное. Француз Ж. Б. Робинэ разработал детально теорию⁹⁴, согласно которой природа с самого начала стремилась к сотворению человека как самого совершенного существа и, чтобы попрактиковаться, готовила эскизы. Таким эскизом является любое каменное образование, напоминающее по форме какую-либо часть человеческого тела. Таков, например, антропокардит, то есть камень, по форме напоминающий человеческое сердце, а также камни, похожие на человеческие руки, ноги, уши, глазное яблоко, почку и т. д.

Ищущая сходство фантазия распространилась и на материнство. Роды женщине облегчает aetites — орлиный камень (по-немецки "Алдерштайн" или "Клапперштайн"). Орлиным этот камень называли потому, что находили его в гнезде орла. Откуда берет этот камень орел, мы не знаем, известно только, что орлица не снесет яиц, пока не добудет себе такой камень. Это, собственно говоря, кусок окаменевшей глины, в котором внутренний слой отстал от внешнего, и, если камень потрясти, он гремит. То есть в переносном смысле его можно назвать материнским камнем, поэтому надо прислушаться к указанию природы и повесить камень на шею рожавшей женщины. В упомянутой книге доктора Кундманна, на которую мы столь часто ссылаемся, во всех подробностях представляются все общественные и частные коллекции, в которых встречаются такие орлиные камни, оспенные камни (со щербинами, что означает, что они помогают против оспы) и другие причудливые по форме или что-то напоминающие камни.

Но эти получающие так много внимания камни являются не эскизами, а играми природы. Нам знакомы стоящие в итальянских музеях шкафчики из эбенового дерева, выложенные мраморными пластинками. Некоторые пластинки абсолютно достоверно воспроизводят вид города или ландшафта. В левом переднем углу в соборе Святого Марка в Венеции на гладко отшлифованном мраморе четко вырисовывается изображение маленького попугайчика.

Со страшным утрированием интереса к игре мы встречаем в венской светской сокровищнице, в том же зале, где выставлен рог единорога, уже разжалованный до рыбьей кости. Здесь хранится знаменитая агатовая чаша, также "не подлежащее отчуждению имущество" императорского двора. Два столетия назад о ней говорили, что она ценнее всех остальных экспонатов. На шлифованном агате проступают несколько букв имени Христа. Но по соседству с буквами видны и какие-то подозрительные штрихи: на основании этого пошли разговоры, что человеческая рука вмешалась в это творение природы...

Lusus Naturae устраивало фокусы и в растительном мире. Если где-нибудь находили лимон в лимоне, прорастающую из груши грушу, редис в форме человеческой руки, гриб, по форме напоминающий человеческую голову, игра природы давала новую пищу охотникам за чудесами. Находку с благоговением направляли соответствующему курфюрсту, подробное описание на латыни посылали в "Ephemerides", с трепетной точностью указывая место и время находки.

Иногда мы натываемся на сообщения о вещах, даже еще более ценных, чем редис или капуста кочерьяжка. 22 июня 1646 года в поселке Шеневальда работница косила серпом траву. Вдруг к ее величайшему испугу простой по виду цветок закричал человеческим голосом. На растении росли две человеческие головы: турка и христианина. Они-то и кричали. Но было уже поздно, серп нанес им смертельные ранения. Погибшее растение отправили сначала в Виттенбергский университет, а потом

предложили саксонскому курфюрсту.

11 июля 1724 года на клеверном поле близ Нидерхофена в клевере выросло странное растение, увенчанное девичьей головой. Видна была даже грудь, кожа у девушки была серебристого цвета, прическу составляли тщательно расчесанные кудри. Более того, на голове был чепец, и девушка носила корсаж. Тупой батрак взмахнул косой и скосил растение. Тогда-то и выяснилось, что оно было живым, как обычный живой человек. У него было тело, была кровь. Когда коса скосила его, оно скончалось, несчастное. Что с ним стало? Об этом нигде не написано, скорее всего, его похоронили, потому что вюртембергскому герцогу были посланы лишь рисунки растения.

Знать в любом случае претендовала на такие игры природы. В 1634 году в районе Штрехлы нашли стебель, на котором насчитали восемнадцать колосков. Когда его обнаружили, он был еще зеленым, поэтому управляющий приставил к нему специальных сторожей, которые днем и ночью, сменяясь, несли караул до самого созревания. После этого, как и можно было ожидать, растение было отправлено герцогу.

Знаем мы о стебле пшеницы с двумя колосками; он не попал в герцогскую коллекцию, но научная литература уделяла ему внимание по другой причине. У хозяина пшеничного поля было красивое имя: Венцеслав Шерфер фон Шерферштейн. Я упоминаю об этом ради достоверности, чтобы ни у кого не закралось сомнение в подлинности истории. Господин Венцеслав наткнулся на двуглавый колос во время прогулки и принес его домой в подарок жене, которая переживала последние дни беременности. Подарок принес неожиданный результат: в ту же ночь жена в ответ на мужнино внимание принесла ему в подарок двойню.

МАНДРАГОРЫ ИМПЕРАТОРА РУДОЛЬФА

Одна из самых необыкновенных игрушек шутницы-природы — мандрагора. Согласно энциклопедии, это многолетняя трава семейства пасленовых, стебель у нее короткий, листья начинаются от самого корня, бывают целостными, иногда дольчатыми. Я в этом не очень разбираюсь, но знаю по рисункам, что похожий на морковь корень мандрагоры внизу разделяется на две части, как бы образуя ноги, чуть выше два отростка отходили, как руки, а еще выше у корня было образование, напоминающее по форме человеческую голову. Весь корень удивительно похож на человеческую фигуру, особенно в глазах человека с большой фантазией.

Под землей мандрагору не окружала такая темнота, как та, с которой она сталкивалась, попадая на солнечный свет. Эту тьму предрассудков имел в виду Шекспир, заявляя устами Джульетты:

...Глухие стоны, похожие на стоны мандрагоры,

Когда ее с корнями вырывают.

Тот звук ввергает смертного в безумье...

Это требует объяснения. Мандрагора, как известно, прорастает у основания виселицы из предсмертного пота казнимых людей. Когда ее вытягивают из земли, она визжит человеческим голосом, да так ужасно, что тот, кто слышит это, умирает от страха. Но находчивый человеческий ум нашел выход. Тот, кто хочет заполучить дьявольское растение, обвязывает его веревкой, а другой конец веревки привязывает к ошейнику собаки. Потом отходит на безопасное расстояние и сильным звуком трубы или другим способом пугает собаку. Собака убегает, вырывая корень, и мгновенно сдыхает от потустороннего визга. Теперь уже мандрагора не опасна для хозяина, больше того, она очень полезна для него. Если размельченный в порошок корень добавить в питье, получится необыкновенный фильтр (любовный напиток); тот, кто выпьет его, смертельно влюбится.

Мандрагора ликвидирует бесплодие. Но рекомендуется заранее обдумать, из корня женского или мужского рода следует готовить напиток, потому что в первом случае приманенный аист принесет девочку, во втором — мальчика. Род растения также можно определить по принципу сходства; имеющий много отростков морщинистый корень дает обильную пищу для воображения. Когда Маккиавелли⁹⁵ опустил свой лот в море человеческой глупости, он достиг дна как раз возле мандрагоры. Сложный сюжет его комедии "Мандрагора" строится на детородильной силе сказочного растения, при этом Маккиавелли показывает, что главный герой спектакля более глуп, чем образован. (Лафонтен⁹⁶ отсюда почерпнул идею аналогичной истории, его, правда, больше интересовали пикантные подробности случившегося.)

Но все эти достоинства мельчают в сравнении с удивительным влиянием мандрагоры, равного которому не существует в природе. Корень приносит счастье тому, кто может им воспользоваться. Счастливчику достаются богатство, успех, власть. Когда судили Орлеанскую деву⁹⁷, судьи с полной серьезностью допытывались у отважной девушки: где она спрятала мандрагору, которая помогала ей в сражениях? Они не могли поверить, что какая-то девушка в состоянии исправить положение,

сложившееся в результате ничтожества мужчин⁹⁸.

Есть у нас сведения и о суде, закончившемся не так трагично. Они сохранились в архиве в Кермецбанье (Кремница)⁹⁹. Два тамошних цирюльника, Андраш Фаршанг и Якаб Штрейницер, за хорошие деньги продали мандрагору сапожнику Закариашу Турну. Сапожник не жалел о покупке, счастье действительно пришло в его дом. Число клиентов постоянно росло, и на ярмарках его товар пользовался наибольшим спросом. Завидовать чужим доходам умели и тогда, отставшие соперники заподозрили неладное и обратились к властям. Тайна была раскрыта. Муниципалитет вынес мудрое решение: на всех обвиняемых был наложен денежный штраф, а корешок был конфискован. О дальнейшей судьбе сапог мастера Закариаша никаких сведений не сохранилось.

Детальную и достоверную картину мандрагорового помешательства открывает перед нами частное письмо, написанное в XVII веке¹⁰⁰. Это письмо само по себе является трогательным проявлением братской любви. В переводе оно выглядит так:

"Прежде всего, шлю тебе свою братскую любовь, верность и желаю всего наилучшего! Дорогой брат! Я получил твое письмо и понял из него, что в твоём доме и в хозяйстве ты терпишь великий ущерб, одна за другой дохнут твои коровы, свиньи, лошади, овцы; вино и пиво в твоём погребе киснут и из-за многочисленных бед вы с твоей любезной женой постоянно ссоритесь. Я узнавал обо всем этом с болью в сердце, поэтому я обратился к разбирающимся в таких делах людям и спросил, в чем может быть причина твоих несчастий? Они сказали, что беды твои не от Бога, это творение злых людей. Если хочешь освободиться от порчи, держи в своём доме алрауну, и все будет в порядке. Я искал ее и нашел одну у здешнего палача. Заплатил за нее 64 талера да еще дал на чай подручному палача. Посылаю ее тебе в знак моей братской любви, а также сообщаю, как надо ею пользоваться.

Когда ты получишь корень, отложи его и три дня не притрагивайся к нему. Через три дня вымой его теплой водой. Потом этой водой сбрызни домашний скот и порог дома. Увидишь, какие перемены наступят в твоей жизни. Корень надо мыть четыре раза в год, а затем вновь заворачивать его в шелковое покрывало и запира́ть в шкаф, в котором хранятся твои самые ценные вещи. Вода после мытья корня приносит облегчение и при тяжелых родах, надо принять одну ложку. Если ты судишься с кем-то, захвати корень в суд. Держи его под правой рукой, и ты обязательно выиграешь процесс независимо от того, прав ты или не прав.

Написано в Лейпциге в воскресенье перед постом, 1675".

Если все это не помогло преследуемому судьбой хозяину, значит, мандрагора была фальшивой. Большой спрос вызвал расцвет индустрии фальсификаций. Невинный древесный корень резали, правили до тех пор, пока он не приобретал сходство с мандрагорой. Интересным был способ выращивания волос у искусственного человечка: на воображаемой голове делались надрезы, в образовавшиеся щели вставляли зерна ячменя и проращивали их. Когда стебель прорастал, остро отточенной бритвой его разрезали на тонкие полоски.

Эту уходящую корнями в прошлое историю я рассказал для того, чтобы мы могли достойно оценить два редчайших экспоната пражской коллекции императора Рудольфа II. Они красовались в той витрине, где скромно лежало несколько железных гвоздей, а ведь гвозди эти были не какие-нибудь, а от Ноева ковчега (Sollen von der Archa Noe sein). Но они терялись в сравнении с одетой в черный шелк парой мандрагор. Одна из них была мужского рода, другая — женского.

К тому же оба корня были фальшивыми. Позже они попали в венскую императорскую библиотеку, и, когда их увидел ученый Ламбеций, он сразу же обнаружил фальсификацию. Как он пишет, в библиотеке они остались только из-за их курьезности. Интересно и то, что в качестве нижнего белья для корней использовалась оболочка плода, о которой известно, что она также приносит счастье и оберегает от опасности. То есть император сделал все возможное в собственных интересах и в интересах своих стран; но, к сожалению, и оболочка тоже, видимо, была фальшивой, иначе не случилось бы, что император должен был платить бесславную дань турецкому султану.

ПОЛЕЗНЫЙ ХЛАМ, ЦЕННОЕ БАРАХЛО

Я прощаюсь с общественными коллекциями. Если даже "камеры раритетов" и содержали множество курьезных странностей, они, тем не менее, ставили своей целью вызывать восхищение, обогащать знаниями, опытом.

"Владелец частной коллекции" такими делами не занимается. Он собирает для себя. "Без коллекционирования жить невозможно, — говорит он. — У того, кто ничего не собирает, жизнь пуста и бесцельна". Иногда он демонстрирует свои сокровища. Но и это он делает для собственного удовольствия, как ребенок, который хвалится полученным на Рождество подарком. И всегда, даже не желая этого, он оказывает услугу истории культуры. Сколько разного хлама пригрела на своей груди

страсть к коллекционированию: замок, ключ, входное стукальце, гасильник, трость, трубка — все они не только доставляли постоянную радость коллекционеру, ведь, копаясь в них, ученый мог наткнуться на отсутствующее звено истории культуры. Визитная карточка, театральная афиша, программа танцев, траурное извещение, меню могли сообщить важные данные тому, кто умеет читать их. Парижская коллекция зубочисток может, конечно, вызвать улыбку, но она пропадает, когда мы слышим историю зубочистки Колиньи¹⁰¹.

Зубочистку, как новинку, связанную со столом, сделала модной знать; постоянно выглядывала она и изо рта адмирала Колиньи. Когда после Варфоломеевской ночи придворные осматривали выброшенные на улицы трупы, какой-то шутник сунул зубочистку в рот убитого великого француза...

У гусарского полковника У.Т. из Вены было 200 тысяч оловянных солдатиков: представители всех родов войск всех армий могли бы промаршировать перед ним, если бы оловянные солдаты умели ходить. В знаменитой коллекции карт доктора Джексона из Алтоны можно встретить историю духовной культуры, историю искусств и оккультизма; об этой коллекции можно написать целую книгу.

А модные принадлежности одежды! Шляпа, пелерина, расческа, перчатки, носовой платок, веер, пряжка, подвязки, эпolet, корсаж и даже корсажная пряжка из рыбьей кости, стали, слоновой кости, с красивыми украшениями и отделкой! Несколько десятилетий назад в лондонском хрустальном дворце была выставлена коллекция обуви, в которой представлены все, так сказать, завихрения моды. Сенсацию вызвали туфли, по форме напоминающие нос корабля. Их изобрел Генрих Плантагенет, чтобы скрыть огромные шишки мозолей на своих ногах. Туфли были длинные, а впереди закручивались вверх, как роcтра корабля.

Вряд ли есть более поучительный эпизод в мужской моде, чем мода на такие ботинки: она продолжалась два полных столетия. Кавалеры соревновались, у кого туфли будут длиннее, кто ярче украсит их. Нос туфель украшался серебряными наконечниками, золотыми бляхами, гербом, а когда не могли придумать ничего более умного, вешали на носок маленькие золотые бубенчики. Ненормальная мода стала настолько дикой, что церковные синоды осудили и запретили ее. Но результат был таков, как будто они читали проповедь глухим. Ничто не помогало. Власти тоже не смогли справиться с модниками, поэтому вынуждены были пойти на компромисс. Были выпущены указы об обуви, которые определяли, кому с каким закрученным носком разрешается носить обувь. Загиб туфли обычного человека не может превышать половины длины его стопы, солидный гражданин мог отрастить этот загиб на всю длину стопы, а представитель высшей знати имел право на загиб в две стопы. Жесткость уродливому носку обуви придавали с помощью рыбьей кости или же подвязывали носок цепочкой к колену, чтобы не спотыкаться о собственные туфли (отсюда, кстати говоря, пошло выражение: жить на широкую ногу). Уничтожить легкомысленную обувь удалось только в середине XIV века.

ТРИДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПУГОВИЦ

Таким образом, если страсть к коллекционированию и эгоистична, то нельзя сказать, что она является бесполезной погоней за хламом. Она обогащает ученых новыми данными и то здесь, то там знакомит потомков с заслуживающими внимания хранилищами человеческой глупости.

В 1851 году обладавший шутливым нравом ученый, член бельгийской королевской академии Рене Шалон, в своих иронических заметках высмеял собирателей барахла. Небольшой по объему памфлет на полном серьезе оповещал читателей об образовании Национального Союза Коллекционеров Пуговиц (*Societe nationale de boutonistique*). Далее рассказывалось о цели образования союза, его правилах, отмечалась необыкновенная важность коллекционирования пуговиц. "Пуговица, как зеркало, демонстрирует нам периоды истории человечества, начиная с колючки, которой Адам закрепил фиговый лист, до блестящих пуговиц, которые с гордостью носят на своих жилетах кавалеры".

Памфлет, главным образом, был направлен против одного женеvского коллекционера, который с муравьиным старанием насобирает тридцать две тысячи пуговиц. Но пущенная стрела полетела, как бумеранг, попав в самого автора памфлета, ибо коллекция действительно отражала историю культуры. И не только культуры, но и человеческой глупости. По пуговицам можно сделать вывод не только о пальто, к которому они пришиты, но и обо всем доме, всем городе, в котором когда-то прогуливался обладатель пальто. Единственный пример из периода конца XVIII века: тогдашний модник то использовал эмалевые пуговицы размером в талер, с художественной миниатюрой на них, то застегивал жилет драгоценными камнями, дорогими камнями. Потом он выбивал на пуговицах буквы имени своей любимой, нашивая их по порядку сверху вниз. Так что, дойдя до живота, можно было

узнать, в какую даму кавалер влюблен в настоящий момент. В 1787 году мода вновь изменилась: на пуговицы полагалось наносить изображения цветов, птиц, бабочек, рисовать на них эмблемы. Уже в 1878 году всех их вытеснила мода на здания. На пуговицах изображались знаменитые общественные здания, и на животе кавалера, как на страницах путеводителя, можно было увидеть Лувр, Нотр-дам де Пари, дворец Тюильри, Триумфальную арку и т. д. Во время революции на пуговицах, естественно, появились фригийский колпак, Бастилия, портрет Марата, а в конце концов нашлись энтузиасты-патриоты, которые на своих пуговицах носили изображение гильотины.

ШЕСТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ СПИЧЕЧНЫХ КОРОБКОВ

Есть, однако, коллекционеры, которым я "симпатизирую, сочувствую", как это сказал Сильвестр Боннар, объясняя свое ощущение после знакомства с русским князем. Князь собирал спичечные коробки и приехал в Сицилию, чтобы заполучить коробки, которые местные крестьяне прятали от властей. На них изображались портреты Маззини и Гарибальди¹⁰², и стоили эти коробки по сто лир. Целью коллекционирования были, как вы понимаете, не сами коробки, а наклеенные на верхнюю сторону этикетки. Русский князь у Анатоля Франса собрал 5714 коробок, тем самым писатель хотел сказать, что это огромное количество. Он не мог даже представить себе шестнадцать тысяч этикеток из удивительной экспозиции стокгольмской выставки 1935 года. А ведь это был материал, который члены европейских и американских объединений коллекционеров спичечных этикеток отобрали из своих собраний. Это серьезное дело, — говорили во время выставки, — потому что мы можем увидеть в уменьшенном виде развитие рекламной графики. Наверное, стремление к познанию истории культуры привело когда-то в ряды коллекционеров и сиамского короля Чулалонгкорна. Однажды он чуть не принес свою жизнь на алтарь науки: его чудом не задавил омнибус, когда, прогуливаясь по городу, он увидел на дороге этикетку, которую давно искал, и отважно бросился за нею.

В близком родстве с коллекционерами этикеток находится многочисленная семья картофилистов. Они собирают картинки, которые табачные фабрики наклеивают на сигаретные пачки и коробки. В настоящее время только в Великобритании за ними охотится около 120 тысяч коллекционеров. У фабрикантов хватает ума новыми и новыми сериями разжигать охотничью страсть. По подсчетам, ежегодно выпускается до 150 новых серий. Есть фабрика, которая выпускает каждую серию тиражом 450 миллионов экземпляров. Стоят эти картинки, конечно, дешево, но вот старые, выпущенные в конце прошлого века, имеют твердую цену: за полную серию, состоящую из 50 картинок, охотно дают и двадцать фунтов. По примеру торговли марками организована и торговля сигаретными этикетками. Одна из занимающихся такой деятельностью фирм постоянно имеет на своем складе 60 миллионов картинок и готова в любой момент поставить несколько тысяч полных серий.

КТО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАЛ ПРОБКИ

Эти коллекции, которые можно назвать "переходными", ведут к крайностям, когда мы видим лишь никому не нужный хлам. Я уже рассказывал о коллекционирующем обувь англичанине. Он проделал добросовестную, полезную работу. Не то что его парижский последователь. Он тоже набросился на обувь, но включал в свою коллекцию только ту, которую носили звезды балета Парижской оперы.

Не следует думать, что пуанты попали в витрины к этому господину под влиянием каких-то сладких воспоминаний. Они были настолько же далеки от личной жизни своего хозяина, как это было в случае, когда некурящий сэр Эдуард Мэнвилл собрал 70 тысяч сигар разных сортов или когда не умеющий играть в карты доктор Джексон собрал их для своей коллекции. Всех их объединяла одна страсть: страсть к коллекционированию.

Я не могу сказать то же самое о парижском докторе Шардоне. Он действительно собирал воспоминания, воспоминания о застольных радостях. Опьянение от выпивки быстро проходит, поэтому он старался сохранить на память хотя бы вкус напитков. Если где-нибудь ему удавалось попробовать какое-то особенно вкусное вино, он просил на память пробку от бутылки и уносил ее домой. Дома наклеивал на эту ценную пробку красивую этикетку; на ней обозначались дата, повод, сорт вина, а также достойные упоминания побочные обстоятельства. Эти пробки, изгонявшие скуку на закате жизни доктора Шардона, размещались на специальной подставке в его кабинете. В тихие вечера, оставаясь в одиночестве, он останавливался перед той или иной пробкой и через затхлость и плесень впитывал в себя аромат былого наслаждения.

Известный композитор Клапписсон коллекционировал свистки, которыми зрители пользовались

на театральных представлениях. Другой театральный деятель охотился на пьесы, которые никогда не ставились и никогда не издавались. Он был одним из самых бескорыстных в мире коллекционеров, ибо мог быть совершенно уверен, что его наследникам достанется лишь стоимость бумаги, на которой написаны эти пьесы.

Зато заслуживает интереса судьба коллекции одного старого парижского корректора. В течение тридцати лет он собирал орфографические ошибки. Всякий раз, когда в рукописи какой-либо литературной знаменитости он обнаруживал орфографическую ошибку, страницу с этой ошибкой он украдкой уносил домой, наклевал на нее этикетку и помещал страницу в свою коллекцию. Когда корректор умер, наследники собирались выбросить кучу бумаги, перемазанной типографской краской. Но вдруг к этой бумаге обнаружился интерес, один за другим приходили посетители, так что семья спохватилась и пустила сумасшедшую коллекцию на аукцион. И она была приобретена за хорошую цену.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ЗУБОВ

Существует порода хулиганствующих коллекционеров: это собиратели реликвий. Нормально, когда труды великих людей хранятся в музеях; но совсем не нормально, если помешавшийся на музыке коллекционер крадет одну из труб органа Генделя, как это случилось в Англии. Нормально даже, если гастролировавший по всему миру в конце прошлого столетия цирковой артист Камилльо Шварц срывал с могил знаменитых людей по одному цветку и за пятьдесят лет засушил в своих альбомах пятьсот цветков и листьев в память о знаменитых покойниках. Не может быть нормальным, однако, тот коллекционер, который за большие деньги купил у стоматолога вырванный зуб генерала Першинга¹⁰³. Першинг рассвирепел и объявил розыск своего зуба. Его офицеры взялись найти его. Американский доллар творит чудеса: за пару недель офицеры скупили 317 "настоящих" зубов Першинга.

Зубы, видимо, пользуются такой же популярностью у коллекционеров, как локоны волос, а то и больше, потому что локон не вечен. Локон Лукреции Борджиа¹⁰⁴ хранится в хрустальном сосуде в миланской библиотеки "Амбросиана". Но бывшее золотистое сияние пропало, поблекло. Коллекция локонов, собранная другом лорда Байрона, Хантом Ли, в которой, в частности, имеются и пряди волос Наполеона, Свифта, Карлейля, Милтона, в 1921 году была продана на аукционе. Причем даже в Лондоне, на родине экстравагантных коллекционеров, за нее не дали больше 109 фунтов. Зубы лучше выдерживают испытание временем. Когда император Отто III распорядился вскрыть захоронение Карла Великого, он прежде всего совершил должное богослужение, потом приказал привести в порядок одежду великого покойника, затем, по его приказу, у покойного вырвали один зуб, который с кротким смирением Отто III хранил в качестве реликвии. Во Флоренции благодарное семейство Медичи подарило дворец комментатору произведений Данте — Ландино. Позже его там и похоронили, в этом дворце, и еще в начале прошлого века демонстрировали, как чудо, его полностью сохранившееся тело. В 1632 году капитан из Болоньи по имени Кавиньяни, — история сохранила его имя, — отдав все необходимые почести старой мумии, вырвал у нее два зуба и удалился.

"Полезные забавы" в 1836 году сообщили о том, что на одном из лондонских аукционов за 700 фунтов был продан зуб Ньютона. Там же можно прочитать следующее сообщение: "Когда останки Абельяра и Элоизы переносили в часовню Августинского ордена, некий англичанин предложил за один зуб мученицы 100 тысяч франков". Я бы дополнил это сообщение историей современных "мучениц": банкира Бентли из Сент-Луиса осудили на тюремное заключение, так как он, изучив основы стоматологии, заманивал красивых молодых девушек в арендованный им зубо-врачебный кабинет, где вырывал у них абсолютно здоровые зубы. Он был коллекционером.

ЧЕРЕП ДЕКАРТА

Самый постыдный варварский поступок был совершен в отношении черепа Декарта¹⁰⁵. Как известно, Декарт скончался в Стокгольме в 1650 году, и шведская королева Кристина распорядилась похоронить его с большими почестями. В 1666 году была проведена эксгумация, и останки перевезли во Францию. Да, но без черепа. Он нашелся лишь в 1821 году, когда известный шведский химик Берцелиус купил его у тогдашнего владельца за тридцать семь франков и преподнес в дар музею природоведения Жарден де Плант. За прошедшие полтора столетия с ним произошло следующее: при эксгумации местную власть представлял капитан шведской гвардии Планстрем, который оставил череп великого ученого себе на память. И этого ему показалось мало, ибо на лобной кости черепа он выбил собственное имя. Затем череп переходил из рук в руки, и каждый новый владелец следовал

примеру предшественника и наносил на лобную кость свое имя. Удивительно, но даже Архенгольц, прусский офицер, бывший автором многочисленных книг, и сегодня заслуживающих внимания, не удержался, чтобы не нацарапать на черепе свое имя. Самое большое оскорбление было нанесено черепу, когда владелец публичного дома Аргрен также оставил свой грязный автограф на оболочке, в которой рождались эпохальные идеи. Это, правда, было не единственное унижение. Предшественник Архенгольца оторвал себе на память нижнюю челюсть и передал реликвию дальше уже без нее.

Трудно представить, что человеческий череп когда-то был предметом моды. Ненормальная мода родилась в Париже в 1751 году. Знатные дамы устанавливали череп на туалетный столик, украшали его разноцветными лентами, устанавливали в него горящую свечу и временами погружались в благоговейное созерцание. Даже у королевы был череп; по мнению многих, он принадлежал когда-то Нинон де Ланкло. Королева обращалась к черепу так: "Ma belle mignone".

Страсть к коллекционированию не всегда бывает добрым советчиком, "и выбранный путь часто бывает ошибочным". Богатый нью-йоркский врач Ф. У. Дэвидсон, может быть, и сейчас мотается по свету, коллекционируя смертные казни. А ведь шесть лет назад у него уже было две тысячи фотографий казни. Как объяснял он сам, это странное увлечение он выбрал с научной целью. "Credat judaeus Apella" 106, - отвечаю я ему вслед за Горацием. В XVIII веке у него был предшественник, англичанин лорд Сэлвин; тот тоже торчал в Тибурне при каждом повешении, если можно использовать это выражение. Но его случай должен рассматриваться психиатром.

Выдающимся представителем общества, консервировавшего предсмертное настроение, был сэр Томас Тирвитт. Жил он в начале прошлого века. Он коллекционировал веревки после казни через повешение. Руководствовался сэр Томас при этом не суевериями, а страстью к коллекционированию. Самый старый экспонат коллекции его музея криминалистики был сделан в XIV веке, на нем во времена английского короля Генриха IV был повешен за измену сэр Томас Блаунт. Мирно уживались рядом веревки, на которых были повешены политические преступники, обычные злодеи, висели самоубийцы. А по соседству располагались предметы гордости коллекции сэра Томаса, добытые с огромным трудом: веревки, на которых были повешены собаки, такие собаки, которых вешали рядом с осужденными для того, чтобы еще больше опозорить их. Были здесь грубые петли из ивового прута, в которых вешали когда-то ирландских бунтовщиков, но рядом можно было увидеть и тонкий шелковый шнурок, который использовали при казни лорда Феррерса, осужденного на казнь за убийство. Такой казни потребовал сам осужденный, ссылаясь на свои аристократические привилегии. Любящий точность баронет к каждой веревке приобщил подробное описание данного случая, эти описания он составлял путем долгих поисков и исследований.

САМАЯ БЕСПОЛЕЗНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В МИРЕ

В заключение обзора расскажу о самой бесполезной коллекции в мире. Как таковая, она привлекла внимание регистрирующих рекорды американских журналов, которые подробно описали историю злоключений коллекционера, заслуживающего вознаграждения за выдержку. Этого коллекционера звали Фрэнк Дамек. Жил он в Чикаго, а к сбору своей коллекции приступил в 1870 году. Целью было собрать всего-навсего одну колоду карт; но при этом такую колоду, каждая карта которой должна быть найдена на улице. Как родилась такая идея, никто не знает, но к ее осуществлению Дамек приступил с упрямой настойчивостью. Вначале дело шло легко. Через какие-то десять лет ему оставалось найти всего пятнадцать карт. Потом наступили тяжелые времена. Счастье то улыбалось ему, то вдруг отворачивалось. Был год, когда на улицах Чикаго он нашел целых три отсутствующих карты, а бывали годы, когда он до слез напрягал глаза, но не находил ни одной. Оставалось найти всего три карты: трефовую даму, пиковую тройку и бубновую двойку. Однажды ему показалось, что дьявол дразнит его и ему только видится... колода карт, которую кто-то забыл на каменном парапете. Нет, ему не привиделось это. И были в колоде и трефовая дама, и тройка пик, но — дьявол действительно дразнил его — в колоде отсутствовала только одна карта: бубновая двойка! Шли годы, темные волосы Дамека окрасились в серебристый цвет, и, наконец, спустя 20 лет, в незабываемый день 1890 года счастье улыбнулось ему. Из уличной пыли на него, прекраснее женских глаз, глядела бубновая двойка!

Паломник добрался до цели своего путешествия.

Бесспорно, что чикагский коллекционер собрал самую бесполезную в мире коллекцию. Но не решен вопрос, полезной или бесполезной надо считать коллекцию итальянского библиофила Пио Каселли. Он посвятил двадцать пять лет жизни тому, чтобы собрать библиотеку самых скучных в мире книг. За прошедшую четверть века он счел достойными занять место на его книжных полках 8600 томов. Среди них было сколько угодно книг, удостоенных длинных похвал литературоведов. Но как-

то стало известно, что в недостойную коллекцию попали и книги популярного современного автора. Обладавший тонкой душой писатель вызвал коллекционера на дуэль. Рыцарская история уладилась, но после этого в библиотеку Каселли вход для любопытствующих посетителей был закрыт. Скудные книги развлекали только самого их владельца.

МАНТИЯ И ПАРИК

В старину судья облачался в мантию, надевал парик, после чего он переставал быть человеком и превращался в юридическую машину, одетую в официальные одежды. Апостол Павел напрасно предупреждал, что "буква убивает, душа оживляет". В средние века право принимало во внимание только букву¹⁰⁷. Его не интересовали личность преступника, причины преступления, важным было только само преступление. Определяемое законом наказание за данное преступление безжалостно приводилось в исполнение. Не существовало справедливости, смягчающих обстоятельств, не было пощады.

Робот в мантии посылал на эшафот даже ребенка, если он совершил преступление, за которое законом определялась смертная казнь. Среди хранимых в библиотеке Сеченьи тонких изданий можно познакомиться с подробным описанием того, как была обезглавлена тринадцатилетняя девочка по имени Маргарет Дисслер. А произошло это в век так называемого просвещения. В тридцатом номере берлинской газеты "Зоннтагшер Постильон" за 1681 год рассказывается о четырнадцатилетней девочке, задержанной за поджог. Сегодня эксперты-медики сказали бы: пиромания. А тогда ее осудили на смерть, отрубили голову, а тело сожгли на костре. Другая берлинская газета, "Фоссише Цайтунг", в 112 номере за 1749 год сообщает, что в Баварии сожгли одну ведьму, а так как выяснилось, что она посвятила в свою профессию и восьмилетнюю девочку, невинного и несчастного ребенка также отволокли на эшафот, и палач вскрыл ей вены.

Старое право не отходило от не знавшего компромиссов, твердого принципа возмездия даже тогда, когда найти преступника было невозможно. В этих случаях приговор приводили в исполнение символически, *in effigie*¹⁰⁸. Если приговор был смертельным, делали соломенное чучело, его, как положено, волокли на центральную площадь города, под виселицу. Там ему, то есть соломенному чучелу, торжественно зачитывали приговор; затем звали палача, чтобы тот выполнил свою обязанность. Палач, соблюдая все правила своего мастерства, подтягивал соломенное чучело на виселицу. Не хватало только врача, чтобы тот, послушав сердце, определил наступление смерти.

Если приговор был особенно строгим и согласно ему после казни тело должно было быть сожжено, это указание также выполнялось полностью. Палач снимал казенное соломенное чучело с виселицы, относил на костер и, в назидание публике, с помпой сжигал его.

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ ТРУПОВ

Ничего не прощающий, ни в чем не уступающий правовой фанатизм оставался жестоким и в том случае, когда преступник умер. Холодный принцип возмездия, или, другими словами, национализированной мести, вымещал злобу и на трупе. Когда Карл II вернулся в Англию и занял место на отцовском троне, Кромвель и многие его соратники уже спали вечным сном под мраморными плитами Вестминстерского аббатства. Но даже трупы их не могли остаться ненаказанными. 30 января 1661 года, в годовщину казни Карла I, гробы с телами Кромвеля и двух его соратников были извлечены из места почетного захоронения и перенесены в Тайберн¹⁰⁹, где на эшафоте умирали обычные преступники. Там три трупа были повешены, до позднего вечера они оставались на виселице, потом у всех трех трупов отрубили головы и закопали их под виселицей. Редкое зрелище собрало огромное количество зрителей; знатные лондонские дамы считали своей обязанностью поехать в Тайберн и загрузить свою память "интересным зрелищем". Какие нервы должны были быть у этих дам! Мемуарист Пепис с присущей ему сухостью описывает события, которые произошли 30 января: побывал на проповеди, получил письмо от старшего брата, затем посетил леди Бэттент. Та как раз вернулась с женой Пеписа из Тайберна, куда они выезжали, чтобы посмотреть на три повешенных трупа. Об этой поездке он говорил без всяких комментариев, как об обычном деле.

Для формализма старого права характерно, что и в отношении трупа преступника процесс проводился с соблюдением всех процессуальных норм. Разница была лишь в том, что к трупу назначался попечитель, который играл роль адвоката, ибо труп, как известно, не в состоянии говорить и защищать себя. Так поступали в случаях самоубийства, как это показано в интересном фрагменте из судейского протокола от 1725 года:

"Уголовный процесс, возбужденный королевским прокурором Фонтэн де Нонн против Жака де

ла Порты, чиновника суда Марсея, как назначенного попечителя трупа Шарля Айона. В ходе процесса было доказано, что вышеупомянутый Шарль Айон, проживавший в Шосси, добровольно и злонамеренно убил себя таким образом, что связал себе ноги и бросился в реку, в которой и утонул. В наказание за это труп осуждается на то, чтобы быть пронесенным по улицам поселка Шосси на деревянной решетке лицом вниз в обнаженном виде" 110.

Я не смог установить, по всем ли правилам был проведен процесс в отношении Кромвеля и его соратников, а вот документы процесса по обвинению трупа убийцы французского короля Генриха III и в наши дни хранятся без недочетов 111.

Были допрошены девять свидетелей, все они под присягой показали то, что и без них было всем известно: заговорщик Жак Клеман заколол короля, после чего был убит ворвавшимися телохранителями и придворными. Приговор был составлен от имени наследника короля, Генриха IV, и после обычного вступления гласил:

"Его Величество по предложению судейского совета приказал и приказывает вышеупомянутый труп вышеупомянутого Клемана четырьмя лошадьми разорвать на четыре части, после чего сжечь их, а пепел высыпать в реку, дабы окончательно уничтожить даже память о нем. Дата: Сент-Клод, 2 августа 1589 года. Подпись: Генрих. Примечание:

Приговор приведен в исполнение там же и в тот же день".

Таким четвертованием наказывали королевских убийц. Генрих IV не мог даже подозревать, что он сам тоже будет убит кинжалом заговорщика, а его убийца, Равальяк, живым повторит то, что досталось мертвому Клеману.

Менее трагично, если закон вымещает свою жажду мести на безжизненных предметах.

8 апреля 1498 года во Флоренции взбунтовавшаяся против Савонаролы 112 толпа бросилась на штурм монастыря Сан Марко. Один из сторонников великого монаха ударил в колокола. По этому сигналу монастырский народ начал сопротивление, какое-то время отбивал натиск толпы, но потом толпа победила. Остальное нам известно. Но не многие знают, что смерть Савонаролы на костре не утолила жажды мести победителей. Колокол тоже должен был быть наказан. Летом того же года муниципалитет осудил его. Колокол был снят с башни, на ослиной упряжке его провезли по городу, а палач в это время бил его плетью, как это делали палачи Ксеркса с Геллеспонтусом.

Эти несколько примеров я привел для того, чтобы через дебри старого права вывести читателей на тропу, которая ведет к самым странным, самым гротескным институтам средневекового права: так называемым процессам животных.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ ЖИВОТНЫХ

Вызывать в суд и осуждать животных — тема, дешевая у юмористов. Рубриковые подборки и воскресные приложения газет веселят читателя забавной информацией, поверхностным изображением искажая действительность.

Процессы животных надо разделять на два вида:

В первом случае речь шла об изгнании большого количества вредных животных. Эта тема входила в компетенцию церковного суда.

Во втором случае дело возбуждалось против одного совершившего преступление животного, и целью процесса было наказание преступления. По таким делам приговор выносился гражданским судом.

Церковные процессы не соответствуют теме моей книги. Я коротко остановлюсь на них, чтобы показать разницу между двумя разновидностями процессов.

В средние века важное место среди стихийных бедствий занимало нашествие огромных масс мелких животных или насекомых, которое становилось бедствием для целых регионов. Я имею в виду саранчу, гусениц, хрущей, змей, лягушек, мышей, крыс, кротов и т.д. Такие нашествия уничтожали урожай, их часто сопровождал голод. Наука в то время была бессильна справиться с этим бедствием. Поэтому народ отвернулся от науки и искал спасения в религии.

Объяснение неожиданному и страшному бедствию находили в том, что в нем замешана рука демона. Не саранча съедает урожай, не мыши сгрызают корни растений, а сам демон вселился в тела вредителей. Перепуганные люди ждали помощи от священников и требовали, чтобы те прокляли Зло.

Но церемония проклятия также требовала соблюдения процессуальных норм: заявление, назначение адвоката, судебное заседание, обвинение, защита, приговор. Сегодня, конечно, все это звучит комично, но в те времена это было странным настолько, насколько странными кажутся в наши дни традиционные английские привычки. Мы знаем, что в память о пороховом заговоре и в наши дни караул спускается в подвальные помещения парламента с керосиновой лампой, освещает все углы: не

скрывается ли там что-нибудь подозрительное? Даже и говорить не стоит, что весь подвал ярко освещен электрическим светом. Но никто, однако, не смеется над служебным рвением славных караульных.

Приговор церковного суда чаще всего содержал предупреждение (Monitoire). Если оно не помогало, следовало проклинание (Malediclio). Причем проклинали не животных, а демона.

Случалось, что и гражданские суды пытались использовать такой порядок. Однако эти процессы были только искаженным отражением церковных, как это явственно следует из дошедшего до нас подробного протокола одного процесса. Он проходил в Швейцарии, в суде поселка Глурнс¹³.

"В день Урсулы года 1519-го перед Вилхельмом фон Хасслингеном, судьей поселка Глурнс, предстал житель Стилфса Симон Флисс и заявил, что от имени жителей поселка Стилфс он хочет возбудить дело против полевых мышей в соответствии с предписанием закона. И так как закон предписывает, что в таком случае у мышей должен быть адвокат, он обратился к властям с просьбой выделить адвоката, чтобы у мышей не было повода к обжалованию. На основании этой просьбы судья назначил адвокатом полевых мышей Ганса Гринебнера, жителя Глурнса, и в соответствии с законом утвердил это назначение. После этого Симон Флисс от имени населения Стилфса назвал обвинителя в лице Минига фон Тарча".

(Процесс, видимо, затянулся, или же заседания в суде проводились всего два дня в году, ибо заключительное заседание состоялось только в 1520 году, в среду, после дня Филиппа и Якоба.)

"Судья: Конрад Спрегсер (капитан-наемник из армии коннетабля Бурбона). Заседатели: (перечислено 10 человек).

Миниг фон Тарч, обвинитель, от имени всего населения поселка Стилфс заявил, что в этот день он пригласил предстать перед лицом закона Ганса Гринебнера, адвоката неразумных животных, названных полевыми мышами, в ответ на что вышеупомянутый Ганс Гринебнер вышел вперед и объявился от имени мышей.

Миниг Уолч, житель Сулдена, выступая в качестве свидетеля, рассказал, что в течение 18 лет он регулярно проходит через земли Стилфса и заметил, какой большой ущерб наносят полевые мыши, в результате чего у жителей почти не остается сена.

Никлас Стокер, житель Стилфса, рассказал, что он помогал работать на тех землях и всегда замечал, что эти животные, имени которых он не знает, приносили большой ущерб; особенно осенью, при втором покосе.

Вилас фон Райнинг, в настоящее время проживающий по соседству со Стилфсом, но до этого в течение 10 лет бывший жителем Стилфса, рассказал, что может сказать то же самое, что и Никлас Стокер, и даже больше, ибо он сам не один раз видел мышей.

После этого свидетели подтвердили свои показания".

(Как видно, суд не заслушивал показаний заинтересованных стилфских хозяев, доказывая свою объективность тем, что заслушал только непредвзятых и незаинтересованных свидетелей: двух жителей соседних сел и одного местного поденщика.)

Обвинение:

"Миниг фон Тарч обвиняет полевых мышей в нанесении ущерба и заявляет, что, если так и будет продолжаться, и вредные животные не уберутся, его доверители окажутся в положении, когда они не будут в состоянии платить налог и вынуждены будут переселиться в другое место".

Защита:

"В ответ на это заявление Гринебнер заявил: обвинение ему понятно, однако известно, что его подзащитные приносят и определенную пользу (уничтожают личинки насекомых), поэтому он ждет, что суд не лишит их своей милости. Если же это все-таки произойдет, он просит, чтобы суд в своем решении обязал заявителей выделить для мышей другую территорию, где они смогут жить спокойно. Кроме того, он просит выделить для них соответствующую охрану, которая во время переселения позаботится о безопасности мышей, защищая их от их врагов, собак и кошек. В заключение он просит в случае, если кто-либо из его подзащитных ожидает потомства, дать им достаточно времени, чтобы они могли разрешиться от бремени и взять своих детенышей с собой".

Приговор:

"Выслушав обвинение и защиту, а также свидетелей, суд постановляет, что называемые полевыми мышами вредные животные обязаны в течение 14 суток покинуть пахотные земли и луга поселка Стилфс и переселиться в другое место. Их возвращение в эти края запрещено на вечные времена. Если же какое-либо из животных ожидает потомства или же находится в таком юном возрасте, что не в состоянии перенести переезд, они получают дополнительно еще 14 суток, в течение которых обязаны при первой возможности совершить переселение".

Бросается в глаза, что юридические формальности были соблюдены полностью, а суд при вынесении приговора был так же объективен, как и при слушании сторон. Мышей надо было осудить,

ибо их вредная деятельность была доказана показаниями беспристрастных свидетелей. Но в отношении отдельных осужденных было проявлено повышенное внимание, как это было принято в юридической практике в отношении беременных женщин, для которых делались определенные исключения. Но суд твердо отклонил просьбу адвоката о выделении новой территории для проживания мышей. Они просто выслались из края: пусть убираются, куда хотят. Убрались они или остались, этого мы не знаем.

* * *

Совершенно иной характер носили индивидуальные процессы, когда обвинялись отдельные животные, совершившие преступление. Здесь в суде побеждал древний юридический принцип — "юс талионис" (око за око, зуб за зуб). Если приговор можно было осуществить в отношении скрывшегося или мертвого преступника, почему же нельзя было наказать виновное животное? Холодная теория возмездия и устрашения не позволяла обойтись без наказания; богиня Фемида завязала глаза и не хотела видеть, на человека или на животное опустится ее меч¹⁴.

Первый приговор, который нам известен, был вынесен в 1266 году в отношении свиньи. А последний раз смертный приговор был вынесен кобыле в 1692 году. То есть мода на гротескные процессы просуществовала больше четырех столетий. Всего до нас дошло 93 полных официальных записей и протоколов, что не мало, так как мы должны принимать во внимание, какой ущерб нанесли архивам пожары, нашествия врагов, небрежное хранение. Большинство случаев произошло во Франции, но имеются данные и о Германии, Швейцарии, а также Италии. По Англии у нас есть мало достоверных данных, но то, что и там часто казнили животных преступников, выясняется из нескольких строк, написанных Шекспиром. В "Венецианском купце" Грациано с такими словами нападает на жестокого Шейлока:

Твой гнусный дух жил в волке,
Повешенном за то, что грыз людей;
Свирепый дух, освободясь из петли,
В тебя вселился...

Процесс вел соответствующий суд. Обвинение представлял прокурор. Случалось, что провинившемуся животному выделяли адвоката. Заслушивали свидетелей случившегося, иногда выезжали на место происшествия и обо всем составляли подробный протокол. Бывало, что на основании определенных процессуальных норм провинившуюся свинью отправляли на дыбу, и ее отчаянный визг вносился в протокол, как признание вины.

Во время процесса обвиняемое животное проводило свои дни в грустном заточении. В одной тюрьме с людьми, под наблюдением того же надзирателя. Больше того, как свидетельствуют счета, за кормление животного надзиратель получал такую же сумму, как и за кормление людей. При этом возникала лишь одна трудность. По правилам все заключенные должны быть внесены в список. Но под каким именем вписывать в этот список находящееся в неволе животное? Бюрократия нашла выход: четвероногого заключенного записывали под именем его хозяина: "Свинья того-то".

Если же на основании данных процесса было доказано, что преступление совершено обвиняемым животным, суд выносил приговор. Известен случай, который произошел в 1499 году, когда приговор был по всем правилам объявлен осужденному в тюрьме, где оно проводило грустные дни в камере предварительного заключения. Совершившее убийство животное осуждалось на смертную казнь. Из способов смертной казни выбирался обычно самый позорный: через повешение. Но бывали и более сложные случаи, когда провинившееся животное с особой жестокостью затоптало или загрызло свою жертву. В таких случаях применяли более строгое наказание, при котором смерть злодея оказывалась более тяжелой. В 1463 году двух свиной живьем закопали в землю, в 1386 году одна свинья была осуждена на то, чтобы на место казни палач доставил ее на санках, то есть на деревянной решетке, сделанной из планок, провезя таким образом через весь город.

Смертный приговор приводил в исполнение официальный палач, делалось это публично, с соблюдением всех формальностей. Палач официально получал за казнь деньги, как в обычных случаях. В архивах французского города Мелен и в настоящее время хранится отчет по расходам в связи с казнью свиньи, осужденной в 1403 году. Этот забавный документ выглядит так:

"Кормление свиньи в тюрьме: 6 парижских грошей.

Далее, палачу, который приехал из Парижа для приведения приговора в исполнение, на основании постановления мэра: 54 парижских гроша.

Далее, плата за телегу, на которой свинья была доставлена к эшафоту: 6 парижских грошей.

Далее, плата за веревку, на которой была повешена свинья: 2 парижских гроша и 8 денариев.

Далее, за перчатки: 2 парижских денария".

Из отчета выясняется, что палач, осуществляя драматический акт, надевал перчатки, как будто приводил в исполнение приговор в отношении человека. Был случай, когда свинье отрубили нос, а на обрубок головы надели человеческую маску. Больше того, иногда на животное надевали даже человеческое платье: жилет и брюки, чтобы иллюзия была еще более полной.

Чаще других в качестве обвиняемого фигурирует свинья, что в первую очередь свидетельствует о беспечности родителей, которых следовало бы наказать в первую очередь, благо, палач был под рукой. Реже под судом оказывались бык и лошадь, еще реже — мул и осел. В 1462 году повесили кошку

-за то, что она задушила младенца.

При более мелких преступлениях обвиняемое животное могло избежать смертной казни. Мы знаем случай, который произошел в 1395 году в Сардинии; речь шла об ослах, которые забрели на чужое поле. Закон гласил, что ослу, который впервые зашел на чужое поле, следует отрубить одно ухо; в случае повторения — и второе. Это, наверное, единственный случай в мировой истории, когда кого-то хотели опозорить, лишая его известного позорного символа — ослиного уха.

Имеются у нас обрывочные данные о процессе, состоявшемся в России. В роли обвиняемого в нем выступал баран-драчун. Мы знаем только, что хулиганствующее животное решением судьи было осуждено на ссылку в Сибирь. Данные о методах приведения приговора в исполнение и личной жизни барана в трудных условиях сибирской ссылки до нас не дошли.

Больше известно о собаке, которая в маленьком городке в Нижней Австрии укусила некоего советника. Хозяин собаки смог доказать свою невиновность и был оправдан. Но собака должна была быть наказана. За безобразный поступок она была осуждена на один год и один день тюремного заключения. В усиление наказания она должна была провести этот срок не в обычной камере, а в находящейся на рыночной площади клетке. Эту клетку называли "Narrenketterlein"; в нее, как к позорному столбу, сажали осужденных преступников, которые становились жертвой издевательств толпы.

Знакомы мы и со сложным случаем спора в отношении правомочий. В 1314 году во французском поселке Мози вырвавшийся на волю бык забодал человека. Живший по соседству с поселком граф Валуа, узнав об этом, распорядился поймать быка и отдать его под суд. Чиновники графа выехали в Мози и по всем правилам провели судебный процесс. Они допросили свидетелей, которые доказали, что убийство совершил бык. Помещичий суд графа, обладавший правом "судить на жизнь или смерть", вынес приговор, который тут же, на виселице поселка, был приведен в исполнение. Но тут руководители поселка Мози сообразили, что граф не имел права распоряжаться на их территории. Они опротестовали приговор в парламенте своего департамента, как в суде более высокого уровня. Парламент не знал, что делать, ибо представители поселка были правы, но никто не осмеливался выступить против могущественного графа Валуа. Поэтому парламент вынес мудрое решение, что граф не имел права действовать таким образом на территории поселка, но быка повесили по заслугам, так что все правильно.

Сохранились заметки и об осуществлении права всевышнего помилования.

В сентябре 1379 года на пастбище поселка Жюсси три свиньи взбесились и до смерти загрызли сына поселкового свинаря. Поднялся переполох, свиньи метались во все стороны, и в этом беспорядке свиное стадо соседского помещика перемешалось с поселковым стадом. Чтобы успокоить страсти, помещик распорядился провести судебный процесс, а оба стада запереть до поры в свинарник, наложив на него арест. Но после первого порыва и помещик, и поселковые власти сообразили, что дело может плохо кончиться. Ведь верховной судебной властью здесь пользовался герцог Бургундский; если он вздумает вмешаться в процесс, что вполне может произойти, то не удовольствуется казнью трех главных виновниц, а распорядится казнить оба стада как сообщников. В этом случае убытки будут очень велики, ибо мясом казненных животных торговать не разрешалось. Его бросали собакам или закапывали у основания виселицы. Помещик, таким образом, собрался и попросил личной аудиенции у герцога. Герцогом Бургундии тогда был прославленный Филипп Смелый. Встреча была полезной, у герцога удалось выпросить всевышнего помилования. Главный судья герцогства получил указ удовольствоваться осуждением трех главных виновниц, а остальных, "хотя они и присутствовали все при смерти ребенка", помиловать и отпустить на свободу.

Чтобы показать, как выглядели внешне документы, готовящиеся на таких судебных процессах, я приведу здесь дословный перевод одного интересного протокола и приговора. Я отступлю от оригинала лишь в том, что кое-где буду ставить точку, ибо официальный текст имеет бесконечную длину и его закрученные фразы невозможно даже прочитать на одном дыхании. Речь вновь идет о свинье-убийце, но под судом она находится не одна, а с шестью поросятами, и обвиняются они в том, что причинили смерть пятилетнему мальчику. Случай этот произошел в Савиньи, где правом на жизнь и смерть подданных располагала помещица Савиньи. В судебном процессе участвовал и хозяин

свиньи, но никаких других неприятностей это ему не принесло.

Акт выглядит так:

"Дело обсуждалось в Савиньи нами, судьей благородным Николя Каррильоном, в день 10 января 1457 года, в присутствии названных и приглашенных свидетелей.

Мартин Хугемэн, прокурор благородной помещицы Савиньи, обвинил местного жителя Жана Балли в том, что во вторник перед минувшим Рождеством свинья и шесть поросят, в настоящее время находящиеся в заключении у вышеупомянутой помещицы, были застигнуты на месте преступления в момент убийства пятилетнего Жана Мартиэна. Произошло это по вине Жана Балли. Вышеупомянутый прокурор, желая принять решение от имени суда вышеупомянутой госпожи, задал вопрос вышеупомянутому обвиняемому, хочет ли он высказаться по упомянутому делу свиньи и поросят. После того, как он в первый раз, во второй раз и в третий раз был предупрежден, что, если у него нет возражений по сути дела, он может высказаться по вопросу виновности и наказания упомянутой свиньи, вышеупомянутый обвиняемый ответил, что ему нечего сказать, после чего вышеупомянутый прокурор обратился к нам с просьбой без промедления вынести приговор по делу. Исходя из этого, мы, вышеупомянутый судья, оповещаем всех, что принимаем следующий приговор:

С учетом того, что представленный нам прокурором случай в достаточной мере доказан, исходя из правовых традиций и законов герцогства Бургундского, заявляем и провозглашаем, что свинья Жана Балли, находящаяся во власти госпожи Савиньи, должна быть повешена за задние ноги на виселице во владениях госпожи Савиньи. Что касается молочных поросят упомянутой свиньи, мы заявляем и провозглашаем наше решение, что, хотя упомянутые поросята и были испачканы в крови, их вина доказана недостаточно, поэтому их дело подлежит выделению, и до следующего судебного дня они передаются на попечение Жана Балли при условии, что Жан Балли внесет 100 грошей в счет оплаты судебных издержек на тот случай, если вина поросят все-таки будет доказана.

После объявления приговора прокурор попросил доставить ему текст в письменном виде, на что я, нижеподписавшийся Хугенэн де Монтаго, придворный нотариус Его Высочества герцога Бургундского, выдал ему этот документ в вышеуказанный день и в присутствии вышеупомянутых свидетелей. Ita est 115".

В этом запутанном деле славный Монтаго, нотариус Его Высочества, составил еще три документа. В одном из них говорится, что не раз уже упомянутый Жан Балли заявил: у него нет ни гроша на покрытие судебных издержек, и вообще, он не согласен брать на себя какую-либо ответственность за поведение поросят в будущем. Второй документ посвящен приведению в исполнение смертного приговора в отношении свиньи и подтверждает, что приговор приведен в исполнение. Наиболее интересен третий документ, который рассказывает, как решилось дело осиротевших к тому времени поросят. Вышеупомянутый судья провел дополнительное заседание по вышеупомянутому делу в присутствии вышеупомянутых лиц 2 февраля и вынес поистине соломоново решение. Он заявил, что в связи с тем, что хозяин поросят не соглашается внести деньги и оплатить судебные издержки, шесть поросят могут считаться бесхозным скотом и, как таковой, подлежат передаче помещице, что соответствует юридическим традициям страны.

От такого решения выиграли все. Свиновод-хозяин был освобожден от оплаты ущерба, помещица получила поросят, официальные лица получили заработанные деньги, а поросятам не была вписана судимость.

РОМАНТИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Было бы неверно рифмовать барокко с романтикой. Но по-другому я не могу охарактеризовать группу правоведов, которая в начале XVIII века возникла в германских университетах и украсила сухую почву права цветами, хотя и странными. Кто имеет возможность познакомиться с диссертациями, материалами диспутов, трактатами и комментариями того времени, действительно почувствует, что перед ним открылось поросшее дикими цветами поле юридической жизни — цветами, но дикими.

Эти труды романтично обрабатывают юридические проблемы.

Их авторы испытывают остроту своего ума не на отдельных институтах права. Современный правовед, например, выбирает арендное право, вексельное право и по отдельности пишет труды большего или меньшего объема. Правовед германского барокко приступал к работе не так. Он выбирал человека или предмет и пропускал его через все институты права.

Были описаны права мельников, права пекарей, права кузнецов, права трубачей и даже уличных девушек. С одетой в парик серьезностью обсуждались права собак, права голубей, права пчел. Обсуждению подвергались юридические отношения, связанные с любовными письмами, правовые

возможности в отношении пощечин, решались правовые проблемы, возникшие в ходе появления привидений.

И все это — с характерным для барокко поиском помпы, бездушным блеском, подменяющим суть, с пустой диалектикой.

Словом, романтично.

СОБАЧЬЕ ПРАВО

"Де юре канум" ("Право собак") — под таким заголовком выпустил в 1734 году виттенбергский адвокат Хейнрих Клювер свой популярный трактат о правах собак. Это небольшое произведение можно было бы преподавать в школе как наглядный пример мышления эпохи барокко.

Первая глава занимается достоинствами собаки. В ней рассказываются истории о восприимчивости, верности собак. В 23 и 24 параграфах рассказчик заводит нас в неизведанные области. 23. Случилось, что курица одной бедной вдовы снесла должное количество яиц, но высидеть цыплят не смогла, ибо по какой-то причине сдохла. Бедная женщина в горе ломала руки. Не разводить ей больше кур, яйца не превратятся в цыплят. Но ее собака будто поняла ситуацию, улеглась на яйца и высидела цыплят. 24. Одна крестьянка-знахарка готовила специальный корм для кур, от чего куры несли хорошие яйца. Но этот корм съела собака, и чем же кончилось дело? Она, как курица, приносила одно яйцо за другим, пока не кончился эффект корма.

Лишь в третьей главе встречаются вопросы собачьего права. Мы встречаемся с домашними собаками и с бешеными собаками, вызывающими различные юридические проблемы. Появляется на сцене и живодер. Его роль не так проста, как об этом можно было бы подумать. По старым цеховым правилам занимавшийся живодерством человек не мог быть принятым в цех, ибо его профессия относилась к числу недостойных. Так вот, могло ведь произойти, что какой-то честный мастеровой убьет собаку. Возникает юридическая проблема: насколько можно считать этого мастерского человеком, временно занимающимся живодерством, так сказать, живодером-дилетантом?

Собаки доктора Клювера заглядывают и в право наследования. Мы узнаем, что собаку нельзя считать состоянием, наследуемым по кровному родству. Значит, собака остается в наследство супругу. А вот собачий ошейник передается по наследству супругу только в том случае, если он сделан из простого ремня. Если ошейник украшен серебром, он должен быть передан в наследство родственникам по крови.

Автор поднимает еще множество собачьих вопросов, но вместо них я познакомлю вас, пожалуй, с другим шедевром: этот трактат, выдержавший множество изданий, посвящен ребенку, родившемуся в почтовой карете.

РОДИВШИЙСЯ В ПОЧТОВОЙ КАРЕТЕ РЕБЕНОК И ПЛАТА ЗА ПЕРЕВОЗКУ

Полное название трактата выглядит так: "Kurtzes Be dencken uber die Juristische Frage: Ob eine schwangere Frau wenn sie war in der Reise auf den Wagen eines Kinder genesen fur selbiges Fuhre-Lohn zu geben gehalten ... ?" ("Короткое размышление по правоведческому вопросу: обязана ли беременная женщина, путешествующая в почтовой карете, оплачивать проезд ребенка, если он родится в пути..?" Йена, 1709).

Прежде, чем этот спорный ребенок родился бы в почтовой карете, автор решает вопрос, подобает ли одинокой женщине вообще путешествовать? Он цитирует йенского профессора Бейера, который решительно возражает против таких поездок: "guia suspectum reddunt oudicitiam" ("так как [женщина] ставит под сомнение свое целомудрие). Эту возможность — что целомудрие может оказаться под сомнением — признает и автор. Но он находит весомое оправдание: возможно, — пишет он, — у женщины есть какое-то дело, и она вынуждена путешествовать. А если кто-либо из спутников сделает ей скабрзное предложение, видя одинокую женщину, автор рекомендует на этот случай великолепный ответ с намеком на целомудрие. Соблазнительно надо ответить: "Если вы действительно любите меня, не желайте лишить меня того, что делает меня достойной любви". Для большего эффекта он вставляет эту фразу в текст на французском языке, слово в слово так, как будто он взял ее из какой-то французской книги анекдотов ("Si vous m'aimez vous ne songerez pas a me ravir ce quime rend aimable").

После этого происходит событие, послужившее основой дальнейшего анализа: путешествующая в одиночестве дама неожиданно рождает ребенка. Вопрос врачебной помощи автора не волнует, для него важен только правовой вопрос: надо ли отдельно оплачивать проезд только что родившегося ребенка? Говоря современным языком: надо ли покупать билет на ребенка?

Возможны два варианта:

1. Если женщина арендовала всю карету. В этом случае она имеет право пригласить в карету кого угодно, и возчик не имеет права требовать за него отдельную плату. Ребенок в таком случае также может считаться гостем.

2. Если она купила билет только на себя. Этот вариант обсуждался многими специалистами-учеными. Чаще других высказывалось мнение, что на ребенка билет покупать не надо: "quia partus est portio muheris vel visierum" (так как зародыш является частью женщины, точнее, ее нутра). Автор также придерживается этого мнения, но совсем по иной причине и, как видно, потому и написал весь трактат, чтобы заменить своей новой и неожиданной мотивировкой доводы старого времени. Вышеупомянутый довод, согласно которому ребенок составляет часть тела женщины и потому не может считаться самостоятельной личностью, как и другие внутренние органы женщины, не годится. Точнее, годится, но только до момента, пока ребенок находится внутри матери. Как только он покидает чрево матери, его можно считать самостоятельной личностью.

Каков же новый решающий довод?

1. Ребенок не занимает отдельного сидячего места, значит, возчик не несет ущерба. Если мать не в состоянии держать его на руках, его тоже не следует устраивать на место для сидения, а надо положить на солому на пол кареты.

2. Возчик видел, что женщина находится в положении, значит, должен был рассчитывать на увеличение количества пассажиров.

Это ясно. Но изменится ли ситуация, если женщина предусмотрительно везет с собой колыбель? Да, изменится, потому что колыбель занимает место в карете. Но и в этом случае надо платить не за ребенка, а за колыбель. Но только в том случае, если возчик докажет, что занятое колыбелью место он мог бы продать другому пассажиру.

Еще одно осложнение: женщина не хочет платить за колыбель. Что может сделать в таком случае возчик? Он может не возвращать женщине колыбель. Да, но по какому праву? Как предмет залога или же только на временное хранение? Это разные вещи, ибо если есть только право временного хранения, то при окончательном расчете возчика может опередить другой кредитор, имеющий какой-либо предмет залога. После цитирования многочисленных юридических авторитетов автор приходит к выводу, что возчик имеет только право на временное хранение. Если кто-нибудь сомневается в правильности цитат, — пишет автор в заключении, — пусть перелистает книгу доктора Харпрехта "Recht der Fuhrleute" ("Права возчика"). В этой признанной авторитетами книге все это можно найти на 63 странице 1 раздела 4 параграфа 1 части книги.

Я не сомневаюсь, поэтому и не листал эту авторитетную книгу.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЮБОВНЫХ ПИСЕМ

Если уж я занимался юридическими сложностями, возникшими в результате рождения ребенка, коротко остановлюсь и на том, что этому предшествовало.

Экскурсию в эту мало изученную область права совершил виттенбергский юрист Бернард Пфретцшер, который и написал представляющую общественный интерес работу о любовных письмах: "De litteris amatoris Von Liebesbriefen" ("О любовных письмах". Виттенберг, 1744).

Трактат делится на две части. Он отдельно разбирает чистую любовь и отдельно — грешную.

Первый вариант, первый вопрос: любовное письмо несовершеннолетнего молодого человека насколько обязывает его жениться? Ответ: если родители дали согласие на написание этого письма, то обязывает. В противном случае — нет. Решение правильное, хотя на практике со времен Папиниана¹ вряд ли бывал случай, чтобы любовные письма писали с родительского благословения.

Другой вопрос: обязывает ли на заключение брака любовное письмо психического больного? Вопрос не прост, потому что, если мы тщательно проанализируем варианты, найдутся несколько случаев, когда именно любовь свела с ума автора письма. Иногда в такой степени, что он становился похож на сумасшедшего. По мнению отдельных юристов таких действительно следует считать психически больными. Значит, любовное письмо ни к чему их не обязывает. Мнение автора: для точного и полного определения степени помешательства следует выслушать мнение медиков-специалистов.

Другой сложный случай: насколько обязывает любовное письмо пьяного человека? Все зависит от степени опьянения, — считает автор.

Надо очень осторожно подходить к анализу не совсем ясных заявлений, сформулированных в любовных письмах. Мнения юристов совпадают в том, что не имеют обязательного характера высказывания общего смысла, банальные по своей сути. Например: "Ты моя. Будь моей" и т. д. С

другой стороны, следует считать обещанием жениться такие усложненные фразы, как: "Я хочу, чтобы ты была моей, что бы ни говорили люди "; "Ты моя, мое сердце, я никогда тебя не оставлю "; "Только смерть разлучит нас с тобой ".

В книге много полезных советов для переписывающейся молодежи. Особенно последняя фраза из собрания примеров: "Если я когда-нибудь женюсь, я женюсь только на тебе ". Автор становится на строго юридические позиции и относит это заявление к разряду условных обещаний. Согласно правилу "lex permittens ", при отлагательном условии договор вступает в силу с момента, когда соблюдено условие. Таким образом, если автор письма никогда не женится, он не обязан жениться на данной девушке.

Последний вопрос из области чистой любви: что произойдет, если адресат не ответит на письмо? По мнению автора, адресат и не обязан отвечать. Достаточно действенное заявление обязывает и в том случае, если почтенная дама не ответила. В случае сомнения женщина должна под присягой показать, как она поняла письмо.

На грешную любовь автор много времени не тратит. К этой категории относятся письма, написанные семейными людьми. Такие письма, которые они написали третьим лицам. Если такой поступок совершает жена, муж может выбирать из двух вариантов:

1. Если женщина поступила так по неопытности или бездумно, ее следует простить.
2. Если она действовала сознательно, муж может надавать ей пощечин. И по другим соображениям рекомендуется в нужное время применить пощечины, чтобы потом не пришлось прибегнуть к более суровым формам наказания.

А если жена разоблачит мужа? Она не может воспользоваться пощечиной как средством возмездия или устрашения, а должна мирно урегулировать дело.

Этим указывающим на предвзятость рассуждением автор, по его мнению, навел порядок в отношении правовых аспектов любовных писем.

Когда я изучал этот небольшой трактат, мне бросилось в глаза утверждение автора, что от любви можно сойти с ума. Известно, что испанец Кеведо¹¹⁷ написал книгу о больнице, в которой лечили людей, которых любовь свела с ума. Но ведь это всего лишь шалость великого сатирика XVII века. В противовес ему в солидном ученом облике предстало предо мною мнение медицинского факультета Хельмштадского университета, высказанное в 1726 году.

Причиной случившегося было то, что юный богослов евангелической церкви влюбился в служанку своего отца. Девушка была реформаткой, поэтому их браку препятствовал религиозный зазор. Однажды верующие нашли в евангелическом храме записки, оскорбляющие их религию. Расследование обнаружило, что их автором был юный богослов. Но почему молодой человек оскорблял собственную религию? Его вызвали на заседание церковного совета, и он во всем признался. Он хотел, оказывается, вызвать возмущение у евангелических священников, чтобы в ответ они еще сильнее ударили по реформатам. После этого должна была разгореться оживленная дискуссия по вопросам веры, и девушка под тяжестью звучащих доводов перейдет в лоно евангелической церкви.

Запутанная любовь богослова!

Церковные власти заподозрили что-то и обратились к медицинскому факультету Хельмштадского университета. Ответ был таков:

"Responsum Facultatis Medicae" (Решение Медицинского Факультета). После того, как нас познакомили с документами в отношении кандидата богословия Ц. Х. и запросили наше мнение, можно ли по этим документам определить о вышеупомянутом кандидате *Judicium rationis per nimium amorem* (то есть что он сошел с ума от огромной любви), по этому вопросу Мы, Декан, Сеньор и Профессора факультета, тщательно проанализировали дело и пришли к выводу, что изложенные в документах обстоятельства действительно позволяют считать, что в голове у данной персоны не все в порядке, ибо *A tog frustraatus* (любственное разочарование) может вызвать у склонных к меланхолии людей помутнение рассудка, после чего он способен совершать непредсказуемые поступки".

Шло время, любовная история богослова продолжала свой путь в бумажном лабиринте. Мнение медицинского факультета было переправлено на правоведческий факультет Виттенбергского университета. Там была назначена медицинская экспертиза. Врачи пригласили богослова, осмотрели его и составили протокол, согласно которому дело завершилось совершенно неожиданно: богослов заявил, что он абсолютно здоров и давно уже не влюблен...

ПРАВО, СВЯЗАННОЕ С ПРИВИДЕНИЯМИ И С ПОЩЕЧИНАМИ

Отцом романтического правоведения был работавший в университете в Галле Самуэль Стрик,

или на латыни Стрикиус. Он был деканом правоведческого факультета, тайным советником, словом, авторитетным ученым мужем, который своими многочисленными трудами обогащал юридическую литературу. Одна из самых известных его книг — "De jure spectorum" ("Право привидений", Галле, 1700).

В этом труде он выясняет запутанные правовые вопросы, возникающие в процессе явления привидений.

Особенно много сложностей вызывают хулиганствующие духи, когда речь идет об арендном праве. Может ли жилец отказаться от арендуемой квартиры, если в ней появились привидения? Если присутствие духов можно перенести, например, если они негромко стучат или подвывают в дальних углах дома, отказаться от аренды нельзя. В более сложных ситуациях жилец имеет право отказаться от аренды. Владелец дома обязан принять такой отказ, за исключением случаев, когда он может доказать, что ранее в доме никаких беспорядков не было, а привидения появились в нем только потому, что новый жилец восстановил против себя ведьм и колдунов.

В случае, если явление привидений бывает доказано, договор о купле-продаже объявляется недействительным. Больше того, если зять получил в приданое такой дом, он может вернуть его тестю и потребовать исполнения приданого. В доме с привидениями осуществляется и освобождение от уплаты налога на дом.

Злой дух может поселиться не только в доме, но и в людях. Что произойдет, если он вселится в одного из супругов? Если это выявится еще в стадии помолвки, другая сторона имеет право отказаться от брака. Но, если брак уже заключен, надо терпеть. Развода быть не может. Пример: с одной кроткой женщиной случилось, что в нее вселился кобельд. Присутствие злого духа проявилось в том, что женщина становилась все грязнее, а из дома одна за другой пропадали все ценные вещи. Муж совершенно разорился, но должен был оставаться рядом с женой, потому что женщина так опустила из-за кобельда, сама она не была виновата в этом.

Важный вопрос: найденные при помощи духов сокровища должны ли принадлежать нашедшему их или должны быть конфискованы в пользу государства? К данному случаю надо подходить осторожно, потому что возможно, что охраняющий сокровища дух послан не дьяволом, а является добрым духом. Есть различные варианты и в случае участия злого духа. Если дух не делает ничего, кроме того, что сообщает, где хранится сокровище, а человек сам находит его и приносит домой, он является законным обладателем этого сокровища. Но если дух учит тайным заклинаниям, с помощью которых можно получить сокровище, то есть предоставляет средства к их достижению, сокровища могут быть конфискованы.

Профессор Стрикиус распутывает далее целый узел сложных вопросов. Можно ли объявить умершим находящегося в отлучке мужа, если душа его появилась как привидение? Нет, потому что такое явление может быть и плодом мошенничества.

— Достаточным ли доказательством в случае убийства является явление окровавленного духа жертвы? Нет, по той же причине. — Можно ли оправдать преступление, если виновного уговорил совершить его кобельд? Только в том случае, если можно доказать, что кобельд долго уговаривал его и пригрозил: если тот будет сопротивляться, он свернет ему шею.

Другой известный труд декана Стрикиуса посвящен вопросам, связанным с правом пощечины. Он называется "Tractato juridica de alapa" ("Юридический трактат о пощечине").

Работа состоит из четырех глав; это демонстрирует серьезность и фундаментальность правовой разработки. Названия глав:

I. De alapae descriptione, или определение понятия "пощечина".

II. De subiecto active, или кто дает пощечину.

III. De subiecto passive, или кто получает пощечину.

IV. De effectu alapae, или последствия пощечины. Я не буду следовать научным рассуждениям профессора, только, как дилетант, отмечу то, что следует знать о его труде. Можно было бы подумать, что вся первая глава является, по сути дела, лишней, ведь пощечина — это пощечина, и объяснять тут нечего. Если бы это было так! Не может быть двух мнений о том, что если кого-то лягнули ногой по лицу, то это не пощечина. Но существуют значительные различия, когда пощечину отпускает человек, у которого на руке отсутствуют все пальцы. Произошел ли хоть один случай со времен сотворения мира, это не имеет значения. Возможность ситуации — вот что волнует настоящего правоведа. Словом, такая пощечина — уже не пощечина.

О гуманизме автора свидетельствует тот факт, что он утверждает, что хозяин не имеет права давать пощечину слуге. Но в определенных случаях муж имеет законное право дать пощечину жене, конкретно, в случае, если он застал ее целующейся с другим или — как мы уже знаем — если она пишет любовное письмо чужому мужчине или уходит из дома и возвращается только поздно вечером. Но если пощечина будет такой сильной, что из носа у женщины пойдет кровь, то это уже может быть

поводом для развода.

А что будет, если жена даст пощечину мужу? Возможны два варианта:

1. Если муж сильнее, чем жена, он спокойно даст ей сдачи;

2. Если он слабее и акция возмездия не обещает быть успешной, он подаст на развод. В обоих случаях у мужа есть альтернативное право смириться с пощечиной и никак не отвечать на нее.

На устное оскорбление отвечать пощечиной запрещается. Этот юридический принцип важен уже потому, что возникает следующий правовой вопрос: если во время бала какой-либо господин приглашает на танец какую-либо даму, а дама отказывает ему в танце, имеет ли право данный господин дать пощечину данной даме? Ответ, естественно, отрицательный, потому что, с одной стороны, дама имеет право танцевать с тем, с кем хочет, с другой стороны, если отказ в танце и можно считать оскорблением, он является оскорблением устным, отвечать на него пощечиной, как известно, запрещено.

На танцевальных вечерах и других подобных праздниках могут произойти и другие события. Мужчины с низкой нравственностью обычно ведут себя так, что дотрагиваются до высокоморальных девушек так, как это совсем не требуется во время танца. В таком случае провинившемуся сразу можно отвесить пощечину, ибо юридическое правило гласит: кто как провинился, так и должен быть наказан. Проступок грешной мужской руки может быть отмщен женской рукой.

Много полезных сведений можно найти в области относящегося к пощечине права, но это уже может представлять интерес для историков права.

Подобного рода юридические трактаты периода барокко занимают огромное место на книжных полках крупных библиотек. Писали труды по вопросам права незамужних, горячо спорили, может ли надеть фату невеста, которую в девичестве изнасиловали? Один правовед утверждал, что может; фата является символом целомудрия, а изнасилование связано лишь с физическими последствиями, целомудрие девушки при этом не страдает. Правоведы-буквоеды возмущались: каким бы образом ни лишили девушку невинности, она не может предстать с ее символом перед алтарем. Было и промежуточное мнение: хорошо, пусть девушке нельзя надевать в таком случае фату, но вот стоимость фаты она имеет право требовать с жениха.

Докторант по имени Саймон Кристоф Урсинус вымучил из себя научный трактат о правах уличных девиц, видимо, старательно изучив на практике эту проблему ("De quaestu meretricio"). Когда можно назвать женщину "меретрикс"? Если она раздает свои милости за деньги. А если она не принимает деньги, сколько кавалеров требуется, чтобы она заслужила это имя? Наука не высказывает по этому поводу однозначного мнения. По мнению некоторых авторов, однако, для этого необходимо иметь сорок (!) кавалеров. То, что мы дали меретрикс, нельзя требовать назад; если мы получили кредит и оставили за него что-то в залог, залог надо выкупить. Если мы не заплатили и не оставляли залог, а только пообещали гонорар, обещание имеет обязательный характер. От острых глаз юного правоведа не ускользнул ни один вариант. Может ли меретрикс оставлять завещание? И если да, то может ли она основать благотворительный фонд? Здесь автор, видимо, думал о Фрине, которая, по слухам, предложила построить крепостные стены Тебы на заработанные ею деньги. Самый запутанный правовой вопрос: если такая девушка свернет с пути гражданской бережливости и начнет легкомысленно тратить заработанные деньги, можно ли учредить над нею опеку? Ответ отрицателен, благодаря этому автор избегает необходимости анализировать, как можно представить деятельность опекуна.

Писали о праве бороды, праве молчания, праве носа, праве ног, праве рук, больше того, по отдельности о праве правой руки и праве левой руки, а также о правах отдельных пальцев и т. д.

И т. д.?

Даже у него есть свои права?

Вот именно, скромное и ничего не говорящее выражение "и так далее", которое никогда до сих пор не жило самостоятельной жизнью, а покорно следовало за сутью, довольствуясь тем, что только указывает на существование более высоких и знатных понятий, это влачившее жалкую жизнь парии выражение "и так далее", которое никто и никогда не замечал и не ценил, благодаря профессору Стрикиусу вышло из толпы парий и с высоко поднятой головой присоединилось к остальным правовым понятиям, как гадкий утенок, о котором выяснилось, что он — белоснежный лебедь.

Стрикиус написал о нем книгу под названием "Tractatio Juridica de Etcætera". То есть "Юридический трактат об "И так далее". Какова история "и так далее"? В чем его суть? Когда можно применять его? К каким бедам может привести его неправильное применение? И так далее. Например, если в каком-то правовом акте надо перечислить все титулы находящегося на троне владыки, нельзя на третьем или четвертом титуле прервать перечисление, ради краткости вписав туда "и так далее". Кроме того, нотариус несет ответственность за составленные у него документы, поэтому он должен избегать применения "и так далее", потому что недобрый клиент может придаться к этому.

Из великолепного трактата мы узнаем также, что в те времена считалось тяжким оскорблением, если кому-то говорили: "Ты и так далее!" ("Du Etcaetera!") Хотя — как мы это уже знаем — пощечину за такое оскорбление дать было нельзя, но заявить на оскорбителя можно было, и судья обязан был строго наказать его. Строгие наказания, видимо, годились не только для возмездия. В результате применение этого выражения в качестве оскорбления постепенно прекратилось, тем самым восстановлена была и честь "И так далее".

И так далее.

Одиннадцатого марта 1878 года Академия Наук Франции стала местом интересного события. Ученый-естествовед Дю Монсель представил новое изобретение Эдисона — фонограф. Велико было изумление собравшихся, когда маленькая безжизненная машина вдруг заговорила и точно повторила только что прозвучавшие слова представления.

После небольшой паузы старый академик Булло вскочил из своего кресла, бросился к Дю Монселю и с несколько удивительной для ученого горячностью схватил того за горло... "Мерзавец, — кричал он. — Не хватало, чтобы какой-то чревоушатель дурил нас!"

Об этой истории рассказывает ее свидетель, Камиль Фламарион¹¹⁸, в первой главе своей книги "L'inconnu" ("Неизвестный"). Он добавляет при этом, что разозлившийся старик не успокоился и через полгода. 30 сентября Академия проводила очередную сессию, и упрямый скептик попросил слова и заявил, что он все спокойно обдумал, но остается при своем мнении: фонограф был фокусом чревоушателя. "Ибо не может быть, — сказал он, — что благородные органы человеческой речи в состоянии заменить ничтожный металл".

Потомки ничего не знали бы о милом старце, если бы Фламарион не увековечил его имя. Но был другой член Академии, который действительно обессмертил свое имя, — Лаланд, великий астроном. В 1782 году Бланшар представил миру свою летающую и управляемую лодку. Фантазия публики не знала границ, все уже представляли стаи летающих людей над Парижем. Лаланд поторопился охладить пыл. Он написал статью для "Журнала де Пари" в номер от 18 мая 1782 года. В этой статье тяжестью науки он опускал летающую лодку на землю. "С какой стороны мы ни взглянули бы на проблему, — писал он, — абсолютно невозможно, чтобы человек поднялся в воздух и оставался там. Для этого нужны крылья огромного размера, и ими надо двигать со скоростью три фута в секунду. Только сумасшедший может подумать, что такое осуществимо".

5 июня 1783 года братья Монгольфье подняли в воздух первый воздушный шар...

Спустя месяц, 11 июля 1783 года, изобретатель парохода маркиз Жоффруа совершил первую поездку на колесном корабле по реке Сене. Свое изобретение он представил на рассмотрение правительству. Правительство переслало его в Академию. Ответ: эксперимент ничего не доказывает, этим делом заниматься не стоит.

Первых завоевателей воздушного и водяного океанов провалила на экзамене научная экзаменационная комиссия. Не больше удачи выпало и пионерам железной дороги. Официальная наука махнула рукой на изобретение: этот паровоз никогда не сдвинется с места, потому что его колеса будут вращаться впустую. Но колеса не прислушивались к шарикам ученых мозгов: они вращались, вращались, и паровоз поехал. Тогда было выдвинуто опасение, что быстрая езда навлечет на человечество тяжелые заболевания. По мнению Баварской королевской медицинской коллегии, у того, кто едет по железной дороге, будет сотрясение мозга, а у того, кто смотрит на нее со стороны, будет головокружение. По этой причине, — говорилось в ответе, — если уж государство пойдет на этот опасный эксперимент, пусть построит, по крайней мере, вдоль всей железной дороги ограду из досок высотой с железнодорожный вагон.

Фламарион выставил к позорному столбу еще многих ученых.

Падение метеоритов на протяжении веков видели, наблюдали, регистрировали в разных частях Европы. Они представляли глазам посетителей музеев, лежа в стеклянных витринах рядом с письменными свидетельствами, указывающими, где и когда они упали. Наконец Академия тоже очнулась от научной дремы и поручила Лавуазье, великому химику, подготовить доклад об этих фантастических камнях. На основании доклада Академия пришла к выводу, что все это невероятно, за действительность принятым быть не может, потому что камни с неба падать не в состоянии. Эти подозрительные камни выплюнул на свет какой-то неизвестный земной вулкан.

Проект проходящего по морскому дну кабеля академик Бабинэ назвал несерьезным. — С изобретателем газовых светильников Лебоном разделались, заявив, что лампа без внутренностей гореть не может. — Когда Гарвей выступил со своей теорией кровообращения, ученые коллеги с таким азартом набросились на него, что распугали даже всех его пациентов. В Парижском университете еще даже в XVII веке преподавались закостеневшие догмы школы Аристотеля, а на отважных рационализаторов подавались жалобы в Парламент. А Парламент в 1624 году принял решение о высылке их из Парижа и под страхом смертной казни запретил "преподавание новых идей,

не соответствующих идеям признанных авторов".

Коллеги Гальвани в университете в Болонье нацепили ему на голову колпак с колокольчиками: высмеяли его и окрестили "танцмейстером лягушек".

В 1840 году французская Академия решила удостоить вниманием то странное явление, которое в те времена называли "животным магнетизмом" или "сомнамбулизмом" и о котором рассказывали чудеса. Сегодня это называется гипноз. После изучения проблемы было принято решение, что Академия в будущем будет уделять этим экспериментам внимания не больше, чем мании перпетуум-мобиле или химерам, связанным с квадратурой круга.

Собрание примеров Фламариона я дополнил бы судьбой Эдуарда Дженнера, бессмертного представителя английской медицинской науки, основоположника оспопрививания. Когда он высказал идею, что бороться против оспы, этого проклятия человечества, надо с помощью прививок от больных коров, на него накинута озверевшая стая коллег. Они избивали отважного новатора статьями и памфлетами. Некий доктор Мозель в своем возмущении обратился к общественности с пророческими словами: "Кто может сказать, какие последствия ждут нас, если мы вольем в человеческий организм сок животных? Какие мысли могут родиться спустя несколько лет в человеческом мозгу, отравленном жаром животных? Как скажется на человеческом характере влияние четвероногих?" Эти эффектные слова подхватили и другие. Доктор Рейли поместил на обложке своей брошюры цветной рисунок юноши с бычьей головой. Доктор Смит перемешал пену своей злобы с ядом лжи и не постеснялся в качестве устрашающего примера упрекнуть простодушного Дженнера печальным случаем. Жертвой был мальчик, которому сделали прививку из коровьей лимфы и который после прививки начал ходить на четвереньках; он мычал, как корова, и бодался, как бык.

Кому недостаточно этого краткого обзора, пусть перелистает историю изобретений и открытий; подобные случаи будут сыпаться на него, как отливающие металлическим блеском жуки с коровьих лепешек.

ДОВЕРЧИВЫЕ НЕВЕРУЮЩИЕ

Великий Химик, который взвешивает, смешивает и переливает жидкое вещество человеческого головного мозга, иногда как-будто приходит в шутовское настроение: он смешивает разнородные частички и ехидно радуется, какую странную массу ему удалось слепить.

Человек с таким перемешанным мозгом усваивает глубочайшие знания, разбирается в самых сложных ходах науки, раскрывает самые сокровенные тайны природы. Но он не может распознать сплетенную обыкновенным мошенником паутину лжи и с удивительной наивностью позволяет, чтобы ему буквально вдели кольцо в нос и заставили танцевать, как это делают ярмарочные комедианты с неуклюжим медведем. А ведь речь идет о таком же блестящем ученом, являющемся таким же украшением академий и университетов, как его коллеги-скептики, установившие скрипящие тормоза на колеса телеги прогресса.

Мы знаем академиков, которые позволяли обманывать себя так, как это не позволили бы не только бессмертные старцы, но и сообразительные школяры.

Героем из героев был Мишель Шазль, всемирно известный математик, достойный член Академии наук, автор новаторских научных трудов, обладатель золотой медали лондонского Королевского общества, зарубежный член Берлинской, Петербургской, Брюссельской, Римской, Стокгольмской, Мадридской и других академий. В течение восьми лет, с 1861 по 1869 годы, ученого дурачил один полуграмотный мошенник. За солидные деньги он продавал ему фальшивые письма знаменитостей мировой истории. Не десяток-другой, не сотню-другую, даже не тысячу-другую. За восемь лет он продал 27345 (двадцать семь тысяч триста сорок пять) писем. По основной научной специальности академика в его коллекции хранилось 1745 писем Паскаля, 622 письма Ньютона и 3000 писем Галилея. Великолепно разбиравшийся в математике ученый, не считая, выбрасывал деньги на эти письма. За восемь лет мошенничества он выплатил жулику 140000 (сто сорок тысяч) франков.

Паук не в состоянии так ловко оплести паутиной муху, как ловко сделал это мошенник по имени Врэн-Люка с потерявшим голову ученым. Вот сказка, которой он пользовался:

Граф Буажурден, бывший сторонник короля, бежал от революции. Он сел на корабль и направился в Америку. Поблизости от берегов корабль попал в шторм, утонул, а граф погиб в волнах. Спасательная экспедиция среди обломков корабля обнаружила сундук, в котором хранилась бесценная коллекция рукописей, принадлежавшая графу. После разгрома революции наследники получили драгоценный сундук, хранили его как семейную реликвию, но второе поколение уже не испытывало того почтения к памяти предков; разорившись, оно нуждалось в деньгах и было согласно продать несколько писем. Естественно, в тайне, чтобы самолюбие родни не было оскорблено. Несколько писем

постепенно разрослись до 27345 штук, а ученый с голодной жадностью коллекционера бросался на письма, предлагаемые во все увеличивающихся количествах.

Письма были написаны на бумаге, вырванной из старых книг, старинным шрифтом. Автор подделки позаботился даже о том, чтобы выдержать бумагу несколько дней в соленой воде. Это соответствовало сказке о кораблекрушении и должно было помочь развеять возможные подозрения.

О бесконечной наивности великого математика свидетельствует тот факт, что он даже не поинтересовался: существовал ли вообще эмигрант по имени граф Буажурден? Правда ли, что он погиб в море? Кто его наследники? Где они живут? Возможно ли лично встретиться с кем-нибудь из них и осмотреть всю коллекцию? Все сомнения были рассеяны нахальным трюком фальсификатора: он продал ученому несколько редких писем, получил за них солидные деньги, а спустя несколько дней явился с грустным выражением лица и заявил, что просит вернуть письма, вот полученные за них деньги; дело в том, что один из наследников, генерал старого закала, страшно разозлился, узнав о случившемся. Он запретил продажу других писем и потребовал возвращения этих. Если и были в душе ученого какие-то сомнения, они тут же развеялись, как облака в летний день. Он сам умолял посредника, чтобы тот успокоил старого генерала, ведь у него, академика, письма находятся в надежном месте. Врэн-Люка взял на себя эту сложную задачу, уговорил старого ворчуна, и сокровища потекли из сундука в шкаф господина Шазля. Было, однако, в этой истории одно слабое место. Паскаль и Ньютон писали письма на французском языке, и ловкая фальшивка могла обмануть неопытный глаз. Но вот Александр Великий-то как мог переписываться на французском языке с Аристотелем, а Клеопатра на французском языке писать письма Юлию Цезарю? Ибо в первой сотне писем, извлеченных из сундука, были и такие редкости. И даже еще более странные, как это выяснится в дальнейшем.

Мошенник, не спотыкаясь, вел нить своего сказания. С удивительной ловкостью он продолжал ткать полотно рассказа. "Эти старые письма — не оригиналы, а переводы, сделанные в XVI веке, — говорил он. — Нет никаких сомнений, что оригиналы в то время еще существовали и переводы достоверны. Собрание оригиналов хранилось в Турском аббатстве, в архиве, там и были сделаны переводы. Оригиналы, правда, с тех пор затерялись, но сам Людовик XIV считал эти переводы достоверными и включил их в свое собрание рукописей. Вместе с мадам Помпадур он расширил коллекцию, которая в числе других королевских сокровищ сохранилась до Людовика XVI. Этот несчастный король в период революционных бурь подарил коллекцию графу Буажурдену, чтобы она не попала в недостойные руки якобинцев".

Ученый сохранял полное спокойствие.

И до самого заката своей жизни он мог бы наслаждаться созерцанием своей в тайне хранимой коллекции, если бы тщеславие не толкнуло его на то, чтобы с частью экспонатов выйти перед публикой. Руководили им не собственные амбиции, а национальная гордость француза.

Приобретенными им за большие деньги письмами он хотел доказать, что закон всемирного тяготения открыл не англичанин Ньютон, а француз Паскаль. Заслуга принадлежит французскому гению, и в империи физики он должен быть возвращен на трон, с которого его вытеснили англичане без всяких на то оснований.

15 июля 1867 года состоялась знаменательная сессия Академии наук, на которой Мишель Шазль выступил с заявлением и предоставил доказательства: переписку Паскаля с юным студентом Ньютоном, приложенные к письмам заметки, в которых излагался закон всемирного тяготения, и адресованные Паскалю письма матери Ньютона, в которых она выражает благодарность за проявленную в отношении ее сына доброту.

Это было как взрыв! Древнее сравнение с взбудораженным муравейником не в состоянии выразить наступивший после заявления переполох. Большинство аплодисментами приветствовало Шазля, ученого-патриота, вернувшего французскому гению утраченную славу, похищенную чужеземцем. Больше того, нашелся один известный химик, который подверг анализу чернила, использованные при написании одного из писем, и авторитетно заявил, что чернила изготовлены именно в тот период, к которому относится письмо. Но некоторые скептики кривили-таки рты. "Что-то тут не чисто, — говорили они, — ибо, судя по дате написания первого письма, Ньютон в то время был 12-ти летним школяром, так что невероятно, чтобы Паскаль доверил свое великое научное открытие такому мальчугану". Бросались в глаза и другие мелкие неточности, анахронизмы, которые ставили под сомнение подлинность писем. Включился в дискуссию и англичанин -сэр Дэвид Брюстер, знаменитый биограф Ньютона. Он прямо заявил, что вся эта переписка — фальсификация, и, вообще, всем известно, что Ньютон начал заниматься физикой намного позже, а закон гравитации во время переписки Паскалю не мог даже сниться.

Профессор Шазль не потерял равновесия духа. Французским скептикам он ответил так, как принято в таких случаях: вы — плохие патриоты, не помогаете, а мешаете. Против английского

ученого он бросил в бой свежую партию боеприпасов: письма от Галилея. Итальянский ученый адресовал их юному Паскалю и затрагивал в них, в частности, теорию гравитации. Следовательно, Паскаль занимался гравитацией уже тогда, когда Ньютон не родился.

Напрасно его убеждали в том, что Галилей в то время, когда якобы писались письма, был слеп. Через несколько дней он представил подлинное письмо Галилея на итальянском языке. Старый итальянец с радостью сообщал, что состояние глаз у него улучшилось и он вновь может брать перо в руки. В ответ противники нанесли решающий удар: одно из писем Галилея дословно переписано из вышедшей в 1764 году, то есть спустя более чем сто лет, французской книги. Книга называется "История современных философов", написал ее Саверьен. "Ха-ха, — ответил упрямый академик. — Все было наоборот. Саверьен украл текст письма Галилея". И положил на стол письмо, адресованное Саверьеном мадам Помпадур. В нем автор выражает благодарность за то, что маркиза предоставила в его распоряжение из своей коллекции письма Паскаля, Ньютона и Галилея, оказав тем самым большую помощь в подготовке труда о современных философах.

Конечно, и говорить не надо, что все эти новые доказательства также были извлечены из мастерской Врэн-Люка.

Кто ж такой был этот Врэн-Люк?

Сын провинциального садовника, он окончил только начальную школу, но, оказавшись в Париже, проводил все свободное время в библиотеке, проглотил множество книг и, как все самоучки, нахватался абсолютно бессистемных знаний. Он стал конторщиком у одного парижского специалиста по генеалогии, который за большие деньги составлял родословные. Там он научился основам фальсификации документов. Случайность свела его с по-детски наивным академиком, он осознал возможность и начал грандиозную фальсификационную операцию, о которой вначале и сам не думал, что она пройдет с таким наполеоновским триумфом.

Два полных года бились волны приливов и отливов научного спора. Шазль категорически отказывался рассказать, как ему достались эти письма. Он тактично хранил тайну семьи Буажурдена. Когда его совсем прижали к стене, он открыл свои шкафы перед несколькими коллекционерами автографов и представил им все свои сокровища. С помощью фантастических редкостей он хотел доказать подлинность их происхождения.

Коллеги-коллекционеры с изумлением смотрели на открывшиеся перед ними чудеса. Там хранились 27 писем Шекспира, 28 — Плиния, по 10 — Платона и Сенеки, 6 — Александра Великого, 5 — Алкивиада и сотни писем Рабле. Отдельными пачками лежали в ящиках написанные много столетий назад письма влюбленных: некоторые из них были адресованы Абеяром Элоизе, 18 — Лаурой Петрарке, а одно — жемчужину коллекции — сама жемчужеподобная Клеопатра написала Юлию Цезарю. И когда казалось, что этим все интересное уже было исчерпано, старый академик с легкой улыбкой достал письмо Аттилы, затем — письмо Понтия Пилата императору Тиберию, а в заключение продемонстрировал письмо Марии Магдалины, адресованное воскресшему Лазарю!

Это уникальнейшее послание гласило:

"Мой горячо любимый брат, что касается Петра, апостола Иисуса, надеюсь, что мы скоро увидим его, и я уже готовлюсь к встрече. Наша сестра Мария также рада ему. Здоровье у нее довольно хилое, и я поручаю ее твоим молитвам. Здесь, на земле галлов, мы чувствуем себя так хорошо, что в ближайшее время домой возвращаться не собираемся. Эти галлы, которых принято считать варварами, совсем не являются ими, и из того, что мы здесь наблюдаем, можно сделать вывод, что свет наук разольется отсюда по всей земле. Мы хотели бы видеть и тебя и просим Господа, чтобы он был милостив к тебе. Магдалина".

Только такой фанатичный патриот Франции, как Шазль, мог не заметить бросающейся в глаза тенденциозности. Размахивающие светящимися факелами науки предки галлов нужны были в письме, чтобы французское сердце Шазля вздрогнуло, и он не жалел денег на документ, с огромной силой доказывающий гениальность галлов.

Но для других его соотечественников это уже было слишком. Марию Магдалину перевернуть они не смогли и обратились к профессору с просьбой разрешить ученым и экспертам по почеркам исследовать коллекцию. Профессор был неумолим. Свой отказ маниакальный безумец с хитрым упорством мотивировал так: "От этой проверки ждать нечего, ибо ученый не является экспертом по почеркам, а эксперт по почеркам — не ученый".

Он и в этот раз не поддался и о самой явной фальшивке готов был доверчиво дать клятву, что это подлинник.

Лавину обрушила случайность. Маэстро Врэн-Люка смошенничал и в своих отношениях с имперской библиотекой и попал в руки полиции. Там заинтересовались и другими его делами и распутали нити сказки о Буажурдене. Признание жулика сломало профессора. На состоявшейся 13 сентября 1869 года сессии Академии наук он с раскаянием признал, что его крепко обманули и слава

открытия гравитации по праву принадлежит Ньютону.

Врэн-Люка в суде цинично защищался. Он не нанес ущерба господину Шазлю, ибо восторг, доставленный подделками, стоит 140 тысяч франков. Кроме того, он оказал услугу родине, направив всеобщее внимание на ее славную историю.

Родина оказалась неблагодарной. Врэн-Люка был осужден на два года тюремного заключения.

Смех не убил Мишеля Шазля. Он переварил боль разочарования, позор судебного заседания. Не смог он переварить только паштет, который тяжким грузом лег на его желудок, когда профессору было восемьдесят восемь лет. От этого он и скончался 8 декабря 1880 года.

* * *

Стоило бы составить антологию случаев с обманутыми учеными. Ее название, правда, было бы неудачным; вместо цветочной гирлянды получилась бы гирлянда из овощей.

К разряду невинных относится шутка Фонтенеля. Почтенный старец, который вообще-то дожил до ста лет и был генеральным секретарем Академии наук, пригласил к себе на обед коллег из академии. После обеда все вышли прогуляться в сад, где хозяин обратил внимание гостей на странное явление. "Потрогайте, господа, этот стеклянный шар. На него сейчас прямо светит солнце, а он вопреки этому в верхней части холодный, а в нижней — теплый. В чем может быть причина этого?" Ученое общество шупало шар и размышляло. Звучали мудрые и обоснованные мнения. Наконец Фонтенелю надоели объяснения. "Думаю, что я смогу правильно объяснить явление. Я перед этим выходил в сад, и тогда шар был теплым сверху и холодным снизу. Я перевернул его, и сейчас, когда господа вышли в сад, он теплый снизу и холодный сверху".

Более злую шутку сыграл с лондонской Академией сэра Джон Хилл (1716-1775). После-того, как он безуспешно штурмовал ученое общество, а его упорно не принимали в члены Академии, он замыслил месть. В один прекрасный день секретариат Королевского Общества /получил сенсационное письмо. Оно было зачитано на ближайшей сессии. Автором послания был провинциальный врач, который сообщал, каких удивительных результатов ему удалось добиться с помощью дегтярного раствора. Один матрос сломал ногу; он сложил сломанные куски, смазал их дегтем, наложил повязку, и через пару дней обе части полностью срослись. Матрос мог пользоваться ногой, как будто никогда не ломал ее.

В те времена много говорилось о лечебных свойствах дегтя; особые чудеса рассказывали о содержании дегтя в египетских мумиях. Верящим в деготь ученым весть была на руку, она служила еще одним доказательством правоты их теории. Нашлись и скептики; они сомневались в том, что нога матроса была сломана полностью; провинциальный врач, может быть, преувеличил, и исцеление не было таким быстрым. Дискуссии еще продолжались, а провинциальный врач объявился вновь. "В своем предыдущем письме я забыл упомянуть одну вещь, — писал он. — Я забыл написать, что сломанная нога матроса была из дерева".

Жертвой еще более грубого розыгрыша стал французский ученый-естествоиспытатель Бори де Сен-Винсан (1780-1846). С его именем связана знаменитая история о хоботных крысах. Отставной зуав 119 по имени Бриньон обратился к нему с предложением купить несколько удивительных невиданных животных. Это были крысы, но не такие, как их обыкновенные европейские сородичи. Хвост у них был короткий, а нос переходил в хобот длиной в несколько сантиметров. Это так называемые сахарские хоботные крысы,

— сказал он (*Rats a trompe du Sahara*). За триста франков ученый приобрел самца и самку. Крысиная пара не заставила себя ждать с семейными радостями, вскоре на свет появились крысята, но ни у одного из них хобота не было. Выяснилось, что зуав раньше прислуживал в прозекторской и, применив приобретенные там навыки, ампутировал крысам хвосты и пересадил им на носы.

В научных кругах Германии большой переполох вызвало открытие, сделанное профессором Вюрцбургского университета, герцогским советником Я. Б. А. Берингером. Во время прогулки он нашел в заброшенной каменоломне интересные вещи: окаменевших пауков, гусениц, червяков и им подобных. Профессор заинтересовался этим и повел в каменоломне регулярные поиски. Количество находок увеличивалось. Окаменевшие змеи, лягушки, ящерицы извлекались им на поверхность, а однажды — какое чудо! — он нашел паука вместе с паутиной, в которую как раз попала муха. Сенсация обретала все большие размеры. На некоторых из извлеченных камней можно было увидеть изображение солнца и луны, везучий ученый нашел даже изображение кометы. Наиболее ценную часть находки составляли неповрежденные камни, на которых на иврите было начертано имя Йеговы. И все это было не выбито в камне, а вырезано рельефным шрифтом!

Все терялись в догадках. По мнению одних, эти камни являются творением *Lusus naturae*, игры природы. Как если бы мы вылили ведро воды на землю, а вода впитывалась бы в нее, приобретая

самые причудливые очертания. Все это так, -рассуждали другие, — но если мы даже выльем тысячу ведер, все равно мы не увидим пойманного муху паука или безошибочно написанное имя Иеговы. Тут можно думать только об одном, что эти камни появились не случайно, они сознательно созданы пронизывающим со всех сторон природу мыслящим и действующим всемирным духом, *anima mundi*.

У профессора Берингера было иное мнение, и он в соответствующей блестящей форме представил его научному миру. Вместе со своим учеником по имени Георг Людвиг Хюбер он систематизировал материал, описав его в виде докторской диссертации, приложив к ней в качестве иллюстраций великолепные гравюры на меди. Книжечка была издана в 1726 году в Вюрцбурге; из ее длинного названия мы возьмем лишь два первых слова: "*Lithographiae Wirceburgensis etc.*" ("Вюрцбургские надписи на камне"). В те времена это был научный трактат, сегодня это лакомство для библиофила; очень немногие библиотеки могут похвастаться его наличием¹²⁰.

Профессор не согласился с авантюрными мнениями. Серьезный ученый, он с первого взгляда понял, что об окаменении и речи быть не может. Эти изображения созданы рукой человека. Причем произошло это тогда, когда древние германцы еще переживали времена язычества. То есть это были идолы, предметы языческого культа, и, как таковые, представляют собой бесценное сокровище для изучающих древне-германскую культуру. В вюрцбургскую каменоломню они попали, видимо, когда германские племена приняли крещение. Ясно, что первые христианские епископы не потерпели предметов языческого культа, и по их приказу население стащило в кучу и закопало их в землю. Подобные камни скрываются, видимо, и в других местах в земных глубинах; провидение помогло научному миру: в результате случая в Вюрцбурге они поднялись на поверхность земли.

Разгадка была простой и понятной, ее можно было принять. Так же просто ответил профессор и тем скептикам, которые не могли совместить надпись "Иегова" с языческими богослужениями. Среди населения Германии были и евреи, и вместе с остальными они тоже приняли христианство, они тоже закопали в землю предметы своих религиозных церемоний.

Книжечка попала в руки саксонскому королю. Его заинтересовало открытие, он написал профессору, чтобы тот прислал для знакомства несколько предметов из знаменитой находки. В Дрездене камни исследовали и сделали вывод, который по своей простоте даже превосходит решение, найденное профессором.

Эти изображения нанесли на камни вюрцбургские студенты, проявив при этом терпение, достойное более высокой цели. Они закопали камни в каменоломне и позаботились о том, чтобы профессор постепенно находил их. Это был смелый хулиганский поступок, но он принес результат. Виновники упорно хранили свою тайну, и разоблачить хохочущий за спиной профессора хор не удалось.

Говорят, сам профессор скупил и уничтожил все экземпляры прославлявшей его книги, поэтому она и стала библиофильской редкостью.

СЕКРЕТ КНИГИ ДИКARЕЙ

Те, о ком мы говорили до сих пор, были неискушенные в вопросах практической жизни ученые. Их души не были подготовлены к подозрительному восприятию событий, они не видели ловушек, установленных с помощью хитрых уловок. Но французский аббат Домене сам себе вырыл яму, и сам же в нее и угодил.

В библиотеке французского арсенала хранилась таинственная тетрадь. Никто не знал, как она попала туда. В каталоге она значилась как "Книга дикарей" ("*Livre des Sauvages*"). На ее страницах были начертаны странные фигуры и каракули, в библиотеке говорили, что, по всей видимости, это дело рук американских индейцев. Поль Лакруа, директор библиотеки, пригласил посмотреть тетрадку аббата Домене, автора известных трудов по географии. Директор знал, что аббат объехал Северную Америку, Техас, Мексику и слыл специалистом-знатоком индейского вопроса.

Аббат приступил к изучению тетради, и через несколько недель упорного труда объяснение было готово.

Рисунки представляют собой не что иное, как знаки индейской пиктографии. Их научное значение огромно, потому что они позволяют взглянуть на древнюю культуру краснокожих, больше того, показывают и отдельные этапы их истории. Аббат скромно признался, что все иероглифы он тоже не смог расшифровать, но тетрадь, в общих чертах, представляет переселение отдельных племен и затрагивает мистерии их древней религии. Особенно удивительно, что примитивные иллюстрации служат бесспорным доказательством и фаллического культа.

Открытие получило высокую оценку у Официального Парижа. Речь шла уже о том, чтобы аббат принял участие в конкурсе на премию Академии наук, но потом ситуация изменилась. Директор

библиотеки сообщил, что еще до аббата у него побывал североамериканский миссионер, снявший точную копию с тетради. Возникло опасение, что какое-нибудь американское или мексиканское научное общество выпустит тетрадь факсимильным изданием, опередив тем самым французов. Вопрос национальной гордости встал во главе угла, и по рекомендации художественной дирекции правительство приняло решение поручить государственному министру, являющемуся и министром императорского двора, издать труд аббата Домене, сопроводив его соответствующим иллюстративным материалом.

Книга была выпущена. Она называлась "Manuscrit pictographique Americain precede d'une Notice sur l'Ideographie des Peaux-Rouges par l'Abbe Em. Domenech, Membre de la Societe Geographique de Paris etc. Ouvrage puble sous les auspices de M. le Ministre d'Etat et de la Maison l'Empereur" ("Иллюстрированное описание Америки, впервые сопровождаемое заметками, относящимися к пиктографии краснокожих, написано аббатом Эм. Домене, членом Парижского Географического общества и т. д. Произведение издано и согласовано с министром Государства и Императорского двора", Париж, 1860).

Вот так удалось им опередить Америку.

Но случилась беда. Граф Валуевский, бывший тогда министром иностранных дел, выступал с традиционной торжественной речью по случаю вручения премий Парижской художественной выставки. Потомок Наполеона был увлечен ораторским пафосом слишком на большие высоты. Он назвал Францию учителем других народов и заявил, что вся западная цивилизация своим существованием обязана показанному Францией примеру и носит на себе отпечаток французского гения.

Германия была шокирована официальным гимном. Особенно был возмущен известный дрезденский специалист в области библиографии Й. Петцольдт. Как раз в то время в руки ему попал ценный труд аббата Домене. Французская цивилизация? Ну ладно. Он принялся за работу, и книжный рынок Германии пополнился 16-страничной брошюрой "Das Buch der Wilden" im Lichte französischer Civilisation" ("Книга дикарей" в свете французской цивилизации", Дрезден, 1861).

Дикие индейцы не смазывали свои стрелы таким едким ядом, каким прошелся германский ученый по всей французской цивилизации. Начну с конца: "Книга дикарей" представляет собой не что иное, как черновую тетрадь обучающегося в американской школе немецкого ребенка. Мальчик жил на каком-нибудь отдаленном хуторе и от скуки исчеркал всю тетрадь детскими рисунками и каракулями".

Размахивающая плетью фигура — не индейский шаман, а учитель, наказывающий ученика. Странной формы фигура -не символ молнии и наказания господнего, а самая обыкновенная колбаса. Шестиглазый человек — не мудрый и отважный вождь племени, а плод богатой детской фантазии. Не три главных шамана подносят ко рту ритуальные предметы, а три ребенка едят бублики. Бог облаков, дух огня и другие загробные личности обязаны своим существованием известному трюку, применяемому детьми при рисовании: точка, точка, два кружочка... А что касается фаллического культа, подобное примитивное бесстыдство аббат в большом количестве может увидеть и у себя в Париже, была бы только охота; баловники-мальчишки пачкают подобными рисунками стены определенных ассенизационных объектов.

Был у этой истории и неожиданный финал. Французский ученый совсем не знал немецкого языка, не был он знаком и с готическим шрифтом. А ведь совсем не надо быть ученым, чтобы обратить внимание на готический шрифт, и первый же появившийся в библиотеке немец мог бы подсказать аббату его трагическую ошибку. Группу рисунков он расшифровал как "огненную воду", то есть водку. Хотя там ясно было написано: "Honig". Накаляканные ребенком слова означали: улей, сотовый мед, бочка с медом. И под остальными странными "иероглифами" были начертаны слова на немецком языке: will, grund, beilig, hass, nicht wohl, unschuldig, schaedlich, beigott и т.д.

Очаровательный карточный домик рассыпался.

Но печальный случай не огорчил французскую общественность. Книга Петцольдта была переведена на французский язык, немецкого ученого восхваляли, а аббата Домене высмеяли. Как и министра иностранных дел.

ЧТО ТАКОЕ ФЛИРТ?

Английский глагол "флирт" имеет значение "что-то быстро двигать туда-сюда". Лорд Честерфилд¹²¹, один из остроумнейших английских писателей XVIII века, пишет, что он присутствовал при рождении нового значения этого слова. Леди Френсиз Ширлей — так звали даму, которая впервые использовала это слово в его современном смысле, и заслуги которой полностью забыты неблагодарными потомками. "Я присутствовал при том, как это знаменательное слово

спорхнуло с самых очаровательных в мире уст", — пишет Честерфилд. Чаровница леди Френсиз то открывала, то закрывала свой веер, то прятала за него все лицо, то только глаза. И когда беседовавший с нею мужчина в шутку сделал ей замечание за такое дразнящее поведение, она с невинным выражением ответила, что это только "флирт", она лишь машет веером.

Так родилось слово, и как английские дамы, так и дамы с континента старались сделать все, чтобы новорожденный не рос хилым ребенком, а должным образом мужал. Таким образом расширился и смысл слова "флирт", оно приобрело более широкое значение, поэтому в наши дни его употребляют по разным случаям. Научного определения нет и сегодня. Я это говорю не в насмешку, потому что действительно множество ученых ломали голову над сутью флирта. Существование и расцвет флирта отрицать невозможно, поэтому надо попытаться разработать научное обоснование.

Иван Блох, один из самых глубоких знатоков английской жизни, смог дать определение только таким образом, что противопоставил флирт кокетству. Блох считал, что кокетство прямо посягает на чувства, не принимая во внимание духовный контакт мужчины и женщины. Флирт — это одухотворенный родственник кокетства; здесь женщина стремится обезоружить мужчину, скорее, средствами духа и вкуса.

Швейцарец Форель¹²², считал, что кокетка, главным образом, хочет нравиться, завоевание для нее является целью второстепенной. А вот флирт прямо стремится разбудить любовь, используя для этого самые разнообразные средства. Замечательный автор с грациозной пунктуальностью перечисляет все средства и с научной обоснованностью делает вывод, что флирт поочередно действует на органы зрения и осязания. В первом случае важнейшую роль играет игра глазами, ибо с ее помощью можно выразить очень многое, добиваясь тем самым большего эффекта. К воздействию на органы осязания относятся рукопожатие, наклоны к партнеру, якобы случайные прикосновения, а также, в случаях, когда люди сидят тесно друг с другом, игра колен и ног. В таких случаях разговор становится излишним, флиртующая пара все понимает и без слов.

Американец Х. Т. Финк также проводит различие между кокетством и флиртом. Кокетство (coquetry) и по его мнению означает желание нравиться. Кокетничающая женщина стремится к завоеванию, но только для того, чтобы насладиться самим фактом завоевания, без всякой иной цели. Как скупец, который на свое золото не хочет покупать ничего, он копит его ради самого золота. Флирт является намного более простительным грехом, существует даже выражение — "невинный флирт", а вот о другом говорят: "бездушное кокетство". Чтобы еще лучше показать характер флирта, он анализирует в сравнении с ним высокомерный, холодный, лицемерный тип поведения. В этом случае на вопрос мужчины говорят "нет", если даже думают "да". А при флирте? Улыбка и лаконичное — "может быть..." Следуя такой логике, наш ученый выводит определение флирта, которое коротко можно сформулировать так: "Флирт- это искусство, с которым женщина очаровывает и привязывает к себе мужчину, заставляя его при этом постоянно терзаться, любит ли она его или нет".

Определение выглядит приемлемым.

Но есть еще кое-что, что делает еще более ясным понятие "флирт". Его нельзя путать с прелюдией к любви. Прелюдию иногда сопровождают явления, которые профессор Форель заметил вокруг флирта, ведь любовь — это не только встреча сердец, но иногда и встреча коленей. Французы нашли великолепное определение такой прелюдии. Они называют ее "petite-oie"¹²³. По-венгерски это звучит грубовато: гусиные потроха. То есть подогревающие аппетит легкие кушанья, которые предшествуют настоящему пиру, когда на стол подается и жаркое из гусыни. (Поймите правильно, вся тяжесть сравнения падает на жаркое, а не на гусыню.)

СЛУЖБА ЖЕНЩИНЕ В ЭПОХУ РЫЦАРСТВА

Свой рассказ я начну не с древних времен, как это принято вообще, когда речь заходит об истории культуры. Известно, что классический мир не признавал любви в ее сегодняшнем смысле. Женщину почитали как мать; ее уважали, поднимали на пьедестал и там и оставляли, никто за ней туда не лазил. О любви в браке говорилось немного. Если глава семьи хотел развлечься, он шел к гетерам, в которых его интересовала вовсе не душа.

Любовь, соответствующая нынешнему пониманию, начала развиваться в феодальную эпоху рыцарства. Частично это можно объяснить германским влиянием, потому что на севере женщина вообще пользовалась большей свободой, частично глаза мужчинам открыл культ Марии, и они обнаружили в женщине большее, чем племенной материал или объект наслаждения. Официальная история культуры давно признала и обосновала этот вывод. Но вряд ли согласится она с тем, что в ту же эпоху родился и флирт.

Попробую доказать это.

Прежде всего мы должны выяснить суть рыцарской любви. Чтобы никто не мог обвинить меня в том, что в собственных интересах я искажаю факты, я передам слово Карлу Вайнхольду¹²⁴, который в своем основополагающем произведении о жизни женщин в средние века "Die deutschen Frauen in dem Mittelalter" ("Германские женщины в средние века", Вена, 1882) пишет следующее:

"Эпоха рыцарства создала институт службы женщине (Frauendienst). Жизнь рыцарского ордена регулировали особые правила, отличные от правил гражданской жизни. Существовало специальное понятие "честь ордена" и существовали его специальные традиции. Цель жизни для рыцаря заключалась в том, чтобы дерзкими подвигами доказать свое мужество и отвагу. Эта цель порождала и жажду приключений, а один из главнейших законов в поиске приключений — защищать слабых, особенно женщин. Стремление защищать слабых, служить женщинам позже привело к тому, что рыцарь посвящал свое служение одной единственной женщине... Эта рыцарская служба превращалась в конвенциональную привычку, очень часто обходилась без действительных страстей и проявлялась как чисто внешняя, хотя и накладывающая отпечаток на всю жизнь привычка... Рыцари посвящали свою службу замужним женщинам, ибо те фигурировали в первых рядах благородного общества. Целью была всего лишь игра ума и любовных чувств. Рыцарь выбирал одну даму (frouwe) и предлагал ей свою верную службу. Для него жизненной необходимостью было найти даму, рыцарем (frouwenritter) которой он себя объявит. Если дама принимала его предложение, рыцарь в дальнейшем все свои поступки совершал от ее имени. По неписаным правилам дама после этого не имела права принимать услуги другого рыцаря и в знак состоявшейся договоренности одаривала своего рыцаря лентой, косынкой или венком, которые тот носил на своем шлеме или на наконечнике копья, чтобы во время свершения рыцарских подвигов память о даме постоянно сопутствовала ему, стимулируя на героические деяния".

(О совершенно нейтральной роли мужа речь пойдет дальше.)

Здесь я вплоту в ткань моего рассказа некоторые данные об обычаях французского рыцарства. Из дошедших до нас произведений провансальских трубадуров мы знаем, что у рыцарской службы имелось несколько ступеней. На первой из них рыцарь находился, когда свои чувства он еще носил в сердце и не осмеливался признаться в своей тайной любви (feignaire). Если признание состоялось, он поднимался на вторую ступень, которая предназначалась для просителей (pregaire). Если же дама приняла предложенную службу, рыцарь возводился в ранг услышанного (entendeire). Но для достижения этой ступени он должен был выдержать испытательный срок, который мог растягиваться на годы, больше того, даже на пять лет. После истечения испытательного срока дама производила рыцаря в свои вассалы, причем делалось это не в тайне, не по секрету, а публично, в рамках специальной церемонии. На этой церемонии соблюдались все нормы, которые обычно соблюдались в отношении сеньоров и вассалов. Дама сидела в кресле, рыцарь стоял перед ней на колене, с непокрытой головой и сложенными на груди руками, и клялся ей в верности. Дама реагировала на это следующим образом: во время клятвы она брала руку рыцаря и держала ее в своих руках, после чего поцелует (не любовным, а феодальным) подтверждала заключение договора.

Ну вот и начинают вырисовываться контуры этой средневековой блажи. Неправда ли? Мужчина закабалает себя, а женщина не дает никаких обязательств...

Что происходит после клятвы? На этот вопрос вновь отвечает Вайнхольд:

"Все, что ни делал рыцарь, будь то просто рыцарский турнир или же участие в крестовом походе, он делал это с именем своей дамы или по ее приказу. Когда Хартманн фон Ауэ шел в поход на сарацинов, он пел: "Пусть никто не спрашивает у меня, зачем я иду на войну. Я скажу сам, что делаю это по приказу любви. И изменить тут ничего нельзя, нельзя нарушать клятву или слово. Многие хвалятся, что ради любви они сделают то-то и то-то, но это лишь слова. А где дела? Ради настоящей любви мужчина способен оставить свой дом и отправиться в чужие края. Видите, как изгнала меня из собственного дома любовь, хотя даже полчища султана Саладина¹²⁵ не смогли бы выманить меня из Франконии..."

Все свои поступки рыцарь совершал в надежде на награду. Награда могла быть самой различной. Наградой считали уже то, что посредством службы женщине рыцарь поднимался над буднями и достигал определенного возвышенного духовного состояния. Альбрехт фон Иоганнсдорф, миннезингер XII века, в одной из своих песен просит награду у госпожи: "Разве песни, с которыми я обращаюсь к тебе, и поступки, творимые мною лишь ради тебя, не заслуживают награды?" "Будь спокоен, — отвечает женщина. — Ты получишь награду и будешь счастлив". — "Какова же будет плата, о прекрасная дама?" — "Рост твоей славы и возвышенность духа будут тебе достойной наградой".

Вот так и дурачили обычно рыцаря, весь ум которого ушел в доспехи, и много веков он не мог сообразить, что возвышенность духа является проявлением очень и очень односторонней любви. Мужчина дает клятву, выдерживает испытание, истекает кровью на рыцарских турнирах, совершает

паломничество на Святую Землю, а женщина милостиво принимает все это и со своей стороны не предлагает ничего. Историки германской культуры называют такие односторонние отношения романтической любовью и выражают восторги по поводу слова *Minne*, которое так прекрасно выражает невинное и пленительное чувство. Все они забывают при этом, что цветок романтики благоухает только на стороне мужчины, а роль женщины во всей любовной истории не имеет ни цвета, ни запаха, она абсолютно пассивна.

Что же это со стороны женщины, если не флирт? Как рыцарь нуждался в госпоже, так женщина нуждалась во флирте, чтобы внести какие-то краски в свою серую жизнь. Известно, что в ту эпоху основой брака была не любовь, а семейный интерес. Родители не интересовались мнением дочери; они сами выбирали для нее мужа. Может быть, в таком браке женщина и находила мир и покой, но нет сомнений, что скучала она до смерти. Да и в том самом мире она тоже не всегда могла быть уверена. Вот несколько интересных примеров, как вел себя муж в тесном семейном кругу.

Трудно представить более благородную любовь, чем та, которой в "Песнях о Нибелунгах" Зигфрид любил Кримгильду. И тем не менее, что произошло после известной сцены, когда Кримгильда оскорбила Брунгильду и нарушила тем самым покой вормсского двора? Кримгильда сама рассказывает Хагену, что сделал с нею Зигфрид:

Ох, настрадалась я, — сказала королева.

Он в наказание до синяков избил меня.

Такая взбучка не была редкостью в семейном кругу. Герцогини не могли быть уверены, что муж не съездит по физиономии — с такими случаями мы сталкиваемся в хрониках даже не одного, а многих столетий. Рыцарь Швайнихен в своем необыкновенно ароматном дневнике повествует о сложном конфликте, возникшем между легницким герцогом и его супругой. Герцог устроил небольшой обед. Среди приглашенных была и некая госпожа К. Герцогиня не выносила госпожу К., поэтому отказалась от участия в обеде. Герцог рассвирепел и лично отправился в покои герцогини, чтобы потребовать объяснения. Рыцарь Швайнихен, камергер герцога, так рассказывает об этом прискорбном эпизоде:

"Его превосходительство Герцог соблаговолил строго указать герцогине, что в связи с тем, что его превосходительство Герцог пригласил в гости много знатных господ, он хочет, чтобы Герцогиня немедленно вышла к столу. Ее превосходительство Герцогиня после многочисленных уверток наконец заявила, что она не хочет сидеть рядом с такой стервой, как госпожа К. На что его превосходительство Герцог страшно возмутился, начал обращаться к Герцогине на "ты" и сказал: "Запомни, госпожа К. — не стерва". И с этими словами так ударил Герцогиню по лицу, что та потеряла равновесие и я поддержал ее за руку. Его превосходительство Герцог хотел еще добавить Герцогине, но я захлопнул дверь перед его носом. За это его превосходительство Герцог разозлился на меня, сказал, что это не мое дело и муж может делать со своей женой все, что хочет".

О последующих событиях скажем, что после длительных мирных переговоров и выдвижения различных условий герцогиня согласилась простить мужа и приняла участие в обеде, "несмотря на то, — говорит рыцарь Швайнихен, — что под глазом у ее превосходительства Герцогини расплылся большой синяк".

Пощечина была, видимо, дана от души. Но этот герцогский шлепок был ерундой в сравнении с ударом, который кавалер Ля Тур-Ландри описывает в своем поучительном стихотворении, адресованном дочерям. Автор дошедшего до нас в рукописном виде произведения XIV века в 98 главах учит своих дочерей, как надо правильно и нравственно вести себя, иллюстрируя сказанное примерами и небольшими историями. Он все время напоминает дочерям о необходимости послушно вести себя, приведя в качестве примера историю женщины, которая постоянно противоречила мужу. Муж в конце концов рассвирепел, кулаком сбил жену с ног и, когда она лежала на земле, так ударил ее ногой в лицо, что сломал носовую кость. Из этой назидательной истории автор делает такой вывод: "Так из-за своего дерзкого характера женщина стала на всю жизнь уродкой. Было бы лучше, если бы она слушалась и помалкивала, ибо командовать должен муж, а украшение женщины — молчаливая покорность".

Этого достаточно, наверно, для характеристики семейного очага, у которого жила женщина в эпоху рыцарства. Привязанная к грубому, пропахшему вином мужу женщина могла вздохнуть только тогда, когда муж уезжал на охоту, уходил в военный поход или на короткое время выезжал ко двору. Но в такие моменты особенно тяжелой казалась скучная, убивающая душу монотонность жизни в закрытом замке. Любовный контакт с кем-либо заключал в себе смертельную опасность, и вот тут-то на выручку приходил безобидный *Frauendienst*, и женщина сама с удовольствием распространяла и поддерживала этот специфический институт, который для нее был не чем иным, как изгоняющей скуку игрой в любовь, то есть самым настоящим флиртом.

ЛЮБОВЬ ТРУБАДУРА

Что только ни делал "услышанный" рыцарь в честь своей госпожи и для ее развлечения!

Если он мог сочинять стихи, он возносил прелести и добродетели прекрасной дамы не только до небес, но и выше. Вот небольшая коллекция звучных сравнений, которыми рыцари Минне награждали своих повелительниц:

"О, Утренняя Звезда, Майская Почка, Роса на Лилии, Райское Поле Цветов, Осенняя Гроздь Винограда, Сад Пряностей, Сторожевая Башня Радостей, Восторг Лета, Родник Счастья, Цветочный Лес, Любовное Гнездо Сердца, Долина Прелестей, Лечебный Источник Любви, Соловьиная Песня, Звуки Арфы Души, Цветок Пасхи, Запах Меда, Вечное Утешение, Груз Счастья, Цветочный Луг, Зернышко Сладкого Миндаля, Рай для Глаз" и т. д.

Арно де Маруэль, трубадур из Прованса, настолько потерял голову от любви, что в поисках новых сравнений так воспевал госпожу своего сердца: "О, Зеркало Любви, Ключ к Славе, Мартовское Солнце, Апрельский Дождь, Майская Роза, Летняя Тень..."

То, что я сказал чуть раньше о восхвалении выше небес, надо понимать в буквальном смысле. Один из знатных рыцарей, граф Рамбо из Оранжа, пел так: "Улыбка Любимой делает меня счастливее, чем если бы четыреста ангелов смеялись бы мне с небес. Во мне так много радости, что ею можно было бы развеселить тысячу грустных людей, и все мои родственники могли бы питаться ею, не получая никакой другой пищи..."

Звонкие слова, но не пустые излияния, потому что трубадур был способен на такое неземное обожание. Мы знакомы с историей Жофре Руделя и графини из Триполиса. Эта история воспевалась не один раз. Нам известно такое количество романтических ее обработок — среди них и связанное с привидениями произведение Гейне, — что трезвомыслящий современный читатель не верит уже ни единому слову. А ведь в основе истории лежит действительный случай. Фридрих Диц¹²⁶ разыскал первоисточник; с присущим старым хроникам лаконизмом в нем рассказывается:

"Жофре Рудель, герцог Блайи, влюбился в графиню Триполиса, ни разу не видя ее, зная ее только по воспевающим ее доброту и добродетели рассказам возвращающихся из Антиохии паломников. Он начал писать ей чудесные стихи, а потом страсть настолько охватила его, что он принял христианство и на корабле отправился в путь. В пути его поджидала тяжелая болезнь. По прибытии в Триполис спутники сочли его умершим и временно оставили на каком-то постоялом дворе. Узнав о случившемся, графиня поспешила туда, присела на его постель и обняла его. Считавшийся мертвым кавалер пришел в себя, увидел графиню и возблагодарил Бога за то, что тот продлил ему жизнь до этого мгновения. После этого герцог скончался на руках у графини, которая распорядилась с почетом похоронить его в триполиском храме. Сама она, терзаясь болью, в тот же день ушла в монастырь".

Диц собрал прочие относящиеся к тому периоду данные о герцоге Руделе, сравнил повествования хроник с дошедшими до нас стихами Руделя и на основании этого сделал вывод, что это действительный случай.

Такое сверхъестественное обожание свидетельствует, что множество странных поступков, о которых я собираюсь рассказать, вызваны в рыцарях не помутнением ума, как у Дон Кихота. Они всерьез переживали все это, всерьез действовали, а окружающие всерьез воспринимали сообщения о гротескных поступках.

Таких серьезных обожателей легко было оплести сетью рыцарского флирта. В большинстве случаев дама немного ломалась, притворялась, заставляла упрашивать себя, как этого требовали нормы поведения, а потом посвящала в свои рыцари изнывающего кавалера и сообщала, какими поступками он должен доказать свою любовь. Бывали случаи, когда госпожа с поистине садистской жестокостью сама определяла тяжелейшие условия, а мечтательный фанатик без возражений принимал их. Здесь уже флирт охлаждался до уровня самого бессердечного кокетства.

Энтони Мери рассказывает историю трех рыцарей и испытания сорочкой. Три рыцаря искали милость одной дамы. Наконец она решила, что одарит любовью того из трех претендентов, кто на ближайшем рыцарском турнире будет выступать в ее сорочке. Да, но надеть ее надо не под доспехи и не на них, а на голое тело, без всяких доспехов. Это было равнозначно смерти. В лучшем случае рыцарь мог рассчитывать, что он упадет на землю полумертвым, исколотым копьями. Двое из трех претендентов приняли мудрое решение и отказались. Но третий согласился на испытание, настолько поглупел он от любви и рыцарской чести. Итогом турнира, естественно, стало то, что к даме его доставили израненным, обливающимся кровью. Он был едва жив, но глаза его полыхали счастьем. Как это было принято, госпожа устроила большой пир. Существовала еще одна традиция, согласно которой дама независимо от ранга сама должна была обслуживать гостей, оказывая тем самым честь

герою. По этому случаю она надела поверх платья перепачканную кровью сорочку и в ней хлопотала вокруг гостей.

Ношение сорочки на рыцарских турнирах было привычным зрелищем; естественно, рыцарь носил ее поверх доспехов. В те времена она считалась талисманом, защищала рыцаря и придавала ему силы. Сегодня мы назвали бы это фетишизмом. Действительно, именно на это указывает описанный Вольфрамом фон Эшенбахом случай с отважным Гамуре, который надевал поверх доспехов сорочку обожаемой Эрцелейд не только на рыцарских турнирах, но и в сражениях. Рыцарь Куки отправил своей любимой собственную рубашку и попросил, чтобы она спала в ней. Намного позже Брантом¹²⁷ в посвященной красивым ножкам главе своей книги вспоминает о странной традиции. Он заявляет, что был лично знаком со знатными господами, которые, прежде чем начать носить новые шелковые чулки, отправляли их своим любимым с Просьбой поносить их дней восемь-десять. "После этого, - пишет знаменитый коллекционер сплетен, — они начинали носить чулки сами, получая от этого огромное физическое и моральное наслаждение".

Это произошло с рыцарем Гильомом де Балауном. Королевой своего сердца он выбрал госпожу Жавэк. Та вняла его мольбам и по всем правилам посвятила его в свои рыцари. Какое-то время игра в любовь и дальше шла по всем правилам. Но в один прекрасный день Балаун услышал историю поссорившейся, а потом помирившейся влюбленной пары; от героя этой истории он узнал интимные подробности того, насколько сладко примирение. Кавалеру Балауну очень понравилась история, и он так захотел испытать сладость примирения, что решил попробовать это со своей дамой. Для начала, правда, надо было поссориться. Эту задачу славный рыцарь своим тяжелым умом решил таким образом, что, когда госпожа прислала ему письмо, он просто-напросто выбросил из квартиры того, кто это письмо доставил. Тогда госпожа лично приехала на квартиру к рыцарю, чтобы узнать, в чем дело. Кавалер великолепно сыграл роль оскорбленного мужчины и госпожу также выбросил. Этим должен был закончиться первый акт любовной интриги. Но в дальнейшем комедия переросла в драму, ибо госпожа Жавэк и слышать больше не хотела о грубом воздыхателе, и когда позже тот виновато, с извинениями явился в замок, в ответ она также распорядилась выбросить его. Несчастный Балаун, потерпев такую неудачу в своих экспериментах по изучению любви, обратился за помощью к посреднику. Он попросил одного из друзей заступиться за него перед разгневанной дамой, объяснить ей настоящие причины игры в ссору и каким-нибудь образом исправить положение. Друг уехал и вернулся с ответом: "Хорошо, госпожа простит, но в наказание кавалер Балаун пусть вырвет у себя ноготь на мизинце и пришлет его в сопровождении стихотворения, бичующего его глупость". Ничто не прольет более яркий свет на дурацкую романтику эпохи рыцарства, чем то, что произошло вслед за этим: рыцарь Балаун распорядился немедленно доставить хирурга, приказал вырвать себе ноготь на мизинце и со слезами на глазах от боли и от счастья примирения написал требуемое стихотворение. А потом вместе с другом отправился в замок. Дама ожидала их в воротах, трубадур бросился на колени, протянул ей свой ноготь и стихотворение, дама, плача, приняла их, а рыцарь ценой ногтя смог насладиться прелестью поцелуя примирения. Текст молящей о прощении песни нашел и опубликовал Сент-Палай.

Зная такие случаи, мы легче можем понять балладу Шиллера о брошенной львам перчатке, которую рыцарь, правда, вынес от них, но после этого бросил ее в лицо даме. Эту историю, как известно, первым описал Брантом, и, может быть, такое произошло и в действительности, потому что Брантом для достоверности приводит еще один случай из собственной практики, когда дама потребовала от рыцаря, чтобы тот в доказательство своей любви пронзил кинжалом собственную руку. Кавалер готов был пойти на это, и Брантому пришлось применить силу, чтобы помешать безумному поступку. Вспоминает он и случай с кавалером Жэнле, который безмятежно прогуливался с дамой; они были как раз на мосту через Сену, когда в даму вселился дьявол садистского флирта, она бросила в реку свой дорогой кружевной платочек и попросила рыцаря прыгнуть за ним и достать его из воды. Напрасно кавалер объяснял, что он не умеет плавать, дама обозвала его трусом, после чего тот в отчаянии как был, бросился в воду. К счастью, поблизости была лодка, и влюбленного безумца успели своевременно вытащить на берег.

ЛЮБОВЬ И РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР

Восторженные признания трубадуров для дамы являлись только тайными радостями флирта, потому что в те времена считалось неприличным, если поэт в своих песнях назовет воспеваемую им даму по имени. (Если ее можно было узнать, ничего страшного, главное, чтобы соблюдались внешние приличия.)

Песни трубадуров были лишь скромной закуской на кухне флирта. Открытый доступ к богатому

стола открывался перед дамами, когда их избранник в их честь выходил на рыцарский турнир.

Если бы наш современник с помощью новейшей техники мог бы догнать где-то в космосе картину с изображением событий тех давних лет, он не сумел бы понять происходящее на таком турнире. На возвышении муж сидел рядом с женой и спокойно наблюдал, как на арене какой-то рыцарь ломает копыя в честь его собственной жены. Больше того, бывали случаи, когда муж тоже дрался на арене, причем, может быть, во славу той дамы, которая была женой рыцаря его собственной жены. Дурацкая история, и понять ее можно лишь в том случае, если мы знакомы с элементами вышеупомянутого *Frauendienst* и знаем, что рыцарские турниры проводились главным образом в честь женщины. Больше любого своего боевого подвига рыцарь гордился тем, что имеет право назвать себя слугой женщины. (Французы посвящали себя в "*Serviteurs d'Amour*".)

Служба эта принималась настолько всерьез, что госпожа сама провожала каждый раз рыцаря на арену, держа в руке тонкую цепочку или шелковую ленту, прикрепленную к узде коня.

В 1468 году в честь супруги Карла Смелого при бургундском дворе был устроен большой рыцарский турнир. Рыцари следовали один за другим, и вдруг на арене появилась странная процессия. Впереди на небольшой белой лошади восседал карлик, за ним слуги волокли огромный замок. Сделанное из дерева сооружение имело четыре башни, соединенные высокими крепостными стенами. Стены начинались от самой земли, так что нельзя было рассмотреть, что скрывается в замке. Карлик остановился перед балюстрадой, за которой расположились дамы, и начал читать петицию, звучавшую следующим образом:

"Ваши Высочества герцогини и милостивые государыни! Рыцарь, являющийся пленником своей госпожи, шлет вам низжайший поклон. Он заточен в этом замке, и лишь доброта и милость госпожи могут освободить его. Именно поэтому он обращается к вам, высокочтимые и милостивые герцогини и прочие дамы, с просьбой обсудить его петицию. Может быть, среди вас окажется и та, которая разрешит рыцарю выйти из замка. Рыцарь надеется, что, посоветовавшись, вы выпустите его из тягостной неволи, ибо в противном случае он не сможет принять участие в турнире" и т. д.

Их Высочества герцогини и прочие дамы приняли решение выпустить рыцаря из неволи. После этого карлик огромным ключом открыл ворота деревянной тюрьмы-замка, и, к приятному удивлению дам, оттуда выехал некий рыцарь по имени Росси, в полном снаряжении, верхом на богато украшенном скакуне.

В ходе турнира рыцарь носил на шлеме или пике залог любви, полученный от дамы. Залог этот был каким-либо предметом дамского туалета: лента, шарф, перо, браслет или другая деталь женской экипировки. Они и были знаменитыми талисманами, известными в эпоху рыцарства под названиями "*faveurs*" или "*emprises d'amour*". Иногда в пылу битвы "*faveur*" отрывался; в этом случае дама с трибуны бросала рыцарю другой. В одном рыцарском романе повествуется о случае, когда в свирепом единоборстве господа рыцари один за другим теряли свои значки, а дамы в волнении бросали им на арену все новые и новые талисманы, срывая со своих тел то, что попадало под руку. Так что, когда турнир закончился, они в ужасе обнаружили, что сидят перед хохочущей публикой обнаженные до неприличия.

Муж в свою очередь обязан был радоваться, если рыцарь его жены одерживал победу, даже если при этом он сам бывал выбит из седла. Такой была мода, и ничего против нее нельзя было сделать. А законы моды нам известны. Если по ее команде юбка должна была удлиниться, она не успокаивалась до тех пор, пока не обрастала шлейфом; если же мода диктовала юбке, что той следует стать шире, она мгновенно превращалась в кринолин¹²⁸.

Так выродилась и мода на "*Frauendienst*". Прекрасной традицией была клятва рыцаря защищать женщину, прекрасен, хотя немного и причудлив институт странствующих рыцарей, которые отправлялись куда глаза глядят, чтобы защитить лишенных законных прав сирот и вдов; однако диктатура моды быстро испортила это прекрасное начинание. Однообразие рыцарских турниров не удовлетворяло беспокойные души. Для завоевания благосклонности дам надо было придумать что-нибудь новенькое.

Так, новым считалось, если в честь благородной дамы рыцарь усложнял для самого себя правила турнира. Некоторые оставляли открытыми кисть, руку или ногу, демонстрируя тем самым, что его личный ангел-хранитель лучше всяких доспехов защитит открытую часть тела. Во времена герцога Сентре в Париж прибыл неизвестный рыцарь. Согласно данному им обету на правой руке выше локтя и на правой ноге на щиколотке он носил золотые браслеты, соединенные длинной золотой цепью. И от подобного юродства не отказывались, если даже речь шла о серьезной битве. Фруассар¹²⁹ в своей хронике вспоминает юных английских рыцарей, которые в 1336 году пришли воевать на французскую землю. Каждый из них завязал себе один глаз, в таком виде они отправлялись в бой, потому что у себя на родине они дали клятву своим прекрасным дамам, что будут сражаться с завязанным глазом, пока каким-нибудь героическим поступком не докажут свою храбрость.

Когда странствующий рыцарь в символизирующем его цветущую молодость боевом снаряжении зеленого цвета отправлялся на поиски приключений, он действительно мог совершать те глупости, над изображением которых смеется, качая головой, сегодняшней читатель "Дон Кихота" Сервантеса. Но вряд ли он знает, что все это в эпоху рыцарства так и происходило — с кровавой серьезностью.

Со временем судьба беззащитных женщин была оттеснена на задний план. Странствующий рыцарь стремился сделать более громкой славу своей госпожи. Это свершалось следующим образом: оказавшись на территории других рыцарей, он рассылал вызов, приглашая всех рыцарей на битву "ради любви к своей даме" (pour l'amour de sa dame). Такое письмо было полно любезностей. Вызывающий на битву просил противника представить его милости своей дамы, а также желал ему насладиться с его дамой всеми радостями любви. После обмена любезностями они сходились в схватке и пытались проломить друг другу череп pour l'amour de sa dame.

Победитель не довольствовался одной славой. Рыцарские традиции узаконили и сделали обязательным и странное условие, согласно которому побежденный рыцарь должен был явиться к даме победителя и предложить ей себя в рабы. Невыполнение этого условия было равнозначно исключению из рыцарских рядов. Неаполитанская королева Иоанна оказала честь одному знатному господину из Мантуи, пригласив его на танец во время бала во дворце. Благородный рыцарь пришел в восторг от такой чести и немедленно дал обет: он отправляется незамедлительно в чужие страны и не вернется до тех пор, пока не пришлет королеве двух побежденных рыцарей. Ему удалось выполнить задачу, но королева, как это было принято, милостиво приняла пленных рыцарей и вернула им свободу.

Об одном еще более нелепом случае рассказывает Вулсон де ла Коломбьер. Некий рыцарь дал обет завладеть портретами тридцати дам, чьих кавалеров он победит в поединках. Этот достойный предшественник Дон Кихота распорядился нарисовать на его щите портрет обожаемой дамы и отправился на поиски приключений. Каждого встречающегося ему рыцаря, который не соглашался признать, что его дама не так прекрасна, как нарисованная на щите госпожа, он вызывал на поединок. Побежденный рыцарь обязан был разрешить, чтобы портрет его дамы был нарисован на щите победителя. По слухам, рыцарю удалось за один год собрать тридцать портретов.

Всю эту дикую бессмыслицу нельзя записать на счет одних только рыцарей. Как ни опьяняла их безбрежная романтика, они не были бы так одурманены ею, если бы их не поощряли на это женщины. Женщинам приятно было изгонявшее скуку обожание, которое приятно тешило их тщеславие. Госпожа соседнего замка, может быть, и выше по рангу, зато мой рыцарь собрал больше портретов, в большем количестве стран носил мои цвета и совершал более знаменитые глупости. Провансальский граф Рене, король Неаполя и Сицилии, также был большим любителем турниров, устраиваемых в честь прекрасных дам. На его гербе была изображена жаровня, полная горящих углей. Этим он хотел выразить страстную любовь к даме своего сердца. Все это прекрасно, сравнение очень даже мило, но что же было мехами, которые поддерживали жар в сердцах рыцарей?

О настоящей любви не могло быть и речи, ибо любящая женщина боится за своего любимого, и уж, если и приходилось отпускать его на серьезную войну, она не будет добавлять себе волнений, отправляя его на авантюрные приключения, где легко можно сломать шею.

Роль мехов в данной ситуации играл все тот же флирт.

ДОН КИХОТ ЛЮБВИ ЭПОХИ РЫЦАРСТВА

До нас дошла невероятно интересная рукопись XIII века. В ней рассказывает о своей жизни рыцарь Ульрих фон Лихтенштейн. Естественно, он делает это не собственноручно, ибо славный рыцарь хотя и сочинял прекрасные любовные песни и входил в число лучших миннезингеров своего времени, писать не умел. Историю своей жизни, как и свои песни, он диктовал писцу.

Официальная история культуры с некоторым пренебрежением проходит мимо мемуаров кавалера Ульриха и уделяет им очень и очень мало внимания. Почему? Потому что рыцарь Ульрих был самым абсолютным, а точнее, самым примитивным почитателем женщин, какого только видел свет. Он был реальным предшественником рожденного фантазией Дон Кихота. Серьезная, бородатая наука стесняется заниматься пресловутым героем любовных авантюр. А ведь она не права, ибо на какие бы крайности ни шел ослепленный любовью рыцарь, крайности эти были рождены модой своего времени, а моду нельзя обходить, рисуя портрет эпохи.

При изучении истории флирта приключения рыцаря Ульриха вообще являются бесценным кладом. Перед нами открывается подробное и полное описание флирта, сделанное в странном и малоизвестном произведении. Это — приложение к теоретическому анализу флирта, то есть средневековый флирт на практике.

Рукопись хранится в Мюнхенской государственной библиотеке. Ее название: "Frauendienst". Что это означает, мы уже знаем¹³⁰.

Ульрих фон Лихтенштейн был богатым господином из Штирии¹³¹. Его биография связана и с венгерской историей. В 1246 году он принимал участие в битве при Лайте против короля Белы IV¹³² и очень живо описывает, как было найдено тело австрийского герцога Фридриха, нашедшего смерть от венгерского оружия. Рыцарь Ульрих скончался в 1276 году. Надгробие на его могиле сохранилось, оно известно тем, что на нем якобы выбита самая старинная запись на немецком языке.

Биографы обычно начинают характеристику героя такой банальной фразой: "Уже в юности у него определились наклонности, определившие дальнейшее течение его жизни" и т. д. Эту фразу великолепно можно использовать в отношении рыцаря Ульриха, ибо уже в юности он влюбился в одну знатную даму, постоянно крутился возле нее, и, бывая в качестве благородного паж в ее покоях, он всегда выпивал воду, в которой обожаемая дама мыла руки.

О какой даме идет речь, выяснить с абсолютной точностью нельзя. Из биографии ясно только, что это была дама очень высокого ранга; по некоторым данным можно было сделать вывод, что речь шла о жене правящего в те времена австрийского герцога Леопольда.

Когда кавалера Ульриха в Вене посвятили в рыцари, он посчитал, что пришло время предложить, как это и было принято тогда, свою службу даме сердца. Но рыцарь не имел возможности так легко приблизиться к ней, как паж, поэтому ему пришлось искать посредника. Посредничество взяла на себя одна из его теток, которая была подругой дамы высокого ранга. Начался обмен посланиями. Рыцарь Ульрих направлял даме песни собственного сочинения; та принимала песни, даже хвалила их, но всегда отвечала, что рыцарь ей не нужен, и господин Ульрих пусть даже не мечтает, что его услуги будут приняты. Другими словами, госпожа уверенно следовала правилам флирта: отталкивать, но при этом и поощрять, дабы несчастный влюбленный постоянно терзался сомнениями.

Гордая госпожа однажды так заявила его тетушке: "Если бы твой племянник и был бы равен мне по рангу, все равно он не был бы мне нужен, потому что у него очень некрасиво выпирает верхняя губа". Дело в том, что природа наградила господина Ульриха толстой верхней губой, которая по размеру была в два раза больше нормальной.

Когда тетушка передала эти слова, господин Ульрих недолго терзался сомнениями. Он приказал запрячь коня и поскакал в Грац. Там он разыскал лучшего хирурга и предложил ему большие деньги, если он поможет освободиться от излишества на губе. Хирург согласился сделать операцию и успешно ее проделал. Наркоз в те времена не был известен, и хирург хотел связать ремнями рыцаря, ибо боялся, что тот завертится от боли, скальпель сорвется и весь труд пойдет насмарку. Кроткий мещанин, конечно, не был знаком с рыцарским уставом и с "Frauendienst". Настоящий рыцарь не упустит возможности продемонстрировать, что ради дамы он способен без звука перенести любую боль. Господин Ульрих не разрешил связать себя; он как был, сел на скамью и не издал ни звука, когда лекарь отхватил у него полгубы.

Результат: операция прошла успешно, от страшной губы не осталось и следа. Но несчастный пациент полгода лежал в Граце, пока рана полностью зажила. За это время от него остались кожа да кости. Он не мог ни есть, ни пить; губу постоянно мазали какой-то дурно пахнущей мазью, и что бы он ни брал в рот, его сразу тошнило, потому что зеленая мазь попадала в питье или пищу, а с ними — в рот. "Тело мое страдало, — писал неисправимый влюбленный, — но сердце было полно счастья".

Весть о пластической операции дошла и до дамы, которая написала письмо тетушке. В письме она сообщала, что на короткий срок выезжает из замка и направляется в один город. Она будет рада увидеть там и тетушку. "Можешь привезти с собой и племянника, но только для того, чтобы я могла увидеть его исправленную губу; ни для чего другого".

Так приближалось великое мгновение, когда рыцарь Ульрих мог наконец живым словом выразить свои чувства обожаемой женщине, которую в своих записках он всегда называл Доброй, Чистой и Милой. Приближалось мгновение, приближалась и госпожа, причем верхом на коне, в одиночестве, опередив свиту. И вот уже рыцарь Ульрих скачет рядом с ней, но дама, естественно, отворачивает от него коня, как будто ей неприятно было общество кавалера. Несчастный не подозревал, что ее манерничание было чистой воды флиртом. Он был в такой панике, что язык у него отнялся и он не мог вымолвить ни слова. От стыда он приотстал от дамы, потом вновь нагнал ее, но язык по-прежнему не слушался его. Пять раз повторял он свой маневр, и всегда с тем же результатом. Конная прогулка закончилась, возможность осталась неиспользованной. Единственное, что осмелился сделать господин Ульрих в конце путешествия, — он приблизился к госпоже, чтобы помочь ей сойти с лошади.

И тогда случилось удивительное.

Добрая, Чистая, Милая милостиво приняла помощь и спорхнула с лошади, но, порхая, она изловчилась вырвать из прически рыцаря, державшего коня, добрый клочок волос и шепнула ему: "Это

тебе за трусость!"

Неприятно ныла кожа на голове, а неопытный рыцарь пытался разобраться в непонятном событии. И так как он уже потерял веру в силу своего живого слова, он вновь прибег к письменным посланиям. В длинном стихотворении он выразил свои чувства, а услужливая тетушка доставила весточку адресату. И вновь последовало неожиданное событие: господину Ульриху ответили. Но невезение не оставляет того, к кому оно привязалось. Господин Ульрих не умел читать, а его писец был в другом городе. Десять дней грел на своей груди непрочитанное письмо несчастный влюбленный, десять дней он топтался у порога счастья, пока наконец не вернулся поверенный в тайну писец. И тогда выяснилось, что бедный рыцарь грел на своей груди змею. Послание оказалось стихотворением, совсем коротким стишком, но каждая строка была ядом для начинавшего уже надеяться влюбленного. Сочинила его наверняка сама знатная дама, которая выразила в стихотворении мысль, что тот, кто мечтает о запретном плоде, изменяет самому себе.

Wer wunscht, was er nicht soll
Der hat sich selbst versaget Wohl.

(Кто мечтает о запретном,
Изменяет сам себе.)

Чтобы подчеркнуть эту мысль, а также в интересах лучшего звучания поэтесса трижды повторила эти две строки.

Но сломить упрямого влюбленного было невозможно. Он руководствовался мыслью, что надо со смирением принимать и зло, если оно является добром для Доброй, Чистой и Милой. Поэтому с неизменной влюбленностью он крутился возле нее, но, так как слова не приносили результата, он старался поступками доказать, что достоин ее.

Повсюду, где проводились рыцарские турниры, появлялся господин Ульрих и отважно сражался в честь своей госпожи. Сто копий сломал он о противников; во всех схватках он был победителем. Его уже упоминали среди лучших рыцарей. Но вновь сказывалось влияние злой судьбы: копьё противника однажды с такой силой ударило о правую руку рыцаря, что срезало ему мизинец. Он бросил турнир, помчался в город к лекарю, и тот установил, что палец на обрывке кожи еще висит на руке, поэтому его, возможно, еще можно спасти. Несколько месяцев перевязывали руку, лечили раненого рыцаря, наконец мизинец, хоть и криво, но прирос к кисти.

С этого момента начинается действительная роль мизинца.

За это время господин Ульрих нашел другого посредника вместо своей тетушки. Один из его соратников часто бывал при герцогском дворе. Он и взял на себя обязанности почтальона. Рассказывая госпоже, какими героическими подвигами Ульрих доказывает свою любовь к ней, он заметил: вот в прошлый раз ему даже срубили мизинец. Вот когда дама почувствовала себя на коне (простите за банальное сравнение). Ответ не заставил себя ждать: "Все ложь, все неправда; из надежного источника я знаю, что мизинец - на месте, и ничто с ним не произошло". Огорчился, узнав об этом, рыцарь Ульрих, вновь вскочил на коня и помчался - нет, не к хирургу, а к надежному другу. Ссылаясь на их дружбу, он потребовал, чтобы тот отрубил ему вылеченный палец! Приятель не хотел оказать ему такую любезность, на что Ульрих сам приставил нож к пальцу, которым он собирался пожертвовать, и пригрозил, что плохо или хорошо, но он сам тотчас отрубит себе мизинец, если друг не поможет. Взял его приятель молоток, ударил им по ножу, и мизинец был отрублен. Рану перевязали, и, как пишет господин Ульрих, он сразу сел сочинять стихотворение. Сочинив длинный стих, он продиктовал его писцу и переплел бумагу в зеленый бархат; потом он заказал умелому ювелиру золотую застёжку для книги в виде мизинца. В эту застёжку был запрятан отрубленный палец!

Посланник точно выполнил задачу и доставил книгу госпоже, после чего стал ждать ответа. И ответ не заставил себя ждать. Увидев мизинец, дама разразилась такими словами: "О Боже! Я никогда не думала, что разумный человек способен на такие глупости!"

Ответ, который, как результат своего великого деяния, получил господин Ульрих, был составлен по старому рецепту: "Скажи своему поручителю, что книгу я стану хранить в моем ящике и ежедневно буду видеть мизинец; но пусть он не думает, что хоть на волос приблизился к цели. Он может служить тысячу лет, но все это напрасно".

И все-таки рыцарь Ульрих был вне себя от счастья, потому что шкатулка госпожи для его пальца была намного лучшим местом, чем его собственная рука. Восторженное состояние помогло ему найти решение, венчающее все его подвиги в честь прекрасной дамы.

Придуманый им план был самой большой глупостью из всех, которые знала история рыцарства. Это была абсолютно нелепая рыцарская авантюра, которую сегодняшним умом понять невозможно. И то, что он осуществил свой план, доказывает, что так часто упоминаемая романтика рыцарства нередко сбивалась с истинного пути.

В один прекрасный день господин Ульрих фон Лихтенштейн выехал из замка под предлогом, что

он совершит паломничество в Рим. Но в Рим он не поехал, а остановился в Венеции, где и провел всю зиму. Свое время он тратил на то, что заказывал тамошним портным новые и новые шикарные одежды. Но не рыцарские костюмы, а дамские платья. И не для дамы сердца, а для самого себя. Он заказал двенадцать юбок, тридцать блуз с вышитыми рукавами, три белых бархатных мантии и много других предметов дамского туалета. В заключение он заказал две длинные косы с вплетенными в них жемчужинами.

Когда все снаряжение было собрано, а погода повернулась к весне, господин Ульрих разработал детальный маршрут. От Местре, через Каринтию, Штирию и Вену — до Чехии. Путь был рассчитан на двадцать девять дней, причем было точно отмечено, в какой день он должен прибыть в какой город и где остановится на ночлег. Этот план с конным курьером он направил вперед во все города, где собирался останавливаться на ночь. В каждом городе курьер объявлял его маршрут и зачитывал письмо, из которого следовало, что господин Ульрих собирался проделать весь путь инкогнито, украшая его рыцарскими поединками, но не как господин Лихтенштейн, и даже не как анонимный рыцарь, а в женском платье, как сама богиня Венера!

(Подобную глупость придумал только трубадур Пьер Видал, когда в честь своего идеала влез в волчью шкуру и, опустившись на четвереньки, бегал в таком виде по полям. Даму его сердца звали Лоба, что значит волчица. Но он просчитался, потому что охранявшие стадо волкодавы приняли его за настоящего волка и чуть не задрали его до смерти.)

Но возвратимся к нашему герою и его нелепому письму. В нем говорилось: "Королева Венера, богиня любви, шлет всем рыцарям привет и сообщает, что желает лично встретиться с ними, чтобы научить каждого благородного рыцаря, как надо служить дамам и бороться за их любовь. Она извещает, что в день Святого Георгия отправляется в путь из города Местре в Чехию, и рыцарь, который во время этого путешествия скрестит с ней копыя, получит в подарок золотой перстень. Рыцарь обязан отправить его даме своего сердца; перстень наделен волшебной силой; дама, получившая его, почувствует огромную любовь к дарителю. Но если в ходе поединка богиня Венера выбьет его из седла, он обязан отправиться в любой конец света в честь некой дамы. Богиня Венера не откроет своего лица в течение всей поездки. Рыцарь, узнавший о ее прибытии и не вышедший на поединок с нею, будет считаться не подчинившимся законам любви и подлежит презрению всех настоящих дам".

Для обстановки того времени характерно, что рыцаря Ульриха не связали и не отправили в башню для сумасшедших, больше того, новаторскую авантюру встретили с ликованием. Знакомясь с ходом поездки Венеры, мы узнаем, что шутка понравилась всем. Богиню Венеру повсюду торжественно встречали, и ни один из живущих по маршруту рыцарей не уклонился от поединка. Я заранее сообщу конечный результат: господин Ульрих в костюме богини Венеры сломал триста семь копий и раздарил своим соперникам по поединкам двести семьдесят перстней. Сам он в ходе всех многочисленных поединков не получил ни царапины, а вот четырех противников ему удалось выбить из седла.

Странное приключение не сделало рыцаря Ульриха комическим персонажем. Наиболее старое собрание песен миннезингеров содержится в написанном в конце XIII века кодексе Манасса; в нем имеются и тонко выполненные миниатюрные портреты миннезингеров. Рыцарь Ульрих оказался в очень приличном обществе: между Хартманном фон Ауэ и Вольфрамом фон Эшенбахом. Он изображен скачущим на богато украшенном коне в полном рыцарском снаряжении, на шлеме с опущенным забралом видна фигура опустившейся на колени богини Венеры. Значит, по тогдашним понятиям турне Венеры ни в коем случае не было смешным.

Чтобы показать, как было оформлено турне, мы расскажем о вступлении нашего героя в город Местре.

Впереди скакали пять слуг, за ними — знаменосец с высоко поднятым белоснежным знаменем. По обе стороны от него два трубача трубили тревогу. За ними следовали три верховых лошади в полном снаряжении и три пристяжных. Вслед за этой группой пажи несли белоснежный шлем и щит рыцаря. Вновь трубач, за ним четыре оруженосца со связкой копий серебряного цвета, две девушки в белых платьях верхом на лошадях и два скрипача, также верхом на лошадях. Завершала процессию сама богиня Венера, в белой бархатной мантии, с надвинутым на лицо капюшоном; из-под мантии выглядывало белоснежное тончайшее шелковое белье, на голове — шляпа, украшенная жемчужинами. Из-под шляпы змеились две длинные, достигавшие до пояса косы, с вплетенными жемчужинами.

В такой торжественной кавалькаде проследовала Венера по всему намеченному маршруту. Рыцари бились за право выйти на поединок с нею. На поединок Венера надевала под дамское платье доспехи, меняла шляпу на шлем, но косы оставляла выглядывающими из-под шлема. Описание поединков не представляет интереса, хотя рыцарь Ульрих подробно рассказывает о каждом из них. Однажды он нарвался на такого же, как он сам, ненормального: некий словенский рыцарь в честь

своей дамы также оделся в женское платье и выпустил косы из-под шлема.

Два глупца бросились друг на друга с таким азартом, что даже щиты не выдержали напора и разлетелись вдребезги.

Дамы повсюду встречали защитника женщин с безграничным энтузиазмом. В Тарвисе ранним утром двести женщин собрались перед домом, где остановился рыцарь, чтобы проводить его в церковь. Посещение церкви во время турне Венеры было замечательной характеристикой эпохи. Мы посчитали бы такое богохульством, а в тот период никто не возражал против того, чтобы одетый в женское платье мужчина в составе триумфального шествия мелкими женскими шажками входил в церковь, где, сидя на отведенных для женщин местах, выслушивал мессу и, как женщина, принимал причастие.

Женщины открывали свои сердца перед паломником любви, но он до конца оставался верен идеалу. Однажды слуги неизвестной дамы ворвались в дом, где он остановился на постой, осыпали его розами и вручили дорогой перстень с рубином как подарок прекрасной и юной благородной дамы, не пожелавшей назвать свое имя.

Но самый странный эпизод этого странного турне был еще впереди.

Но он настолько невероятен, что для достоверности я передам слово самому рыцарю Ульриху. После турнира, состоявшегося в Штирии, в поселке, расположенном неподалеку от его собственного замка, рыцарь закрылся в своих покоях, а потом выбрался из них через другую дверь. Богиня Венера превратилась в мужчину. Короткую историю своего мужского существования он излагает так:

"И тогда в сопровождении одного слуги я выбрался оттуда и направился к моей милой супруге, которая с радостью приняла меня и была очень рада, что я навестил ее. Там я провел два чудесных дня, утром третьего дня прослушал мессу и попросил Господа, чтобы и в будущем он был милостив к моей чести. Мы нежно распрощались с супругой, и я смело поспешил продолжать мое испытание".

Из этого короткого текста читатель узнает, что господин Ульрих за это время успел жениться, больше того, как мы узнаем из дальнейшего описания, он стал отцом четырех детей. Многочисленные дети и любящая супруга совсем не мешали ему служить любви совсем в другом направлении. Иногда, чаще всего зимой, он возвращался в свой замок, там какое-то время жил реальной супружеской жизнью со своей женой, но, когда весной распускались почки на деревьях, он вновь вылетал из гнезда в погоне за романтической мечтой. Жена не находила никаких причин, чтобы возражать против этого. Ей, может быть, даже было лестно, что ее муж завоевал себе такую известность во Frauendienst, а может быть, у нее тоже был такой гонящийся за мечтой рыцарь. Такие личные дела в ту эпоху считались совершенно нормальными.

Имитируемое во время турнира Венеры "инкогнито", естественно, было лишь формальностью, ибо все знали, что под женской блузкой с вышитыми рукавами бьется мужественное сердце рыцаря Ульриха. Узнала об этом и дама его сердца. И в один прекрасный день перед господином Ульрихом предстал доверенный посол с неожиданным посланием. Он принес посланный госпожой перстень. "Госпожа сообщает, что вместе с тобой радуется твоей славе и принимает твою службу. В знак этого она шлет тебе перстень". Паломник любви упал на колени и в такой позе принял залог.

Несчастный, если бы он был знаком с правилами флирта, он с математической точностью мог бы предсказать следующий ход своей госпожи. В еще один прекрасный день посредник предстал перед ним с удлинившимся лицом и повисшим носом. "Твоя госпожа узнала, что ты изменял ей с другими женщинами; она была вне себя от злости и требует, чтобы ты немедленно вернул ей перстень, ибо ты недостойн носить его".

Еще одна деталь, показывающая, насколько сентиментальна была эпоха рыцарства: услышав зловещую новость, рыцарь Ульрих фон Лихтенштейн горько заплакал. Он рыдал, как маленький ребенок, ломал себе руки и хотел умереть. Услышав громкий плач, в комнату вошел управляющий замком, который при виде безутешного горя господина Ульриха очень огорчился и начал вместе с ним плакать, что там плакать — рыдать, "как будто у того умер отец". Два закованных в доспехи рыцаря учинили такой рев, что его услышал шурин Ульриха, вошел к ним, начал на них ругаться и постепенно вернул к жизни двух богатырей.

Упорного влюбленного ждали грустные времена. С горя он сочинял стихи и посылал их жестокой возлюбленной. Сам он так написал о том, что случилось в дальнейшем: "От вести мне стало очень горестно, и я уехал к моей милой супруге, которую люблю больше всех в мире, хотя и избрал своей госпожой другую женщину. Я провел с нею десять счастливых дней, а потом понес свою грусть дальше".

Спустя семь веков трудно понять такое многополюе, но ведь именно в этом и была одна из характерных странностей эпохи рыцарства.

Роман господина Ульриха приближался к развязке. Жестокое сердце прекрасной дамы смягчили томные песни, и, как этого можно было ожидать, в еще один прекрасный день он получил известие:

госпожа прощает господина Ульриха и назначает ему встречу. Но чтобы избежать связанной с разговором опасности, пусть он наденет нищенское платье, смешается с толпой ждущих милостыни прокажённых, расположившихся вокруг замка, и ждет приглашения на свидание.

В Дон Кихоте любви и после этого не проснулись подозрения. Он оделся в платье нищего, множество дней провел среди прокаженных и чуть не заболел от одного отвращения. Несколько раз он промокал до нитки и промерзал до костей холодными ночами. Наконец служанка принесла долгожданную весточку: ночью, в такое-то и такое-то время, будь у основания башни, под окном, в котором будет виден свет. Господин Ульрих сбросил нищенские тряпки и в одной рубахе стал под окно. В назначенный час действительно из окна спустили связанные узлом простыни, рыцарь ухватился за них, и нежные, но крепкие женские руки подняли его к окну. Когда он вошел в комнату, ему на плечи набросили украшенную золотым шитьем мантию и провели к госпоже. Да, личная встреча, о которой он мечтал много лет, состоялась.

Госпожа любезно приняла рыцаря, похвалила его верность и вообще обращалась с ним очень нежно. Но из господина Ульриха рвалась накопившаяся с годами страсть, он вел себя требовательно и поднял вопрос о доказательствах любви. Об этом, конечно, не могло быть и речи, потому что госпожу окружали восемь придворных дам, но влюбленный безумец ничего не видел и ничего не слышал; он становился все более настойчивым; наконец он поклялся, что, что бы ни случилось, он не уйдет отсюда, пока не получит в награду "Beiliegen"¹³³. Успокоить его было невозможно, наконец госпожа поставила ему условие: хорошо, все будет так, как он хочет, но, чтобы доказать свое послушание, пусть он вновь займет свое место на простыне, его немного опустят вниз, что и послужит доказательством, а потом вновь поднимут к окну. Господин Ульрих в этот раз был хитер; он согласился предоставить такое доказательство, но только при условии, что будет при этом держать госпожу за руку. Так и произошло, господин Ульрих одной рукой держался за простыню, и, когда его начали медленно опускать вниз, Добрая, Чистая и Милая обратилась к нему с такими словами: "Я вижу, ты заслуживаешь этого, поцелуй меня". Вне себя от счастья, господин Ульрих протянул ей свои израненные операцией, потрескавшиеся от жажды поцелуя губы, но при этом он отпустил нежную белую ручку и в ту же секунду вместе с простыней был сброшен к основанию башни. О недоразумении тут не могло быть и речи, ибо, когда он с трудом поднялся, простыню уже втянули в окно.

Но даже это не охладило безграничной любви Ульриха! Дама объяснилась с ним, он продолжал писать ей стихи, и так продолжалось до роковой катастрофы. Что совершила мастерица флирта рыцарской эпохи, из дневника выяснить нельзя, но поступок ее был необыкновенно жесток, ибо Ульрих пишет, что это уже нельзя простить и что он отказывается от службы этой госпоже, "потому что только глупец может до бесконечности служить там, где нечего и рассчитывать на награду".

Значит, странствующий рыцарь любви считал самого себя умным человеком¹³⁴.

ЗАКАТ "MINNE" И ГАЛАНТНОСТЬ

Прекрасным, идеально прекрасным было неземное обожание, с которым феодальные рыцари относились к женщине, но своими крайностями они настолько натянули струну романтики, что в конце концов она лопнула. Закованные в доспехи, бородастые, перебирающие струны лютни дети постепенно повзрослели и поняли, что поднятая на пьедестал женщина остается женщиной, и, больше того, даже и не из лучших.

Тангейзер, — не легендарный, а живший в действительности в 1240-1270 годы Тангейзер¹³⁵, — уже бунтует против женского ига, в своих стихах он отважно высмеивает события эпохи рыцарства.

Treuer Dienst der is gut.

Den man schonen Frauen thut, -

Верная служба тогда хороша,
если прекрасна твоя госпожа,

— поет Тангейзер, а затем перечисляет, какие условия выдвигает обожаемая госпожа для получения награды. Ей надо построить дворец из слоновой кости; из Галилеи¹³⁶ ей надо доставить гору, на которой когда-то сидел Адам; кроме того, ей надо принести чашу Грааля, а также яблоко, которое Парис вручил Венере¹³⁷. После всего этого можно было ожидать самую сладкую награду. Но если рыцарь не сможет быстро найти Ноев ковчег, его ожидает вечный гнев. Прекрасная, Чистая, Добрая совсем по-другому выглядит в глазах Тангейзера.

Ja Dank sei ihr, ihr Nam ist gute.

Hei bei! Es blieb zu fern ihr einst die scharfe Rute.

Ее имя — Добрая; ой, спасибо ей.

Почему же розги, ой, не ударили по ней.

Тангейзер ходил с открытыми глазами в отличие от ослепленных любовью миннезингеров. Он ясно видел, что то, что рыцарь считает роковой любовной связью, для женщины было только игрой в любовь, на современном языке — флиртом.

Sprech ich ein Ja, sie saget Nein,
So stimmen stets wir uberein.

Если мне — Да, то ей — Нет,
Так реагируем мы в ответ.

Период "Minne" постепенно приближался к своему закату. Полнокровный представитель эпохи Ренессанса смеялся над бесплотным томлением и искал в любви более реальные радости. Само слово "Minne" тоже утеряло свое прежнее значение. Серьезный немецкий научный труд с грустью пишет об этом: "Начиная с XV века благородное значение слова "Minne" постепенно огрублялось, и его начали использовать только для определения отвратительных физических наслаждений".

Насколько отвратительны эти радости, мы не будем говорить, ибо это не входит в тему нашего рассказа; не вызывает сомнений одно, что они заполнили брешь, на протяжении столетий зиявшую в истории флирта. Человек эпохи Ренессанса осуществлял свою активную практичность во всех областях, а флирт, как институт, на время был вынесен в чулан, где хранятся ненужные вещи. Он не исчез полностью, так как во все эпохи находились и найдутся женщины, которые не способны на самоотверженную любовь и выражают свои чувства в безответственной игре. Примером могут служить уже приведенные данные Брантома; они относятся уже к XVI веку, когда только кое-где поднимали голову запоздалые остатки рыцарской морали.

В XVII веке мы вновь встречаемся с флиртом, но уже под другим названием. В тот период его звали галантностью.

По определению серьезного Монтескье¹³⁸, галантность — не любовь, а только милая и легкая ложь, приносимая любовью. А что это, если не флирт.

Место действия: дворец Рамбуйе¹³⁹. Действующие лица: жеманницы. В этом салоне с искусственной атмосферой возродилось существовавшее в эпоху рыцарства почитание женщины. Женщина вновь была поднята на пьедестал. Но теперь ее поднял туда не рыцарь, она сама забралась на возвышение. Расположившись там, она потребовала, чтобы кавалеры служили ей так же, как рыцари служили ее средневековой предшественнице. Естественно, уже не ломая копий и не совершая других боевых подвигов, а используя мирное оружие ума. Остроумная беседа, ловкий комплимент, зарифмованное выражение чувств — этими средствами надо было добиваться благосклонности идеала. Такое духовное любезничание в то время называли галантностью. Литературное изображение жеманного мира известно; достаточно сослаться на остроумную и жестокую сатиру Мольера¹⁴⁰. Характерная для салонов галантность была, собственно говоря, тем, что мы сегодня называем флиртом, будучи при этом украшенной в соответствии с требованиями моды своего времени.

Согласно теории жеманства "женщины являются украшением мира: они созданы для того, чтобы их обожали и окружали высокими чувствами, в обмен на что они предлагают свою дружбу и уважение". И кавалеры, по крайней мере, в салонах дам Рамбуйе довольствовались этой скудной пищей. По-другому и не могло быть, ведь дамы были настолько бесплотны, что Джулия д'Анженне, например, в буквальном смысле этого слова теряла сознание, если в ее присутствии произносили какое-то обыденное слово. Мы знаем, что из обихода были выброшены самые обыденные слова, а вместо них придумали новые, более утонченные, так что посторонний человек был не в состоянии понять их разговор, и позже Сомэ составил специальный словарь их речи ("Dictionnaire des Precieuses"). Например, слово "рука" казалось слишком вульгарным, потому что обыкновенные люди используют ее для работы, поэтому рука получила новое наименование: "прекрасная подвижная" (la belle mouvante). Слово "зеркало" также было ликвидировано, вместо него изящно говорили: "советник граций" (le conseiller des Graces). Слово "кресло" тоже слишком резко пахло столярным ремеслом, поэтому его надо было называть "средством для удобства беседы".

В этих салонах речь только и шла о величии женщин, их великолепных достоинствах и добродетелях, о том неисчерпаемом счастье, которое охватывает мужчину, если, обожествляя эти достоинства, он оказывается у ног своей дамы. Вот письмо, которое один из наиболее популярных писателей того времени Гёз де Бальзак¹⁴¹ адресовал госпоже де Рамбуйе по тому приятному поводу, что вышеуказанная дама оказала ему честь, прислав набор парфюмерных принадлежностей:

"Поэты Рима воспели ароматические средства богини Венеры. Но мой подарок получен из более высоких рук, чем руки этой обыкновенной богини: я получил его от небесной богини любви, от воплощения добродетели, которая, как это явствует, предстала перед людьми, от совершенства, спустившегося с небес на землю. Я не устаю хвалиться перед всеми этим подарком. Все земное, все, чем богаты люди, теряется в сравнении с ним. И как нет чести выше той, которая досталась мне с этим

подарком, нет на свете и благодарности, которую можно было бы сравнить с моей. Словами я могу выразить лишь малую частицу своих чувств, их большая часть осталась в моем сердце".

То, чем занимались дамы-жеманницы из этих салонов, было бесплотной любовной игрой, разжиженной сентиментальной, эфирной литературой, выражающей себя в высокопарных гиперболах. Но им удавалось сводить с ума часть неопытных юнцов, склонных к романтике. Бюсси-Рабютен142, который в свои мужские годы был очень далек от мира платонических чувств, так описывает свою юношескую любовь, с которой он преследовал одну прелестную вдову:

"У меня было настолько смехотворное представление об уважении, которое я должен испытывать к женщинам, что моя прекрасная вдовушка умерла бы рядом со мной от бледной немочи, если бы не заметила мою придурковатость и не поощрила меня. Долгое время я не осмеливался прореагировать даже на поощряющие меня поступки с ее стороны. Я был убежден, что любовь дамы завоевать невозможно, если ты должное время не занимался вздохами, рыданиями, мольбой и написанием любовных писем. Пока все это я не делал, считал я, у меня нет малейшего права ждать самую незначительную милость".

Из письма выясняется, однако, что прекрасная женщина-вдова не была противницей некоторых льгот, которые несовместимы с эфирностью существ, спустившихся с небес. То есть вся подражавшая эпохе рыцарства комедия была не чем иным, как флиртом. В тот период его называли галантностью, потому что слово "флирт" еще не родилось.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ИСПАНСКИЙ КАВАЛЕР

В результате многовекового мавританского влияния на женщину в Испании лег груз буквально трехкратного надзора. Общение с посторонним мужчиной запрещала не только общественная мораль, свирепый и ревнивый муж тоже заботился о том, чтобы нежелательные отношения были бы невозможны. Когда он сам не мог осуществлять личный контроль, его подменяла известная по испанским романам дуэнья, которая ста глазами Аргуса следила за пленницей. Факт, что женская хитрость в состоянии обмануть самую бдительную охрану, но такие случаи не имеют ничего общего с флиртом, их место на страницах историй страстной любви.

И все-таки здесь, в этой стране, мы встречаемся со смягченными до уровня XVII века вариантами флирта рыцарской эпохи. Причем там, где этого меньше всего можно было ожидать: при королевском дворе. Общественную жизнь испанского двора до ледяного состояния охлаждало одно из самых странных изобретений человеческого разума — испанский этикет. Его придумал Филипп II, оставивший его потомкам вместе с уже распадавшейся империей.

Испанский этикет возводил до уровня земного божества личности короля и королевы. А боги не смеются. Улыбка и веселье были изгнаны из жизни двора. О Филиппе IV было замечено, что за всю жизнь он смеялся три раза. Дама преклонного возраста выполняла при королеве роль "Camera Maуog", то есть старшей гофмейстерши, которая заключалась в том, чтобы с утра до ночи ходить по пятам за королевой и строжайше следить за соблюдением правил этикета. "Королева Испании не имеет права смеяться", — звучало предупреждение, когда юная королева расхохоталась над проказами придворного шута. "Королева Испании не имеет права смотреть в окно!" — хотя окно выходило в пустынный двор монастыря. Был случай, когда королева не смогла удержаться от смеха, слушая пустую болтовню попугаев. Camera Maуog собственноручно свернула шею бедным птицам. Эта старуха была герцогиней Терранова. Именем этикета она могла безнаказанно хулиганить и поплатилась всего один раз, когда королева ждала ребенка. В святые месяцы начинающегося материнства по испанским традициям молодой женщине разрешалось делать все, что ей захочется. И королева воспользовалась этой привилегией. Когда ненавистная старуха, как обычно, подошла к ней, чтобы поцеловать руку, она от души отхлестала ее по щекам. "Мне захотелось", — оправдывалась она с кротким выражением на лице, и достойная дама ничего не могла возразить на это.

В такой атмосфере придворные дамы должны были зачахнуть от скуки. Тем более, что контроль над ними тоже находился в руках пожилой дамы. "Guarda dama", используя соответствующую вспомогательную силу, следила за их нравственностью. Придворной дамой не могла быть замужняя женщина, в этой роли могли выступать лишь девушки и вдовы. Жить они должны были во дворце. Так вот, чтобы их жизнь не была невыносимой, им разрешалось иметь подле себя одного или нескольких официальных поклонников. Их называли "Galanteos de palacio", что можно перевести как "придворные кавалеры". Таким кавалером мог быть и женатый человек, по желанию, молодой или в возрасте. Это не имело никакого значения, потому что о любовных чувствах там и речи не могло быть, его права заключались всего-навсего в том, что он имел право поклоняться даме и служить ей.

Сатира Сервантеса143, не оставив следа, просвистела над дворцом испанского короля; ее просто

не заметили. Придворный кавалер находился в близком духовном родстве с Дон Кихотом и его предшественниками. В течение всего года ему выпадало несколько дней, когда он мог наслаждаться обществом обожаемой дамы. Придворные дамы только в редких случаях могли показаться на людях: на дворовых торжествах, церемониях, приемах, иногда на зрелищах аутодафе¹⁴⁴, где благотворное влияние на их глаза и уши оказывало пламя костра и отчаянные крики поджариваемой на этом костре ведьмы. В такие моменты официальный кавалер мог стоять рядом со своей дамой и ухаживать за ней, естественно, соблюдая правила и нормы поведения и морали. Странно официальную окраску придавало ухаживанию право кавалера даже в присутствии короля оставаться в шляпе, как это было положено градам. Эту привилегию дворцовые правила разрешали якобы по той причине, что согласно официальному предположению кавалер в присутствии дамы и от любви к ней может почувствовать такое головокружение, что потеряет способность мыслить, как лунатик, и уронит шляпу, если будет держать ее в руке.

В остальные дни года "галантео" может кружиться вокруг дворца и ждать, когда его дама на мгновение покажется у окна. Тогда с помощью жестов он мог признаться ей в своей любви, что по испанским правилам делалось так: кавалер доставал из кармана платок, прикладывал его к губам, потом ко лбу, затем прикладывал его к сердцу. Согласно мемуарам графини д'Онуа томящийся таким образом кавалер стонал и вздыхал настолько громко, что его можно было услышать издали. Чтобы все-таки получать и какое-нибудь физическое наслаждение, они подкупали хирурга, который пускал кровь придворным дамам, и тот выносил им платок или бинт, пропитанный кровью обожаемой госпожи.

Но такая официальная рыцарская служба была высокой честью и наградой. И ее стремились заполучить не только молодые, но и старики. Тот, на кого падал выбор, осыпал госпожу изысканными подарками. Графиня д'Онуа рассказывает, что во время ее пребывания в Испании множество кавалеров были разорены манией дарить подарки.

ЧИЧИСБЕЙ¹⁴⁵

Этот прелестный институт поднял голову в Генуе в начале XVIII века. Его суть заключалась в том, что благородные дамы в Генуе держали при себе даже не одного, а несколько кавалеров, которые несли службу вокруг них. Если кавалеров было несколько, они делили между собой обязанности. Один помогал при утреннем туалете, другой сопровождал даму в церковь, третий оберегал ее во время прогулки, четвертый следил за безопасностью на массовых празднествах, пятый заботился о гастрономических радостях, шестой вел финансовые дела. Эти обязанности кавалеры воспринимали, как свои права. мода дошла до того, что позже стало считаться позорным, если у благородной дамы не было чичисбея или кавалер из знатной семьи не бездельничал возле нее целый день в качестве чичисбея.

Что касается мужа, он находился в таком же положении, как муж в эпоху рыцарства, который должен был терпеть, что его жена официально подряжает к себе поклонника-рыцаря. Разница заключается лишь в том, что *cavalier servant* эпохи рыцарства редко встречался со своим идеалом, а вот чичисбей с утра до вечера ходит по пятам за дамой. Именно поэтому муж обычно не очень волновался из-за постоянного эскорта, потому что чичисбеи ревнивее относились друг к другу, чем муж к жене, так что в их лице муж имел надежных контролеров. Беда могла случиться только тогда, когда действовал лишь один чичисбей, но ни в одну эпоху не было спасения, если волны флирта перехлестывали через дамбу. Да и здесь ситуация была такой же, как в период средневекового *Frauendienst*: муж сам мог подрядиться чичисбеем к другой даме.

Чичисбейство отличается от в большей или в меньшей степени открыто выступающих и в большей или меньшей степени признаваемых флиртов тем, что оно было организовано институционно. Институционно в полном смысле этого слова, больше того, организовано на правовой основе в том смысле, что при заключении брачных договоров определялось и то, сколько чичисбеев имеет право держать молодая жена. Возражать против такой правовой традиции было все равно, что в период моды на юбку со шлейфом пройти по улице в юбке по колено. Хроника увековечила имя единственного храбреца, маркиза Спинолы¹⁴⁶, который любил свою невесту такой мужицкой любовью, что в брачный договор включил пункт, противоречивший моде. Он ясно и решительно заявил, что во время их брака ни жена не имеет права держать чичисбея, ни он сам не может подрядиться в этом качестве к другой женщине.

Из Генуи шалая мода перекочевала в другие итальянские города. Итальянские писатели, почесывая затылки, обнаружили, что время идет вперед, и не нашли другого выхода, как заявить, что чичисбейство, собственно говоря, является свидетельством исправления нравов, так как это

удерживает юных аристократов от более вредных привычек.

Здесь надо завершить описание расцвета истории флирта. Новый период начался с веера леди Френсиз Ширлей. Но в связи с тем, что этот этап еще не завершился, на хроникера будущих времен ложится задача средствами прагматических наук определить линию развития современного флирта, описать его взлеты и падения. Надо сказать, что на такое падение надежд у нас не так уж много.

АВТОР ОПРАВДЫВАЕТСЯ

Я уже писал однажды, что книга прежде, чем выйти в свет, прихорашивается, как готовящаяся на бал дама.

Предисловие является не чем иным, как оправданием со стороны автора: что толкнуло его на написание книги и что и почему он натворил в ней. Обложка книги соответствует платью: предупреждает покупателя, с дешевым или дорогим экземпляром он имеет дело. Иллюстрации заменяют драгоценности. Открывающее книгу посвящение символизирует того влиятельного господина, опираясь на руку которого дама прибывает на бал. И так далее.

А сейчас я сам попал в вырытую мною яму. Я тоже должен оправдываться.

То, о чем я писал, не все — глупость. Возьмем, например, суеверия. Их нельзя отнести к семейству глупостей, потому что они основаны на людской доверчивости. Много в книге и такого, что выглядит глупостью только с позиций сегодняшнего дня, но нельзя обвинять в ней человека прошлого, обладавшего познаниями на уровне своего времени.

Оправдаться мне легко. Я не ученый, я только писатель. Я не умею раскладывать понятия на секционном столе науки и растягивать и кромсать их до тех пор, пока бранные остатки не будут соответствовать правилам, определяющим, каким должен быть нормальный труп.

Я хотел предложить моим читателям занимательную книгу, и душа не позволила мне отпустить бродить по свету интересные случаи лишь потому, что их конечности не уместятся под одеялом названной темы. И вообще, если уж я сам начну ковыряться в понятиях: способна ли доверчивость сама по себе породить суеверия? Не нужна ли для этого еще и добрая доза ограниченности?

Венгерский язык, кстати, насчитывает триста двадцать пять определений степени глупости. По крайней мере, столько собрал их Йожеф Баноци¹⁴⁷ в лингвистическом журнале "Мадьяр Ньелвер" VII года издания под заголовком "Синонимика понятия "глупость"". Ко всему обработанному мною материалу можно подобрать синоним из его собрания. Сверх этого списка я только добавил в свою книгу и человеческие слабости.

Из собрания Баноци я выделил следующие синонимы:

Мозги наперекосяк Дуроплет
Полоумный С придурью
Придурок Придурковатый
Ум короток Олух
Простак Олух царя небесного
С завихрениями Тронутый
Дуролом Дурак дураком
Дурбень В голове опилки
Болван Круглый дурак
Лопоухий С затуманенными мозгами
Бестолковый Осел
Полудурок Недоумок
Простофиля Выжил из ума
Идиот Ни бельмеса не понимает
Дурашливый Ветер в голове
Чокнутый Непонятливый
Обалдевший Мозги вытекли
Дурак Мямля
Глупец Кретин
Дурошлеп Остолоп
Шальной Дурачина
Туповатый Простофиля
Дурында Растяпа
Дурачок Мозги моль съела

Глуподурый Рехнувшийся
Несообразительный Тыквоголовый
Глупыш Одуревший
Не все дома Обалдуй
Придурковатый Дуралей
Слабоумный Недотепа
Непонятливый Тупица
Ум за разум зашел Разиня
Безумный Дурной
Чудило Белены объелся
Слабоумный Недалекий
Балда Тугодум
Недоумок Ограниченный
Безголовый Скудоумный
Тупоумный С приветом
Дырявый ум Неразумный
Мозги набекрень С причудами
Стукнутый Тупой
Дубина Лопух
Взбалмошный Тупоголовый
Безмозглый Без царя в голове
Дурачье Остолоп
Пустоголовый Балбес
Дурень Блаженный
Болван Дебил

К этим, богатым оттенками главным группам, добавляются еще множество диалектов. Они сохранились на народных устах лишь в отдельных регионах, до слуха жителей больших городов они не доходят. Литература тоже не впустила их в себя; как озорные сорванцы, остались они кривляться перед воротами. Но если само слово мы и не понимаем, по его звучанию ясно, что оно содержит неуважительную оценку умственных способностей. Я расставил этот шаловливый отряд в соответствии с венгерским алфавитом. Представьтесь, пожалуйста:

Балуштъя, Бойокаш, Бангула, Бодерга, Бонаш, Бусма, Буйута, Чайбатаг, Чайбокош, Читебота, Чёкёли, Дерде, Эргеллэш, Этенток, Габордяш, Гадюла, Гендебойя, Гайбатаг, Гедье-гюдье, Хэрге, Хэтрепила, Хэтрефюлэш, Хёгёли, Ицэгбёцёш, Калабала, Кайвэсэш, Камутъи, Коплэдъеш, Кубурц, Лёчертэш, Лутякош, Мамука, Мужмак, Натрабёрёш, Набоци, Няманди, Ниваска, Радъиватлан, Тато, Табайдок, Тотьялагош, Тилибодьи, Ванньяго, Зоболи.

Что касается человека прошлого, я бы не сказал, что из-за какой-то мании ему на шею надо повесить позорную доску глупости. Но может быть, я не оскорблю его памяти, если скажу, что бывал он иногда "чайбокош", бывал "эргеллэш", случилось, что выглядел он "хэтрепилой" и "радъиватланом".

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Питкин (Pitkin Walter B.), Уолтер (1878-1953) — американский писатель и журналист, автор книг "Психология счастья" (1929), "Жизнь начинается в 40" и др. (прим. ред.)
- 2 Рише (Richet), Шарль Робер (1850-1935) — французский физиолог, лауреат Нобелевской премии по медицине (1913) (прим. перев. и ред.)
- 3 Недостаток способности делать выводы, встречающийся у талантливых людей, он иллюстрирует на примере новеллы Людвиг Анценгрубера. Новелла повествует о трагедии семьи Тренделей. Нежная любовь связывает мужа и жену, но неряшливость жены приводит к разрыву. Господин Трендель, собираясь на аудиенцию к высокому начальству, обнаруживает, что на брюках болтаются пуговицы. "Эко дело, — говорит жена, — сейчас закреплю парой стежков". И закрепляет, но так небрежно, что при первом же глубоком поклоне подтяжки натягиваются, пуговицы отрываются и т. д. Развод.
Л. Лоувенфельд так рассуждает об оторванных пуговицах, приведших к семейному разрыву: "Даже слабая умом женщина должна знать, что болтающиеся пуговицы нельзя прикрепить лишь парой стежков. Однако женщина в новелле не слаба умом, а просто неряшлива. Ежели писатель все-таки строит действие таким образом, что здравая умом женщина подвергает мужа такому унижению, значит, он описывает психологически невозможную вещь. Это свидетельствует о такой ложной способности к суждению, какая просто недостойна большого австрийского поэта".
Вот что может случиться с писателем, если он попадет в руки доктора-невролога (здесь и далее, если это не оговорено, — прим. автора)

- 4 Аделунг (Adelung, Johann Cristoph), Йоганн Христоф (1732-1806) -немецкий филолог, грамматик и литератор (прим. ред.)
- 1 Мурнер (Murner), Томас (1475 — ок. 1537) — немецкий гуманист и сатирик (прим. ред.)
- 1 Книксен (нем. Knicksen) — почтительный поклон с приседанием (прим. ред.)
- 2 Иосиф II (1741-1790) — римско-германский император, сын Марии Терезии (прим. ред.)
- 3 Фридрих Великий (Фридрих II) (1712-1786) — прусский король (с 1740 г.) (прим. ред.)
- 1 Карл II (1630-1685) — английский король (с 1660 г.) (прим. ред.)
- 2 Филипп III (1578-1621) — испанский король (с 1598 г.) (прим. ред.)
- 3 Филипп IV (исп. Felipe) (1605-1665) — испанский король (с 1621 г.) (прим. ред.)
- 4 Мирабо (Mirabeau), Оноре Габриэль Рикетти (1749-1791) — граф, французский политический деятель, оратор и писатель (прим. ред.)
- 5 Онуа (d'Aulnoy), Мари Катрин Лежюмель де Барневиль, графиня д' (1650 или 1651- 1705) — французская писательница, автор волшебных сказок, псевдоисторических романов, а также мемуаров о своем пребывании при испанском дворе (прим. ред.)
- 1 "Синий чулок" — насмешливо-презрительное название женщины, поглощенной учеными интересами и равнодушной к своей внешности и нарядам (прим. ред.)
- 2 Генрих (Henri) IV, называемый также Генрихом Наваррским (1533-1610) — французский король (с 1589 г.), убит религиозным фанатиком Равальяком (Ravaillac) (прим. ред.)
- 3 Людовик XIV (Людовик Великий) (1638-1715) — французский король (с 1643 г.) (прим. ред.)
- 1 Геродиан (III в.) — историк, родом из Сирии, написал историю Империи в восьми книгах от смерти Марка Аврелия до вступления на престол Гордиана III (180-238 н. э.) (прим. ред.)
- 1 Франциск I (1494-1547) — французский король (с 1515г.) из династии Валуа (прим. ред.)
- 2 Ментенон (Maintenon) Франсуаза д'Обинье (мадам де Ментенон) (1635-1719) — фаворитка, затем супруга французского короля Людовика XIV (прим. ред.)
- 3 Этот так называемый Chaise regsee (дырявый стул) заслуживал особого почтения, потому что выделялся с подобающей роскошью. У Екатерины Медичи (жены Генриха II — прим. ред.) их имелось два: один был обтянут голубым, а другой красным бархатом. После смерти мужа она заказала еще и третий, повелев в знак траура обтянуть его в черное.
Когда неаполитанский король Фердинанд IV отправлялся в театр, отдельный отряд эскорта нес за ним привычный предмет мебели под командованием офицера. И каждый театральный вечер повторялось это интересное зрелище; парадный эскорт при свете факелов направлялся из дворца к театру, со стулом высокого назначения в центре. По пути военные отдавали этому шествию честь, офицеры салютовали шпагой наголо.
- 1 Севинье (Sevigne), Мари де Рабютен-Шанталь (1626-1696) — французская аристократка, писательница, прославилась в эпистолярном жанре письмами к дочери графине де Гриньян (прим. ред.)
- 2 Матиаш Хуняди правил в 1443-1490 гг. Проводил политику централизации страны. При нем страна достигла высокого политического, экономического, культурного уровня. Упрочиваются ее международные связи и авторитет. Легендарная личность венгерской истории (прим. перев.)
- 1 Эти, по крайней мере, вместе обедали. Не так, как тот немецкий граф, о котором Ц. Манерс пишет ("Geschichte des weiblichen Geschlecht" ("История женских родов". Ганновер, 1788)), что он вступил в брак с австрийской великой герцогиней по любви и позднее горько жаловался из-за разницы в рангах: "Спать в одной постели нам можно, но есть с ней за одним столом мне нельзя".
- 2 Henri Brochet. *De Rong Et L'etiquette Sous L'ancien Regime*. Париж, 1934, с. 48.
- 3 Монтеспан (Montespan), Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар (1641-1707) — маркиза, фаворитка Людовика XIV (с 1667 г.) (прим. ред.)
- 1 Сервиллизм (от лат. servilis) — раболепный, рабски угодливый (прим. ред.)
- 2 Ян Собеский (1624-1696) — польский полководец, король Ян III (с 1674г.) (прим. ред.)
- 3 Леопольд I (Leopold I) (1640-1705) — император Священной Римской империи (с 1656 г.) (прим. ред.)
- 4 Это очень известные вещи. Интересующиеся подробностями могут с пользой для себя полистать следующие книги: Sauval "Galanteries des rois de France"; Chateaufort "Les favorites de rois de France"; Saint-Edme "Amours et galanteries de rois de France"; шеститомная серия Jean Herez "La regence galante. Les maitresses de Louis XV" и т. д. О похождениях Августа Сильного рассказывает выдержавшая массу изданий книга барона Пельница (немецкого авантюриста, состоявшего на службе Августа III Саксонского -прим. ред.) "La Saxegalante" ("Галантная Саксония"). И так далее и тому подобное.
- 5 Эдвард Хайд Кларендон (Clarendon) (1609-1674) — граф, английский государственный деятель, историк, автор интересной автобиографии (прим. ред.)
- 6 Случай рассказывает Тэн в "Histoire de la litterature anglaise" (III книга, IV глава)
- 7 Густав II Адольф (1594-1632) — король Швеции (с 1611 г.) (прим. ред.)
- 1 Рассказывает Самюэль Баур "Denkwurdigkeiten etc." (Ульм, 1819, VIII, с. 339)
- 2 Кстати, само выражение "курить фимиам" есть порождение феодальных времен. Во время богослужения священник обязан был подойти к сеньору и трижды взмахнуть перед ним кадиллом. Это было важнейшей частью феодальных прав. Во Франции оно существовало под названием "droit de l'eneens".
- 3 Пьер де Ронсар (Ronsard) (1524-1585) — французский поэт (прим. ред.)
- 4 Генрих III (1551-1589) — французский король (с 1574 г.), убит монахом Жаком Клеманом (Jacques Clement) (прим. ред.)
- 5 Достоверности ради привожу две последние строчки в оригинале:
Jupiter el Henri le monde partiront, l'un empereur du del el l'autre de la terre.

- 1 Историю операции подробно излагает с медицинской точки зрения д-р Кабан "La cabinet secret de l'histoire" (Париж, I серия, с. 163)
- 2 Скаррон (Scarron), Поль (1610-1660). — французский писатель, поэт и драматург (прим ред.)
- 1 "Historische Memorabilien etc." Аугсбург, 1934.
- 1 Яков I Стюарт (1566-1625) — король Англии (с 1603 г.) (прим. ред.)
- 2 Карл V (1500-1558) — император Священной Римской империи и король испанский (прим. ред.)
- 3 У Буало:
 - Mais qui massurera qu 'en en se long cercle d'ans
 - A leurs fameux epoux vos Ayeules fidelles
 - Au douceurs des galans furent toujours rebelles?
 - (Но кто гарантирует, что за столько лет
 - Верные супругу праматери
 - Всегда прогоняли галантных соблазнительей?)
- 4 "Reignot predicatoriana " , Дижон , 1841, с. 181 (прим . перев.)
- 1 Альберт Цим "Nouvelles recreations litteraires", Париж, 1921, с . 159.
- 2 Баур "Denkwurdigkeiten", Ульм, 1819, т . VIII, с. 324.
- 3 "... Ce que contribue beaucoup a persuder l'opinion publique, que cette race tient en quelque facon a cette grande race de jesse la plus noble, la plus glorieuse et la plus connue de monde" (...что подтверждает необходимость объявить обществу , что род этот известным образом принадлежит к колену Йессеу , который суть наибольший, наиславнейший и наименее известный из родов человеческих). Заключение комиссии в полном объеме публикует Gourdon de Genouillac "Le mysteres on blason" (Париж, 1868).
- 4 М. Берманн "Alt und neu Wien" . Вена. 1880, с. 628.
- 1 "Legendes et archives de la Bastille". Париж, IV глава.
- 2 Пьер Бейль (Bayle) (1647-1706) — французский философ и критик (прим. ред.)
- 3 См. вокабулу Pinet в "Dictionnaire" Бейля.
- 4 Саксон Грамматик (Saxo Grammatikus) (ок.1150 — после 1216) — нидерландский историк; в его "Gesta Danorum" — хронике датских королей -есть и знаменитая легенда о Гамлете (Amieth) (прим. ред.)
- 1 Карл (Charles) IX (1550-1574) — французский король (с 1560 г.) (прим. ред.)
- 2 Этот герб, а также герб с коренными зубами подробно описывает и дает их рисунки д-р Дюла Мидьяри Кош в своей на редкость легко читаемой и написанной с редким знанием дела книге "Памятники венгерской медицины" (т. III, N 299 и N 1038).
- 3 Патина (от итал. patina) — зеленовато-коричневый налет, тончайшая пленка, образующиеся на предметах из мели, бронзы в результате окисления, происходящего под действием времени или вызываемого искусственным путем (прим. ред.)
- 1 Гутенберг (Gutenberg), Иоганн (наст. имя Иоганн Генсфляйш-цур-Ладен — Johannes Gensfleisch zur Laden) (между 1390 и 1400 — 1468) — нем. изобретатель книгопечатания (прим. ред.)
- 1 Аттическая соль — тонкая, изящная, острая, остроумная насмешка (прим. ред.)
- 1 С памятником этому замыслу встречаются туристы в северо-восточной Шотландии, в полутора милях от Дункансби Хеда. Это место называлось Джои О'Гроут'с хаус. Сейчас из него сделали заманчивую для туристов гостиницу. Застройщик Джон О'Гроут был главой многочисленного семейства. Каждый год члены семьи собирались у него, однако при этом ни конца ни края не было спорам о приоритете. Тогда старый Джон собрался и построил восьмиугольный дом с единственной комнатой, восьмью дверями и восьмиугольным столом посередине. Теперь каждый из главных членов семьи входил через свою дверь, садился на свой стул. Так мудрый старец исключил вопрос о главном месте.
- 2 Фридрих (Friedrich) I (1657 — 1713) — прусский король (с 1701 г.) (прим. ред.)
- 3 "Some choise observations of sir John Finett Knight and master of the ceremonies etc." 1565.
- 4 Карл (Charles) II (1630-1685) — английский король (с 1660 г.) (прим. ред.)
- 1 О церемониях вокруг рождения французских королевичей писал Г. Е. Витковский "Les accouchements a la cow" (Париж). О молниеносных карьерах немецких княжеских младенцев можно прочесть в книге Альвина Шульца "Das bausliche Leben etc." (Мюнхен, 1903). Из нее мы узнаем, например, что, когда крестили великого герцога Леопольда, сына Карла VI, в купель наливали воду из самой реки Иордан, своего новорожденного папа-император заодно тут же и посвятил в рыцари ордена Святого Андрея.
- 1 Карл (Charles) VI (1368-1422) — король Франции (с 1380 г.), Изабелла Баварская (1371-1435) — супруга Карла VI (с 1385 г.) (прим. ред.)
- 2 Ф. Фьюилле де Конше "Causeries d'un curieux". Париж, 1862, т. II, с. 41.
- 1 "Collection des malleuns dissertations", с . 441.
- 2 Французский знаменитый дворянин — Chevalier Bonneret — не носил особого сана, как, например, венгерские государственные деятели. Этого поместного дворянина и даже богатого помещика можно было принять в знаменщики, если он выставлял соответствующий отряд и под своим знаменем помогал королю на войне.
- 1 Ульрих фон Лихтенштейн (Ulrich von Lichtenstein) (ок. 1200-1275) -немецкий дворянин и поэт, автор книги "Frauen Buch" ("Женская книга"), описывающей мораль и обычаи своего времени (прим. ред.)
- 2 О моде на погремушки очень подробно говорится в книге В. Рейнбея "Die gute alte Zeit etc." (Штутгарт, издание А. Шайбле "Das Kloster", 1847,т. 6).
- 1 Филипп IV Красивый (Philippe le Bel) (1268-1314) — французский король (прим. ред.)
- 2 "Projekt Einer Neuen Kleidungsordnung in Wien, Welche Kunftiges Jahr 1787 Beobachtet Werden Soll". Гайн-Готендорф,

VIII, 464. Полный текст помещен в энциклопедии Крюница, 1795, т. XL, с. 233 и далее.

- 1 Граф фон Струэнзе, Иоганн Фридрих (1737-1772) — премьер-министр Дании в 1771-1772 гг.; казнен по обвинению в заговоре (прим. ред.)
- 2 Гамильтон (Hamilton) Джеймс (1606-1649) — английский аристократ; во время гражданской войны командовал шотландской армией; казнен (прим. ред.)
- 3 Граф Холланд (Голланд) Генри Рич (1590-1649) — английский дворянин. аристократ; в ходе гражданской войны был казнен (прим. ред.)
- 4 Лорд Капель (Capel) Артур (1610? — 1649) — английский роялистский вождь, один из лидеров гражданской войны (1648 г.), обезглавлен (прим. ред.)
- 5 Барон Артур Эльфинстон (Arthur Elphinstone) Бальмерино (или Бальмарино) (1688-1746) — представитель древнего шотландского дворянского рода; обезглавлен в 1746 г. (прим. ред.)
- 1 По нашему летоисчислению 1 ноября 1796 года
- 2 "Curiostes theologiques, par un bibliophile". Париж, с. 274. Возможно, были и другие варианты, потому что Мартин Зайлер тоже упоминает о них и сообщает несколько отличный текст (" Epistolische Schatz Kammer". Ульм, 1683. с. 634)
- 1 Диодор Сицилийский (Diodorus Siculus) (I век до н.э.) — греческий историк. автор "Исторической Библиотеки", универсальной истории в 40 книгах, из которых сохранились только I-V и XI-XX (прим. ред.)
- 1 "Tonta pernicitas feritasque est sum amori auri" (Hist. nat. XI, XXXVI)
- 2 Страбон (Strabo) (64 или 63 до н. э. — после 23 н. э.) — греческий географ, в своих трудах описал Европу, Азию, Индию, Сирию и другие части известного ему мира (прим. ред.)
- 3 Брунетто Латини (Brunetto Latini) (1212?-1294?) — флорентийский писатель и политический деятель, друг и учитель Данте; его главное произведение — "Li Livres dou tresor" — по существу, одна из первых энциклопедий (прим. ред.)
- 4 "Li Livres dou tresor". Первый итальянский перевод этого рукописного произведения впервые опубликовали в 1474 году в Тревизо. Оригинал издан снова П. Шабеллем (Париж, 1863).
- 5 Себастьян Мюнстер (Munster) (1489-1552) — немецкий ученый, прославился своей книгой "Cosmographia" (1544) (прим. ред.)
- 6 Inter quae erat formica indica canis mediocris magnitudine, animal mordax et saevum.
- 1 Петер Мартир (Мартире) (настоящая фамилия Вермильи (Vermigli)) (1500-1562) — флорентийский религиозный деятель и ученый, бывал во многих городах Европы, приобрел европейскую известность (прим. ред.)
- 2 Виверра — род млекопитающих, обитает в Юго-Восточной Азии (прим. перев.)
- 3 Подробно материал обработан Белой Тотом в книге "Венгерские редкости" (Будапешт, 1899). Потому даю очень кратко, освежив некоторыми сведениями.
- 1 "De aureo maxillari nueri silesii, primum utrum eius generatio naturalis fuerit, nec ne; deinde an digna eius interpretatio dari quaeat" ("О коренном зубе силезского мальчика: во-первых, было ли его возникновение естественным или же нет; затем, можно ли дать этому соответствующее объяснение". Лейпциг, 1595). Эта редкая книга хранится в библиотеке университета
- 1 Это была распространенная в те времена теория удивления. Просвещенный доктор Жуберв в своей книге о врачебных суевериях, изданной в 1601 году, рекомендует будущим матерям в таких случаях остерегаться подносить руки к лицу, а быстро отводить их за спину, он тут же и советует, куда именно, — там родимое пятно не будет оскорблять ничего зора.
- 2 "Hist. nat." XXXIII, 25.
- 3 В своей работе, вышедшей в свет в 1489 году, "De triplici vita" ("О тройной жизни"). Публикуемый сокращенный перевод взят из книги д-ра Ласло Сатмари "Венгерские алхимики" (Будапешт, 1928).
- 1 Подробные данные о лекарствах, содержащих золото, можно найти в журнале "Breslauer Sammlungen" за июль-октябрь 1722 года, а также в книге доктора Кабаниса "Remedes d'autrefois" (Париж, 1910). (Пьер Жан Жорж Кабанис (Cabanis) (1757-1808) — французский врач и философ (прим. ред.))
- 2 Напомним, что книга Рат-Вега была написана в 1938 г. (прим. перев.)
- 1 Нибург (или Нибур) (Niebuhr), Карл (или Карстен) (1733-1815) — немецкий путешественник, посетил Арабский полуостров. Палестину, Персию, Сирию. Малую Азию (прим ред.)
- 2 "Von ratselhaften hardern". Мюнхен, 1925. Здесь также приводится широкий обзор литературы об Офире.
- 3 Auri sacra fames (лат.) — проклятая жажда золота. Выражение принадлежит Вергилию (прим. ред.)
- 1 Уолтер Рейли (Релей) (1552-1618) — английский мореплаватель, пират, поэт, драматург, фаворит английской королевы Елизаветы I (прим. ред.)
- 2 Александр фон Гумбольдт (Humboldt) (1769-1859) — немецкий натуралист, путешественник, государственный деятель (прим. ред.)
- 1 Генрих II (1133-1189) — английский король (с 1154 г.) (прим. ред.)
- 1 Клеопатра (64-33 до н.э.) — египетская царица с 51 г. до н. э. (прим. ред.)
- 2 L.A.Jaussin "Ouvrage historique et chimique, ou l'on s'il est certain que Cleopatre ait dissous sur-le-champ la perle qu'on dit qu'elle avala dans un festin". Paris, G.Peignot "Du luxe de Cleopatre ses festins avec Jules-Cesar, puis avec Mark-Antoine". Dijon, 1828.
- 3 "Darstellungen Aus Der Sittengeschichte Roms" ("Картины из истории морали Древнего Рима")
- 1 Un ours mal leche (фр.) — неотесанный человек, грубиян (прим. ред.)
- 1 Рассказывает английский историк Гиббон в огромном труде "Roman Empire" (т. I, глава V)
- 1 Паннония (Pannonia) — римская провинция, образованная в 8 году н.э. Название получила от населявших ее иллирийских племен, паннонцев; занимала часть территории современной Венгрии, Югославии, Австрии.
- 1 "Растет любовь к деньгам по мере того, как растет и само богатство" (Ювенал) (прим. ред.)

- 1 Париж, 1801. Его автор Кузен Д'Авалон к старости впал в нищету и, странным образом, погиб точно так же, как обычно умирали его герои, придерживавшиеся голодной диеты. Однажды поутру его нашли перед собором Парижской богородицы: он умер от голода.
- 2 Полное название первой итальянской книги, вышедшей без указания года и места издания, — "Capitoli da osservarsi inviolabilmente da tutti i confratelli dell'onorevole compagnia della lesina". Самый первый ее французский перевод — "La fameuse compagnie de la lesine" (Париж, 1604). Одна из остроумных обработок этих легенд имеется в библиотеке им. Сечени, индекс L, eleg. m. 414 - "La contre-lesine etc." (Париж, 1618).
- 1 Полное название книги "Grammaticae opus novum mira quadam arte et compendiosa, seu Bellum Grammaticale" ("Чудесный и всеобъемлющий труд по грамматике, или Война Грамматическая". Кремона, 1511)
- 1 Мензуральная система записи музыки, обозначающая не только высоту, но и длительность звуков (прим. перев.)
- 2 Звукоряды (прим. перев.)
- 1 "Салернский кодекс здоровья" (прим. ред.)
- 1 Ковач (венг.) — кузнец (прим. перев.)
- 1 Sur vos genoux je sens que d'un dieu minspire;
J'y ferai mille vers pour chanter vos attraits.
Mais tandis qu'apolonn vient y monter ma lyre,
Eh! Le fripon d'amor my blesse de ses traits.
- 2 Его успехи можно понять, если знать его стихотворные импровизации, лиц, о которых идет в них речь, и прочие обстоятельства. Однако едва ли стоит тратить силы на их изучение. Во время фейерверка снопы света расцветают и меркнут во мраке. Единственно для примера представим здесь его импровизацию, которая выпорхнула из его уст во время приема гостей, когда вошла горничная и объявила, что пришел мистер Уинтер, сборщик налогов, он требует уплаты налога. Случайно этот доклад получился у горничной в стихотворной форме:
Please, m. Winter has called for the taxes.
В тот же миг Хук ответил, что ему надо дать все, что он просит, потому что мистер Уинтер не знает шуток:
I advise you to give him whatever he axes.
He isn't the man to stand nonsense or flummery,
For though his name's winter, his actions are summary.
- Чрезвычайное умение импровизатора сказало не только в богатом ритме и рифмах, но и в каламбуре, приведенном в конце: слово summary, с одной стороны, означает, что мистер Уинтер привык действовать суммарно, с другой стороны, произнесенное это слово означает еще и "по-летнему", что воистину прямо противоположно по-зимнему звучащему имени господина сборщика налогов.
- 1 Газета "Отечественный художник" (прим. перев.)
- 2 Серию представлений, концертов (прим. перев.)
- 1 "Бегство Золана" — программное произведение М. Верешмарти (1800-1855) на сюжет эпохи завоевания венграми родины, положившее начало развитию эпической поэмы в венгерской литературе, способствовавшее оформлению исторического самосознания венгров как нации (прим. перев.)
- 2 "Ласкающий" (прим. перев.)
- 1 Маргит Веси рассказывает об этом гораздо подробнее в восьмом номере за сентябрь 1934 года газеты "Пешти напло"
- 1 Исаак Дизраэли (Isaac D'Israeli) Старший (1766-1848) — английский литератор, отец знаменитого политического деятеля Бенджамена Дизраэли; книга, которую упоминает Рат-Вег, представляет собой, сборник литературных и исторических анекдотов (прим. ред.)
- 1 Буквально: выстрелить в козла (нем.). Выражение означает: дать маху, сплеховать, совершить оплошность (прим. перев.)
- 1 Ричард Эджворт (Edgeworth) (1744-1817) — английский изобретатель, педагог, писатель ("Essay on irish bulls" — 1802) (прим. ред.)
- 2 Стрельнуть в козла (венг.) (прим. перев.)
- 3 Будапешт, 1939. Автор — Дюла Халас.
- 1 Оппатия в Югославии (прим. перев.)
- 2 Джан Луиджи Фиеско (Fieschi) (1522-1547) — генуэзский заговорщик, участвовал в заговоре против Андреа Дориа, генуэзского дожа (прим. ред.)
- 1 Перевод Б. Пастернака
- 2 Иакова лестница (прим. перев.)
- 3 Куда достовернее выглядит "Агаида", подсмотренная в музыкальной энциклопедии Йожефа Сага. В одну из биографий музыкантов он протащил собственный перевод выражения "generalbass" — генеральский подголосок. Он думал, что редактор при первом же чтении заметит шутку, но тот принял всерьез. Бела Тот также рассказывает историю Иакова всех Якобов -Фридеша Клаукета. (Пишется тоже для юного поколения.) "Немзет" в вечернем выпуске от 19 июня 1888 года писала об одной из драк в Вене. Художник по имени Кирхнер напал из-за угла на какого-то своего друга и ударил его кастетом по голове. О происшедшем после газета далее пишет: "Нападение могло бы стать роковым, если бы не Фридеш Клаукете, проходивший мимо, он схватил нападавшего и вырвал у него кастет. Кирхнер был в таком агрессивном состоянии, что напал и на Клаукета, но не справился с ним". Телеграмма по-немецки гласила: "Todlicher Ausgang Attentates Wurde Nur Durch Feder Clauehutes Verbindert, An Welcher Ring Abprallte". Скорый журналистский взгляд не усмотрел в названии головной убор, от удара об который и соскочил кастет, принял за имя собственное. То, что журналист дописал и приукрасил историю подробностями, безусловно указывает на его похвально высокий профессиональный опыт.
- 4 Никола Буало (Voileau), называемый Буало-Депрео (1636-1711) -французский поэт и литературный критик (прим. ред.)
- 1 Джамбатиста Марино (Марини) (1569-1625) — итальянский поэт (прим. ред.)

- 2 Бальтасар Грасиан (Gracian-y-Morales) (1601-1658) — испанский философ, писатель-моралист, Рат-Вег упоминает здесь его трактат "Искусство изощренного ума" (прим. ред.)
- 1 Эжен Скриб (Scribe) (1791-1861) — французский драматург (прим. ред.)
- 2 Другие источники, из которых я черпал: Альберт Цим "Recreations litteraires" (Париж, 1920); Курнонски и Бьенсток "Le Musee De Erreurs" (Париж). Обе книги двухтомные. В них накоплен обширнейший материал. Английским материалом занимался наотличку американец В. С. Уолш в книге "Handy-Book Of Literary Curiosities" (Филадельфия, 1892). Интересный и ценный материал содержат статьи венгра Гезы Шупки в номерах журнала "Литература". Там же опубликовали свои коллекции Иштван Кемень и Аладар Берцель. Моя собственная коллекция уже составляет пухлый конверт. Мои читатели, прослышав об этом, стали один за другим присылать мне добытую ими дичь. Наконец материалы совершенно завалили меня так, что я смог обработать только лучшие из них.
- 1 Действительно, такая точка зрения на обычай страуса была широко распространена, но недавно кинематографистам и ученым Англии удалось снять на киноплёнку, как африканский страус в Южной Африке роет лапой ямку в минуту опасности и зарывает в нее на несколько минут голову, пока хватит дыхания (прим. перев.)
- 1 Перевод Б. Федосеева
- 1 Чувствую, что частые указания на места залегания делают чтение кочковатым, но без этого цитаты простреливают анекдотически, и, кроме моментального развлечения, от них ничего не осталось бы. Как я уже много раз говорил, анекдот и курьез — вещи разные. Последний должен быть достоверен.
- 2 Страуса мне уже удалось защитить от обвинения в глупости, теперь мне надо снять с крокодила обвинение в одиссеевой хитрости, которая прилипла к нему многие столетия назад. Какая-то древняя сплетня донесла, что голодный крокодил подражает детскому плачу и приманивает тем ничего не подозревающих матерей, которых он ловит и пожирает. Ради пушшего эффекта даже проливает слезы. Но, если крокодил уж так умен, что ему даже известно, какой эффект производит детский плач на человека, так почему же он настолько глуп, чтобы при этом еще и лить слезы? Ведь обман предназначен только уху, а не глазу. Когда обманутая жертва видит вместо ребенка крокодила, слезы очаровывают ее. Таким образом, "крокодиловы слезы" можно забросить в угол вместе со "страусиной политикой". Правда, когда-то настолько верили в крокодилий рыдания, что посвятили им даже две диссертации на латыни: Христ. Фауц, "Exercitatio historico-physica de crocodilo el in specie de la cymis crocodili" (Лейпциг, 1662), Иоах . Дорнер "Disputatio de la cymis crocodili" (Виттенберг, 1666).
- (Увы, как и "страусиная политика", "крокодиловы слезы" оказались правдой. Научные исследования показали, а кинематографисты многих стран сняли на киноплёнку, что крокодилы, а с ними вместе и черепахи, и другие животные плачут-таки. Таков у них способ выведения избытка солей из организма) (прим. перев.)
- 1 Буквы латинские (прим. перев.)
- 1 Сцевола — букв. "левша", по античному преданию римский герой, юноша, пробравшийся в лагерь этрусков, чтобы убить царя Порсену. Был схвачен, чтобы показать презрение к боли и смерти, опустил правую руку в огонь (прим. перев.)
- 1 Из-за красного одеяния (прим. перев.)
- 2 Город на юго-востоке Италии (прим. перев.)
- 3 Выражение это представляет собой небольшую переделку текста из книги средневекового философа и богослова Фомы Кемпийского "Подражание Христу" и служит возгласом в обряде возведения в сан Папы Римского: в знак призрачности человеческого могущества перед ним трижды сжигается кусок пакли и произносятся эти слова (прим. ред.)
- 1 Закуску (фр.) (прим. перев.)
- 1 Книга была написана до войны в буржуазной Венгрии (прим. перев.)
- 1 Non possumus! (Не можем!) (лат.) — формула решительного отказа, выраженного в категоричной форме (прим. ред.)
- 1 "Memoires des autres: un normalien en 1832" ("Воспоминания других: одна педагогическая школа в 1832 году")
- 1 "Preussische Gesetzsammlung" ("Сборник прусских законов", 1930, 19). Опубликовано в "Die Stimme der Freiheit", 1930, N 10.
- 2 Термин "гонгоризм", обозначающий сложный поэтический стиль, возник от имени его автора — испанского поэта Луиса де Гонгоры (Gongora y Argote) (1561-1627) (прим. ред.)
- 1 Сообщает "Nouvelles litteraires", 1931, июнь, N 13.
- 2 Полный текст появился в так называемом активистском журнале "Ma", в номере от 15 марта 1922 года. Цитируемые ниже отрывки я по большей части взял из номеров этого журнала, издававшегося в Вене. Что касается произведений зарубежных авторов, я был вынужден опираться на их перевод сотрудниками журнала, потому что они наиболее профессиональные знатоки дадаистского языка.
- 1 Маринетти (Marinetti) Эмилио Филипо Томмазо (1876-1944) — итальянский писатель и поэт, основатель футуризма (1909) (прим. ред.)
- 2 Курт Швиттерс (Schwitters) (1887-1948) — немецкий писатель и артист, известность получил благодаря своим театральным рельефным конструкциям в духе дадаизма; стихи писал, слагая их из заголовков газетных статей (прим. ред.)
- 1 Тцара (Tzara), Тристан (1896-1963) — французский поэт и эссеист румынского происхождения, один из основателей дадаизма (прим. ред.)
- 2 Мне известен только французский текст. "Plus de ponctuation. Les adjectifs, les adverbes et les locutions conjunctives etant supprimees, la ponctuation s'annule naturellement, dans la continuite variee d'un style vivant, qui se cree luimeme, sans les arrrets absurdes des virgules et des points. Затем он высказывает свой главный принцип : "Etre compris n'est pas necessaire" (необязательно быть понятым)...
- 1 Арп (Arp), Ганс (1887-1966) — французский поэт и художник немецкого происхождения, один из основателей дадаизма (прим. ред.)
- 1 Жан Кокто (Cocteau) (1889-1963) — французский поэт, драматург, художник (прим. ред.)
- 1 Агон — древнегреческое спортивное соревнование на присуждение назначенного приза (прим. перев.)

- 2 Данные о великих людях, подозревавшихся в колдовстве собрал Габриэль Ноде (Naude) (1600-1653), библиотекарь кардинала Мазарини, а позднее и шведской королевы Христины. Книга называется "Apologie pour les grands hommes faussement soupconnes de magie" (Париж, 1625). Она являет интересный пример того, как уже в начале XVII века был отнюдь не напрасным труд заботиться об опровержении всяких расхожих глупостей. Более того, из семи французских изданий книги самое последнее вышло в 1712 году! Ее немецкий перевод был сделан еще позднее, в 1787 году ("Veber den Zauberglauben und andere Schwarmerein: oder vertheidigung berumter Manner etc.").
- 3 Йокаи Мор (1825-1904) — выдающийся венгерский прозаик, романтик (прим. ред.)
- 1 Петефи Шандор (1823-1849) — выдающийся венгерский поэт (прим. ред.)
- 1 Перевод Л. Мартынова (прим. пер.)
- 1 Правильно Shakespeare (прим. ред.)
- 1 Французский текст письма сообщает Рудольф К. Гольдшмит в своей книжечке "Der kluge Zeitgenosse" (Лейпциг, 1930).
- 2 Цитаты я взял из уже упоминавшейся книжки Р. К. Гольдшмита. В этом маленьком сборнике содержится много прочей интересной и современной поэту критики, особенно характерны немецкие выпады против Гете.
- 1 Человек с улицы (англ.) (прим. ред.)
- 2 В этом что-то есть. Обычно они сами ощущают этот недостаток и стараются его поправить, участвуя во всевозможных кратковременных курсах. В Нью-Йорке расплодилось множество таких учебных бистро.
- 1 Ныне город Клуж в Румынии (прим. перев.)
- 1 "Oratio super fatalibus hoc tempore academiarum periculum, publice recitata in academia rintelensi 1631, ibidemque impressa eodem anno" ("Речь о роковых опасностях настоящего времени для академий; публично прочитано в ринтгольской академии в 1631 году и там же отпечатано в том же ГОДУ").
- 1 "Путешествие Ганса Пфаалля на Луну" (прим. перев.)
- 1 *Puisse-t-il, avoue du dieu de l'Helicon, / Pres de toi reposer au temple de memoirs! / Un sort aussi flatteur suffiroit a ta gloire. (O, боже! Подари мне, Геликона ничтожному слуге, / Во храме Памяти отдохновение у славных ног его, / И большей мне в судьбе не надо славы.)*
- 1 Парацельс (Paracelsus), настоящее имя Бомбаст фон Хохенгейм (Bombast von Hohenheim) Филип Аврелий Теофраст (1493-1541) — немецкий алхимик, врач; родом из Швейцарии (прим. ред.)
- 1 *Ut autem id fiat, hoc modo procedendum est; sperma viri per se in cucurbita sigillata putrefiat summa putrefactione ventris equini per quadraginta dies, aut tandiu donec ineipiat videre et moveri ac agitari, quod facile videri potest. Post hoc tempus aliquo modo homine simile eret, ac tamen pellucidum et sine corpore. Etc.*
- 2 С этим интересным дневником я познакомился по следам книги Жана Фино "La philosophie de la longevite". Впервые она будто бы вышла в оккультном альманахе "Le sphinx", но я не смог его достать. В биографическом словаре Вюрцбаха я обнаружил трех Францев Иосифов Куэффштейнов; тот, о котором здесь речь, наверное, был Францем Иосифом III (1752-1818), богатым австрийским вотчинным помещиком, придворным чиновником в Вене.
- 1 Текст приговора сообщает Б. Варэ в книге "Curiosites judiciaires" (Париж, 1859, с.390). В немецкой литературе XVII века случай также часто цитируется. Я встречал его в следующих книгах: Г. Ф. Харшдерфер "Der Grosse Schauplatz etc." (Гамбург, 1649-52), Э. Г. Хаппель "Relationes curiosae" ("Особые приговоры". Гамбург, 1683-91), М. Абеде "Metamorphosis telae judicariae" ("Метаморфозы суда". Нюрнберг, 1684).
- 2 Парламент в то время означал верховный суд
- 1 Вергилий (Virgil), Публий Вергилиус Марон (70-19 гг. до н.э.) — великий римский поэт (прим. ред.)
- 2 "Constat in lusitania circa olisiponem oppidum et tagum annem equas, favonio flante, obversas animaleml conlipere spiritum, idque partum fieri, et gigni perniciosissimum ita: sed triennium vitae поп excedere" (т. VIII, с. 42).
- 3 "Hippomanes", среди Заметок в этой работе.
- 4 Немецкий перевод появился в 1751 году во Франкфурте. Его полное название "Lucina sine concubitu, d.i. ein Brief an die Konige. Societal der Wissenschaften, worinn auf eine unwidersprechliche ein Frauenzimmer ohne Zuthun eines Mannes Schwanger, werden und ein Kind zur Welt bringen konne".
- 1 Грекур (Grecourt), Жан Батист Жозеф Виллар де (1683-1743) — французский поэт (прим. ред.)
- 1 С теорией и историей палингенеза я встречался в следующих работах:
L'abbe de Vallemont "Curiosites de la nature". Париж, 1753.
Pierre Leburn "Histoire critique des pratiques superstitieuses". Париж, 1702.
Karl von Eckartshausen "Ausschlusse zur Magie". Мюнхен, 1806.
Louis Figuier "L'alchimie et les alchimistes". Париж, 1860.
Французское название диссертации Дигби — *Diseours sur la vegetation des plantes* (1661). Упомянутый в ней под латинизированным именем Кверцетан на самом деле есть Джозеф Дюшесн, широко известный ученый, домашний врач Генриха VI. Более поздние последователи палингенеза ссылаются на него через Дигби. Конечно, сложнее проследить по его работам, где он, возможно, пишет о 12 колбах поляка. Возможно, его оригинальное свидетельство прозвучало бы по-другому, чем цитирование из вторых рук. Однако известно, как безумные его скрывают свое увлечение, они не хотят сдвигать с огня вожденную колбу, чтобы содержимое не распалось в прах.
- 1 Я научился тому, что в чрезвычайных случаях целесообразно ссылаться на соответствующих свидетелей. О чудесах на каирском кладбище свидетельствуют следующие писатели:
Филипп Камерарий, сын великого гуманиста Иоахима, сам он тоже известный ученый, сенатор в Нюрнберге, советник гессенского курфюрста, вице-канцлер альторфского университета. Его труд — "Centuria historica" (Лейпциг, 1628).
Александр Шуленбург, военный и путешественник. Сражался в Венгрии против турок. Один из его сопровождающих сообщил об этом случае Камерарию.
Симон Гулар, женеvский пастор, поэт и историограф. Его книга — "Histoire admirable de nostre temps" (Париж,

1607).

В Венеции в середине XVI века вышла книга, описание пути одного из венецианских послов "Viaggio di messer aligi di giovanni, di alessandria nelle indie". Этой книги я не знаю, моя ссылка основана на ссылке Гулара, который сам ссылается на ссылки одного французского и одного немецкого путешественников.

- 2 Я написал подробную статью о самых старых жителях в мире в моей книге "Венгерские курьезы"
- 1 "De principum valetudine tuenda" ("О сохранении здоровья князьями". Падуа, 1710).
- 1 Аполлоний Тианский (I в. н. э.) — странствующий философ-пифагореец (прим. ред.)
- 1 Купер-Оукли "Count of Saint-Germen". Милан, 1912
- 1 Обещали они и другое. Таким беспримечательным средством был алкаэст. Особенно славу ему пел Ван Хельмонт. Алкаэст растворяет и плавит все материалы: металл, дерево, стекло, драгоценные камни, гравий, растения, мясо, кости. Как тепло съедает снег. Будто бы Ван Хельмонт сам его открыл и экспериментировал с ним. Закрыв в стеклянном сосуде уголь и дерево, с помощью алкаэста за три дня они превратились в жидкость молочного цвета. Вокруг алкаэста возникла авторитетная литература. Наконец тоже алхимик, Кункель, охладил восторги одним невинным вопросом: если алкаэст все растворяет, то каким образом оказалось возможным, что он не растворил стеклянного сосуда, в котором проводились опыты? Алкаэст больше не встречался среди чудесных средств алхимии.
- 2 Арнольд (Арналидус) Вилланованус (Villanovanus) (ок. 1235-1312)
- -каталонский врач, астролог, алхимик (прим. ред.)
- 1 Ретиф де Ла Бретонн (Restif de La Bretonne), Никола Эдм (1734-1806) — французский писатель (прим. ред.)
- 2 Первое издание книги вышло на латыни во Франкфурте в 1742 году. Название этого наиболее распространенного предка немецких изданий — "Der wieder lebende Hermippus, Oder Curiose Physicalisch-Medicinische Abhandlung von der seltenen Art sein Leben durch das Anhauchen Junger Magdchen bis auf 115 Jahr zu Verlangen, aus einer Komischen Denckmahl Genammen, aber mil medicinischen grunden Befestigt ets." von J. H. Cohausen, 1753.
- 1 Парацельс (1493-1541) — врач и естествоиспытатель, один из основателей ятрохимии (прим. перев.)
- 2 Особо рекомендуются следующие строки: Ut lupus imbelles violentos territet agnosa / Ut timidus faevos exhorret / Dama Molossos Sic haec incutiant mortalibus arma timorem. (Как свирепый волк держит в страхе пугливых овец, / Как кроткий олень опасается диких болоховских собак, / Так это оружие пусть будит в смертных страх.) Эти строки гремят устрашающе даже для тех, кто их не понимает.
- 3 У этих клинков имеются собственные имена: Balmung (Зигфрид), Excalibur (король Артур), Joyeuse (Карл Великий), Courtin (датчанин Огьер), Haute-Clere (Оливер), Durandal (Роланд) и т. д.
- 1 Sanyis menstruus primus virginis (кровь первой менструации девиственницы).
- 2 Авл Геллий (Aulus Gellius), ок. 123 — ок. 165 гг. до н.э. — римский писатель. Его знаменитые "Аттические ночи" содержат самые разнообразные сведения об античной культуре, истории, литературе и о естественных науках (прим. ред.)
- 1 См. вышедшую в 1644 году в Братиславе книгу известного медика Руланда Яноша Давида "Pharmacopora nova in qua reposita sunt stercoга etc." Для отращивания усов и волос на голове в ней рекомендовался мышинный помет.
- 1 "Amphitheatrum sapientiae socraticae joco — seriae etc". Nanoviae, 1619.
- 1 См. Сальг Ж. Б. (J. B. Salgues) "Des erreurs et des prejugas etc." Париж, 1825, III, 439.
- 1 "Allerneuste Nachricht vom Romisch-Kaiserl. Hofe, nebst einer kustuhrichlen historichen Bestchreibund der Kaiserlichen Residenz — Stadt Wien". Hannover, 1730, с.636.
- 2 Имре Сентпетери "История филологического факультета". Будапешт, 1937.
- 1 "La vie privee d'antrefois. Les medecins". Париж, 1892, 106 и след. стр.
- 2 Бурхава (или Бургава) (Boerhaave), Герман (1668-1738) — знаменитый голландский врач XVIII столетия (прим. ред.)
- 1 "Arnaldi di Villanova opera". 1505, 250 verso.
- 2 "Tableau de Paris". Амстердам, 1782, т. 1, LXXVIII глава.
- 3 Archimathaus "De instructione medicis". Рукопись XII века. Опубликовано в апрельском номере медицинского журнала Ciba за 1938 г. др. А. Г. Шевалье.
- 1 Петер Апор (1676-1752) — венгерский историк, занимавшийся, главным образом, изучением истории Трансильвании (прим. перев.)
- 1 Михай Черей (1669-1756) — историк, занимался изучением венгерской истории периода 1661-1711 годов (прим. перев.)
- 2 Петер Пазмань (1570-1637) — видный деятель венгерской антиреформации, епископ (прим. перев.)
- 1 "Диалог об опасной природе пьянства и вакханалии". Клуж. 1552.
- 2 "Зеркала человеческой морали и Божественной справедливости". Дьер, 1740.
- 3 "Collectanea Curiosa Theologica Historica, Oder: Eine nutzliche Sammlung satyricher Straff-Schriften etc." Leipzig und Francfurt, 1735.
- 4 "Von Den Greuwbichen Laster Der Trunckenhagt etc." Augsburg, 1528 Даты дальнейших изданий: 1531, 1533, 1534, 1539, 1550, 1559, 1609, 1610, 1691.
- 1 Jus potandi oder Zechrecht, Durch Blasium Multibibum aufgesetzt, und jetzt aus d. Latein ubers. per Joannam Elisabetham de Schwinutzki (1615; более поздние издания: 1616, 1620, 1627, 1645, 1656, 1669, 1675, 1690). Настоящее имя автора и переводчика, скрытое псевдонимами, неизвестно. Достоверность данных, изложенных в написанной с хорошим вкусом, более того, с хорошим винным вкусом книжечке подтверждается и другими авторами, так, летописцем XIV века Kanzow (цитирует E. Sturtevant "Vom guten Ton im Wandel der Jahrhunderte". Берлин, 1917, с. 175).
- 1 Vulpus: "Curiositäten der physisch-literarisch-artistisch-historischen Vor- und Mitwelt". Веймар, т. 10, с. 145.
- 2 J. Scheible "Das Schaltjahr". Stuttgart, 1846, I, 360.

- 3 По-немецки это звучит еще лучше: "Da solltet ihr Herren und Fursten dazutun!" — "Ja, mein lieber Herr Doktor, wir tun freilich, dazu, sonst war es langst abgekommen". (Из книги Sturtevant, которую мы уже цитировали, с. 172.)
- 4 О больших бочках можно прочитать в книге Бельи Тота "Венгерские диковины" (Будапешт, 1899 г.). Указанные в ней размеры большой бочки из Таты я дополнил указанием из газеты "Любезность" (N 13 за 1824 г.): "Пробкой в ней служила красивая бочечка размером в один аки, а вокруг нее могли разместиться 6 конных повозок".
- 1 Hans Sachs вспоминает о нем в еще более простой форме;
- "Jampinus ein kuhner Held / in Flandern und Brabant erwahlt, / ein Konig, streng und frumm, / regiert in seinem Konigthum" ("Витязь Гамбринус, / Избранник Фландрии и Брабанта, / кроткий, строгий король руководит страной").
- 1 Более весомые подробности можно прочесть в книге Макса Бауэра "Deutscher Frauenspiegel" (Мюнхен, 1917).
- 2 "Judas der Erzscheml". II, 105. [Абрахам а Санта Клара (наст. имя Иоганн Ульрих Мегерле (Megerle, 1644-1709) — немецкий монах и проповедник, писатель, прим. ред.)
- 1 Нострадамус (наст. имя Мишель де Нотредам — Michel de Nostredame), 1503-1566 — французский врач и астролог, опубликовал книгу стихотворных предсказаний "Центурии", которой прославился на века (прим. ред.)
- 2 Казот (Cazotte), Жак (1719-1792) — французский писатель, казнен во время французской революции как роялист (прим. ред.)
- 3 Артемидор (Artemidorus Daldianus) (II век н. э.) — знаменитый греческий предсказатель и толкователь снов, автор книги "Oneirocritica" ("Толкование снов") (прим. ред.)
- 4 Название базельского издания 1539 года: Artemidorus Daldianus "De somnium interpretatione libri quinque, iam primum a Jano Cornario latina lingua conscripti" ("6 толкований снов (написанные) пять книг, впервые переведенные на латынь Янусом Корнарием"). Издание Ф. С. Крауса на немецком языке: Symbolik der Traume, Вена, 1881 год.
- 1 Вышедший в 1799 году венгерский сонник предлагал ярмарочной публике такое название: "Улучшенный сонник, составленный в алфавитном порядке и снабженный цифрами для Лотереи, объясняет ночные видения и сны. К нему добавлен малый иллюстрированный сонник, из которого следует, каким цифрам соответствует увиденное во сне".
- 1 "Predictions de Maurice Privat"
- 1 August A. Thomen "Don't believe it! says the Doctor". New-York, 1935.
- 1 См. интересный репортаж Жана Галтье-Буасье в ноябрьском номере "Grapouillot" за 1937 год.
- 1 Об этом сообщает Шандор Деметер в "Ethnographia" за XI год.
- 1 "Souvenirs prophetique d'une sibylle sur les causes de son arrestation" (1815). "Anniversaire de la mort de Josephine" (1815). "L'oracle sibyllin ou suite des souvenirs prophetique" (1817). "Memoires historiques et sekrets de l'imperatrice Josephine" (1820).
- 1 Богарне (Beauharnais), Александр (1760-1794) — французский генерал, гильотинирован .
- 1 Известный оккультист Максимилиан Перти в сборнике собранных им материалов пишет, что Наполеон обращался к ясновидице, в частности, в 1793, 1801, 1805, и 1807 годах ("Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur". Лейпциг, 1872, т. II, с. 250). Из какого источника получены эти сведения, выяснить не удалось.
- 2 "Le cabinet de l'histoire". Париж , 1905, т. II, с. 259.
- 3 В "Советском энциклопедическом словаре" (Советская энциклопедия, 1982) на 775 странице указывается, что Колумб открыл Мартинику в 1502 году (прим. перев.)
- 4 ... als eine von ihrer Wohnung nicht eben allzuweit abgelegene besondere Retirade und recht furstlicher Hof- und Lustgarten, zu ihrer Recreation angewiesen, also dass sie sich nach Belieben da hinein und auch wieder davon weg begeben konnten.
- 5 Йокаи Мор (1825 — 1904) — венгерский писатель
- 6 Пьер Бейль в своем "Словаре..." посвятил статью из пяти колонок об этом случае под вокабулой: Штофлер.
- 7 Нифо (Nifo), Августин (или в латинизированной форме Августинус Нифус) (1473? — 1538) — итальянский философ (прим. ред.)
- 8 Гора на берегу Дуная в центре Будапешта, ее высота 235 метров (прим. перев.)
- 9 Подробные сообщения об этом случае публиковались в берлинском "Vossische Zeitung" в номерах от 3, 14 и 17 апреля 1750 года. Об этом же сообщалось на 233 странице I тома "Book of Days" Чемберса.
- 10 Швабхедь — гора в Будапеште, ныне — гора Свободы (прим. перев.)
- 11 Стилихон (Stilicho), Флавий (ок. 365 — 408 г. н. э.) — римский полководец и государственный деятель (прим. ред.)
- 12 Эти предсказания собрали и издали Александр в 1841-1856 годах в Париже, Фридлих — в 1852 году в Лейпциге, Геффекен — в 1902 году там же.
- 13 Вильмош Толнаи (1870-1937) — лингвист, действительный член венгерской академии наук (прим. перев.)
- 14 Бюффон (Buffon), Жорж Луи Леклерк (1707-1788) — французский ученый-натуралист (прим. ред.)
- 15 Dry Nagel stecken bier vor Augen,
Die mag ein jeder Springer schaugen:
Der erst zwolt Schuh hoch von der Erd,
Den Herzog Christoph ehrenwerth
Mit seinem Fuss herab that schlagen...
/ Перед глазами — три гвоздя,
Прыгун их видел хорошо:
двенадцать футов от земли, так высоко
был нижний гвоздь, который славный герцог
Криштоф так легко сбивал ногой.../
- 16 Миклош Толди — герой былины Петера Илошваи Шеймеша (XVI век)
- 17 Kuonrad lief bis git andern Nagel
Wohl von der Erd zehenthalb Schuh.

/Конрад добежал до второго,
Его высота были пятнадцать футов./

Глагол *lief* также подтверждает, что речь шла о беге на стену, а не о прыжках. Об этом пишет А. Э. Богенг в своей работе "Geschichte des Sports aller Volker und Zeiten" (Лейпциг, 1926, т. 1, с. 183). Там же он упоминает, что бег на стену из Франции попал в Германию. Об этом пишет также Рабле.

- 18 "Homo ludens" ("Человек играющий"). Амстердам, 1939
- 19 Карл Линей (1707-1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира (прим. перев.)
- 20 "Martin Zeiller's Epistolische Schatzkammer" (Ульм, 1683). Книга очень мило начинается: "Grossgustiger, nach Stands-Gebuhr zu ehrender, geneigter Leser!", т.е. "Уважаемый в степени, приличествующей его рангу, благосклонный читатель!" Автор как на подносе вручает читателю возможность выбора степени почитания. Каждый может выбрать себе то, что ему больше нравится.
- 21 Статья "Робер" в "Dictionnaire historique et critique"
- 22 Квинтилиан, Марк Фабий (ок. 35 — ок. 100 г. н.э.) — римский риторик, автор знаменитого трактата "Воспитание оратора" (прим. ред.)
- 23 Антал Орсег — венгерский писатель середины XIX века (прим. перев.)
- 24 Напечатано в I томе книги "Венгерская старина и странности" Золтаном Трочаньи
- 25 "Du Dandysme et de G. Brummel". Coen, 1845.
- 26 Этой короткой выдержкой я хотел только сослаться на дендизм. Кроме д'Оревиля, существовал еще один прекрасный историк дендизма -Жак Боленже. В своей книге "Les Dandys" (Париж, 1907) он публикует библиографию в отношении Бруммеля и очень интересно, опираясь на достоверные данные, показывает мир денди в Париже столетней давности. Уличными фигурами Парижа занимается и книга Ch. Yriarte "Paris grotesque et les celebrities de la rue" (Париж, 1864).
- 27 Репортаж из "Neues Wiener Tagblatt" от 21 марта 1931 года. О сигнале "SOS" я читал, что он совсем не означает "Save Our Souls" ("Спасите наши души"), как это принято считать, эти три буквы выбраны совещанием радиотелефонистов, состоявшимся в 1912 году, потому что их проще всего передать, и сделать это в состоянии даже начинающий радист: три точки, три тире, три точки. Ранее существовал сигнал CQD.
- 28 Об этом рассказывает в своей книге "England und Italien" ставший писателем бывший прусский солдат Я. В. Архенбольц.
- 29 Об этом случае рассказывается в интересной книжечке, которая вышла в 1796 году в Лейпциге под названием "Originalzuge aus dem Charakterenglischer Sonderlinge". Автор не называет себя, лишь в предисловии говорит, что материал он выбрал из авторитетных английских журналов ("European Magazin", "Gentlemen's Magazin" и т. д.)
- 30 Об этой истории рассказывает издание 1637 года: "The Phoenix of these late Times; or the life of Henry Welby, Esq., who lived at his House, in Grub Street, forty four years, and in that Space was never seen by any; and there died Oct. 29. 1636, aged eighty four".
- 31 "English excentrics and exentricities". Лондон, 1877.
- 32 Нинон де Ланкло (Ninon de Lenclos, 1620-1705) — знаменитая французская куртизанка, хозяйка привилегированного салона, где собиралось изысканное аристократическое общество (прим. ред.)
- 33 Опубликовано на 234-235 стр. XXXVI тома "Экономико-технологической Энциклопедии" Крюница в 1794 году.
- 34 Опубликовано в прекрасном двухтомном сборнике "Testamens remarquables" Г. Пеньо (Париж и Лондон, 1829)
- 35 Извиняюсь за вопрос, но что происходит с кошкой после смерти? Бывшая любимица попадает, видимо, в лапы живодера, под видом меха лисы становясь предметом женской моды. Ушли в прошлое добрые времена древнего Египта, когда кошек как святых животных в забальзамированном виде хоронили в выбитой в камне могиле. В 1890 году возле Бени-Хасана обнаружили большое кошачье кладбище. Там было собрано 180 тысяч кошачьих мумий. Нашлись предприниматели, которые увидели блеск бизнеса во тьме пещеры. Они закупили все содержимое кладбища. Они думали, что эти мумии можно будет хорошо продать в качестве декоративных предметов, украшений или для политических митингов. На двух судах все мумии были доставлены в Ливерпуль, а там организовали аукцион. Но святые животные годились только на удобрение. Весь груз был распродан по весу: на тонны. Подсчеты показали, что 11 мумий стоили 1 пенни.
- 36 G. P. Philomne "Le livre des singularites". Дижон и Париж, 1841, с. 275 Под этим псевдонимом скрывается ученый библиограф Габриэль Пейно.
- 37 Там же, с. 273.
- 38 Claud Golding "Cavalcade of History". Лондон, этот же год, с. 892.
- 39 Кавалер д'Эон (Eon de Beaumont, 1728-1810) — французский политический авантюрист (прим. ред.)
- 40 Chambers ("The hook of Days". Лондон, 1864, т. II, с. 634), Bulau ("Geheime Geschichten und ratselhafte Menschen") приводят, видимо, ошибочные данные, что в остальных случаях пари были признаны недействительными. А вот Архенбольц ("England und Italien", т. II, с. 104) утверждает, что остальные участники пари не поверили в показания свидетелей и ко времени его последнего приезда в Лондон (1779) пари были еще не решены. Миру пришлось ждать до 21 мая 1810 года, дня смерти кавалера д'Эона, когда врачи раскрыли тайну: кавалер был мужчиной.
- 41 В той же книге Чемберса, в процитированном выше месте.
- 42 О Киселаке можно прочесть в книге Бермана "Alt- und Neu-Wien" (Вена, 1880, с. 1078).
- 43 Лукиан (ок. 120 — после 180) — древнегреческий писатель, сатирик (прим. ред.)
- 44 A. Brierre de Boismont "Du suicide et de la folie suicide". Париж, 1856, с. 9.
- 45 Источники: прежде всего уже упомянутый великолепный сборник Габриэля Пейно "Testamens remarquables" (полное название: "Choix de testamens anciens et moderaes remarquables par leur importance, leur singularite or leur bizarrein", Париж и Дижон, 1829, т. 2);

Chambers "The book of Days" (Лондон , 1863, т. 2);

Vulpius "Curiositäten der physisch-literarisch-artistisch-historischen Vor- und Mitwelt" (Веймар , 1813). Отдельные материалы публиковались в разных книгах и старых газетах. Они не настолько важны, чтобы ссылаться на каждую из них по отдельности. Газеты постоянно сообщают о странных, главным образом, американских завещаниях, но невозможно определить, где действительный случай, а где — анекдот. Я не знаю американских законов, но в современной Европе такие закрученные юридические творения ничего не стоят. Или их сразу объявляют недействительными из-за нарушения формальностей, или к ним цепляются обманутые наследники, которые со ссылкой на содержание завещания доказывают, что завещатель был сумасшедшим в самом обычном смысле этого слова. Среди юридических образов суда "homo ludens" не значится.

- 46 Аккурзий (Accursio), Франческо (1182-1260) — итальянский юрист, профессор права в Болонье, автор авторитетного труда по римскому праву "Glossa ordinaria" или "Glossa magna" (1220-1250) (прим. ред.)
- 47 Рабле (Rabelais), Франсуа (ок. 1483 — 1553) — великий французский сатирический писатель, автор бессмертного романа "Гаргантюа и Пантагрюэль" (прим. ред.)
- 48 Иштванффи Миклош (1538-1615) — венгерский историк, написавший полную историю Венгрии XVI века (прим. перев.)
- 49 Батори Жигмонд(1572-1613) — князь Трансильвании (прим. перев.)
- 50 Гуцков Карл (1811-1878) — немецкий писатель и публицист (прим. перев.)
- 51 Геллерт Кристиан (1715-1769) — немецкий писатель Просвещения (прим. перев.)
- 52 Жанекен Клеман (ок.1475 — ок. 1560) — французский композитор, много работавший в жанре изобразительной музыки (прим. перев.)
- 53 Sprichwörter für Sopran, Alt, Tenor und Bass, componirt von Jos. Haydn. In Partitur gebracht und herausgegeben von Ad. Kaim. Мюнхен, 1807
- 54 Этот контрабас, видимо, так и остался после праздника в Дрездене. Барон Пельниц в написанных в XVIII веке мемуарах рассказывает, что саксонский курфюрст завел его в музыкальный зал, где на стенах по кругу висели одни контрабасы. В центре зала стоял огромный контрабас, достающий до самого потолка. Герцог сыграл на нем, бегая вверх и вниз по лестнице.
- 55 Samuel Baur "Denkwürdigkeiten aus der Menschen, Volker- Und Sittengeschichte". Ульм, 1819-34, т. X, с. 292.
- 56 Клопшток (Klopstock), Фридрих Готтлиб (1724-1803) — немецкий поэт, критик (прим. ред.)
- 57 Относящиеся к нему и его семье подробные биографические данные собирал Густав Гугитц. Франц Граффер посвятил ему небольшой раздел в венских "Мелочах" ("Kleine Wiener Memoiren etc." Мюнхен, 1918. Данные Гугитца можно прочесть в примечаниях, помещенных на стр. 313-316 тома I.) О нем говорится в "Musikalisches Conversations-Lexikon" Менделя, а также в биографической энциклопедии Фетиса " Biographie universelle des musiciens".
- 58 Упоминает о нем Баур в вышеуказанном сборнике (т.VI, с. 362).
- 59 Данные о лечении душ музыкой можно встретить еще в книге Della Porta "Magiae Naturalis libri XX" (Неаполь, 1589). Занимается этой темой и Дизраэли: "Curiosities of Literature", глава "Medical Music". Среди современных авторов активно занимался ею Н. Chomet: "Effets et influence de la musique" (Париж, 1874).

Интересный обобщающий материал публикуется в книге Dr. Cabanes "Remedes d'autrefois" (Deuxieme serie, Париж , 1913, глава "La musique dans le maladies". Автор подробно излагает результаты экспериментов с психическими больными.)

- 60 Страделла (Stradella), Алессандро (1644-1682) — итальянский певец и композитор (прим. ред.)
- 61 Bourdelot "Histoire de la musique et de ses effets". Париж, 1715.
- 62 Гален, Клавдий (ок. 130 — ок. 200 н. э.) — древнеримский врач (прим. перев.)
- 63 Перевод Т. Щепкиной-Куперник.
- 64 Пифагорейцы — приверженцы идеалистического учения в философии, идущего от древнегреческого философа и математика Пифагора (ок. 580 — ок. 500 гг. до н. э.) (прим. ред.)
- 65 Профессор Йовайского университета Др. Эрнест Хорн подсчитал, сколько возможных звучаний имеет английское слово "circumference". Даже первый слог имеет 21 различных вариант звучания. Это же можно сказать и об остальных слогах. Всего насчитывается 396 миллионов вариантов. Ровно столько или приблизительно, профессор не указал.
- 66 Маколей (Macaulay), Томас Бабингтон (1800-1859) — английский историк, публицист и политический деятель (прим. перев.)
- 67 Расчеты и случай с Маколеем приводятся в книге У. Джонса "Credulities Past and Present" (Лондон, 1880, с. 283 и следующие).
- 68 Речь идет здесь: о представителях династии Селевкидов в Сирии, основателем которой был Никатор (358/354 — 281 гг. до н. э.) — сподвижник Александра Македонского; Скопас (IV в. до н. э.) — греческий скульптор и архитектор; Спартак (I в. до н. э.) — римский раб и гладиатор, возглавил восстание рабов, вошедшее в историю как восстание Спартака; Сейян Луций (ум. в 31 г. н. э.) — фаворит императора Тиберия, командовал преторианской гвардией (прим. ред.)
- 69 Не знаю, много ли аналогичных мудрых выводов содержит те оккультнистские труды, о которых мне известны лишь их названия. Содержание их мне не знакомо. Названия их поучительны:
Cazeneuve "Les hommes celebres caracterises par leurs noms" (Париж, 1880);
Mouesau de la Villirouet "Recherches sur les fonctions providentielles des dates et des noms dans les annales de tous les peuples" (Париж, 1852);
A. Rochetal "Une science nouvelle l'Onomatologie la caractere par le prenom, suivi de la liste des prenomms usuels avec l'explication des qualites et defauts que chacun d'eux impose a celui qui la porte" (Париж, 1908).
Из более старых:
D. G. Moller "De nominum fatalitate" (Алторф , 1684);
J. H. Stass "De omine in nomine" (1735).

- 70 Клапка Дьердь (1820-1892) — один из организаторов и руководителей венгерской национальной армии во время Революции 1848-1849 годов в Венгрии.
- 71 А ведь английские метрические книги в состоянии вынести многое. В приходской книге в Олд Свайнфорде красуется указывающее на знатное происхождение имя: Dancell Dallphebo Marc Antony Dallery Gallery Caesar, сын господина Dancell Dallphebo Marc Antony Dallery Gallery William.
- 72 Об именах пуритан можно прочесть в книге П. У. Бэрдли *Curiosities of Puritan Nomenclature* (Лондон, 1882).
- 73 Самый обширный материал содержит раздутая до двухлистового формата книга врача эссенского двора М. Б. Валентини *Musaeum Musaeogum* (Франкфурт, 1704-1714). Более интересна книга Ц. Ф. Найкеля *"Музография"* ("*Описание музеев*". Лейпциг и Бреслау, 1727). Ученый автор прямо посвятил свой труд Святой троице ("*Ich dedicire meine geringe Arbeit denen dreyen hohen Personen der Gottheit, nemlich Gott dem Vater, Sohn und Heiligem geiste etc., etc.*"). Более скромные цели ставит перед собой книга Й. Д. Кеблера *"Anweisung fur reisende gelehrte etc."* (Франкфурт и Лейпциг, 1762). Подробно разбирает и анализирует коллекции энциклопедия Крюница в разделах *"Kunstkammer"* и *"Naturalien-Kammer"*. Собственную коллекцию описывает, делая научные отступления, Я. Хр. Кундманн (*"Rariora naturae et artis"*, т. е. "Редкости природы и искусства". Бреслау и Лейпциг, 1737).
- 74 Все это своими глазами видел известный английский естествовед Генри Бейкер; он написал об увиденном в своей книге, которая в переводе на французский язык вышла в 1754 году под названием *"Le microscop a la portee de tout le mond "*.
- 75 *"Nouveau voyage en Italie etc."* La Haye, 1702, т. III, с. 103. К этому музейному разделу относится также микроскопическое письмо и мини-книги. О них я уже писал в своей работе *"Комедия книги"*. В этой же книге я подробно останавливался на коллекционировании книг, поэтому сейчас я не буду связываться с маньяками-библиофилами.
- 76 Другой оценки заслуживает современный коллекционер, который собирает шедевры микротехники не для того, чтобы любоваться ими с почтением, достойным Фидия. Он просто стремится собрать коллекцию материалов по истории искусств. Крупнейший в мире коллекцией может похвалиться француз Жюль Шарбне. Причем по праву, ибо он 38 лет своей жизни потратил на то, чтобы собрать двадцать шесть тысяч экспонатов. Есть среди них платиновое колечко, которое настолько мало, что может быть надето только на самый кончик зубочистки. Есть в коллекции, естественно, и классическая черешневая косточка, в которой можно обнаружить множество животных, нашедших в ней кров для себя. Верблюд выполняет библейский завет: проходит через игольное ушко. Здесь можно увидеть и даже услышать лилипутское пианино. Играть на нем можно, но клавиши расположены так тесно, что нажимать их можно только тонкой иглой. Современную технику представляет 7,5-сантиметровый радиоприемник, который принимает передачи на расстоянии 6 километров.
- 77 Случай описывает сам Бюхнер в анонимно изданной книге *"Merkwürdigen Beytrage zu dem Weltlauf der Gelehrten"* (Лангензальц, 1766).
- 78 *"Musiciana"* (Париж, 1877; с. 348).
- 79 *"L'acoustique"* (Париж, 1867). На немецком языке: *"Die Lehre vom Schall"* (Мюнхен, 1869).
- 80 Фишарт (Fischart), Иоганн (1546-1590) — немецкий юрист и сатирик, упоминаемое Пат-Вегом сатирическое произведение *"Der Flohhaz"* направлено против женщин (прим. ред.)
- 81 J. B. Kuchelbeckers *"Allerneueste Nachricht vom Romisch-Kayser Hofe, nebst einer ausführlichen, historischen Beschreibung der Kayserliche"*. Ганновер, 1730.
- 82 "Эрдейи" на венгерском языке означает "трансильванец".
- 83 Бочкаи Иштван (1557-1606) — венгерский феодальный руководитель антигабсбургского движения в начале XVII века (прим. перев.)
- 84 Текеи Имре (1657-1705) — князь Трансильвании, руководитель антигабсбургского движения в конце XVII века (прим. перев.)
- 85 Безоаровый (бородатый) козел — парнокопытное животное семейства полорогих. Обитает в горах на некоторых островах Греческого архипелага, в Юго-Западной и Средней Азии, на Кавказе (прим. перев.)
- 86 *"Traictee del l'origine, vertus, proprietiez et usage de la pierre bezoar"* (Монпелье, 1623).
- 87 О рыбе реморе ходили слухи, что она приклеивается к корме судна и способна остановить корабль, идущий под всеми парусами на полной скорости. Это выяснилось на основании заслуживающих веры наблюдений моряков. Орбис — рыба шарообразной формы, набирающая в себя воздух и скользящая на волне по ветру. Говорят, что ее чучело, даже будучи подвешенным в комнате, всегда поворачивается в направлении ветра.
- 88 Эта слабость сделала носорога популярным и у поэтов средних веков. Филипп де Таон так писал о нем:
La met une pucelle (Девственницу там оставь
Horst de sein sa mamelle С голыми персями,
Et par odurement. Запахом свежей травы
Monoceros le sent. Манит она единорога.)
89 J. Catelan *"Discurs von der Natur, Tugend, Eigenschaften und Gebrauch des Einhorn"* (Толеф, 1605. Французское издание: Монпелье, 1624); J. Chr. Stolbergk *"De unicornu"* ("О единороге". Липс, 1652); Fr. Chr. Berenius *"De monocerote"* (Липс, 1667); J. Bartholinus *"De unicornu"* (Амстел, 1678); S. F. Prenzelius *"De unicornu"* (Витт, 1675); P. L. Sachsius *"Monocerotologia sive de unicornibus"* (Рацео, 1696); G. K. Kirchner *"Disputationes zoological die Basilice unicornu etc."* (Йен, 1733). Этот последний труд является печальным свидетельством состояния науки в начале XVIII века. Больше того, в конце XVIII века, в 1796 году в научном журнале *"Voigt's Natural der Physik"* было опубликовано высказывание одного голландского путешественника, согласно которому другой голландец рассказал ему, что третий голландец в Южной Африке застрелил удивительное животное: голова как у лошади, а из середины лба растет рог толщиной в руку. Жаль, что не нашлось четвертого голландца, который доставил бы этот рог домой.
- 90 Разбор психологии потрясения не входит в мою задачу. Но на основе опубликованного в 1689 году в журнале *"Monatliche Unterredungen"* объявления можно представить теленка, на голове у которого был нарост, по форме полностью повторявший модную в то время дамскую прическу "фонтань". По мнению автора объявления, корове наверняка понравилась какая-то модная дама.

- 91 Oligerus Jakobaeus "Museum Regium etc." ("Королевский Музей". Хафниум, 1696).
- 92 "Hist. anatom. rar." ("История анатомических редкостей" Центр. I. Ист. 4).
- 93 Lusus naturae, лит. Игра природы (прим. ред.)
- 94 "Vue Philosophique de la gradation naturelle des formes de l'etre ou les essais de la nature". Амстердам, 1768.
- 95 Маккиавелли (Machiavelli), Никколо (1469-1527) — итальянский политический деятель, философ, писатель (прим. ред.)
- 96 Лафонтен (La Fontaine), Жан де (162.1-1695) — французский писатель, поэт, баснописец (прим. ред.)
- 97 Жанну д'Арк (Jeanne d'Arc), известную под именем Орлеанская Дева (1412-1431) — национальная героиня Франции, возглавила вооруженную борьбу французов против англичан, канонизирована (прим. ред.)
- 98 Глупость руанских судей уступает только глупости тех современных писателей, которые считают доказанным, что Жанна д'Арк всегда носила с собой мандрагору. Более того, они считают, что Густав Адольф также отправлялся на битву с мандрагорой в кармане. Я не называю их имена, чтобы они не визжали, когда я вытащил их на свет.
- 99 Эрнеи Йожеф: "Врачи горняцких поселений в XVI-XVII веках". "Медицина", 1905.
- 100 Об этом сообщает У Маннхарт ("Zauberglaube und Geheimwissen" Берлин, 1895).
- 101 Колиньи (Coligny), Гаспар (1519-1572) — французский адмирал и религиозный деятель, лидер французских гугенотов, погиб в Варфоломеевскую ночь (прим. ред.)
- 102 Маззини (Mazzini), Джузеппе (1805-1872) и Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807-1882) — итальянские патриоты, возглавляли борьбу за освобождение Италии от австрийского владычества (прим. ред.)
- 103 Першинг (Pershing), Джон Джозеф (1860-1948). по прозвищу Блэк Джек — американский генерал, начальник генерального штаба армии США (1921-24), лауреат Пулитцеровской премии за книгу "My Experiences in the World War" за 1931 г. (прим. ред.)
- 104 Борджиа (Borgia), Лукреция (1480-1519) — представительница печально знаменитой и очень влиятельной в XV и XVI веках итальянской фамилии испанского происхождения (прим. ред.)
- 105 Декарт Рене (1596-1650) — французский философ, математик, физик и физиолог (прим. перев.)
- 106 "Пусть в это верит кто угодно, только не я" (Гораций, 1 V, 100).
- 107 Для упрощения в дальнейшем я использую выражение "средние века", даже если речь идет о случаях из XVI-XVII веков, ибо в них отражается средневековое право.
- 108 In effigie, лат. — заочно (о смертной казни) (прим. ред.)
- 109 Тайберн — место публичных казней в Лондоне (прим. ред.)
- 110 Об этом сообщает Шарль Демар в своем великолепном сборнике документов "Curiosites des anciennes justices" (Париж, 1867, с. 376).
- 111 В 18-м томе "Collection des meilleures dissertations etc." (Г. Лебер, Я. Б. Салге, Я. Гохен).
- 112 Савонарола (Savonarola), Джироламо (1452-1498) — итальянский религиозный деятель, реформатор (прим. ред.)
- 113 Ф. Норк "Die Sitten und Gebrauchen der Deutschen etc." Штуттгарт, 1849, с.946.
- 114 Что касается приводимых ниже случаев, вместо подробного перечисления источников я сошлюсь на полную и точную библиографию, составленную Э. П. Эвансом. На 362-371 страницах книги "The criminal prosecution and capital punishment of animales" (Лондон, 1906) перечислены все книги и труды, связанные с судебными процессами животных.
- 115 Ita est, лат. -Да, именно так. На средневековом канцелярском языке это выражение означало формулу, подтверждающую соответствие копии оригиналу (прим. ред.)
- 116 Папиниан (Papinian), Эмилий (ок. 140-212 н. э.) — римский юрист и государственный деятель, личный друг императора Септимия Севера (прим. перев. и ред.)
- 117 Кеведо (Quevedo y Villegas), Франсиско де (1580-1645) — испанский писатель, сатирик, философ.
- 118 Фламарион Камиль (1842-1925) — французский астроном, автор известных научно-популярных книг (прим. перев.)
- 119 Зуав (фр. zouave), зуавы — части легкой пехоты во французских колониальных войсках. Эти части комплектовались командованием главным образом из жителей Сев. Африки и добровольцев-французов (прим. ред.)
- 120 На один экземпляр я наткнулся в Венской Национальной библиотеке, в разделе 44. В. 5.
- 121 Честерфилд (Chesterfield), Филип Дормер Стенхоп (1694-1773) — английский политический деятель, дипломат, писатель-моралист, прославился своими знаменитыми "Письмами к сыну" (прим. ред.)
- 122 Форель (Forel), Огюст Анри (1848-1931) — швейцарский невропатолог, психиатр, пионер в области сексуальной гигиены, энтомолог и общественный деятель (прим. перев. и ред.)
- 123 Menu detail, baisers donne's et pris Давать, получать поцелуи — ерунда,
- La petite-oie enfin se qu'on appelle По-французски это зовут "petite-oie",
- En bon francais les preludes d'amour Так называют прелюдию страсти в любви.
- Лафонтен
- 124 Вайнхольд (Weinhold), Карл (1823-1901) — немецкий ученый, профессор филологии в Бреслау, Кракове, Граце, Киле и Берлине (прим. ред.)
- 125 Саладин (Салах-ад-дин Юсуф ибн Айюб) (1137/1138-1193) — египетский султан (с 1174 г.), основатель династии Айюбидов и один из величайших мусульманских героев (прим. перев. и ред.)
- 126 Диц (Diez), Фридрих Кристиан (1794-1876) — немецкий философ и ученый, профессор филологии в Бонне, много внимания уделял поэзии трубадуров (прим. перев.)
- 127 Брантом (сеньор de Brantome), Пьер де Бурдейль (Bourdeille) (1540-1614) — французский писатель, автор

исторических хроник своего времени, И. Рат-Вег цитирует его книгу "Жизнеописание галантных дам" (прим. ред.)

- 128 Кринолин — широкая юбка на обручах из стальных полос или китового уса (прим. перев.)
- 129 Фруассар, Жан (ок. 1337 — после 1404) — французский хронист, поэт. В "Хрониках" отразил события 1327-1400 гг., восхваляя подвиги рыцарей (прим. перев.)
- 130 При подготовке книги я пользовался изданием Тика, выпущенным в 1812 году в Штуттгарте под названием "Frauendienst, oder Geschichte und Liebe des Ritters und Sangers Ulrich von Lichtenstein, von ihm selbst beschrieben".
- 131 Штирия — земля (адм. единица) в Австрии. Административный центр — Грац (прим. перев.)
- 132 Бела IV (1206-1270) — король Венгерского королевства с 1235 года. Из династии Арпадов (прим. перев.)
- 133 Эта награда также была непонятным для нас институтом эпохи рыцарства. Она называлась "Beiliegen auf Glauben". Заклучалась она в том, что добившийся милости рыцарь мог лечь рядом с дамой и провести с ней ночь, но "оставаясь в рамках чистоты и чести". Он должен был поклясться, что не посягнет на добродетель дамы, и рыцарь хранил верность клятве.
- 134 Чтобы дать некоторое представление о поэзии Ульриха Лихтенштейна, мы приведем здесь небольшой отрывок из произведения, сочиненного рыцарем-поэтом под влиянием разрыва. Оригинальный немецкий текст модернизирован Тикком.

Mich reut, dass ich meine Jahr Я уж жалею, что столько лет
Habe verdummet also gar. Прожил так глупо ,
Urn ein Weib, Лишь ради женщины,
Die mir nimmer einen Tag, Которая ни дня
Volliglich vergelten mag, Полностью не могла дать мне,
Da ihr Leib, Ибо ее тело,
Und ihr Muth. Как и характер,
Nun nicht ist wie erst so gut. Уже не такие, как раньше,
Da sie mich. Чтоб, сгорая ,
Bracht an sich. Я был ее рабом.
- 135 Тангейзер (Tannhauser) (ок. 1200 — ок. 1270) — немецкий поэт-миннезингер (прим. перев.)
- 136 Галилея — историческая область в Северной Палестине (прим. перев.)
- 137 В греческой мифологии Зевс поручил Парису, сыну царя Трои Приама, рассудить споривших между собой о своей красоте богинь Геру, Афину и Афродиту. Парис признал победительницей спора Афродиту и вручил ей яблоко ("яблоко раздора") ("Советский Энциклопедический словарь", 1982) (прим. перев.)
- 138 Монтескье (Montesquieu), Шарль Луи (1689-1755) — французский правовед, просветитель, философ, писатель (прим. перев.)
- 139 Рамбуйе — город во Франции, летняя резиденция президентов Франции. Королевский замок (прим. перев.)
- 140 Мольер (Moliere), наст. имя Жан Батист Поклен (Poquelin), (1622-1673) — французский актер и драматург (прим. ред.)
- 141 Бальзак (Balzac), Жан Луи Гёз де (1597-1654) — французский писатель, один из первых членов французской академии, его произведения считаются образцом классической французской прозы (прим. ред.)
- 142 Бюсси-Рабютен (Bussy-Rabutin), Роже (1618-1693) — французский военачальник и писатель, прожил жизнь, полную приключений, прославился своей книгой "Любовная история галлов" (прим. ред.)
- 143 Сервантес (Cervantes Saavedra), Мигель (1547-1616) — великий испанский писатель, автор знаменитого "Дон Кихота" (прим. ред.)
- 144 Аутодафе [порт. auto-de-fe, акт веры] — оглашение и последующее приведение в исполнение приговоров инквизиции, в частности публичное сожжение осужденных на костре (прим. ред.)
- 145 Чичисбей — в Италии XVIII века постоянный спутник состоятельной дамы, сопровождающий ее на прогулках и в увеселениях (прим. перев.)
- 146 Спинола (Spinola), Амброджио ди Филиппо, маркиз де лос Балбасес (1569-1630) — итальянский военачальник (генерал), состоявший на испанской службе (прим. ред.)
- 147 Баноци, Йозеф (1849-1926) - венгерский литературовед, лингвист (прим. перев.)

Иштван Рат-Вег

История человеческой глупости

Издательство: Феникс, 1996 г.

Суперобложка, 640 стр.

ISBN 5-87905-021-1

Тираж: 10000 экз.

Формат: 84x108/32

Перевод с венгерского Е. Д. Калитенко и Ю. М. Рогова.

OCR: liosha